

ПЕСНИ
И РОМАНСЫ
РУССКИХ
ПОЭТОВ

Советской
Искусств

ПЕСНИ И РОМАНСЫ
РУССКИХ ПОЭТОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПЕСНИ И РОМАНСЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
В. Е. Гусева*

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД • 1965

В книге собраны произведения русских поэтов XVIII — начала XX века, ставшие песнями и популярными романсами. Наряду с выдающимися поэтами здесь широко представлены малоизвестные и забытые авторы, чьи стихотворения прочно вошли в историю русской вокальной лирики.

ПЕСНИ И РОМАНСЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

Стихи по-настоящему воспринимаются на слух. И лишь в той мере, в какой поэзия музыкальна, она отвечает своей собственной природе.

Возникнув в глубокой древности как безымянное коллективное песенное творчество, поэзия и позже, став индивидуальным искусством поэтов, долгое время развивалась в неразрывной связи с музыкой. Стихи не читались, а пелись под аккомпанемент музыкальных инструментов в Древней Греции; певцами были и средневековые поэты — миннезингеры и менестрели; под звуки гуслей исполняли свои произведения и первые полулегендарные древнерусские поэты Баян и Митуса. Народная поэзия до сих пор остается по преимуществу песенной. Лира стала у европейских народов эмблемой поэтического творчества, а за стихами, выражающими мысли и чувства поэта, закрепилось наименование лирики.

Разъединенная с музыкой, но сохранившая в себе некоторые родовые ее приметы — ритмику, интонационную подвижность и выразительность, развившая свою собственную музыкальность и звукопись, поэзия все же испытывает непреодолимое стремление снова слиться с музыкой. Песни и романсы часто возникают даже помимо намерения авторов стихов. Лишь немногие поэты стремились стать песенниками, и среди них прежде всего вспоминаются имена Сумарокова, Попова, Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова, Цыганова, Кольцова. Но гораздо больше таких поэтов, чьи стихи стали популярными песнями или романсами, хотя сами авторы не предназначали их для пения. Нет, пожалуй, ни одного крупного русского поэта, чьи стихи, положенные на музыку, не звучали бы в концертных залах, музыкальных салонах или

гостиных, в домах горожан — любителей пения или в крестьянской избе, на улице или в поле. Особенно удивительна судьба тех поэтов — и таких особенно много! — чьи имена в истории поэзии почти забыты, чьи книги уже давно никем не читаются, а из всего, что было создано ими, сохраняются лишь те стихи, которые стали крылатыми песнями. Иногда автор такой песни — забытый, а то и неизвестный поэт — заново открывается исследователем, его имя возвращается истории поэзии и с благодарностью повторяется далеким потомством. Кто из литературно образованных людей теперь не знает авторов доживших до нашего времени песен Е. Гребенки («Молода еще девица я была...»), С. Стромилова («То не ветер ветку клонит...»), И. Макарова («Однозвучно гремит колокольчик...»), А. Аммосова («Хас-Булат удалой...»), Д. П. Давыдова («Славное море, священный Байкал...»), А. Навроцкого («Есть на Волге утес...»), Д. Садовникова («Из-за острова на стрежень...») и других. Ряд имен — быть может, впервые для себя — узнает читатель и из этой книги... Но если авторство многих текстов популярных песен уже установлено, то гораздо меньше мы знаем об авторах мелодий, благодаря которым в значительной мере песни эти и сохранились в памяти последующих поколений.

Какие же стихи русских поэтов приобрели вторую жизнь в качестве песен? Какие из них пелись в узком кругу музыкально грамотной интеллигенции, а какие распространялись широко, становились популярными и даже народными (а это не одно и то же)? Все ли они сохранялись в памяти поющих в том виде, как вылились из-под пера поэта, или в устном бытовании претерпели изменения? Чтобы ответить на эти вопросы с исчерпывающей полнотой и установить закономерности перехода стихов в песню, потребовалось бы не одно специальное исследование. Многие в этом направлении уже сделано.

Изучение литературных источников русских песен ведет свою историю с конца XIX — начала XX века. Пионерами в этой области были известные филологи и фольклористы В. Н. Перетц и В. И. Чернышев.¹ С иной стороны к изучению истории русской

---

¹ В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, т. 1, Из истории русской песни, ч. 1 и 2. — «Записки историко-филологического факультета СПб. университета», т. 54, вып. 2 и 3, СПб., 1900 (в дальнейшем — В. Н. Перетц); В. И. Чернышев, Сведения о некоторых городах Тверского, Клинского и Московского уездов. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 75, СПб., 1904.

песни подошли музыковеды — их интересовали сведения об авторах музыки на слова русских поэтов.¹ Незадолго до Октябрьской революции исследователи занялись изучением перехода стихотворений в литературно-музыкальный быт, в песенники и лубочные издания.² Эта работа была успешно продолжена советскими учеными в 20-е годы.³ Наиболее полным для своего времени обобщением предшествующих исследований и оригинальным опытом в этой области были работы И. Н. Розанова.⁴ Хотя в ряде положений, высказанных им, отразилась господствовавшая в те годы вульгарно-социологическая методология, но его исследования — благодаря богатству фактических сведений и точным, свежим наблюдениям над художественной природой песен — сохраняют свою ценность.

Изучением песен и романсов литературного происхождения занимались и другие советские фольклористы и литературоведы — Н. П. Андреев, Ю. М. Соколов, В. И. Чичеров, А. М. Новикова, А. В. Позднеев. Специальные разыскания вели и музыковеды — Б. Вольман, Е. Гиппиус, А. Глумов, М. Друскин, Т. Ливанова, А. Шилов, В. Васина-Гроссман, Д. Житомирский, А. Сохор, Б. Добровольский и другие, чьи работы, к сожалению, недостаточно учитываются историками русской поэзии.⁵ Новые исследования и

---

¹ Н. В. Финдейзен, Русская художественная песня (романс). Исторический очерк ее развития, М. — СПб., [1905]; Н. В. Финдейзен, Сборники российских песен XVIII века. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 31, 1926; Н. В. Финдейзен, Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. 1—2, М. — Л., 1926—1929 (в дальнейшем — Н. Финдейзен, Очерки); Игорь Глебов, Русская поэзия в русской музыке, Пг., 1922 (в дальнейшем — И. Глебов).

² Н. Трубицын, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века, СПб., 1912; А. С. Якуб, Современные народные песенники. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 19, кн. 1, 1914.

³ П. М. Соболев, Песенники 90-х годов XVIII в. — «Литература и марксизм», 1928, № 6, с. 85—114; В. И. Симяков, Народные песни, их составители и их варианты, М., 1929.

⁴ И. Н. Розанов, От книги — в фольклор (Какие стихи становятся популярными песнями). — «Литературный критик», 1935, № 4, с. 192—207; Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века). Редакция, статьи и комментарии Ив. Н. Розанова, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1936 (в дальнейшем — И. Н. Розанов).

⁵ Ссылки на работы названных и других исследователей — филологов и музыковедов — читатель найдет в комментариях к публикуемым текстам.

публикации расширяют и уточняют наши представления о русской вокальной лирике, о месте произведений русских поэтов и композиторов в устном репертуаре масс. Но все же остается еще много неясного в истории русской песни и романса. Здесь предстоит большая и увлекательная работа.

1

Еще лет десять назад, когда вышли в свет последние издания сборников, подготовленных И. Н. Розановым, создавалось впечатление, что первым русским поэтом, чьи стихи стали петься, был М. В. Ломоносов, да и у него в устный обиход вошло только одно стихотворение. В действительности же «оживление» поэзии музыкой, проникновение стихов в музыкально-поэтический быт, как установлено в последнее время, началось значительно раньше.

В средневековой Руси устная народная поэзия и литература (письменность) хотя и соприкасались чаще, чем это принято думать, все же устная поэзия оставалась по преимуществу песенной, письменность же поэзии в собственном смысле этого слова долгое время не знала. Первые известные нам русские стихи (вирши) датируются концом XVI — началом XVII века, но о судьбе их в интересующем нас плане ничего достоверного неизвестно. Самая ранняя из дошедших до нас авторских «песен» XVII века — анонимные стихи о «весновой службе»¹ — в музыкально-поэтический быт не проникла. Элементы индивидуального литературного творчества можно усмотреть лишь в некоторых песнях, записанных в 1619—1620 годах для английского путешественника Р. Джемса. Песни П. А. Квашнина и других авторов XVII века, созданные как стилизации в духе народной любовно-бытовой лирики,² по-видимому, остались фактом литературы — может быть, именно потому, что не могли внести в быт ничего принципиально нового по сравнению с народной песней.

И все-таки, когда мы переходим в XVII век, здесь уже нет недостатка в фактах, которые со всей очевидностью свиде-

---

¹ Демократическая поэзия XVII века. Вступительная статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и примечания В. П. Адриановой-Перетц, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1962, с. 105—106.

² Там же, с. 21—23. Ср.: В. В. Данилов, Сборники песен XVII столетия Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 2, М.—Л., 1935, с. 165—180.

тельствуют, что виршевая поэзия того времени была, в сущности, даже более песенной, чем книжной. Правда, первоначально это были преимущественно духовные гимны, или псалмы, — трехголосные песни, исполнявшиеся хором без инструментального сопровождения (а сарелла). В «Лексиконе славеноросском», составленном Берындою и изданном в 1627 году, уже находим и соответствующие определения: «Псалом — пение, песенка, игранная на инструменты, або спеваная песнь» и «Песнь — песенка, так спеваная, як граная...». Указание в «Лексиконе» на инструмент не должно смущать: оно воссоздает каноническое представление о пении религиозных гимнов в сопровождении струнного инструмента древних евреев. На Руси же, в музыкально-поэтическом обиходе, псалма — не то же, что псалом, и исполнялась она не как «граная», а как «спеваная песнь», без аккомпанемента. Среди авторов псалм XVII века следует назвать в первую очередь Дмитрия Ростовского, чьи произведения перешли в рукописные песенники XVIII века, и монаха Новоиерусалимского монастыря (под Москвой) Германа, чьи песни встречаются в песенниках с начала 1680-х годов и доходят до XIX века (их можно встретить, например, в сборнике П. Бессопова «Калики перехожие»).¹

Особенно же замечательна стихотворная «Псалтырь» Симеона Полоцкого, опубликованная в 1680 году и тогда же положенная на музыку композитором В. П. Титовым, первым выдающимся мастером хоровой музыки («Псалтырь рифмотворная», содержащая 135 псалм).² «Псалтырь» Полоцкого — Титова представляет собой важный факт русской музыкально-поэтической культуры конца XVII века, порывающей с церковно-каноническим стилем. Псалмы Полоцкого — Титова исполнялись не в культовых целях, а в домашнем быту и удовлетворяли уже больше эстетическим, нежели религиозным чувствам русских людей той эпохи. Именно

---

¹ См.: С. А. Щеглова, Богогласник. Историко-литературное исследование, Киев, 1918, с. 263; Т. А. Ливанова, Русская музыкальная культура XVIII века в связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы, т. 1, М., 1952, с. 481, Приложение, с. 88—89 (в дальнейшем — Т. А. Ливанова); А. В. Позднеев, Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — «Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института», т. 1, М., 1958, с. 8, 16 и др. (в дальнейшем — А. В. Позднеев).

² Нотные образцы см.: Т. А. Ливанова, Приложения, с. 86—88, №№ 28—33. О бытовании псалм Полоцкого — Титова в XVIII в. см. там же, т. 1, с. 57—58. Титову принадлежит также музыка на «Месяцеслов» С. Полоцкого.

здесь берет свое начало традиция оригинальных переложений русскими поэтами псалмов, которые служили им удобной, хотя и не всегда безопасной формой выражения передовых философских и общественных воззрений (Ломоносов, Державин, Пушкин). В рукописных песенниках XVIII века встречаются псалмы на стихи Полоцкого и с музыкой неизвестных композиторов (например, «Муж буй в сердцы глаголаше...»), что лишний раз свидетельствует об их популярности. Проникли в песенники и другие произведения С. Полоцкого — например, восемь стихотворений из «Рифмологиона». Таким образом, Полоцкий по праву может считаться первым известным русским поэтом-песенником, чье творчество вылилось в формы, обусловленные характером и уровнем современной ему культуры.

В XVII веке, наряду с духовными псалмами, появляются и светские песни. Зародыши любовной лирики некоторые исследователи видят уже в переложениях «Песни песней» Ф. Скорины (XVI в.) и М. Хонькова (1670-е годы).¹ Но, независимо от «Песни песней», среди псалм конца XVII — начала XVIII века появляются тексты, далекие по своему содержанию от традиционных для древнерусской поэзии мотивов. Так, в рукописный сборник «Псалмы душеполезные», хранящийся в Государственной публичной библиотеке в собрании Ф. И. Буслаева, включено восемь приветственных и любовных песен. В другом сборнике, «Канты и псалмы», также принадлежавшем Буслаеву, находим застольную песню неизвестного автора, где, между прочим, есть такая строфа:

Покинем все печали,
Гуляючи с друзьями,
Любовью будем жарки,
Примёмся все за чарки.²

Тематика светских песен конца XVII — начала XVIII века оказывается довольно разнообразной — здесь и описания баталлий, и поздравления царей с победой, и песни о воссоединении Украины с Россией, и о пользе учения (например, «Отроче юный, из детства учися...» С. Полоцкого), и даже о «свободности» и о «фортуна», но преимущественно это песни застольные («Для чего не веселиться...», «Здравствуй тот, кто пьет...», «Пейте, братцы, попейте...») и песни любовного содержания — достаточно чувствительные и

---

¹ А. В. Позднеев, с. 26.

² Н. Финдейзен, Очерки, т. 2, с. 190.

даже галантные. Последние долгое время приписывались В. Монсу, но современные исследователи полагают, что большая их часть принадлежит неизвестным поэтам и, возможно, какой-то талантливой поэтессе Петровского времени.¹ Правда, песни светского содержания занимали в песенном репертуаре XVII века еще весьма скромное место. По подсчетам А. В. Позднеева, в известных нам песенниках XVII века встречается свыше 440 песен, и из них только 20 разрабатывают «мирские» сюжеты (некоторые из них, впрочем, распространялись в большом количестве вариантов — например, песня «Ах, свет горький...» насчитывает их до тридцати).² Как можно заключить на основании изучения рукописных песенников, светская песенная виршевая поэзия бытовала преимущественно в средних слоях городского населения. Именно эта демократическая городская среда и составила ту аудиторию, к которой прежде всего и обратятся Феофан Прокопович, Кантемир, Тредиаковский и Ломоносов и которая на протяжении всего XVIII века окажется наиболее восприимчивой к песнетворчеству русских поэтов и композиторов. Она станет и основным передатчиком новых песен в крестьянскую массу, хотя многие эти песни усваивались крестьянами и непосредственно от музицирующих дворян, особенно в помещичьих усадьбах.

Между светскими псалмами XVII века и романсами середины XVIII века лежит безбрежное, еще мало исследованное море так называемых кантов (от латинского *cantus* — пение, песня), то есть бытовых песен светского содержания, сначала, как и псалмы, трехголосных, а затем одноголосных, отличавшихся от псалм четким членением на куплеты, ясностью и отчетливостью ритма, но исполнявшихся также без музыкального сопровождения.³

Интенсивное «обмирщение» поэзии и соответственно с этим вытеснение псалм кантами началось в Петровскую эпоху. Сам Петр I не любил инструментальную музыку, но увлекался вокальной и поощрял пение, особенно хоровое, на разных торжествах, во время церемоний и праздников, где в первую очередь исполнялись канты-«виваты», то есть панегирические патриотические песни военно-исторической тематики. Так, специально сочиненные неизвестными авторами «виваты» исполнялись во время торжеств по случаю взятия Азова, первых успехов в войне со шведами, взя-

---

¹ А. В. Позднеев, с. 79—80.

² Там же, с. 14.

³ Иногда термин «кант» употребляется и в более широком значении, обнимая собою и псалмы, которые в таком случае рассматриваются как первоначальная разновидность канта.

тия Нарвы и Дерпта, Полтавской битвы, Ништадтского мира.¹ Известно до шестидесяти текстов на взятие Азова, Шлиссельбурга, Нарвы, в честь Петра и Меншикова. Один из них — «Свете Российский, славою венчаный...» — принадлежит, очевидно, Дмитрию Ростовскому. Около двадцати песен посвящено Полтавской битве («Днесь льва гордыни конец приближися...», «Орел ко солнцу ныне возлетает...» и т. д.), лишь для одной из них удалось установить авторство: «Изми мя, боже, вопиет Россия...» — принадлежит Стефану Яворскому. Некоторые из этих песен сохранились в песенниках до 70-х годов XVIII века. Сражению с турками 1711 года посвящен один из ранних кантов на слова Феофана Прокоповича — «За Могилою Рябою...». Канты 1720-х годов приобретают особенно панегирический, даже помпезный и вычурный тон, они очень растянуты (некоторые достигают 60 и даже 90 строк); неудивительно, что их сохранилось в рукописных песенниках значительно меньше, чем кантов конца XVII — начала XVIII века. Жанр торжественного панегирического канта к 1730-м годам явно изжил себя, приобрел характер официального гимна.

Зато по нарастающей линии идет развитие кантов застольных и любовных, авторов которых в большинстве случаев установить невозможно. Известно, что в 1726 — 1728 годах, находясь на службе в Преображенском полку, любовные песни писал Кантемир. В этом сам поэт признался во второй редакции своей IV сатиры (1737 г.):

Довольно моих поют песней и девицы
Чистые и отроки...

В примечании к сатире в издании 1743 года Кантемир вновь подтвердил: «Сатирик сочинил песни, которые и поныне поются».² Правда, поэт «горько кается», что «дни золотие» «непрочно стратил», «пища песни тые», поэтому он и не проявил никакой заботы о своих песнях. Нам до сих пор так и неизвестно, какие же именно песни из распевавшихся «девицами чистыми и отроками» в 20—40-е годы XVIII века принадлежат Кантемиру.

Более «предусмотрительным» оказался Тредиаковский: любовные песни, сочиненные им между 1725 и 1730 годами, поэт опубликовал в приложении к своему переводу французского романа

¹ См.: Н. Финдейзен, Петровские канты. — Известия АН СССР, 1927, серия 6, т. 21; Н. Финдейзен, Очерки, т. 1, с. 337—338, Приложения, с. L—LVII; А. В. Позднеев, с. 39, 53.

² Антиох Кантемир, Собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956, с. 117.

«Езда в Остров любви» (1730). Впрочем, независимо от этого, песни Тредиаковского вошли в многочисленные рукописные песенники, и, как установил историк русской музыки, «именно рукописные сборники кантов... утверждают великую роль Тредиаковского в русской бытовой поэзии и музыке середины XVIII века». ¹ Действительно, канты Тредиаковского занимают центральное место в рукописных песенниках 1730—1750-х годов, а его опыт оказал сильнейшее воздействие на других безымянных авторов, усвоивших в песенном творчестве реформу русского поэта. Именно в области песнетворчества Тредиаковский, этот неудачник, не понятый многими современниками, ставший предметом насмешек последующих поэтов и критиков, приобрел завидную популярность.

Расцвет русского канта приходится на середину XVIII века, к этому времени сложились все его разновидности — псалмические, панегирические, приветственные, задравные, застольные, любовные, пасторальные, шуточные, пародийные; он широко распевался и записывался грамотными людьми в многочисленные рукописные нотные песенники. ² Первые печатные канты с музыкой определенного композитора появились в 1750-е годы (сборник «Между делом безделье» Г. Н. Теплова, содержащий семнадцать песен на слова современных поэтов). Сфера распространения канта оказалась весьма широкой — от придворных кругов до купеческой и демократической городской среды (семинаристы, канцеляристы, «нижние чины», «бобыли монастырские»); они исполнялись горою в деревнях и селах. ³ Даже тогда, когда на смену канту пришли романсы, он еще сохранялся в среде приверженцев «славных дней Петра» и культурных традиций середины века. Некоторые канты держались в русской провинции до начала XIX века, а в бурсе их исполняли и позже, о чем можно прочитать в «Вие» Гоголя и в «Очерках бурсы» Помяловского. Основная масса кан-

---

¹ Т. А. Ливанова, т. 1, с. 483; ср.: Н. Финдейзен, Очерки, т. 2, с. 200. См. также обстоятельную статью А. В. Позднеева «Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках» в кн.: «Проблемы истории литературы», М., 1964, с. 87—100.

² Показателен рукописный сборник кантов, составленный не ранее 1748 года, хранящийся в Государственном историческом музее (№ 2473). Он содержит 109 кантов (тексты и музыка), первый раздел состоит из 16 панегирических кантов, 12 псалм, 12 переложений псалмов (8 — Симеона Полоцкого, 2 — Ломоносова, 1 — Тредиаковского, 1 — неизвестного автора) и кантов различного содержания; второй раздел (53 канта) целиком заполнен любовными песнями светского содержания.

³ Т. А. Ливанова, т. 1, с. 463, В. Н. Перетц, ч. 1, с. 298—305.

тов была безымянной, среди них затерялись песни Кантемира и, возможно, неопубликованные стихи Симеона Полоцкого, встречаются отдельные стихотворения Дмитрия Ростовского, Симона Тверского («Почто мрачны, глухи ночи...»), Г. Сковороды («Ох счастье, счастье бедное, злое...»), но особенно популярны были песни на слова Феофана Прокоповича и Тредиаковского. В качестве кантов бытовали также и произведения Ломоносова, и ранние стихи Сумарокова. Таким образом, ознакомление с рукописными сборниками первой половины XVIII века доказывает, что русская лирическая поэзия той эпохи прочно вошла в музыкальный быт и приобрела популярность в кругах более широких, нежели тот, который составляли читатели той эпохи. Не случайно позже Г. Державин назовет это время «веком песен».

Со второй половины XVIII столетия в обиход входит так называемая «русская песня» — бытовой романс, то есть песня для сольного одноголосного исполнения в сопровождении игры на каком-нибудь музыкальном инструменте — клавишине, фортепиано, гусях или гитаре (последняя становится известной в России именно в это время). Впервые термин «русская песня» появился в журнале «Музыкальное увеселение» за 1774 год, хотя самый жанр романса зародился в России несколько раньше — но в пору господства кантов он обозначался словом «ария».¹ Упоминания и даже образцы таких «арий» содержатся в рукописях первой половины XVIII века. Важным для понимания эволюции русской песенной культуры фактом является уже называвшийся сборник Г. Н. Теплова «Между делом безделье». Содержащиеся в нем песни по своим основным признакам — канты, то есть песни, предназначенные для трехголосного пения. Но третий голос в них, в сущности, представляет собою уже аккомпанемент, который мог быть исполнен на скрипке или флейте. Перед нами — своеобразная переходная форма от канта к романсу или, точнее, к дуэту. Поэтому некоторые исследователи историю русского романса начинают иногда с Теплова.² Однако подлинными родона-

¹ См.: Н. Финдейзен, Очерки, т. 2, с. 297—298. Слово «романс» до конца XVIII века не употреблялось; даже в музыкальном словаре, опубликованном в «Карманной книге для любителей музыки на 1795 год», этот термин еще отсутствует. Едва ли не впервые такое определение своим стихам дают Хованский («Аониды», кн. 1, М., 1796, с. 185, 203) и Державин («Муза», 1796, ч. 3, с. 152).

² О сборнике и его авторе см. не утратившую интереса статью А. Н. Римского-Корсакова «Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» (первый русский песенник XVIII века)». — «Музыка и музыкальный быт старой России», т. 1, Л., 1927, с. 30—57.

чальниками «российской песни» — бытового романса на слова русских поэтов — являются Ф. М. Дубянский и О. А. Козловский, композиторы, определившие характер этого жанра в 90-е годы XVIII века.

Термин «российская песня» обнимал довольно разнообразные виды вокальной лирики: и собственно народные песни, и входившие в моду подражания последним, и городскую, мещанскую лирику («новейшие простонародные песни», как называли их в XVIII веке), и пасторальные стихи поэтов-классицистов, и сентиментальные любовные песенки поэтов конца XVIII века. Но эта кажущаяся на первый взгляд неопределенность термина в действительности отражала разнообразие источников и видов русского бытового романса. Традиции канта соединились с традициями народно-песенными, осложнились воздействием процессов, протекавших в русском городском фольклоре, и все это послужило материалом для переработки в духе господствовавшей в литературе и музыке XVIII века эстетической системы — сначала классицистической, а затем сентименталистской, предромантической.

Вторая половина XVIII века является эпохой бурного развития русской музыкально-поэтической культуры. Один за другим публикуются песенники, часто с нотами. Вслед за «Письмовником» Н. Г. Курганова (1769), где в качестве специального «Присовокупления» был помещен «Сбор разных стиходейств» (а в сущности, популярных песен), появляется знаменитое «Собрание разных песен» в четырех частях, составленное М. Д. Чулковым (1770—1774) и затем переизданное и дополненное Н. И. Новиковым («Новое и полное собрание российских песен» в шести частях, 1780—1781). В эти издания, наряду с народными песнями, было включено огромное количество стихов русских поэтов, ставших в то время уже песнями (без обозначения авторства). Заполнены «российскими песнями» и нотные сборники XVIII века. «Собрание русских песен» В. Ф. Трутовского (в четырех частях, 1776—1795) было рассчитано на исполнение любителями пения в домашнем быту. В предисловии к первой части составитель писал: «Я напоследок вознамерился, в удовольствие многих любителей, издать в печать сии собранные мною русские песни с тем, чтоб их петь в один голос так, как они обычно поются». Но наряду с основным голосом Трутовский дал и второй, аккомпанирующий голос для тех, «кто захочет петь или играть на инструментах, не откидывая бас»; в последнем же выпуске Трутовский дал фортепианное сопровождение. Таким образом, все песни, включенные в «Со-

брани», являются, по существу, романсами или приближаются к ним. Трутовский опубликовал свои записи, которые он производил в городской среде, и отразил манеру, характерную для городской демократической массы (в том числе и при исполнении крестьянских песен). В сборнике Трутовского оказалось много песен литературного происхождения, и ценность сборника состоит в том, что он отразил бытование этих песен уже во второй половине XVIII века. Не меньший интерес представляет «Собрание народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова — И. Г. Прача, содержащее 100 песен в первом издании (1790) и 150 песен во втором издании (1806). Его тоже следовало бы рассматривать не как публикацию фольклорных записей, а как талантливый опыт гармонизации русских песен по законам романсовой музыки. Поэтому особую ценность и достоверность сборник Прача — Львова, как и сборник Трутовского, приобретает постольку, поскольку он включает городскую песню и «российскую песню» литературного происхождения. Таким образом, «недостатки» первых нотных сборников русских песен, в смысле неточности воссоздания многоголосого распева их в крестьянской среде, оказываются их достоинствами, так как эти сборники передают трансформацию фольклорных традиций в демократической городской среде, и поэтому они представляют собою неповторимую историко-культурную ценность. В сборниках Трутовского и Прача — Львова находим популярные ранние романсы анонимных авторов («Ты проходишь мимо кельи...», «Помнишь ли меня, мой свет...», «Как на дубчике два голубчика...», «Ах ты, матушка, голова болит...»), а также многие «российские песни» известных русских поэтов XVIII века (Сумарокова, Попова и др.). Заслуживает внимания и почти никогда не упоминающийся в научной литературе сборник «Собрание наилучших российских песен» в пяти частях, изданный Ф. Мейером (1781), где есть романсы на слова русских поэтов, отсутствующие в других сборниках.

Особенно много сборников, песенников и музыкальных публикаций появляется в 1790-е годы. Характерно, что некоторые поэты (М. Попов, И. Дмитриев и др.) сами были составителями таких песенников. Тогда же И. Д. Герстенберг издает «Карманную музыкальную книгу» (1795—1796), а совместно с Ф. А. Дитмаром — песенник в трех частях (1797—1798). Полным отражением песенного репертуара того времени является «Карманный песенник» И. Дмитриева (1796). Нотные приложения печатаются в журналах, появляются и специальные издания, например «Российские песни» в четырех тетрадях (1795—1799) О. А. Коз-

ловского, где помещено 28 романсов на тексты русских поэтов.¹

К 90-м годам XVIII века сложились основные типы русской романсной лирики: идиллическая «пастушеская», веселая застольная, элегическая, дидактическая, философская. Все эти виды «русской песни» богато представлены в названных изданиях. Существенно меняется состав самих песенников, в том числе и рукописных. Если до середины XVIII века в них преобладали стихи Прокоповича, Тредиаковского и Ломоносова, а в середине XVIII века (в 60—70-х годах) господствующее место занимают песни Сумарокова и его школы, то в 80—90-е годы, в пору наибольшего развития сентиментального романса, — стихи Попова, Николева, Нелединского-Мелецкого, Дмитриева, Хованского, Карамзина. Возникают творческие союзы между поэтами и композиторами. Если попытка Теплова воспользоваться текстами Сумарокова и близких ему поэтов встретила неудовольствие со стороны мэтра русского классицизма (о чем он публично заявил на страницах «Трудолюбивой пчелы»), то иначе складываются взаимоотношения между поэтами и композиторами в 90-е годы. Ф. М. Дубянский, друг Дмитриева и Державина, прославился как автор музыки на «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева и на стихотворение Нелединского-Мелецкого «Ты велишь мне равнодушным быть...», а сами поэты посвящают ему свои стихотворения. На текст Нелединского-Мелецкого «Милая вечер сидела...» пишет популярный романс Козловский. Удачными оказались элегическая песня Дубянского на слова Капниста «Уже со тьмою ночи...» и более поздняя песня А. Д. Жилина на слова Дмитриева «Тише, ласточка болтлива...». Но еще немало случаев, когда популярные романсы известных композиторов XVIII века написаны на слова анонимных поэтов и, наоборот, остается неясной принадлежность музыки на слова известного поэта. Так, например, автор чрезвычайно популярного романса на слова Нелединского-Мелецкого «Выду я на реченьку...» пока окончательно не установлен — предположительно называют Себастьяна Жоржа или Д. Кашина.

Очень характерной тенденцией для поэзии второй половины XVIII века является создание стихотворений «на голос», то есть на мелодию уже популярных народных песен или полюбившихся романсов. Сами поэты, не дожидаясь, когда их стихи будут

---

¹ См.: Б. Вольман, Русские печатные ноты XVIII века, Л., 1957. См. также статьи Б. В. Асафьева и В. А. Прокофьева в сб. «Музыка и музыкальный быт старой России», т. 1, Л., 1927.

положены на музыку, предлагали читателю петь их, указывая образец. Особенно характерен в этом отношении опыт Н. П. Николаева: в предисловии-посвящении к своему «Собранию разных песен» он выразил надежду, что читатели «не поскучат» «и пропеть и повторить» его песни, и, чтобы облегчить им эту задачу, он сплошь и рядом указывает «голос» к текстам.¹ Впервые такие указания появились в журналах конца 60-х — начала 70-х годов — например, в «Смеси» (1769), «Трутне» (1770), «Трудолюбивом муравье» (1771), но особенно много ссылок «на голос» в изданиях 90-х годов. Кстати, само по себе это служит доказательством популярности песни-образца, так как указывать «голос» имело смысл лишь в том случае, если мелодия действительно была известна публике и без нот. Любопытно, что образцами оказывались не только дошедшие до нас мелодии, но и песни, которые известны нам только по поэтическому тексту и нотные записи которых отсутствуют. В таком случае указание «на голос» служит едва ли не единственным объективным свидетельством популярности этого стихотворения в качестве песни. Особенно много печаталось стихов «на голос» модных песен: «Голубочка» Дмитриева, «Реченьки» Нелединского-Мелецкого. Встречаются ссылки на напевы песен Сумарокова, Попова («Достигнувши тобою...»), Капниста («Уже со тьмою ноши...»), даже на напевы псалмов Ломоносова («Хвала всевышнему владыке...»), на песни, приписываемые тем или иным авторам («Я в пустыню удаляюсь...» Зубовой), «на голоса» анонимных песен («Волга, реченька глубока...»), на музыку многих романсов Дубянского и Козловского.

Обращение к музыкальным изданиям, песенникам, свидетельствам современников (в частности, к запискам Т. Болотова, к мемуарам М. А. Дмитриева и другим документам) помогает воссоздать картину музыкально-поэтического быта эпохи. Нет ни одного выдающегося русского поэта XVIII века, чьи стихи в большей или меньшей мере не звучали бы как песни. С другой стороны, показательно, что стихи В. П. Петрова (этого «карманного стихотворца» Екатерины II) или Е. И. Кострова так и не перекочевали на страницы песенников. По другим причинам, естественно, не стали песнями сатирические стихи Кантемира или Фонвизина, басни Хемницера, Измайлова и даже Крылова. Тем более знаменательно, что песней зазвучали лирические стихи великого баснописца («Мой отъезд»). Из всего созданного Херасковым

---

¹ Творения Николая Петровича Николаева..., ч. 5, М., 1798, с. 171.

выжило не то, что составляло громкую славу его при жизни — не его эпопеи, поэмы, трагедии, романы, — а скромные песенки, которые сам маститый писатель не удостоил вниманием и не включил даже в собрание своих творений (песенка «Вид прелестный, милы взоры...» дожила до конца XIX века, а ее переделки перешли в XX век).

Песня сохранила память не только о некогда славных, но потом забытых читателями именах, но и о тех, о ком знает теперь лишь весьма узкий круг специалистов-эрудитов. О С. Митрофанове вообще неизвестно ничего достоверного (и имя его не раскрыто), но песни его, опубликованные в сборнике «Песни русские известного охотника М...», прочно удержались в народной памяти и долгое время считались фольклорными («Солнце на закате...», «За горами, за долами...» и др.), пока И. Н. Розанов не указал имя их автора.¹ О Василии Кугушеве, незначительном поэте конца XVIII — начала XIX века, отце тоже позабытого комедиографа Г. В. Кугушева, никто бы, очевидно, не вспомнил, если бы не связываемая с его именем песня «Не будите молоду...», которая поется в качестве народной и в наши дни. Едва ли что-нибудь говорят современному, даже литературно образованному человеку такие имена, как П. С. Гагарин, П. Л. Вельяминов, Д. И. Вельяшев-Волинцев, Н. М. Шатров, а тем не менее их песни «В поднебесьи раздается...», «Здесь, под тенью древ ветвистых...», «Катя в рощице гуляла...» пережили своих авторов.

Некоторые из песен XVIII века пользовались исключительной популярностью. М. А. Дмитриев вспоминает: «И все эти песни пелись и в обществе светском, и в народе: «Пятнадцать мне минуло лет...» Богдановича; «Выду я на реченьку...» Нелединского; «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева; «Кто мог любить так страстно...» Карамзина. Кто не знал этих песен?.. И чувства их, и слова, и голоса — были просты и всем доступны. Таким образом чувства поэта переходили в народ».²

Конечно, большая часть песен, созданных в XVIII веке, осталась памятником русской культуры той эпохи, лишь немногие перешли в XIX век и уж совсем единичны случаи, когда романс XVIII века исполняется в XX веке. Теперь нас уже не волнует «прежесточка страсть», выраженная на языке, вызывающем у современного читателя улыбку. Но эти песни встречались современ-

---

¹ И. Н. Розанов, с. 88—95.

² М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 45—46.

никами с восторгом, как откровение и вполне отвечали духовным запросам и эстетическим вкусам дворянской интеллигенции, городского мещанства, определенной части крестьянства. Только исторический подход к этим песням поможет нам понять, чем они были интересны и близки современникам, какую роль они сыграли в поступательном движении русской культуры. Обращение к гражданским мотивам и к темам частной жизни после многовекового засилия церковной идеологии, своеобразное утверждение права человека на личное счастье, интерес к внутренней его жизни, галантное отношение к женщине, рассуждения о муках и «уладах» любви, о верности и изменах — все это было новым, волновало. И хотя тематика романсов была однообразной, а содержание неглубоким, но современников это не смущало, они, очевидно, находили в этих песнях какие-то нюансы, теперь уже не улавливаемые, дававшие право на существование многим схожим между собою, лишенным еще, как правило, индивидуализированного выражения мыслей и чувств, произведениям русских поэтов и композиторов. Успеху песен немало способствовал заметный прогресс русской версификации — реформа Тредиаковского и Ломоносова, ритмическая изобретательность Сумарокова, напевность стиха карамзинистов, пластичная образность поэзии Державина. Новую жизнь в стихи русских поэтов вдохнули и русские композиторы — безымянные и названные выше, — сумевшие найти дорогу к сердцам многочисленных слушателей. Так или иначе, XVIII век принес подлинные открытия в области песнетворчества и подготовил тот расцвет литературной песни и романса, которым отмечено развитие русской культуры первой половины XIX века.

2

Хотя в начале XIX века еще очень устойчиво держатся традиции музыкально-песенной культуры XVIII века и господствующей формой остается сентиментальный романс, в самой лирике 1800—1810-х годов явственно проступают черты зарождающихся романтических настроений, что отражается и на песенном творчестве той поры. Постепенно стилистически пестрая «российская песня» трансформируется в разные виды романса, среди которых выделяется «русская песня».

Первые опыты в таком роде датируются концом XVIII века («Русская песня» Мерзлякова и «Русская песня» Шаликова), но оформление этого характерного типа бытового романса прихо-

дится уже на первые десятилетия XIX века. Если авторы «русских песен» не ставили перед собою непрременную задачу овладеть подлинно фольклорной традицией (что, разумеется, не исключало возможности появления среди «русских песен» и фольклорных стилизаций), то «русская песня» — результат сознательного и намеренного обращения к национальной народной поэзии.

Войны с наполеоновской Францией, особенно Отечественная война 1812 года, значительно способствовали развитию в русском обществе интереса к народным истокам национальной культуры. Нельзя считать случайностью, что именно в это время появляются первые серьезные попытки осмыслить своеобразие русской народной поэзии. Это прежде всего обнаруживается в теоретических работах членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»: в «Кратком руководстве к российской словесности» И. Борна (1808) и в «Опыте о русском стихосложении» А. Востокова (1812). Авторами высказывается убеждение, что «цена» народной поэзии — в ее «простоте» и «первобытности», в ее национальном своеобразии, выражающемся в «русском духе» ее произведений и в особенностях «русского размера» «народного стиха». Любопытно проводимое Востоковым сравнение между старинными и «новейшими простонародными песнями», в которых он отмечает появление под влиянием книжной поэзии «стопосложения», рифм и прочих элементов поэтики, отличающих «новейшие простонародные песни» от старинных.¹ Это указание на стилистические различия между традиционной и современной народной лирикой имело принципиальное значение, поскольку позволяло поэтам, ориентирующимся на фольклор, избежать архаизации и побуждало их искать путей к народности в обращении не только к старым, но и к «новейшим простонародным песням». Это-то и отличало понимание народности теоретиками «Вольного общества» и их последователями от концепции народности консервативно настроенных деятелей «Беседы любителей русского слова». Если первая тенденция вела к прогрессивному развитию народности и к творческому, свободному отношению поэтов к народной поэзии, то другая, напротив, заключала в себе опасность архаизации и стилизации.

На важное значение народной поэзии как источника русского национального искусства обратили внимание в те же годы крупнейшие русские поэты Державин и Капнист: первый — в «Рассуж-

---

¹ И. Борн, Краткое руководство к российской словесности, СПб., 1808, с. 140—141; А. Востоков, Опыт о русском стихосложении, СПб., 1817, с. 41—47, 135—136.

Денин о лирической поэзии, или об оде» (1811—1815), второй — в «Кратком изыскании о гипербореанах» (1815). Несколько позже серию аналогичных статей печатает А. Глаголев: «О характере русских народных песен» (1818), «О характере русских застольных и хороводных песен» (1821) и др. В 1820-е — в начале 1830-х годов народная поэзия оказывается в центре литературных споров в связи с проблемами народности и русского романтизма. Свои душевные мысли о народной поэзии высказывают А. Бестужев, Кюхельбекер, Пушкин, Гоголь, Надеждин, Белинский. При некоторых различиях во взглядах, они сходятся в признании того, что только обращение к фольклору, и прежде всего к русским песням, сказкам, преданиям, сделает возможным образование подлинно национальной русской поэзии.

В начале 30-х годов XIX века выходят в свет сборники русских народных песен, как бы подытожившие предромантический и романтический период фольклористических исканий в России: «Народные русские песни» И. Рупина (СПб., 1831—1836) и «Русские песни» Д. Кашина (М., 1833—1834). Оба сборника принадлежали выдающимся русским музыкантам первой трети XIX века и отразили состояние народно-песенной культуры той поры. Народные песни в этих сборниках были опубликованы в своеобразной романсной обработке, то есть отражали манеру их исполнения в городской среде. Появление таких обработок, в свою очередь, способствовало бурному расцвету литературно-композиторской «русской песни» — характерного типа русского романса пушкинско-глинкинского периода. Этими произведениями теперь заполнены «Музыкальные альбомы» вплоть до 1840-х годов.

Родона начальниками жанра «русской песни» следует считать А. Мерзлякова и Д. Кашина, которые создавали свои произведения в процессе тесного и непосредственного творческого сотрудничества. Оба они совершенно сознательно шли от современной им народно-песенной культуры и дали образцы, на долгое время определившие магистральную линию развития русского романса. Хотя в области литературной теории Мерзляков занимал весьма умеренные позиции, в своем песенном творчестве он объективно способствовал превращению сентиментального романса в бытовую песню, отмеченную чертами подлинной народности. Об этом писал Максимович еще в 1831 году: «Как поэт он замечателен своими лирическими стихами, особенно русскими песнями, в кои он первый умел быть народным, как Крылов в своих баснях...».¹ Харак-

---

¹ «Денница на 1831 год», с. 11—12.

терно, что Белинский, столь критически настроенный ко всему «карамзинскому периоду» в истории русской литературы, восторженно отзывался в «Литературных мечтаниях» о Мерзлякове как авторе «нескольких бессмертных песен»: «Это был талант мощный, энергический: какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях! ... это не подделки под народный такт — нет: это живое, естественное излияние чувства, где все безыскусственно и естественно!»¹ Слова Белинского прекрасно передают восприятие песен Мерзлякова современниками и поколением 30-х годов.

Необычайную популярность песен Мерзлякова, обусловленную их близостью к фольклору, отмечал Н. Полевой: «Песни А. Ф. Мерзлякова потому еще более вошли в народный быт, что они извлечены из простонародных песен».² Действительно, многие песни Мерзлякова, не без прямого воздействия Кашина, своим непосредственным образцом имели фольклорный текст: первые строки его песен зачастую совпадают с началом народных («Я не думала ни о чем на свете тужить...», «Вылетала бедна пташка на долину...», «Ах, что же ты, голубчик, невесел сидишь...», «Чернобровый, черноглазый...» и др.). Близость песен Мерзлякова к фольклору способствовала тому, что они быстро и легко усваивались демократической средой и некоторые из них фольклоризировались. Впрочем, и те романсы, которые не восходят к фольклорному источнику, тоже приобрели большую популярность, например, «Среди долины ровныя...», «Малютка, шлемнося, просил...». На последний текст музыку написал А. Д. Жилин — композитор, который, наряду с Кашиным, в своих более чем двадцати романсах на слова Мерзлякова, Дмитриева, Державина, Хераскова, Жуковского, Нелединского-Мелецкого и других поэтов также создавал образцы предромантической вокальной лирики (сборник его романсов «Эрато» семью отдельными выпусками выходил в свет с апреля по декабрь 1814 года).³

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 1, М. — Л., 1953, с. 63. Ср. т. 5, с. 47, примеч. И позже, более критически оценивая песенное наследие Мерзлякова, Белинский выделял некоторые его песни «как прекрасные и выдержанные» (т. 5, с. 564) и окончательно формулировал свой взгляд в следующих словах: «Вообще они не без достоинств и выше песен Дельвига, хотя и далеко ниже песен Кольцова» (т. 7, с. 261; ср. т. 9, с. 531—532).

² «Московский телеграф», 1825, № 16, с. 340, примеч.

³ На титульном листе стоит «октябрь», но ц. р. — 15 декабря. О Жилине см.: М. П. Алексеев, К вопросу об А. Д. Жилине — русском музыканте нач. 19 в. — История русской музыки в исследованиях и материалах, т. 1, М., 1924, с. 106—113.

Жанр «русской песни» был закреплен в поэзии благодаря усилиям Дельвига, на тексты которого писали музыку А. Алябьев, И. Рупин, М. Яковлев, молодой Глинка и Даргомыжский. Песни Дельвига составили определенный этап в истории русской музыкально-поэтической культуры. Как подчеркивает современный исследователь, «историческое значение песен Дельвига можно оценить вполне, только учитывая их музыкальное звучание».¹ В критике и историко-литературных трудах зачастую высказывается весьма скептическое отношение к песням Дельвига, они определяются как псевдонародные. И. Н. Розанов считал, что Дельвиг, «боясь прямоты и откровенности фольклорной песни, создал дворянскую „русскую песню“».² Н. П. Андреев, хотя и не подвергал сомнению фольклорность песен Дельвига, но ставил ему в вину «украшение действительности в интересах дворянского класса».³ Критерием народности в данном случае берется лишь близость к крестьянской песне и не принимается во внимание та конкретная историко-литературная задача, которая решалась Дельвигом. И сейчас в какой-то мере сохраняет свой смысл укорительное замечание Пушкина: «Дельвиг не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; но он не оценен еще и теперь...». Конечно, если судить о песнях Дельвига с точки зрения их близости к крестьянским песням, то они заслуживали бы ту суровую оценку, какую им обычно дают. Но историческое значение песен Дельвига может быть по-настоящему, объективно понято, если учесть, что он создавал свои песни, опираясь на традиции русской городской песенной культуры, закладывавшиеся еще в XVIII веке. И композиторы, сочинявшие музыку на стихи Дельвига, в полном соответствии с их литературным стилем, также ориентировались на городскую песню-романс. Благодаря этому и был создан своеобразный тип «русской песни», отличающийся от типа, созданного Мерзляковым, но тоже достаточно популярный не только в среде литературных друзей и единомышленников Дельвига, но и в более широких демократических кругах. Стихотворение Дельвига «Не осенний мелкий дождичек...», написанное для Глинки, прочно вошло в музыкально-

---

¹ В. А. Васина-Гроссман, Русский классический романс XIX века, М.—Л., 1956, с. 25 (в дальнейшем — В. А. Васина-Гроссман).

² И. Н. Розанов, с. 263.

³ Н. Андреев, Фольклор и литература. — «Литературная учеба», 1936, № 2, с. 76—81 (в дальнейшем — Н. Андреев, Фольклор и литература).

поэтический быт, стало одной из любимых песен разночинной интеллигенции и студенчества.

Дальнейшее развитие и расцвет «русской песни» связаны с именами Цыганова и Кольцова, а также многочисленных поэтов — их современников, с творчеством композиторов Алябьева, Варламова, Гурилева, Н. А. и Н. С. Титовых и других менее известных композиторов.

Судьба литературного наследия двух крупнейших создателей «русской песни» — актера Цыганова и прасола Кольцова — представляет богатый материал для всевозможных сопоставлений. Интересный этюд такого рода содержится в известной книге И. Н. Розанова. Кольцов был гораздо плодовитее и разнообразнее в своем творчестве, нежели Цыганов, и его роль в истории русской поэзии несомненно более значительна, а слава, созданная еще при жизни поэта Белинским и поддержанная последующим поколением революционных демократов, вполне заслужена. Он совершенно заслонил более скромное имя Цыганова, между тем в области «русской песни» как *песенного* жанра последний имеет едва ли не большую заслугу. Произведения Цыганова еще при жизни стали действительно петься, очень скоро оторвались от имени своего создателя, вошли в быт, а вскоре приобрели и подлинно всенародную известность, стали народными песнями. Такие песни, как «Что ты, соловейшко...», «Я посею, молоденька...», «Течет речка по песочку...», собиратели фольклора продолжают записывать и в наши дни, не всегда зная, что эти тексты имеют своего автора. Песня же «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...», благодаря и выразительной мелодии Варламова, приобрела всемирную известность.¹ Быть может, именно в силу ранней и прочной фольклоризации песен Цыганова имя их автора почти забыто в истории русской поэзии. Песни же Кольцова, при всех их поэтических достоинствах и при том, что они привлекали внимание многих композиторов, все же в устный репертуар масс входили медленнее и получали не столь широкое распространение. Долгое время вообще создавалось впечатление, будто песни Кольцова совсем не поются в крестьянской и рабочей среде. Это мнение прочно держалось даже в советской науке — к такому выводу пришел один из первых исследователей наследия выдающегося русского поэта П. М. Соболев, его разделял и И. Н. Розанов.² Только в последнее время благодаря

¹ Б. В. Асафьев, Избранные труды, т. 2, М., 1954, с. 83.

² П. М. Соболев, А. В. Кольцов и устная лирика, Смоленск, 1934, с. 71, 75—76; И. Н. Розанов, с. 374.

материалам, собранным советскими фольклористами, удастся внести коррективы в обычное представление о судьбе песенного наследия Кольцова.¹ И все же, даже если учесть, что сведения, которыми мы располагаем, еще неполны, приходится считаться с тем, что песни Кольцова действительно менее популярны и менее органически усвоены народом, чем песни Цыганова. Песни Кольцова в целом оказались замечательным и своеобразным явлением русской поэзии — в большей мере песнями для чтения, чем стихами для пения.

Мерзляков, Дельвиг, Цыганов и Кольцов — лишь наиболее типичные и плодотворные создатели жанра «русской песни». Но образцы ее, подчас не уступающие по художественной выразительности и популярности среди масс, находятся и в творчестве других, причем очень разных по своему мировоззрению и месту в русской поэзии, авторов. Здесь можно назвать Ф. Глинку и Н. Грамматина, А. Полежаева и Ф. Вельтмана, отца и сына Ибрагимовых, Д. Глебова, Н. Грекова, В. Красова, Е. Гребенку, А. Тимофеева... Наряду с тем, что жанру «русской песни» отдали обильную дань многие второстепенные и третьестепенные авторы, обращает на себя внимание другой факт: среди классиков русской поэзии первой половины XIX века, пожалуй, лишь Лермонтов создал несколько подлинных произведений в этом жанре, у остальных же мы в лучшем случае встретим одно-два произведения в этом роде («Кольцо души-девицы...» Жуковского, «Девицы-красавицы...» Пушкина, «Страшно воеет, завывает...» Баратынского); совсем нет подобных произведений у Тютчева. Зато эти поэты создали шедевры русского романа.

Какие же особенности составляют характерные признаки «русской песни» как жанра? Она представляла собою художественную имитацию народной песни, причем некоторые формальные особенности фольклора здесь подчинялись законам версификации и композиции, выработанным профессиональными поэтами и музыкантами XVIII — начала XIX века. «Русские песни» писались, как правило, хореем или трехстопными размерами — дактилем, анапестом, амфибрахием. Их поэтике были свойственны многие стилевые признаки народной поэзии — параллелизмы, отрицательные сравнения, повторы, риторические обращения и вопросы к природе (реке, лесу, птицам и т. п.); характерная символика (герой — сокол, героиня — голубка или кукушечка, речка — разлука,

---

¹ А. М. Новикова, Песни А. В. Кольцова в устном народном творчестве. — «Русский фольклор», вып. 3, М. — Л., 1958.

мост — свидание и т. п.); постоянные эпитеты (мать сыра земля, сыр бор, чистое поле, буйные ветры, белый свет, красное солнце, шелковая трава, добрые или злые люди, добрый молодец, красна девица, ясные очи и т. п.); парные синонимические словосочетания (буря-непогода, чужая-дальняя сторонushка и т. п.); обилие уменьшительных, ласкательных суффиксов, дактилические окончания стихов; невыдержанность и простота рифмы, а подчас и замена ее ассонансами и консонансами; сквозной, текучий ритм, народно-песенные мелодические интонации «вздоха», свободно, плавно льющийся напев, преобладание минорного лада. В музыкальном отношении, по наблюдениям исследователя, «русские песни» «близки «романсным», «гитарным» обработкам русских народных песен в сборниках Кашина и Рупина». ¹ Указанный комплекс народно-поэтических средств можно найти в «русских песнях» любого из названных выше поэтов — одни из них пользовались им более искусно и самостоятельно, другие следовали некоему весьма условному шаблону. Лучшим «русским песням» свойственна задушевность, искренность чувства, но много среди них и идиллических, сентиментальных или мелодраматических произведений, особенно в тех случаях, когда они подвергались обработке в стиле так называемых «цыганских» песен. Далеко не все «русские песни», сочиненные поэтами первой половины XIX века, действительно стали песнями, а тем более усваивались народом, многие из них остались литературным опытом фольклорной стилизации. В сущности, лишь сравнительно небольшое количество «русских песен» приобрело подлинную народность и выдержало испытание временем. Но лучшие из них дожили до наших дней.

«Русская песня» — преобладающий, но не единственный вид русского романса, сформировавшегося в начале XIX века. Наряду с романсом-песней, непосредственно ориентировавшейся на народную поэзию и рассчитанной на несложный, доступный любителям музыки аккомпанемент (а иногда допускавшей и исполнение без музыкального сопровождения), с первых десятилетий XIX века развиваются и другие формы романсной лирики, выражавшие другие тенденции в развитии русского романтизма, а затем и реализма, в которых вместе с тем, как в произведениях музыкально-поэтических, большая роль отводилась и музыкальному сопровождению, подчас существенно дополнявшему текст или вскрывавшему глубинные пласты его философского и психологического содержания.

---

¹ В. А. Васина - Гроссман, с. 26.

Формирование русского романтизма, отразившего прежде всего рост национального самосознания, происходило под плодотворным воздействием лучших образцов западноевропейского романтизма как в области поэзии, так и в области музыки. Известна важная роль Жуковского, познакомившего русского читателя с творчеством поэтов других народов. Превосходные переводы Жуковского сами по себе стали одним из самых важных фактов русской национальной культуры. Поэзия Жуковского произвела сильнейшее впечатление на современников, вдохновила русских композиторов, и многие из них успешно справились с задачей переложения его стихов на музыку. Характерный эпизод в истории русской музыкально-поэтической культуры начала XIX века — тесное сотрудничество Жуковского с талантливым композитором-любителем А. А. Плещеевым, другом поэта, состоявшим в «Арзамасе» под шуточным прозвищем Черного ворона. Плещеев первым из русских композиторов обратился к текстам Жуковского, переложил на музыку многие произведения поэта, создал первые образцы нового вида русского романса — романс-балладу. В домашнем быту близких поэту людей и в литературных салонах романсы на слова Жуковского звучали с середины 1810-х годов, но особенную популярность они приобрели во второй половине 1820-х годов, когда к текстам поэта обратились молодой Глинка, Верстовский и Алябьев, а вслед за ними Варламов и Даргомыжский. При этом ранние романсы Плещеева оказались забытыми и вытесненными более удачными переложениями названных композиторов. Весьма типичными образцами романса-баллады на слова Жуковского стали «Светлана» Варламова и «Ночной смотр» Глинки. Но наиболее прославленным автором русских романтических романсов-баллад оказался Верстовский. На его долю выпала шумная слава, а некоторые его романсы стали очень популярными — достаточно вспомнить «Черную шаль» на слова Пушкина, прочно вошедшую в народный быт. Образец маленькой песни-баллады создал Алябьев в романсе на текст стихотворения Пушкина «Два ворона». Известность приобрел «Воздушный корабль» Лермонтова с музыкой Верстовского, а также Глинки. Выделяются русские баллады Варламова — «Песня разбойников» на слова Вельтмана и «Тоска» на слова Тимофеева. Замечательным образцом русской баллады является «фантазия» Тимофеева — Даргомыжского «Свадьба».

Для жанра романса-баллады характерны драматическая напряженность стремительно развивающегося действия, сочетание повествовательности с монологической или диалогической формой,

подчас наличие мрачно-фантастических, зловеще-символических элементов в сюжете или кровавая развязка, а также экспрессивные музыкально-изобразительные средства (декламационно-речитативная вокальная партия и весьма выразительный «бурный» аккомпанемент, как бы воссоздающий обстановку, «фон» драматического действия — картины бури, сражения, скачки, завывания ветра, колокольный звон и т. п.).¹

Лучшие произведения в жанре романса-баллады соперничали по своей популярности с «русской песней», причем в ряде случаев сами приобретали черты, сближающие их с так называемой «молодецкой», «удалой» или «разбойничьей» русской народной песней (особенно в творчестве Алябьева и Варламова). В этом смысле романс-баллада не противостоял «русской песне», а представлял собою лишь другой, подчеркнуто романтический вариант русского бытового романса. Позже, в пору кризиса романтизма, под пером эпигонов этот жанр постепенно выродился и превратился в мелодраматический «жестокий» романс.

Большую известность в первой половине XIX века приобрел романс-элегия, возникший в лирике Жуковского («Бедный певец» с музыкой Глинки) и Батюшкова («Память сердца» с музыкой Глинки). К элегическому романсу приближались также и некоторые стихотворения Дельвига. Но расцвет этого жанра связан уже с именами Пушкина, Баратынского, Лермонтова и Тютчева. Крупнейшие поэты и композиторы первой половины XIX века создали произведения, ставшие классическими образцами русского романса вообще: «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина — Глинки, «Не искушай меня без нужды...» Баратынского — Глинки, «Мне грустно потому, что весело тебе...» Лермонтова — Алябьева и Даргомыжского... На слова крупнейших русских поэтов первой половины XIX века позже создали свои замечательные романсы-элегии композиторы второй половины XIX — начала XX века: Бородин («Для берегов отчизны дальней...» на слова Пушкина), Римский-Корсаков («Редет облаков летучая гряда...» на слова Пушкина), Рубинштейн («Мне грустно...» на слова «Отчего» Лермонтова), Чайковский («Ты знаешь край...» Тютчева), Рахманинов («Фонтан» Тютчева) и др.

Прекрасные образцы русского романса-элегии первой половины XIX века мы находим не только там, где встречаются в своем творчестве гениальный поэт и гениальный композитор, но и в тех случаях, когда на классический текст создавалась мелодия

---

¹ Ср.: В. А. Васина-Гроссман, с. 31—36.

малопримечательным музыкантом (например, всем знакомый напев элегической песни-романса «Выхожу один я на дорогу...» принадлежит едва ли известной многим Елизавете Шашиной) или, напротив, когда выдающиеся композиторы обращались к текстам второстепенных поэтов («Сомнение» Кукольника — Глинки) или совсем незначительных авторов («Однозвучно гремит колокольчик...» И. Макарова — Гурилева, «Иртыш» И. Веттера — Алябьева).

Романс-элегия лишен тех определенных формально-стилевых признаков, по которым всегда можно отличить «русскую песню» или романс-балладу. В этом жанре вокальной лирики особенно свободно и разнообразно проявлялась творческая индивидуальность поэта и композитора. Именно поэтому элегия создавала и наиболее благоприятные возможности для развития реализма. В целом для элегического романса характерно стремление к психологической и философической углубленности, сосредоточенность мысли и чувства, интимность в выражении лирического, большей частью грустного содержания, серьезность и интенсивность музыкального языка, ритмическая размеренность, напряженная плавность в развитии мелодии, эмоциональная содержательность аккомпанемента, часто приобретающего значение «подтекста». Разумеется, по самому своему характеру романс-элегия не мог получить столь же широкого распространения в массах, как «русская песня» и романс-баллада, но это не значит, что он оставался достоянием лишь профессиональных исполнителей. Многие романсы-элегии были непременным элементом домашнего музицирования, а иные из них приобретали и популярность песни, как некоторые из названных выше. Так или иначе, романс-элегия занял важное место в русской музыкально-поэтической культуре первой половины XIX века, и значение этого вида вокальной лирики вырастает по мере приближения к нашему времени. Если «русская песня» и особенно романс-баллада с середины XIX века идут на убыль, то романс-элегия, напротив, живет полной и весьма продуктивной жизнью в творчестве поэтов и композиторов второй половины XIX — начала XX века.

Тремя охарактеризованными видами русского романса не исчерпывается, разумеется, все разнообразие видов русской вокальной лирики первой половины XIX века. Наряду с ними — или в пределах названных жанров, или как их разновидности — существовали и некоторые другие более или менее самостоятельные типы песенного творчества поэтов и композиторов.

С развитием романтизма в поэзии возникает интерес к нравам, обычаям, искусству других народов, в связи с этим появ-

ляется и особая разновидность песенного жанра с национальной-этнографической тематикой, где зачастую использовались элементы фольклорные, воссоздавался национальный колорит или характер народа, привлечшего внимание поэта. Композиторы охотно обращались к этим произведениям, увлеченные возможностью передать национальную специфику музыкального языка разных народов. В этом проявлялась не только романтическая склонность к экзотике, но и стремление выразить свободолюбивые настроения, подчеркнуть сочувствие поработаемым или борющимся за свою независимость народам. В этой связи могут быть названы «Хищники» Грибоедова, «Кабардинская песня» А. Бестужева-Марлинского. К тому же жанру относятся «Татарская песня», «Черкесская песня» и «Цыганская песня» Пушкина, «Еврейская мелодия», «Грузинская песня» и «Песня Селима» Лермонтова, «Пленный грек в темнице» И. Козлова, «Песнь грека» Веневитинова, «Военный гимн греков» Гнедича, некоторые стихи из цикла «Прощание с Петербургом» Кукольника. Эти мотивы нашли отклик в творчестве Алябьева, Верстовского, Глинки, Есаулова, позже — Балакирева и других композиторов.

Благоприятные возможности для выражения вольнолюбивых настроений и чувства угнетенности, одиночества предоставляла «узническая» и «изгнанническая» лирика русских поэтов, положившая начало особому виду русского романса и так называемым «тюремным песням», с характерным для них сочетанием элегических мотивов и порывов к свободе («Узник» Пушкина, «Узник» и «Желание» Лермонтова, «Узник» Полежаева, «Иртыш» И. Веттера, «Романс» Д. Раевского). К этому виду, в сущности, относятся и песни, разрабатывавшие символический мотив борьбы (или ее предчувствия) отважного человека с бурей («Парус» Лермонтова, «Пловец» Языкова, «Песнь погибающего пловца» Полежаева). Особенно удачно выразили эти настроения в музыке Алябьев и Варламов, одной из самых популярных песен оказался «Пловец» Языкова с музыкой Вильбоа.

Особую группу составляют агитационные песни, написанные Рылеевым и А. Бестужевым-Марлинским; они исполнялись не только в среде революционно настроенной дворянской интеллигенции, но и проникли в солдатскую среду, а затем и в более широкие круги русского общества, а некоторые из них стали известны народным массам. А. Бестужев-Марлинский, стремясь отвести удар, показывал, что агитационные песни декабристы «певали только между собою», но сделал оговорку: «Впрочем, переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевер-

тивал». ¹ Песни Рылеева и Бестужева-Марлинского распространялись в списках, таким образом, уже в вариантах, а затем подвергались дальнейшей переработке в устной передаче. Проникновению некоторых из этих песен в устный репертуар масс способствовало то обстоятельство, что они были созданы в стиле народных песен и выражали близкие народу мысли и чувства в близкой ему форме. Брат А. Бестужева-Марлинского — Н. А. Бестужев писал: «Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его (народа. — В. Г.) состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем». ² Известно, что агитационные песни декабристов исполнялись на «голоса» русских народных песен, а также на мелодии украинских и некоторых других популярных песен в народном стиле. Так, песня «Ах, тошно мне...» пелась на мелодию украинской песни «Ой, гай, гай, гай зелененький...», песня М. А. Бестужева «Что не ветер шумит во сыром бору...» — на мелодию песни Львова «Уж как пал туман...» в позднейшей обработке Гурилева. ³ Агитационные песни декабристов положили начало одной из самых замечательных традиций в истории русской вокальной лирики — «вольным песням», звучавшим в революционных кружках, в тюрьмах и на каторге среди политических заключенных и ссыльных, в среде русской политической эмиграции, в революционном подполье, а позже — на митингах, демонстрациях, баррикадах. В пропаганде этих песен сыграли большую роль Герцен и Огарев, сами арестованные за пение «возмутительных песен». Находясь в эмиграции, они опубликовали агитационные песни декабристов и другие «вольные песни» первой половины XIX века в «Колоколе» и «Полярной звезде», включили их в специальные сборники — «Русская потаенная литература XIX века» (1861), «Солдатские песни» (1862), «Свободные русские песни» (1863). Так была передана песенная эстафета от первого поколения русских революционеров «штурманам будущей бури».

---

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. 1, М. — Л., 1925, с. 458.

² «Воспоминания Бестужевых», М. — Л., 1951, с. 27.

³ См.: Н. Андреев, Фольклор и литература, с. 84—89; А. Глумов, Революционные песни декабристов. — «Советская музыка», 1950, № 12; В. Гирченко, Музыка в казематах декабристов в годы Сибирской каторги. — «Советская музыка», 1950, № 3.

Среди русских песен первой половины XIX века можно выделить еще застольные с характерной для них жизнерадостной, гедонистической тематикой; им была свойственна и определенная форма — куплетное строение, включающее сольную партию запевалы и хоровой припев. Такого рода песни находим у Пушкина, Языкова, Соллогуба и других поэтов. Содержание и быстрый, четкий ритм этих песен сближали их с так называемыми гусарскими песнями, которые прославляли жизнь, полную опасностей, и выражали пылкие чувства, находившие выход во время дружеских пирушек (песни Дениса Давыдова). Более серьезный и глубокий характер носит зарождающаяся в это же время студенческая песня, образцом которой могут служить песни Языкова, особенно его «Из страны, страны далекой...» с музыкой Алябьева.

Таким образом, первая половина XIX века по разнообразию видов вокальной лирики, по обилию произведений и богатству идейно-художественного их содержания может считаться порой расцвета русского бытового романса и песни. Именно в это время был создан тот основной песенный фонд, который в значительной мере определил характер русской национальной музыкально-поэтической культуры и наложил отпечаток на музыкально-поэтический быт русского общества вплоть до Октябрьской социалистической революции.

3

Во второй половине XIX века в русской вокальной лирике происходят существенные изменения — они затрагивают и ее идейное содержание, и соотношение жанров, и стилевые изобразительные музыкально-поэтические средства.

Процесс демократизации русской культуры, расцвет реализма и углубление народности в разных видах искусства благотворно воздействовали и на развитие песенного творчества. Вдумчивое изучение фольклорной традиции поэтами и композиторами и более самостоятельное, свободное обращение с ней привело к тому, что так называемая «русская песня», отличающаяся нарочитой фольклорной стилизацией, перестала удовлетворять как самих художников, так и критику и публику.

Народно-поэтические традиции, как бы заново открытые и органически усвоенные всей передовой русской художественной культурой, придали ей ярко выраженный национальный характер, каких бы тем она ни касалась, какой бы материал ни брала, какими бы средствами отражения действительности ни пользовалась. Необходимость в особом жанре «русской песни» в этих усло-

виях отпала. Сыграв свою положительную роль в становлении национального искусства, она уступила место другим видам песенной лирики, характеризующимся не меньшим, «если не бóльшим национальным своеобразием. Лишенная признаков внешней, формальной фольклорности, вокальная лирика не только не утрачивает, но, напротив, развивает лучшие традиции народной песенности, обогащая их опытом, приобретенным русской «книжной поэзией». Характерно, что даже поэты, наиболее близкие по своей манере к народной поэзии, преодолевают условности жанра «русской песни» и отказываются от самого термина, предпочитая ему название «песня» или вовсе обходясь без последнего. Стилистические особенности народной поэзии творчески ассимилируются, перерабатываются, получают ярко выраженное индивидуализированное преломление в художественном методе каждого более или менее крупного поэта.

Стремление преодолеть условность «русской песни», отказаться от ее музыкально-поэтических штампов порождает в эстетическом сознании выдающихся поэтов, композиторов и особенно критиков второй половины XIX века своеобразную реакцию на жанр в целом, даже на лучшие произведения этого жанра, созданные в первой половине века. Берется под сомнение самая народность многих «русских песен», и им дается далеко не всегда справедливая оценка. Один Кольцов избегает сурового суда новых поколений, хотя на смену восторженным оценкам приходит объективный анализ как сильных, так и слабых сторон его поэзии. Революционно-демократическая критика 50—60-х годов делает в этом отношении шаг вперед по сравнению с Белинским. Уже Герцен, высоко оценивая поэзию Кольцова, сопоставляя его значение для русской поэзии со значением Шевченко для украинской, отдает предпочтение второму. Огарев, как бы комментируя замечание своего друга, определяет смысл поэзии Кольцова как отражение «народной силы, еще не доросшей до дела».¹ Ограниченность народности Кольцова становится особенно ясной Добролюбову: «Его (Кольцова. — В. Г.) поэзии недостает всесторонности взгляда, простой класс народа является у него в уединении от общих интересов».² В другом месте, подобно Герцену, сопоставляя Кольцова с Шевченко, Добролюбов писал, что русский поэт «складом своих мыслей и даже своими стремлениями

¹ Н. П. Огарев, Стихи и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1937, с. 335.

² Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в шести томах, т. 1, М., 1934, с. 237.

иногда удаляется от народа». ¹ Еще более суровую оценку под пером революционно-демократической критики получают «русские песни» Мерзлякова, Дельвига, Цыганова — они признаются псевдо-народными. То же происходит и в области музыкальной критики. С точки зрения Стасова и его последователей, «русская песня», культивировавшаяся Алябьевым, Варламовым и Гурилевым, рассматривается как искусственная, подражательная, псевдонародная. В своей монографии о Глинке В. В. Стасов, ратуя за подлинно национальное и демократическое искусство, дал общую отрицательную оценку фольклорным стилизациям и заимствованиям, модным в разных видах русского искусства первой половины XIX века: «В 30-х годах было у нас, как известно, очень много речи о народности в искусстве... Национальность принималась тогда в самом ограниченном значении, и потому тогда думали, что для сообщения национального характера своему произведению художник должен вставить в него, как в новую оправу, то, что уже существует в народе, созданное его непосредственным творческим инстинктом. Желали и требовали невозможного: амальгамы старых материалов с искусством новым; забывали, что материалы старые соответствовали своему определенному времени и что искусство новое, успев уже выработать свои формы, нуждается и в новых материалах». ² Это высказывание Стасова имеет принципиальный характер. Оно помогает понять несостоятельность довольно распространенного упрощенного представления о требованиях к искусству выдающегося критика-демократа. Когда говорят о его пропаганде фольклора, о его борьбе за национальное своеобразие и народность искусства, обычно забывают, что Стасов всегда выступал против потребительского отношения к фольклору, против пассивного, механического его усвоения, против стилизаторства, против внешней, натуралистической фольклорности. Это высказывание объясняет и резко отрицательное отношение Стасова к «русской песне»: даже о «Соловье» Дельвига и Алябьева он отзывался иронически, ставя его в ряд «никуда не годных «русских» музыкальных сочинений тогдашних наших любителей». ³ Всех композиторов доглинкинского периода он считал «дилетантами» и полагал, что их опыты «были совершенно ничтожны, слабы, бесцветны и бездарны». ⁴ Песенное творчество этих ком-

---

¹ Там же, т. 2, М., 1935, с. 562.

² В. В. Стасов, Избранные произведения в трех томах, т. 1, М., 1952, с. 425.

³ Там же, т. 3, с. 432.

⁴ Там же, с. 717.

позиторов Стасов игнорировал, а его последователь А. Н. Серов презрительно окрестил весь стиль «русской песни» — «варламовщиной», считая характерными ее признаками «пошлость» и «приторность».¹

Преувеличенность и несправедливость таких отзывов теперь очевидна, но их следует принять во внимание, чтобы понять, что отказ во второй половине XIX века от жанра «русской песни» был продиктован прогрессивным стремлением к развитию реализма и к более высокой ступени народности. Этим и следует объяснить тот факт, что и Некрасов, и даже Никитин и Суриков не столько следуют традиции «русской песни», сколько сочетают интерес к народной жизни и подлинному фольклору с изучением опыта русской классической поэзии. Не случайно также песнями в точном смысле этого слова теперь еще чаще, чем в первой половине XIX века, становятся не те стихи, которые в какой-то мере все же ориентируются на традиции «русской песни», а те, которым сами поэты не прочили «песенного» будущего. Еще И. Н. Розанов заметил, что из стихотворений Некрасова популярность в быту приобрела его агитационно-гражданская лирика, сюжетные стихотворения, отрывки из поэм, а не собственно «песни». То же самое произошло и с произведениями Никитина — в устный репертуар прочно вошли главным образом не его «песни» (из них только «Песня бобыля» действительно стала песней), а такие стихотворения, как «Вырыта заступом яма глубокая...», «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», «Медленно движется время...». Не составляет исключения и Суриков — написанная в традиционном стиле «Песня» («В зеленом саду соловушка...») оказалась гораздо менее популярной, нежели стихотворения «В степи», «Сиротой я росла...», «Рябина», «Казнь Стеньки Разина»; в этих стихотворениях связь с фольклором несомненна, но она приобретает характер свободной интерпретации народно-поэтического сюжета или образа. Показательно в этом отношении стихотворение «В степи», навеянное известной протяжной народной песней о степи Моздокской. Любопытно, что это стихотворение, превратившись в песню, вытеснило из народного репертуара традиционную песню. Правда, народ при этом отказался от сюжетного обрамления песни, введенного поэтом.

Если отмечаемое явление столь характерно для поэтов, не-

---

¹ А. Н. Серов, Избранные статьи. Под общей редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Г. Н. Хубова, т. 1, М. — Л., 1950, с. 340.

посредственно связанных с фольклорной традицией, то не удивительно, что оно прослеживается и в творчестве других поэтов второй половины XIX века. Большинство из них вовсе уже не пишет стихов в стиле «русской песни»; в тех же случаях, когда некоторые поэты отдавали дань этому жанру, песенную жизнь обретают, как правило, не их «русские песни», а другие стихотворения — как например у А. Толстого или у Мея. Наиболее популярные песни второй половины XIX века уже несколько не напоминают по своему типу жанр «русской песни».

Правда, в конце XIX века жанр «русской песни» как бы возрождается в творчестве Дрожжина, Ожегова, Панова, Кондратьева, Ивина и других поэтов, группировавшихся главным образом в «Московском товарищеском кружке писателей из народа», «Литературно-музыкальном кружке им. Сурикова» и в разных аналогичных провинциальных объединениях. Но из многочисленных произведений, написанных в манере кольцовской и суриковской лирики и заполнявших сборники и песенники, издаваемые этими кружками и особенно предприимчивым Ожеговым, лишь очень немногие приобрели действительно песенную жизнь, а еще меньшее количество вошло в устный репертуар масс.

Песенная популярность произведений поэтов-суриковцев зачастую преувеличивается исследователями их творчества. Иногда сообщаются просто неверные сведения, которые из авторитетных изданий перекочевывают в различные статьи и комментарии в сборниках. Так, в академической «Истории русской литературы» читаем: «Суриковцы — поэты-песенники по преимуществу. Лучшие их стихи, родственные стилю крестьянской лирики, иногда прочно входили в народный обиход. Таковы песни «Не брани меня, родная...» А. Е. Разоренова, «Потеряла я колечко...» М. И. Ожегова и др.»¹ Но в действительности популярная песня «Не брани меня, родная...» была создана Разореновым задолго до того, как возник кружок «суриковцев» и даже до того, как начал писать стихи сам Суриков, а именно — в 40-е или в начале 50-х годов; ни одно из стихотворений Разоренова-«суриковца», написанных во второй половине XIX века, песней не стало. Что же касается песни «Потеряла я колечко...», то Ожегов вовсе не является ее автором — он лишь обработал известную до него песню. Характерно, что другие песни самого Ожегова (исключая «Меж крутых берегов...») не приобрели такой популярности, как эта его обработка старой песни.

---

¹ «История русской литературы», т. 10, М. — Л., 1954, с. 755.

Дрожжин был весьма плодовитым поэтом, и литературная деятельность его продолжалась более полувека, очень многие его стихи были положены на музыку, некоторые популяризировались с эстрады певицей Н. Плевицкой. Но примечательно, что песнями стали фактически 3—4 его стихотворения, преимущественно раннего периода его творчества. Еще более проблематична песенная судьба стихотворений других поэтов-суриковцев и близких им поэтов. Из стихотворений Панова, написавшего большое количество «песен», в устный обиход вошло два-три. В сборнике Кондратьева «Под шум дубрав» опубликовано несколько десятков «русских песен», но ни одна из них не пелась (в городской среде некоторую известность приобрели другие его стихотворения: одно написано в стиле «жесточкого романса», другое — «цыганской песни»). Как ни пропагандировал Ожегов в своих песенниках стихи И. Ивина, А. Егорова, И. Вдовина, С. Лютова, Н. Прокофьева, Н. Либинной и др., в устный репертуар они не проникли.

Поэты-суриковцы не только не продвинулись вперед по сравнению со своим учителем, творчески воспринявшим фольклорные традиции, а, в сущности, сделали шаг назад — к «русской песне» первой половины XIX века. Они не смогли вдохнуть жизнь в этот жанр, возможности которого были исчерпаны уже их предшественниками.

Наиболее характерным типом вокальной лирики второй половины XIX — начала XX века становится свободолобивая революционная песня в разных жанровых ее разновидностях: агитационная, гимническая, сатирическая, траурный марш. Созданные поэтическими представителями разных поколений и течений освободительной борьбы русского народа — революционной демократии, революционного народничества и пролетариата, — эти песни из подполья, из нелегальных кружков и организаций распространялись по тюрьмам и ссылкам, проникали в массы, звучали на демонстрациях и на митингах, во время забастовок, стачек и баррикадных боев.¹

Как правило, эти песни создавали сами участники революционного движения, не являвшиеся поэтами-профессионалами, или люди, совмещавшие литературную деятельность с участием в освободительной борьбе: А. Плещеев («Вперед! без страха и сомненья...»), П. Лавров («Отречемся от старого мира...»), М. Михайлов («Смело, друзья! Не теряйте...»), Л. Пальмин («Не плачьте над трупами павших бойцов...»), Г. Мачтет («Замучен тяжелой неволей...»), В. Тан-Богораз («Мы сами копали могилу себе...»), Л. Радин

¹ См.: М. Друскин, Русская революционная песня, М., 1954.

(«Смело, товарищи, в ногу...»), Г. Кржижановский («Беснуйтесь тираны...»), Н. Ривкин («Море в ярости стонало...») и др. Авторами мелодий этих песен тоже, как правило, оказывались непрофессиональные композиторы (А. Рашевская, Н. или П. Песков), иногда — сами же поэты (Л. Радин, Н. Ривкин), весьма редко — известные музыкальные деятели (П. Сокальский), чаще же всего авторы музыки оставались неизвестными.

В репертуар борцов за свободу входили, приобретая в устном исполнении черты революционного песенного творчества, и стихотворения поэтов, далеких от освободительной борьбы, но объективно отразивших в некоторых своих произведениях устремления ее участников или уловивших общественное настроение своей эпохи. Поэтому созвучными революционной поэзии и вообще популярными в демократической, оппозиционно настроенной среде оказались и стихотворения А. К. Толстого («Колодники»), Я. Полонского («Что мне она...»), И. Никитина («Медленно движется время...»), вплоть до «Каменщика» В. Брюсова, и даже некоторые произведения консервативных авторов: «Есть на Волге утес...» А. А. Навроцкого, «Полоса ль моя, полосонька...» В. В. Крестовского, «Отворите окно, отворите...» Вас. И. Немировича-Данченко.

Замечательной особенностью, отличающей революционные песни второй половины XIX — начала XX века, является то, что они имели подлинно массовое распространение, зачастую распевались в вариантах, отличных от авторской редакции, сами становились образцом для подобных же анонимных песен, включались в процесс коллективного песнетворчества, — одним словом, фольклоризировались. Другим характерным их признаком является хоровое, чаще всего многоголосое исполнение без аккомпанемента («русская песня», как правило, по самому своему содержанию предполагала сольное исполнение; в первой половине XIX века лишь застольные, студенческие и некоторые «вольные песни» исполнялись хором).

Последнее обстоятельство позволяет в вокальной лирике второй половины XIX века провести более четкую грань между песней в собственном смысле этого слова и романсом, ориентирующимся на сольное исполнение и музыкальное сопровождение на каком-нибудь инструменте.

Но и в самом романсовом творчестве с середины XIX века происходит заметная эволюция. Как отмечает исследователь, «резко разграничивается и область романса «профессионального» и «бытового», и значительно меняется их соотношение».¹ Действительно,

---

¹ В. А. Васина - Гроссман, с. 140.

в XVIII веке и в первой половине XIX века все романсовое творчество, в сущности, было доступно любому любителю музыки и легко входило в домашний быт, особенно в дворянской интеллигентной среде. Лишь некоторые романсы Глинки могут считаться первыми образцами «профессионального» романса, требующего от певца большого технического мастерства и специальной подготовки. Совершенно иначе обстоит дело во второй половине XIX — начале XX века. Бытовой романс становится теперь главным образом уделом второстепенных композиторов. Среди авторов бытового романса на слова русских поэтов-современников можно назвать Н. Я. Афанасьева, П. П. Булахова, К. П. Вильбоа, К. Ю. Давыдова, С. И. Донаурова, О. И. Дютша, Г. А. Лишина, В. Н. Пасхалова, В. Т. Соколова. Историк русской музыки Н. В. Финдейзен пишет: «Некоторые произведения этих романсистов... пользовались иногда завидной, хотя и дешевой популярностью...»¹ Бытовой романс в собственном смысле этого слова мельчает в идейно-психологическом содержании и часто отмечен печатью формального эпигонства по отношению к мастерам бытового романса первой половины XIX века. Это, разумеется, не означает, что в массе посредственных произведений названного жанра вовсе не было таких, которые по своей художественности приближались бы к бытовому романсу первой половины XIX века.²

Очень популярными бытовыми романсами второй половины XIX — начала XX века оказались «Пара гнедых» Апухтина, «Под душистою ветвью сирени...» В. Крестовского, «Забыли вы» П. Козлова, «Это было давно... я не помню, когда это было...» С. Сафонова, «Письмо» А. Мазуркевича, «Под впечатлением «Чайки» Чехова» Е. Буланиной, «Ноктюрн» З. Бухаровой. Они надолго вошли в устный обиход.

Лучшими бытовыми романсами рассматриваемого периода становятся некоторые, наиболее доступные любителям музыки, романсы крупных композиторов. Примечательно, что с музыкой композиторов второй половины XIX века входят в быт стихи поэтов и первой половины века. Таковы, в частности, многие романсы Балакирева на тексты Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Любопытно, например, что разночинцам 60-х годов полюбился романс Балакирева на слова Лермонтова «Песня Селима» — не случайно его поет

---

¹ Ник. Финдейзен, Русская художественная песня (романс), СПб., 1905, с. 42.

² См.: «Русский бытовой романс второй половины XIX в.», составитель и редактор проф. А. Б. Меерович, М.—Л., 1948.

«дама в трауре» из романа Чернышевского «Что делать?». Песенную популярность приобрели и некоторые романсы Даргомыжского на слова поэтов середины XIX века — Н. Павлова («Она безгрешных сновидений...»), Ю. Жадовской («Ты скоро меня позабудешь...»), Ф. Миллера («Мне всё равно...»). Широко известными стали «Калистрат» Некрасова — Мусоргского и «Я пришел к тебе с приветом...» Фета — Балакирева. Особенно прославились многие романсы Чайковского на слова поэтов второй половины XIX века: «О, спой же ту песню, родная...» (Плещеев), «Хотел бы в единое слово...» (Мей), «Ночи безумные, ночи бессонные...» (Апухтин), «На заре ты ее не буди...» (Фет), «Средь шумного бала...» (А. К. Толстой), «Растворил я окно...» (К. Р.), «Мы сидели с тобой у заснувшей реки...» (Д. Ратгауз).

Многие из стихотворений поэтов второй половины XIX — начала XX века стали замечательными явлениями русской вокальной лирики, где достигнуто полное слияние текста и музыки. Это относится к творчеству таких поэтов, как А. К. Толстой, Плещеев, Майков, Фет, Полонский, Апухтин, Мей. Стихотворения же некоторых поэтов вообще живут до сих пор лишь как романсы (Голенищев-Кутузов, Ростопчина, Минский, Ратгауз, К. Р.). Вместе с музыкой крупнейших композиторов стихотворения названных поэтов прочно вошли в сознание русской интеллигенции, а по мере повышения культурного уровня масс становятся достоянием все более широкого круга трудящихся. Поэтому, оценивая вклад русской поэзии в национальную культуру, невозможно ограничиться только наследием классиков, но необходимо принять во внимание и лучшие образцы бытового романса — в первую очередь те произведения, которые входят в репертуар популярных исполнителей-вокалистов и постоянно звучат с эстрады концертных залов и по радио, а также проникают в современную массовую художественную самодеятельность.

Если обратиться к поэтам, чьи стихотворения особенно часто и охотно использовались крупнейшими русскими композиторами и на тексты которых созданы классические романсы, то нетрудно убедиться, что, за немногими исключениями, выбор имен оказывается не случайным. При всем том, что у каждого композитора большую роль могли играть и личные пристрастия и вкусы (например, увлечение Мусоргского поэзией Голенищева-Кутузова), все же круг поэтов, на чьи тексты написано особенно большое количество романсов, представлен совершенно определенными именами. В творчестве любого из таких поэтов можно найти немало стихотворений, которые неоднократно положены на музыку самыми различными

по своему творческому методу композиторами. И даже тот факт, что на такие стихи написана превосходная музыка Глинкой или Чайковским, чьи романсы уже приобрели известность, не оставался для их современников, ни композиторов последующей эпохи, вплоть до нашего времени. Есть стихотворения, на которые написаны буквально десятки романсов. Из поэтов первой половины XIX века особенно счастливыми в этом отношении были Жуковский, Пушкин, Лермонтов и Кольцов. На тексты первого русского романтика романсы создавались на протяжении целого столетия — от первых опытов его друга композитора А. А. Плещеева до произведений Ипполитова-Иванова. Только в XIX веке положено на музыку более ста семидесяти романсов Пушкина. К стихотворению «Не пой, красавица, при мне...», несмотря на то что оно до сих пор живет прежде всего с музыкой Глинки, созданной в 1828 году, после этого обращались многие другие композиторы (среди них встречаются такие имена, как Балакирев, Римский-Корсаков, Рахманинов). Стихотворение «Певец» переложено на музыку более чем пятнадцатью композиторами XIX века. В XIX — начале XX века создано огромное количество романсов на более чем семьдесят стихотворений Лермонтова. Его «Молитва» («В минуту жизни трудную...») была положена на музыку более чем тридцатью композиторами. Свыше двадцати романсов существует на слова «Казачьей колыбельной» и стихотворений: «Слышу ли голос твой...», «Нет, не тебя так пылко я люблю...». Быть может, первое место в ряду русских поэтов в этом отношении принадлежит Кольцову — на его тексты создано около семисот романсов и песен более чем тремястами композиторов! Как видим, удельный вес поэтов первой половины XIX века в русской вокальной лирике приблизительно совпадает с их значением в истории поэзии — романсы первостепенных поэтов явно преобладают (исключение составляет лишь Баратынский, на слова которого написано сравнительно мало романсов).

Когда же мы обратимся ко второй половине XIX века и началу XX века, то здесь картина, на первый взгляд, неожиданно меняется: поэты, роль которых в истории поэзии представляется скромной, зачастую предпочитают композиторами более крупным поэтам, и в романсном репертуаре они занимают едва ли не большее место, чем корифеи русской поэзии. Любопытно, что в то время, как из стихотворного наследия Некрасова внимание композиторов привлекло около шестидесяти текстов, из Майкова и Полонского положено на музыку свыше семидесяти текстов. Романсами стало более девяноста стихотворений Фета, свыше пятидесяти стихотворений

Плещеева и Ратгауза, свыше сорока стихотворений Надсона, столько же — Апухтина. Может быть, особенно парадоксальна картина для поэзии начала XX века: свособразный «рекорд» принадлежит Бальмонту — на музыку положено свыше ста пятидесяти его стихотворений (за каких-нибудь двадцать лет почти столько же, сколько за столетие у Пушкина, и больше, чем у Лермонтова, Тютчева, Некрасова). Причем среди композиторов, создававших романсы на его слова, мы встречаем Рахмаинова, Танеева, С. Прокофьева, Гречанинова, Глиэра, Ипполитова-Иванова, Стравинского, Мясковского... Блок в этом отношении значительно уступает — на его тексты написано около пятидесяти романсов. Бальмонту мог позавидовать в этом отношении и Брюсов. Другие поэты заметно «отстают» и от Блока, и от Брюсова — даже А. Ахматова, В. Иванов, Д. Мережковский, Ф. Сологуб, чьи тексты все же неоднократно перекладывались на музыку. Впрочем, многие известные поэты начала XX века могли бы гордиться тем, что хотя бы одно-два их стихотворения были положены на музыку крупнейшими композиторами этой поры.

Что же привлекало музыкантов в поэзии второй половины XIX — начала XX века? Разумеется, вряд ли возможен категорический и односложный ответ на этот вопрос, одинаково приложимый к творчеству всех поэтов. Но, принимая во внимание особенности и возможности вокальной музыки, а также те творческие задачи, которые ставили перед собой композиторы, создавая романсы, следует отметить, что они отдавали предпочтение тем стихам, где с наибольшей непосредственностью выражено внутреннее психологическое состояние лирического героя, особенно таким, где переживание поэта оказывается как бы неполным, не высказанным до конца, что давало возможность выявить его музыкальными средствами. Поэзия намеков, недомолвок, содержащая глубокий лирический подтекст, предоставляла наибольший творческий простор для воображения композитора. Не последнюю роль играли и некоторые стилистические особенности творческой манеры таких поэтов, как Фет, А. Толстой, Мей, Полонский — развитие темы и композиционное строение стихотворения, напоминающее структуру музыкального произведения, насыщенность текста повторами, восклицаниями, смысловыми паузами, мелодичность языка, плавность ритма, гибкая речевая интонация. Некоторые из названных поэтов сознательно следовали в своем творчестве музыкальным законам. Так, Фет исходил из сформулированного им самим теоретического принципа: «Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны... Все вековые поэтические произведения... в сущности..»

песни». ¹ Не случайно один из циклов Фет назвал «Мелодиями». Поэт признавался: «Меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих». ²

Многое для понимания судеб русской поэзии в музыке дают и высказывания самих композиторов. Чайковский в одном из своих писем четко сформулировал, что «главное в вокальной музыке — правдивость воспроизведения чувств и настроений...». ³ Великий композитор много размышлял об особенностях русской версификации и интонационного строя русских стихов, искал в поэзии разнообразия ритмов, строфики и рифм, создающих наиболее благоприятные возможности для музыкального выражения лирического содержания поэзии. Чайковского привлекал тип напевного интонационно-выразительного стиха, и сам он называл в качестве образца в этом отношении поэзию Фета. О нем композитор писал: «Скорее можно сказать, что Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область... Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словами». ⁴ Так же высоко оценивал Чайковский и поэзию А. К. Толстого: «Толстой — неисчерпаемый источник для текстов под музыку; это один из самых симпатичных мне поэтов». ⁵

Именно присущая поэзии Фета и А. К. Толстого, а также Плещеева, Мея, Полонского, Апухтина и близких им поэтов манера выражения чувств, настроений и мыслей и характер интонирования стиха предоставляли наилучшие возможности для переложения их стихов на музыку. Поэтому не только у Чайковского, но и в романсном творчестве других крупных композиторов второй половины XIX века, наряду с классическими мастерами русской поэзии, стихи названных поэтов занимают центральное место. Характерен, например, выбор авторов Римским-Корсаковым: Пушкин, А. К. Толстой, Майков, Лермонтов, Фет. Поэтами, к которым чаще всего обращался Рубинштейн, были Пушкин, Лермонтов и — А. К. Толстой.

---

¹ А. Фет, Два письма о значении древних языков в нашем воспитании. — «Литературная библиотека», 1867, кн. 1, с. 56.

² Цит. по статье Б. Я. Бухштаба к изд. А. А. Фет, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1937, с. 21.

³ Модест Чайковский, Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 3, М., [1902], с. 383.

⁴ Там же, с. 266—267.

⁵ Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк, т. 2, М. — Л., 1935, с. 360.

Большой интерес представляют высказывания о романсе композитора и критика Ц. Кюи. В соответствии с эстетическими заветами революционно-демократической критики он отдает предпочтение программной музыке, особенно вокальной, как самому доступному и демократическому жанру. Истоки ее Ц. Кюи не случайно устанавливает в фольклоре, в коллективном песенном творчестве. Свое внимание к романсу он мотивирует как раз тем, что «романс — один из видов вокальной музыки, а последняя есть крайнее выражение программной музыки».¹ Наиболее последовательно и определенно выраженная «программность» романса объясняется тем, что именно здесь «поэзия и звук — равноправные державы, они помогают друг другу: слово сообщает определенность выражаемому чувству, музыка усиливает его выразительность, придает звуковую поэзию, дополняет недосказанное; оба сливаются воедино и с удвоенной силой действуют на слушателя».² В полном соответствии текста и мелодии Ц. Кюи видел «художественную задачу вокальной музыки» и, изучая историю русской вокальной лирики, искал «идеал романса». Сосредоточив основное внимание на характеристике музыкального элемента, Ц. Кюи отнюдь не безразлично относился к проблеме поэтического текста. Так, в заслугу Даргомыжскому и Балакиреву он ставит «уравновешенное соответствие между формами музыкальными и поэтическими», явившееся в результате тщательного изучения композиторами формы стихотворения.³ С одобрением Ц. Кюи пишет, что Направник тексты для своих романсов выбирал большей частью содержательные и у значительных поэтов, но тут же замечает, что талантливому композитору иногда изменяет вкус и он «слишком... доверяет авторитетному имени поэтов...».⁴ Весьма критически Ц. Кюи относился даже к некоторым романсам Чайковского, где проявлялось, по его мнению, «пренебрежительное отношение» к стихотворному тексту, и Римского-Корсакова, который «превращает некоторые стихи в прозу», как например в романсах на слова Плещеева, а это тем более досадно, что «стихи Плещеева красивы и сами по себе музыкальны».⁵

Разумеется, не только Направнику изменял вкус. Иногда и более значительные и даже великие композиторы писали музыку на посредственные стихи второстепенных и третьестепенных поэтов.

---

¹ Ц. А. Кюи, Русский романс. Очерк его развития, СПб., 1896, с. 5.

² Там же, с. 6.

³ Там же, с. 61.

⁴ Там же, с. 165.

⁵ Там же, с. 117, 137.

Но, как правило, такие романсы и не выдерживали испытания временем. Те же романсы, которые живут до наших дней, должны быть объектом изучения не только музыковедов, но и историков поэзии, — это может внести некоторые коррективы в привычные представления о культурной ценности стихотворений тех русских поэтов, которые все еще остаются изгоями в исследованиях литературоведов.

Если многие романсы второй половины XIX века оказались действительно популярными и сохраняются до сих пор в репертуаре певцов, то сложнее обстоит дело с романсами поэтов и композиторов начала XX века. Хотя, как уже было отмечено, некоторые поэты этой поры могут соперничать с классиками по количеству произведений, положенных на музыку, вместе с тем буквально можно пересчитать по пальцам те романсы, которые стали фактом музыкально-поэтического быта или хотя бы удержались в эстрадном исполнении. Конечно, и в первые два десятилетия XX века Рахманинов, Танеев, Глазунов, Ипполитов-Иванов, Глиэр, Мясковский и другие композиторы создавали прекрасные произведения как на слова русских поэтов XIX века, так и на тексты современников, но влияние модернизма пагубно сказалось на судьбах вокальной лирики в целом, придало ей черты, противоречащие демократическим традициям русского искусства, — идейную ущербность, камерность, нарочитую усложненность музыкально-поэтического языка.

Бесспорно достойными классических образцов оказались такие произведения, как «Что мне она...» и «В минуту утраты» Полонского — Танеева, «Весенние воды» Тютчева — Рахманинова, «В дымке-невидимке» Фета — Танеева, «В молчаньи ночи темной...» Фета — Рахманинова. Но это, как видим, все романсы на слова поэтов XIX века. Гораздо менее известными являются даже лучшие романсы тех же композиторов на тексты поэтов XX века — цикл Элиса — Танеева «Десять стихотворений» (хотя среди них есть и подлинно выдающиеся произведения — «Менуэт», «И дрогнули враги...»), цикл романсов Рахманинова на слова символистов (в последнем выделяется перевод Блока из Исаакяна: «Ночью в саду у меня...»). Особо должны быть упомянуты романсы Рахманинова на слова Г. Галиной: «У моего окна...», «Как мне больно...», «Здесь хорошо...». Галина — незаслуженно забытая поэтесса, в свое время очень популярная, чьи стихи («Лес рубят») часто звучали с эстрады и на студенческих сходках и вечеринках, а стихотворение «Буря и его сыновья» стало подлинно народной песней («Трансвааль, Трансвааль...»), так как отвечало свободолюбивым и революционно-патриотическим настроениям молодежи начала века. Обращение

Рахманинова к поэзии Галиной — знаменательный факт в истории русской песенной культуры начала XX века.

Реалистическая, тонкая лирика Бунина не нашла достойного ее музыкального выражения в силу господства модернистских направлений в музыке, хотя несколько романсов на его тексты могут быть названы в числе лучших достижений вокальной лирики: «Как светла, как нарядна весна...», «Ночь печальна...» (на тот и другой текст музыку написали и Рахманинов и Глиэр).

Огромное количество романсов на слова символистов осталось в нотах и едва ли когда-нибудь пелось. Поразительная, почти небывалая мода на Бальмонта все-таки не способствовала увековечению его поэзии. Конечно, увлечение композиторов его стихами объяснялось не только известностью и плодovitостью поэта, но и особенностями его поэзии. Б. В. Асафьев в свое время писал: «Яркая внешность звучания и легковейность поэтических образов прельщает современных музыкантов у Бальмонта, но, конечно, в большинстве случаев в произведениях, написанных на его тексты, не найти присущих поэту качеств: гибкости, скользящей легкости стиха и мастерства в построении формальных схем». ¹ Впрочем, основной причиной неудачных опытов музыкальных переложений стихов Бальмонта является не столько неспособность современных поэту композиторов сравняться с ним в формальном мастерстве, сколько неглубокость содержания его лирики. Наиболее значительными произведениями на слова Бальмонта оказались не романсы, а хоры Танеева и «Колокола» Рахманинова (для солиста, хора и оркестра). Любопытно, что подлинную популярность приобрело в революционных прокламациях и песенниках только одно стихотворение Бальмонта — «То было в Турции, где совесть вещь пустая...». ²

Поэзия Брюсова не вдохновила ни одного крупного композитора, за исключением Рахманинова, создавшего прекрасный романс «Крысолов» («Я на дудочке играю...»). Единственной популярной песней стал «Каменщик» с музыкой Энгеля. Та же судьба постигла и поэзию Блока — на его тексты писали, как правило, весьма посредственные композиторы. Б. Асафьев выделяет в качестве лучших романсы А. С. Лурье (как и его музыкальные переложения «Четок» Ахматовой); можно было бы отметить романсы Гнесина и Шапорина. Очень высокую оценку под пером известного историка русской музыки получили романсы Н. Мяковского на слова З. Гип-

---

¹ И. Г л е б о в, с. 11.

² См.: А. Дун, О двух стихотворениях, предназначенных для «Искры». — «Русская литература», 1963, № 3, с. 161.

пиус: «Мышление и образы З. Гиппиус нашли в Мясковском яркого воплотителя, и такие пьесы, как «Петухи», «Луна и туман», «Противоречия», «Круги», «Кровь», — совершенно исключительные по своему замыслу явления в обширной литературе русского романа». ¹ Заслуживают внимания и романсы С. Прокофьева на стихи А. Ахматовой. Но эти и подобные им удачные опыты музыкального воплощения стихов поэтов-символистов, декадентов, акмеистов и футуристов (например, романс И. Северянина — Рахманинова «Маргаритки») могут считаться счастливым исключением.

Поэзия начала XX века оказалась в целом не песенной. Многие стихи отзвучали, а в союзе с музыкой живет живая поэзия больших и малых поэтов, постигших секрет песенности.

В. Гусев

---

¹ И. Глебов, с. 13.

I
XVIII BER

Феофан Прокопович родился в 1661 году в Киеве, умер в 1736 году в Петербурге. Выдающийся политический и церковно-общественный деятель, один из ближайших соратников Петра I, Прокопович был также незаурядным ученым и писателем. Он отличался разносторонностью интересов и оставил труды в области философии, богословия, истории, права, теории поэзии, ораторского искусства, педагогики. Перу Прокоповича принадлежат трагедо-комедия «Владимир», трактат «De arte poetica» («О поэтическом искусстве») и свыше двадцати стихотворений на русском языке, а также стихотворения на латинском и польском языках. На тексты Прокоповича уже при его жизни анонимными музыкантами сочинялись песни (канты). В XVIII веке он был известен как автор пяти песен: «Кто крепок, на бога уповая...», «О суетный человец...», «Плачет пастушок в долгом ненастьи», «Прочь уступай, прочь...», «Что мне делать...». Их в качестве песен указывает С. Ф. Наковальнин в составленном им оглавлении «сочинений стихотворческих» Прокоповича.¹ Эти канты встречаются и без имени автора в многочисленных рукописных песенниках XVIII века, а первые три опубликованы в знаменитом «Письмовнике» Курганова также без подписи. В песенный обиход вошли и другие стихотворения Прокоповича: «За Могилою Рябою» и «Всяк себе в помощь вышнего предавай...». Канты на слова Прокоповича исполнялись первоначально его воспитанниками, воспринимались средой, близкой к Петру I, а затем распространялись и в демократических кругах русского общества.

---

¹ Феофана Прокоповича... слова и речи..., ч. 1, СПб., 1760, Оглавление..., №№ 71—75.

1. ЗА МОГИЛОЮ РЯБОЮ

За Могилою Рябою
над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день недельный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.
Пошли навстречь козацкие,
пошли полки волоские,
пошли загоны донские.
Легкий воин, делав много,
да что был числа малóго,
не отнял места лихого.
Поял то был город близкий,
врагом добрый, бо был низкий,
дал бы на вас пострел резкий.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иного места искати,
а не все пропадати.
Скоро померк день неделный,
ажно российские силы
на отворот загремели.
Страшно гремят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
гремел на весь пляц широкий.
Зоря с моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумела.
Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
большая злость наступила,
вся армата загремела.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
«На мир, на мир!» — закричано.

Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал сбить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чних рук поляже.

Вторая половина 1711

2. ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕПАСЬИ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прешедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно —
всё ненастье.
Нет и надежды. О многобедно
мсе счастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нечто полготить стаду,
да обманет.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дожневных
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручны.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

Конец января или начало февраля 1730

3. КТО КРЕПОК, НА БОГА УПОВАЯ

Кто крепок, на бога уповая,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народе мятеж бедный,
ни страшен мучитель зверовидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже́ ветр, от южных стран шумящий,
Когда он, смертного страха полный,
финобалтицкие движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже́ тогда содрогнется;
В прах тело разбьет падеж лютый,
а духа не может и двигнути.
О боже, крепкая наша сило,
твое единого сие дело,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебе и самый страх нестрашный.

Уже первое печатное произведение Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769) — «Песнь, сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации... Анны Иоанновны...» — было положено на музыку неизвестным композитором и появилось в свет отдельным изданием с нотами в 1730 году. Из его многочисленных произведений в стихах и прозе, трагедий, теоретических статей, многотомных переводов исторических трудов только стихотворения, написанные между 1725 и 1730 годами, — как оригинальные, так и переводные, — пользовались подлинным признанием современников. Большая часть их стала популярными песнями (кантами) середины XVIII века, которые исполнялись в быту и после смерти автора. Особенно часто в рукописных песенниках XVIII века (тексты и ноты) встречаются: «Весна катит...», «Песенка любовна», «Ах! невозможно сердцу пребыть без печали...», «Стихи похвальные России», «Мое сердце всё было в страсти...», «Крепкий, чудный, бесконечный...», «Что то за злость? и что за ярость?..». Среда, где были популярны песни Тредиаковского, состояла из горожан, купцов, низшего духовенства, нижних военных чинов; иногда его стихотворения встречаются и в песенниках, принадлежавших грамотным крестьянам. Наряду с Кантемиром,¹ Тредиаковский по праву может считаться родоначальником русской вокальной любовной лирики, но среди его песен есть и продолжающие традицию духовных и патриотических кантов,

---

¹ См. вступительную статью, с. 12.

4. СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты солнце ясно!

Красят иных всех золотые скиптры
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила
И лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоём высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
В тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны:
Чада достойны таковыя мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая!

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило!

1728, 1752

5. ПЕСЕНКА ЛЮБОВИ

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твоему стыдно.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахарных,
Так в краснотарных!
Милости нету,
Ниже привету?
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина

Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая.

<1730>

6. ПЛАЧ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА, РАЗЛУЧИВШЕГОСЯ С СВОЕЙ МИЛОЙ, КОТОРУЮ ОН ВИДЕЛ ВО СНЕ

Ах! невозможно сердцу пробыть без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыть,
Без которого всегда принужден я быть.

Но, принужден судьбою или непременно,
И от всея вечности тако положенной,
Или насильно волей во всем нерассудной,
И в порыве склониться на иное трудной.

Ну! что ж мне ныне делать? коли так уж стало?
Расстался я с сердечным другом не на мало.
Увы! с ним разделили страны мя далеки,
Моря, леса дремучи, горы, быстры реки.

Ах, всякая вещь из глаз мне его уносит,
И кажется, что всяка за него поносит
Меня, сим разлученьем страшно обвиняя,
И надежду, чтоб видеть, сладку отнимая.

Однак вижу, что с ними один сон глубоки,
Не согласился; мнить ли, что то ему роки
Представлять мила друга велели пред очи
И то в темноту саму половины ночи!

Свет любимое лице! чья и стень приятна!
И речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!
Уже поне мне чаще по ночам кажися
И к спящему без чувства ходить не стыдися.

<1730>

Александр Петрович Сумароков родился в 1717 году в Петербурге, умер в 1777 году в Москве. В историю литературы он вошел как крупнейший представитель и теоретик русского классицизма. Песни Сумароков стал сочинять в конце 1730-х годов. Уже первая его песня, «То ль награда за мою верность...», «была принята с восхищением знатнейшими дамами, которые пели ее... танцевали под голос ее менуэты».¹ Две другие песни, сочиненные юным поэтом во время пребывания его в Сухопутном шляхетском корпусе (окончил в 1740 году), — «О места, места драгие!» и «Места, тобою украшенны...» — также стали известными. Многие стихи Сумарокова пелись на мотивы модных «минаветов» (менуэтов), другие были положены на музыку А. Нарышкиным и Белиградским. К семи текстам Сумарокова (принадлежность которых поэту иногда оспаривается в пользу его дочери Г. Княжнинной) музыку сочинил композитор Г. Теплов и напечатал их в своем сборнике «Между делом безделье...» (1759, №№ 10—13, 15—17) без имени автора. После выхода в свет этого сборника Сумароков резко возразил против незначительных изменений в стихах и, перепечатав шесть песен (кроме «К тому ли я...»), восстановил первоначальный текст в журнале «Трудолюбивая пчела» (ноябрьская книжка за 1759 год). Всего Сумароков написал свыше 160 песен и хоров. Многие из них пользовались большой популярностью, преимущественно в дворянской среде, некоторые проникли в демократические круги русского общества и фольклоризировались. Сумарокову принадлежат также тексты либретто опер Арийи и Раупаха. Об увлечении песнями Сумарокова свидетельствуют

---

¹ «Словарь достопамятных людей Русской земли, составленный Дмитр. Бантыш-Каменским», ч. 5, М., 1836, с. 113—114.

мемуаристы.¹ С 1760-х годов тексты песен и хоров Сумарокова в большом количестве встречаются в различных песенниках и сборниках кантов без имени автора, многие вошли в «Собрание разных песен» Чулкова. Сам поэт в начале 1770-х годов подготовил сборник «Песни и хоры» и предполагал издать его в числе других сборников,² однако это намерение не удалось осуществить. При жизни Сумарокова было опубликовано лишь 16 песен и только спустя пять лет после смерти поэта все его песенное наследие увидело свет. В согласии с нормами классицистической поэтики Сумароков придерживался принципа деления поэзии на жанры. В своей «Эпистоле о стихотворстве» он сформулировал требования к авторам песен:

Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно — он сам собой прекрасен.

Сам поэт был верен этой установке. Хотя его песни разрабатывали лишь любовную тематику, ему удалось внести в них разнообразие и элемент индивидуализации чувства. Кроме публикуемых песен в песенниках особенно часто встречаются «Сердце ты мое пленивши. . .» и «Чувствую скорби люты. . .».

7

О места, места драгие!
Вы уже не милы мне.
Я любезного не вижу
В сей прекрасной стороне.
Он от глаз моих сокрылся,
Я осталася страдать,
И, стена, не о любезном,
О неверном воздыхать.

---

¹ См., например, «Жизнь и приключения А. Болотова. . .», т. 1, СПб., 1871, с. 179.

² Письмо Сумарокова Г. В. Козицкому от 20 июля 1773 г. — «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихонравовым, т. 3, СПб., 1861, с. 79.

Он игры мои и смехи
Превратил мне в злу напасть,
И, отнявши все утехи,
Лишь одну оставил страсть.

Из очей моих лиется
Завсегда слез горьких ток,
Что лишил меня свободы
И забав любовных рок.
По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен;
И зефир летал в тот час.
Быстры воды пробежали,
Легкой ветер пролетел.
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я.
Удержися, дух мой слабый,
И крепись, душа моя,
Мне забыть его не можно
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он, однако, всё мне мил.

Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Вображается всегда.
Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть;
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!

А минув, на что остались
Вы на памяти моей?

О свидетели в любви
Тайных радостей моих!
Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Испускайте глас плачевный,
Пойте днесь мою печаль,
Что, лишась его, я стражду,
А ему меня не жаль!
Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны
И троні его тем слух.

Конец 1730-х годов

8

Знать, судьба мне так судила,
Чтоб в страданьях век изжить,
И драгую отлучила,
Чтоб принудить слезы лить.
Век, знать, будет воздыхати
И мучение терпеть,
Привыкай, мой дух, страдати,
Коли рок не дал ту зреть.

Смутны мысли, только жалость
Представляйте в память мне;
Дайте, дайте в скуке радость,
Чтобы зреть ее во сне.
Когда будет та забава,
То и буду сладко спать,
Но то пушья отрава,
Ежель ту мне не видать.

Что ж грущу я и страдаю,
Если я один люблю?

Любит ли она — не знаю;
Не напрасно ль я терплю?
Одним видом я доволен;
Видом любит; пусть терплю,
И один лишь сердцем болен,
Хоть не любит, я люблю.

<1755>

9

Где ни гуляю, ни хожу,
Грусть превеликую терплю;
Скучно мне, где я ни сижу;
Лягу — спокойно я не сплю;
Нет мне веселья никогда,
Горько мне, горько завсегда,
Сердце мое тоска щемит,
С грусти без памяти бегу;
Грудь по тебе моя болит,
Вся по тебе я немогу;
Ты завсегда в моих глазах,
Я по тебе всегда в слезах, —
То ли не лютая беда!
То ль не увечье мне, младой!
Плачу я, мучуся всегда,
Вижу тебя я и во сне:
Ты, мою молодость круша,
Сделался мил мне как душа;
Ты приволок меня к себе,
Ты и любить меня взманил.
Так ли мила я и тебе,
Так ли ты тужишь обо мне;
Весел ли ты, когда со мной,
Рад ли, что виделся с младой?
Сем-ка сплету себе веночек
Я из лазуревых цветов,
Брошу на чистой я поток,
Сведать, мой миленькой каков,
Тужит ли в той он стороне,
Часто ли мыслит обо мне.

Тонет ли, тонет ли венок,
Или он поверху плывет;
Любит ли, любит ли дружок,
Иль не в любви со мной живет;
Любит ли он, как я его,
Меньше иль вовсе ничего;
Вижу, венок пошел на дно,
Вижу, венок мой потонул:
Знать, на уме у нас одно,
Знать, о мне миленькой вздохнул;
Стала теперь я весела:
Знать, что и я ему мила.

<1755>

10

Лишив меня свободы,
Смеешься, что терплю,
Но я днесь открываюсь,
Что больше не люблю:
Гордись своим свирепством
Как хочешь завсегда,
Не буду больше пленен
Тобою никогда.

И так уж я довольно
Без пользы воздыхал,
Что все свои утехи
И сердце потерял;
А ныне не увидишь
Докук моих к себе,
Забудь, забудь то вечно,
Что верен был тебе.

В последни принуждает
Любовь меня вздохнуть,
В последни имя мне
Твое вспомянуть:
Оставшие то искры,
Чем сердце ты мне жгла,

МЕЖДУ ДЪЛОМЪ БЕЗДѢЛЪ
или
СОБРАНИЕ РАЗНЫХЪ ПЪСЕНЬ

съ приложенными ТОНАМИ
на при голоса

Музыка

Прости, прости и помни,
Как мучить ты могла.

Мечи свои заразы
Теперь в сердца иным,
Не будешь насыщаться
Вздыханием моим.
Я, право, не заплачу
От строгостей твоих;
Когда ты мне не склонна —
Есть тысяча других.

<1755>

11

Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На берегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец, —
Девка говорила, —
Дай мне встать пасти овец, —
Много раз твердила:
Не шути так, молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай мне пасти стадо».

«Закричу», — страшает вслух;
Дерзкой не внимает

Никаких речей пастух —
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть страшает, да молчит;
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю.
Я не много при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке
Отвечало вдалеке:
«Ай, ай, ай!» — знать, они дрались.

<1755>

12

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овец уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала.

О темные дубравы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою;
Под вашими листьями я счастлив уж бывал
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди скоряе, ненадобной мне день,
Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень;
Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

<1755>

Знаю, что стыдишься и крепишься молвить,
 Что любовь пленила и тебя,
 Знаю, что ты хочешь быть осторожна
 И боишься вверить мне себя:
 Вверься, вверься, полно мысли не пристойны
 О любви моей к себе иметь,
 И открой то словом, что твои мне взгляды
 Дали уж довольно разумать.

Можешь ли довольна ты быть красотою,
 Коль плодов с нее не собирать,
 Если ж не склоняться, так на что приятством
 Мысли непристрастны полонять?
 Дай отраду в сердце, утоли мой пламень,
 Окончай исканья и труды,
 Опустись в страсть нежну, перестань крепиться
 И сними с красы своей плоды.

О плоды драгие! сладкая утеха,
 Есть ли что на свете лучше вас?
 Чем возможно ясно мне изобразить,
 Мне тебя, о ты! приятной час:
 Час, в которой сладость оных забавы
 Чувствуют влюбленные сердца,
 Получая славу чувствам восхищенным
 И любви касаяся венца.

<1755>

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
 И горсть опишите, скажите, как терплю;
 Оставайтесь в ее сердце, смягчите гордый взгляд
 И после прилетите опять ко мне назад;
 Но только принесите приятную мне весть,
 Скажите, что еще мне любить надежда есть:
 Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
 Хороших в свете много, другую лъзя сыскать.

<1755>

Клав искать себе стал места,
Где б посвататься ему;
Полюбилася невеста
Клаву, другу моему.

Что мне медлить, мнит он, доле,
Ты румяна и бела,
Зубы красят то и боле,
Ты мне, девушка, мила.

Полюбился он прекрасной,
Как она ему равно.
День прошел в сей жизни страстной,
Мыслят, брака ждут давно.

Рад, окончил он страданье
Нежна сердца своего:
Получил свое желанье,
Девка вышла за него.

Утром видеть дорогую
Прибегает к красоте,
Но пред зеркалом другую
Обретает в простоте.

Белизны не видно тела,
На щеках стал бледной цвет;
Вся краса с лица слетела,
А во рту ни зуба нет.

Клав женился не в издевку;
Но кричал: «Беги к себе;
Я прекрасную взял девку
И женат не на тебе».

<1755>

К тому ли я тобой, к тому ли я пленилась,
 Чтоб, пламенно любя, всечасно воздыхать;
 На то ль моя душа любовью заразилась,
 Чтоб мне потоки слез горчайших проливать;
     Губить молодые лета,
     Бесплодну страсть питать
     И все утехи света
     В тебе лишь почитать;

В тебе, а ты меня без жалости терзаешь,
 И сердце ты и дух в отчаянье привел!
 Иль ты еще моей горячности не знаешь,
 Приметь, мучитель, как ты мною овладел.
     Что в сердце ощущаю,
     Пойми из глаз моих, —
     Как я тобой страдаю,
     Написано на них.

Твой образ навсегда в мысль страстну погрузился.
 Я жертвую тебе и волю и себя;
 Иль ты другою, ах! любовью заразился
 И тщетно мя вспалил, другую полюбя.
     На что ж ты лестны взгляды
     Являл мне иногда?
     На что, коль без отрады,
     Мне мучиться всегда?

Сим к мукам завсегда я стала обольщенна,
 Глаза произвели огонь в моей крови;
 Они виновны в том, что я тобой плененна;
 Я прелести почла признаками любви.
     А если, свет мой, мною
     Твоя пронзенна грудь, —
     Владей моей душою,
     Лишь только верен будь.

<1759>

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
 Тщетно я спокойною кажусь:
 Не могу спокойна быть я ни минуты,
 Не могу, как много я ни тщусь.
 Сердце тяжким стоном, очи током слезным
 Извлекают тайну муки сей:
 Ты мое старанье сделал бесполезным,
 Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
 Ты спокойный дух мой возмутил,
 Ты мою свободу пременял в неволю,
 Ты утехи в горесть обратил;
 И к лютейшей муке ты, того не зная,
 Может быть, вздыхаешь о иной,
 Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
 Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся,
 И боюсь, чтоб взор не изменил;
 При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
 Что не знаешь, сколько ты мне мил.
 Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
 А любовь стремится выгнать стыд;
 В сей жестокой брани мой рассудок тмится,
 Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю;
 И хочу открыться, и стыжусь,
 И не знаю прямо, я чего желаю,
 Только знаю то, что я крушусь;
 Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
 Вображает мне твой милый зрак;
 Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
 Мне забыть тебя нельзя никак.

<1759>

Позабудь дни жизни сей,
 Как о мне вздыхала;
 Выдь из памяти моей,
 Коль неверна стала!
 Гасни, пламень мой, в крови!
 Ах, чего желаю!
 Истребляя жар любви,
 Больше лишь пылаю.

Правдой принимаю лесть
 Я в твоём ответе.
 Мне, и льстя, всего что есть
 Ты милей на свете.
 В том, что ныне ясно зрю,
 Сам себе не верю.
 День и ночь тобой горю —
 Сердцу лицемерю.

За неверность вне себя
 Я, сердясь, бываю;
 Но увижу лишь тебя,
 Всё позабываю.
 Я не помню в оный час
 Твоя досады,
 И во взорах милых глаз
 Я ищу отрады.

Только то одно манит,
 Сердце подкрепляет:
 Мню, пустой меня лишь вид,
 Ревность ослепляет.
 Нет, не тем теперь моя
 Грудь отягощенна;
 Зрю неверность ныне я:
 Тем душа смущенна.

<1759>.

Сокрылись те часы, как ты меня искала,
 И вся моя тобой утеха отнята:
 Я вижу, что ты мне неверна ныне стала,
 Против меня совсем ты стала уж не та.
     Мой стон и грусти люты
     Вообрази себе
     И вспомни те минуты,
     Как был я мил тебе.

Взгляни на те места, где ты со мной видалась,
 Все нежности они на память приведут.
 Где радости мои! где страсть твоя девалась!
 Прошли и век ко мне обратно не придут.
     Настала жизнь другая;
     Но ждал ли я такой!
     Пропала жизнь драгая,
     Надежда и покой.

Несчастен стал я тем, что я с тобой спознался;
 Началом было то, что муки я терплю,
 Несчастнее еще, что я тобой прельщался,
 Несчастнее всего, что я тебя люблю.
     Сама воспламенила
     Мою ты хладну кровь;
     За что ж ты пременила
     В недружество любовь?

Но в пеньях пользы нет, что я, лишась свободы,
 И радостей лишен, едину страсть храня.
 На что изобличать — бессильны все доводы,
 Коль более уже не любишь ты меня.
     Уж ты и то забыла,
     Мои в плен мысли взяв,
     Как ты меня любила,
     И время тех забав.

Ты сердце полонила,
 Надежду подала
 И то переменила,
 Надежду отняла.
 Лишаяся приязни,
 Я всё тобой гублю;
 Достоин ли я казни,
 Что я тебя люблю?

Я рвусь, изнемогая;
 Взгляни на скорбь мою,
 Взгляни, моя драгая,
 На слезы, кои лью!
 Дня светла ненавижу,
 С тоскою спать ложусь,
 Во сне тебя увижу —
 Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
 Любовь мою храня;
 Сладчайшие минуты
 Сокрылись от меня.
 Не буду больше числить
 Я радостей себе,
 Хотя и буду мыслить
 Я вечно о тебе.

<1760>

21. ХОР САТИР

В сырны дни мы примечали,
 Три дни и три ночи на рынке:
 Никого мы не встречали,
 Кто б не коснулся хмеля крынке.
 В сырны дни мы примечали:
 Шум блистает,
 Шаль мотает,
 Дурь летает,

Разум тает,
Зло хватает,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся как собаки.
Примиритесь!
Рыла жалейте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Пьяные люди,
Не деритесь!

Конец 1762 или январь 1763

22

Не грусти, мой свет, мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой.
Муж ревнивой не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего не весела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах! несчастье, ах! несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

<1770>

Чем тебя я оскорбила,
 Ты скажи мне, дорогой!
 Тем ли, что я не таила
 Нежных мыслей пред тобой,
     И считала то пороком,
     Чтоб в мучении жестоком
     Твой любезный дух томить,
     Не хотя лишить покою,
     Не хотя терзать тоскою,
     Я могла ли погрешить?

Для того ли я склонилась
 И любви далась во власть,
 Чтоб отныне я крушилась,
 Бесплезну видя страсть?
     Чтоб ты не был в том уверен,
     Сколь мой жар к тебе безмерен;
     То ты можешь ли сказать?
     Но уверясь в том не ложно,
     Как тебе, ах! как возможно
     Верно сердце презирать?

Я во всем позабываюсь,
 На тебя когда гляжу;
 Без тебя я сокрушаюсь
 И задумавшись сижу.
     Все часы считаю точно,
     И завидую заочно,
     Кто против тебя сидит.
     На тебя всегда взираю
     И с утехою внимаю,
     Что язык твой говорит.

Я тебе открылась ясно:
 Жду того же напротів;
 И пускай я жду напрасно,
 Мой пребудет пламень жив.
     Я готова, хоть как прежде,
     Пребывать в одной надежде

И себя отрадой льстить;
Не склоню тебя тоскою —
Может время долгою
Твердо сердце умягчить.

<1770>

24

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертной рок меня унес,
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненной еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него,
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам;
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

<1770>

25

«Не терзай ты себя:
Не люблю я тебя;
Полно время губить, —
Я не буду любить;

Не взята тобой я,
И не буду твоя».

— «Не терзаю себя:
Не люблю я тебя;
Дни на что мне губить, —
Я не буду любить;
Не пленюсь тобой я,
Тщетна гордость твоя».

— «А когда пременюсь
И к тебе я склонюсь,
Так полюбишь ли ты
И сорвешь ли цветы?
Я хранить их могла:
Для тебя берегла».

— «Так и я пременюсь,
И всем сердцем склонюсь;
Мне мила будешь ты,
И сорву я цветы;
Ты хранить их могла:
Для меня берегла».

— «Я покорна судьбе
И вручаюсь тебе;
Ты напрасно дни тьмил,
Как душа стал ты мил.
Перестань ты тужить!
Будем дружно мы жить».

— «Я покорен судьбе
И вручаюсь тебе;
Я напрасно дни тьмил,
Коль и я столько ж мил.
Перестань ты тужить!
Будем дружно мы жить».

Из стихотворений Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765) особую известность в качестве песен (кантов) приобрели: переложение псалма 14 («Господи, кто обитает...»), псалма 145 («Хвалу всевышнему владыке...») и перевод анакреонтического стихотворения «Ночную темнотою...». Кроме того, в рукописных песенниках XVIII века встречаются: «Утреннее размышление...», «Вечернее размышление...» и другие стихотворения. Так, в рукописный сборник, датированный 1769 годом (хранится в Государственном историческом музее в Москве), включен целый цикл произведений с указанием имени Ломоносова (псалмы, «Ода, выбранная из Иова», «Утреннее» и «Вечернее» «размышления»). «Утреннее размышление» без имени автора вошло также в «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769). Ни одно стихотворение Ломоносова при его жизни профессиональным композитором положено на музыку не было; лишь несколько строф из его од 1742—1761 годов прозвучали в 1790 году в спектакле «Начальное управление Олега» (либретто Екатерины II, музыка В. А. Пашкевича, Дж. Сарти и К. Каннобио; тексты Ломоносова — с музыкой Сарти). Несмотря на это, названные стихотворения Ломоносова с музыкой неизвестных композиторов уже в XVIII веке проникли в демократическую среду. Его переложения псалмов исполнялись народными бродячими певцами даже в первой половине XIX века. Из приписываемых Ломоносову стихотворений особенной популярностью в музыкально-поэтическом быту пользовалось «Молчите, струйки чисты...», процитированное впервые поэтом в «Риторике» (см. стр. 188).

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал;
— «Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал. —
Чего ты устрасился?
Я — мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу». —
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук?
В дожде, чать, повредился». —
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.

Он громко засмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится:
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

1747

27. ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 145

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, воссылать:
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дышать.

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

Когда с душою разлучатся
И тленна плоть их в прах падет, —
Высоки мысли разрушатся
И гордость их, и власть минет.

Блажен тот, кто себя вручает
Всесильному во всех делах,
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах,

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту.

Творящего на сильных нищу
По истине в обидах суд;
Даящего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.

Господь пришельцев сохраняет,
И вдов приемлет и сирот.
Он грешных дерзкий путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

1747

Михаил Матвеевич Херасков родился в 1733 году в Переяславле Полтавской губ., умер в 1807 году в Москве. Первые литературные опыты Хераскова относятся ко второй половине 1740-х годов, когда он учился в Сухопутном шляхетском корпусе. В печати Херасков выступил с одами (1751, 1753), находясь на военной службе. Но литературной деятельности он смог отдалиться, выйдя в отставку (1755) и служа в Московском университете, где он основал несколько журналов — «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение». Перу Хераскова принадлежат эпопеи «Россиада», «Владимир» и «Бахариана», поэмы, трагедии, романы, либретто нескольких опер. Популярность приобрела песня на текст Хераскова из комической оперы «Добрые солдаты» (муз. Раупаха, 1780) — «Мы тебя любим сердечно...» (в песенниках она встречается с 1792 по 1917 год). В периодических изданиях опубликовано несколько его песен, которые в собрание сочинений поэта не вошли. Херасков написал также текст масонской песни «Коль славен наш господь в Сионе...» (муз. Бортнянского). Хотя творчество Хераскова в целом развивалось в традициях классицизма, но в своих песнях поэт был близок сентименталистам.

28. ПЕСЕНКА

Что я прельщен тобой,
Чему тому дивиться, —
Тебе красой родиться
Назначено судьбой.
Прекрасное любить —

Нам сей закон природен,
И так я не свободен
К тебе несклонным быть.
Ты сделана прельщать,
А я рожден прельщаться,
На что же нам стараться
Природу превращать?
Я жертвую красе,
Ты жертвуй жаркой страсти,
Естественныя власти
Свершим уставы все.

<1763>!

29

Вид прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь от глаз;
Реки и леса и горы
Разлучат надолго нас.

Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой;
Горько, горько расставаться,
Горько... будто бы с душой!

Сердце ноет, дух томится;
Кровь то стынет, то кипит;
За слезой слеза катится,
Стон за стоном вслед летит.

О несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли, разлученье...
Медли душу отнимать!

Нет отрады! Всё теряю —
Час разлуки настает!
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю —
Ах, прости... прости, мой свет!

Во слезах, в тоске и скуке
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты в разлуке —
Пусть один терзаюсь я!

<1796>

80. ПТИЧКА

Когда б я птичкой был,
Я к той бы полетел,
Котору полюбил,
И близко к ней бы сел;
Коль мог бы, я запел:
«Ты, Лина, хороша,
Ты птичкина душа!»
Мой малый бы носок
Устам ее касался;
Мне б каждой волосок
Силком у ней казался;
Я б ножку увязить
Хотел в силке по воле,
Чтоб с Линой вместе быть
И Лину бы любить
Во сладком плене боле.

<1796>

Даты рождения и смерти Михаила Ивановича Попова точно не установлены (предположительно: 1742—1790). Известно, что он был придворным актером, студентом Московского университета, служил в Комиссии по сочинению «Нового уложения». Начало его литературной деятельности относится к середине 1760-х годов. Попов сотрудничал в журналах Новикова, Чулкова и Рубана. Ему принадлежат повести «Аристократы приключения» и «Рождение людей Промифеевых» (перевод с французского), либретто комической оперы «Анюта» (муз. В. Пашкевича?), арии из которой стали популярными, комедия «Отгадай, или Не скажу», исторический роман «Славенские древности, или Приключения славенских князей», «Краткое описание древнего славенского языческого баснословия», ряд переводов, большое количество стихотворений и песен. В 1765 и в 1768 годах Попов издал книжечки своих песен. Это был первый в истории русской литературы случай издания поэтом песенных сборников. Всего известна 21 «любовная песня» Попова, из которых две являются подражаниями народным («Ты несчастной доброй молодец. .» и «Не голубушка в чистом поле воркует. .»). Все эти песни вошли в наиболее полное прижизненное издание произведений поэта: «Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова» (чч. 1—2, СПб., 1772). В 1792 году, после смерти Попова, вышел в свет составленный им сборник с предисловием составителя: «Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен, поныне сочиненных». Эта книга содержит свыше 500 песен — народных и литературного происхождения, в том числе и тексты самого Попова. Большая часть его песен сразу же вошла в музыкальный быт, о чем свидетельствует включение некоторых текстов без имени автора в первое издание «Письмовника» Курганова (1769) и в «Собрание разных песен» Чулкова (1770). Особую популярность песни Попова приобрели с 1780-х годов. Известен хор на слова Попова с муз. Траэто.

Как сердце ни скрывает
 Мою жестоку страсть,
 Взор смутный объявляет
 Твою над сердцем власть:
 Глаза мои плененны
 Всегда к тебе хотят,
 И мысли обольщенны
 Всегда к тебе летят.

Тебя не отдаляет
 И сон от мыслей прочь:
 Твой образ обладает
 Равно мной в день и в ночь;
 Всеночно, дорогая,
 Являясь во сне,
 Вседневно обольщая,
 Ты множишь страсть во мне.

Твой каждый взор вонзает
 Стрелу мне в сердце вновь,
 Весь ум мой наполняет
 Одна к тебе любовь!
 А ты то всё хоть знаешь,
 И как я рвусь, стена,
 Но всё то презираешь:
 Не любишь ты меня!

<1765>

Достигнувши тобою
 Желанья моего,
 Не рву уже тоскою
 Я сердца своего:
 Душа твоя мной страстна,
 Моя тебе подвластна;
 Кошь счастлива ты мной,
 Стократно я тобой!

П Ъ С Н И ,
ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННЫЯ И УМНОЖЕННЫЯ.

сочиненіе
МИХАЙЛА ПОПОВА.

Второе изданіе

Въ Санктпетербургѣ 1768 года.

Тебя, мой свет, считаю
Я жизнью своей:
Прекраснее не знаю
Тебя я и милей.
В любви не зря препятства,
В тебе зрю все приятства;
В твою отдавшись власть,
Не знаю, что напасть.

Твой взор не выпускаю
Из мыслей никогда,
И в мыслях лобызаю
Твой образ завсегда:
Тобою утешаюсь,
Тобою восхищаюсь,
Тебя душой зову,
Тобою и живу.

<1765>

88

Что сердце устрашало,
Всё сталося со мной,
Что сердце утешало,
Всё льстит уж то иной!
Жар страстный! жар безмерный!
Ты тщетно мне манил.
За что ты, льстец неверный,
Несчастной изменил?

Очам моим свободным
Ты первый сам предстал,
И сделался угодным
Ты мне, как сам желал:
Ты сам меня, бесстрастну,
Любити научил;
За что ж меня, несчастну,
Ты плакать осудил?

За что возненавидел
Прельщенную тобой?

Иль более увидел
Приязни ты в другой?
Ах! верь мне, как другая
Тебе ни станет льстить,
Не будет так, пылая,
Тебя, как я, любить.

<1765>

34

Полюбя тебя, смущаюсь
И не знаю, как сказать,
Что тобою я прельщаюсь
И боюсь винным стать.
Пред тобой когда бываю,
Весь в смятении сижу,
Что сказать тогда, не знаю:
Только на тебя гляжу.

Глядя на тебя, внимаю
Все слова твоих речей;
Прелести твои считаю,
Красоту твоих очей;
И боюсь тогда прервати
Твой приятный разговор,
Чтоб твою не потерять
Тем приязнь и милый взор.

В сем смущеньи пребывая,
Оставляю нужну речь
И, часы позабывая,
Времени даю претечь.
Вдруг, увидя день минувший,
Принужден сказать: «Прости!»
И иду потом, вздохнувши,
Неспокойну ночь вести.

<1765>

Ты желал, чтоб я любила,
 Сам зачав меня любить;
 Я горячность истощила,
 Чтоб тебя достойной быть.
 Чем же днесь я проступилась,
 Что любви твоей лишилась
 И заставлена тужить?
 Иль победа надо мною
 Сталась дерзкою виною
 Нашу дружбу помутить?

Как я с волей расставалась
 И в твою давалась власть,
 Я подобную ж ласкалась
 И в тебе сыскати страсть:
 Отдалась, и сыскала
 Я в тебе, чего желала,
 Но лишь на единый час!
 После, сколь тебя ни зрела,
 Новой страстию горела, —
 Ты ж хладел по всякий раз.

Я ласкалась — ты чуждался;
 Утешала — ты скучал;
 Я стенала — ты смеялся;
 Я лобзала — ты терзал;
 Я сердилась и рвалась,
 Что в обман тебе далась,
 И хотела цепь прервать,
 Но лишь только что смягчалась —
 Пуще я в тебя влюблялась
 И гналась тебя искать.

Где ты был, туда бежала —
 Ты оттуда убегал;
 Я с тобою быть желала —
 Ты то мукою считал.
 А чтоб больше я страдала,
 Иногда тебя видала,
 Как с другою ты сидел:

Говорил, прельщал, ласкался,
Лобызал, и сам прельщался,
И в огне любовном тлел.

Я рвалась, дрожала, млела
И лишалась чувств и слов:
И не иначе сидела,
Как сходящей в смертный ров.
Свет мой! видя, как я стражду,
Как любви твоей я жажду,
Обратись ко мне опять:
Хоть польсти, как льстил ты прежде,
Хоть польсти моей надежде,
Дай хоть рваться мне престать.

<1765>

36

Окончай бесплодны мысли
Мною овладеть опять,
И меня своим не числи,
Дав из плена убежать;
Не на время, не возвратно
Страсть мою ты прогоня,
Не сможешь уж обратно
Вырвать сердца у меня.

Лесть твоя теперь напрасна,
И лукавства полный взор;
Мысль моя уже бесстрашна:
Вижу весь я твой притвор.
Тщетны прежние успехи
Для меня твоих зараз,
Льстивные сии утехи
Уж моих не тронут глаз.

Кровь когда во мне пылала,
Обольщая ум тобой,
Мной тогда ты презирала,
И ругалася тоской.

Я же тщетной страсть увидев,
Тщетну трату всем словам,
Тщетну грусть возненавидев,
Позабыл тебя и сам.

<1765>

37

Под тению древесной,
Меж роз, растущих вокруг,
С пастушкой прелестной
Сидел младый пастух:
Не солнца укрываясь,
Он с ней туда зашел —
Любовью утомляясь,
Открыть ей то хотел.

Меж тем где ни взялись
Две бабочки, сцепясь,
Вкруг роз и их вились,
Друг за другом гонясь;
Потом одна взлетела
К пастушке на висок;
Ища подругу, села
Другая на кусток.

Пастух, на них взирая,
К их счастьем ревновал
И, оным подражая,
Пастушку щекотал,
Всё ставя то в игрушки,
За шею и бока,
Как будто бы с пастушки
Сгонял он мотылька.

«Ах! станем подражати, —
Сказал он, — свет мой, им.
И резвость съединяти
С гулянием своим;

И, бегая лесочком,
Чете подобясь сей,
Я буду мотылечком,
Ты — бабочкой моей».

Пастушка улыбалась,
Пастух ее лобзал;
Он млел, она смущалась,
В обоих жар пылал;
Потом, вскопча, помчались,
Как легки ветерки:
Сцеплялись, свивались,
И стали мотыльки.

<1765>

88

Всё, что сердце ни терзало,
Чем мой рушился покой,
Всё уже то миновало:
Я любим моей драгой!
Всё, что прежде было в тягость,
Всё то ныне с ней мне радость:
Шутка, малость, пустота
С ней мне прелесть, красота.

Взор очей ее прелестных,
Сладость уст и тихий нрав
Мне виной утех всеместных,
Образ истинных забав!
С ней минутами мне годы,
Красным летом непогоды;
И один ее лишь сон,
Дух томя, влечет мой стон.

Я, на вид ее взирая,
Новым пламенем горю;
Ум к утехам простирая,
Тьмы бессчетные их зрю;

Свет в утехах забываю,
Вместе с ней когда бываю;
И что в оном ни гублю,
Нахожу в том, что люблю.

<1768>

89

Чем грозил мне рок всечасно,
То свершается со мной:
Я, любя тебя толь страстно,
Разлучаюсь с тобой!
Я лишаюсь милых взоров,
Я лишаюсь разговоров,
Я лишаюсь всего. . .
Есть ли что лютей сего!

Осуждаюсь жить, не видя
Вечно дорогой моей,
Осуждаюсь, ненавидя,
Жизни дни влачить своей.
О судьба! Судьба жестока!
Ты виной мне слез потока,
Лютых мук мне став творец,
Будешь смерти наконец.

Ах! а ты, мой стон внимая,
Век мне был для коей мил,
Не подумай, дорогая,
Чтоб тебя я позабыл;
Я всегда твоим считался,
Хоть страдал, хоть утешался;
И разлукою гоним,
Я умру, мой свет, твоим.

Пусть меня судьбина строга
Как захочет, так крушит,
Вечна пусть меня дорога
Милых глаз твоих лишит;

Пусть другой тобой владеет,
Дух ко мне твой охладет, —
Мне нельзя, мой свет, престать
Всяких благ тебе желать.

<1768>

Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 году в местечке Переволочно, на Украине, умер в 1803 году в Курске. Учился Богданович в Москве, в математическом училище при сенатской коллегии и в университете, служил в юстиц-коллегии и в военной коллегии, а затем в Петербурге (с 1764 года) — в иностранной коллегии и в государственном архиве. Богданович деятельно участвовал в литературной жизни, издавал журналы «Полезное упражнение», «Собрание новостей», редактировал «Санктпетербургские ведомости», состоял членом Российской академии. Интерес Богдановича к музыке и пению определился рано. Первые литературно-музыкальные опыты Богдановича относятся ко второй половине 1750-х годов. В своей автобиографии он писал: «По четырнадцатому году сочинил несколько духовных концертов, кои петы были с похвалою». ¹ В печати произведения поэта появились впервые в «Полезном увеселении» (1760—1762). Перу Богдановича принадлежат: поэма «Сугубое блаженство», лирическая комедия «Радость Душеньки», драма «Славяне», две театральные пьесы на темы русских пословиц, ряд переводов. Литературную славу принесла поэту «Душенька» (первая книга — 1778, полностью — 1783). При жизни Богдановича вышел в свет единственный сборник его стихотворений — «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого Муз любителя». (СПб., 1773). Как лирик Богданович оставался в пределах классицистической поэзии, был учеником и последователем Хераскова. Хотя к жанру «песни» Богданович обращался редко, но некоторые из его стихотворений стали популярными песнями.

---

¹ «Русская поэзия», под ред. С. Венгерова, т. 1, вып. 3, СПб., 1893, с. 553.

40. ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет.
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. (2)

Пригожей все меня зовут.
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. (2)

Он скажет: «Я тебя люблю»,
Любовь и я ему явлю;
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакого;
Любовь и я ему явлю. (2)

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток,
Что дать? — не знаю я хваток;
Не знаю я любовных слов. (2)

Дала б ему я посох свой —
Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. (2)

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. (2)

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;

Неужли пастуху в награду
За прежнюю ему досаду
Пастушка поцелуй дала? (2)

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. (2)

Любовь, владычица сердец,
Как быть — научит наконец;
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть — научит наконец. (2)

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придет сюда! (2)

<1773>

41

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
    А утки-то кра, кра, кра, кра;
    А гуси-то га, га, га, га.
    Га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.
    А утки-то кра, кра, кра, кра. . . и т. д.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

За кустиком таяся,
Иванушка сидел,
И тамо, мне дивясь,
Сквозь веточки глядел.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто тут он был.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Почасту ветерочек
Дул платьице на мне;
Почасту там кусточек
Колол меня во сне.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Мне снилось в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унести хотел.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.

А утки-то кра, кра, кра, кра... и т. д.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.

А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

<1779>

42. ПЕСНЯ

Много роз красивых в лете,
Много беленьких лилей,
Много есть красавиц в свете,
Только нет мне, нет милей,
Только нет милей в примете
Милой, дорогой моей.

Если б сам Амур был с нею,
Он ее бы полюбил;
Позабыл бы он Психею
И себя бы позабыл, —
Счастлив участью своею,
Век остался бы без крыл.

В ней приятны разговоры,
В ней любезна поступь, вид;
Хоть привлечь не тщится взоры,
Взоры всех она пленит;
Хоть нейдет с другими в споры,
Но везде любовь живит.

<1786>

Из ранних произведений Гавриила Романовича Державина (1743—1816) песней стало лишь стихотворение «Кружка». Позднее его творчество привлекло внимание крупнейших композиторов — современников поэта. При жизни Державина на тексты его произведений музыку писали: Козловский (полонез «Гром победы раздавайся...», «Возвращение из походов», «Сколь твоими чудесами...», «От крыл орлов парящих...» — четыре хора для потемкинского праздника, посвященного взятию Измаила в 1791 году): Бортнянский (хоровые концерты и кантаты), Пашкевич и Джузеппе Сартти. Державиным было создано семь оперных либретто, которые, однако, не увидели сценического воплощения. Популярность в качестве песен приобрели лирические (анакреонтические) стихотворения поэта. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Философы пьяный и трезвый», «Романс на потопление Н. Н.», «Русские девушки» (на последний текст романс написал М. Яковлев). Кроме того, Державину приписывается песня «Цари! вы светом обладайте...», отсутствующая в Собрании сочинений поэта (см. с. 196).

43. КРУЖКА

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая серебряная кружка!
    Давно уж нам в тебя пора
        Пивца налить
        И пить:
    Ура! ура! ура!

Ты дочь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
    И нам, как им, давно пора
        Счастливым быть
        И пить:
        Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дрались храбро на войне:
Ведь пьяным по колени море!
    Забуть и нам всю грусть пора,
        Отважным быть
        И пить:
        Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здоров и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.
    Давно гулять и нам пора,
        Здоровым быть
        И пить:
        Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
    Жеманство нам прогнать пора,
        Но просто жить
        И пить:
        Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,
А ныне клоб да маскарад
И жен уж с нами разлучают.

Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало — друга своего,
Теперь — карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра,
Мы станем жить
И пить:
Ура! ура! ура!

1777

44. ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Все быют челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцев и Суворов!
За столько славных ббев
Мы в память вашу пьем.

Орел глядит очами
На солнце в высоты,
Герои под шлемами —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
За здравье ваше пьем!

1791, 1801

45. ПЧЕЛКА

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

1794

46. МЕЧТА

Вошел в шалаш мой торопливо,
Я вижу: мальчик в нем сидит
И в уголку кремнем в огниво,
Мне чудилось, звучит.

Рекою искры упали
Из рук его, во тьме горя.
И розы по лицу блистали,
Как утрення заря.

Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь,
Мне в сердце, в душу заронилась:
Не смела ядохнуть.

Стояла бездыханна, млела
И с места не могла ступить;
Уйти хотела, не умела, —
Не то ль зовут *любить*?

Люблю! — кого? — сама не знаю.
Исчез меня прельстивший сон;
Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мне муку:
Любезен, мил мне ты.

1794

47. ХМЕЛЬ

Хмель как в голову залезет,
Все бегут заботы прочь;
Крез с богатствами исчезнет,
Пью! — и всем вам добра ночь.
Плющем лежа увенчанный,
Ни во что весь ставлю свет;

В бой идет пускай муж бранный,
У меня охоты нет.
Мальчик! чашу соком алым
Поспеши мне наливать;
Мне гораздо лучше пьяным,
Чем покойником, лежать.

1802

Василий Васильевич Капнист родился в 1757 году в с. Обуховка Миргородского уезда Полтавской губ., умер в 1824 году в селе Кибенцы Полтавской губернии. Его первое литературное произведение — «Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardî le 10 juillet année 1774» («Ода по случаю мира, заключенного между Россией и Турцией...») — написано и напечатано отдельным изданием в 1775 году. Литературную славу Капнисту принесла его комедия «Ябеда» (первая постановка — 22 августа 1798 года). Как поэт Капнист был близок к Г. Р. Державину и Н. А. Львову и входил в группированный вокруг них кружок, для которого был характерен интерес к музыке, пению и народной поэзии. Свои эстетические взгляды на фольклор и его значение для литературы Капнист выразил в статьях и письмах. Некоторые его стихотворения, написанные в духе просветительского сентиментализма, приобрели популярность в качестве песен, о чем свидетельствует то, что на их «голос» в периодических изданиях печатались песни других авторов. Кроме публикуемых текстов в песенниках изредка встречается «Ручей».

48. НЕВЕРНОСТЬ

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел.
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал;
Но взор молодой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид,
И самы нежны взоры —
Всё в ней притворно льстит.
Но всё в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое!
Напомни мне драгую,
Я всё люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю;
А всё ее люблю.

Конец 1770-х годов или 1780

49. ЧИЖИК

Милый чижик желтобокой!
Кверху, друг мой! не взлетай,
Не клади гнезда высоко,
Но в густой траве свивай.
Ты взгляни, как ястреб гладный
Над тобой уже парит,
Как, твоей он крови жадный,
Когти на тебя острит.

Вырос илем над горою;
Но там, зной ли дышит — жжет,
Буря ль налетит с грозой —
Ломит ветви, листья рвет.
А в долине ива мшиста,
Бури не боясь, стоит.
Там струя, катясь, чиста
В жарки дни ее поит.

Так зачем и мне крушиться,
Что вельможей не рожден?
Тот пусть ищет век томиться,
Кто тщеславием вскружен.
Я же низменной стезею
От мирских сует уйду.
Труд доля с драгой семьею,
Счастье в бедности найду.

Конец 1780-х годов или 1790

50. НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина,
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У холодной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезной
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела;

Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне всё была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной
Немее лиры звон.
Безмолвную тоскою
Сильный теснится дух;
Прийди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

Между 1788 и 1792

51. СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ

Хвалят старое вино:
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга:
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

Может быть, за правду эту
Свет и насмеется мне,
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине;
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой;
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

Хвалят старое вино:
Правда, веселит оно.

Выхваляют стара друга:
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

Начало 1790-х годов

52. ПОТЕРЯ ДНЯ

Солнце за горою село,
Лес зеленый потемнел.
С Лизой день не видясь целый,
В горести Милон сидел.
Стадо, вокруг его стесненно,
На густой траве легло;
Он, печалью отягченный,
Гнать его забыл в село.

Шорох каждого листочка
Радостно тревожил слух,
И дыханье ветерочка
В трепет приводило дух.
Но уж тень кругом сгустилась,
Ветр листка не шевельнет;
В мраке и надежда скрылась:
«Нет, уж Лиза не придет!»

«Солнце! ты зачем светило? —
Воздохнув, Милон сказал. —
Я не видел Лизы милой;
Этот в жизни день пропал.
Рощица! моя отрада,
Как в тени гулял я с ней;
Без нее твоя прохлада
Хлад несет душе моей.

Рощица! пора проститься;
Стадо милое! пойдем;
Поспешай ты насладиться
От меня бегущим сном.

Окропился уж росой
Луг, где с Лизой я гулял,
А горячею слезою —
Место, где напрасно ждал».

<1797>

Петр Матвеевич Карабанов родился в 1764 году в Смоленске, умер в 1829 году в Петербурге. По окончании Московского университета Карабанов занялся литературной деятельностью. Первое печатное произведение его — ода «Злато» («Растущий виноград», 1785, август). Карабанов служил при дворе, был членом Российской академии и «Беседы любителей русского слова». Сотрудничая в журналах «Зеркало света» (1786—1787), «Лекарство от скуки и забот» (1786), «Новые ежемесячные сочинения», «Зритель» (1792), «С.-Петербургский Меркурий» (1793), «Новости», он публиковал официозные произведения — оды, торжественные хоры и песни на победы русской армии, на рождение, крещение, бракосочетание и кончину высокопоставленных лиц. Карабанов перевел трагедию Вольтера «Альзира, или Американцы» и ряд научных и богословских сочинений. При жизни поэта сборник его «Стихотворений» издавался дважды (М., 1801; М., 1812). Перу Карабанова принадлежат семнадцать лирических песен; некоторые из них он написал на «голоса» известных песен, пять положено на музыку О. Козловским. Кроме публикуемых текстов в XVIII веке популярностью пользовались следующие романсы Козловского на слова Карабанова: «Стремлюсь к тебе всечасно...» и «Лети к моей любезной...». Позже приобрела известность благодаря музыке Чайковского пастораль Карабанова «Мой миленький дружок, любезный пастушок...» (дуэт Прилепы и Миловзора из оперы Чайковского «Пиковая дама»).

53

Ох! Как-то мне жить!
Ох! Как не тужить!
Отъезжаешь,
Покидаешь,
Мил-сердечной, меня? (2)

Голубчик ты мой,
Разлучаюсь я с тобой!
Здесь не будешь,
Позабудешь,
Что была я твоя. (2)

А я, молода,
Буду помнить всегда,
Как со мною,
С молодой,
Миловался дружок. (2)

Дорожкой пойду
Во зеленом саду,
И листочки,
И цветочки
Все поблекнут, мой свет. (2)

А где ты с другой,
Свыкнешься, дорогой,
В дни осенни
Дни весенни
Там проглянут для вас. (2)

Вздохни обо мне
На чужой стороне;
Вздохнувши,
Вспомянувши,
Прослезися хоть раз. (2)

А я для тебя
Иссушу всю себя;
По разлуке
Буду в скуке
Лишь тебя вспоминать. (2)

1780-е годы

Гренадеры, молодцы,
Други, братья, удалцы!

Ой, калина, ой, малина!

Станем, братцы, вкруговую,
Грянем песню удалую,

Грянем песню, в добрый час,
Благо хлеб-соль есть у нас,

Запоем мы трыцко, хватско
Про житье-бытье солдатско:

Что под дождичком трава,
То солдатска голова, —

Весело цветет, не вянет,
Службу царску бойко тянет.

Жизнь мужицкая, прости!
Ради службу мы нести.

По позыву и по воле
Умереть готовы в поле.

В ком хоть мало есть ума,
Не страшна тому сума:

Он ружье, патронник, лямку —
Как ребенок любит мамку,

А бывало, братцы, встарь,
Хоть дубиной приударь —

Ни из чести, ни из платы
Не пойдет мужик в солдаты.

Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет;

А когда служить сберется,
То как с жизнью расстаётся,

Тут жена, и брат, и сват,
Гришка, Сидор и Кондрат

Как по мертвом зарыдают,
До кружала провожают.

Всей деревней заревут:
«Ваньку в рекруты сдают!»

«Ах! прости навеки, Ваня,
Вот ужо те будет баня!»

А теперь — чего тужить,
Как с охотой не служить?

Слава богу! есть отставка,
По два рублика прибавка.

Ай, спасибо, наша мать,
Ради в поле умирать!

Жизнь солдатска нам забава,
Польза, счастье всем и слава!

<1795>

Николай Петрович Николев (1758—1815) воспитывался в доме известной писательницы XVIII века, президента Российской академии Е. Р. Дашковой и с детства оказался в атмосфере литературно-музыкальных интересов, характерных для наиболее культурного слоя русского дворянского общества. Этим объясняются и его собственные ранние стихотворные опыты: уже в тринадцатилетнем возрасте он написал «Сатиру на развращенные нравы нынешнего века». Юный поэт увлекался театром и музыкой. Ослепнув и выйдя в середине 1780-х годов в отставку из гвардии, Николев целиком отдается литературной деятельности. В 1792 году он избирается действительным членом Российской академии, в 1811 году — почетным членом «Общества любителей словесности» при Московском университете. Перу Николева принадлежат многочисленные оды и сатиры, басни и песни, либретто комических опер («Розан и Любим», «Приказчик», «Феникс», «Точильщик»), трагедии («Сорена и Замир», «Пальмира»), комедии («Самолюбивый стихотворец», «Испытанное постоянство» и др.). Некоторые арии из его комических опер стали популярными. Николев был близок к кружку Н. И. Панина, и его произведения проникнуты настроениями дворянского либерализма. Как поэт-песенник он принадлежал к сентименталистскому направлению в русской поэзии. Свое «Собрание разных песен» он посвятил «российскому Шолье» — Нелединскому-Мелецкому. В «Творениях», вышедших в свет при жизни поэта, опубликовано 60 песен. Несколько текстов написано на мелодии модных французских песен или популярных песен других поэтов, большая же часть — на «голоса» народных песен, которым поэт старался подражать. Сам поэт противопоставлял свою поэзию классицистической:

Строй, кто хочет, громку лиру,
Чтоб казаться в высоке;
Я налажу песню миру
По-солдатски, на гудке.

Песня Николева «Девушка по сеням похаживала...» уже своей первой строкой указывала на источник — песню «Вдовушка по сеням похаживала...». На напев песни «Дорогая моя матушка...» поэтом сочинены даже две песни: «Кто меня несчастней может быть...» и «Ах, когда б я то предвидела...». Но народность этих песен — чисто внешняя. Вообще надо сказать, что, не смотря на все старания Николева приохотить современников к своим песням, лишь немногие из них вошли в быт. Николеву приписывается популярная песня «Взвейся выше, понесися...», но для этого нет достаточных оснований (см. с. 198, 991).

55

На голос: «O! ma tendre musette! etc.»¹

«Престань источник слезный,
Престань, Лизета, лить!
В глазах твоих любезный,
И должно всё забыть».

— «Внимай меня, вселенна,
Внимай, любезный мой,
Что я на то рожденна,
Чтоб в плен отдаться твой.

Чтоб чувствовать и мыслить
Всегда одно с тобой;
Одни утехи числить,
Одною жить душой.

Тебе вручила душу,
Тебя клялась любить;
И клятвы не нарушу,
Доколе буду жить.

---

¹ «O! моя нежная волынка! и т. д.» (франц.). — *Ред.*

Не льстят мне честь и слава,
Не в них ищу отрад,
Мой трон, моя держава —
Один твой милый взгляд!

Сули престол мне света,
Чтоб отдала тебя;
Ах, нет! твоя Лизета
Умрет, тебя любя!»

<1790>

56. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вечерком румяну зорю
Шла я с грусти посмотреть,
А пришла всё к прежню горю,
Что велит мне умереть.

Горе к речке заманило;
Села я на бережок —
Сердце пуще приуныло,
Мутен чистый стал поток.

Я, вздохнувши, тут сказала:
Лейся, речка, как слеза!
И, сказавши, показала
Полны слез мои глаза.

Струйки чисты зашумели,
Будто сжалюсь надо мной;
Но утешить не умели,
И осталась я с тоской.

О души моей веселье,
Для кого мне жизнь мила!
Я последне ожерелье
За тебя бы отдала.

А когда б была богатой
И большою госпожой,
Все алмазы были б платой
За свидание с тобой.

Как сокровища я света,
Берегу к тебе любовь;
Ею лишь во мне нагрета
Будто пламенем вся кровь.

Горячее солнца знойна
Сердце к милому горит,
И душа лишь тем покойна,
Что в себе его хранит.

Вас, струйки мои любезны,
Вас прошу в тоске моей!
Донесите капли слезны
Вы до милого скорей!

Донесите. . . Пусть узнает,
Сколько рвуся я по нем,
Сколько сердце унывает
О сокровище своем!

Так скажите: «Но с тоскою
Хоть и много видишь слез,
А не всё, не всё с собою
До тебя поток донес.

Их еще осталось море
Без тебя ей проливать;
А в отраду, в лютом горе,
Дорогого призывать».

Но напрасно в вас, потоки,
Погружаю голос мой;
Вам пути хотя широки,
Стон останется со мной.

Сколько чистых струй ни вьете
Быстрым бегом в берегах,
Слез моих не унесете —
Всё они в моих очах!

Очи что ни повстречают,
Всё постыло, всё беда!

Роши и луга скучают;
Темно в полдень мне всегда.

Ветерок ли рощу тронет,
Где в печали я хожу, —
Тотчас в думу... милый стонет...
И от страха я дрожу!

Выйду ль на лужок от скуки —
Грусть за мною по пятам;
Всем веселье — мне лишь муки:
Где ступила, горе там!

Люди с солнцем — людям ясно,
А со мною всё туман!
Без тебя оно напрасно,
Без тебя мне жизнь обман.

Нет, уж нет души со мною —
Неужель, ах! ты забыл,
Звал котору дорогою,
И клялся, что ты любил?

Нет, не верю!.. нет, не львицей
Вскормлен ты, любезный мой!
Той ли будешь ты убийцей,
Отдан чей тебе покой?

Нет, не верю... ах! заставишь
Сердце верить и тому,
Если сроку не убавишь,
Возвратишься ты к нему!

Я поверю!.. Жизнь разрушу,
А тебе лишь тем отмщу,
Что, любя тебя как душу,
Смерть мою тебе прощу.

<1792>, <1798>

Полно, сизенький, кружиться,
Голубочек, надо мной!
Лучше вдаль тебе пуститься,
Вдаль. . . туда, где милый мой.

Полети к нему скорее,
Долети к душе моей;
Проворкуй ему жалчее,
Что не вижу ясных дней.

Как листок от ветра бьется,
Бьется сердце так мое,
К другу движется. . . несется
Горе с ним забыть свое. . .

Ах! не туча развилася,
Льет не сильный дождь, гроза —
То по друге пролилася
Горькая моя слеза!

Всё я голосом унылым,
Всё, что встречу, то прошу:
Дай увидеться мне с милым!
Для него я лишь дышу.

Для него не умираю,
Горем мучаясь моим;
Не на муки я взираю,
На мое свиданье с ним.

Не тяжелы вздохи числю,
Их не можно перечесть,
Я о том. . . о том лишь мыслю,
Чтоб к нему себя донесть.

Он всё то, что в свете мило. . .
Мило сердцу моему!
Нет его. . . и всё постыло,
И не рада ничему!

Без того, по ком рыдаю
И кого прошу у всех,
Не найду и не желаю
Ни сокровищ, ни утех.

Чтобы с милым повидаться,
Бурно море преплыву;
Чтобы с милым мне расстаться,
Смерть я жизнью назову.

Ах, лети и всё до слова,
Голубок, ему скажи;
Возврати мне дорогого,
Душу в теле удержи!

Умереть его дождуся,
Силы все на то сберу;
На него я нагляжуся
И от радости умру.

<1793>

58

Душеньки часок не видя,
Думал, год уж не видал!
Жизнь мою возненавидя,
Жизнь, прости навек! — сказал.

Но лишь встретился с душою,
Снова стала жизнь мила;
С новой, с новой красотою
Вся природа процвела.

Милы стали речки снова
И песчаный бережок,
Где душа для дорогого
Опускает поплавок,

Где бежит на уду рыбка
К милой, к милой красоте;
На устах мне чья улыбка
Краше розы на кусте.

Краше розы. . . ей дивлюся,
Видя нежну, хорошú!
Ей люблюсь, веселюся,
Цвета запахом дышу.

Но не розу я срываю,
На сердечке мысль не та:
Я целую, лобызаю
Душу милую в уста.

Снега личико белее
И румянее зари;
Очи кари дня светлее,
И алмаза не дари. . .

В взгляде милой я встречаю
Ясна солнышка лучи;
С нею вечно не скучаю,
С ней денек мне и в ночи.

С нею всё забыто мною,
Окроме ее одной;
С ней мне осенью, зимою
Время кажется весной.

О лужок, лужок зеленый,
Где я с душенькой сижу!
Не прельщаясь переменой,
На нее одну гляжу.

То, любуясь, называю
Жизни душенькой моей,
То цветочки я срываю
И плету веночек ей.

Я плету. . . она целует,
Что тружуся для нее;
Так словцом меня милует:
«Ты сокровище мое!»

Жизни ты моей вся сладость,
Жизнь тобой лишь хороша,

Мысли дума... сердца радость,
Душеньки твоей душа.

Не отдам я дорогого
За богатство всех царей;
Счастья не хочу другого,
Ставши душенькой твоей».

Речью, душенька, такую
Вечно, вечно утешай!
Мною ты, а я тобою
Век в любви найдем наш рай.

<1798>

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий родился в 1752 году в Москве, умер в 1828 году в Калуге. Сын гвардейского офицера, рано оставшийся без матери, будущий поэт получил домашнее образование в опекавших его аристократических семьях. В 1769—1770 годах он учился в Страсбургском университете, а с 1770 года по 1785 год находился на военной службе и участвовал в первой русско-турецкой войне. Выйдя в отставку в чине полковника, Нелединский-Мелецкий служил директором Главного народного училища в Москве, с 1807 года заведовал учебной частью в московских училищах ордена св. Екатерины и мещанских девиц. В 1813—1826 годах он жил в Петербурге, находясь на службе в Сенате и Опекунском совете, а последние два года своей жизни провел в Калуге. Литературная деятельность Нелединского-Мелецкого началась во второй половине 1770-х годов (первое стихотворение — «Молитва», — датированное 1778 годом, вызвало протест духовной цензуры). Находясь в дружеских отношениях с семьей Головиных, в домашнем быту которых музыка и литература занимали большое место, поэт многие свои песни и романсы сочинял экспромтом на музыкально-литературных вечерах и посвящал их старшей из сестер Головиных, Дарье Ивановне (в замужестве Уваровой), и ее подруге М. А. Кошелевой. Современники ценили в Нелединском-Мелецком прежде всего его дарование поэта-песенника. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии» ставил его первым в ряду «лучших песней сочинителей». К. Н. Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» утверждал, что «вдохновенные страстью песни Нелединского» «менее или более приближались к желанному совершенству». М. Н. Макаров в статье-некрологе писал: «„Выду я на реченьку“, „У кого душевны силы“, „Ты велишь мне равнодушным“ и другие песни Ю. А. Нелединского поставили его на первую степень между на-

шими сочинителями песен». ¹ С середины 1850-х годов оценка песен Нелединского-Мелецкого резко меняется, критика пишет об их «устарелости», «приторной сентиментальности» и т. п. Между тем в быту некоторые песни и романсы его продолжали оставаться популярными. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Прости мне дерзкое роптанье...», «Если б ты была на свете...» (с муз. Козловского).

59

На голос: «Девчина моя»

Ох! тошно мне
На чужой стороне;
    Всё постыло,
    Всё уныло:
Друга милого нет.

Милого нет,
Не глядела б на свет.
    Что, бывало,
    Утешало,
О том плачу теперь.

В ближнем леску
Лишь питаю тоску:
    Все кусточки,
    Все листочки
Там о милом твердят.

Будто со мной
Там сидит милый мой,
    Забываюсь,
    Откликаюсь
Часто на голос свой.

Милого нет!
Ах, пойду за ним вслед:

---

¹ «Дамский журнал», 1829, № 11, с. 170—171.

Где б ни крылся,
Ни таился,
Сердце скажет мне путь.

Ох! тошно мне
На чужой стороне!
Слезы льются,
Не уймутся;
В них отрада моя.

<1791>

60

Ты велишь мне равнодушным
Быть, прекрасная, к себе;
Если хочешь зреть послушным,
Дай другое сердце мне.
Дай мне сердце, чтоб умело,
Знав тебя, свободным быть;
Дай такое, чтоб хотело
Не одной тобою жить.

То, в котором обитает
Несравненный образ твой, —
Сердце, что тобой страдает,
То и движется тобой.
В нем уж чувства нет иного,
Ни другой в нем жизни нет.
Ты во тьме мученья злого —
Жизнь, отрада мне и свет.

Верность я ль к тебе нарушу?
Вздох мой первый ты взяла!
И, что я имею душу,
Ты мне чувствовать дала;
Ты мне душу, ты вложила,
Твой же дар несущи тебе;
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю их себе.

Лишь не мучь, повелевая,
Чтоб твоим престал я быть:
Чем, в безмолвии страдая,
Чем тебя мне оскорбить?
Разве чтишь за преступленье
Взор небесный твой узреть;
Им повергнуться в смущенье
И без помощи... терпеть!

<1792>

61

У кого душевны силы
Истожилися тоской,
В грусти дни влача постылы,
Кто лишь в гробе зрит покой, —
На лице того проглянет
Луч веселья в тот лишь час,
Как терять он чувства станет,
Как вздохнет в последний раз.

Ты, кем жизнь во мне хранится!
Казнь... и благо дней моих!
Дух хоть с телом разлучится,
Буду жив без связи их.
Душу что во мне питало,
Смерть не в силах то сразить;
Сердцу, что тебя вмещало,
Льзя ли не бессмертну быть?

Нет, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божеством.
От меня ты примешь жертву
И в сем мире, и в другом.
Тень моя всегда с тобою
Неотступно будет жить,
Окружать тебя собою,
Вздох твой, взоры, мысль ловить...

Насладится, вкликнув тайно
В прелести души твоей;

Если ж будешь хоть случайно
Близ гробницы ты моей,
Самый прах мой содрогнется,
Твой приход в нем жизнь родит,
И тот камень потрясется,
Под которым буду скрыт.

<1792>

62

Милая вечер сидела
Под кустом у ручейка.
Песенку она запела;
Я внимал издалека.
Будто с ней перекликался
Ближней рощи соловей.
Голос милой раздавался,
Отдался в душе моей.

Мне зефиры приносили
Иногда ее слова.
Иногда слова глушили
Вкруг шумящи дерева.
Смолкни всё! Престань мешаться
Ты, завистный соловей!
Пусть один в душе раздастся
Голос милой лишь моей.

<1795>

63

Выду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унести с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склонению твоему:
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает:
Взгляд его — весь мой закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мышлю, кем дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж ты найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь:
Словом ласковым — хоть ложным —
Ад души моей умерь.

<1796>

Первый сборник стихотворений Николая Михайловича Карамзина (1766—1826) «Мои безделки» вышел в свет в 1794 году, и с этих пор к его славе прозаика и журналиста — зачинателя нового направления в русской литературе (сентиментализма) — прибавилась известность поэта, возглавившего то же направление в отечественной поэзии. Как автор песен Карамзин не приобрел большой известности, и в этом отношении он менее значительная фигура для своего времени, чем для предшествующей эпохи Тредиаковский и Сумароков. По степени популярности он уступал даже другим песенникам-сентименталистам, особенно Дмитриеву. Но несколько его стихотворений все же стали характерными образцами сентименталистской вокальной лирики.

64. ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал —
В бедном рубище, в порфире —
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость, —
Говорит святой Мудрец, —
Старец в нем находит младость,
Бедный — горестям конец.

Кто всё плачет, всё вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем —
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Всё печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

1791

65. ПРОСТИ

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен:
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен:
За что меня любить?

Простое сердце, чувство —
Для света ничего.
Там надобно искусство —
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)

Не знал — и ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал — ты смеялась,
Шутила надо мной,
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей. . .
Уже другой владеет
Навек рукой твоей! . .

Будь счастлива, покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горючих,
Желать конца — прости!

1792

66. К СОЛОВЬЮ

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?

Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травюю.
Я остался сиротою,
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить! . .
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному:
Свет — пустыня, мрак ему.

Скоро ль песнию своюю,
О любезный соловей,
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

1793

67

Мы желали — и свершилось! . .
Лиза! Небо любит нас.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный час!

Быть счастливейшим супругом,
Быть любимым и любить,
Быть любовником и другом. . .
Ах! я рад на свете жить!

Рад терпеть, чего не можно
В здешней жизни избежать;
Рад и плакать, если должно
Смертным слезы проливать.

Нежность горе услаждает;
Дружба милою рукой
Слез потоки отирает
И вселяет в грудь покой.

Будь единственным предметом
Страсти сердца моего!
Я навек простился с светом,
Мне наскучил шум его.

Пусть Прелесты там сияют
Блеском хитростей своих;
Пусть они других прельщают;
Пусть другие любят их!

Было время заблуждений;
Я как бабочка летал
Вкруг блестящих привидений —
Сердца в мраморе искал!

Сон исчез — и я увидел,
Что игрушкой хитрых был;
Всех Прелест возненавидел
И невинность полюбил.

Ты одна любви достойна;
Я нашел, чего искал,
И душа моя спокойна.
Всё сбылось, чего желал!

Свет забудет нас с тобою —
Что нам нужды, Лиза, в нем?
Мы с любовью одною
Век без скуки проживем.

1794(?)

68. ПЕСНЯ

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Любил я резвую Пленуру,
Любил веселую Темиру,
Любил и сердцем и душой.
Они шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лил рекой!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Мне горы золота сулили;
Надейся! — взором говорили.
Пришло к развязке наконец...
И что ж? мне двери указали!
Учись знать шутку, друг! — сказали...
Они смеются!.. я глупец!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Тот век несчастлив будет с вами,
Кто любит прямо, не словами.
Вам мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить нас рабством и цепями
И только для тщеславья жить.

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Ах! лучше по лесам скитаться,
С лапландцами в снегу валяться
И плавать в лодке по морям,
Чем быть плаксивым Селадонном,
Твердить «увы» печальным тоном
И ввек служить потехой вам!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

1795

Иван Иванович Дмитриев родился в 1760 году в с. Богородское, под Сызранью, умер в 1837 году в Москве. Рано начав военную службу (с 14 лет), Дмитриев вышел в отставку в 1796 году в чине полковника, после чего стал крупным чиновником (был обер-прокурором, министром юстиции и т. п.). Первые стихотворные опыты Дмитриева относятся к 1777 году, но известность как поэт он приобрел с начала 1790-х годов, после опубликования стихов в «Московском журнале» Карамзина. Сам Дмитриев впоследствии признавался: «С четвертой части («Московского журнала». — В. Г.) начался уже новый период в моей жизни: песня моя «Голубочек» и сказка «Модная жена» приобрели мне некоторую известность в обеих столицах. Любители музыки сделали на песню мою несколько голосов».¹ Как поэт Дмитриев был талантливым песенником-сентименталистом. Самым плодотворным периодом в его песенном творчестве были 1792—1795 годы. Всего им было написано 17 песен. Большая их часть была включена Дмитриевым в его первый сборник «И мои безделки» (1795) и особенно в составленный самим поэтом «Карманный песенник» (1796), что способствовало их быстрому распространению в быту. Хотя Дмитриев был известен современникам также как сатирик и автор басен, но настоящий успех ему принесли всё же его песни. На слова Дмитриева охотно сочиняли музыку композиторы-современники — Дубянский, Жилин, Алябьев, а позже А. Рубинштейн («Горлица и прохожий»), Направник («Стонет сизый голубочек...», хор) и др. Почти все песни поэта приобрели популярность и надолго вошли в устный репертуар. Кроме публикуемых текстов известна «Разлука» («Без друга и без милой...»).

---

¹ «Взгляд на мою жизнь». — Сочинения, т. 2, М., 1815, с. 48.

69. ПАСЛАЖДЕНИЕ

Всяк в своих желаньях волен —
Лавры! вас я не ищущу;
Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Будь мудрец светилом мира,
Будь герой вселенной страх,
Рано ль, поздно ли, Темира,
Всяк истлеет, будет прах!

Розы ль дышат над могилой,
Иль полынь на ней растет, —
Всё равно, о друг мой милый!
В прахе чувства уж нет.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота;
Дорог, дорог каждый час!

Может быть, в сию минуту,
Милый друг, всеильный рок
Посылает парку люту
Дней моих прервати ток.

Ах! почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас еще сердца!

<1792>

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркуёт
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С одной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее. . . увы! по тщетно, —
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул,
Уж не стонет, не вздыхает —
Голубок. . . навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека.
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг,
Но. . . увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

<1792>

71

Ах! когда б я прежде знала,
Что любовь родит беды,
Веселясь бы не встречала
Полуночные звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой, злой моей судьбе
Я слила б из воска яра¹
Легки крылышки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;
Возрыдала б, возопила:
«Добры люди! Как мне быть?
Я неверного любила. . .
Научите не любить».

<1792>

72

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришлось терпеть!
Я расстаться должен с милой
На заре, к моим слезам. . .
О луна! твой свет унылый
Краше солнышка был нам!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришлось терпеть!
Знать, и сонная мечтала
О любви ты своей:
Ты к утехам рано встала,
А я к горести моей!

---

¹ Эта песня есть точное подражание старинной простонародной песне.

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах, а мне пришло терпеть!
О, когда б и ты имела
Участь, равную со мной,
Ты б молчала, а не пела
И встречала день с тоской.

<1792>

73

Птичка, вырвавшись из клетки,
Долго в воздухе кружит
И зеленой даже ветки,
Быв напугана, дрожит.

Далеко гнездо свивает,
Не глядит на мягкий дерн, —
По несчастью, уж знает,
Что, где роза, там и терн.

Всем, кто чувствует, в природе
Мила вольность дорога,
Лишь любовник во свободе
Видит злейшего врага.

Он, смотря на те оковы,
В коих долго так стонал,
Всякий день досады новы
От жестокой получал.

Воздыхает и, слезами
Окропя их, говорит:
Не хочу расстаться с вами,
Пусть любезна уморит.

<1794>

74. ЭЛЕГИЯ

Коль надежду истребила
В страстном сердце ты моем,
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты из жалости по нем!
Дай хоть эту мне отраду,
Чтоб я жизнь мою влачил,
Быв уверен, что в награду
Я тобой жалею был!

Если б в нашей было воле
И любить и не любить —
Стал ли б я в злосчастной доле
Потаенно слезы лить?
Нет! на ту, котора к гробу,
Веселясь, мне кажется путь,
За ее жестокость, злобу,
Не хотел бы и взглянуть.

Но любовь непостижима!
Будь злодейкою моею —
Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей!
О жестока! . . о любезна!
Смейся, смейся, что терплю.
Я достоин — участь слезна!
Презрен, стражду и . . люблю!

<1794>

75

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! ¹ — Припевай!

Мил, любезен василечек
Рви, доколе он цветет;

---

¹ Известный припев одной из цыганских песен.

Солнце за́йдет, и цветочек. . .
Ах! увянет, опадет!

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! — Припевай!

Соловей не умолкает,
Свищет с у́тра до утра́:
Другу милому, он знает,
Петь одна в году пора.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! — Припевай!

Кто, быв молод, не смеялся,
Не плясал и не певал,
Тот ничем не наслаждался, —
В жизни не жил, а дышал.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! — Припевай!

<1795>

76

Всех цветочков боле
Розу я любил;
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее,
Всё как вновь, цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь;
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! Как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красоты порок!

<1795>

77

Куда мне, сердце страстно,
Куда с тобой бежать?
Здесь должен я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняют,
Что я всегда уныл;
Увы! они не знают,
Таков ли прежде был!

Ах! некогда на лире
И я, резвясь, играл;
И я путь скромный в мире
Цветами устилал.

О, грустно вспоминанье!
Не медлим ни часá —
Пойдем сокрыть стенанье
В дремучие леса.

Там горестью глубокой
Никто не укорит,
Ни имени жестокой
При мне не повторит.

Пускай один с тобою
Я буду горевать,
И непрестанно Хлою
Винить, обожать.

<1795>

78. ПЕСНЯ

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!
Ах! и ты как тень пройдешь!

Други, матери-природы
Слышите ль приятный глас?
Составляйте ж хороводы,
Пойте, ваш доколе час.

В жизнь однажды срок утехам,
Пролетя, не придут вновь!
Дайте руку играм, смехам,
Призовите и любовь.

А певца, который с вами
Уж резвиться устарел,
Увенчайте хоть цветами,
Чтоб еще он вам пропел.

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!
Ах! и ты как тень пройдешь!

<1795>

79

О любезный, о мой милый!
Где ты власть небесну взял?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу дал.

КАРМАННЫЙ
ПѢСЕННИКЪ,
или
СОБРАНИЕ
ЛУЧШИХЪ СВѢТСКИХЪ И
ПРОСТОНАРОДНЫХЪ
ПѢСЕНЪ.

Les vers sont enfans de la lyre,
Il faut les chanter, non les lire.

Часть I. II. III.

МОСКВА,
Въ вольной Типографіи Понома-
марева 1796 года.

Прочь, печали и папасты!
Прочь, заботы! — вас уж нет!
Покорюсь нежной страсти,
Я гляжу на новый свет.

Всё в нем лучше, веселее,
Всё об милом говорит;
Даже солнышко светлее
Для меня теперь горит;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше от тебя;
Величаюсь, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И приятнее пою;
Всё мне рай и всем питаю
Страсть, любовь к тебе мою —

Страсть, навеки воспаленну!
Что скажу я наконец? . .
Ты украсил всю вселенну,
Ты мой ангел, мой творец!

<1795>

80

«Что с тобою, ангел, стало?
Не слышать твоих речей;
Всё вздыхаешь! а бывало,
Ты поешь, как соловей».

— «С милым пела, говорила,
А без милого грущу;
Поневоле приуныла:
Где я милого сышу?»

— «Разве милого другого
Не найдешь из пастушков?
Выбирай себе любого,
Всяк тебя любить готов».

— «Хоть царевич мной прельстится,
Всё я буду горевать!
Сердце с сердцем подружится —
Уж не властно выбирать».

<1796>

Большая часть лирических стихотворений написана Иваном Андреевичем Крыловым (1769—1844) в 1790-е годы, из них при жизни автора было напечатано всего шестнадцать. В то время как многие басни Крылова неоднократно были положены на музыку разными композиторами, его лирические стихотворения внимания композиторов не привлекали.

81. МОЙ ОТЪЕЗД

Песня

Уже близка минута
Разлуки моя;
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.

Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.

Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки, —
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.

С кем встречу, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Лесок, деревня, поле,
Всё вспомнит предо мной
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.

Всё мне тебя представит;
Всё слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылый,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.

Там я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утехы новы,
Быть верными сулят.

Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя,

И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.

Ах, вспомни всё мученье
И это разлученье, —
Мой друг! Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

<1793>

Дата рождения Дмитрия Ивановича Вельяшева-Волинцева не установлена, умер он в 1818 году. Вельяшев-Волинцев состоял в «Обществе любителей российской словесности, истории и древностей российских», издавал «Талию. Журнал для любителей театра» (М., 1811), был известен современникам в качестве первого переводчика «Гамбургской драматургии» Лессинга. Стихотворения Вельяшева-Волинцева изданы при жизни автора: «Лира. Собрание стихотворений», М., 1804.

82. ПЕСНЯ

Здесь, под тенью древ ветвистых,
Ручей быстрый где течет
И в струях прозрачных, чистых,
Золотой песок влечет;
Где при бледном лунном свете
Можно в вольности стенать —
Здесь, забыв о целом свете,
Стану грусть мою вещать.

Как дыхания зефирны,
Ручей! льется твой кристалл;
В нем мне зрятя дни те мирны,
В кои Клои я не знал.
Клоя! . . сколько ни гордится
Роза, красота садов, —
Но, узрев тебя, стыдится
Слабости своих цветов.

И с толикой красотой
Можно ль столь суровой быть,
Чтоб, лишив меня покою,
После злобно изменить?

Вспомни, как, сидя с несчастным
На дерновой сей скамье,
С вздохом нежным, с вздохом страстным
Ты сказала тихо мне:

«Прежде, нежели увянет
Страсть моя к тебе, Дорит,
Ручей литься сей престанет».
Кляя! . . он еще журчит!

Он журчит еще в сей вечер.
От моих мутится слез;
Клятвы ж Клои буйный ветер
С счастьем моим унес.

Может быть, когда промчится
Слух, меня что в свете нет, —
Горсть в грудь твою вселится
И на гроб мой приведет.

Вспомнишь ты тогда мой пламень,
Кровь вся в сердце закипит;
Слезы канут; хладный камень
Томны вздохи повторит.

<1794>

Павел Сергеевич Гагарин (1747—1789) — генерал, участник первой русско-турецкой войны, обер-комендант Москвы. Стихотворения Гагарина отдельной книгой не издавались, они были напечатаны после смерти автора в 1792—1799 годах в журналах «Чтение для вкуса, разума и чувствований» и «Приятное и полезное препровождение времени», а также в альманахе «Аопиды». Кроме публикуемых стихотворений Гагариным написаны песни: «Я, страсти не тая...», «Стыдно ль сердцем...», «Лизу к сердцу прижимая...», «Сидя вместе на кусточке...», «В лазурном своде неба...», «При лесочке эхо мило...», «Моя песня без Лизеты...».

83. ПЕСНЯ

В поднебесье раздается
Звонкий, нежный голосок;
Птичка резво в небе вьется
И порхает, где прудок.
    Вдоль летает,
    То виляет
Вдоль, и вверх, и поперек, (2)
    И туда,
    И сюда.
Мыла ласточка, здорово!
К нам с тобой утеха нова!

К нам весна спешит с тобою,
Чтоб забавы породить;
Ты порхай всегда над мною,
Вей гнездо, где буду жить
    Я весною
    С дорогою.
Ты весну ведешь с собою; (2)
    Ах! она
    Мне мила!
Мила ласточка... и т. д.

Сизокрылой голубочек
И с голубкою своей
Сядет, сядет на кусточек
Перед Лизанькой моей.
    Он подружку,
    Я пастушку
Станем нежно целовать. (2)
    Он в носок,
    Я в роток!
Мила ласточка... и т. д.

Над душистыми цветами
Пестры бабочки летят
И узорными крылами
Игры, смехи к нам малят.
    Тут лилеи;
    Им милее
Розы Лизаньки моей. (2)
    Игры с ней,
    Смехи к ней!
Мила ласточка... и т. д.

И кусточки распушатся,
Зелень уберет поля;
Спешу с Лизой прогуляться
Я в цветущие луга,
    И в лесочек
    Под кусточек
Отдохнуть мы с ней зайдем. (2)

Буду с ней,
Счастлив ей!
Мила ласточка, здорово!
К нам с тобой утеха нова!

84. НЕМАН

(На голос: «Волга, реченька глубока...»)

Неман, реченька любезна
Для чувствительной души!
Дай раздаться песне слезной;
Шумом волн ты не глуши!

Дай, чтоб эхо повторяло
Песнь унылую со мной! . .
Хоть бы эхо сострадало
Отягченному бедой.

На берегах уединенных,
Дикой милых красотой,
Белой пеною смоченных,
Дай найти себе покой!

Дай дрожащею рукою
Имя камню мне предать,
Окропить его слезою. . .
Не дерзай его смывать!

И тебе б слезу поверил —
Ты далек от дорогой,
Не туда течешь; назначен
Путь иной тебе судьбой.

Если ж здесь моя драгая
Будет снова обитать,
На берегах твоих гуляя,
Сядет в травке отдыхать, —

Волну шли ты за волною!
Можешь с шумом их катить,
Чтоб, заняв ее собою,
След любви моей явить.

Видал сосну наклоненну
Над твоею я водой;
Узришь сосну украшенну
Горлиц страстною четой —

И не в дикой уж пустыне
Разольешь струи свои;
Будет образ тут отныне
Постоянства и любви.

Григорий Александрович Хованский родился в 1767 году в Москве, умер в 1796 году там же. Первые опыты сочинения песен, по свидетельству самого поэта, он предпринял «на девятнадцатом году рождения», то есть в середине 1780-х годов; среди его ранних песен — «Долго ль буду понапрасну...». ¹ Впервые три стихотворения Хованского появились в печати в 1788 году («Новые ежемесячные сочинения», кн. 10). Перу Хованского принадлежат оды, послания, басни, элегии, идиллии и т. д. Но из всех стихотворений наибольшую популярность приобрели некоторые романсы и песни (всего их у Хованского свыше 20), особенно «Незабудочки» («Я вечер в лугах гуляла...»), которая неоднократно записывалась собирателями народного творчества и в советское время как народная. Сам Хованский противопоставлял свою песенную любовную лирику одической поэзии классицизма; его программное стихотворение — «Песня» — имело характерный рефрен: «Я так песенку пою про голубушку мою...». ² Кроме публикуемых песен известность приобрели «Долго ль в свете одинокой...», «Встретивши пастух Лизету...», романс «Ручей» и элегия «На весну». Два последних стихотворения с музыкой неизвестного композитора опубликованы в «Песеннике» Герстенберга и Дитмара (ч. 1, 1797).

---

¹ «Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах князя Григория Хованского», М., 1795, с. 166.

² «Аониды», кн. 1, М., 1795, с. 124.

85. ПЕСНЯ

Ах! луга, луга зелены,
Где так часто я гулял,
Где веселий миллионы
С милой Аннушкой вкушал!

Лес дремучий, лес тенистый,
Что от зноя нас скрывал!
Ручеек прозрачный, чистый,
Что по камешкам журчал!

О места, что столько милы
Мне казались прежде с ней!
Стали вы теперь унылы,
Нет уж мне приятных дней!

Лишь она мне изменила,
Изменило всё мне вдруг;
Вид природа пременяла,
Весь поблек зеленый луг.

Ручеек, что быстро лился
Меж цветущих берегов,
Уж теперь остановился;
Нет вокруг его цветов!

Птички прежде сладко пели,
Вили гнездышки в лесах;
Но теперь все улетели,
Я один лишь здесь в слезах!

Листья со деревьев упали —
Нет нигде ни в чем отрад!
Мрачны дни зимы настали,
Рай мне стал — ужасный ад.

<1795>

86. ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Ой, Наташеньки здесь нет...»)

Я слышал: в Москве пространной
Много злата и серебра;
Град престольный, град избранный;
Много всякого добра!

На клячонке я собрался
На Москву хоть посмотреть;
Катеньке там обещался
Я на девок не глядеть.

Ах! мой ангел, успокойся!
С кем могу тебя сравнить?
Будь уверена, не бойся:
Буду век тебя любить.

Признаюсь тебе, я встретил
Множество в Москве девиц;
Но боюсь, что не приметил
Я тебе подобных лиц.

Как-то щеки их краснее
Щечек кругленьких твоих,
Но ты их сто раз милее;
Что-то всё не так у них!

Здесь огромные палаты,
Много, много здесь всего!
Люди всем в Москве богаты,
Нет лишь счастья одного.

Ворочусь-ко в деревушку
На клячонке я своей!
Там оставил я подружку,
Привезу гостинцу ей.

Ленточку я голубую
В знак любви Катюше дам;
За подарок поцелую,
И найду я счастье там.

<1795>

87. РОМАНС

Намедни в рощице гуляя,
Где птички порхали одне,
Там песни соловья внимая,
Вдруг что-то грустно стало мне.

Невольным образом вздохнувши,
Я с горя к речке подошел,
И, на ветвистый дуб взглянувши,
Под тень на бережок я сел.

Луна свой вид изображала
В студеной зёркальной реке
И тихи воды посребряла,
А соловей пел вдалеке.

То громко пел, то очень нежно,
То жалобно он тосковал.
Я, слушая его прилежно,
В задумчивость глубоко впал.

Меж тем он, в рощице летая,
На дуб ветвистый прилетел,
И, душу томну услаждая,
Еще, еще нежнее пел.

Из глаз вдруг слезы покатались
И облегчили грудь мою;
Слезами чувства освежились —
Я обратился к соловью.

«Ужель и ты несчастье знаешь,
Любезный, милый соловей?
Иль только мне лишь страдаешь
Ты в горькой участи моей?»

Я матери, отца лишился, —
В слезах ему я говорил, —
А там — жестокою пленился
И без надежды полюбил!..

Но ты, мой друг, о чем сгрустился,
И отчего ты так уныл?»
— «Я с милой, с милой разлучился:
Я только для нее и жил!

Она вечер мне изменила!
Я муку лютую терплю;
Она другого полюбила,
А я так всё ее люблю!»

Пропел и полетел тихонько
Неверную свою искать;
А я, вздохнув, пошел легонько
Домой по милой тосковать.

Пришел — и легкий сон на время
Плениру предо мной явил.
Проснулся я и зол всех бремя
Еще сильнее ощутил.

<1796>

88. РОМАНС

Лейтесь, слезы, вы ручьями!
Дайте сердцу отдохнуть.
Мне назначено судьбами
Век в несчастьи тонуть.

Но почто вооружился
Ты, злой рок, против меня?
Ах! давно ль отца лишился?
Уж в земле и мать моя!

Нет родителей со мною!
Парка их пресекла дни.
Я остался сиротою;
Горести со мной одни!

О любовь! ты подкрепляла
Дух, размученный тоской;

Сердце ты еще питала,
Облегчая жребий мой.

А теперь меня лишаешь
И последних ты утех;
К горю горе прибавляешь —
Ты несчастий злее всех!

Ты, кем я горю, пылаю,
Кем привязан к жизни сей;
Ты, кого я почитаю
Божеством души моей!

Страсть мою ты презираешь! . .
Нет уж боле сил терпеть.
Знать, ты смерти мне желаешь —
Мне не трудно умереть.

Кто, как я, с тобою страстен,
Чья вся жизнь лишь бед полна,
Ах! тому, кто столь несчастен,
Смерть не может быть страшна.

Я надежды всей лишился:
Без надежды можно ль жить?
Если ж я страдать родился,
Жизнь я властен прекратить.

Жизнь! тебя я покидаю. . .
К вам, родители, иду;
Смерть с веселием встречаю —
В ней я счастье найду.

<1796>

89. НЕЗАБУДОЧКИ

(Песня на голос: «Выду ль я на реченьку...»)

Я вечер в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать.

Долго, долго я ходила:
Погасал уж солнца свет;
Все цветочки находила,
Одного лишь нет как нет!

Нет! Цветочка дорогого
Я в долинах не нашла;
Без цветочка голубого
Я домой, было, пошла.

Шла домой с душой унылой;
Недалёко от ручья
Вижу вдруг цветочек милый:
Вмиг его сорвала я!

Незабудочку сорвала —
Слезы покатались вдруг.
Я вздохнула и сказала:
«Не забудь меня, мой друг!

Не дари меня ты златом,
Подари лишь мне себя:
Что в подарке мне богатом?
Ты скажи: люблю тебя!»

<1796>

Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1855) по окончании Московского университета служил в гвардейском полку, затем в министерстве иностранных дел; за сочувствие либеральным идеям М. М. Сперанского был сослан в Вологду. После четырех лет ссылки (1812—1816) его взгляды переменились и приобрели резко выраженный реакционный характер. В должности попечителя Казанского учебного округа и издателя журнала «Радуга» Магницкий приобрел печальную известность гонителя свободной мысли. Однако в 1790-е годы Магницкий занимал еще прогрессивные позиции в литературно-общественной жизни; как поэт он примыкал к сентименталистам, сотрудничал в «Аонидах», издававшихся Карамзиным. Первое его произведение — «К дитяти» — появилось в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (ч. 1, М., 1793). В том же журнале он поместил еще несколько стихотворений, среди них — две песни (публикуемую и «К голубку»,¹ также пользовавшуюся некоторой известностью).

90. ПЕСНЯ

МОЕЙ КАТЕНЬКЕ

Тише, громкий соловей!
Чу... там, в хижинке моей,
Раздается
И несется
Зэфиром, сквозь сей лесок,
Моей Кати голосок!

---

¹ «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 5, с. 126.

Как малиновка весной,
Перед утренней зарей,
    Распеваает
    И пленяет
Всех мелодией своей, —
Так он мил душе моей!

Дай подкрадуся к окну
И на милую взгляну!
    Как день майский
    Тихий, райский,
Катенька моя мила;
Так тиха, так весела!

А когда взгрустнется ей
И она в тоске своей
    Потихоночку,
    Полегоньку
Нежну песенку поет —
Сколько новых в ней красот!

Иль когда, за клавесин
Севши, томный андантин
    Заиграет
    И пленяет
Всех, кому душа дана, —
С кем сравняется она?

С кем!.. Нет в свете Катей двух!
Катенька, мой милый друг!
    Владей мною;
    Я с тобою
Всех счастливее царей:
Ты душа души моей!

Тс... тс... она встала, воздохнула,
На окно ко мне взглянула,
    Покраснела,
    Побледнела...
Я лечу в объятия к ней...
Громче, тихий соловей!

<1795>

Василий Львович Пушкин родился в 1770 году в Москве, умер в 1830 году там же. Служил до 1797 года в Измайловском полку. Как поэт примыкал к карамзинистам, сотрудничал в «Аонидах» и «Вестнике Европы», принимал участие в полемике с консервативным литературным направлением, возглавлявшимся Шишковым, состоял в «Арзамасе» (с 1816 г.). Современным читателям В. Пушкин известен больше по биографии А. С. Пушкина как дядя великого поэта, однако, не обладая крупным и оригинальным талантом, он сам представлял собой характерную фигуру литературного движения конца XVIII — начала XIX века. Перу В. Пушкина принадлежат многочисленные произведения в разнообразных жанрах, культивировавшихся русскими сентименталистами, а также переводы с латинского, итальянского, французского, английского и других языков. Известность В. Пушкин приобрел, главным образом, распространявшейся в списках комической поэмой «Опасный сосед» (1811) (издана в Лейпциге в 1855 г.). Прижизненное собрание стихотворений В. Пушкина издано в 1822 году. Песнями стали немногие стихотворения поэта. Кроме публикуемого текста это созданные в 1815 году сентиментальный «Романс» («Там далеко за горами...») и «Песня» («Не псняй мне...»),

91. К МИЛОЙ

(На голос: «Уже со тьмою ночи...»)

Недавно я на лире
Уныло, томно пел,
Что я доселе в мире
Подруги не имел.

Я *милую* имею
И горестъ всё терплю;
Но, ах, сказать не смею,
Что я ее люблю!

Лишь то в душе твердится,
Что всех она милей;
И мысль моя стремится
К владычице моей.
Стремится! . . Умножает
Страданье тем мое;
Но, ах, она не знает,
Что я люблю ее!

Как с *милой* я бываю,
Я весел — и грущу;
Сказать «люблю» желаю,
И слов я не сыщу.
То взор ее пленяет,
То сердце рвет мое,
Но, ах, она не знает,
Что я люблю ее!

Пусть дух томится страстный!
Мне лъзя ли не любить?
О, если б я прекрасной
Возмог любезным быть!
Блаженство с чем равняться
Тогда могло б мое?
Но смею ль ей признаться,
Что я люблю ее?

<1795>

Даты рождения и смерти Петра Лукича Вельяминова не установлены. Он служил директором Второй экспедиции Заемного банка, был переводчиком. Оригинальные его стихотворения не печатались. Друг Державина и Н. Львова, он разделял их увлечение народными песнями. Львов писал Вельяминову 17 августа 1791 года: «Ты русские песни любишь, за это тебе спасибо». ¹ Вельяминову посвящены два стихотворения Державина: «Гостю» и «Зимой». Из произведений самого Вельяминова лишь публикуемое стало известной песней.

92

Ох! вы славные русски кислы щи,
Вы медвяные щи, пузырьные!
Для чего вы, щи, скоро киснете
Среди поры-время теплого?
Что поутру вы, щи, запенилися,
О полудни, щи, попевали вы,
А при вечере и окиснули.

Ах! ты молодость, моя молодость,
Ты разгульная и веселая!
Для чего скоро, ах, проходишь ты
Среди житья да привольного?
Что давно ли то было времечко,
Как я молод был молодешенек,
И легок и бодр, будто добрый конь?

---

¹ «Московский журнал», 1791, кн. 1, с. 98.

А теперь я начал уже стариться, —
Проскакал конек поле чистое,
Доскакал конек до крутой горы,
По горе коньку, зная, шажком идти.

<1796>

Николай Михайлович Шатров родился в 1767 году в Москве, умер в 1841 году. С двадцати лет стал служить канцеляристом и стряпчим в различных московских ведомствах (губернское правление, монетная экспедиция, удельная экспедиция). Был видным масоном. Живо интересуясь литературой, Шатров сблизился с Сумароковым, Херасковым, Эминым и другими писателями.

Ревностный чиновник, он занимал консервативную позицию в литературно-общественной борьбе конца XVIII — начала XIX века, был единомышленником Шишкова и рьяным противником карамзинистов. Первое печатное произведение его — «Стихи на смерть С. А. Аршеневского» — появилось в 1795 году. Он писал оды, подражания псалмам, духовные песни; известность приобрел в качестве автора «Послания к соседу» и «Марша донских казаков» («Грянул внезапно гром под Москву...»). Приверженность литературным канонам классицизма не препятствовала, однако, Шатрову пробовать свои силы и в жанре модных сентиментальных песенок. При жизни поэта изданы «Стихотворения Н. Шатрова» в трех частях (СПб., 1831).

93. ПЕСНЯ

Катя в рощице гуляла,
Друга милого искала,
Кой клялся ее любить,
Всякий вечер с нею быть.

Но уж солнце закатилось,
Небо ясное затмилось,

На цветы роса падет,
А сердечный друг нейдет!

Уж и полночь наступает,
И над рощею сияет
В мраке полная луна,
Катя в роще — всё одна.

Всё одна и понапрасну,
Обольщая душу страстну,
Друга ищет, друга ждет,
Другу голос подает.

Друг нейдет — и всё немило:
Сердце в Кате приуныло;
Стала Катя тосковать,
И не знала — что начать!

Руки белые ломила,
То стояла, то ходила,
То смотрела сквозь лесок
И кляла свой лютый рок.

«Милый!» — Катя говорила.
«Милый», — роща повторила.
«Иль пришла моя беда?»
Отвечала роща: «да!»

Катя вдруг остановилась,
Испугалась — чувств лишилась;
И казалось ей в тот час,
Что и лунный свет погас.

Мысли все у ней смутились,
Слезы градом покатились:
Исчезал огонь в глазах
И румянец на щеках.

Роща стала ей ужасна;
И без друга Катя страстна,
Заливаясь слезой,
Понесла тоску домой.

<1798>

Даты рождения и смерти С. Митрофанова и какие-либо сведения о его жизни неизвестны. По определению Державина, Митрофанов — «известный певец». Вероятно, он был руководителем придворной певческой капеллы. Книга Митрофанова «Песни русские известного охотника М****» стала библиографической редкостью, лишь несколько экземпляров ее хранятся в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда. Сборник Митрофанова содержит 12 песен. Кроме перепечатанных И. Н. Розановым,¹ это: «Бровь черная пленила...» (№ 1), «Лети мой вздох за Невски воды...» (№ 2), «Будь, душа моя, спокойна...» (№ 3), «Не теряй красоты любезной...» (№ 12). В предисловии к сборнику, обращенном к «почтеннейшим любителям русских песен», автор так характеризует собственную поэзию: «Я курныкаю кое-как, в удовольствие любящих русский голос, русские песенки про невинную любовь; и признаюсь, что нет ничего приятнее для сердца моего, как когда на досуге хвачу с раскатцем и с балалаечкой песенку про матушку про любовь, в честь которой присовокупляются ручейки, лужочки, рощицы, долины, пригорки, цветочки, птички, свирелки, хороводы и проч.»² По содержанию и стилю песни Митрофанова — явление, характерное для русского сентиментализма. Они пришлись по вкусу современникам, и некоторые из них вошли в быт.

---

¹ И в. Н. Розанов, Песни русских поэтов, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1936, с. 88—94.

² «Песни русские известного охотника М****», изданные им же», СПб., 1799, с. 3—4.

94. ПЕСНЯ

За горами, за долами,
За лесами, меж кустами
Лужочек там был. (2)

На лужке росли цветочки,
Вокруг милы ручеечки
Блистали в струях. (2)

Птички нежны песни пели,
Слышны там были свирели,
Соловей свистал. (2)

Вся природа веселилась,
И утеха там резвилась,
Веял ветерок. (2)

Недалёко был там холмик,
А на холмике был домик,
На всей красоте. (2)

Подле домика дубочек,
Где сидел душа-молодчик
В кручине, в тоске. (2)

Поджав рученьки сидел,
На цветочек всё смотрел —
Песенку запел. (2)

Ах! ты, милая моя!
Милovidная моя!
Скушно без тебя. (2)

Все кусточки и листочки,
И прекрасные цветочки
Здесь не веселят. (2)

Они грусть лишь умножают,
Мне тебя напоминают,
Как резвились здесь. (2)

Мы играли в мотылечки,
И любовь плела веночки
Всякий вечерок. (2)

Целовались, миловались, —
Птички, глядя, любовались,
Как любились мы. (2)

А теперь в несносной скуке,
Душенька, с тобой в разлуке —
В смертельной тоске. (2)

Нет минуты, ни часá,
Чтоб не зрелась краса
В сих твоя местах. (2)

Где всегда часто гуляли,
Песенки с тобой певали,
Сидя на траве. (2)

Вдали эхо раздавалось,
И сердечко восхищалось
Среди всех отрад. (2)

Без тебя здесь всё не мило —
Всё не мило, всё постыло;
Скрылся свет от глаз. (2)

Сердце ноет, ноет, ноет;
Во разлуке плачет, стонет
Добрый молодец. (2)

Не тужи, не плачь, детинка;
Ты мне жалок, сиротинка!
Увижусь с тобой — (2)

Опять будем мотылечки,
И по-прежнему дружочки
С тобой, милый друг. (2).

<1799>.

Солнце на закате,
 Время на утрате —
     Сем-ка, девки, на лужок,
     Где муравка, где цветок.

Где мы вечером резвились,
 В хороводе веселились;
     Ну-тка, примемтесь опять
     Ту ж игорку продолжать!

Собирались, разыгрались,
 На лужку все расплясались,
     При приятной тишине,
     Под березками одне.

Вдруг стал слышен голосок —
 Раздалось эхо в лесок;
     «Ах! красавица милая!
     Светик, радость, дорогая!

Где ты, где ты? ах! ау!
 Без тебя я здесь умру;
     Твой глазок меня не видит;
     Знать, он ныне ненавидит».

Вдруг все девки спохватились,
 И домой все торопились;
     Лишь Анютушка, дружок,
     Тут присела на лужок.

Из цветов венки вила,
 Будто милого ждала.
     Не успела скласть в пучочки,
     Как выходит из-за речки

Парень милый, красячок,
 Милый Аннушкин дружок;
     Подошел, к ручке прилег,
     У Анюты сердце ёк.

Щечки розаном покрылись;
Сердце сердцу покорилось.
Ах! любовь — счастье одно
От природы нам дано.

<1799>

Иван Михайлович Долгорукий родился в 1764 году в Москве, умер в 1823 году там же. Ранние литературные опыты (переводы) Долгорукого относятся к концу 1770-х годов; первое его оригинальное произведение — стихи «На смерть Горича» — опубликовано в 1788 году в виде приложения к «Московским ведомостям». Известность Долгорукому принесли стихотворения, написанные в 1790-х годах, во время его пребывания в Пензе в качестве вице-губернатора («К швейцару», «Камин в Пензе», «К судьбе» и др.). Сам он был скромного мнения о своем творчестве, шутливо признавался, что «пустился в парнасские области на самых тощих конях и в крайне худой повозке». ¹ Долгорукий стремился в своих стихах запечатлеть «жизнь чувствительной души», чем и объясняется его увлечение песенным жанром. Его перу принадлежат 29 песен (выдержанных в духе сентиментализма), которые поэт объединил под названием «Песни на разные голоса», и цикл стихотворений в «народном» стиле — «Гудок Ивана Горюна». Многие из песен Долгорукого сочинены на «голоса» популярных в конце XVIII века романсов, другие были «положены на музыку и пелись». ² Авторы музыки на тексты Долгорукого, как правило, неизвестны. На слова его стихотворения «Если б люди дар имели...» написал романс С. В. Шереметьев.

---

¹ «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого», М., 1802, с. 5.

² М. А. Дмитриев, Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения, СПб., 1863, с. 199.

Сколько раз, жестокий, клялся
 Лишь одну меня любить!
 Сколько разум твой старался
 Мне одной любезным быть!
 Души нежной слабость видя,
 Ты заставил дух пылать
 В той, кто, всё возненавидя,
 Тебе тщилась угождать.

Но теперь ты презираешь,
 Кого богом своим звал,
 И другой всё то вещаешь,
 Чем меня к любви склонял.
 Иль на то тебе, неверный,
 Над собой дала я власть,
 Чтоб холодностью безмерной
 Наградил мою ты страсть?

О, любовь, царица света!
 Отомщай ты за меня!
 Убегай того предмета,
 Кому жертвой стала я.
 Но покой напрасно лщуся
 В его казни я найтить;
 Лишь тем больше сокрушуся.
 Нет! ему не в силах мстить.

1790-е годы

Ах! как скучно жить в разлуке
 С тою, кто души милей!
 Нет ни доли, нет ни муки,
 Чтоб могла сравниться с ней!
 И несчастье прелестно
 Для того, кто с дорогой;
 А тому ничто не лестно,
 Кто не зрит ее с собой.

Нет другого нам блаженства,
Как, любя, любиму быть;
Нет и в счастья совершенства,
Коль нельзя его делить!
Если б я и над вселенной
Вдруг явился господин —
От любезной отлученный,
Буду я везде один.

Сколько слава ни пленяет,
Хотя тьму сулит наград,
Но таких не доставляет,
Как любовна страсть, отрад.
И в порфире на престоле
Мира грозные судьи
У красавицы в неволе
Часто жертвуют любви.

Утекайте, злы минуты,
И промчите грусть мою!
Уносите вздохи люты
И с слезами, кои лью!
О владыки всего света!
Дайте милую обнять!
У ног милого предмета
Дайте рай скорей вкушать!

Нину видеть повсечасно,
Не страшась разлуки с ней,
И, ее пленяя страстно,
'День от дня ей быть милей, —
Вот каких я благ желаю!
Нет иных уж для меня.
Всё вам, смертны, уступаю;
Будь лишь Нина век моя!

1790-е годы

Без затей, в простом обряде,
 Дома с Ниной жить мне — рай;
 С нею в поле иль во граде
 Мне любезен всякий край.

С ней убожества не знаю;
 Всё по мне и всё на нрав.
 Нина тут — я не скучаю;
 Нины нет — и нет забав!

Мы участие принимаем
 С нею равное во всем;
 В черный день не унываем,
 В красный пляшем и поем.
 Чужой доле не ревнуем,
 И, природы чтя предел,
 На богов не негодуем,
 Что не знатен наш удел.

При заре вечерней, ясной,
 Когда дум нет в голове,
 С Ниной милой и прекрасной
 Мы гуляем на траве.
 Там с ней взапуски резвлюся;
 Она бегаёт за мной,
 Я за нею волочуся:
 Ах! чем купишь час такой!

Деньги — бедная награда
 За свободу, за любовь;
 Пышность — слабая отрада,
 Когда в нас пылает кровь.
 Пусть фортуны оболъщенье
 Весь морочит род людей;
 Нина, ты мое прельщенье,
 Ты краса судьбы моей!

Твоя скромность и приятство,
 Речь, улыбка, страстный взор —
 Вот одно мое богатство!
 Всё другое в свете — вздор.

Кучей денег кто гордится,
Тот пускает пыль в глаза;
И сквозь золото катится
Часто горькая слеза.

1790-е годы

99

Прости! я обнимаю
Тебя в последний раз,
Печали век встречаю
Утех за краткий час.
Лети в страну далеку,
Лети других пленять;
Счастливу следуй року,
Оставь меня страдать!

Мои красы завянут,
Я выучусь тужить;
Тебя хвалить все станут,
А я одна любить.
Я к сердцу мне драгому
От сердца весть пошлю;
Уста мои другому
Не скажут: я люблю!

Нет, чувств иных не знаю,
Как собственно твои,
И к ним я применяю
Все склонности мои.
Коль счастлив ты — я рада,
Коль грустен — я крушусь;
Твой смех — моя отрада;
Заплакал ты — я рвусь.

Вся мысль моя, ты знаешь,
Тебе принадлежит;
Ты сердцем обладаешь,
Оно к тебе лежит.

За всё мое пристрастье
Одну меня люби;
Почту себе за счастье
И вид один любви.

1790-е годы

100

Без тебя, моя Глафира,
Без тебя, как без души,
Никакие царства мира
Для меня не хороши.
Мне повсюду будет скучно,
Не могу я быть счастлив;
Будь со мною неразлучно,
Будь со мной, доколе жив!

Ни богатства не желаю,
Ни в большие господа;
Всё другим то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда.
Вот одно мое желанье!
У меня другого нет;
Без тебя — вся жизнь страданье,
Без тебя — пустыня свет.

Я люблю тебя всех боле,
Я люблю одну тебя;
В толь приятной сердцу доле
С кем сравняю я себя?
'Ах! ни с кем, ни с кем, конечно!
Только ты люби меня;
Буду счастлив, будешь вечно
Ты мой друг и жизнь моя!

1790-е годы

**ПЕСНИ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АВТОРАМ
XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА**

101

Уж как пал туман на сине море,
А злодейка-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выдти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече в чистом поле,
Куруется огонечек малешенек:
У огонечка разостлан шелковый ковер,
На коврикe лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его добрый конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалой добрый молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу,
Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, роду-племени,
К милым детушкам, к молодой жене».
Как вздохнет удалой добрый молодец —
Подымалась у удалого его крепка грудь;
Опускались у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил добрый молодец своему коню:
«Ох ты, конь мой, конь, лошадь верная,
Ты товарищ моей участи,
Добрый пайщик службы царския!

Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела».

1722 (?)

102

Молчите, струйки чисты,
И дайте мне вещать;
Вы, птички голосисты,
Престаньте воспевать.

Пусть в рощах раздаются
Плачевные слова!
Ручьями слезы льются,
И стонут деревья.

Ты здесь, моя отрада,
Любезной пастушок,
Со мной ходил от стада
На крутой бережок.

Я здесь с тобой свыкалась
От самых лет младых
И часто наслаждалась
Любовных слов твоих.

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.

Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы
И наедине плачу,
Лишась твоей красы.

Целую те пруточки,
С которых ты срывал
Прекрасные цветочки
И мне пучки вязал;

Слезами обливаю
Зеленые листы,
В печали презираю
Приятные плоды.

Я часто вижу властно
Тебя во древесях;
Бегу туда напрасно,
Хочу обнять в слезах.

Но только тень пустая
Меня, несчастну, льстит;
Смущаюся, теряя
Приятный мне твой вид.

Лишь только ветер листьями
Тихонько потрясет,
Я тотчас меж кустами
Тебя ищу, мой свет.

От всякой перемены
Всечасно я крушусь
И, муча слабы члены,
На каждой слух стремлюсь.

<1748>

103

Не кидай притворных взоров и не тщишь меня смущать,
Не старайся излеченны раны тщетно растравлять.
Я твою неверность знаю
И уж больше не пылаю
Тем огнем, что сердце жгло.

Уж и так в безмерной скуке,
В горьком плаче, смертной муке
Дней немало протекло.

Для чего ты в те минуты слов плачевных не внимал
И, гордясь своим обманом, от меня ты убежал?

Вспомяни, как я страдала
И везде тебя искала,
Тщась неверность обличить;
Но тогда ты пред иною,
О жестокий! красотою
Отрицался мя любить.

Ты сказать того не можешь, чтоб мой нрав пременен был,
Я тогда забыла клятвы, как уж ты свои забыл.

Если б ты не пременялся
И другою не пленялся —
Я б вовек была твоя;
Но когда ты стал неверен,
Сколько жар был ни чрезмерен —
Но исчезла страсть моя.

Будь счастлив теперь иною; я не мышлю о тебе!
И не чувствую заразов ни малейших я в себе.

Не великим поставляю
Сей урон, что потеряю
Я неверного в тебе;
Ты ж со временем узнаешь,
Что нелестную теряешь
Ты любовницу во мне.

<1759>.

104

Размучен страстию презлою
И ввержен будучи в напасть,
Прости, что я перед тобою
Дерзну свою оплакать часть.
Хотя твой милый взор, драгая!
Мне остры стрелы в грудь бросая,

Зрел действие своих побед, —
Но ты еще того не знаешь,
Колико мне ты причиняешь
Несносных мук и лютых бед.

Я с той жестокой мне минуты,
Как первый раз тебе предстал,
Питаю в сердце скорби люты,
Питаю страсть, и пленник стал.
    Не видишь ты, как я смущаюсь,
    Как стражду, рвуся и терзаюсь
    И горьких слез потоки лью?
    Ты прежних дум меня лишила,
    Ты жизнь мою переменяла,
    Тебя, как душу, я люблю.

Всегда тебя в уме встречаю,
А стретив, зреть тебя хочу;
И где тебя найти лишь чаю,
Бегу туда, и там грущу.
    Места, где страсть моя родилась,
    Где кровь тобою вспламенилась,
    Свидетели тоски моей:
    Я в них тебя воспоминаю,
    Твое в них имя повторяю
    Стократно в памяти своей.

Теперь узнав себя подвластна
И частию владей моей;
Но сколько ты, мой свет! прекрасна,
Ты столько жалости имей,
    За скорбь в душе моей смертельную
    И рану в сердце неисцельную
    Хоть сладку мне надежду дай.
    Коль стыдно то сказать словами,
    Хотя прелестными глазами
    Скажи, скажи мне: уповай.

<1759>

Сколько грусти и мученья нам бесплодна страсть сулит?
Сколько бедства и напастей в сей любви нам предстоит?

Коль судьбина не согласна
С нежной волею сердец,
На какой, мой свет! ты страстна,
На какой, увы! конец?

Что в том пользы, дорогая, хоть равна у нас любовь?
Хоть однаким напоенна чувством наша жарка кровь?

Тщетно сходны наши мысли,
Рок противится любви:
Ты своим меня не числи
И оковы разорви.

Возвращай свою свободу, пусть один лишь я грущу;
Хоть останусь в злой печали, но тебя не возмущу.

Удалясь очей любезных,
В сих не буду жить местах.
Ах! не трать ты в бесполезных
Время вздохах и слезах.

Позабудь меня, драгая! позабудь меня, мой свет!
Так судьбой определено, нам в любви счастья нет.

Мне рыдать повелевает
О тебе ее устав;
А тебя он осуждает
Ожидать иных забав, —

Ничего со мной не тратьишь, истребляя жар в крови,
Кроме нежности и сердца, постоянного в любви;

Сим не можешь быть довольна,
А иных достоинств нет, —
Лучшей части ты достойна,
Ожидай ее, мой свет.

Во селе, селе Покровском,
Среди улицы большой,
Разыгралась-расплясалась
Красна девица-душа,
Красна девица-душа,
Авдотьюшка хороша.
Разыгравшись, взговорила:
«Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь;
Я со радости с веселья
Поиграть с вами хочу:
Приезжал ко мне детинка
Из Санктпитера сюда;
Он меня, краснѹ девицу,
Подговаривал с собой,
Серебром меня дарил,
Он и золото сулил.
«Поезжай со мной, Дуняша,
Поезжай, — он говорил, —
Подарю тебя парчою
И на шею жемчугом;
Ты в деревне здесь крестьянка,
А там будешь госпожа;
И во всем этом уборе
Будешь вдвое пригожа!»
Я сказала, что поеду,
Да опомнилась опять:
«Нет, сударик, не поеду, —
Говорила я ему, —
Я крестьянкою родилась,
Так нельзя быть госпожой;
Я в деревне жить привыкла,
А там надо привыкать.
Я советую тебе
Иметь равную себе.
В вашем городе обычай —
Я слыхала ото всех:
Вы всех любите словами,
А на сердце никого.

А у нас-то ведь в деревне
Здесь прямая простота:
Словом мы кого полюбим,
Тот и в сердце век у нас!»
Вот чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь:
Что осталась жить в деревне,
А в обман не отдалась!»

<1761>

107

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно,
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?
Ты сними с меня, драгая, камилавку,
Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И пощупай, как трепещет мое сердце,
Обливаясь всё кровью с тяжким вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слезы,
Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?
Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, мое сердце!

<1763>

108

По горам, по горам,
и я по горам ходила,
и я по горам ходила.

Все цветы, все цветы,
и я все цветы видела,
и я все цветы видела.
Одного, одного,
одного цвета нет как нет,
одного цвета нет как нет.
Нет цвета, нет цвета,
ах, нет цвета алого,
ах, нет цвета алого.
Алого, алого,
моего цвета прекрасного,
моего цвета прекрасного.
По двору, по двору,
и я по двору ходила,
и я по двору ходила.
Всех гостей, всех гостей,
и я всех гостей видела,
и я всех гостей видела.
Видела, видела,
одного гостя нет как нет,
одного гостя нет как нет.
Нет гостя, нет гостя,
ах, нет гостя милого,
ах, нет гостя милого.
Милого, милого,
моего друга любезного,
моего друга любезного.
Аль ему, аль ему,
аль ему ли служба сказана,
аль ему ли служба сказана,
Аль ему, аль ему,
аль ему ли государева,
аль ему ли государева.
Али мне, али мне
в своем доме воли нет,
в своем доме воли нет.
Али мне, али мне
послать было некого,
послать было некого.
Я сама, я сама,
я сама к другу поехала,
я сама к другу поехала.

Я сама, я сама,
я сама с другом простилася,
я сама с другом простилася:
«Ты прости, ты прости,
ты прости-прости, сердечный друг!»

<1776>

109. ПЕСЕНКА

Цари! вы светом обладайте,
Мне не завидна ваша часть,
Стократ мне лестнее, вы знайте,
Над нежным сердцем сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,
А я под тенью мирт стою
И *Катеньку* мою пою.

Герои, жизнь пренебрегая,
Старайтесь лавры заслужить,
Я, миртою себя венчая,
Хочу жить мирно и любить;
Но, вашей славы не желая,
Я честь вам должну отдаю,
А *Катеньку* мою пою.

Богатство в поте собирая
И не живя, кончает век,
Дрожит, нажиток сохраняя,
Богатый бедный человек!
А я сей страстью не страдаю,
Моих сокровищ не таю,
Я *Катеньку* мою пою.

<1780>

110

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест;
Сколько горестей смертельных
Мне в разлуке должно снести.

Оставляю град любезный,
Оставляю и того,
Кто на свете мне милее
И дороже мне всего.

Пременишь нельзя предела,
Нельзя страсти истребить.
Знать, судьба мне так велела,
Чтоб в пустыне одной жить.

В тех местах уединенных
Вображать буду тебя.
О надежда мыслей пленных!
Ты тревожишь здесь меня.

Повсечасно буду плакать
И тебя воспоминать;
Ты старайся, мой любезный,
Взор несчастный забывать.

Уж вздыханьем и тоскою
Пособить не можно нам,
Коль несчастны мы судьбою
И противны небесам.

Здесь собранья, здесь веселье,
Здесь все радости живут,
А меня на зло мученье
В места страшные влекут.

Уменьши мое мученье
И в разлуке тем уверь;
Не забудь меня, несчастну,
Тем тоску мою умерь.

Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мне;
Но и ты знай, мой любезный,
Что я мучусь по тебе.

Ах, прости, прости, любезный!
Разлучили нас с тобой;
Не забудь меня несчастну
И не будь пленен иной.

<1791>

111. ПЕСНЯ

(На голос: «Я по жердочке шла...»)

Взвейся выше, понесися,
Белогрудый голубок!
На том месте опустился,
Где мой миленький дружок.
Ты скажи, как сердце ноет,
Сердце, верное ему,
То забьется, то застонет,
Хочет улететь к нему.

У кусточка, где любезный
Меня страстно целовал,
Я там лью теперь ток слезный,
И кусточек тот завял.
Соловей, на ветке сидя,
Песни громкие здесь пел;
Теперь, милого не видя,
В лес дремучий улетел.

Та зеленая дуброва,
Что от зноя в жаркий день
Принимала дорогого
И меня к себе под тень,
Свой зеленый цвет теряет,
Без тебя, любезный мой!
И всяк час напоминает,
Что уж нет тебя со мной.

И в ручье, что, извиваясь,
Тихо по песку бежал,
При котором ты, выдаясь,
Часто ягоды мне брал, —

Вдруг с песком вода взмутилась;
Там и ягода горька
С той минуты, как лишилась
Я любезного дружка.

Ах! не медли ни минуты,
Ко мне, милый, прилети!
И, прервав напасти люты,
Ты в веселье преврати!
    Всё тогда переродится,
    Печаль — в радость, слезы — в смех;
    Когда милый возвратится,
    Я счастливей буду всех.

<1793>

112

Вечор поздно из лесочку
Я коров домой гнала.
Подошла лишь к ручеечку,
Близ зеленого лужка, —

Вижу, барин едет с поля,
Две собачки впереди;
Лишь со мной он поравнялся,
Взор свой бросил на меня.

«Здравствуй, милая красотка,
Чьей деревни и села?»
— «Вашей милости крестьянка», —
Отвечала ему я.

«Ты скажи, моя милая,
Из которой ты семьи?»
— «Коль изволишь знать Петрушу,
Из его, сударь, семьи».

— «Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил?
Его сын тебя не стоит,
Не на то ты рождена.

Завтра, радость, ты узнаешь,
Для кого ты суждена;
Где судьба твоя скрывалась,
Для кого ты рождена. . .»

«Собирайтесь, подружки,
На подворье на мое!
Собирайтесь поскорее,
Посоветуйте со мной!

Хоть и льстит быть госпожою,
Да Ванюшу очень жаль».
Все подружки улыбнулись,
На ответ сказали ей:

«Что же с баринном нам делать?
Его воля, его власть;
Поутру завтра узнаем,
Где судьба крылась твоя».

1790-е годы

113

«Если б завтра да ненастье,
То-то рада я была;
Если б дождик, мое счастье, —
За малиной бы пошла.

Я бы милому сказала,
Чтобы он за мною шел!» —
Вот как Надя рассуждала,
С поля идучи домой.

С светом, рано, чуть проснуся,
Я в окошко погляжу;
Если дождик — отпрошуся,
Вот как маменьке скажу:

«Отпусти меня, родная!
Я малинки наберу;
Там дороженька большая:
Я продам всё ввечеру.

Теперь дождик, мокро в поле —
Нам не можно работáть;
Ну, чего же мешкать доле?
Я малинки пойду брать».

Лишь отпустит, я сберуся
И умыться побегу;
Я на час остановлюся
Подле речки на лужку.

Я нарву цветочков с поля,
За собой буду бросать,
Чтобы друг мой милый Леля
По следам бы мог сыскать.

А потом аукну смело,
Голос лесом отнесет.
Вчерась миленький, любезный
Рассердился на меня.
Всё сердился и резвился:
«Поцелуй, — сказал, — меня».

— «Ни за что не поцелую, —
Говорила я ему, —
Ты напал не на такую». —
Побежала ко двору.

В мыслях тех опять ложилась:
«Встану рано на заре», —
Но, проснувшись, смутилась:
Ясно, ясно на дворе.

Изголовьице смочила
Горючими слезами я:
«Не увижусь, — говорила, —
Ах, сегодня с милым я.

Я упрявиться не буду,
Не наделаю проказ:
Если миленький захочет,
„Поцелуй, — скажу, — сто раз“».

Не будите молоду
Раным-рано поутру;
Разбудите молоду,
Когда солнышко взойдет,
Когда птички запоют,
Перепархивать начнут,
Когда милый пастушок
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играл,
Будто словом говорил:
«Собирайте, девушки,
Свое стадо на лужок».
Собиралися девушки,
В хоровод пошли играть.
Одна девка весела
В хоровод плясать пошла.
Манит девушка рукой
Пастуха плясать с собой:
«Сюда, сюда, пастушок!
Сюда, миленький дружок!»
Бросил стадо пастушок,
Пошел с девушкой в кружок.
Он часочек проплясал —
Коровушку потерял.
Он еще час проплясал —
И полстада потерял.
«Когда б знала молода —
Не манила б пастуха!»

ПЕСНИ
НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ
XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

115

Буря море раздымает, ветер волны подымает,
Сверху небо потемнело, кругом море *почернело*, (2)
Во полудни, как в полночи, ослепило мраком очи,
Один молний свет блистает, туча с громом *наступает*, (2)
Волны с шумом бьют тревогу, нельзя смечать и дорогу.
Ветру стала перемена, везде в море *кипит пена*, (2)
Начальники все в заботе, а матрозы все в работе,
Иной летит с верха к низу, иной лезет *с низа к верху*, (2)
Тут парусы подбирают, там веревки прикрепляют,
Нет никому в трудах спуску, ни малейшего *отпýску*. (2)
Одолела жажда, голод, бессонница, нужда, холод,
Неоткуда ждать подпоры, разливные *валят горы*. (2)
Одна пройти не успеет, а другая свирепеет.
Дружка дружку рядом гонят, с боку на бок *корабль*
клонят. (2)
Трещат райны, мачты гнутся, от натуги снасти рвутся,
От ударов корабль стонет, от волненья *чуть не тонет*. (2)
Вихрем парусы порывает, меж волнами нос ныряет,
Со всех сторон брызжут волны, все палубы *воды полны*.
(2)
Ветром силу всю сломило, уж не служит и кормило.
Еще пристань удалела, а погода *одолела*. (2)
Не знать земли ниоткуда, только виден остров с груди,
Где сошлось небо с понтом и сечется *с горизонтом*. (2)
Нестерпимо везде горе, грозит небо, шумит море.
Вся надежда бесполезна, везде пропасть, *кругом бездна*.
(2)
Если кто сему не верит, пускай море сам измерит,
А когда в том искусится — в другой мысли *очутится*. (2)

1700-е или 1710-е годы

Лишь только занялась заря и солнце вошло вверх,
 И осветило земной круг, пошла пастушка с стадом
 горя,
 в луг

К потокам чистых вод.

Где виден был на дне песок, понравился струинный ток;
 Раздевшись, стала мыться в нем, не видима нага никем,
 Плескалася водой.

Вдруг в сторону простерла взор — идет пастух
 с высоких гор,

Который ею был пленен и часто духом возмущен;
 Из струй спешила вон.

Пастух уже к струям прибеж, а ей еще далек был брег;
 Она не знала, что начать — казаться или утопать,
 Смутившись в мыслях вся.

Нашла стыд скрыть единый путь — чтоб, бросаась
 в глубину, тонуть.

Пастух узреть лишен красы, уж видит чуть одни волосы,
 Кидается с берегов.

Где делось платье, где свирель, нагой влечет нагу
 на мель,

Страх гонит стыд, стыд гонит страх, пастушка вопит,
 вся в слезах:

«Забудь, что видел ты!»

— «Какую дашь мне плату ты, что спаса я твои красоты?»
 И стал припадши увещать, пастушка начала молчать,
 Сердяся на него.

«К чему ты мя привел, случай, — кричала, — ах,
 не докучай,

Я не могу свирепа быть, и не хочу я так любить,
 Как хочется тебе».

Не долго продолжала речь, как начала любовь ту жечь,
 Не молвит уж ни да ни нет, потом вскричала: «Ах, мой
 свет!

Теперь уж я твоя».

Первая половина XVIII века

Хоть черна ряса кроет
 Мой сильный жар в крови,
 Но сердце пуще ноет,
 Дух страждет от любви;
 Клобук не защищает
 От страсти лет молодых,
 А взор мне грудь пронзает
 Прелестных глаз твоих.

Мне старческая келья
 Не гонит тень из глаз,
 Но в ней мне нет веселья,
 Вздыхаю всякий час;
 Ах, сжался, дорогая,
 Над старцем умились,
 И, что люблю, страдая,
 За то не осердись.

А что в тебя влюбился
 И рвусь, тобой стелю,
 Я так, как все, родился,
 Чти страстным и меня,
 На чин мой не взирая,
 Дай помощь мне, мой свет.
 Любовь к тебе такая,
 Пределов что к ней нет.

Первая половина XVIII века

Вниз по матушке по Волге,
 От крутых красных бережков,
 Разыгралась погода,
 Погодушка верховая;
 Ничего в волнах не видно,
 Одна лодочка чернеет,
 Никого в лодке не видно,
 Только парусы белеют.

На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин,
Сам хозяин во наряде,
Во коричневом кафтане,
В перюиновом камзоле,
В алом шелковом платочке,
В черном бархатном картузе;
На картузе козыречек,
Сам отецкий он сыночек.

Уж как взговорит хозяин:
«И мы грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановой здоровью».
Аленушка выходила,
Свою дочку выводила,
Таки речи говорила:
«Не прогневайся, пожалуй,
В чем ходила, в том и вышла.
В одной тоненькой рубашке
И в кумачной телогрейке».

<1770>

119

Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи,
Где живет несчастна старица в мученьи,
Где в шестнадцать лет пострижена неволей
И наказана суровой жизни долей!
Не том̄у, было, мучению я льстилась,
Но владел чтоб мной, кому я полюбилась;
Не к тому меня и в чин сей посветили
И блаженство в жизни будущей купили.
Ты взойди, взойди, любезный, в мою келью
И меня обрадуй счастья хоть тенью.
Не давай страдать ты долго мне в мученьи,
Ты утеши своим взором в огорченьи!

Ты положи свою ко мне на груди руку
И почувствуй бедна сердца тяжку муку!
Изведи меня из горькой сей напасти
И окончи ты мучительные страсти.

<1780>

120

Чем больше скрыть стараюсь
Мою страсть пред тобой,
Тем больше я пленяюсь
Твоею красотой,
Нет сил уж притворяться,
Столь страстно люблю!
Нельзя мне не признаться,
Что я люблю тебя.
Красавицы все в свете
Не милы для меня,
В одном твоём ответе
И жизнь и смерть моя.
Люблю тебя я страстно
И сердцем и душой.
Вздыхаю повсечасно
И мучуся тоской.

<1781>

121. ЖУРНАЛ ЛЮБВИ

В понедельник я влюбился,
И весь вторник я страдал,
В любви в среду открылся,
В четверток ответа ждал.
Пришло в пятницу решенье,
Чтоб не ждал я утешенья.
В скорби, грусти и досаде
Всю субботу размышлял
И, не зря путей к отраде,
Жизнь окончить предприял,
Но, храня души спасенье,
Я раздумал в воскресенье.

В понедельник же другой
Получил я от драгой
Ответ нежный и приятный
И с желанием согласный.
А во вторник отписал
И письмо я к ней послал,
В коем всё то выражал
И всю страсть ей объявлял.
В среду думал сам в себе,
Как придет она ко мне:
Сколько радостей мне будет,
Скажу — вечно не забудет.
В четверток моя любезна
Отписала мне полезно,
Я в пяток чтоб вечерка
Ожидал ее у двора.
С нетерпеньем ждал часá,
Как пришла ко мне краса.

<1790>

122

Мальбрук на войну едет,
Конь был его игрень.
Не знать, когда приедет —
Авось в Троицын день.

День Троицын проходит —
Мальбрука не видать,
Известье не приходит,
Нельзя о нем узнать.

Жена узнать хотела,
Идет на башню вверх;
Пажа вдали узнала,
Кой в грусть ее поверг.

Он в черном одеяньи
На кляче подъезжал,
В великом отчаяньи
Одежду разрывал.

Супруга вопрошала:
«Что нового привез?»
Сама вся трепетала,
Лия потоки слез.

«Скидайте юбку алу,
Не румяньте себя, —
Привез печаль немалу,
Оденьтесь так, как я.

Драгой ваш муж скончался,
Не видеть вам его;
Без помощи остался,
Лишился я всего.

Я видел погребенье,
Последний видел долг.
В каком, ах! изумленьи
Его тогда был полк.

Тяжелу его шпагу
Полковник сам тащил,
Майор сапожну крагу,
За ними поп кадил.

Два первых капитана
Несли его шишак,
Другие два болвана
Маршировали так.

Четыре офицера
Штаны его несли,
Четыре гренадера
Коня его вели.

Гроб в яму опустили,
Все предались слезам.
Две ели посадили
Могилы по бокам.

На ветке одной ели
Соловушек свистал.

Попы же гимны пели,
А я, глядя, рыдал.

Могилу мы зарыли,
Пошли все по домам.
Как всё мы учинили —
Что ж делать больше там?

Тогда уж было поздно,
Не думали о сне,
Ложились, как возможно...»
и проч.

<1792>

123. ПЕСНЯ

Волга, реченька глубока!
Прихожу к тебе с тоской;
Мой сердечный друг далеко,
Ты беги к нему волной.

Ты беги, волна, стремися,
К другу весть скорей неси,
Как стрела к нему пустился
И словечко донеси.

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем!
Говорю, сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.

Вспомню, милый как прощался,
И туда вдруг побегу,
Где со мною расставался;
Плачу там на берегу.

С ветром в шуме Волга стонет,
А я рвуся злой тоской;
Сердце ноет, ноет,
И твердит: «Где милый мой?»

Где мой друг, моя отрада?
Где девался дорогой? . . .»
Жизни я тогда не рада,
Вся в слезах иду домой.

Но к несносному мученью
Страсть должна свою скрывать,
Здесь предавшись слез стремленью,
Дома вид иной казать.

Как ни тошно, как ни больно,
Чтоб не знали страсть мою,
Покажусь на час спокойной;
Ночь зато проплачу всю.

«Поспешай ко мне, любезный!
Ты почувствуй скорбь мою,
Ток очей отри мой слезный,
Облегчи мою судьбу».

Только я уста сомкнула,
Стон пустился вслед за мной;
Мнится, реченька вздохнула,
Понесла слова волной.

<1793>

124

Как во нынешнем году
В Петербурге-городе,
Сама знаю где, сама ведаю.
Я во нынешней неделе
Во компании сидела,
Сама знаю с кем, сама ведаю.
За железною решеткой
Я сидела, что чечетка,
Глядела в окно.
Подаянием питалась
И со вшами забавлялась:
Много развелось.

Ко мне сторож прибежал,
Он под номером сыскал,
    Повел меня вверх.
Там допросом забавлялась
И с судьями повидалась.
    Черт бы их тут взял!
Секретарь вынес указ,
Прочитали тут при нас:
    «Бить шельму кнутом!»
Палач скоро прибежал,
На мне шубку разодрал,
    К столбу привязал,
Из кулька вынул кнутину,
Расстегнул как хомутину,
    Дернул по спине. . .
Отсчитали двадцать пять,
Приказали с столба снять,
    Сама побрела,
Подорожную взяла,
Что избита вся спина,
    Вся изорвана;
Палач тотчас догадался,
За мной вслед еще погнался:
    «Плати за работу,
    Что бил хорошо!»

II
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА
XIX ВЕКА

Петр Иванович Шаликов (1767—1852) принадлежал к старинному аристократическому роду. Он служил в кавалерии, участвовал в штурме Очакова; выйдя в 1790 году в отставку, он всецело посвятил себя литературной деятельности. Как журналист, поэт и прозаик Шаликов принадлежал к сентиментальному направлению в русской литературе, издавал журнал «Московский зритель» (1806), альманах «Аглая» (1808—1812) и «Дамский журнал» (1823—1833), редактировал «Московские ведомости». При жизни поэта вышло два сборника его стихотворений — «Плод свободных чувствований» (3 части, М., 1798—1801) и «Цветы граций» (1802). Оставаясь приверженцем сентиментализма и после того, как на смену этому направлению пришел романтизм, а затем и реализм, Шаликов стал излюбленной мишенью критики и эпиграмматистов под сатирическим прозвищем «Вздыхалов». Шаликов был одним из зачинателей жанра чувствительных «русских песен». Многие его стихотворения были положены на музыку неизвестными композиторами-дилетантами и публиковались в нотном приложении к «Аглае». На некоторые тексты поэта писали романсы Д. Кашин и П. Долгорукий.

125. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Нынче был я на почтовом на дворе —
Льстил себе найти от миленькой письмо,
И — пошел назад с унылою душой.
Нет письма! . . нет сердцу радости ни в чем!
Ах! давно, давно не пишет уж ко мне
Та, которую на свете я живу;

Та, которая уверяла так меня,
Что в разлуке ей отрада только в том,
Чтоб писать ко мне. . . о горести своей! . .
Что ж мешает ей в отраде той теперь?
Что мешает сердце друга оживить?
Неужель забыт я милою моей?
Неужели сон был счастье мое? . .
Нет, не может стать это вовек!
Я довольно знаю милую мою:
Ее сердце не умеет изменить;
Ее сердце век останется моим —
Знать, свободного и в тереме своем
Не имеет она времени часа;
Иль препятствуют недобры люди ей
К другу грамотки чрез почту посылать. . .
Но, что б ни было причиною того, —
Лишь была б здорова милая моя!

<1801>

Алексей Федорович Мерзляков родился в 1778 году в Далматове Пермской губ., умер в 1830 году в Москве. Учился он в Пермском народном училище. Благодаря успеху первого своего стихотворения — оды на мир со Швецией, — опубликованного в «Российском магазине» (1792, ч. 1), юный поэт был переведен в гимназию при Московском университете, с которым оказалась связанной вся его жизнь. По окончании университета Мерзляков был оставлен при кафедре «российского красноречия, стихотворства и языка», преподавал словесность, а с 1817 года по 1830 год был деканом факультета. Он состоял в созданном при университете «Дружеском литературном обществе» (1801), где определился интерес молодого поэта к гражданственной лирике, к фольклору и проблеме народности поэзии. Наследие Мерзлякова представлено оригинальными и переводными стихотворениями, песнями и романсами, статьями и трактатами. Песни и романсы он создавал на протяжении всей своей деятельности, но наиболее интенсивная работа над ними приходится на начало XIX века. По свидетельству современника, «большую часть своих романсов и простонародных песен» Мерзляков написал до 1812 года, в Жодочах, подмосковном имении Вельяминовых-Зерновых, где поэт, увлеченный А. Ф. Вельяминовой-Зерновой, был частым гостем.¹ Многие песни он создавал в сотрудничестве с композитором Д. Н. Кашиным. Некоторые из них в качестве образца имели народные песни, записанные Кашиным и позднее изданные им самим. Песни Мерзлякова популяризировались певицей Е. С. Сандуновой. Н. Полевой писал: «Кто не знает голосов Кашина на слова Мерзлякова? Кто из слыхавших Сандунову не помнит петых ею песен Кашина...?»² Позже на тексты Мерзлякова писали музыку Т. Жучковский, А. Жилин, И. Литандер, А. Варламов и др. Из песен Мерзлякова, популярных в первой половине XIX века, сохранились в современном устном репертуаре «Ах что же ты, голубчик...» и «Среди долины ровныя...».

---

¹ М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 162—163.

² «Московский телеграф», 1833, № 18, с. 269—270.

Я не думала ни о чем в свете тужить,
 Пришло время — начало сердце крушить;
 С воздыханья белой груди тяжело!
 То ли в свете здесь любовью прослыло:
 Полюбя дружка, от горести изныть,
 Кто по сердцу мне, не сметь того любить?
 Злые люди все украдкою глядят,
 Меня, девушку, заочно все бранят. . .
 Как же слушать пересудов мне людских?
 Сердце любит, не спросясь людей чужих,
 Сердце любит, не спросясь меня самой!
 Вы уймись, злые люди, говорить!
 Не уйметесь — научите не любить!
 Потужите лучше в горести со мной:
 Было время — и на вас была беда.
 Чье сердечко не болело никогда?
 Всяк изведал грусть-злодейку по себе,
 А не всякий погорюет обо мне!
 Что же делать с горемычной головой?
 Куда спрятать сердце бедное с тоской?
 Друг не знает, что я плачусь на него;
 Людям нужды нет до сердца моего! . .
 Вы, забавушки при радости моей,
 Цветы алые, поблекните скорей!
 Вас горячими слезами оболью,
 Вам одним скажу про горечь я свою.
 Как без солнышка не можно вам пробыть,
 Мне без милого не можно больше жить.

<1803>

Чернобровый, черноглазый
 Молодец удалый
 Вложил мысли в мое сердце,
 Зажег ретивое!
 Нельзя солнцу быть холодным,
 Светлему погаснуть;

Andante

Черно бровей, черно глазами но ло лещу да... лоу - ро - амь мше - ли

в моем сердце. за-щеп рети - во... е нель солнцу быть колодний красному по - -

- ту - жнуть нелья сердцу жить на светъ и не жиня лю - бо... вью

Нельзя сердцу жить на свете
И не жить любовью!
Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?
Нет, не дам злодейке скуке
Ретивого сердца!
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок, —
Сосчитай горячи слезы
На алом платочке,
Иссуши горячи слезы
На белой ты груди,
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими. . .
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческий терем;
Не увидишь дорогого,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Побережь бы красной девке
Свое нежно сердце!

<1803>

128. СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Что мне делать в тяжкой участи своей?
Где размыкать горе горькое свое?
Сердце, сердце, ты вещун, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать нам тебя?
Как охотник приучает соколов,
Приучаешь ты тоску свою к себе;
Манишь горесть, без того твою родню;
Приласкало грусть слезами ты к себе!
Вейте, буйны, легкокрылы ветерки,
Развевайте кудри черные лесов,
Вейте, весточки, с далекой стороны,
Развевайте мою смертную печаль!
Вы скажите, жить ли, бедной, мне в тоске?
Вы скажите, жив ли милый мой дружок?
Долго, долго ждет любовь моя его!
Вот уж три года тоске моей минет;
Ровно три года, как слуху нет об нем;
Нет ни грамотки, ни вестки никакой!
Ах, ужли-то солнце стало холодней?
Неужли-то кровь ретива не кипит?
Неужли твое сердечко, милый друг,
Ничего тебе о мне не говорит?
Много время, чтоб состариться любви!
Много время позабыть и изменить!
Ветер дунул с чужой, дальней стороны,
Показалась зарница над горой,
Улыбнулась красотка молодцу —
И прости мое всё счастье и покой!
Нет! не верю я причудам всем своим:
Милый друг мой! твоя девушка в тоске,
Тебе верит больше, нежели себе.
Знать, злосчастливым нам такой уже талант —
Не делясь душой, делиться ввек житьем;
Знать, затем-то в зеленóm у нас саду
Два цветочка одиночкою росли,
Одним солнышком и грелись, и цвели,
Одной радостью питались на земли,
Чтобы ветры их далеко разнесли,
Чтобы в разных рассадить их сторонах,
Чтоб на разных вдруг засохнуть им грядах!
У них отняли последню радость их,

Чтобы вместе горевать и умереть.
Поздно, миленький, на родину придешь,
Поздно, солнышко, на гроб ты мой блеснешь!
Я найду уже другого жениха,
Обвенчаюся со смертью без тебя,
Сам ты нехотя меня сосватал с ней. . .
Приди, милый друг, к могиле ты моей!
Ты сорви цветок лазоревый на ней,
Он напомнит, как цвела я при тебе;
Ты оттудова поди в темны леса,
Там услышишь ты кукушку вдалеке:
Куковала так злосчастливая в тоске;
Горестъ съела всю девичью красоту,
Сердце бедное слезами истекло.
Как подкошенна травинушка в лугу,
Вся иссохла я без милого дружка!
Место всякое — не место для меня,
Все веселья — не веселья без тебя.
Рада б я бежать за тридевять земель,
Но возможно ли от сердца нам уйти?
Но возможно ли от горя убежать?
Оно точит стены каменны насквозь,
Оно гонится за нами в самый гроб!
Девки просят, чтоб не выла я при них:
«Ты лишь портишь наши игры, — говорят, —
На тебя глядя, нам тошно и самим!»
Ах! подруженьки! вы не жили совсем!
Вы не знаете — и дай боже не знать
Горя сладкого, опасного — любить!
Ваше сердце не делилося ни с кем;
В моем сердце половины целой нет!
В моем милом я любила этот свет!
В нем одном и род, и племя всё мое,
В нем одном я весела и хороша,
Без него, млада, ни людям, ни себе.
Ах, когда вы что узнаете об нем,
Не таитесь, добры люди, от меня;
Уж не бойтесь испугать меня ничем!
Вы скажите правду-истину скорей;
Легче, зная беду, однажды умереть,
Чем, не зная ее, всечасно умирать.
<1805>

129. ЧУВСТВА В РАЗЛУКЕ

Что не девица во тереме своем
Заплетает русы кудри серебром, —
Месяц на небе, без ровни, сам-большой,
Убирается своею красотой.
Светлый месяц! весели, дружок, себя!
Знать, кручинушке высоко до тебя!
Ты один, мой друг, гуляешь в небесах,
Ты на небе так, как я в чужих краях;
А не знаешь муки тяжкой — быть одним,
И не сетуешь с приятелем своим! . .
Ах! Всмотрись в мои заплаканны глаза,
Отгадай, что говорит моя слеза:
Травка на поле лишь дожджичком цветет,
А в разлуке сердце весточкой живет!
Всё ли милая с тобой еще дружна,
Пригорюнившись, сидит ли у окна,
Обо мне ли разговор с тобой ведет
И мои ли она песенки поет? . .
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать и конца бедам не знать!
Не с кем слез моих к любезной переслать!
У тоски моей нет крыльев полететь,
У души моей нет силы потерпеть,
У любви моей нет воли умереть!
Изнывай же на сторонushке чужой,
Как в могиле завален один живой!
Будь, любезная, здорова, весела;
Знать, ко мне моя судьбинushка пришла!

<1805>

130

Меня любила ты — я жизнью веселился,
День каждый пробуждал меня к восторгам вновь;
Я потерял тебя — и с счастьем простился:
Ах, счастьем моим была твоя любовь!

Меня любила ты — средь милых вдохновений
Я пел прекрасную с зарею каждой вновь;

Я потерял тебя — и мой затмился гений:
Ах, гением моим была твоя любовь!

Меня любила ты — я добрым быть стремился,
Искал несчастного, чтоб дать ему покров;
Я потерял тебя — мой дух ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь! . .

<1806>

131

Ах, дэвица, красавица!
Тебя любил — я счастлив был!
Забут тобой — умру с тоской!
Печальная, победная
Головушка молодецкая!
Не знала ль ты, что рвут цветы
Не круглый год, — мороз придет. . .
Не знала ль ты, что счастья цвет
Сегодня есть, а завтра нет!
Любовь — роса на полчаса,
Ах, век живут, а вмиг умрут!
Любовь, как пух, взовьется вдруг —
Тоска — свинец внутри сердец.
Ахти, печаль великая!
Тоска моя несносная!
Куда бежать, тоску девать?
Пойду к лесам тоску губить,
Пойду к рекам печаль топить,
Пойду в поля тоску терять,
В долинушке печаль скончать.
В густых лесах — она со мной!
В струях реки — течет слезой!
В чистом поле — траву сушит!
В долинушках — цветы морит!
От батюшки, от матушки
Скрываюся, шатаюся.
Ахти, печаль великая!
Тоска моя несносная!
Куда бежать, тоску девать?

<1806>

«Ах, что ж ты, голубчик,
 Невесел сидишь
 И нерадостен?»
 — «Ах! как мне, голубчику,
 Веселому быть
 И радостному!
 Вчера вечером я
 С голубкой сидел,
 На голубку глядел,
 Играл, целовался,
 Пшеничку клевал;
 Поутру голубка
 Убита лежит,
 Застреленная,
 Потерянная!
 Голубка убита
 Боярским слугой!
 Ах! кстати бы было
 Меня с ней убить:
 Кому из вас мило
 Без милой жить?»
 — «Голубчик печальный,
 Не плачь, не тужи!
 Ты можешь в отраду
 Хотя умереть,
 Мне должно для горя
 И жить и терпеть!
 Голубка до смерти
 Твоею была;
 Мою же голубку
 Живую берут,
 Замуж отдают,
 Просватывают».
 <1806>

133. ВЕЛИЗАРИЙ

Малютка, шлем нося, просил,
 Для бога, пищи лишь дневная
 Слепцу, которого водил,

Кем славны Рим и Византия.
«Тронитесь жертвою судеб! —
Он так прохожих умоляет. —
Подайте мальчику на хлеб:
Он Велизария питает.

Вот шлем того, который был
Для готфов, вандалов грозою;
Врагов отечества сразил,
Но сам сражен был клеветою.
Тиран лишил его очей,
И мир хранителя лишился.
Увы! свет солнечных лучей
Для Велизария закрылся!

Несчастный, за кого в слезах
Один вознес я глас смиренный,
Водил царей земных в цепях,
Законы подавал вселенной;
Но в счастья своем равно
Он не был гордым, лютым, диким;
И ныне мне твердит одно:
«Не называй меня великим!»

Не видя света и людей,
Парит он мыслью в царстве славы,
И видит в памяти своей
Народы, веки и державы.
Вот постоянство здешних благ!
Сколь чуден промысл твой, содетель!
И я, сиротка, в юных днях
Стал Велизарью благодетель! . . .»

<1806>

134. ПЕСНЯ

Среди долины ровная,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не выются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все друзья, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;

Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

<1810>

135

Вылетала бедна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долине.
Быстрый ветер их разносит по дуброве;
Слабый голос раздается по пустыне! . .
Не скликай, уныла птичка, бедных пташек,
Не скликай ты родных деток понапрасну, —
Злой стрелок убил малюток для забавы,
И гнездо твое развеяно под дубом.
В бурю нрченьки осенняя, дождливой
Бродит по полю несчастна горемыка,
Одинехонька с печалью, со кручиной;
Черны волосы бедняжка вырывает,
Белу грудь свою лебедушка терзает.
Пропадай ты, красота, моя злодейка!
Онемей ты, сердце нежное, как камень!
Растворися, мать сыра земля, могилой!
Не расти в пустыне хмелю без подпоры,
Не цвести цветам под солнышком осенним, —
Мне не можно жить без милого тирана.
Не браните, не судите меня, люди:
Я пропала не виной, а простотою;
Я не думала, что есть в любви измена;
Я не знала, что притворно можно плакать.
Я в слезах его читала клятву сердца;

Для него с отцом я, с матерью рассталась,
За бедой своей летела на чужбину,
За позором пробежала доли, степи,
Будто дома женихов бы не сыскалось,
Будто в городе любовь совсем другая,
Будто радости живут лишь за горами. . .
Иль чужа земля теплее для могилы?
Ты скажи, злодей, к кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвит?
О безродной, о презренной кто потужит?
Кто из милости бедняжку похоронит?

<1810>

136. СОЛОВУШКО

Для чего летишь, соловушко, к садам?
Для соловушки алеет роза там.
Чем понравился лужок мне шелковой?
Там встречаюсь я с твоею красотой.
Как лебедушка во стаде голубей,
Среди девушек одна ты всех видней!
Что лань б́истра, златорогая в лесах,
С робкой поступью гуляешь ты в лугах.
Гордо страстный взор разбегчивой блеснул;
Молодецкий круг невольно воздохнул,
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчут: для кого цветет она?
Наши души знают боле всех людей,
Наши взоры говорят всего ясней.
Но когда, скажи, терпеть престану я?
Дни ко мне бегут, а счастье — от меня.
Пусть еще я не могу владеть тобой,
Для чего же запретил тиран мне злой
Плакать, видеться с красавицей моей?
И слезам моим завидует, злодей!

<1830>

Не липочка кудрявая
 Колышется ветром,
 Не реченька глубокая
 Кипит в непогоде,
 Не белая ковыль-трава
 Волнуется в поле, —
 Волнуется ретивое,
 Кипит, кипит сердце;
 У красной у девицы
 Колышутся груди;
 Перекатным бисером
 Текут горьки слезы;
 Текут с лица на белу грудь
 И грудь не покоят!
 Ах, прежде красавица
 Всех нас веселила,
 А ныне красавица
 Вдруг стала уныла.
 Развейтесь, развейтесь вы,
 Девически кудри!
 Поблекни, поблекни ты,
 Девическа прелесть!
 К чему вы мне надобны,
 Коль вы не для друга?
 К чему мне наряды все,
 Коль он не со мною?
 С кем сладко порадуюсь,
 С кем сладко поплачу?
 Ты, милый друг, радостью,
 Ты был мне красою!
 Тебя только слышала,
 Тобою дышала,
 В тебе свет я видела,
 В тебе веселилась! . .
 С собою ты сердце взял —
 Чем жить, веселиться?
 Родные вокруг сердятся,
 Что я изменилась;
 Другие притворствуют,
 А я не умею! . .

Ах, с дальней сторонушки
Пришли ко мне весточку,
Что здоров ты и радостен
И что меня помнишь!
Тогда улыбнуся я
На белый свет снова;
Тогда и в разлуке злой
Сольемся сердцами!
Тогда оживу опять
Для вас, добры люди!

<1830>

Песни и романсы создавались Жуковским (1783—1852) между 1806 и 1836 годами. При жизни поэта почти все они были положены на музыку его другом, композитором-любителем А. А. Плещеевым.¹ Последний имел в своем имении в деревне Черни Орловской губернии домашний театр, где ставились сочиненные им оперы и комедии. Дружба Жуковского с Плещеевым приходится на 1811—1817 годы, когда поэтом и композитором совместно и была написана большая часть романсов.² Особенно значительны созданные при жизни поэта романсы М. И. Глинки; кроме публикуемых, это «Бедный певец» (1826), «Утешение» (1826), «Голос с того света» (1829), «Победитель» (1832). Из современников Жуковского музыку на тексты его стихов писали также А. Алябьев («Песнь бедняка»), Д. Бортнянский (кантата «Певец во стане русских воинов»), М. Виельгорский («На древней высоте»), А. Вейраух (цикл), А. Верстовский («Три песни скальда», «Певец»), А. Даргомыжский («К востоку, всё к востоку...», «Изменой слуга паладина убил...», «Счастлив, кто от хлада лет...» и др.), Д. Кашин («Слава на небе солнцу высокому...»), Н. Норов («Воспоминание»), М. Яковлев («Не узнавай, куда я путь склонила...») и другие композиторы. Позже к его стихотворениям обращались А. Аренский («Лесной царь», «Кубок», «Старый рыцарь»), А. Глазунов («Любовь»), А. Гречанинов («Мальчик с пальчик»), А. Рубинштейн («Весеннее чувство», «Листок», «Ночь», «Сон»), Ц. Кюи («Розы расцветают»), А. Танеев («Устал я...»), М. Ипполитов-Иванов («Нормандская песня», «Призыв») и др. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Громобой», «Жалоба», «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», «Песня» («К востоку, всё к востоку...»).

---

¹ «Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым», ч. 1—2, СПб., 1832.

² Характеристику романсов Плещеева см.: В а с и н а - Г р о с с - м а н, Русский классический романс XIX века, М.—Л., 1956, с. 19—20.

138. ТОСКА ПО МИЛОМ

Песня

Дубрава шумит;
Сбираются тучи;
На берег зыбучий
Склонившись, сидит
В слезах, пригорюнясь, девица-краса;
И полночь и буря мрачат небеса;
И черные волны, вздымаясь, бушуют;
И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

«Душа отцвела;
Природа уныла;
Любовь изменила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкий удел.
Куда ты, мой ангел, куда улетел?
Ах, полно! я счастьем мирским насладилась:
Жила, и любила. . . и друга лишилась.

Теките струей
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Уж боле не встретить мне радостных дней,
Простилась, простилась я с жизнью моей:
Мой друг не воскреснет; что было, не будет. . .
И бывшего сердце вовек не забудет.

Ах! скоро ль пройдут
Унылые годы?
С весною — природы
Красы расцветут. . .
Но сладкое счастье не дважды цветет.
Пушкой же драгое в слезах оживет;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшем тоска мне осталась».

18 февраля 1807

139. ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной,
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье. . .
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;

В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1 апреля 1808

140. МАЛЬВИНА

Песня

С тех пор как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был тобою;
Теперь — прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления:
Приди. . . не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томленья.

Спеши, спеши! близка кончина;
Смотри, как в час последний свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдом, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безответный взгляд
Тебе, о милый, возвестят,
Что жизни кончилось страданье.

Ах, нет! . . . когда ж Мальвины муку
Не услаждает твой приход,
Когда хладеющую руку
Она тебе не подает,
Когда забыт мой друг единый,
Мой взор престал его искать,
Душа престала обожать, —
Тогда — тогда уж нет Мальвины!

1808

141. ПЕСНЯ

О милый друг! теперь с тобою радость!
А я один — и мой печален путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
В душе не изменись; достойна счастья будь...
Но не отринь в толпе пленяемых тобою
Ты друга прежнего, увядшего душою;
Веселья их дели — ему отрадой будь;
Его, мой друг, не позабудь.

О милый друг, нам рок велел разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру от сердца руку —
Ни голос твой, ни взор меня не усладят.
Но и вдали моя душа с твоей согласна;
Любовь ни времени, ни месту неподвластна;
Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь,
Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила, —
Есть лучший мир; там мы любить свободны;
Туда моя душа уж всё перенесла;
Туда всечасное влечет меня желанье;
Там свидимся опять; там наше воздаянье;
Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
Меня, мой друг, не позабудь.

29 сентября 1811

142. ЦВЕТОК

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:

С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри. . . очарованья нет;
Звезда надежды угасает. . .
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

1811

143. <ИЗ БАЛЛАДЫ «СВЕТЛАНА»>

Раз в крещенский вечерок
    Девушки гадали:
За ворота башмачок,
    Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
    Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
    Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
    Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
    Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
    В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
    Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
    Вымолви словечко;
Слушай песни круговой,
    Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,

Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое“».

— «Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет,
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит. . .
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

1811

144. ПЛОВЕЦ

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила и весла,
В океан неисходимый
Буря челн мой занесла.
В тучах звездочка светилась;
«Не скрывайся!» — я взывал;
Непреклонная сокрылась;
Якорь был — и тот пропал.

Всё оделось черной мглою,
Всколыхались валы;
Бездны в мраке предо мною,
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» —
Я роптал, уныв душой. . .
О безумец! Провиденье
Было тайный кормщик твой.

Невидимою рукою;
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
И грозящие скалы,
Мощный вел меня хранитель.
Вдруг — всё тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель. . .
В ней трех ангелов небес.

О спаситель-провиденье!
Скорбный ропот мой утих;
На коленах, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Всё окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость — мне страданье;
Но. . . не дай их пережить.

1812

145. ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи, не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал. . . но где сыскать! . .

С тех пор мы как чужие,
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подседа с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка,
На что мне твой привет?
Любви, любви хочу я. . .
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей. . .
А мне мое колечко
С надеждою моей.

1816

146. УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

- «Скажи, что так задумчив ты?
Всё весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?»
- «О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы. . . слезы в сладость нам;
От них душе легко».
- «К тебе ласкаются друзья,
Их ласки не дичись;
И что бы ни утратил ты,
Утратой поделись».
- «Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?
О чем. . . но нет! оно мое,
Хотя и не со мной».
- «Не унывай же, ободрись;
Еще ты в цвете лет;
Ищи — найдешь; отважным, друг,
Несбыточного нет».
- «Увы! напрасные слова!
Найдешь — сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко».
- «На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса;
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысля в небеса».
- «Ах! я люблюсь в ясный день;
Нет сил и глаз отвести;
А ночью. . . ночью плакать мне,
Покуда слезы есть».

147. ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Вторая половина 1818

148. НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:

Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею,
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена*.

Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

1836

Николай Федорович Грамматин (1786—1827) воспитывался в пансионе при Московском университете. В 1809 году он получил степень магистра за «Рассуждение о древней русской словесности» (М., 1809). Служил Грамматин в министерстве юстиции, был директором костромских училищ (1812—1819). Первые литературные опыты его относятся ко времени пребывания в пансионе. Сотрудничал Грамматин в «Цветнике», «Вестнике Европы», «Сыне отечества». Стихотворения его вышли отдельным изданием: «Досуги Н. Грамматина», ч. 1, СПб., 1811, куда включено семь песен. Перу Грамматина принадлежат также переложение «Слова о полку Игореве» и перевод с чешского «Суд Любуши» (М., 1823). Среди стихотворений Грамматина несколько произведений имитируют русские народные песни. Кроме публикуемых в песенниках встречаются: «Лето красное, проходи скорей...» и «Не цвет алый в поле...».

149

Ты не плачь, не плачь, красна девица!
Не роняй ты слез на белые груди,
Не круши себя ты во младости,
Не губи, мой свет, красоты своей!
Друга милого не видеть тебе,
Он на родину не воротится,
Не прижмет тебя к сердцу верному,
Не отрет он твоих девичьих слез.
Не услышишь ты, как он ратует
За святую Русь православную;
Не придет об нем вестки радостной, —

Он кончается во чистом поле,
Чрез золотое он ожерелие
Ронит душу вон из бела тела.
Ах, родимая мать сыра земля!
Не в тебе лежать добру молодцу —
Во чужой земле, в неприятельской
Ляжет он костями богатырскими.
Пайщик царския службы грозный!
Сослужи ты мне, молодецкий конь,
Службу верную и последнюю!
Отвези поклон ты на родину
Ко душе моей, к красной девице,
И к кормилице, к родной матушке,
И хвора она, и старехонька.
Ты промолви им: «Не печальтесь,
Не кручиньтесь вы по молодце, —
Он кончается за святую Русь,
Умирает он за родимый край».

<1811>

150

Не шуми ты, погодушка!
Не бушуй ты, осенняя!
Не волнуй Волгу-матушку,
Не клони бор к сырой земле,
Без того мне тошнехонько,
Не глядел бы на белый свет.
Ты, душа моя, девица!
Ты, душа моя, красная!
Ах! на что я узнал тебя?
Ах! на что полюбил тебя?
Да не в нашей то волюшке;
Любим мы, не спросясь себя;
Любит в нас сердце вешнее.
Ты любви не ведаешь,
Ты цветешь как пустынный цвет,
Им никто не любит. —
Ах, на то ли ты вырос, цвет,
Чтоб увянуть несорванный,
Чтобы запах душистый твой

Разливался по воздуху,
Исчезал в тишине пустынь?
О душа моя, девица!
О утеха очей моих!
Ты во всей красоте своей
Расцвела; но надолго ли?
Сельный цвет красота твоя:
Время красное юности,
Время красное радости
Пролетит быстрее сокола,
За добычей парящего,
Иль стрелы, рассекающей
Даль, пространство воздушное.
И коса твоя русая
Со белых плеч долой спадет;
И ланитный потухнет огонь.
Ах! лови, красна девица,
Дни лови быстрокрылые,
Не цвети в одиночестве!
Отцветешь, воспокаешься.
Но лихая судьбинushка:
Не владеть добру молодцу,
Не владеть красной девицей!
Ах! куда, сердце вешее,
Ах! куда нам бежать с тобой
От тоски, от кручины злой?
Мы от них, а за нами вслед
Горе гонится лютое.
Где от недуга спрячешься?
С колыбели знакомы с ним.
Ни стеной белокаменной,
Ни запорами крепкими
От него не укроешься.
В корабле за тобой плывет,
На коне скачет день и ночь,
Ясным гонится соколом,
Вещим носится вороном,
Волком рыскает яростным.
Расступись, мать сыра земля,
Расступись и сокрой навек
От могучего недруга!

<1815>

Долго ль, сердце, нам с тобою тосковать?
Долго ль радости, веселия не знать?
Долго ль биться для печалей одному?
Про злодейку грусть поведать нам кому?
И цветочки не одни в полях растут,
И все пташечки сам-друг весной поют.
Тошно, тошно без другого сердца жить;
Но тошнее без надежды полюбить.
О цветок мой несравненный, дорогой!
Кто сорвет тебя холодною рукой?
Ты на чьей груди засохнешь, опадешь?
Где, краса моя, поблекнешь, отцветешь?
Может быть, с тоски и грусти, во слезах,
Ты увянешь во младых своих летах,
Не изведав, что есть сладость жизни сей,
С милым другом не делив души своей.
О краса моя! когда б владеть тобой
Счастье было мне назначено судьбой,
Кто б счастливее на свете был меня?
Кто б нежнее мог любить тебя, как я?
Я в очах твоих блаженство б почерпал,
Я одной тобой и жил бы и дышал,
Я как жизнь свою хранил бы твой покой;
Но другому, а не мне владеть тобой!
Сердце! Сердце! Нет блаженства для тебя;
Ах, мечтою обольщаешь ты себя!
Взора милого, опасного бежим;
Ах! тебе ль владеть сокровищем таким!

<1820>

Денис Васильевич Давыдов родился в 1784 году в Москве, умер в 1839 году в Верхней Мазе, Симбирской губ. Участник всех войн, которые вела Россия в первой трети XIX века, прославленный герой Отечественной войны 1812 года, организатор и руководитель партизанской борьбы, Давыдов вошел в историю литературы как автор гусарских песен и элегий. Первые литературные опыты его относятся к концу XVIII века. Сатирические стихи молодого поэта ходили в списках уже в начале XIX века (басни «Голова и ноги», «Река и зеркало», сатира «Соп»), что послужило причиной его перевода из Петербурга в Белорусский гусарский полк. Здесь особенно расцвел его талант поэта-песенника, автора «зачашных песен». П. А. Плетнев писал о нем: «Давыдов составил, так сказать, особый род военной песни, в которой язык и краски ему одному принадлежат». ¹ Песни Давыдова были в особенности популярны в 20—30-е годы XIX века. Музыку на его тексты писали А. Алябьев, А. Даргомыжский («Я помню — глубоко...»), К. Вильбоа («О, пощади...») и другие композиторы, цикл романсов создал А. Животов. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Мудрость», «Неверной», «Гусарский пир», «Я помню — глубоко...».

152. МОЯ ПЕСНЯ

Я на чердак переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.

---

¹ Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 1, СПб., 1885, с. 182.

Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: «Дома нет!»

В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня
Вместились в горнице одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцам — показываю дверь,
На стул один — друзей сажаю,
А миленькую. . . на постель.

Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей
Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости — в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство — в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.
Я завтрак сытный получаю
От друга, только что проснусь;
Обедать — в гости уезжаю,
А спать — без ужина ложусь.

О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.
Я кой-как день переживаю —
Богач роскошно год живет. . .
Чем кончится? И я встречаю,
Как миллионщик, новый год.

153. ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
    Я люблю кровавый бой,
    Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
    За тебя на черта рад,
    Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
    Станем, братцы, вечно жить
    Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
    О, как страшно смерть встречать
    На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
    То ли дело средь мечей:
    Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

1815

154. ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастье найти хотел! . .
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! — подумал я. . .
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится. . .
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет! . .
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу. . .

Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1816

155. ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегают.

Ни полслова. . . Дым столбом. . .
Ни полслова. . . Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится. . .
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они. . .
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

156. ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ ПАРНИ

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслию далеко,
Там, там. . . где жизнь моя! . . .
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив. . .
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив. . .
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока. . .
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг. . .
И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока! . . .
Кипит отмщением дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

1817.

157. РОМАНС

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой! . .
Мне легче горя своеволие,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

158. И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одиноко,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливцев, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

1834

159. НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою,
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской, —
Я умру, любовь проклинаячи,
Но и в смертный час воздыхаячи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

Константин Николаевич Батюшков родился в 1787 году в Вологде, умер в 1855 году там же. Он принадлежал к старинному, но обедневшему дворянскому роду и воспитывался в частных пансионах. Служа письмоводителем в министерстве народного просвещения (1802—1807), Батюшков вошел в литературный кружок, группировавшийся вокруг А. Н. Оленина, и вступил в состоявшееся из последователей А. Н. Радищева «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Впоследствии был членом «Арзамаса» и активно выступал вместе с карамзинистами против литературных «староверов». Служба чиновника тяготила поэта; он вступил в ополчение, участвовал в войнах против Наполеона и в русско-шведской кампании. Выйдя в отставку, он постоянно менял место жительства, много путешествовал, служил секретарем русского посольства в Италии. Литературная деятельность Батюшкова продолжалась сравнительно недолго: в 1822 году он заболел тяжелым психическим расстройством. Самим поэтом было составлено первое собрание сочинений: «Опыты в стихах и прозе». Часть 1. Проза. Часть 2. Стихи, СПб., 1817. Кроме публикуемых текстов известен романс В. Кашперова «Есть наслаждение и в дикости лесов...». В песенниках также встречаются: «Источник», «Пленный», «Радость», «Любовь в челноке», «Ложный страх».

160. РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила.
Она — мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю. . . усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда, мой верный конь, споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка бранная порвися,
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелюю на воде.

<1814>

161. МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель-гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? — приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Июль или август 1815

Уже некоторые лицейские стихотворения Пушкина сделались песнями и романсами. Первым романсом на слова юного поэта стало стихотворение «К живописцу» (в ранней редакции) с музыкой лицейского товарища Пушкина — Н. А. Корсакова (1815). Корсаков написал музыку и на текст стихотворения «К Маше» (1816). По воспоминаниям И. И. Пущина, стансы «К Маше» «пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где Лицей имел право гражданства»;¹ по свидетельству В. П. Гаевского, «часто распевали в Лицее» и песню «К Делии».² Но особенную популярность приобрели лицейские стихотворения «Казак» и «Романс», ставшие народными песнями. При жизни поэта на его тексты было написано около 70 вокальных произведений 27 композиторами. Наиболее значительны из них романсы М. Глинки, Н. С. Титова, А. Верстовского, М. Виельгорского, А. Алябьева, И. Геништы. Современная поэту критика констатировала: «Песни Пушкина сделались народными...».³ Некоторые произведения Пушкина становились известными публике в качестве романсов и песен до опубликования их текстов («Песня Земфиры» — с музыкой М. Виельгорского, 1825; «Не пой, красавица, при мне...» — с музыкой В. Одоевского, 1828, и Глинки, 1828) или впервые публиковались одновременно с нотами («Слеза» — с музыкой М. Яковлева, 1825; «Ворон к ворону летит...» — с музыкой Верстовского и Виельгорского, 1829; «Прощание» — с музыкой А. Есаулова, 1830 или 1831; «Я здесь, Инезилья...» — с музыкой М. Глинки, 1834). В дальнейшем на тексты Пушкина писали музыку едва ли не все русские композиторы. Песни и романсы на

¹ И. И. Пущин, Записки о Пушкине, М., 1937, с. 50.

² В. П. Гаевский, Пушкин в Лицее. — «Современник», 1863, № 7, с. 159.

³ «Обозрение русской литературы в 1824 году». — «Московский телеграф», 1825, № 1, с. 86, примеч.

слова Пушкина вошли в многочисленные песенники и в лубок уже при жизни поэта,¹ а через их посредство — в музыкальный быт. В устном бытовании некоторые тексты поэта существенно изменялись (особенно «Казак» и «Узник»), но в большинстве случаев сохранялись в авторской редакции. О судьбе текстов Пушкина в лубочной литературе см. в книге: С. Клепиков, Пушкин и его произведения в русской народной картинке, М., 1949. Кроме публикуемых текстов особенно известными романсами на тексты Пушкина являются: «Я здесь, Инезилья...» М. Глинки, «Воротился ночью мельник...» А. Даргомыжского, «Для берегов отчизны дальней...» А. Бородина, «На холмах Грузии...» Н. Римского-Корсакова, «Сожженное письмо» Ц. Кюи, «Ночь» А. Рубинштейна, «Соловей мой, соловей...» П. Чайковского. Но популярными песнями стали преимущественно ранние произведения поэта.

162. КАЗАК

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

---

¹ Ник. Смирнов-Сокольский, Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, М., 1962, с. 481—625.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

— «Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому,
Коню дать воды».

— «Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
— «Ночь красавицам опасна».
— «Радость! не страшись!»

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась;
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели,
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

1814

163. РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздыхнув, остановила их. . .
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь! . .
Стыд вечный мне вина моя, —
Меня навеки ты забудешь,
Тебя не позабуду я;

Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?» —
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий. . .
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца,
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: «Ее на свете нет,
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет».

Но что сказала я? . . быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой. . .
Но может быть, пройдешь ты мимо,
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна. . .
С волнением сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

1814

164. ПЕВЕЦ

Слышали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слышали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

165. ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,

Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моления:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

1816

166. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Молдавская песня

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог. . .

В покой отдаленный вхожу я один. . .
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел. . .
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления. . . текущую кровь. . .
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

167. ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

В реке бежит гремящий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.

Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

1820—1821

168. УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер. . . да я! . . .»

1822

Flute

Flute

Flute

au u re na or - na

И да - нымъ вы - шимъ

И да - нымъ вы - шимъ

И да - нымъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ
 И да - нымъ, вы - шимъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ

Это да - нымъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ

Не да - нымъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ, вы - шимъ
 Не да - нымъ, вы - шимъ

169. <ИЗ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ»>

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

1824

170

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот вошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824

171. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?

Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

172. К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

173. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска. . .

Ни огня, ни черной хаты. . .
Глушь и снег. . . Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Скучно, грустно. . . завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

174. ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан. .
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман. . .

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —

Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827

175

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

1828

176

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы! . .

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

Антон Антонович Дельвиг родился в 1798 году в Москве, умер в 1831 году в Петербурге. Интерес Дельвига к песнетворчеству определился очень рано, во время пребывания его в Царскосельском лицее. Первая «Русская песня» юного поэта датируется 7 сентября 1812 года. Хор воспитанников на текст Дельвига с музыкой Г. Теппера де Фергюсона прозвучал на выпускном акте 9 июня 1817 года. По окончании Лицея поэт служил в министерстве финансов, затем в Публичной библиотеке и, наконец, в департаменте иностранных исповеданий. Дельвиг находился в ближайшем литературном окружении Пушкина, играл заметную роль в литературно-общественной жизни 1820—1830-х годов, состоял членом «Общества любителей словесности, наук и художеств», а затем (с 1819) — «Вольного общества любителей российской словесности», издавал альманахи «Северные цветы» и «Подснежник», «Литературную газету». Он был частым гостем литературных салонов С. Д. Пономаревой, А. Ф. Воейковой и др., где музицирование составляло одну из характерных черт быта. Ф. А. Кони вспоминает: «Лучшие русские песни Дельвига родились в минуты увлечения на рояли Рупини и им положены на музыку». ¹ В литературно-музыкальных вечерах в доме самого Дельвига нередко принимали участие композиторы М. Глинка и М. Яковлев, с которыми у него возникло плодотворное сотрудничество. Двоюродный брат поэта вспоминает: «Песни... и романсы певались непременно каждый вечер. В этом участвовал и сам Дельвиг». ² Всего Дельвиг написал 26 песен и романсов. Кроме публикуемых текстов на музыку положены: «Застольная песня» (М. Глинкой и А. Даргомыжским),

---

¹ Русский певец и композитор И. А. Рупини. — «Пантеон», 1850, т. 2, № 4.

² А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. 1, М., 1912, с. 51.

«Други, други, радость нам дана судьбой...» (А. Алябьевым и И. Литандером), «Вчера вакхических друзей...» (М. Яковлевым), «Что же ты, соловушко...» (Н. С. Титовым), «Когда, душа, просилась ты...» (А. Даргомыжским и М. Яковлевым). Особенно много романсов на слова Дельвига написал Даргомыжский (кроме названных — «Роза», «Хата», «К Лилете», «Мой суженый, мой ряженный...», «Жизнью земною играла она...»). Авторский текст самой популярной песни Дельвига — «Не осенний частый дождичек...» — не сохранился (песенный вариант см. на с. 929).

177. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
Всё мне твердило: знаю!

Его кудрявые волосы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я, —
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

<1814>

178. ПЕСНЯ

«Дедушка! — девицы
Раз мне говорили, —
Нет ли небылицы
Иль старинной были?»

— «Как не быть! — уныло
Красным отвечал я, —
Сердце вас любило,
Так чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!

Уж они — старушки;
Но от них порою
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу волновали
Их уста и очи,

По огню бежали
Дни мои и ночи».

— «Дедушка, — толпою
Девицы вскричали, —
Жаль нам, а тобою
Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие,
Мы б тебя любили!»

— «Вы б любили? сказки!
Веры мне нейдет!
И на ваши ласки
Дедушка смеется».

1820

179. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,

Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девицам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

1820 или 1821

180. РОМАНС

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь его унылый,
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся
к милой!

Не к добру грудь моя тяжко воздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает;

Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул, и сильнее витязь возмутился,
В милый край, в страшный край как стрела пустился.

Ночь прошла, всё светло: виден храм с дубровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

1821 или 1822

181. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая,
Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
К белой ручке клонишь?
Или словом, или взором
Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповедать тайну!

Не слышали ль злые люди
Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди
У отца родного;
Не спросили ль сопостаты
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень,
Чья в повязке лента?»

Лента, ленточка цветная,
С золотой каймою,
Перстень с чернью расписною,
С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
Слез твоих горючих!
Перелей в мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
Легче растосуем.

1823

182. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.

Днем ли в те поры я выведу,
В очи солнце — ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей всё повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —
Только взглянут и успокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали,

Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке,
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

1823

183. РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя! —
Мне сердце говорит.

1823

184. РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?

Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

185. РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, всё счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

186. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провесть
И в край, для горестных не дальней,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

1824

187. ПЕСНЯ

Наяву и в сладком сне
Всё мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных персей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

И я утром золотым
Молвлю персям молодым:

Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине —
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью, сплю ли я, не сплю, —
Всё устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет, —
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

1824

188. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать молодой.

Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —

Под окошком всё так весело глядит,
И мне душу то веселие томит.

То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.

И я выду во широкие поля —
С них ли негой так и веет на тебя;

Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,

Хочешь с кем-то этим запахом дышать,
И другим устам его передавать;

Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.

Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,

К изголовью правой щечкою прижмусь
И горячими слезами обольюсь.

Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но ее не освежит,

Так и слезы не свежат меня, младой;
Скучно, девушки, весною жить одной!

1824

189. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не выюги;
В лесе звери лютые,
Да не люди!

1824

190. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милкой.

1825

191. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка, девушка,
Полюби меня, молодца,
Полюбя — приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе, —
Сиротинушке девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставенки,
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замок висит,
В подворотенку пес глядит.

1828

192. РУССКАЯ ПЕСНЯ

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он впоследствии стоял
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:

«За турецкой за границей,
В басурманской стороне
По тебе лишь по девице
Слезы лить досталось мне. . .»

. . . . .
. . . . .

1828

193. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево — на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

194. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как у нас ли на кровельке,
Как у нас ли на крашеной,
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
В путь-дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь мы наигралися,
Здесь не ждать же вам гибели
От мороза трескучего!»

Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватает,
Меня ряженный сватает;
Поспешите, не мешкайте,
Меня поезду выдайте,
С хлебом-солию, с образом,
С красотой проходящею!

Мне не век вековать у вас,
Не сидеть же всё девицей
Без любви и без радости
До ворчуньи ль до старости.

1829

Николай Мисаилович Ибрагимов родился в 1778 году в Казани, умер в 1818 году там же. Учился он в гимназии при Московском университете, а затем и в университете, по окончании которого был учителем и инспектором в казанской гимназии, а с 1817 года — адъюнкт-профессором Казанского университета. Ибрагимов сотрудничал в «Сыне отечества» (с 1814 г.). Несколько его стихотворений было опубликовано в «Трудах Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете» (1815, ч. 15) и посмертно — в «Благонамеренном» (1822, 1825). Литературное наследие Ибрагимова невелико. Большая часть его стихотворений написана в жанре сентиментальной «русской песни»; из них только публикуемые вошли в устный обиход.

195. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Подражание польской

Вечерком красна девица
На прудок за стадом шла;
Черноброва, белолица
Так гуськов своих гнала:
Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня богатый:
Ты постыл моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!

Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Нас одних для нас довольно:
Всё любовь нам заменит.
А сердечны слезы больно
Через золото ронить.
Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

<1815>

196. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Во поле березонька стояла, (2)
Люли, люли, стояла, (2)
В чистом кудрява бушевала,
В тереме девица горевала;
Девицу со милым разлучают,
Девицу с постылым обручают.
Нелюб не умом взял, не приятством —
Взял большой роднею и богатством.
Милый беспоместен, беспороден,
Он душой богат и благороден.
Не в мешках любовь, не в родословных —
В жертвах добровольных, безусловных.
С милым мы глазами сговорились,
С милым мы сердцами подарилась;
Скоро ли, ах, милый! не дождуся,
Я с тобой свиданьем наслаждуся,
От докук нелюба свобожуся?
Люли, люли, свобожуся? (2)

<1825>

Николай Федорович Остолопов родился в 1782 году в Сольвычегодске, умер в 1833 году в Астрахани. Учился он в Горном корпусе в Петербурге, служил в коллегии иностранных дел и в министерстве юстиции, с 1808 по 1812 год был вологодским прокурором, а с 1814 по 1819 — вице-губернатором. С 1825 года Остолопов — директор петербургских театров. Первые литературные произведения его появились в 1801 году, в журнале «Иппокрена». Он состоял членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», издавал журнал «Любитель словесности», сотрудничал в «Вестнике Европы», «Свитке муз» и других изданиях. Остолопов писал оды, басни, послания, поэмы, лирические стихи. Его перу принадлежат также повести и исторические сочинения. Был известен в качестве издателя «Ключа к сочинениям Державина» (СПб., 1821) и составителя «Словаря древней и новой поэзии» (СПб., 1822). Стихотворения Остолопова при его жизни издавались дважды: «Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства», М., 1816, и «Апологические стихотворения с присовокуплением поэмы „Привидение“», СПб., 1827. Принадлежа к державинскому окружению, Остолопов некоторые стихи писал в жанре «русской песни». Кроме публикуемых известна его песня «Давно мне было должно. . .».

197

Не бушуйте, ветры буйные,
Перестаньте выть, осенние!
Не к тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?

Ах! скорей, скорей утихните!
И без вас *она* не слышит их. . .
Терем *милой* далеко стоит
За горами за высокими,
За лесами непроходными. . .
Лучше грамотку снесите к ней:
Я слезами напишу ее,
Я скажу ей в этой грамотке:
Вянет травушка без солнышка,
Сохнет сердце без любезных;
С ней в разлуке нет отрады мне.
Вся отрада — горьки слезы лить!
Полетите, ветры буйные,
Вы отдайте милой грамотку!
Если милая вздохнет тогда,
Принесите мне вы вздох ее!
Но вы всё еще бушуете,
Вы не слышите несчастного,
Вы не внемлете мольбе его!
Так усилитесь, ветры буйные,
Вы умножьте бурю грозную,
Ускорите смерть несчастного
И развеите после прах его!

<1816>

198

(На голос простонародной песни:
«Скучно, грустно мне в деревне жить одной. . .»)

Солнце красное! оставь ты небеса,
Ты скорей катись за темные леса!
Ясный месяц! ты останься за горой!
Вы оденьте всё ночьюю темнотой!
Дайте времечко укрыться от людей
И наплакаться об участи моей!
Люди бегают от горестей чужих;
Людям нужно ль знать причину слез моих?

Ах! где милый мой, где ангел, дорогой?
Не на веки ли простился ты со мной?

Нет ни грамотки, ни вести от тебя!
Напиши хоть, что забыл уж ты меня,
Дай отраду мне скорее умереть! —
Мне на белый свет постыло уж смотреть!
В нем не видят ничего мои глаза,
Покрывает их горячая слеза.

Вы, подруженьки, вы сжальтесь надо мной,
Не шутите вы над лютою тоской!
Уделите часть вы горя моего!
Придет время, вы узнаете его;
Страсть-злодейка не минует никого!
Ах! зачем нельзя без горести любить?
Ах! зачем нельзя неверного забыть?

<1816>

199. БЕДНАЯ ДУНЯ

Ах, не лебедь ходит белая
По зеленой травке шелковой!
Ходит Дуня, ходит бедная
С томным сердцем, в мыслях горестных!

Не любит цветочками,
Красным утром не пленяется,
И певуны малы пташечки
Уж не могут веселить ее!

Снегобелым рукавом своим
Закрывая очи ясные,
Только слезы льет красавица,
Только думу крепку думает:

«На кого меня покинул ты,
На кого, сердечный милый друг?
Не клялся ли ты любить меня?
Не клялась ли я тебя любить?»

Я отстала от подружек всех
И от батюшки, от матушки:

Я покинула сестер моих
И сторонушку родимую;

Убежала и поверилась
Другу милому, сердечному;
Расплела я косу русую
И с весельем отдалась тебе.

Мне светлей казалось солнышко
И цветочки всё душистее,
Как в твоих объятьях сладостных
Забывалась я, несчастная!

Ах! раскройся, мать сыра земля!
Поглоти меня, преступницу!
Для кого ж мне жить осталось,
Если милый мне неверен стал?»

Тут пошла она по берегу,
По крутому, по высокому,
И, всплеснув руками белыми,
Погрузилась в волны быстрые!

<1816>

Дмитрий Петрович Глебов (1789—1843) воспитывался в московском университетском пансионе, служил в московском архиве коллегии иностранных дел. Он состоял членом «Общества любителей российской словесности» (с 1827 г.). Первые стихотворения его появились в печати в 1809 году («Аглая», «Московский вестник»). Прижизненные издания: «Собрание стихотворений, относящихся к 1812 году», М., 1814; «Элегии и другие произведения», М., 1827. Глебов развивался в общем русле русской поэзии, от сентиментализма к романтизму; писал подражательные элегии и баллады. Среди его стихотворений некоторые названы песнями и романсами, но немногие из них действительно выдержаны в этом жанре. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Как с тобою расставался...», «Кого ты ждешь, певец молодой...», «Она так страстно мне клялась...», «Опять во власть судьбы предайся...», «Полуночью, в пустыне обнаженной...».

200

Увянет без солнышка
Душистый цвет на́ поле,
Поблекнет и молодость
Без друга любезного.
Не ты ль мое солнышко?
Не я ли цвет во поле?
Тобою питаюся,
Тобою и вижу свет!

Не скроешься, милая,
В высоком ты тереме,
И злата сокровища
Не будут преградой мне;
Везде я найду тебя,
И слово приветное
Скажу в утешение,
Что я лишь тобой живу.

И ветры осенние,
И в зиму метелицы
Одни лишь свидетели
Пролитых слез горести.
Ужель средь веселия,
Средь игр, хороводов ты
Не слышала голоса
Страдальца несчастного? . .

Нет! сердце в нас весть дает,
И часто средь плясок ты
Бывала задумчива,
В насмешку подругам всем.
О, если б кручина та
Была бы любовь ко мне,
То красное солнышко
Блеснуло бы радостью!

<1817>

201

Скучно, матушка, мне сердцем жить одной,
Скучно, скучно, что не едет дорогой.
Где сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду, на крылечке постою.
Посмотрю, кто вдоль по улице прошел,
Посмотрю, не пролетит ли мой сокол.
Вдоль по улице метелица метет,
А с метелицей и милый мой идет.
Машет издали мне аленьким платком,
Подошедши, говорит он мне тайком:

«Ах, постой, постой, любезная моя!
Дай мне, радость, наглядеться на тебя!
С той поры, как разлучились мы с тобой,
Потерял я и здоровье и покой».
— «Друг сердечный, — отвечала я ему, —
Или ты смеешься горю моему?
Такова ли я до сей поры была?
Таковою ли красавицей слыла?
На лице поблекли алые цветы;
Без тебя, мой друг, лишилась красоты!»

<1817>

Петр Андреевич Вяземский родился в 1792 году в Москве, умер в 1878 году в Баден-Бадене. Учился Вяземский в петербургских пансионах и у профессоров Московского университета. В составе дворянского ополчения он участвовал в войне 1812 года. Вяземский был активнейшим участником литературно-общественной борьбы первой трети XIX века, занимая в ней прогрессивные позиции; состоял в «Арзамасе», совместно с Н. Полевым издавал «Московский телеграф». С 1840-х годов Вяземский отходит от прогрессивного лагеря, что отражается и на его творчестве. В его разнообразных по художественным средствам стихах лишь немногие произведения были задуманы как песни. К творчеству Вяземского обращались А. Алябьев («Незабудочка», «Девичий сон», «До свидания»), А. Даргомыжский («Что, мой светик, луна...»), П. Макаров («Незабудочка»), М. Вильгорский («Давным-давно»), С. Дюнауров («Что, мой светик, луна...», «Черные очи»), Н. Бороздин («Ее уж нет, моей весны...»), Н. А. Титов («Мечта любви...»). Цикл романсов написал А. Михайлов. Известность приобрела песенка «Дети, в школу собирайтесь...» с музыкой В. Ребикова. В песенниках, кроме публикуемого, встречаются: «Масленица на чужой стороне» («Привет зиме» — сокращенный текст с музыкой М. Анцева и П. Бларамберга или «Зима» с музыкой Н. Александрова и В. Орлова), «К партизану-поэту», «Воли не давай рукам...», «Где вы, товарищи-друзья?..», «Давным-давно», «Ее уж нет, моей весны...», «Недовольный», «Слезы», «К старому гусару» и другие.

202. ПЕСНЯ

Собирайтесь, девки красны,
Собирайтесь в хоровод,
Скоро день погаснет ясный,
Солнце яркое зайдет.

Ненадолго ландыш белый
Расцветает по лесам,
Лето луг ковром одело
Ненадолго в радость нам.

В свежих рощах на свободе
Пташке не всегда порхать.
Не всегда нам в хороводе
Петь, резвиться и плясать.

Завтра, может быть, на пташку
Хитрый сыщется ловец:
Муж сердитый на девицу —
И тогда всему конец.

1817

203. СЛЕЗА

Когда печали неотступной
В тебе подыметя гроза
И нехотя слезою крупной
Твои увлажятся глаза,

Я и в то время с наслаждением
Еще внимательней, нежней
Любуюсь милым выраженьем
Пригожей горести твоей.

С лазурью голубого ока
Играет зыбкий блеск слезы,
И мне сдается: перл Востока
Скатился с светлой бирюзы.

<1829>

204. ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры,
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко;
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

<1834>

Сведения о жизни Александра Христиановича Дуропа крайне скудны. Известно, что он сотрудничал в журналах 1818--1821 годов, был переводчиком, писал басни и стихи. В песенниках, кроме публикуемого романса, встречается «Среди нагорной высоты...»,

205. КАЗАК НА РОДИНЕ

Романс

«Кончен, кончен дальний путь!
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой!

Долго в грусти ждет она
Казака младого.
Вот забрезжила луна
С неба голубого!

И веселый Дон течет
Тихою струею;
В нетерпеньи конь мой ржет,
Чуя под собою

Пажити родных берегов,
Где в счастливой доле
Средь знакомых табунов
Он гулял на воле.

Верный конь, скачи скорей
И как вихорь мчися;
Лишь пред хатюю моей
Ты остановися!» —

Так спешил казак домой,
Понукал гнедого;
Борзый конь летит стрелой
До дому родного.

Вот приблизился донец
К своему селенью:
«Стой, товарищ, стой! — конец
Нашему стремленью!»

Видит он невесты дом,
Входит к ней в светлицу,
И объяту сладким сном
Будит он девицу.

«Встань, коханочка моя!
Нежно улыбнися,
Обними скорей меня
И к груди прижмися!

На полях страны чужой
Я дышал тобою;
Для тебя я в край родной
Возвращен судьбою!»

Что же милая его? . .
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
В страхе задрожала.

«Наяву или во сне
Зрю тебя, мой милый! . .
Ах, недаром же во мне
Сердце приуныло!

Долго я тебя ждала
И страдала в скуке;
Сколько слез я пролила
В горестной разлуке!

И, отчаясь зреть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
С клятвой роковою».

— «Так, так бог с тобой!» — сказал
Молодец удалый,
И — к воротам, где стоял
Конь его усталый.

«Ну, спутник верный мой! —
Он сказал уныло, —
Нет тебе травы родной,
Нет мне в свете милой!»

С словом сим он на гнедка,
Шевельнул уздою,
Тронул шпорой под бока:
Быстрый конь стрелою

Полетел в обратный путь
От села родного.
Но тоска терзала грудь
Казака младого.

Он в последний раз взглянул
В сторону родиму
И невольно вздохнул,
Скрылся в даль незриму.

Что и родина, коль нет
Ни друзей, ни милой? —
Ах! тогда нам целый свет
Кажется могилой!

<1818>

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев родился ок. 1795 года в Москве, умер в 1849 году. Он служил цензором при московском почтамте. Первые стихотворения его появились в 1809 году в альманахе «Аглая». Сотрудничал он в «Вестнике Европы» (с 1814 г.), «Сыне отечества» (1819), «Северной пчеле» (1826), «Москвитяине», в различных альманахах 1820—1830-х годов. Первый его сборник: «Сочинения и переводы в стихах Н. Иванчина-Писарева», М., 1819 (2-е изд. — 1828, 3-е — 1832, без имени автора). Перу Иванчина-Писарева принадлежат также историко-биографический сборник «Отечественная галерея» (1832) и «Взгляд на старинную русскую поэзию» (1837). Несколько стихотворений Иванчина-Писарева написаны в жанре романса и «русской песни» (кроме публикуемых — «Могу ль перемениться я...» и «Вот от милой удалился...»).

206

Тебя забыть! — и ты сказала,
Что сердце может разлюбить.
Ты ль сердца моего не знала?
Тебя забыть!

Тебя забыть! — но кто же будет
Мне в жизни радости дарить?
Нет, прежде бог меня забудет...
Тебя ль забыть?

Тебя забыть, и, свет могилой
Назвав, как бремя жизнь влачить,
Могу ль, могу ль, о друг мой милый!
Тебя забыть?

Тебя забыть, искать свободы,
Но цепи я рожден носить,
И мне ль, восстав против природы,
Тебя забыть?

Тебя забыть, пленясь другою,
И для другой хоть миг прожить:
Тому ль, кто дышит лишь тобою,
Тебя забыть?

Тебя забыть! Нет, адска злоба
Одна могла ту мысль внушить.
Могу ль и за порогом гроба
Тебя забыть?

<1819>

207

Ты грустишь, твой взор тоскливый
Тихой светится слезой,
Ищешь в думе молчаливой
Сердцу прежний дать покой.

Сердце в горе и не знает,
Что есть смертный, может быть,
Кто всё горе примечает,
Но не смеет разделить.

Если б взор сей хоть случайно
Обратился на него,
Ты б узнала, что он тайно
Грустен больше твоего.

Ты б узнала, что страдает
Скромный друг, и к небесам:
«Дайте с ней делить, — взывает, —
Грусть и радость пополам».

<1819>

Евгений Абрамович Баратынский родился в 1800 году в с. Мара Тамбовской губ., умер в 1844 году в Неаполе. С 1819 года он находился на военной службе, тогда же началась и его литературная деятельность. Выйдя в 1826 году в отставку, Баратынский поселился в Москве. Еще в юности он участвовал в литературно-музыкальных вечерах у М. Яковлева, дружил с Дельвигом, также увлекавшимся песнями. И хотя немногие стихи самого Баратынского написаны в жанре песни, его поэзия привлекала внимание композиторов присущей ей лирической углубленностью и оригинальностью. Но эти же качества и затрудняли задачу музыкального воплощения мыслей поэта. Этим обстоятельством объясняется сравнительно небольшое количество романсов на слова Баратынского. Наибольшую известность приобрели элегии Баратынского, высоко ценившиеся современниками. По отзыву Пушкина, «в этом роде он первенствует». Один из лучших элегических романсов на слова Баратынского создал М. Глинка («Разуверение»). На тексты поэта писали музыку А. Даргомыжский («Поцелуй»), К. Вильбоа («Возвращение»), В. Кашперов («Очарование красоты...»), А. Танеев («Весна, весна! Как воздух чист...») и другие композиторы. Большой цикл романсов на слова Баратынского создал Н. Мясковский. Особенно посчастливилось стихотворению «Где сладкий шепот...» (романс Глинки, хор Гречанинова, хор Вик. Калининкова, музыкальная картина Ц. Кюн, дуэты Н. Соколова, Н. Черепнина, романс С. Ляпунова). Несколько малоизвестных композиторов написали музыку на текст «Разлуки». Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Звезда», «Случай», «Две доли», «Кольцо», «Догадка», «Ожидание».

208. К АЛИНЕ

Тебя я некогда любил,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя в то время был —
Ты в утро дней едва вступала.
Тогда любим я был тобой,
И в дни невинности беспечной
Алине с детской простотой
Я клятву дал уж в страсти вечной.

Тебя ль, Алина, вижу вновь?
Твой голос стал еще приятней;
Сильнее взор волнует кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятней;
Блестящих на груди лилей
Все прелести соединились,
И чувства прежние живей
В душе моей возобновились.

Алина! чрез двенадцать лет
Всё тот же сердцем, ныне снова
Я повторяю свой обет.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный друг! чему ни быть,
Обет сей будет свято чтимым.
Ах! я могу еще любить,
Хотя не льщусь уж быть любимым.

<1819>

209. РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без пужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сповиденьям!

Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпление;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волнение,
А не любовь пробудишь ты.

<1821>

210. ПЕСНЯ

Страшно воеет, завывает
Ветр осенний;
По поднебесью далече
Тучи гонит.

На часах стоит печален
Юный ратник;
Он уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда вас, тучи,
Ветер гонит?
О, куда ведет судьбина
Горемыку?

Тошно жить мне: мать родную
Я покинул!
Тошно жить мне: с милой сердцу
Я расстался!

«Не грусти! — душа-девица
Мне сказала. —
За тебя молиться будет
Друг твой верный».

Что в молитвах? я в чужбине
Дни скончаю.
Возвращусь ли? взор твой друга
Не признает.

Не видать в лицо мне счастья;
Жить на что мне?
Дай приют, земля сырая,
Расступися!

Он поет, никто не слышит
Слов печальных. . .
Их разносит, заглушает
Ветер бурный.

<1821>

211. К . . . 0

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить — плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность — прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

1821

212. ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,

И славит всё существованья сладость, —
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость, —
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Павел Александрович Катенин родился в 1792 году в Кологривском уезде Костромской губ., умер в 1853 году там же. Приехав в пятнадцатилетнем возрасте в Петербург, Катенин сначала был чиновником в министерстве просвещения, но вскоре перешел на военную службу. Он участвовал в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах 1813—1814 годов. Катенин состоял в «Союзе спасения» и в «Военном обществе». С 1822 года по 1825 год он жил без права выезда в Костромской губернии и был привлечен к следствию по делу декабристов, а с 1834 года по 1838 год служил на Кавказе. Первые литературные опыты Катенина относятся к началу 1810-х годов (печатались в альманахе «Цветник», в журналах «Сын отечества», «Вестник Европы» и других изданиях). Перу его принадлежат переводы комедий и трагедий Корнелия и Расина, трагедия «Андромаха». Совместно с Грибоедовым он написал комедию в прозе «Студент». При жизни Катенина изданы его «Сочинения и переводы в стихах» (чч. 1—2, СПб., 1832). Как поэт Катенин был одним из зачинателей романтизма и, по замечанию А. С. Пушкина, первый ввел в поэзию «язык и предметы простонародные». Однако его опыты в «простонародном» духе не стали песнями.

213

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетаёт,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас. . .

Между 1817 и 1820

214. ЛЮБОВЬ

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колеблет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь;
Его дарит тебе любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет. . . любите вновь и вновь;
Земного счастья верх: любовь.

<1830>

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в 1791 году в Уфе, умер в 1859 году в Москве. Учился он в Казанском университете, служил в Петербурге переводчиком, в Москве — цензором (1827—1832), инспектором и затем директором Межевого института (1833—1843). Литературную деятельность Аксаков начал в 1820-е годы, выступив как поэт и театральный критик. Впоследствии большую известность он приобрел как прозаик, напечатав «Записки об уженъи рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника» (1852), «Семейную хронику» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858). Из поэтических произведений популярным стало публикуемое стихотворение, не включенное в собрание сочинений писателя, но вошедшее без имени автора в многочисленные песенники и в переработанном виде — в устный репертуар.

215. УРАЛЬСКИЙ КАЗАК

(Истинное происшествие)

Настала священная брань на врагов
И в битву помчала Урала сынов.

Один из казаков, наездник лихой,
Лишь год один живши с женой молодой,

Любя ее страстно и страстно любим,
Был должен расстаться с блаженством своим.

Прощаясь с женою, сказал: «Будь верна!»
«Верна до могилы!» — сказала она.

Три года за родину бился с врагом,
Разил супостатов копьем и мечом.

Бесстрашный наездник всегда впереди,
Свидетели раны — и все на груди.

Окончились битвы; он едет домой,
Всё страстный, всё верный жене молодой.

Уже достигают Урала берегов
И видят навстречу идущих отцов.

Казак наш объемлет отца своего,
Но в тайной печали он видит его.

«Поведай, родимый, поведай ты мне
Об матери милой, об милой жене!»

Старик отвечает: «Здорова семья;
Но, сын мой, случилась беда у тебя:

Тебе изменила младая жена, —
За то от печали иссохла она.

Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости ее, сын мой: *мы* просим об ней!»

Ни слова ответа! Идет он с отцом;
И вот уже входит в родительский дом.

Упала на грудь его мать в слезах,
Жена молодая лежала в ногах.

Он мать обнимает; иконам святым,
Как быть, помолился с поклоном земным.

Вдруг сабля взвилась могучей рукой. . .
Глава покатилась жены молодой!

Безмолвно он голову тихо берет,
Безмолвно к народу на площадь идет.

Свое преступленье он всем объявил
И требовал казни, и казнь получил.

Достоверных данных о жизни и творчестве Василия Головина не сохранилось. Он сотрудничал в журналах 1820-х годов: «Вестнике Европы», «Дамском журнале», «Мнемозине».

216. ПЕСНЯ

(На голос: «При долинушке стояла...»)

Раю, солнышко, играешь
Утром на долине;
Ты померкни! иль не знаешь:
Девушка в кручине.

Я вечер мое веселье
С милым проводила;
Он уехал — в утешенье
Мне одна могила!

Говорил мне на прощанье:
«Буду: не крушися!»
Ах, исполни обещанье,
Милый! возвратися!

Без подпоры — хмель кудрявый
Не цветет, а вянет;
Без весны — в тени дубравы
Птичка петь не станет;

Без росы — желтеет в поле
И цветок от зною!
Ах! без милого мне боле
Не цвести душою!

<1821>

Петр Михайлович Кудряшов родился в 1801 году в Верхне-Уральске, умер в 1827 (?) году. Он служил унтер-офицером в верхнеуральском гарнизонном батальоне (1815—1822), затем аудитором в оренбургском ордонанс-гаузе. Некоторую известность Кудряшов приобрел повестями о нравах и жизни башкир («Айдар и Абдряш», «Кучак Галий», «Искак», «Киргизский пленник» и др.), опубликованными в журналах 1820-х годов. Перевод башкирской песни о Салавате, принадлежащий Кудряшову, положил на музыку А. Алябьев. Стихи Кудряшова печатались в «Вестнике Европы», «Благонамеренном» и в ряде альманахов конца 20-х — начала 30-х годов. Кроме публикуемых известны также песни: «Вы сгладьтесь на море, сердитые волны...», «Долго ль, долго ль станет сердце изнывать...», «Друг любезный, ненаглядный...», «Люблю я с высоты холмов...», «О касаточка...», «Посмотри, моя любезная...», «Росла, росла сосенка...», «Что вы, звезды, долго блещете...».

217

(На голос: «Ты проходишь, дорогая...»)

Как цветочек от засухи
Увядает,
Так и сердце без подруги
Унывает.
На часочек нет отрады —
Лишь страданье;
Жизнь без милой — без улады —
Наказанье!
Меж людьми живу — скучаю,
Как в неволе! . .
Дай пойду я погуляю
В чистом поле. . .

Птичка с птичкой там порхают
    Меж кустами;
Мушки парами летают
    Над цветами. . .
Все находят, все вкушают
    В жизни радость —
Сердце с сердцем разделяют
    Счастья сладость. . .
Не с кем лишь душою страстной
    Мне делиться;
Верно, буду я, несчастный,
    Век крушиться!

<1822>

Кондратий Федорович Рылеев родился в 1795 году в с. Батово Софийского уезда Петербургской губ., казнен 13 июля 1826 года в Петропавловской крепости в Петербурге. Славу Рылееву как поэту-революционеру принесли ода «К временщику» (1820), поэма «Войнаровский», некоторые думы (одна из них — «Смерть Ермака» — стала популярнейшей песней) и агитационные песни (написанные при участии А. А. Бестужева-Марлинского), многие из которых вошли в песенный репертуар русской революционно настроенной интеллигенции, а иные из них проникли в солдатские и широкие народные массы. Е. И. Якушкин в своих замечаниях «По поводу воспоминаний К. Ф. Рылеева» свидетельствует, что из нескольких песен политического содержания, написанных Рылеевым вместе с А. А. Бестужевым, наиболее распространенными в свое время были «По улице мостовой...» (текст не дошел — В. Г.) и «Кузнец».¹ На тексты Рылеева музыку писал В. Казимир, а также многие советские композиторы. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются «Заблуждение», «Нечаянное счастье», «Ивьян Сусанин».

218. СМЕРТЬ ЕРМАКА

(П. А. Муханову)

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

---

¹ Сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 354.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!»

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах;
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;

С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина. . .

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает. . .

Плывет. . . уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря. . . вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

<1822>

219. ЭЛЕГИЯ

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает — почью холодной
Полузавялый василек.

<1824>

220. СТАНСЫ

(К А. Б<естуже>ву)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилую угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей. . .

<1824>

К. Ф. РЫЛЕЕВ
И А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ¹

221

Ах, где те острова,
Где растет тринь-трава,
Братцы!

Где читают Руселле
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

---

¹ Биографическую справку см. на с. 486.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдаёт, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.
1823(?)

222

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.
1823(?)

Ах, тошно мне
 И в родной стороне;
     Всё в неволе,
     В тяжкой доле,
 Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
 Будет рухлядью господ,
     И людьми,
     Как скотами,
 Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
 Кто им барство присудил
     И над нами,
     Бедняками,
 Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
 Стала воле в изъян,
     И свобода
     У народа
 Силой бар задушена.

А что силой отнято,
 Силой выручим мы то.
     И в приволье,
     На раздолье
 Стариною заживем.

А теперь господа
 Грабят нас без стыда,
     И обманом
     Их карманом
 Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
 Мы посеём — они жнут.
     Они воры,
     Живодеры,
 Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за всё про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги —
Разорил нас вконец.

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
    Поселенье
    В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
    Всех затеев
    Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
    Ему шутка,
    А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
    Да мы сами
    Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1823—1825

224

Царь наш — немец русский —
Носит мундир узкий.
    Ай да царь, ай да царь,
    Православный государь!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
    Ай да царь, ай да царь,
    Православный государь!

Прижимает локти,
Прибирает в когти,
    Ай да царь, ай да царь,
    Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев —
Злодей из злодеев!
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский-баба —
Начальником штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба —
Губернатор в Або.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный —
Генерал дежурный.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь, ай да царь,
Правсславный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Между сентябрем 1823 и апрелем 1824

225

Как идет кузнец да из кузницы. Слава!
Что несет кузнец? Да три ножика.
Вот уж первой-то нож на злодеев вельмож,
А другой-то нож — на попов, на святош.
А молитву сотворя — третий нож на царя.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

Декабрь 1824 или январь 1825

Федор Николаевич Глинка родился в 1786 году в Сутоках Смоленской губ., умер в 1880 году в Твери. Учился Глинка в кадетском корпусе, участвовал в войне 1805—1806 годов, отличился в Отечественной войне 1812 года. Глинка был членом декабристских организаций «Союз Спасения» и «Союз Благоденствия». Привлеченный по делу декабристов, он был заключен в Петропавловскую крепость и сослан в Олонецкую губернию (Карелия). После ссылки, с конца 30-х годов, он оказывается в лагере сторонников «официальной пародности». Литературная деятельность Глинки начинается во второй половине 1800-х годов (первое печатное стихотворение — «Глас патриота», 1807). На время Отечественной войны 1812 года приходится его опыты в области патриотической песенной поэзии («Военная песнь», «Солдатская песнь», «Песнь сторожевого воина пред Бородинскою битвою», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы», «Авангардная песнь» и др.). Из них «Солдатская песнь» была положена на музыку Н. Кленовским и П. Лучкиным, «Авангардная песнь» — Д. Кашиным. Однако в песенный репертуар и быт вошли не эти песни, а публикуемые стихотворения. На тексты Глинки романсы писали А. Алябьев («Призыв», «Тоска больной Нины») и А. Варламов («Слезы умиленья»). На музыку положено также стихотворение «Москва» (С. Сенигов, П. Чесноков и др.). В песенниках, кроме публикуемых, встречаются многие тексты Ф. Глинки («Сетование», «Сетования русской девы», «Гусарская песнь», «Слезы умиленья», «Есть край, где желтеют...», «Желанный гость, мой друг младой...», «А ветер выл...», «К лугу», «Призыв», «Клятва», «Темнеет бурна ночь, темнеет...», «Я долго, долго бы глядел...» и др.).

226. ПОДОКОНЬЕ

(С богемского)

Ночь придет. Знакомой мне
Обойдя дорожкой,
Запою я в тишине
Под твоим окошком:
«Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он! . .
Будь он сладок, как твоя
Золотая младость!
Кто ж приснится? . . Если я —
Улыбнись, как радость!
Спи, мой ангел! Добрый сон!
Пусть тебя лелеет он! . .»

<1823>

227. СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам
сладок и приятен!

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал. . .
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны! . .
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;

И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

<1825>

228. ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчалъное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж придет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Всё ту же песню запевал! . .

1826

229. ЗАВЕЯННЫЕ СЛЕДЫ

Над серебряной водой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я берег следочки. . .

Вдруг завыло в вышине,
Речку всколыхало;
И следов, любезных мне,
Будто не бывало! . .

Что ж душа так замерла?
Колокол раздался. . .
Ах, девица в храм пошла:
С ней другой венчался. . .

<1826>

230. ПРИЗЫВ

О друг молодой, прекрасный друг!
Уж солнце за горами.
Певец зари мой нежит слух,
Луна над озерами;

Тебя я жду, тебя зову:
Уже густеют тени;
Присядь ко мне, склони главу
На дружние колени. . .

Она пришла, она была,
Душа при ней так млела! . .
Но вспыхнул день — и, как стрела,
Куда-то отлетела. . .

Уж нет ее, и грудь пуста;
Ах, если б, если б чаще
Ко мне слетала та ж мечта,
Мне б горе было слаще!

<1829>

Николай Михайлович Языков родился в 1807 году в Симбирске, умер в 1846 году в Москве. Учился он в петербургском Горном кадетском корпусе, затем в Дерптском университете на философском факультете (1822—1829). С 1829 по 1837 год Языков жил в Москве, последующие шесть лет за границей, где лечился от тяжелого недуга. Наиболее продуктивная поэтическая деятельность Языкова падает на дерптский период его жизни. Именно тогда он создает свои циклы «застольных» (1823) и «разгульных» (1829) песен, которые тут же кладутся на музыку (Науманом и другими неизвестными любителями-композиторами), расппеваются студенческим хором и становятся популярными. Многие из них были переведены на немецкий язык. В молодости Языков состоял в «Вольном обществе любителей российской словесности», последние же годы своей жизни был близок к славянофилам. Устойчивый и глубокий интерес поэта к фольклору не отразился, однако, на его песенном творчестве, так как он был принципиальным противником подражаний народной поэзии. В письме к И. Киреевскому он писал: «Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде». ¹ На стихи Языкова, кроме неизвестных композиторов — студентов Дерптского университета, музыку писали А. Алябьев, А. Даргомыжский (цикл), С. Танеев, Э. Направник, К. Вильбоа, В. Золотарев. Кроме публикуемых текстов положены на музыку стихотворения: «Влюблен я, дева-красота...», «Элегия» («Вы не сбьлись, надежды милой...»), «Элегия» («Меня любовь преобразила...») (все — А. Даргомыжским), «Песня короля Регнера», (С. Танеевым), «Ночь» (В. Золотаревым) и другие. В песенниках встречаются также: «Блажен, кто мог на ложе ночи...», «Воют волны, скачут волны...», «В час, как деву молодую...», «Бессонница», а также большая часть элегий. Языкову приписывается известная студенческая песня «Крамбамбули».

---

¹ Татевский сборник С. А. Рачинского, СПб., 1899, с. 48.

Кто за бокалом не поет,
 Тому не полная отрада:
 Бог песен богу винограда
 Восторги новые дает.

Слова святы: пей и пой!
 Необходимы для пирушки.
 Друзья! где арфа подле кружки,
 Там бога два и пир двойной!

Так ночью краше небеса
 При ярком месяца сияньи;
 Так в миловидном одеяньи
 Очаровательней краса.

Кто за бокалом не поет,
 Тому не полная отрада:
 Бог песен богу винограда
 Восторги новые дает!

22 августа 1823

232. ГИМН

Боже! вина, вина!
 Трезвому жизнь скучна,
     Пьяному рай!
 Жизнь мне прелестную
 И неизвестную,
 Чашу ж не тесную
     Боже подай!

Пьянства любителей,
 Мира презрителей
     Боже храни!
 Души свободные,
 С Вакховой сходные,
 Вина безводные
     Ты помяни!

Чаши высокие
 И преширокие
     Боже храни!

Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим,
Ты не мешай!

Август — начало сентября 1823

233. ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Помним хóлмы, помним доли,
Наши храмы, наши селы,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.

Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.

Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

234. ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует, разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески шумна, —

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино! . .

22 марта 1829

235. ПЕСНЯ

Разгульна, светла и любовна,
Душа веселится моя;
Да здравствует М<арья> П<етровна>,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снега полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи,
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженной избранников рая
Студент, полюбившийся ей.

22 марта 1829

236. ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.
    Смело, братья! Ветром полный
    Парус мой направил я:
    Полетит на скользки волны
    Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней;
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.
    Смело, братья! Туча грянет,
    Закипит громада вод,
    Выше вал сердитый встанет,
    Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.
    Но туда выносят волны
    Только сильного душой! . .
    Смело, братья, бурей полный,
    Прям и крепок парус мой.

1829

Иван Иванович Козлов родился в 1779 году в Москве, умер в 1840 году. С 1798 года он служил в канцелярии московского генерал-прокурора, во время Отечественной войны 1812 года участвовал в организации обороны Москвы, с 1813 года жил в Петербурге, находясь на службе в департаменте государственных имуществ. В 1821 году Козлов ослеп. Тогда же началась его литературная деятельность. Славу Козлову принесла его поэма «Чернец» (1825), а также переводы из Байрона, Томаса Мура и других английских поэтов; многие из этих переводов стали популярными русскими песнями. Среди близких поэту людей был молодой А. Даргомыжский, написавший романс на текст «Португальской песни». Музыка на слова стихотворений Козлова писали также М. Глинка («Венецианская ночь»), Балакирев (то же), А. Алябьев, А. Гурилев («Воспоминание»), А. Гречанинов, С. Моноушко, В. Золотарев, В. Ребиков и другие композиторы. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Сон невесты», «Сельская идиллия», «Заря погасла; ветерки...», «Когда над сонною рекой...», «Безумная», «Ирландская мелодия» («На брань летит молодой певец...»), «Жалоба», «К радости», «Обманутое сердце» и другие.

237. ДОБРАЯ НОЧЬ

«Прости, прости, мой край родной!
Уж скрылся ты в волнах;
Касатка вьется, ветр ночной
Играет в парусах.

Уж тонут огненны лучи
В бездонной синеве...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебе!

Проснется день; его краса
Утешит божий свет;
Увижу море, небеса, —
А родины уж нет!
Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет;
Собака верная моя
Выть станет у ворот.

Ко мне, ко мне, мой паж младой!
Но ты дрожишь, как лист?
Иль страшен рев волны морской?
Иль ветра буйный свист?
Не плачь: корабль мой нов; плыву
Уж я не в первый раз;
И быстрый сокол на лету
Не перегонит нас».

— «Не буйный ветер страшит меня,
Не шум угрюмых волн;
Но не дивись, сир Чальд, что я
Тоски сердечной полн!
Прощаться грустно было мне
С родимою, с отцом;
Теперь надежда вся в тебе
И в друге... неземном.

Не скрыл отец тоски своей,
Как стал благословлять;
Но доля матери моей —
День плакать, ночь не спать».
— «Ты прав, ты прав, мой паж младой!
Как сметь винить тебя?
С твоей невинной простотой,
Ах, плакал бы и я!

Но вот и кормщик мой сидит,
Весь полон черных дум.
Иль буйный ветер тебя страшит?
Иль моря грозный шум?»
— «Сир Чальд, не робок я душой,
Не умереть боюсь;
Но я с детьми, но я с женой
Впервые расстаюсь!

Проснутся завтра на заре
И дети и жена;
Малютки спросят обо мне,
И всплечется она!»
— «Ты прав, ты прав! И как пенять,
Мой добрый удалец!
Тебе нельзя не горевать:
И муж ты и отец!

Но я... Ах, трудно верить мне
Слезам прелестных глаз!
Любовью новою оне
Осушатся без нас.
Лишь тем одним терзаюсь я,
Не в силах то забыть,
Что нет на свете у меня,
О ком бы потужить!

И вот на темных я волнах
Один, один с тоской!
И кто же, кто по мне в слезах
Теперь в стране родной?
Что ж рваться мне, жалеть кого?
Я сердцем опустел,
И без надежд и без всего,
Что помнить я хотел.

О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам;
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!

Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!»

<1824>

238. ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах;
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем, их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;
Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок,
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет радостный свет, —
Листок зеленеет, а жизни в нем нет! . .

<1824>

239. НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почеть в ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дошатай неволе:
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Не долго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

<1825>

240. <ИЗ «НЕВЕСТЫ АБИДОССКОЙ»>

Любовник розы — соловей
Прислал тебе цветок сей милый,
Он станет песнею своей
Всю ночь пленять твой дух унылый.

Он любит петь во тьме ночей,
И песнь его дышит тоскою;
Но с обнадеженной мечтою
Споет он песню веселей.

И с думой тайною моей
Тебя коснется пенья сладость,
И напоеет на сердце радость
Любовник розы — соловей.

<1826>

241. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. Вдмрв—ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумьи петь вечерний звон!

<1827>

242. ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Когда пробьет печальный час
Полночной тишины,
И звезды трепетно горят,
Туман кругом луны, —

Тогда, задумчив и один,
Спешу я к роце той,
Где, милый друг, бывало, мы
Бродили в тьме ночной.

О, если в тайной доле их
Возможность есть душам
Слетать из-за далеких звезд
К тоскующим друзьям —

К знакомой роце ты слетишь
В полночной тишине,
И дашь мне весть, что в небесах
Ты помнишь обо мне!

И, думой сердца увлечен,
Ту песню я пою,
Которой, друг, пленяла ты
Мечтательность мою.

Унылый голос ветерок
Разносит в чуткой тьме,
В поляне веет и назад
Несет его ко мне.

А я... я верю... томный звук
От родины святой —
На песнь любимую ответ
Души твоей младой.

<1828>.

243. ТРЕВОЖНОЕ РАЗДУМЬЕ

Море синее, море бурное,
Ветер воющий, необузданный,
Ты, звезда моя полуночная, —
Ах, отдайте мне друга милого!

Где он? где? скажи мне, море;
Чем в далекой стороне
Он свое лелеет горе?
Всё ли помнит обо мне?
Днем меня ли ищут очи,
Я ль одна в его мечтах,
И меня ль во мраке ночи
Видит он в тревожных снах?

Ты, всегда везде летая,
Ветер, ветер, знаешь всё:
Заставал ты, как, вздыхая,
Шепчет имя он мое?
Как, в раздумье и печальный,
Жадный взор стремится к волнам
И мой локон, дар прощальный,
Жмет к пылающим устам?

Светлый друг тоски мятежной,
Полуночная звезда!
Будь вожатою надежной,
Нашей радостью всегда;
Ты пред ним святой красою
Знаком будь любви моей. . .
Если ж он пленен другою,
О звезда! затмись скорей!

Скоро год уже промчится,
Как со мной расстался он,
А в разлуке часто снится
Поневоле страшный сон.
Дух сомненье сокрушило:
Мне ль измену пережить? —

Лучше то, что сердцу мило,
Потерять, а не делить.

Но я верю, я мечтаю,
Что я с ним соединюсь,
Я волнение дум стесняю —
Я измены не боюсь;
Чуть коснется страх случайный —
Я маню надежду вновь. . .
Есть у сердца вестник тайный:
Не обманет он любовь!

Море синее, море бурное,
Ветер воющий, необузданный,
Ты, звезда моя полуночная, —
Ах, отдайте мне друга милого!

<1835>

Егор Васильевич Аладьин (1796—1860) участвовал в Отечественной войне 1812 года, был чиновником в военном ведомстве, служил в курской казенной палате и в различных столичных ведомствах. Одновременно он занимался литературной деятельностью: издавал «Невский альманах» (1825—1833), «Подснежник» (1830) и другие альманахи, с 1831 года — «Санктпетербургский вестник». При жизни Аладьины вышли: сборник стихов «Мои досуги» (1824), «Сочинения и переводы в прозе» (1832—1833), «Повести» (1833). Как поэт Аладьин — малопримечательная фигура, но публикуемое стихотворение приобрело некоторую известность в качестве песни.

244

Солнце скрылось за горами,
Вечер мрачный настаёт;
Над сребристыми водами
Ветерок прохладу льёт.

Дремлет бор; лишь там над лугом,
Где ручей катит волну,
Соловей с любезным другом
Нарушают тишину.

Месяц полный, величавый,
Луч прорезав в облаках,
Среди темных дубравы
Отразился на водах.

Погруженный в мрачну думу,
Там, где крадется струя,
Там, древес внимая шуму,
Там мечтал безмолвно я.

Ты по-прежнему катишься,
Ручеек, между кустов;
Ах! почто не удалишься
Ты от этих берегов?

Быстро время то промчалось,
Как с Лилетой я гулял!
Сердце счастьем наслаждалось,
И я — всё позабывал.

Ручеек! ты был свидетель
Дней отрады и утех.
Время, грозный разрушитель,
Ты умчало игры, смех!

Что ж осталось? — Вспоминанья
Счастья, радости моей;
Мой удел — одни страданья,
Цепь печальных жизни дней.

<1824>

Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866) сотрудничал в журналах «Атеней» и «Галатей», «Вестник Европы» и «Московский вестник», в альманахах «Урания» и «Памятник отечественных муз»; в 1840—1850-е годы — в «Москвитянине». Крупный чиновник, Дмитриев в литературно-общественной жизни занимал консервативные позиции. Известен он, главным образом, как автор мемуаров «Мелочи из запаса моей памяти». Как поэт он фигура малопримечательная. Из его стихотворений (изданы отдельной книгой — М., 1831; изд. 2-е — М., 1865) лишь публикуемое приобрело популярность в качестве песни.

245

Сын бедный природы
Так песню певал:
«В давнишние годы
Я счастье знал!

В давнишние годы
Был мир веселей
И солнце и воды
Блистали светлей!

В то время и младость
Резвее была,
И долее радость
Нам кудри вила,

И лес был тенистей
Стыдливой чете,
И розы душистей,
И люди не те!

Тогда к хороводу
Сбирались смелей
И пели природу
Средь диких полей.

В то время с весною
Любовь нас ждала...
В то время со мною
Подруга жила!»

<1824>

Дмитрий Владимирович Веневитинов родился в 1805 году в Москве, умер в 1827 году в Петербурге. Он получил разностороннее домашнее образование, был вольнослушателем в Московском университете, по окончании которого (1824) служил в московском архиве, а затем (с 1826 г.) в Петербурге в азиатском департаменте министерства иностранных дел. Веневитинов был одним из активных участников философского кружка «любомудров» и вошел в историю русской поэзии как автор философской и вольнолюбивой лирики и талантливый переводчик Гете. Стихотворения Веневитинова были изданы лишь посмертно (М., 1829). На тексты поэта создано несколько романсов Н. Бахметьевым («Три розы»), А. Дерфельдом, Т. Жучковским («К друзьям на Новый год», «Домовой»), С. Юферовым («И луга, и нива...») и другими малоизвестными композиторами. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «В бесценный час уединенья...», «В глухую степь земной дороги...», «Волшебница, как сладко пела ты...», «Что ты, Параша, так бледна?..».

246. ПЕСНЬ ГРЕКА

Под небом Аттики богатой
Цвела счастливая семья.
Как мой отец, простой орадай,
За плугом пел свободу я.
Но турков злые ополченья
На наши хлынули владенья...
Погибла мать, отец убит,

Со мной спаслась сестра младая,
Я с нею скрылся, повторяя:
«За всё мой меч вам отомстит!»

Не лил я слез в жестоком горе,
Но грудь стеснило и свело;
Наш легкий челн помчал нас в море,
Пылало бедное село,
И дым столбом чернел над валом.
Сестра рыдала — покрывалом
Печальный взор полузакрыт;
Но, слыша тихое моление,
Я припевал ей в утешенье:
«За всё мой меч им отомстит!»

Плывем — и при луне серебристой
Мы видим крепость над скалой.
Вверху, как тень, на башне мшистой
Шагал турецкий часовой;
Чалма склонилась к пищали,
Внезапно волны засверкали,
И вот — в руках моих лежит
Без жизни дева молодая.
Я обнял тело, повторяя:
«За всё мой меч вам отомстит!»

Восток румянился зарею,
Пристала к берегу ладья,
И над шумящею волною
Сестре могилу вырыл я.
Не мрамор с надписью унылой
Скрывает тело девы милой —
Нет, под скалою труп зарыт;
Но на скале сей неизменной
Я начертал обет священный:
«За всё вам меч мой отомстит!»

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор как часто в шуме браней
Обет я повторяю свой!

Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Всё, всё припомню в час ужасный;
И всякий раз, как меч блестит
И падает глава с чалмою,
Я говорю с улыбкой злою:
«За всё мой меч вам отомстит!»

1825

247. ПЕСНЬ КЛАРЫ

Стучат барабаны,
Свисток заиграл;
С дружиною бранной
Мой друг поскакал!
Он скачет, качает
Большое копьё. . .
С ним сердце мое! . .
Ах, что́ я не воин!
Что́ нет у меня
Копья и коня!
За ним бы помчалась
В далеки края
И с ним бы сражалась
Без трепета я!
Враги пошатнулись —
За ними вослед. . .
Пощады им нет! . .
О смелый мужчина!
Кто равен тебе
В счастливой судьбе!

Середина 1826

248. ПЕСНЬ МАРГАРИТЫ

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Где нет его,
Там всё мертво!
Мне день не мил
И мир постыл.

О бедная дѣвица!
Что сбылось с тобой?
О бедная дѣвица!
Где рассудок твой?

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

В окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Из дома ль иду я —
За ним я иду.

Высок он и ловок;
Величествен взгляд;
Какая улыбка!
Как очи горят!

И речь, как звон
Волшебных струй!
И жар руки!
И что за поцелуй!

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Всѣ тянет меня.
Всѣ тянет к нему.
И душно, и грустно.
Ах, что не могу

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, с уст его
Еще лобзанья рвать!

1826 или январь 1827

Степан Петрович Шевырев родился в 1806 году в Саратове, умер в 1864 году в Париже. Воспитывался и обучался Шевырев в благородном пансионе при Московском университете (1818—1822), служил в московском архиве коллегии иностранных дел, с 1834 по 1857 год читал лекции по истории и теории литературы в Московском университете. Шевырев состоял в кружке «любомудров»; в 1840—1850-е годы являлся одним из виднейших представителей теории «официальной народности», занимал крайне реакционные позиции в литературно-общественной борьбе. Литературная деятельность Шевырева началась в 1820-е годы. Известность ему как поэту принесли его стихотворения «Я есмь» (1825) и «Мысль» (1826), вызвавшие сочувственные отклики Пушкина, Баратынского, Вяземского. Поэзию Шевырева высоко ценил Гоголь. Некоторые его стихотворения, написанные во второй половине 1820-х годов, приобрели популярность в качестве «цыганских песен». Кроме публикуемых в песенниках встречаются «Как ты, египтянка, прекрасна...» и «Участь моя горькая...».

249. МОЙ ИДЕАЛ

Люблю не огонь твоих очей,
Не розы свежее дыханье,
Не звуки сладостных речей,
Не юных персей волнованье.

Люблю я то в твоих очах,
Что в них огнем любви пылает;
Люблю я то в твоих речах,
Что их живит, одушевляет.

«Люблю», — ты молвишь, чуть дыша,
Любовь горит в твоём дыханьи,
Трепещет вся твоя душа
При томном персей трепетаньи.

Душа в улыбке неземной,
Душа в движеньях, в разговоре,
Душа в понятном светлом взоре:
Ты любишь, ты живешь душой!

Тебя одну я понимаю,
Ты душу поняла мою:
В тебе не прелесть обожаю,
Нет! душу я люблю твою.

<1825>

250. СУПРУГИ

(Военная песня)

Не невеста с женихом
Браком сочеталась —
То рука с лихим мечом
Смелая спозналась.
Их отчизнушка свела,
Слава обручила,
Вера в церковь привела
И благословила.
Уж как свадьбу разыграть
Вышли в чисто поле,
Уж как стали пировать
По любезной воле!
А гостей-то целый мир
К празднику созвали:
То-то был веселый пир!
То-то пировали!
Не было там музыки,
Песенок не пели;
Вместо их все пушечки
Весело гудели.

На пиру они зажгли
    Не из воску свечи:
Всё горели фитили,
    Бомбы да картечи.
Их не хмелем, не серебром
    Сверху осыпали —
Жаркой медью да свинцом
    В молодых кидали.
Не вино, а кровь врагов
    Молодые пили;
Сотней вражеских голов
    Друг друга дарили.
Угостили целый мир,
    Всех повеселили:
Славно начат брачный пир,
    Плохо завершили.
Лютый недруг набежал,
    Руку оторвали;
Сирий меч на землю пал,
    Застонал с печали.
Не любовник слезы льет
    О подруге нежной —
Злая смерть его грызет
    В грусти безнадежной.
Нет! то вдовый меч грустит
    О подруге боя.
Злая ржа на нем лежит
    И грызет героя.

<1827>

251. ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Добры люди, вам спою я,
Как цыганы жизнь ведут;
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.

Но мы песнями богаты,
Песня — друг и счастье нам:
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.

Песня всё нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.

<1828>

252. ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Видал ли ты, как пляшет египтянка?
Как вихрь, она столбом взвивает прах,
Бежит, поет, как дикая вакханка,
Ее волосы, как змеи, на плечах. . .

Как песня вольности, она прекрасна,
Как песнь любви, она души полна,
Как поцелуй горячий, сладострастна,
Как буйный хмель, неистова она.

Она летит, как полный звук цевницы,
Она дрожит, как звонкая струна.
И пышет взор, как жаркий луч денницы,
И дышит грудь, как бурная волна.

<1828>

Николай Михайлович Коншин родился в 1793 году, умер в 1859 году в Твери. С 1805 года по 1824 год он находился на военной службе, затем был чиновником, занимался педагогической деятельностью в Костроме, Царском Селе, Твери, Москве, Ярославле, в Западной Сибири. Его первое печатное стихотворение — «Баратынскому» («Благонамеренный», 1820, № 17). Сотрудничал он в «Соревнователе просвещения и благотворения». Перу Коншина принадлежат: роман «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году», ряд повестей, переводов и исторических сочинений, «Воспоминания о 1812 годе» и другие произведения. Посвящение стихотворения Баратынскому не случайно: Коншин был не только в приятельских отношениях с Баратынским, но и являлся его последователем в поэзии. В творчестве Коншина отразилось то направление русского романтизма, которое эволюционировало в сторону славянофильства. Большинство элегий поэта носят подражательный характер. Значительно интереснее его мелкие шуточные стихотворения и в особенности публикуемая песня, приобретшая большую популярность.

253. ПЕСНЯ

Век юный, прелестный,
Друзья, улетит;
Нам всё в поднебесной
Изменой грозит;
Летит стрелой
Наш век молодой;
Как сладкий сон,
Минует он.

Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Затмится тоскою
Наш младости пир;
Обманет мечтою
Украшенный мир;
    Бледнеет свет;
    Что день, то нет
    Мечты златой,
    Мечты живой.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Как май ароматный —
Веселье весны;
Как гость благодатный
С родной стороны —
    Так юность дней,
    Вся радость в ней;
    Друзья, скорей
    Всё в жертву ей.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

<1826>

Александр Иванович Полежаев родился в 1805 году в с. Рузасвка Инсаровского уезда Пензенской губ., умер в 1838 году в Москве. По окончании словесного отделения Московского университета (1826) за поэму «Сашка» был по распоряжению царя определен на военную службу; в 1829—1833 годах он принимал участие в войне на Кавказе, где общался с разжалованными декабристами. Несмотря на многократные ходатайства о присвоении ему офицерского звания, Полежаев, как автор «дерзких» вольных сочинений, находился в опале и был произведен в чин прапорщика только за несколько недель до смерти, прикованный неизлечимой болезнью к госпитальной койке. Литературная деятельность Полежаева началась в студенческие годы. При жизни поэта его сочинения издавались трижды: «Стихотворения А. Полежаева», М., 1832; «Эрпели и Чир-Юрт. Две поэмы А. Полежаева», М., 1832; «Кальян. Стихотворения А. Полежаева», М., 1833. Многие его стихотворения стали песнями, а «Сарафанчик» приобрел необыкновенную популярность. Кроме публикуемых стихотворений в песенниках встречаются «Как смешон. . .», «Табак», «Напрасное подозрение», «Непостоянство», «Любовь». На стихи Полежаева несколько романсов создал П. П. Сокальский; музыку писали и другие, преимущественно малоизвестные, композиторы: В. Бакалейников, А. Виллуан, В. Главач, В. Соколов, М. Офросимов, И. Рачинский, А. Размадзе, А. Шефер, В. Шпачек и др.

254. ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА

Я умру! На позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Равнодушно они
Для забавы детей

Отдирать от костей
Будут жилы мои!
Обругают, убьют
И мой труп разорвут!

Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Неподвижен и смел
Встречу миг роковой
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ.

Перед сонмом теней воспою
Я бесстрашную гибель мою.
И рассказ мой пленит
Их внимательный слух,
И воинственный дух
Стариков оживит;
И пройдет по устам
Слава громким делам.

И рекут они в голос один:
«Ты достойный прапрадедов сын!
Совокупной толпой
Мы на землю сойдем
И в родных разольем
Пыл вражды боевой;
Победим, поразим
И врагам отомстим!»

Я умру! На позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой!

Между 1826 и 1828

Зачем задумчивых очей
 С меня, красавица, не сводишь?
 Зачем огнем твоих речей
 Тоску на душу мне наводишь?
 Не припадай ко мне на грудь
 В порывах милого забвенья —
 Ты ничего в меня вдохнуть
 Не можешь, кроме сожаленья!
 Меня не в силах воспалить
 Твои горячие лобзанья,
 Я не могу тебя любить —
 Не для меня очарованья!
 Я был любим, и сам любил —
 Увял на лоне сладострастья,
 И в хладном сердце схоронил
 Минуты горестного счастья;
 Я рано сорвал жизни цвет,
 Всё потерял, всё отдал Хлое, —
 И прежних чувств, и прежних лет
 Не возвратит ничто земное!
 Еще мне милы красота
 И девы пламенные взоры,
 Но сердце мучит пустота,
 А совесть — мрачные укоры!
 Люби другого: быть твоим
 Я не могу, о друг мой милый! . .
 Ах, как ужасно быть живым,
 Полуразрушась над могилой!

<1828>

256. ЧЕРНАЯ КОСА

Там, где свистящие картечи
 Метала бранная гроза,
 Лежит в пыли, на поле сечи,
 В три грани черная коса.
 Она в крови и без ответа,
 Но тайный голос произнес:

«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снес!
Гордясь красой неприхотливой,
В родной свободной стороне
Чело невинности стыдливой
Владело мною в тишине.
Еще за час до грозной битвы
С врагом отечественных гор
Пылал в жару святой молитвы
Звезды Чир-Юрта ясный взор.
Надежда храбрых на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прах веленьем рока
Скатилась с юного чела!
Оставь меня! . . Кого лелеет
Украдкой нежная краса,
Тому на сердце грусть навеет
В три грани черная коса. . .»

1831

257

У меня ль, молодца,
Ровно в двадцать лет
Со бела со лица
Спал румяный цвет,

Черный волос кольцом
Не бежит с плеча,
На ремне золотом
Нет грозы-меча;

За железным щитом
Нет копыя-огня,
Под черкесским седлом
Нет стрелы-коня;

Нет перстней дорогих
Подарить милóй!
Без невесты жених,
Без попа налой. . .

Расступись, расступись,
Мать сыра земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!

Лишь по ней, по милóй,
Красен белый свет;
Без милóй, дорогой
Счастья в мире нет!

<1832>

258

Там на небе высокó
Светит солнце без лучей, —
Так от друга далеко
Гаснет свет моих очей! . .
У косящата окна
Раскрасавица сидит,
Призадумавшись, она
Буйну ветру говорит:
«Не шуми ты, не шуми,
Буйный ветер, под окном;
Не буди ты, не буди
Грусти в сердце ретивом;
Не тверди мне, не тверди
Об изменнике моем!
Изменил мне, изменил
Мой губитель роковой;
Насмеялся, пошутил
Над моею простотой,
Над моею простотой,
Над девичьей красотой!
Я погибла бы, душа
Красна девка, от ножа,
Я погибла б от руки,
А не с горя и тоски.
Ты убей меня, убей,
Ненавистный мой злодей!

Я сказала бы ему,
Милу другу своему:
«Не жалею я себя,
Ненавижу я тебя!
Лей и пей ты мою кровь,
Утуши мою любовь!»
Не шуми ж ты, не шуми,
Буйный ветер, надо мной;
Полети ты, полети
Вдоль дороги столбовой!
По дороге столбовой
Скачет воин молодой;
Налети ты на него,
На тирана моего;
Просвищи, как жалкий стон,
Прошепчи ему поклон
От высоких ст груди,
От заплаканных очей, —
Чтоб он помнил обо мне
В чужедальной стороне;
Чтобы с лютою тоской,
Вспоминая, воздохнул
И с горючею слезой
На кольцо мое взглянул;
Чтоб глядел он на кольцо,
Как на друга прежних дней,
Как на белое лицо
Бедной девицы своей! . . .»

<1832>

259. ГРУСТЬ

На пиру у жизни шумной,
В царстве юной красоты
Рвал я с жадностью безумной
Благовонные цветы.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерял
И душевной укоризны,
Может быть, не избежал.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЪБОМЪ
НА 1832^й ГОДЪ.

Содержащій въ себѣ Романсы и Русскія пѣсни, Выбранныя изъ Сочиненій

**ЖУКОВСКАГО, ПУШКИНА, КОЗЛОВА, МЕРЗАЯКОВА, ДЕЛЪВИНА,
ЗАГОСКИНА, ХОМЯКОВА, ЦДРУТ.**

Помощенныя на Титулѣ съ Академикимъ

ПОРТУГАЛЬСКОМУ

и съ Прибавленіемъ разныхъ новейшихъ пѣсней.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

*Продается у Книгопродавца Клеппина, въ Книжной его Лавкѣ подл. № 96, въ Домѣ Бѣльи на
Григорьевъ и Волотовъ у Х. М. Смирнова.*

Отчего ж не с сожаленьем,
Отчего — скажите мне, —
Но с невольным восхищеньем
Вспомнил я о старине?
Отчего же локон черный,
Этот локон смоляной,
День и ночь, как дух упорный,
Всё мелькает предо мной?
Отчего, как в полдень ясный
Голубые небеса,
Мне таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голос сладкой,
Этот голос неземной,
Льется в душу мне украдкой
Гармонической волной?
Что тревожит дух унылый,
Манит к счастью меня?
Ах, не вспыхнет над могилой
Искра прежнего огня!
Отлетели заблуждений
Невозвратные рои —
И я мертв для наслаждений,
И угас я для любви!
Сердце ищет, сердце просит
После бури уголка;
Но мольбы его разносит
Безотрадная тоска!

1834

260. САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
    И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
    Разорвала я, шутя,
        Сарафанчик,
        Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
    Выходить за ворота;
Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
    Оставляю навсегда,
        Сарафанчик,
        Расстеганчик!

1834

261. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Разлюби меня, покинь меня,
Доля, долюшка железная!
Опротивела мне жизнь моя,
Молодая, бесполезная!

Не припомню я счастливых дней —
Не знавал я их с младенчества!
Для измученной души моей
Нет в подсолнечной отечества!

Слышал я, что будто божий свет
Я увидел с тихим ропотом,
И потом житейских бурь и бед
Не избегнул горьким опытом.

Рано-рано ознакомился
Я на море с непогодюю;
Поздно-поздно приготовился
В бой отчаянный с невзгодюю!

Закатилася звезда моя,
Та ль звезда моя туманная,
Что следила завсегда меня,
Как невеста нежеланная!

Не ласкала, не лелеяла,
Как любовница заветная,
Только холодом обвеяла,
Как изменница всесветная!

<1836>

262. ОТЧАЯНИЕ

Он ничего не потерял, кроме надежды.

А. Пушкин

О, дайте мне кинжал и яд,
Мои друзья, мои злодеи!
Я понял, понял жизни ад,
Мне сердце высосали змеи! . .
Смотрю на жизнь как на позор, —
Пора расстаться с своенравной
И произнести ей приговор
Последний, страшный и бесславный!
Что в ней? Зачем я на земле
Влачу убийственное бремя? . .
Скорей во прах! . . В холодной мгле
Покойно спит земное племя:
Ничто печальной тишины
Костей иссохших не тревожит,
И череп мертвой головы
Один лишь червь могильный гложет.
Безумство, страсти и тоска,
Любовь, отчаянье, надежды
И всё, чем славились века,
Чем жили гении, невежды, —
Всё праху, всё заплатит дань,
До той поры, пока природа
В слух уничтоженного рода
Речет торжественно: «Восстань!»

<1836>

Владимир Иванович Панаев родился в 1792 году в Перми, умер в 1859 году в Петербурге. По окончании Казанского университета Панаев служил в министерстве юстиции, в комиссии духовных училищ при синоде, с 1832 года — директором канцелярии министерства императорского двора. Как действительный член Академии наук и Русского географического общества, почетный член Академии художеств и особенно как видный чиновник, Панаев-писатель пользовался поддержкой официальных кругов. Первые литературные произведения его появились в 1817 году в журналах «Сын отечества» и «Благонамеренный». Перу Панаева принадлежат «Идиллии» (1820), похвальные слова, рассказы, повести и «Воспоминания», свидетельствующие о консервативных литературных взглядах автора. Поэзия его, отмеченная чертами эпигонства, получила отрицательную оценку в среде прогрессивно настроенных писателей 1820—1830-х годов. Из многочисленных произведений Панаева только одно публикуемое стихотворение стало популярной песней.

263. РАССТАВАНЬЕ

«Не спеши, моя красавица, постой:
Мне не долго побеседовать с тобой;

Оберни ко мне прекрасное лицо,
Есть еще к тебе заветное словцо:

Скажи, любишь ли ты молодца, меня,
И каков кажусь тебе удалый я?»

(Лицо девицы-красавицы горит,
Потупивши ясны очи, говорит:)

«Не пристало мне ответ такой держать
И пригожество мужское разбирать!»

— «Не спросил бы я, да вот моя беда:
Я собираюсь в понизовы города;

Волгой-матушкой в расшиве погулять,
На чужбине доли, счастья поискать».

(Помутился вдруг девицы светлый взгляд;
Побледнела, словно тонкий белый плат.)

— «Уж зачем бы меня, девицу, пытаться,
Коли едешь, коли вздумал покидать?»

Видит бог, как я любила молодца!
Может, больше — грех и молвить — чем отца!

Всё на свете за него бы отдала!
Да ему, уж видно, стала не мила!»

— «Ты мила мне пуще прежнего теперь;
Не словам — хотя божбе моей поверь.

Для тебя же я собираюсь в дальний путь,
Чтоб трудами выйти в люди как-нибудь;

Чтоб, вернувшись, быть на родине в чести;
Чтоб смелее от венца тебя вести.

Понизовые привольные края:
Не последний за другими буду я».

— «Волга-матушка бурлива, говорят;
Под Самарою разбойники шалят;

А в Саратове девицы хороши:
Не забудь там красной девицы души!»

— «Не боюсь я Волги-матушки валов,
Стеньки Разина снаряженных стругов;

Не прельстит меня ничья теперь краса,
Ни такие ж с поволокою глаза;

Страшно только мне вернуться невпопад:
Тот ли будет на тебе тогда наряд?

Встретишь молодца ты в ленте золотой
Или выдешь на крылечко под фатой?»

— «Коли шутишь — не до шуток мне — до слез;
Коли вправду — кто ж так девицу обнес?

С кем иным, как не с тобою, молодцом,
Поменяюсь обручальным я кольцом?

Для кого блюла девичью красоту,
Для того и русу косу расплету;

Гробовой скорей покроюсь пеленой,
Чем, без милого, узорчатой фатой».

<1827>

Федор Антонович Туманский родился в 1800 году на Украине, умер в 1853 году в Белграде. Был дипломатом. Служа консулом в Яссах, сблизился с Пушкиным, сосланным в Бессарабию. Литературное наследие Туманского невелико: девять стихотворений, написанных в романтической манере. Первое из них — «Я не был счастьем избалован...» — появилось в альманахе «Северные цветы на 1825 год». Публикуемое стихотворение принесло поэту широкую известность, включалось в хрестоматии.

264. ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певичку,
Я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

<1827>

Платон Григорьевич Ободовский родился в 1803 году в Галиче, умер в 1864 году в Петербурге. Служил он в коллегии иностранных дел (1823), затем в разных учебных заведениях Петербурга, состоял в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». Сотрудничал Ободовский в журналах «Благонамеренный», «Северная пчела», «Сын отечества», в «Литературной газете». Известность поэт приобрел в качестве переводчика и автора драматических произведений («Велизарий», «Заколдованный дом», «Отец и дочь», «Боярское слово» и других; всего им написано 26 пьес). Стихотворения Ободовского отдельным изданием не выходили, но пользовались вниманием композиторов. На текст стихотворения «Гроб» романс написал А. Алябьев, на текст «Палермо» — М. Глинка, на текст «Песни грека» — А. Варламов и В. Соколов. Глинка написал также хор на слова «Прощальной песни воспитанниц Екатеринбургского института».

265. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди.

Слышишь — трубы звучат...
Пыль клубится вдали.
Из чужбины притекли
Со знаменами отчизны
Вои русския земли.

Их сверкают щиты,
Также знамя шумит.
Что же грудь твоя дрожит?
Ах! Под знаменем кровавым
Милый друг твой не стоит.

Сокрушили его
Вражьи копья, мечи!
Пред иконою в ночи
Ты не жги до бела утра
Воску ярого свечи.

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди!

<1827>

266. ПЕСНЯ

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг твой на войне,
Что носится он по полю
На вороном коне.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг в чужой земле,
Что мчится милый по морю
На быстром корабле.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг твой под землей,
Что заживо идет во гроб
За серебряной струей.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что друг в могиле твой;
До гроба он любил тебя,
Дышал одной тобой.

Ты слезы лей, красавица!
Друг в тереме чужом;
Забыл тебя! — С невестой он
За княжеским столом.

<1830>

Семен Егорович Раич родился в 1792 году в с. Высокое Кромского уезда Орловской губ., умер в 1855 году в Москве. Состоял в «Союзе благоденствия». Был домашним учителем и воспитателем Ф. И. Тютчева. Раич преподавал русскую словесность в пансионе при Московском университете и в других учебных заведениях, возглавлял созданный им литературный кружок, близкий по направлению к «любомудрам», издавал альманахи «Новые Аониды», «Северная лира» (совместно с Д. П. Ознобишиным), журнал «Галатей». Первый литературный опыт Раича — перевод «Георгик» Вергилия (М., 1821), но прославился он в качестве переводчика «Освобожденного Иерусалима» Тассо (М., 1828) и «Неястового Орlando» Ариосто (М., 1832—1837). Стихотворения Раича публиковались в «Новых Аонидях» (1823), «Урании» (1826), «Северной лире» (1827), отдельно же не издавались. Перу Раича принадлежит несколько песен; с его именем современниками связывалась песня «Крамбамбули», хотя принадлежность ее Раичу сомнительна.

267. ДРУЗЬЯМ

Не дивитесь, друзья,
    Что не раз
    Между вас
На пиру веселом я
    Призадумывался.
Вы во всей еще весне;
    Я почти
    На пути

К темной Орковой стране
С ношей старческой.

Вам чрез горы, через лес
И пышной,
И милей
Светит солнышко с небес
В утро радостное.
Вам у жизни пировать;
Для меня
Свету дня
Скоро вовсе не сиять
Жизнью сладостною.

Не дивитесь же, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.
Я чрез жизненну волну
В челноке
Налегке
Одинок плыву в страну
Неразгаданную.

Я к берегам бросаю взор —
Что мне в них,
Каждый миг
От меня, как на позор,
В мгле скрывающихся?!
Что мне в них? Я молод был,
Но цветов
С тех берегов
Не срывал, венков не вил
В скучной молодости...

Я плыву и — наплыву
Через мглу
На скалу
И сложу мою главу
Неоплаканную.

И кому над сиротой
Слезы лить
И грустить?
Кто на прах холодный мой
Взглянет жалостливо?!

Не дивитесь, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.

<1827>

Алексей Степанович Хомяков родился в 1804 году в Москве, умер в 1860 году в с. Ивановское Данковского уезда Рязанской губ. Он получил превосходное домашнее образование, одним из учителей будущего поэта был А. Ф. Мерзляков. Хомяков служил в конном лейб-гвардии полку в Петербурге (1822—1825), участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, по окончании которой вышел в отставку и поселился в Москве. Первые печатные произведения Хомякова появились в 1826 году. Его перу принадлежат трагедии («Ермак», «Димитрий Самозванец»), прозаические произведения, лирические стихи. С 1840-х годов Хомяков — один из вождей славянофильства. Многие его произведения положены на музыку: «Заря», «Беззвездная полночь дышала прохладой. . .», «7 ноября», «Ноктюрн» (А. Балакирев); «Воскресение Лазаря» (С. Рахманинов); «Вечерняя песня» (С. Танеев, А. Гречанинов); «Желание», «Прелестна песнь полуденной страны. . .» (А. Аренский); «Русская песня» («Гой, красна-земля Володимира. . .»), «Элегия» («Когда вечерняя спускается роса. . .») (С. Ляпунов) и др. На текст стихотворения «Nachtstück» создано несколько романсов (А. Аренским, М. Балакиревым, С. Донауровым, П. Чайковским и др.).

268. «ИЗ ТРАГЕДИИ «ЕРМАК»»

О чем, скажи, твое стенанье
И безутешная печаль?
Твой умер друг, или изгнанье
Его умчало в синю даль?

Когда б он был в стране далекой,
Я друга бы назад ждала,

И в скорбях жизни одинокой
Надежда бы еще цвела.

Когда б он был в могиле холодной,
Мои бы плакали глаза,
А слезы в грусти безотрадней —
Небес вечерняя роса.

Но он преступник, он убийца,
О нем и плакать мне нельзя.
Ах, растворишь, моя гробница,
Откройся, тихая земля!

1827

269

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпеньи,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской!

1859

Даты рождения и смерти Федора Алексева и какие-либо сведения о его жизни не установлены. Он сотрудничал в журнале «Московский телеграф» и других изданиях 1820—1840-х годов. Некоторую известность приобрел повестью в стихах «Чека. Уральская повесть» (М., 1828).

270

Меня покинули желанья,
Я разуверился вполне,
Одна печаль, одни страданья
Теперь в сердечной глубине.

Исчезла пламенная сладость
Любви и юности живой:
Уж не волнует сердце радость
И сны поэзии благой.

Как тень, как образ привиденья,
Как надмогильные огни,
С волшебной негой вдохновенья
В груди потухнули они.

Лишь в память их очарованье
На дне сердечной пустоты,
Одни души воспоминанья,
Одни остались мечты.

<1828>

Даты рождения и смерти Дмитрия Васильевича Раевского не установлены. Его имя упоминается в «Месяцеслове с росписью чиновных особ, или Общем штате Российской империи на... 1829 год» (ч. 2, с. 369). Известно, что он был лекарем Енисейского округа, печатал стихи в «Енисейском альманахе», издававшемся в Красноярске. Публикуемый «Романс» с музыкой А. Алябьева (отбывавшего в Сибири ссылку) был очень популярным в первой половине XIX века.

271. РОМАНС

«Что грустишь ты, одинокой,
Полно, странник, слезы лить».
— «Ах! от родины далеко
Чем себя мне веселить?»
— «Посмотри, как здесь прекрасно:
Вся природа весела!»
— «Не теряй слова напрасно:
Радость сердца отцвела!»
— «Посмотри — людей здесь много;
В них найдешь себе друзей».
— «С милыми простясь надолго,
Я отрекся от людей».
— «Думы черные рассея,
С нами веселись, пришлец!»
— «Близких сердцу не имея,
Я меж вас — живой мертвец».

<1828>

Борис Михайлович Федоров (1794—1875) — драматург, переводчик, поэт, автор пользовавшихся в свое время известностью стихотворений для детей. Он выступил впервые в печати со стихотворением «Должской казак, возвратившийся в свое отечество после подвига ратного» (1813). Сборники его произведений издавались дважды: «Опыты в поэзии» (1818) и «Эзоповы басни в стихах» (1829).

272

Что мне нужды,
Кто бы ни был милый мой?
Властно ль сердце,
Чтоб по выбору любить?
Не за счастье,
За богатство ты мое —
Полюби меня
За верную любовь.
Много добрых
И богатых есть людей,
Но один лишь
Показался всех милей!
Без него
Мне красный вешний день
Зимней ночи
Не светлей и не грустней.
И с богатством
Можно век провести в слезах,

И при золоте
С печали умереть!
Не богатство нам,
А милый дорог друг,
И не золото,
А милого любовь.

<1828>

278. СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Что ты рано, моя пташечка,
Проснулась?
Что, касатка, белой грудью
Встрепенулась?
Али сердце по дружочке
Встосковалось?
Аль под крылышко милова
Дожидаешь?
Спозаранья ярко звездочка
Мелькала,
Рано солнышко на небе
Разыгралось.
Ярка звездочка вдруг облаком
Закрылась;
Уж как не был друг сердечный
На свиданьи,
Обманула меня радостью
Надежда!

<1829>

Дмитрий Петрович Ознобишин родился в 1804 году в с. Троицкое Корсунского уезда Симбирской губ., умер в 1877 году в Кисловодске. Учился он в пансионе при Московском университете, служил на почтамте, затем — смотрителем и попечителем училищ и гимназий Симбирской губ. Первые литературные опыты Ознобишина относятся к началу 1820-х годов; его стихотворение «Старец» появилось в «Вестнике Европы» (1821, № 4). Он сотрудничал в журналах «Галатей», «Молва», «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин» и других изданиях. Следуя традициям романтической поэзии и увлекаясь народными песнями, Ознобишин создал несколько стихотворений, сочувственно принятых современниками и ставших песнями, перевел несколько греческих народных песен. Известность он приобрел также переводами из поэтов Востока. Отдельным изданием его стихотворения не выходили, многие остались ненапечатанными. На текст стихотворения «Ясны очи, черны очи...» романс написал А. Алябьев (1834), «Прости на долгую разлуку...» положил на музыку Н. А. Титов. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Безмолвна ты...», «Кто этот всадник дивный в лете...», «Полюби меня, девица...», «Я был малютка, она ж — в своей весне...».

274

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердца упоеньи
Внезапно взор встречаю твой;
Когда на грудь мою склоняешь
Чело, цветущее красой;

Когда в восторге обнимаешь...
Тогда язык немеет мой;
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья,
Я забываю мир земной,
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и парки роковой.

<1828>

275. К***

Зачем на краткое мгновенье
В сей жизни нас судьба свела,
Когда иное назначенье,
Нам розный путь она дала?

Твой робкий взгляд, живые речи —
Всё, всё я, милый друг, понял.
Я запылал от первой встречи
И тайны сердца разгадал.

В другой стране — вдали я буду,
Меня легко забудешь ты!
Но я — я сохраню повсюду
Твои небесные черты.

Так грубый мрамор сохраняет
Черты волшебного резца,
И вдохновенная сияет
В нем мысль художника-творца.

<1828>

276. ЧУДНАЯ БАНДУРА

Гуляет по Дону казак молодой;
Льет слезы девица над быстрой рекой.

«О чем ты льешь слезы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?»

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?»

— «Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обрुчили охотой меня!»

— «Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
Иль милого брата? пугает ли даль?»

— «С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!

Грущу я, что скоро мой локон золотой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь мою руку цыганка взяла.

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: „Утонешь в день свадебный свой!“»

— «Не верь ей, друг милый, я выстрою мост
Чугунный и длинный хоть в тысячу верст;

Поедешь к венцу ты — я конников дам:
Вперед будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал. . .

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берет. . .
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз. . .
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой,
За карие очи, за локон златой».

1835

Андрей Иванович Подолинский родился в 1806 году в Киеве, умер в 1886 году там же. По окончании пансиона при Петербургском университете Подолинский служил в почтовом ведомстве, сначала (до 1831 года) в Петербурге, затем — в Одессе (до конца 1850-х годов). Первое печатное произведение Подолинского — повесть в стихах «Див и Пери» (1827). Стихотворения его печатались в альманахе «Северные цветы», в 1837 году вышли отдельным сборником. Наиболее полное прижизненное издание произведений Подолинского — «Сочинения А. И. Подолинского. Две части», СПб., 1860. Верный принципам романтизма, Подолинский придавал большое значение музыкальности поэзии, что способствовало превращению некоторых его стихов в песни. На слова Подолинского музыку писали малоизвестные композиторы — Н. Кравцов («Когда я умру...»), Н. Соловьев («Цветы»), Г. Лейковский («Беги меня...») и др.

277. ИНДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Катитесь! волны,
Плещите! волны,
Шуми! поток!
Быстрей бегите
И вдаль несите
Мой огонек!

Там день свежее,
Там ночь темнее,
Цветы вокруг,
И дышит нега —
И он у берега,
Мой тайный друг.

Мои гаданья,
Мои признанья
    Узнает он.
Всю ночь со мною,
Рука с рукою,
    Забудет сон.

Как с ним украдкой
Свиданье сладко,
    Не говорю,
Его дыханье,
Его лобзанье. . .
    Ах! я горю!

Бегите! волны,
Плещите! волны,
    Шуми! поток!
Гори светлее,
Катись быстрее,
    Мой огонек! . .

<1828>

278. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что в сыром бору от солнышка
Снег золотой росой рассыпался,
Молодецкая кручинушка
Разлилась слезами светлыми;
В зимний холод любо солнышко,
На чужих людях родной напев,
Поневоле сердце всплечется,
Как с ретивым сиротинушкой
Песня русская, унылая
Что родная мать перемолвится.
Задушевной не наслушаться!
Словно пташка, что в раю поет
Заунывно-сладким голосом,
Грусть-тоску она баюкает;
Не видать сквозь слез чужой земли,
А что думушка ль сердечная

Понесется невидимкою
За синё море в святую Русь!..
По-былому, по-старинному
Добрый молодец в родной земле
В ноги пал отцу и матери,
С старым другом поздоровался,
А что девица-красавица
Второпях бежит из терема,
Зарумянившись, как маков цвет,
Радость высказать и слова нет,
Только с милым обнимается
Да сквозь слезы улыбается.

<1837>.

Михаил Лукьянович Яковлев (1798—1868) воспитывался в пансионе при Московском университете, затем — в Царскосельском лицее. Впоследствии он служил в Сенате, в министерстве юстиции, управлял типографией. Первые литературные и музыкальные опыты Яковлева относятся ко времени пребывания его в Лицее, где он сблизился с Пушкиным и Дельвигом. Яковлев сотрудничал в «Северных цветах». Современникам он был известен больше как музыкант и автор романсов на стихи Пушкина, Дельвига, Жуковского, Державина и других поэтов (издано более 20 музыкальных произведений Яковлева).

279. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Солнце красное взошло на небеса,
И на зелени обсохнула роса, —

Не обсохли лишь у Аннушки глаза,
Всё блестит на них жемчужная слеза.

«Не круши себя, красавица моя!
Знать, такая участь слезная твоя.

Видно, так уж предназначено судьбой,
Чтоб безвременно расстался друг с тобой.

Променял твою девичью красоту —
На дощатый гроб, могильну темноту.

Хоть и грустно жить без друга своего,
Но слезами не воротишь ты его!»

Слышу девицы печальные слова:
«Пусть увяну — как без дождичка трава,

Сердцу бедному дам волю я изныть,
Друга ж милого нельзя мне позабыть!»

<1828>

Федор Никанорович Слепушкин родился в 1783 году в Ярославской губ., умер в 1848 году в Петербурге. Крестьянский поэт-самоучка, Слепушкин с детства работал сядельцем у московского лавочника, затем — на родине, у мельника, и лавочником в Петербурге. Первые литературные опыты Слепушкина относятся к началу 1820-х годов (басни опубликованы в 1823 году в «Отечественных записках»). Первый сборник его стихотворений — «Досуги сельского жителя» (СПб., 1826; 2-е изд. — 1828) — был награжден золотой медалью Академии наук. Слепушкину принадлежат: «Сельская поэма» (1830), «Четыре времени года русского поселянина» (1830), «Новые досуги сельского жителя» (1834). Произведениям Слепушкина, посвященным крестьянскому быту, не доставало поэзии и подлинной народности, что вызвало отрицательное отношение к ним Белинского. Критик писал, что герои стихотворений Слепушкина похожи «на тех крестьян и крестьянок, которые пляшут в дивертисментах на сцене театра», а сам автор — «умный, благородно мыслящий и образованный не по-крестьянски человек... но не поэт».¹ Попытки Слепушкина писать в стиле народных песен в целом оказались неудачными, и только одно его произведение в этом жанре приобрело некоторую популярность.

280. ПОСЕЛЯНКА ЗА ПРЯЛКОЮ

(Сельская русская песня)

Гори, гори, лучинушка,
Гори посветлее,
Прядись скорей, мой чистый лен,
Прядись поскорее!

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1954, с. 160.

Спеши, мое кленовое,
Спеши, веретенце!
Пора мне шить для милого
В дары полотенце!

Мне весть пришла, что жив мой друг
И скоро приедет;
Его душа моей душе —
Ни в чем не изменит.

И может быть, летит ко мне
Он соколом ясным.
Я буду ждать по вечеру —
И в утро днем красным.

Лишь только я увижусь с ним,
Скажу: друг со мною!
Прими скорей подарок мой —
И сердце с душою!

<1828>

Михаил Дмитриевич Суханов родился в 1801 или в 1802 году в деревне Славянская Княжостровской волости Архангельской губернии. Сын «черносошного» крестьянина, Суханов стал одним из первых русских поэтов-самоучек. С детских лет он работал сидельцем в лавке, позже торговал в Астрахани и служил приказчиком книжного магазина. В 1824 году он поселяется в Петербурге и вскоре в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» появляются первые его стихотворения. Произведения поэта были собраны в книгах: «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайлы Суханова» (СПб., 1828), «Мои сельские досуги» (СПб., 1836), «Время не праздну» (СПб., 1836). Покровительствуемый консервативными деятелями 1820—1830-х годов, Суханов в своем творчестве отдал дань направлению «официальной народности», что было причиной весьма критического отношения к поэту Белинского.¹ Однако он отзывался сочувственно об изданных Сухановым в 1840 и 1841 годах «Древних русских стихотворениях, служащих дополнением к Кирше Данилову». Умер Суханов в 1843 году. Из «русских песен» поэта-самоучки (их свыше 30) в устный обиход вошли немногие. Большая часть их идеализирует крестьянский быт, проникнута патриархальными настроениями, им присуща сентиментальность и нарочитая стилизация. Кроме публикуемых в песенниках встречаются: «Зарастай, моя дороженька, травою. . .», «Ах ты, матушка, мать быстра река. . .», «Частой рощицей весенним вечерком. . .».

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7, М.—Л., 1955, с. 617—618; т. 9, с. 498.

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы белым рукавом.

Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг не верен больше ей,

Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?

Стали девицу подружки утешать:
«Полно сердцем о неверном тосковать.

Ты в селе у нас всех лучше красотой,
Наши молодцы любят тебя тобой.

Всякий девице желает угодить;
Ты властна из них любого полюбить».

— «Пусть их много, — красна девица
Сердце милого другого не найдет!» В ответ, —

<1828>.

«Что ты, девица, невесело сидишь?
Что ты, красная, печалишься, грустишь?

От тоски ты изменилась вся в лице —
Или тужишь об удалом молодце?

Ты напрасно перестань себя губить,
Пользы нет тебе неверного любить.

Вспомни, девица: родные у тебя,
Они любят тебя более себя.

Ты одна — как солнце красное у них.
Опечалишь ты тоской своих родных».

— «Я бы рада перестала тосковать
И родных своих тоскою огорчать —

Но что ж делать? Как мне друга позабыть?
Я умру — но буду милого любить!»

<1828>

Александр Корсак — литературный псевдоним Александра Яковлевича Римского-Корсакова. Родился Корсак около 1807 года в Смоленской губ., дату его смерти установить не удалось. Учась вместе с М. Глинкой в Благородном пансионе (1818—1823), он сблизился с композитором. В течение нескольких лет (с 1825 года) Глинка жил в квартире Корсака, что способствовало их творческому сотрудничеству. Приятели часто устраивали литературно-музыкальные вечера.¹ На слова Корсака Глинка написал несколько романсов: «Я люблю, ты говорила...» (1827), «Горько, горько мне...» (1827), «Ночь осенняя, ночь любезная...» (1829), «Всегда везде со мною ты...» (1838) и другие. Музыка последнего романса была затем использована для стихотворения Пушкина «В крови горит огонь желанья...». Стихотворения Корсака отдельной книгой не издавались.

283. ПЕСНЯ

Я пойду косить
На зеленый луг:
Ты, коса моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву.

---

¹ См.: И. И. Панаев, Литературные воспоминания, М., 1950, с. 15—20; Записки М. И. Глинки, М.—Л., 1930, с. 81—82, 95.

Не влюбляйся ты,
Сердце бедное:
Как коса моя
О горелый пень,
Горемычное,
Расшибешься ты.

Красны девицы
Переменчивы;
Обещанья их
Словно ласточка:
Повестит весну
Да и спрячется.

Так и девица
Нам сулит любовь
И с ней счастье:
Оглянешься ты —
В черном облаке
Унеслося всё.

Хор

Нам, брат, песнями
Не кормить коней:
За погодушкой
Скосим луг скорей;
Там пускай себе
Косы тупятся.

Добра молодца
Не уймешь никак
Песней жалобной:
Долго будет он
Поджидать милóй
В ночь осеннюю.

Иван Иванович Веттер родился в 1796 (?) году, дата его смерти не установлена. Сведения о нем скудны. Происходил Веттер «из штаб-офицерских детей», в 1811—1816 годах служил в Петербурге, в экспедиции государственных доходов и в счетной экспедиции Адмиралтейства. С 1822 года жил в Тобольске, где был переводчиком при Сибирском почтамте.¹ Предположение М. К. Азадовского, что Веттер отбывал в Тобольске ссылку, не подтверждается «формулярным списком» Веттера.² В Тобольске Веттер сблизился с высланным туда Алябьевым, который написал музыку к трем стихотворениям поэта: «Иртышу», «Прощанию с соловьем на Севере» и «Сибирской песне» («Душистая ягодка, спелая княжничка. . .»).

284. ИРТЫШ

Певец молодой, судьбой гонимый,
При бреге быстрых вод сидел
И, грустью скорбною томимый,
Разлуку с родиной он пел:
    «Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
    Несите грусть мою с собой,
    А я, лишенный здесь свободы,
    Дышу для родины драгой.»

---

¹ «Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на. . . 1829 год», ч. 1, СПб., с. 697.

² Б. Штейнпресс, А. А. Алябьев в изгнании, М., 1959, с. 29.

Для родины, для сердцу милой, —
Я в них всё счастье имел,
В кругу родных, всегда любимый,
Где радости одни я пел.

«Шуми, Иртыш, струитесь, воды...» и т. д.

Теперь поет одну разлуку
Судьбой расторгнутых сердец,
И грусть свою вверяет звуку
Уж не на родине певец. . .

«Шуми, Иртыш, струитесь, воды...» и т. д.

Умолк — и вежды окропились,
Как блеклый лист живой росой,
И струи вод соединились,
Как с перлом, — с чистою слезой.
«Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
Несите грусть мою с собой,
А я, лишенный здесь свободы,
Дышу для родины драгой».

<1829>.

Сведения о жизни Сергея Григорьевича Голицына (1806—1868) скудны. Известно, что зимой 1826—1827 года с ним познакомился М. И. Глинка, который впоследствии вспоминал: «Знакомство с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным имело важное влияние на развитие моих музыкальных способностей. Он был милый, веселый, подчас забавный молодой человек, — хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом... писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения».¹ Вместе с Голицыным Глинка начал готовить свой «Лирический альбом» (вышел в свет в 1829 г., издание предпринято совместно с Н. И. Павлищевым). В. А. Соллогуб характеризует Голицына как человека «веселости неистощимой, куплетиста, певца, рассказчика, балагура».² На слова Голицына Глинка, кроме помещаемого ниже, написал романсы: «Pour un moment» (1827), «Разочарование» («Где ты, о первое желанье...», 1828), «Забуду ль я...» (1828), «К ней» (1843), а также канон «Мы в сей обители святой...» (1828) и куплеты с хором «Лила в черной мантии» (1828).

285. СКАЖИ, ЗАЧЕМ

Скажи, зачем явилась ты
Очам моим, младая Лила,
И вновь знакомые мечты
Души заснувшей пробудила?
Скажи, зачем? Скажи, зачем?

---

¹ Записки М. И. Глинки, М.—Л., 1930, с. 87.

² В. А. Соллогуб, Пережитые дни. — «Русский мир», 1874, 23 апреля.

Скажи, зачем? Но погоди,
Хочу продлить я заблужденье.
Удар жестокий отврати —
Удвоишь ты мое мученье,
Сказав — зачем, сказав — зачем.

Над страстию моей шутя,
Зачем с ума меня ты сводишь?
Когда ж люблюсь на тебя,
Ты взор с холодностью отводишь,
Скажи, зачем? Скажи, зачем?

Скажи, зачем? Но погоди,
Хочу продлить я заблужденье.
Удар жестокий отврати —
Удвоишь ты мое мученье,
Сказав — зачем, сказав — зачем.

В биографии Николая Григорьевича Цыганова многое еще остается невыясненным. Родился он, вероятно, в 1797 году в Петербурге. Сын вольноотпущенного крестьянина, Цыганов детство провел в разъездах по России с отцом, который, выйдя на волю, исполнял торговые поручения откупщика Злобина. По-видимому, в 1816 году Цыганов стал актером в Саратове и с местной труппой гастролировал по разным городам России. Будучи в Симбирске, он обратил на себя внимание М. Н. Загоскина, служившего тогда в театральной инспекции, который способствовал переводу одаренного бродячего актера в московский Малый театр (1828). Разъезжая по России, Цыганов слушал и собирал народные песни, предания и поверия. Особую ценность, по свидетельству его друга драматурга Ф. А. Кони, представляло собрание волжских разбойничьих песен, которое Цыганов не успел издать. Толчком к сочинению русских песен послужило общение Цыганова с драматургом А. А. Шаховским и собиравшимся вокруг него кружком любителей пения, куда входили Ф. А. Кони и артист Малого театра П. С. Мочалов. Первые печатные произведения Цыганова появились не в 1830 году, как предполагал И. Н. Розанов, а в 1828-м.¹ Некоторые песни Цыганова были опубликованы в альманахе «Комета» на 1830 год, в «Молве» (1832, №№ 25, 41, 59; 1833, №№ 26, 70) и в «Музыкальном альбоме на 1833 год» А. Е. Варламова. Публикации 1832 года, вероятно, также были еще прижизненными; основанием для такого предположения является примечание

---

¹ См.: «Московский вестник», 1828, ч. 11, с. 108—110.

Н. И. Надеждина под опубликованной в «Молве» (1832, № 25) песней «Не кукушечка...»: «Мы с благодарностью напечатаем еще несколько песен того же сочинителя. Его подделки показывают неподдельное дарование. *Изд.*». Это примечание позволяет предположить, что Цыганов умер не в 1831 году, как принято считать, а в 1832 году, в Москве. Песни Цыганова были собраны его друзьями, в числе которых был и П. С. Мочалов (ему поэт посвятил три свои песни, опубликованные в 1842 году вместе с «Посвящением» в «Литературном кабинете» — сборнике, составленном артистами московских театров). О подготовке собрания песен Цыганова впервые сообщается в «Молве», в извещении о выходе в свет «Музыкального альбома» А. Варламова: «Слова четырех песен принадлежат покойному актеру г. Цыганову; песни сии и отдельно от музыки имеют свое достоинство, но вместе с прекрасными голосами г. Варламова составляют весьма приятный подарок на Новый год и для литературы и для любителей музыки. Мы слышали, что песни г. Цыганова будут собраны и изданы, вместе с нотами некоторых, положенных на музыку г. Варламовым. Такое предприятие делает честь доброму сердцу издателя. Воспоминание о человеке с дарованиями, так рано кончившем жизнь свою, есть достойная ему дань».¹ Намерение опубликовать песни Цыганова вместе с музыкой Варламова не было осуществлено. Первое издание, содержащее 39 песен, включало лишь тексты и вышло в свет в Москве в 1834 году. Всего в настоящее время известно 49 песен Цыганова. Вероятно, часть его песен безвозвратно исчезла, так как многие из них он импровизировал, аккомпанируя себе на гитаре; эти песни заучивались его друзьями или записывались и расходились в многочисленных списках анонимно. Музыка к некоторым песням сочинял сам Цыганов. Известность приобрели песни с музыкой Варламова («Не шей ты мне, матушка...», «Ох, болит...», «Смолкни, пташка-канарейка!..», «Что это за сердце...»). Кроме них наиболее популярными песнями Цыганова являются: «Я посею, молоденька...», «Ах, чарка моя серебряная...», «Лежит в поле дороженька...», «При долинушке береза...», «Не кукушечка во сыром бору...», «По полю, полю чистому...», «Что ты рано, травушка...».

---

¹ «Молва», 1833, 14 января, с. 21.

«Не сиди, мой друг, поздно вечером,
Ты не жги свечи воску ярого,
Ты не жди меня до полуночи!

Ах! прошли, прошли
Наши красны дни...
Наши радости
Будто вихрь умчал
И как пыль, как прах
Веет по полю!..
Объявил вчера
Сударь батюшка,
Согласилася
На то матушка,
Что не ровня я,
Не жених тебе,
Что женюся я
На иной жене!..
Одно солнышко
В небесах горит...
И мне, молодцу,
Только раз любить! —
Я родителям
Покоряюся:
На их суженой,
На их ряженой
(С смертью раннею)
Обвенчаюся!
А с тобой навек
Распрощаюся!»

Не ручей журчит, не река шумит —
Плачет девица... вопит красная:

«Ах ты, милый мой,
Ненаглядный мой!..
Не жилица я
На белом свету
Без тебя, душа,
Сердце, жизнь моя!..
Нет у горлинки
Двух голубчиков,

У лебедушки
Двух лебедиков...
Не знавать и мне
Двух милых дружков!»

Не сидит она поздно вечером,
А горит свеча воску ярого!..
В переду стоит нов тесовый гроб:
Во гробу лежит красна девица.

<1828>.

287

Ах, спасибо же тебе,
Синему кувшину,
Разгулял ты мою
Горькую кручину;

Знаться б мне давно с кувшином,
Горе б по ветру неслоь,
Ретивого б не сушило,
В русы кудри не ввилось.

Не ходить бы, не бродить
По белому свету,
Не искать бы, не следить
Ласкова привету.

Сидя около кувшина,
Я не ведал бы, не знал,
Что кругом я сиротина,
Будто с облака упал!

Не тушить бы мне очей
Горючей слезою,
Не делить бы мне ночей
С горем да с тоскою;

И не горечь из кувшина —
Я бы сладкое тянул;
Что я беден, сиротина,
Мне никто бы не шепнул.

РУССКІЯ
П Ъ С Н И

Н. Дыганова

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕМЬЯНОВСКАГО,
1834.

От сего же я часá
Уж не сдамся ласкам,
Не поверю я, краса,
И твоим уж глазкам.

Лишь у синего кувшина
Буду радости просить,
С ним обнявшись, сиротина,
Буду ждать, как смерть скосит.

Ах, спасибо же тебе,
Синему кувшину,
Разгулял ты мою
Горькую кручину!

<1828>, начало 1830-х годов

288

«Что ты рано, травушка,
Пожелтела?
Что вы рано, цветики,
Облетели?
Что ты так, красавица,
Похудела:
Впали алы щеченьки,
Побледнели. . .
Впали ясны оченьки,
Потускнели? . . .»

— «Не успели цветики
Распуститься,
Уж их злая засуха
Поедает. . .
Не успела я с дружкой
Обручиться,
Уж он меня, бедную,
Покидает —
Без поры, без времени
Убивает!»

— «Только ль свету белого,
Что в оконце? ..
Только ль добрых молодцев,
Что изменщик?
Не тумань, голубушка,
Ясных очек,
Не слези, лебедушка,
Алых щечек!
Выбирай любимого
Из удалых —
По нраву приятному,
По обычю,
По уму, по разуму
Да по сердцу!»

— «Погляжу ль я на небо:
Звездок много —
Да один во звездочках
Светел месяц!
Загляну ль в зеленый сад:
Пташек много —
Да один во пташечках
Ясен сокол!
Взгляну ли на молодцев:
Добрых много —
Да не придут девушке
По обычю,
По уму, по разуму
Да по сердцу».

<1830>

289

Не сокол летит по поднебесью,
Не сокол ронит слезы-перушки —
Скачет молодец по дороженьке,
Горьки слезы льет из ясных очей!
Распрощался он с милой родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Где течет в красе Волга-матушка,
Распрощался он с красной девицей:

Он оставил ей на помин себя
Дорогой перстень с алмазами;
На обмен же взял от красавицы
Золото кольцо обручальное. . .
При размене сам приговаривал:
«Не забудь меня, моя милушка!
Не забудь меня, задушевный друг!
Не забудь меня на чужбинушке! . .
Чаще взглядывай ты на перстень мой —
Чаще стану я целовать кольцо,
К ретиву сердцу прижимаючи,
О тебе, мой друг, вспоминаячи!
Коль подумаю я об иной любви —
Камень выпадет вон из перстения!
Если ж ты с другим под венец пойдешь —
Золото кольцо распаяется».

<1830>.

290

Не кукушечка во сыром бору
Жалобнехонько
Вскуковала —
А молодушка в светлом терему
Тяжелехонько
Простонала.

Не ясен сокол по поднебесью
За лебедками
Залетался —
Добрый молодец, по безразумью,
За красотками
Зашатался! . .

Ясну соколу быть поиману,
Обескрылену,
Во неволе. . .
Добру молодцу быть в солдатушках
Обезглавлену
В ратном поле.

А кукушечке во сыром бору
    По чужим гнездам
    Куковати. . .
А молодушке во слободушке
    По чужим углам
    Воздыхати!

<1832>

291

Рассудите мне, люди добрые,
Разгадайте мне мой недобрый сон:

Посылаю я
Сиза голубя
Ко милу дружку
С тайной весточкой. . .
Не успела я
Наказать к нему,
Не успел взмахнуть
Голубь крыльями,
Уж и бьется он,
И трепещется
В воровских когтях
Злого ястреба! . .
Обомлела я —
Испугалася. . .
Как безумная,
Заметалася! . .
И схватила я
Тугий, крепкий лук,
Наложила я
Калену стрелу:
Тетива звенит,
А стрела летит, —
И, простреленный,
Хищник мертв лежит! . .
Я бегу к нему,
Я спешу к нему —
Ах, кого ж мои
Видят оченьки? . .

Словно громом я
Оглушилася —
Чуть-чуть памяти
Не лишилася!
Мне представился
Страшной смерти вид —
Мил сердечный мой
Распростерт лежит:
Не глядят его
Очи ясные,
Не манят меня
Взглядом ласковым;
Затворилися
Уста сладкие,
Не зовут меня
Речью нежною;
Руки белые
Накрест сложены —
Не прижмут меня
Ко белой груди,
К ретиву сердцу!..

Разгадайте же, люди добрые,
Мне к чему такой сон привиделся?

<1832>

292

«Что ты, соловьюшко,
Корму не клюешь?
Вешаешь головушку,
Песен не поешь?»

— «Пелося соловьюшку
В рощице весной...
Вешаю головушку
В клетке золотой!
На зеленой веточке
Весело я жил...
В золотой же клеточке
Буду век уныл!..»

— «Зеленой ли веточке
К песням причать?
В золотой же клеточке
Соловью ль молчать?»

— «Зеленая веточка
Сердце веселит;
Золотая ж клеточка
Умереть велит! . .
Подружка на веточке
Тужит обо мне,
Стонут малы деточки. . .
До пенья ли мне?»

— «Отперто окошечко
К рощице твоей, —
Будь счастлив, мой крошечка,
Улетай скорей!»

<1832>

298

Ох, болит
Да щемит
Ретиво сердечко —
Всё по нем,
По моем
По милóm дружечке!

Он сердит,
Не глядит
На меня, девицу, —
Всё корит
Да бранит,
Взносит небылицу:

Будто днем
Соловьем
По садам летаю,

Не об нем,
Об ином.
Звонко распеваю!

Ничего,
Никого
Ночью не боюсь —
И не с ним,
Всё с иным
Милым веселюся!

Не расти,
Не цвести
Кустичку сухому...
Не любить,
Не сгубить
Девуцы иному!

Не себе —
Всё тебе
Красота блюдетя...
Ах, ничьей —
Всё твоей
С горя изведетя.

294

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пушай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

— «Дитя мое, дитяtko,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим;

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

Что это за сердце,
Что это такое —
Что ни днем, ни ночью
Не дает покоя?

То забьется пташкой,
Запертою в клетке;
То замрет цветочком
На скошенной ветке! ..

Быть бы сердцу пташкой —
Чего б захотело? ..
Дать бы ему крылья —
Куда б полетело?

Знаю я сторонку,
Где его зазноба. . .
Ах, туда бы лётom
Полетели оба! ..

На той на сторонке
Теплей солнце греет —
Там девица красна
Как маков цвет зреет!

Там в темные ночи
Не звезды лишь светят —
Там ясные очи
Приветливо встретят!

Приветливо встретят,
Ласково проводят. . .
Любезные речи
Тоски не наводят.

Смолкни, пташка-канарейка!
 Полно звонко распевать, —
 Перестань ты мне, злодейка,
 Ретивое надрывать!

Уж ко мне не воротиться
 Красным дням весны моей, —
 Отвыкает сердце биться,
 Вспоминаючи об ней!

Радость-младость миновалась:
 Отцвела она цветком,
 И не вихорем промчалась —
 Пропорхнула мотыльком!

С нею память о бывалом
 Я хотел похоронить,
 Не грустить по нем нимало —
 Ни слезы не уронить.

Всё давно забыто было:
 Звонкой песенкой своей
 Всё ты снова разбудила,
 Пташка, лютый мой злодей!

После ведрышка к ненастью
 Тяжеленько привыкать,
 А несчастному об счастье
 Хуже смерти вспоминать!

Красен в полях, цветен в лугах
 Цветочек незабудка!
 Гремуч в лесах, певуч в садах
 Весенний гость — соловьюшко!

А краше мне, дороже нет,
Пригляднее, приятнее —
Души моей, красавицы!
А кто она и где она —
Никто про то не сведает...
Не здесь она, не там она,
Не у белой груди моей!..
А день и ночь, как свет очей,
Огнем горит, лучом блестит,
Звездой передраассветною!..
И всякий миг в очах моих
Везде со мной, передо мной:
В кустах растет, в цветах цветет,
Цветет цветком гуляфчиком;
Весна придет — она поет,
Поет залетной пташечкой!
Ключом кипит, ручьем журчит —
Бежит волной зыбучею!
То лебедью — водой плывет,
Плывет и величается!
То павою — тропой идет,
Идет и озирается...
То девицей-красавицей
В венке цветов лазоревых
Под липками, березками
Играет, забавляется!..
На всех глядит — меня манит,
Манит рукою белою...
Пущусь бежать — ее обнять,
Расцеловать, размиловать,
Прижать к сердцу ретивому...
Она как раз уйдет из глаз —
Сверкнет звездой падучею
И скроется, схоронится!
Хочу отстать — она опять
Начнет манить ласкаючись,
Приветно улыбаючись!

Жавороночек на проталинке
 Распеваает:
 Он зовет весну, радость красную
 Вызывает!
 Не лежать снежкам в чистом поле —
 Растопиться,
 Бурной реченькой в море синее
 Укатиться!
 Не пора ль мне с грустью лютою
 Раздружиться?

Жавороночек над теплым гнездом
 Распеваает;
 Сенокос поспел... золотая рожь
 Созревает...
 Время птенчикам, малым деточкам,
 Опериться,
 Легким крылышком по поднебесью
 Поноситься!
 Вот пора и мне с грустью лютою
 Разлучиться!

Замолчал певун-жавороночек —
 Унывает...
 Со полуночи дует буйный ветер,
 Подувает!..
 Не дозреть плодам — наземь с дерева
 Посвалиться;
 Облететь листьям — прахом по ветру
 Разноситься!..
 Ах, пора, пора с грустью лютою
 Распроститься!

Жавороночек к морю теплому
 Отлетает!..
 Вьюга зимняя, всё метелица
 Заметает!..
 Видно, к молодцу счастью прошлому
 Не вернуться:

Спать бы крепким сном во сырой земле,
Не проснуться,
Горю б лютому до сердечушка
Не коснуться!

299

Что это за пташечка,
Что за голосистая!
Что у ней за песенка,
Да что за приятная! ..
Заря занимается —
Она просыпается,
До позднего вечера,
До глухой полуночи,
Умолку не знаючи,
Весело порхаючи,
Поет распеваючи —
Меня потешаючи!
И мне не соскучиться,
И мне не наслушаться!

Что это за миленький,
Да что за пригоженький!
Что это за ласковый,
Да что за приветливый! ..
Роса подымается —
Уж он пробуждается:
До заката солнышка,
До вечерней звездочки
Всё за мной, как тень, следит,
Всё мне про любовь твердит, —
Покоя не знаючи,
Меня убажачаючи!
И мне не соскучиться,
И мне не наслушаться!

Что это за матушка,
Да что за родимая!
Уж что за гневливая!

Уж что за брюзгливая!
От темного вечера,
От глухой полуночи
До белого до свету,
До красного солнышка
Всё она брюзгой брюзжит;
Всё мила дружка корит —
Всё меня журит, бранит,
От него отстать велит!
Брюзга мне наскучила,
Отстать не заставила!..

300

«Не туманами, не мглой
Солнышко затмилось,
Ах! не тучей громовой
Ясное закрылось —
Потушился свет очей
Раннею могилой!
Мне не ведать красных дней,
Не видать уж милой!
Мне ее не разбудить
Нежными речами,
Ах, ее не воскресить
Горькими слезами!
Оседлаю ж я коня,
Сгину в ратном поле...
И родной мой край меня
Не увидит боле!»

И стрелою он летит
В поле, в грозну сечу...
И быстрее стрелы летит
Смерть ему навстречу!

Ах ты время, времечко
Золотое!
Не забыть мне времечко
Дорогое!
Ты когда промчалось,
Прокатилось?
Ты куда девалось,
Схоронилось?
Не вечер, а давече
В очах было,
Теперь далью, далече
Отлучилось! . .

Ах, дружок, миленький
Мой дружок!
Сокол, сизокрыленький
Соколочек!
Не тебя ль к дороженьке
Снарядили —
Мои резвы ноженьки
Подкосили?
Не тебя ли, милушку,
Провожают!
Не меня ль в могилушку
Снаряжают? . .

Уж мне время красного
Не дожидаться —
К сердцу друга страстного
Не прижаться!
Мне лишь грусть сердечная
Остается,
Тоска бесконечная
Достается!
С нею темна ноченька
Не заспится. . .
С нею свету в оченьках
Закатиться!

Ты подуй, подуй,
 Тихий, тепленький
     Ветерочек!
 Донеси к нему,
 К другу милому,
     Голосочек...
 Ах, давно-давным
 Я с дружкой моим
     Не видалась;
 Много, много дней,
 Как с душой моей
     Я рассталась!
 Мил-сердечный друг
 Голосочка вдруг
     Не узнает:
 Не свирелкой он
 Во слуху его
     Заиграет;
 Не голубкою
 Сизокрылою
     Заворкует;
 Не кукушкою
 Горемычною
     Закукует;
 Не ручьем журча,
 Не рекой теча
     Разольется...
 Просто песенкой
 Заунывною
     Пропоется;
 И спою ему,
 Другу милому,
     Про страданье...
 Про всечасное
 К ретиву сердцу
     Ожиданье!
 Как с тоски по нем
 Извелася я,
     Исхудала;
 Как ни день, ни ночь

Я отрадушки
    Не видала. . .
Всё-то леточко
При дороженьке
    Просидела.
Все-то глазоньки,
Дожидаючись,
    Проглядела! . .
Ах, я жду ль его,
Дожидаюся
    Понапрасну,
Уж не кинул ли
Да не бросил ли
    Он злосчастну?
Уж не резвится ль,
Обнимаючись
    Со иною?
Уж не тешится ль,
Насмехаючись
    Надо мною?
Тут дружочек мой
Голосочек мой
    Узнавает,
Не простясь ни с кем,
Соколом ко мне
    Прилетает!
Ах! подуй, подуй,
Тихий, тепленький
    Ветерочек!
Донеси к нему,
К другу милому,
    Голосочек!

303

Без поры да без времени
Сохнет в поле муравушка. . .
    Ахти! ты травка моя,
    Ахти! свет-муравка моя!

Не журчит ручеек в лугах,
Не поет соловей в кустах...
    Ахти! ты пташка моя,
    Ахти! голосистая!..
Не видала я леточка,
Не бирала я ягодки...
    Ахти! калинка моя!
    Ахти! свет малинка моя!
Всё-то в тереме сидючи,
С старым мужем горюючи...
    Ахти! ты горе мое,
    Ахти! гореваньице!..
Опротивел мне вольный свет,
С некошным мужем ладу пет...
    Ахти! лады вы мои,
    Ахти! лады девушкины!..
Отымает ревнивый муж
Радость — девичью волюшку...
    Ахти! ты воля моя,
    Ахти! воля пташечья!
Не пускает с подружками
Во лесок за орешками.
    Ахти! вы рощи мои,
    Ахти! свет березовые!
Пошутить за воротами,
Поиграть хорородами!
    Ахти! вы, дид и ладо!
    Ахти! люли-люшеньки!

304

По полю, полю чистому,
    По бархатным лужкам
Течет, струится реченька
    К безвестным бережкам.

Взойдет гроза, пройдет гроза —
    Всегда светла она!
От бури лишь поморщится,
    Не зная, что волна... .

Не рощи, не дубравушки
По бережку растут —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит —
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

Ей убыли неведомы —
Всегда в одной красе;
За прибыль благодарствует
Небесной лишь росе!

Но долго ль, долго ль реченьке
Катиться по цветам?
Ждут бездны моря светлую
В дали туманной там.

О поле, поле чистое,
Осиротеешь ты. . .
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цветы!

Ах, речка, речка светлая,
Изменчив наш удел. . .
На резвый бег твой по полю
Сквозь слезы я глядел:

И я жил резво, весело,
Певал в былые дни
И радости сердечные
Лишь чувствовал одни!

Но всё переменяется,
Проходит всё как сон, —
И я грустить-печалиться
До гроба осужден.

Я посею, молоденька,
Цветиков маленько;
Стану с зоренькой вставати,
Цветы поливати,
Буду с светом пробуждаться,
Садом любоваться!
Для кого ж я сад садила,
Берегла... ходила?
Ах, не для кого иного,
Для дружка милого!
Для чего в моем садочке
Пташки распевают?
Всё об нем же, об дружочке
Мне вспоминают!
Залетел мой сокол ясный,
Молодец прекрасный!
Запропал в тоске-кручине
Без вести в чужбине!
И посла я посылала —
Мил не принимает...
И слезами я писала —
Друг не отвечает!
Пропадать же, знать, садочку
Без мила дружочка...
Не цвести в саду цветочку —
Порву для веночка.
Не плясать младой в веночке,
Гадать по дружочке...
Не боли ж, мое сердечко,
Выйду я на речку
И на самую средину
Венок мой закину,
Слезно, слезно зарыдаю,
Сама загадаю:
Коль надёжа меня помнит —
Мой венок потонет!
Коль надёжа покидает —
Пущай уплывает..

Рано, рано вы, лазоревы цветы,
 Рано, рано вы поблекли, отцвели!
 Рано девушка лишилась красоты,
 Скоро дни ее веселостей прошли!

Редко девушку выдают у окна,
 В хороводах ее вовсе не видать:
 Полюбила в терему сидеть одна,
 Полюбилось ей горе горевать.

И порой она тихонько слезы льет,
 Иным времечком вздыхает тяжело!
 И порой она тихонько запоет,
 Будто горе позабыто, всё прошло:

«Ах! Не всё в полях метелице мести,
 В темных рощах буйну ветру бушевать —
 Придет время в поле цветикам цвести,
 В роще пташечкам, соловьюшкам свистать.

Красны девушки, собравшись в хоровод,
 На семик в луга весну пойдут встречать...
 Лишь одна подружка с ними не пойдет,
 Будет косточкой в сырой земле стонать.

Люди злые худой славой обнесут,
 Пересудами безвинно закорят,
 Слезы горькие сиротку не спасут...
 Вздохи тяжкие без время уморят».

Ах, не пташечка,
 Не ясен сокол
     Со тепла гнезда солетает!
 В путь-дороженьку
 Добрый молодец
     Со подворьница съезжает!

Не отец, не мать
Добра молодца
С широка двора отпускают;
Не лебедушка,
Молода жена,
На расстаньюшках горько плачет —

Всё на проводах
У молодчика
Посторонние да чужие!
На расстаньюшках
Ретиву сердцу
Не больны они да не тяжки.

И прощается
С ними молодец,
Не грустя по ним, не кручинясь,
Ни слезинушки
Из ясных очей
На белую грудь не скатилось.

Веселехонько
Добрый молодец,
На коня сядясь, запеваёт:
«Ах, прости, прощай,
Мой родимый край,
Сторона моя дорогая,

Николи с тобой,
Со сторонущкой,
Добру молодцу не видаться;
Ничему в тебе
Ненаглядному,
Сердцу милому не остаться:

Отец с матерью
Спят в сырой земле,
Роду-племени не имею;
Лишь одна была
Душа-девица,
Да и с той меня разлучили;

Ах, вечер ее,
Мою любушку,
    За немилото обручили;
Лишь об ней вздохну
Тяжелехонько,
    Лишь об ней одной пожалею»,

308

Ах, чарка моя,
Серебряная!
На золотом блюде
Поставленная!

Кому тебя пить?
Кому подносить?
Друзьями ты, чарка,
Оставленная;

В забытьи стоишь,
К себе не манишь,
Вина зеленого
Неналитая!

Бывала ли ты
Полным до полна,
Как в водополь речка
С краями равна?

Светилася ли,
Честилася ли
В веселой беседе
В запрошлые дни?

Ходила ль кругом,
Поила ль вином,
Приятною речью
Приправленная?

Знакомы ль тебе
В счастливой судьбе
Веселые взгляды,
Ласкающие?

Встречались ли,
Случались ли
Приятельски руки,
Сжимающие?

Давно ли бедой
И злой чередой
Лежишь ты на блюде
Спрокинутая!

Роями друзей,
К печали моей,
Как улей пчелами,
Покинутая!

Не стало вина —
Забыта она . . .
Друзья отшатнутся
От чистого дна!

Спросись старины,
Коснись новизны,
Так есть и бывало —
Быль с сказкой сходны!

309

Лежит в поле дороженька —
    Пролегает,
И ельничком, березничком
    Зарастает. .
Не змейкою — кустарничком
    Она вьется;
Не реченькой — желтым песком
    Она льется;

Не торною, не гладкою,
    Не убитой —
Лежит тропой заброшенной,
    Позабывтой. . .
В конце пути-дороженьки
    Горюч камень,
На камешке сердечушко,
    В сердце пламень!
По всем углам у камешка
    Растут ели,
По всем углам на елочках
    Пташки сели. . .
И жалобно пернаточки
    Распевают:
«Вот так-то спят в сырой земле,
    Почивают
Безродные, бездольные
    На чужбине!
Никто по ним не плачется,
    Не в кручине!
Ни мать, ни отец над камешком
    Не рыдают;
Ни друга здесь, ни брата здесь
    Не видают!
Лишь раз сюда красавица
    Приходила —
Здесь ельничку, березничку
    Насаждала. . .
Поплакала над камешком,
    Порыдала;
Нам жалобно петь день и ночь
    Приказала. . .
А кто она? где делася? —
    Не сказала!»

310

При долинушке береза
    Белая стояла;
При березоньке девица
    Плакала, рыдала. . .

Ах, с вершинушки березу
Ветром колыхает,
С корешка мою кудряву
Водой подмывает!

Скоро белая береза
С корешка свалится, —
Перестанут к веткам пташки,
Распевая, виться!

И проложится дорожка
Мимо той березы,
И проедут по дорожке
Да пойдут обозы...

Станут станом у березы
Коней попоить;
Обсушиться, обогреться,
Каши поварить;

И сожгут, спалят березу
Даже до сучочка —
И не молвят про березу
Ниже ни словечка!..

Так-то мне, молодой младеньке,
На чужой чужбине
Спать в сырой земле забытой,
Словно сиротине!

Что безродной — без родимой,
Без отца родного,
Что бездольной — без прилуки,
Без дружка милого!

311

Брезжит месяц молодой,
Из-за туч мелькая;
Плачет парень удалой,
Долю проклиная!

Губит горе молодца,
Как цветок — морозы...
Удалому без конца
Без отрады слезы!

В гору речки не текут —
А под гору льются! ..
В счастье люди слез не льют —
Весело смеются!

Всё придумал молодец, —
А тоска — тоскою!
И настанет ей конец
С гробовой доскою! ..

Вот однажды вечером
Он поет в кручине,
И разносит ветерком
Песню по долине:

«Уж ты мать, ты моя мать,
Матушка родная!
На тебя ли мне пенять,
Долю проклиная?»

Не для слез ли родила
Молодца в час ночи?
Не для горьких ли дала
Мне черные очи?

Я не вижу красных дней,
Радостей не знаю,
И, как льдинка от лучей,
На песочке таю!

Если прошен да молён,
Так за что мученье?
Легче б был я задушен
При самом рожденьи!

Словно месяц молодой,
В тучах утопая,
Я загину, удалой,
Долю проклиная!»

312

Ахти! беда-неволюшка —
Погибельная долюшка!
Сама хожу по камешку,
Коня вожу по травушке. . .
По травушке-муравушке
Кусты растут, цветы цветут,
В кустах, в цветах певцы поют;
Ах, выюнчики-певунчики,
Залетные игрунчики!
Вы спойте мне, скажите мне:
В чем волюшка, в чем воли нет,
Где волюшка, где воли нет?
У девушек-голубушек —
Повольничать, посбóйничать,
Ни прясть, ни ткать, в танóк играть,
В пору взойти, замуж пойти!
У молодцев, у соколов, —
Повольничать, посбойничать,
Коней седлать, бедой играть!
Невест любить да жен губить! . .
Молодушкам, лебедушкам —
Нет волюшки, свободушки:
То в зыбочке «ува» кричит,
То у печи свекровь ворчит,
То муж об стол ножом стучит:
«На стол сбирай, вина давай,
Коня седлай, с двора спущай —
Да кланяйся вслед до земли. . .
Да жди назад к белóй зари.
Приймай коня томленного,
Бери добро кровленое,

Напень медку мореного,
Целуй меня, кропленого, —
Не дождичком, не росынькой,
А горючею слезынькой».

313

Ах, не звездочка сияет
В поднебесной вышине. . .
Красна девица вздыхает,
Лежа грудью на окне. . .
Вдоль по улице широкой
Не сизой орел летит —
Чернобровый, черноокой
К ней дружок ее спешит:

«Ах, прости, мой друг сердечный, —
Он, вздохнувши, ей сказал, —
Час разлуки, может вечной,
Неожиданно настал.
На войну — карать злодеев —
Объявили нам поход. . .
Лишь молитвою твоею
В брани бог меня спасет!»

Заливаючись слезами;
Вопит девица в ответ:
«О, хранимый небесами,
Не покинь меня, мой свет!
Если ж небо присудило —
Пули грудь твою пробьют, —
Пусть в одну темну могилу
И меня с тобой кладут! . . .»

В первой битве — доля слезна —
Добрый молодец убит!
С первой вестью об любезном
В гробе девица лежит. . .

Полетай, соловеюшко,
 На родиму сторонушку:
 На родимой сторонушке
 Там живала сироточка,
 Сирота горемычная,
 Моя матушка родимая!

Под ее под окошечком
 Есть кудрявое деревцо:
 Оно мною посажено,
 Ею часто поливано —
 Не водицей ключевою,
 А слезами, да горячими.

Сядь на нем, соловеюшко!
 Свей на нем тепло гнездышко,
 Заведи малых детушек,
 Распевай с утра до ночи,
 Потешая сиротинушку —
 Мою матушку родимую!

Пусть родная не плачется,
 Под окошечком сидючи,
 На проезжего глядячи,
 Обо мне вспоминаючи! . .
 Еще я на белом свету
 Пуще прежнего люблю ее.

Есть ведь дни, в кои солнышко
 С ясным месяцем видятся . . .
 Так настанет и нам денек —
 И мы с ней повидаемся:
 Наглядимся, насмотримся,
 Насмеемся . . . наплачемся . . .
 Крепко, крепко обнимемся
 И досыта нацелуемся!

Х о р

Ах, об чем, голубка Маша,
 Ты ручьями слезы льешь,
 Убегаешь ласки нашей,
 С нами песен не поешь,
 Не играешь в хороводы?
 Всё кручинна и грустна —
 Будто нивка без погоды,
 Знойным солнцем сожжена!

М а ш а

Ах, один и был садочек,
 Да и тот стал засыхать. . .
 Был, как свет в очью, дружок,
 Да и тот стал покидать!
 Не на то я сад садила,
 Поливала, стерегла,
 Всем соседям досадила,
 Чтоб могилу в нем нашла!
 Не к тому сад разрастался,
 Распушался, расцветал,
 Чтоб часок покрасовался
 И навек потом пропал!
 Беспременно для девицы
 Он бы должен уродить
 Три корысти-небылицы, —
 Без того мне полно жить!
 Уж мне в первой небылице —
 Быть пригоже всех собой,
 А с другою небылицей —
 Только радость знать, младой!
 И мне третья небылица:
 Не вздыхать, не тосковать,
 Полюбивши — полюбиться,
 С милым век свой свековать!

Перелетная пичужечка —
 Непоседная кукушечка!
 Где покинешь ты летаньце —
 Заунывно кукованьце?
 Где согреешь тепло гнездышко,
 Заведешь малюток детушек?
 Аль не с тем ты уродилася,
 Чтоб жить радостно годилася?
 Отмахаться легким крылышком,
 Со куста на куст летаючи,
 Как бы устали не знаючи, —
 А тепла гнезда не греючи,
 Малых деток не лелеючи!

Ты, несчастный, добрый молодец,
 Бесталанная головушка!
 Где вздохнешь ты без страданьца,
 Без назолушки сердечушку!
 Долго ль будешь перелетывать
 Бездомовую кукушкою?
 Аль до той поры, до времени,
 Как злодеюшки натешатся,
 Злые толки притолкуются! . .
 Небеса над горьким сжались,
 Мать сыра земля расступится. . .
 Очи ясные потушатся —
 Реки слезные осушатся!
 Сляжешь в тихую могилушку,
 Что в пуховую перинушку,
 Обо всём, про всё забудешься.

Ах ты, ночка моя, ноченька,
 Ночка темная, осенняя!
 Осиротела ты, ноченька,
 Без младого света месяца —
 Так, как радость красна девица
 Без мила дружка сердечного! . .

Где ж красавец млад светел месяц:
В поднебесье не видать его?
Не всходил он, не озаревал —
Темну ночь не освечивал;
Он не резался сквозь облаки,
В высок терем не заглядывал. . .
Не манил он радость-девицу
Ко косящату окошечку. . .

Ах! бедна же ночь без месяца —
Как казак без ворона коня,
Чисто поле без наездника,
Золото кольцо без яхонта,
Красна девица без милого дружка!
Всё красавица придумала,
Пригадала с темной ноченькой,
На окошке грудью лежучи,
Мила друга поджидаячи,
Как упала горяча слеза
На правую ее рученьку —
На кольцо ее алмазное,
Подареньице заветное;
И к нему-то радость-девица,
Воздыхаячи, промолвила:

«Ах ты, перстень самоцветный мой,
Драгоценность сердцу милая!
Как надет дружком на рученьку,
С той же бережью ты носишься:
Отчего же ты по-прежнему
Не блистаешь да не искришься?
Оттого ли, что у милого —
Не мое кольцо на рученьке. . .
Не ко мне любовь в сердечушке!»

318

Течет речка по песочку,
Через речку — мостик;
Через мост лежит дорожка
К сударушке в гости!

452

Ехать мостом, ехать мостом,
Аль водою плыти —
А нельзя, чтоб у любезной
В гостях мне не быти!
Не поеду же я мостом —
Поищу я броду...
Не пропустят злые люди
Славы по народу...
Худа слава — не забава...
Что в ней за утеха?
А с любезной повидаться —
Речка не помеха.

319

Ночь осенняя, хоть глаза коли, темна!
Девка красная, хоть прочь беги, скучна!
Как на гибель, на беду обречена,
Или с светом расстаётся она:
Не промолвит ни единого словца,
Не румянит, радость, белого лица!
Бровью черною нахмурившись, сидит —
Голубым глазком в сыру землю глядит!..
Хоть горючие не льются, не текут —
Только грусть у ней волнует белу грудь...
Горе тяжкое ей на сердце легло,
Безотрадное всю внутренну сожгло.

«Ах, прощай, моя девичья красота!
Ты пришла ко мне, злодейка сухота?
Ретиву сердцу от ревности сгореть —
Мне, не живши для веселья, умереть!
Всё погибло невозвратно для меня,
Если, миленький, не любишь ты меня!
Ни с каким уж в целом свете молодцом
Не меняться обручальным мне кольцом;
Никогда золот венец не надевать —
Мне сердечным никого не называть!
Все забавушки, все игры, смехи прочь —
Дни веселые заменит темна ночь...»

Ни на чей уж я призыв не отзовусь,
Ни на чей, млада, привет не улыбнусь!
Нет! нельзя такой беды перенести —
Что с тобою мне — что с жизнью прости!
Нет, нельзя зимой муравушке расти,
По муравке цвету алому цвести,
Красну солнышку по-летнему не греть!..
Белой груди с воздыханья не болеть —
Я ножом ее булатным распорю,
И любовь в сердце и ревность уморю!»

320

Ах ты, рощица!
Роща темная!
Место тихое —
Укромонное!
Для гуляньица —
Словно зелен сад;
Для свиданьица —
Уж не кой ты клад!

У ревнивых глаз
Я украдуся —
В роще милого
Дожидаюся...
Вот и он, душа,
Соколом летит,
На догадку мне
Соловьём свистит!

Я бегу к нему
Робким зайкою,
По глухим тропам —
Горностайкою...
Прилечу к нему —
Перепелицей,
Обоймусь с дружкой —
Красной девицей,

Каркнул ворон на березе...
 Свистнул воин на коне...
 Погибать тебе, красотке,
 В чужедальной стороне!..

Ах, за чем, за кем бежала
 Ты за тридевять полей, —
 Для чего не размышляла
 Ты об участи своей?..

Всё покинула, забыла —
 Прах отца, старушку мать —
 И решилася отчизну
 На чужбину променять.

То ли счастье, чтобы очи
 Милым сердцу веселить, —
 После ими ж дни и ночи
 Безотрадно слезы лить?

Неужли ты не слыхала
 Об измене? — «Никогда!»
 Неужли ты полагала
 В сердце верность?.. — «Навсегда!»

Было некому, бедняжку,
 Поучить меня уму,
 И голодной, вольной пташкой
 Я попалась в сеть к нему...

Никого я не спросилась,
 Кроме сердца своего,
 Увидала — полюбила,
 И умру, любя его!»

Каркнул ворон на березе...
 Свистнул воин на коне...
 И красотка погибает
 В чужедальной стороне.

У соловушки одна песенка,
 Да и ту он по весне поет!
 У меня, молодой, один милый друг,
 Да и тот со мной не в любви живет.

Чуть лишь зоренька занимается,
 Уж седлает мил ворона коня...
 Уезжает же — не прощается,
 Покидает друг во слезах меня.

Не бывает день, не бывает два,
 Через три домой возвращается...
 Он шумит, гамит за воротами,
 Всё меня бранит за широкими:

«Уж ты спишь, моя молода жена,
 Или так лежишь, прохлаждаешься,
 Что нейдешь встречать, принимать коня...
 Иль иных гостей дожидаясь?»

— «Не лежу, не сплю... я бегу, лечу,
 Всё тебя ждала, дожидалася...
 Лишь к твоей встрече припасаячусь,
 День и ночь глаза не смыкались!»

И взойдет милóй во высок терем,
 И он кинется на кроватишку:
 У белóй груди змея лютая,
 Во правóй руке сабля острая.

Во ногах сидит красна девица...
 А уж я, млада, что в полон взята, —
 Во своем добре не указчица,
 Во своем дворе не хозяйюшка!

323. РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ

Сизокрылый голубочек,
Милого заветный дар,
Взвейся выше, поднимися
К поднебесным облакам.
С вышины, мой голубочек,
Посмотри во все страны —
Не увидишь ли, где милый
Воздыхает обо мне!
Если где его усмотришь,
Как стрела к нему пустишь,
Сядь в саду его на ветку
И уныло заворкуй. . .
Он услышит, он увидит,
Он узнает голос твой
И пшеницей белойрой
Приманит тебя к себе!
Ты слети к нему, ко груди
Друга милого прижмись,
И послушай, для меня ли
Бьется сердце во груди? . .
Если мной живет и бьется,
Он прижмет тебя к нему,
Взор наполнится слезами,
Слезы брызнут — он вздохнет
И тебя рукою нежной
Потихоньку оттолкнет. . .
Носиком своим хоть слезку,
Ах, хоть слезку подхвати
И ко мне с слезой бесценной
Быстрой молнией лети.
Друга слезку дорогую
Я своею оболью,
Расцелую, размилую
И у сердца иссушу!
Если ж он меня не любит,
Если клятвы позабыл. . .
Не лети ко мне! — останься
В зеленóm его саду,
Под косящатым окошком,
На любимый сядь кусток

И уныло и печально
День и ночь воркуй, стони...
Пусть он, совестью терзаясь,
Будет плакать, тосковать;
Пусть он жизнь возненавидит —
Бросит пищу, бросит сон...
И от вздохов пусть завянет,
Как от холоду цветок!
И от горьких слез истает,
Как от пламени свеча!
Вот тогда лишь он спознает
Муки сердца моего...
Голубочек, понесися
К поднебесной вышине...
Но с слезою возвратися
Друга милого ко мне.

324

Хороша ты, красна девушка,
На белом свете родилася!
Ни видом такой не видано,
Ни слыхом такой не слыхано;
Темно-русая коса твоя
Лентой алой изукрашена,
Твои брови соболиные
Обогнулись как радуга;
Твои очи соколиные,
Будто звездочки, горят, блестят;
Твои губочки — как маков цвет,
Что весною расцветать начнет;
Грудь высока лебединая,
А походочка павлиная;
Голос звонче соловьиного;
Речи слаще меду сладкого!
Мое сердце распылалось,
От покою отказалось, —
За тобою я, как тень, брожу!
Ах, когда б сердца ретивого

Можно было мне послушаться,
Не спознал бы горя горького,
Не изведаль бы кручинушки. . .
Не любил бы несогласную,
Лютым сердцем непокорную.

825

Ах молодость, молодость!
Весна моя красная!
Ты когда, когда прошла,
Когда прокатилась? . .
    Ты не речкой протекла —
    Точно из лука стрела
    Или пташка пролетела!
    Точно песенкой пропелась,
    Дальним гулом пронеслась —
    И сокрылась от глаз!
Ах ты, горе горькое,
Неизменная тоска!
Ты когда на ретивое
Горючим камнем легла? . .
С молоком ли я *родимой*
В белу грудь тебя всосал,
Или с первым поцелуем
Красной девицы узнал? . .
Злые люди подружили
Горе горькое со мной. . .
И в сырой земле, в могиле
Моя радость, мой покой!

Ранние стихи Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842) были написаны в традиции сентиментального романа начала XIX века, но на рубеже 1820-х и 1830-х годов он обращается к жанру «русской песни», творчески осваивая фольклор. Некоторые стихотворения Кольцова были положены на музыку уже при его жизни («Хуторок», «Не шуми ты, рожь...», «Отчего, скажи...», «Если встречу с тобою...» — последнее М. Глинкой). Но в быт эти песни входят лишь с конца 1840-х и особенно в середине 1850-х годов. Наиболее массовое распространение получили: «Перстенец золотой...», «Не скажу никому...», «Так и рвется душа...», «Я любила его...», «Хуторок». ¹ Другие песни, особенно романсы («Разлука», «Глаза» и др.), известны не столько в крестьянской, сколько в городской среде. В песенниках, кроме названных, чаще всего встречаются: «Ты не пой, соловей...», «Не шуми ты, рожь...», «Обойми, поцелуй...», «Что ты спишь, мужичок...», «Отчего, скажи...». В любовной литературе особенно распространены: «Песня старика», «Первая песнь Лихача Кудрявича», «Песня пахаря», «Раздумье селянина», «Косарь». Некоторые из стихотворений Кольцова в устном бытовании заметно изменены («По-над Доном сад цветет...», «Два прощания» и др.). К поэзии Кольцова обращались очень многие композиторы, хотя, по замечанию Б. А. Асафьева (Игоря Глебова), «человека, близкого ему (Кольцову. — В. Г.) по складу и здоровой непосредственности, в русской музыке не найти». ² Поэтому, несмотря на огромное количество романсов и песен (около 700), созданных более чем тремястами композиторами, лишь немногие из этих произведений вошли в музыкальный быт. Наиболее удачны и известны песни и романсы М. Глинки, А. Даргомыжского, М. Мусоргского, М. Балакирева и А. Рубинштейна. На слова Кольцова писали также музыку А. Варламов, А. Гурилев, Н. Римский-Корсаков, Ц. Кюи, С. Рахманинов, С. Танеев, А. Гречанинов, из советских композиторов — Б. Асафьев, Р. Глиэр, М. Ипполитов-Иванов, А. Гольденвейзер и другие.

---

¹ А. М. Новикова, Песни А. В. Кольцова в устном творчестве. — «Русский фольклор», вып. 3, М.—Л., 1958, с. 113, 119, 122.

² Игорь Глебов, Русская поэзия в русской музыке, Пг., 1922, с. 7.

326. ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою,
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья?
Чья ж слеза ее кропила?
Чья душа о нем грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

21 ноября 1829

327

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка;
На нее б я всё глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забыты,
Воду проливала...

Сплю и вижу всё ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

1829

328. КОЛЬЦО

Песня

Я затеплю свечу
Воска ярого,
Распаяю кольцо
Друга милого.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпся же
Золотой слезой,
Память милого!

Невредимо, черно
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября 1830

329. ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону —
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,

И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

21 сентября 1830

330. ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы. . .
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

1832

331. НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

332. ГЛАЗА

(Русская песня)

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас страшнее грозы
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

1835

333. ПЕРСТЕНЬ

Перстенечек золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памятью любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей,
Ты потускни, почерней;
Если радость — изменись,
Весь алмазом разгорись!

День забвенья ли придет,
Душа чувство проживет —
Тогда, перстень золотой,
Ты рассыпья сам собой!

1836

334. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «КОСАРЬ»>

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошóная;

Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копён,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной! . .

1836

**335. ПЕРВАЯ ПЕСНЯ
ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА**

С радости-веселья
Хмелем кудри выются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучьему веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;

Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, bravo!

1837

336. РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного,

Золотой казны,
Угла теплого,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля 1837

337. ГОРЬКАЯ ДОЖЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

338. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилого —
Мужа старого.

Небось весело
Теперь матушке

Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядет батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, рóдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за́ моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпется;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

5 апреля 1838

339. ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.

Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласно возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй.
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля 1838

340. РУССКАЯ ПЕСНЯ

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути, без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

10 июля 1838

341. ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...»

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

— «Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»

— «До села далеко;
Конь устал мой совсем;

Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

— «Не хочу я его! ..
Боль головушку всю
Разломил насмерть;
Ступай к куму в село».

— «Эта боль — пустяки! ..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец. . .
(А в окошко глядит
Удалой молодец) . . .

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить. . .

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

5 сентября 1839

342

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовою
Сор метлою посмёл;

И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое;
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветёр точит зерно!
Птица клбёт его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

343. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не собираю цветов.

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Всё прошло уж давно...
Не воротишь назад!
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля 1840

344. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимнюю ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-проводить,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1 апреля 1840

345. РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-травы — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся. . .»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылось, —

И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

346. ГРУСТЬ ДЕВУШКИ

Отчего, скажи,
Мой любимый серп.
Почернел ты весь —
Что коса моя?

Иль обрызган ты
В скуке-горести
По милу дружку
Слезой девичьей?

В широких степях
Дона тихого
Зелена трава
Давно скошена;

На селе косцы
Давно женятся;
Только нет его,
Ясна сокола!

Иль он бросил дом,
Разлюбил меня
И не придет уж
К своей девице? ..

Не к добру ж тоска
Давит белу грудь,
Нет, не к радости
Плакать хочется.

10 декабря 1840

347. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогу́т никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И, бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуй твой!
И без них при тебе
Огонь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

20 декабря 1841

Александр Иванович Одоевский родился в 1802 году в Москве, умер в 1839 году в урочище Кара-Агач, на Кавказе. Будучи офицером лейб-гвардии конного полка, он вступил в «Северное общество» декабристов, участвовал в восстании 14 декабря 1825 года. Осужденный на 12 лет каторги, Одоевский был сослан в Сибирь, где пробыл до 1837 года, после чего его перевели рядовым на Кавказ. Там он сблизился с Лермонтовым, Огаревым и деятелями грузинской культуры. Из стихотворений Одоевского известность приобрел его «Ответ» на «Послание в Сибирь» Пушкина. При жизни поэта несколько его произведений было напечатано в «Литературной газете», «Северных цветах» и «Современнике». По свидетельству современников, Одоевский сочинял свои стихи устно. Записанные со слов поэта или его друзей, немногие стихотворения Одоевского были напечатаны после его смерти в журналах и изданы в книге «Собрание стихотворений декабристов» (Лейпциг, 1862).

348. СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ

Нежны и быстры ваши напевы!
Что ж не поете, ляшские девы,
В лад ударяя легкой стопой?
Сербские девы! песни простые
Любите петь; но чувства живые
В диком напеве блещут красой.

Кто же напевы чехинь услышит,
Звучные песни сладостных дев —
Дышит любовью, славою дышит,
Помня всю жизнь и песнь и напев.

Девы! согласно что не поете
Песни святой минувших времен?
В голос единый что не сольете
Всех голосов славянских племен?

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один,
Да потечет сей поток-исполн
Ясный как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Старшая дочь в семействе славяна
Всех превзошла величием стана, —
Славой гремит, но грустно живет;
В тереме дни проводит, как ночи,
Бледно чело, заплаканы очи,
И заунывно песни поет.

Что же не выйдешь в чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Светло душе на солнышке-воле,
Сердцу тепло от ясных лучей!
В поле спеши, с меньшими сестрами,
И хоровод весь веди за собой;
Дружно сплетая руки с руками,
Радостно песнь свободы запой!

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один
Да потечет сей поток-исполн,
Ясный как день, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой!

Между 1829 и 1835

Михаил Александрович Бестужев (1800—1871) учился в Морском кадетском корпусе, служил в Московском полку. В 1825 году он вступил в тайное «Северное общество» и участвовал в восстании декабристов. После заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях Бестужев отбывал каторгу в Сибири и только за четыре года до смерти вернулся в Москву. Бестужев много писал в прозе. Его воспоминания «Мои тюрьмы» — одна из лучших книг декабристской мемуарной литературы. Из поэтических его произведений сохранилась публикуемая песня.

349

Что не ветер шумит во сыром бору —
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать.
И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник червь подточил его.
Закатилась воля-солнышко,
Смертна ночь легла в поле бранное.
Как на поле том бранный конь стоит,
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь! мой конь! скачи в святой Киев-град;
Там товарищи, там мой милый брат...
Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: „Цепей я нести не мог,
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!“».

Между 1829 и 1835

Александр Александрович Бестужев родился в 1797 году в Петербурге, погиб 7 июня 1837 года в битве у мыса Адлер. Учился Бестужев в Горном кадетском корпусе, служил в лейб-гвардии драгунском полку. После разгрома декабристского восстания, в котором Бестужев участвовал вместе с другими членами «Северного общества», он был заключен в крепость «Форт Слава», затем сослан в Якутию и, наконец, переведен рядовым на Кавказ. Литературная деятельность Бестужева началась в 1818 году: его стихотворение «Дух бури (Из Лагарпа)» появилось в «Сыне отечества» (1818, № 31). Он принимал деятельное участие в литературной жизни — состоял членом «Общества любителей словесности, наук и художеств» и «Вольного общества любителей российской словесности» (с 1821 г.). Вместе с Рылевым издавал «Полярную Звезду». Литературную славу ему принесли его романтические повести 1830-х годов («Испытание», «Аммалат-бек» и др.), стихотворения из которых были положены на музыку А. Алябьевым. Последнему принадлежит и опера на сюжет «Аммалат-бека» (либретто А. Ф. Вельмана). Известен также романс А. Варламова «Для чего ты, луч востока...». Но особенно замечательны агитационные песни, сочиненные Бестужевым в сотрудничестве с Рылевым (см. с. 328—334).

350. <ИЗ ПОВЕСТИ «ИСПЫТАНИЕ»>

Скажите мне, зачем пылают розы
Эфирною душою по весне
И мотылька на утренние слезы
Манят, зовут приветливо онé?
Скажите мне!

Скажите мне, не звуки ль поцелуя
Дают свою гармонию волне?
И соловей, пленительно тоскуя,
О чем поет во мгле и тишине?
Скажите мне!

Скажите мне, зачем так сердце бьется
И чудное мне видится во сне,
То грусть по мне холодная прольется,
То я горю в томительном огне?
Скажите мне!

<1830>

351—352. <ИЗ ПОВЕСТИ «АММАЛАТ-БЕК»>

1

На Казбек слетелись тучи,
Словно горные орлы...
Им навстречу, на скалы
Узденой отряд летучий
Выше, выше, круче, круче
Скачет, русскими разбит:
След их кровию кипит.

На хвостах полки погони;
Занесен и штык, и меч;
Смертью сеется картечь...
Нет спасенья в силе, в броне...
«Бéгу, бéгу, кони, кони!»
Пали вы, — а далека
Крепость горного леска!

Сердце наших — русским мета...
На колена пал мулла —
И молитва, как стрела,
До пророка Магомета,

В море света, в небо света,
Полетела, понеслась:
«Иль-Алла, не выдай нас!»

Нет спасенья ниоткуда!
Вдруг, по манию небес,
Зашумел далекий лес:
Веет, плещет, катит грудой,
Ниже, ближе, чудо, чудо!..
Мусульмане спасены
Средь лесистой крутизны!

2

СМЕРТНЫЕ ПЕСНИ

Х о р

Слава нам, смерть врагу,
Алла-га, алла-гу!

П о л у х о р

Плачьте, красавицы, в горном ауле,
Правьте поминки по нас:
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.

Здесь не цевница к ночному покою —
Нас убаюкает гром;
Очи не милая черной косою —
Ворон закроет крылом!
Дети, забудьте отцовский обычай:
Он не потешит вас русской добычей!

В т о р о й п о л у х о р

Девы, не плачьте; ваши сестрицы,
Гурии, светлой толпой,
К смелым склоняя солнца-зеницы,
В рай увлекут за собой.

Братья, вы нас поминайте за чашей:
Вольная смерть нам бесславия краше!

Первый полухор

Шумен, но краток вешний ключ!
Светел, но где он — зарницы луч?
Мать моя, звезда души,
Спать ложись, огонь туши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди,
Издалека, издалека
Сына ужинать не жди.

Не ищи его, родная,
По скалам и по долам:
Спит он. . . , ложе — пыль степная,
Меч и сердце пополам!

Второй полухор

Не плачь, о мать! Твоей любовью
Мне билось сердце высоко,
И в нем кипело львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной воле
Удалый сын не изменял:
Он в грозной битве, в чуждом поле,
Постигнут Азраилом, пал.
Но кровь моя на радость краю
Нетленным цветом будет цвезть,
Я детям славу завещаю,
А братьям — гибельную месть!

Хор

О братья! Творите молитву;
С кинжалами ринемся в битву!
Ломай их о русскую грудь. . .
По трупам бесстрашного путь!
Слава нам, смерть врагу,
Алла-га, алла-гу!

На тексты Федора Ивановича Тютчева (1803—1873) написано большое количество вокальных произведений: внимание композиторов привлекли свыше семидесяти стихотворений поэта, некоторые из них неоднократно положены на музыку («Весеннее успокоение», «Весенние воды», «Волна и дума», «Слезы людские, о слезы людские...», «Тени сизые смешались...», «Что ты клонишь над водами...» и др.). Хотя к текстам Тютчева обращались виднейшие композиторы (А. Гречанинов, С. Танеев, П. Чайковский, Э. Направник, Ц. Кюи), но, по замечанию Б. В. Асафьева, «все преломления его поэзии в музыкальных зеркалах несовершенны и вялы в сравнении с силой и мощью пронизательно жгучей тютчевской мысли».¹ Эта резкая характеристика особенно справедлива в отношении авторов массы романсов, созданных в конце XIX — начале XX века (В. Золотарев, П. Чесноков, Н. Черепнин, А. Щербачев, Г. Катуар, В. Ребиков, Н. Соколов, Ф. Акименко, В. Пасхалов, М. Анцев и др.). Исключения составляют прекрасные романсы С. Рахманинова («Весенние воды», «Всё отнял у меня казнящий бог...», «Сей день, я помню, для меня...», «Ты зрел его в кругу большого света...», «Фонтан»). Несколько удачных романсов принадлежат Н. Метнеру («Бессонница», «О чем ты воешь, ветр ночной...», «Сумерки») и Н. Мясковскому (цикл «На склоне дня»). Кроме публикуемых наиболее популярных романсов в песенниках встречается «И опять звезда ныряет...».

---

¹ Игорь Глебов. Русская поэзия в русской музыке, Пг., 1922, с. 7.

353. ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят. . .

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830(?)

354

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой. . .
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

1849(?)

355. К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло. . .

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты. . .

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне. . .

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь! . .

26 июля 1870

Евдокия Петровна Ростопчина (1811—1858) принадлежала к высшему дворянскому обществу, была связана с литературными кругами 1830—1840-х годов. Как поэтесса она пользовалась вниманием Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Позднее салонная и верноподданническая лирика Ростопчиной вызвала критическое отношение со стороны революционных демократов. Ростопчина сотрудничала в «Современнике» (Пушкина), «Сыне отечества», «Отечественных записках», позже — в «Москвитянине», «Библиотеке для чтения» и в «Пантеоне»; кроме стихотворений, писала поэмы, прозаические произведения и драмы. Ее стихотворение «Насильный брак» (1846), выражавшее сочувствие к поработанной Польше, было воспринято современниками как сатира на политику царского правительства, ходило в списках и вызвало недовольство Николая I. Полное собрание стихотворений поэтессы вышло в свет в 1856—1859 годах (в 4-х частях). Стихи Ростопчиной переложили на музыку крупные русские композиторы: А. Даргомыжский («Море и сердце», «Дайте крылья мне перелетные...», «Я сказала, зачем...»), М. Глинка («Северная звезда» — «Дивный терем стоит...»), А. Рубинштейн («Осенний вечер», «Падучая звезда», «Певница»). На «Слова для музыки» («И больно, и сладко...») создал один из лучших своих романсов П. Чайковский. На тексты Ростопчиной писали романсы также П. Булахов («Бывало, я при нем живее...»), А. Дюбек («Замолчи, не пой напрасно...»), О. Дютш («Любила, люблю и век буду любить...»), М. Ипполитов-Иванов («Утро»), П. Макаров («Зачем в день встречи роковой...»), В. Соколов («Что ты, молодость моя...») и другие. Интерес самой Ростопчиной к музыке, привлекавший к поэтессе композиторов, музыкантов и певцов, проявился и в том, что сама она несколько своих стихотворений написала в жанре песни («Песня», «Русская песня», «Простонародная песня») или посвятила пению («Певница», «Дуэт», «Цыганский табор», «Слова и звуки»), предназначая некоторые из них для композиторов («Две простонародные песни» — для Даргомыжского). Характерно, что

И я тогда, счастливица!.. любима...
Любима им была бы, может быть!
Надежда льстит тоске неутолимой;
Не любит он... а мог бы полюбить!
Когда б он знал!

Февраль 1830, <1858>.

357

Дайте крылья мне перелетные,
Дайте волю мне... волю сладкую!
Полечу в страну чужеземную
К другу милому я украдкою!

Не страшит меня путь томительный,
Я помчусь к нему, где бы ни был он.
Чутьем сердца я доберусь к нему
И найду его, где б ни скрылся он!

В воду кану я, в пламя брошусь я!
Одолею всё, чтоб узреть его,
Отдохну при нем от кручины злой,
Расцвету душой от любви его!..

Август 1831

358. СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

*Посвящается
Меропе Александровне
Новосильцевой*

И больно, и сладко,
Когда, при начале любви,
То сердце забьется украдкой,
То в жилах течет лихорадка,
То жар запыхает в крови...
И больно, и сладко!..

Пробьет час свиданья, —
Потупя предательный взор,
В волненьи, в томленьи незнанья,

Боясь и желая признанья, —
Начнешь и прервешь разговор...
И в муку свиданье!..

Не вымолвишь слова...
Немеешь... робеешь... дрожишь...
Душа, проклиная оковы,
Вся в речи излиться б готова...
Но только глядишь и молчишь —
Нет силы, нет слова!..

Настанет разлука, —
И, холодно, гордо простясь,
Уйдешь с своей тайной и мукой!..
А в сердце истома и скука, —
И вечностью каждый нам час,
И смерть нам разлука!..

И сладко, и больно...
И трепет безумный затих;
И сердцу легко и раздольно...
Слова полились бы так вольно,
Но слушать уж некому их, —
И сладко, и больно!

2 февраля 1854

Александр Фомич Вельтман родился в 1800 году в Петербурге, умер в 1870 году в Москве. Он был топографом в Бессарабии, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, с 1842 года был помощником директора, а с 1852-го — директором Оружейной палаты в Кремле. Первые литературные опыты Вельтмана относятся к 1810-м — началу 1820-х годов (в 1820 году Пушкину во время его пребывания в Кишиневе он был уже известен как поэт), но в печати его стихотворения появляются в 1828 году, в «Сыне отечества» («Юная грешница», «Ожидание»). Вельтман состоял членом «Общества истории и древностей российских» и «Общества любителей российской словесности». Известность ему принесли романы («Странник», 1831; «Кошей бессмертный», 1833; «Саломея», 1846), Песни Вельтмана принадлежат также повести (изданы двумя томами в 1837 и 1843 годах), драмы, сказки в стихах, переложение «Слова о полку Игореве», ряд исторических трудов. Стихотворения Вельтмана отдельно не издавались. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются также песни: «Полюбил всей душой я девицу...», музыка А. Батарина, и «Как денница появится...», музыка А. Алябьева. На стихи Вельтмана Алябьевым написаны также романсы «Не для меня» («Когда я песнь твою внимаю...»), «Луч надежды», «Тайна» («Я не скажу, я не признаюсь...»). Последний текст положен на музыку еще несколькими композиторами (В. Всеволожским, И. Иогелем и др.). На слова поэта два хора написал Даргомыжский (для незаконченной оперы «Рогнеда»).

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокую!
Певень ударил крылом,
Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче веди под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю!

<1831>

Иван Иванович Лажечников родился в 1794 году в Коломне, умер в 1869 году в Москве. Он участвовал в Отечественной войне 1812 года, в заграничных походах 1813—1814 годов. Выйдя в отставку (1819), служил директором училищ в Пензенской и Казанской губерниях. Известность Лажечникову принесли исторические романы «Последний Новик» (1833), «Ледяной дом» (1835), «Басурман» (1836). Перу его принадлежат также драмы, которые успеха не имели. Песни на тексты из романа «Последний Новик» написаны А. А. Алябьевым.

360. <ИЗ РОМАНА «ПОСЛЕДНИЙ НОВИК»>

Сладко пел душа-соловушка
В зеленом моем саду;
Много-много знал он песен,
Слаще не было одной.

Ах! та песнь была заветная,
Рвала белу грудь тоской;
А всё слушать бы хотелось,
Не расстался бы век с ней.

Вдруг подула с полуночи,
Будто на сердце легла,
Снеговая непогодушка
И мой садик занесла.

Со того ли со безвременья
Опустел зеленый сад;
Много пташек, много песен в нем,
Только милой не слышать.

Слышите ль, мои подруженьки,
В зеленóm моем саду
Не поет ли мой соловушко
Песнь заветную свою?

«Где уж помнить перелетному, —
Мне подружки говорят, —
Песню, может быть, постылую
Для него в чужом краю?»

Нет, запел душа-соловушко
В чужой-дальней стороне;
Он всё горький сиротинушка,
Он всё тот же, что и был;

Не забыл он песнь заветную,
Всё про край родной поет,
Всё поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

<1831>

При жизни поэта его стихотворения не вошли в песенный репертуар. В песенники и лубок они проникли в конце 1840-х — начале 1850-х годов. При большом количестве романсов на слова Лермонтова лишь немногие могут считаться удачными.¹ Наиболее известны «Парус» и «Горные вершины» А. Варламова, «Мне грустно...» А. Даргомыжского, «Сон» М. Балакирева, «Желание» А. Рубинштейна, «Утес» Н. Римского-Корсакова, «Она поет, и звуки тают...» Ц. Кюи, «Любовь мертвеца» П. Чайковского. На тексты Лермонтова писали также А. Алябьев («Черкесская песня»), А. Гурилев («И скучно и грустно...»), М. Глинка («Слышу ли голос твой...», «Молитва»), Н. А. Титов («Горные вершины») и многие другие. Циклы романсов создали М. Балакирев, А. Варламов, А. Даргомыжский, Направник, Н. Римский-Корсаков, А. Рубинштейн, Н. П. Огарев, Полина Виардо-Гарсна. Кроме публикуемых стихотворений наибольшее внимание композиторов привлекли: «Слышу ли голос твой...» (более 20 романсов), «Расстались мы...» (более 15 романсов), «Мне грустно...» (13 романсов), «У врат обители святой...» (12 романсов), «Вверху горит одна звезда...», «Сосна», «Она поет, и звуки тают...», «Еврейская песня» (более 10 романсов на каждый текст) и др. В XIX — начале XX века было положено на музыку свыше 70 произведений Лермонтова. Из советских композиторов наиболее плодотворно работали над музыкальным воплощением его стихов Б. Асафьев (вокальный цикл «Лирические страницы»), Н. Мясковский (12 романсов), Г. Свиридов (7 романсов), С. Василенко; романсы писали также С. Прокофьев («Ветка Палестины»), Д. Шоста-

---

¹ С. Булич, Лермонтов и русская музыка. — М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 5, СПб., 1913, с. 230; Игорь Глебов, Русская поэзия в русской музыке, Пг., 1922, с. 8—9.

кович («Баллада», «Утро Кавказа») и др.¹ Сравнительно немногие песни на стихотворения Лермонтова проникли в устный репертуар народных масс.² Наибольшую популярность приобрели «Узник», «Кавачья колыбельная», «Тростник», «Воздушный корабль» и «Выхожу один я на дорогу...» (последние две — преимущественно в городской среде).

361. АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

---

¹ См.: М. Ю. Лермонтов в романсах и песнях советских композиторов, М. — Л., 1941 (произведения 26 авторов); М. Ю. Лермонтов в романсах советских композиторов, М. — Л., 1951 (10 романсов, из них 8 — новых); Е. К а н н, М. Ю. Лермонтов и музыка, М., 1939.

² Г. Виноградов, Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе. — «Литературное наследство», т. 43—44, 1941, с. 353—388.

362. ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Август 1832

363. ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,

И много слез горючих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок-любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на́ берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

1832

364. РУСАЛКА

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
    Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
    Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у мня
    Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
    Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков,
    Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
    Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковых кудрей
    Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
    Целовали красавца не раз;

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
    Остается он хладен и нем,
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
    Он не дышит, не шепчет во сне! . . .»

Так пела русалка над синей рекой,
    Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
    Отраженные в ней облака.

1832

365. БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
    Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
    Про день Бородина!»

— «Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам. . .
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений! . .
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой! . .

Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы».

1837

366. УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле

Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

367. МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

368. И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё так ничтожно.

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий
недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка... .

Январь 1840

369. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

370. СОСЕДКА

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит чассовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки! . .
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду. . .
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка. . .
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Март или апрель 1840

371. ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Апрель 1840

372. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою,
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою.
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью. . .
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой. . .
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью! . .
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю. . .
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою. . .
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840

873. ИЗ ГЕТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

374

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

375. СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

376. ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Машил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнѹх.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчѹг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

Александр Александрович Шаховской родился в 1777 году в с. Беззаботное Ельпинского уезда Смоленской губ. Умер он в 1844 году. По окончании Благородного пансиона при Московском университете он служил в гвардии (до 1802 г.). Выйдя в отставку, Шаховской посвятил себя литературе и театру, служил в репертуарном комитете.

Славу Шаховскому принесли его многочисленные комедии, оперы и водевили 1810-х — начала 1830-х годов. Многие песни из них были в свое время популярны, а некоторые вошли в устный репертуар. Кроме публикуемого текста известна «Сандрильона» («Я скромна, тиха, уединенна...») из комической оперы «Любовная почта» (с муз. Кавоса, 1806), а также песни «Знают турки нас и шведы...» (из оперы «Казак-стихотворец», с муз. Кавоса, 1812), «Не сокол в небесах...» (из оперы-водевиля «Крестьяне», муз. С. Титова, 1815), «Не шумите, ветры буйные...» (из драмы «Рославлев», муз. Варламова, 1832). В «Двумужнице», кроме публикуемой, имеется еще несколько песен: «Под кустиком, под ракитовым...», «Не знавал я рода-племени...» и др. (музыка Ю. Арнольда, А. Варламова),

378. <ИЗ ДРАМЫ «ДВУМУЖНИЦА»>

Вверх по Волге с Нижня города
Снаряжен стружок что стрела летит,
А на том стружке на снаряженном
Удалых гребцов сорок два сидит.
Да один из них призадумался,
Призадумался, пригорюнился.

Отчего же ты, добрый молодец,
Призадумался, пригорюнился?
«Я задумался о белом лице,
Загорюнился о ясных очей:
Всё на ум идет красна девица,
Всё мерещится ненаглядная!
Аль за тем она на свет родилася
Лучше, краше солнца ясного,
Ненагляднее неба чистого,
Чтоб лишить меня света белого,
Положить во гроб прежде времени?
Я хотел бы позабыть о ней,
Рад-радехонек не любить ее —
Да нельзя мне позабыть о ней,
Невозможно не любить ее!
Если ж девица да не сжалится
Надо мною, горемыкою,
Так зачем же и на свете жить
Мне безродному, бесприютному!
Уж хоть вы, братцы-товарищи,
Докажите мне дружбу братскую:
Бросьте вы меня в Волгу-матушку,
Утопите грусть, печаль мою».

<1832>

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839), будучи студентом Московского университета, сблизился с Герценом и Огаревым. Одно время он был дружен и с А. Полежаевым. В июле 1834 года за сочинение публикуемой ниже песни Соколовский был арестован, заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда сослан в Вологду. Первое его печатное стихотворение — «Прощание» («Галатей», 1830, кн. 17). Известность он приобрел как автор поэмы «Мирозданье» (М., 1832). Стихотворения Соколовского печатались в «Современнике» (1837), «Библиотеке для чтения», «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», «Утренней заре», но отдельным изданием не выходили. Перу Соколовского принадлежат также поэмы «Хеверь» (1837), «Разрушение Вавилона» (1839) и «Альма» (не издана). В своем творчестве Соколовский разрабатывал философские проблемы (часто в религиозном духе), писал вольнолюбивые песни. Герцен характеризует его как человека, имевшего «от природы большой поэтический талант», как автора «довольно хороших стихотворений».¹

379

Русский император
В вечность отошел:
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ:

---

¹ А. И. Герцен, «Былое и думы». — Полное собрание сочинений, т. 8, М., 1956, с. 210.

Едет к нам на царство
Константин-урод.
Но царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.
Манифест читая,
Сжалился творец:
Дал нам Николая,
С<укин> <сын!>. Подлец!

Начало 1830-х годов

Алексей Васильевич Тимофеев родился в 1812 году в с. Курмыш Симбирской губ., умер в 1883 году в своем имении в Саратовской губ. После окончания Казанского университета он был чиновником — сначала в Петербурге (до 1841 года, с перерывом на некоторое время, когда он находился в заграничном путешествии), затем в Одессе, Воронеже, Уфе, Москве. Первое его печатное произведение — драма «Разочарованный» (СПб., 1832). Сотрудничал он в «Сыне отечества» (1833—1835) и в «Библиотеке для чтения» (1835—1839). В 1830-е годы вышли в свет два сборника его стихотворений: «XII песен» (СПб., 1833) и «Песни» (СПб., 1835). Тогда же было издано и собрание сочинений Тимофеева в трех томах («Опыты», СПб., 1837). Литературная деятельность Тимофеева окончилась, в сущности, в 1843 году опубликованием нескольких стихотворений в «Маяке». Немногие его произведения появились лишь в 1874 году (в «Складчине») и в 1876-м (весьма неудачная поэма «Микула Селянникович, представитель земли», в 2-х томах). Лучшие стихотворения Тимофеева 1830-х годов, написанные в жанре «русской песни» и положенные на музыку А. Алябьевым, А. Варламовым и А. Даргомыжским, стали популярными песнями в демократических кругах русского общества. Кроме публикуемых текстов известны романсы А. Даргомыжского «Каюся, дядя, черт попутал...», «Баба старая» и «Старина».

380. ТОСКА ПО ОТЧИЗНЕ

Ах вы, ветры, ветры буйные,
Ветры буйные, залетные,
Принесите вы мне восточку
От родной моей сторонущки!

Там так ярко солнце красное,
Так свежи луга зеленые,
Там родная Волга-матушка,
Там звучна так песнь разгульная! . .

Скучно, душно, ветры буйные,
Жить в темнице разукрашенной,
Видеть небо всё туманное,
Слышать песни всё зловещие.
Всюду светит солнце красное,
Есть повсюду люди добрые;
Но нигде нет другой родины,
Нет нигде ее радушия.

Разнесите, ветры буйные,
Грусть-тоску мою, кручинушку,
Успокойте сердце бедное,
Всё изныло в злой неволюшке,
Так и рвется горемычное!
Скучно, горько на чужбине жить!
Посмотрел бы хоть на родину;
Хошь взглянул бы на родимый кров.

<1833>

381. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Не судите, люди, люди добрые,
Бесталанную головушку;
Не браните меня, молодца,
За тоску мою, кручинушку.

Не понять вам, люди добрые,
Злой тоски моей, кручинушки;
Не любовь сгубила молодца,
Не разлука, не навет людской.

Сердце ноет, ноет день и ночь,
Ищет, ждет, чего не ведая;
Так бы всё в слезах и таяло,
Так бы всё в слезах и вылилось.

Где вы, где вы, дни разгульные,
Дни былые — весна красная? ..
Не видать вас больше молодцу,
Не нажить ему прошедшего!

Расступись же ты, сыра земля,
Растворяйся, мой досчатый гроб!
Приюти меня в ненастный день,
Успокой мой утомленный дух!

<1833>

382. СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетелем были
Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утесы да бездны,
Постель постилали
Любовь да свобода! ..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посетили нас гости
По своей доброй воле!
Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали
Земля с небесами.
Гостей угощали
Багровые тучи.

Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая, —
Разбудило нас утро!
Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце
Играло с росой;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздыхнув, улыбнулась...

<1835>

383. СОЛОВЕЙ

«Соловей ты наш, соловушко,
Пташка вешняя, залетная!
Что повесил ты головушку,
Что сидишь ты всё нахохлившись?
Уж у нас ли ты соскучился!
Уж у нас ли не житье тебе!..»

— «Ах вы, пташки мои, пташечки,
Конопляночки, касаточки,
Всем житье у вас привольное,
Всем раздолье поднебесное...
Только слишком, слишком холодно,
Слишком много черных коршунов!

Ветер дышит белым инеем;
Небо вечно словно в трауре;
Утро бледно, словно мертвое;
Вечер пасмурен, как ненависть;
Майский полдень смотрит полночью,
Лето красное — злой осенью;
Солнце светит всё по-зимнему —
Ярко, чисто, словно золото,
И как золото ж и холодно! . .
День и ночь сиди насто́роже:
То и жди, что ястреб с коршуном
Налетят на беззащитного;
То и жди, что солнце красное
Заморозит неприютного. . .»

— «Соловей ты наш, соловушко;
Пташка вешняя, залетная!
Солнце светит не у нас одних,
Свету божью и пределов нет;
Поищи ж страны без коршунов,
Без морозов и без осени!»

<1835>

884. РАЗЛУКА

Река шумит, река ревет,
Мой челн о брег кремнистый бьет.
Сердит и страшен говор волн. . .
Прости, мой друг! — Лети, мой челн!

Лети, лети, несись, гуляй! . .
Мой друг, утешься, не рыдай!
Не изменю в стране чужой;
И здесь, и там, — везде я твой!

Река шумит, река ревет,
Меня манит, меня зовет. . .
Прости! увидимся ль опять? . .
К разлуке нам не привыкать!

Прости, мой друг!.. и челн летит,
Подруга с берега глядит,
Страшной, страшной валы в реке, —
И... челн исчезнул вдалеке.

<1835>

385. ПИРАТЫ

Мы живем среди морей
В кораблях летучих,
Лес наш — тучи, соловей —
Плеск валов гремучих.

Не посеявши, мы жнем;
Не прося, имеем;
День проходит полуднем;
Будни — юбилеем.

Если ж праздник задаем
Перед общей сменой —
Облака горят огнем,
Море брызжет пеной.

Нам не нужны ни друзья,
Ни отцы, ни сваты;
Не роднясь, мы все родня;
Не женясь, женаты.

Корабли и острова
Дань несут без платы...
В небе царствуют грома,
На море — пираты!

17 февраля 1835
Венеция

386. ВЫБОР ЖЕНЫ

Не женись на умнице,
На лихой беде!
Не женись на вдовушке,
На чужой жене!

Женишься на вдовушке —
Старый муж придет;
Женишься на умнице —
Голову свернет.

Не женись на золоте,
Тестевом добре!
Не женись на почестях,
Жениной родне!

Женишься на золоте —
Сам продашь себя;
Женишься на почестях —
Пропадай жена!

Много певчих пташечек
В божиих лесах;
Много красных девушек
В царских городах.

Загоняй соловушку
В клеточку твою;
Выбирай из девушек
Пташечку-жену.

<1837>

387. ТОСКА

«Оседлаю коня, коня быстро;
Полечу, понесусь легким соколом
От тоски, от змеи, в поле чистое;
Размечу по плечам кудри черные,
Разожгу, распалю очи ясные —
Ворочусь, пронесусь вихрем, вьюгою;
Не узнает меня баба старая!

Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забренчу в гусли звонкие;
Побегу, полечу к красным девушкам —
Прогуляю с утра до ночной звезды,
Пропирую с зари до полуночи,
Прибегу, прилечу с песней, с посвистом;
Не узнает меня баба старая!»

— «Полно, полно тебе похвалиться, князь!
Мудрена я, тоска, — не схоронишься:
В темный лес оберну красных девушек,
В гробовую доску — гусли звонкие,
Изорву, иссушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню с света божьего;
Изведу я тебя, баба старая!»

Не постель послана в светлом тереме —
Черный гроб там стоит с добрым молодцем;
В изголовье сидит красна девица,
Горько плачет она, что ручей шумит,
Горько плачет она, приговаривает:
«Погубила тоска друга милого!
Извела ты сго, баба старая!»

<1838>

§88. БОРОДА

Борода ль моя, бородушка!
Борода ль моя бобровая!
Поседела ты, бородушка,
До поры своей, до времени!
Поведешь, бывало, гаркнувши,
Усом черным, молодецким —
Красна девица огнем горит,
Дочь боярска тает в полыми;
Прикушу тебя, косматую, —
Басурманин злой с коня летит,
Дряблый немец в нору прячется.
Занесло тебя, родимую,
Да не снегом, да не инеем —
Сединой лихой, кручиною;

Растрепал тебя, кудрявую,
Да не ветер, да не лютый враг —
Растрепал тебя нежданный гость,
Что нежданный гость — змея-тоска,
Борода ль моя, бородушка!
Борода ль моя бобровая!

<1863>

Андрей Порфирьевич Серебрянский (Сребрянский) родился в 1810 году в с. Козловка Бобровского уезда Воронежской губ., умер в 1838 году. По окончании Воронежской семинарии он учился сначала в Московском университете (на медицинском факультете), а затем в Петербургской медико-хирургической Академии, которую не закончил вследствие тяжелой болезни (туберкулез). Во время учения в семинарии Серебрянский объединил вокруг себя молодежь; в его литературно-философский кружок входил и юный Кольцов. Серебрянский и его товарищи увлекались музыкой и пением. Сам Серебрянский отличался широтой интересов; в частности, ему принадлежит статья «Мысли о музыке». Написанные во время пребывания в семинарии и университете стихотворения Серебрянского не оригинальны: в них ощущается влияние Державина, а также Карамзина и других писателей-сентименталистов начала XIX века. Большая часть его стихотворений — элегии, но есть у него и опыты в жанре «русской песни», близкие к ранним стихам Кольцова. Из всех произведений Серебрянского только его «Вино» стало песней и вошло в устный репертуар задолго до опубликования. Стихотворения Серебрянского собраны А. Путинцевым в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1906 год», в приложении к статье «Андрей Порфирьевич Серебрянский».

389. ВИНУ

Быстры, как волны, дни нашей жизни,
Что час, то короче к могиле наш путь.

Напемим янтарной струею бокалы!
И краток и дорог веселый наш миг.

Будущность тёмна, как осени ночи,
Прошедшее гибнет для нас навсегда;

Ловите ж минуты текущего быстро,
Как знать, что осталось для нас впереди?

Умрешь — похоронят, как не был на свете;
Сгниешь — не восстанешь к беседе друзей.

Полнее ж, полнее забвения чашу!
И краток и дорог веселый наш миг.

Начало 1830-х годов

Василий Иванович Туманский родился в 1802 году в с. Чертоги Глуховского уезда Черниговской губ., умер в 1860 году в с. Апанасовка Гадячского уезда Полтавской губ. Учился Туманский в харьковской гимназии, затем в Петропавловском училище в Петербурге и в «Collège de France» (Париж), служил в канцелярии М. С. Воронцова в Одессе, был на дипломатической службе (до 1840 г.), затем помощником статс-секретаря Государственного совета (по 1850 г.). Состоял в «Вольном обществе любителей российской словесности», был близок к декабристским кругам. Он сотрудничал во многих периодических изданиях 1820—1840-х годов, как поэт принадлежал к романтическому направлению в русской поэзии. Первое его печатное стихотворение — «Поле Бородинского сражения» («Сын отечества», 1817, № 50). Кроме публикуемых стихотворений в песенниках встречаются: «Зачем в душе моей волненье. . .», «Когда всё пирует и плещет вокруг. . .». На слова стихотворения Туманского «Звено» («Былых страстей, былых желаний. . .») романс написал Балакирев.

390. ПЕСНЯ

(Посвящена А. О. Смирновой)

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно,
А эти не глядят, а взглянут
Так — словно царь властительный.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,

А тут не слезы, а угрозы,
А то и слез не стало бы.

Те укрощали жизни волны,
Светили мирным счастьем,
А эти бурных молний полны
И дышат самовластьем.

Но увлекательно, как младость,
Их юное могущество,
О! я б за них дал славу, радость
И всё души имущество.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Хоть эти сердцу не родные,
Хоть эти непокорные.

Начало 1830-х годов

391. ДЕВА

Как мила ее головка
В белом облаке чалмы!
Как пристало ей раздумье
В томный час вечерней тьмы!

Как роскошно алой тканью
Обрисован гибкий стан!
Скажешь: розами одета,
Скажешь: гость волшебных стран.

А глаза — живые звезды —
Что за нега и краса:
В них сквозь влагу брызжут искры,
Сквозь огонь блестит роса.

Это гурия пророка,
Предвещающая рай;
О гяур! Гляди на деву
И желанием сгорай!

1836

Иван Петрович Мятлев (1796—1844) происходил из аристократического рода, получил домашнее образование. Он участвовал в заграничном походе 1813—1814 года, служил чиновником в министерстве финансов, был камергером. Первые стихотворные опыты Мятлева относятся к 1820-м годам. В 1830-е годы он издал два сборника (оба под названием «Собрание стихотворений», СПб., 1834 и СПб., 1835). Позже отдельные его произведения печатались в «Современнике», «Маяке», «Библиотеке для чтения» и в других изданиях. Известность ему принесли «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, даи л'этранже» в трех частях (1840—1844). Некоторые стихотворения Мятлева положены на музыку: «Бывало» (М. Внелгорский, А. Варламов), «Молодая пташечка» (А. Варламов), «Тарантелла» (М. Глинка, хор), «Сон» (И. Бородин, В. Золотарев). Кроме публикуемых текстов в песенниках встречается «Рыбак».

392. ПЛАВАЮЩАЯ ВЕТКА

Что ты, ветка бедная,
Ты куда плывешь?
Берегись — сердитое
Море, пропадешь!

Уж тебе не справиться
С бурною волной,
Как сиротке горькому
С хитростью людской.

Одолеет лютая,
Как ты ни трудись,
Далеко умчит тебя,
Ветка, берегись!

«Для чего беречься мне? —
Ветки был ответ, —
Я уже иссохшая,
Во мне жизни нет.

От родного дерева
Ветер оторвал;
Пусть теперь несет меня,
Куда хочет, вал.

Я и не противлюся:
Мне чего искать?
Уж с родным мне деревом
Не срастись опять!»

<1834>

393. ФОНАРИКИ

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы гишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас;
Ночные караульщики,
Ваш, верно, зорок глаз?

Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидеть

И шепотом, украдкою
«Люблю» ему сказать?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет? . .
И вот они встречаются —
И радость и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную. . .
Заплаканы глаза,
Ее все жизни радости
Похитила гроза!

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке

Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль сироточку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб бедной ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте!
Ужель никто не сжалится,
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Быть может, не заметили? ..
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею,
Фонарщик их зажег;

Но чувства прозорливости
Им передать не мог.

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой!
Чиновники, сановники —
Все люди с головой!

Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.
Им даже не приказано
Вокруг себя смотреть;
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть! . .
Да и гореть, покудова
Кто не задует их! . .
Так что ж им и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой!
Чиновники, сановники —
Все люди с головой!

Начало 1840-х годов

394. ЗВЕЗДА

Звезда, прости! — пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою,
С тобою я привык мечтать,
А я теперь живу мечтою.

И даст ли мне тревожный сон
Отраду ложного виденья?
Нет, чаще повторяет он
Дневные сердцу впечатленья.

А ты, волшебная звезда,
Неизменяемая сияешь,
Ты сердцу грустному всегда
О лучших днях напоминаешь.

И к небу там, где светишь ты,
Мои стремятся все желанья...
Мои там сбудутся мечты.
Звезда, прости же! до свиданья!

Николай Филиппович Павлов (1803—1864) происходил из крепостных крестьян. Учился он в Московском театральном училище и университете, был актером, служил в суде. Первое его опубликованное произведение — басня «Блестки» (1822). Стихи Павлов печатал в «Мнемозине», «Московском вестнике», «Галатее», «Московском телеграфе». Состоял в «Обществе любителей российской словесности». Известность Павлову принесли его «Три повести» (1835). Перу Павлова принадлежат также водевили, куплеты из которых пользовались популярностью, ряд критических статей, опубликованных в 1850-е годы в «Русском вестнике», книга «Об источниках и формах русского баснословия» (1859). В последние годы своей жизни он редактировал реакционную газету «Наше время». Отдельным изданием стихи Павлова в свет не выходили; по свидетельству Е. Ростопчиной, они часто распространялись анонимно.¹ Как поэт он принадлежал к романтическому направлению; лучшие его элегические стихи привлекли внимание композиторов.

395. РОМАНС

Не говори ни да, ни нет,
Будь равнодушной, как бывало,
И на решительный ответ
Накинь густое покрывало.

Как знать, чтоб да и нет равно
Для сердца гибелью не стали?
От радости ль сгорит оно,
Иль разорвется от печали?

---

¹ «Русская старина», 1885, № 3, с. 692.

И как давно, и как люблю,
Я на душе унылой скрою;
Я об одной судьбу молю —
Чтоб только чаще быть с тобою.

Чтоб только не взошла заря,
Чтоб не рассвел тот день над нами,
Как ты с другим у алтаря
Поникнешь робкими очами!

Но, время без надежд губя
Для упоительного яда,
Зачем я не сводил с тебя
К тебе прикованного взгляда?

Увы! Зачем прикован взор,
Взор одинокий, безнадежный,
К звездам, как мрачный их узор
Рисуется в дали безбрежной? ..

В толпе врагов, в толпе друзей,
Среди общественного шума,
У верной памяти моей
Везде ты, царственная дума.

Так мусульманин помнит рай
И гроб, воздвигнутый пророку;
Так, занесенный в чуждый край,
Всегда он молится востоку.

<1830>

396. РОМАНС

Она безгрешных сновидений
Тебе на ложе не пошлет,
И для небес, как добрый гений,
Твоей души не сбережет;
С ней мир другой, но мир прелестный,
С ней гаснет вера в лучший край. . .
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Нет у нее бесплотных крылий,
Чтоб отделиться от людей;
Она — слиянье роз и лилий,
Цветущих для земных очей.
Она манит во храм чудесный,
Но этот храм — не светлый рай,
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Вглядись в пронзительные очи —
Не небом светятся они:
В них есть неправедные ночи,
В них есть мучительные дни.
Пред троном красоты телесной
Святых молитв не зажигай...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Она — не ангел-небожитель,
Но, о любви ее моля,
Как помнить горную обитель,
Как знать, что — небо, что земля?
С ней мир другой, но мир прелестный,
С ней гаснет вера в лучший край...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Первая половина 1834

397

Не говори, что сердцу больно
От ран чужих;
Что слезы катятся невольно
Из глаз твоих!

Будь молчалива, как могилы,
Кто ни страдай,
И за невинных бога силы
Не призывай!

Твоей души святые звуки,
Твой детский бред —
Перетолкует всё от скуки
Безбожный свет.

Какая в том тебе утрата,
Какой подрыв,
Что люди распинают брата
Наперерыв?

1853

398

Надуты губки для угрозы,
А шепчут нежные слова.
Скажи, откуда эти слезы —
Ты так не плакала сперва.

Я помню время: блеснут, бывало,
Две-три слезы из бойких глаз,
Но горем ты тогда играла,
Тогда ты плакала, смеясь.

Я понял твой недуг опасный:
Уязвлена твоя душа.
Так плачь же, плачь, мой друг прекрасный,
В слезах ты чудно хороша.

<1860>

Петр Павлович Ершов родился в 1815 году в с. Безруково Ишимского уезда Тобольской губ., умер в 1869 году в Тобольске. Он учился в тобольской гимназии, затем на философско-юридическом факультете Петербургского университета, по окончании которого два года жил в столице (1834—1836), занимаясь литературной деятельностью, затем был учителем Тобольской гимназии и наконец, директором училищ Тобольской губернии до отставки в 1865 году. Первые литературные опыты Ершова относятся к гимназическим годам. Славу ему принесла сказка в стихах «Конек-Горбунок» (1834). Перу Ершова принадлежат также стихотворения и оперные либретто («Сибирский день» с муз. К. Волицкого). Сотрудничал Ершов в «Библиотеке для чтения» и «Современнике», где, в частности, была опубликована поэма «Сузге». Лирические стихи Ершова мало примечательны, но два публикуемых его произведения получили песенную жизнь. Кроме них Ершов написал «Песню казачки» («Полетай, мой голубочек...») из поэмы «Сибирский казак» и «Русскую песню» («Уж не цветь цветку в пустыне...»), которая, с муз. В. Сабуровой, вошла в устный репертуар населения Прииртышья (И. Коровкин, Народные песни Западной Сибири. — «Омский альманах», 1945, кн. 5). К жанру песни Ершов обратился также в не опубликованном при жизни либретто оперы «Страшный меч» (1835).

399. МОЛОДОЙ ОРЕЛ

Как во поле во широком
Дуб высокий зеленел;
Как на том дубу высоком
Млад ясён орел сидел.

Тот орел ли быстрокрылый
Крылья мочные сложил

И к сырой земле уныло
Ясны очи опустил.

Как от дуба недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет.

Шею выгнув горделиво,
Хвост раскинув над водой,
Лебедь белая игриво
Струйку гонит за собой.

«Что, орел мой быстrokрылый,
Крылья мочные сложил?
Что к сырой земле уныло
Ясны очи опустил?»

Аль не видишь — недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет?

Мочны крылья опустились?
Клёв ли крепкий ослабел?
Сильны ль когти притупились?
Взор ли ясный потемнел?

Что с тобою, быстrokрылый?
Не случилась ли беда?»
Как возговорит уныло
Млад ясён орел тогда:

«Нет, я вижу: недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет.

Мочны крылья не стареют,
Крепкий клёв не ослабел,
Сильны когти не тупеют,
Ясный взор не потемнел.

Но тоска, тоска-кручина
Сердце молодца грызет,
Опостыла мне чужбина,
Край родной меня зовет.

Там, в родном краю, приволье
По поднебесью летать,
В чистом поле, на раздолье
Буйный ветер обгонять.

Там бураном выются тучи;
Там потоком лес шумит;
Там дробится гром летучий
В быстром беге о гранит.

Там средь дня в выси далекой
Тучи полночи висят;
Там средь полночи глубокой
Льды зарницами горят.

Скоро ль, скоро ль я оставлю
Чужеземные край?
Скоро ль, скоро ль я расправлю
Крылья мочные мои?

Я с знакомыми орлами
Отдохну в родных лесах;
Я взнесусь над облаками,
Я сокроюсь в небесах».

<1834>

**460. <ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
«ФОМА КУЗНЕЦ»>**

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет;
Ох! идет кузнец, идет,
Песни с посвистом поет.
Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

Соловьем слова раскатит,
Дробью речь он поведет;
Ох! речь дробью поведет,
Словно меду поднесет.
Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

«Полюби, душа Параша,
Ты лихого молодца;
Ох! лихого молодца,
Что в Тобольске кузнеца».
Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

«Как полюбишь, разголубишь,
Словно царством подаришь,
Ох! уж царством подаришь,
Енералом учинишь».
Тук! тук! в десять рук
Приударим, братцы, вдруг!

<1835>.

Федор Алексеевич Кони родился в 1809 году в Москве, умер в 1879 году в Петербурге. С 1827 по 1833 год Кони учился в Московском университете (на философском, а затем медицинском факультете), позже преподавал историю в учебных заведениях Москвы и Петербурга (по 1849 г.). Первые литературные опыты его относятся ко времени пребывания в университете (перевод мелодрамы В. Дюканжа «Смерть Калхаса»; поставлена в 1829 году). Известность Кони принесли его водевили. Первый из них, «Жених по доверенности», напечатан в 1833 году. Всего им написано свыше тридцати водевилей. Кони редактировал театральные журналы: «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840—1841), «Репертуар и Пантеон» (1846—1852) и «Пантеон» (1852—1856), где публиковал свои статьи. Ему принадлежит также «История Фридриха Великого» (СПб., 1844) и ряд переводов — из Гёте, Беранже, Мицкевича и других поэтов. Из стихотворений Кони (отдельно они не издавались) популярность приобрела публикуемая баркарола. На его тексты Варламовым написана «Песнь барда» и романс «Рано, цветик, рано ты...» (из водевиля «Деловой человек, или Дело в шляпе», 1840). «Испанская канцонетта» положена на музыку Ф. Толстым.

401. ГОНДОЛЬЕР

В. П. Боткину

Voilà bien la Venise du poète!

Sophie Gay¹

«Гондольер молодой! Взор мой полон огня,
Я стройна, молода. Не свезешь ли меня?
Я к Риальто спешу до заката!

---

¹ Вот она, Венеция поэта! *Софи Ге* (франц.). — *Ред.*

Видишь пояс ты мой, с жемчугом, с бирюзой,
А в середине его изумруд дорогой? . .
Вот тебе за провоз моя плата».

— «Нет, не нужен он мне, твой жемчужный убор;
Ярче камней и звезд твой блистательный взор,
Но к Риальто с тобой не плыву я:
Гондольер молодой от синьор молодых
Не берет за провоз поясов дорогих, —
Жаждет он одного поцелуя!»

— «Ах, пора! На волнах луч последний угас,
А мне срока дано на один только час, —
Гондольер, подавай мне гондолу!
Помолюсь за тебя я ночным небесам,
Целовать я тебе руку белую дам,
А вдобавок спою баркаролу!»

— «Знаю я: голос твой звучной флейты звучней,
Знаю я, что рука морской пены белей,
Но к Риальто с тобой не плыву я!
Сам могу я запеть, — мне не нужно октав,
Мне не нужно руки — хладных сердцу отрав,
Одного жажду я поцелуя!»

— «Вот мой яшмовый крест — в Палестине найден,
И святейшим отцом в Риме он освящен,
А при нем и янтарные четки!»
— «Крестик ты сбереги, — я и сам в Риме был,
К папе я подходил, и крестом осенил
Он меня, мои весла и лодки!»

И я видел потом, как, любуясь луной,
Плыл с синьорой вдвоем гондольер молодой,
А над ними ветрило играло.
Он был весел и пел, и ей в очи смотрел,
И на щечке у ней поцелуй пламенел,
И Риальто вдали чуть мелькало.

<1835>, <1841>

Василий Иванович Красов родился в 1810 году в Кадникове Вологодской губ. Умер он в Москве в 1854 году. Как сыну священника, Красову пришлось учиться в духовном училище, затем в Вологодской семинарии. Не кончив здесь курса, он добился исключения и поступил в Московский университет. Здесь он сблизился с Белинским и вошел в кружок Станкевича. Позже Красов учительствовал в черниговской гимназии и некоторое время был адъюнктом в Киевском университете, но с 1839 года снова вернулся к преподавательской деятельности в средних учебных заведениях. Первые литературные опыты Красова относятся ко времени пребывания в семинарии, стихотворение «Куликово поле» появилось в «Телескопе» в 1832 году. В июле 1833 года студенческий хор на университетском акте исполнил кантату на слова Красова с музыкой Д. Кашина. Сотрудничал Красов в «Московском наблюдателе», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках». При жизни поэта его стихотворения отдельным сборником не издавались. Красов создал цикл «русских песен», близких по манере к кольцовской лирике (музыка П. Булахова). На музыку положены, кроме публикуемых, — «Сара» (П. Булахов) и «Ночной товарищ» (П. Воротников).

402. ПЕСНЯ

Взгляни, мой друг, — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка.

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут;

Оставь же мне и гром и непогоды...
Они твое блаженство унесут!

Прости, забудь, не требуй объяснений...
Моей судьбы тебе не разделить...
Ты создана для тихих наслаждений,
Для сладких слез, для счастья любить!

Взгляни, взгляни — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка!

<1835>

403. ПЕСНЯ

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила...

Мой ангел милый —
Он не дышит боле;
Он лежит в могиле
На кровавом поле.

Увяла младость!
Такова ль была я?
Ах, на что мне радость!
И зачем жива я!..

Лишь им дышала,
Лишь ему клялася;
С ним я всё узнала...
И как жизнь неслася!

В тени черешен,
В тишине глубокой
Кто так был утешен
На груди высокой?..

Наш край спасая,
Но тая разлуку,
Он стоял, рыдая, —
Молча сжал мне руку.

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила!

<1838>

404. СТАНСЫ

Опять пред тобой я стою очарован,
На черные кудри гляжу, —
Опять я тоской непонятной взволнован
И жадных очей не свожу.

Я думаю: ангел! какую цену
Куплю дорогую любовь?
Отдам ли я жизнь тебе, с жалкой борьбою,
С томленьем печальных годов?

О нет! — но, святыней признав твою волю,
Я б смел об одном лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю --
Заставь меня вновь полюбить!

<1841>

405. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О! приди ко мне скорее,
В заповедный час, —
Здесь никто в густой аллее
Не увидит нас.

Полный робкого желанья
Средь ночной тиши,
Я несу тебе признанья,
Всю любовь души.

С милых уст я поцелуя
    Жду лишь для себя,
Да сказать тебе хочу я,
    Как люблю тебя!

О, приди же! Над закатом
    Уж звезда взошла,
И как дышит ароматом
    Тихой ночи мгла.

О, приди ж ко мне скорее,
    В заповедный час, —
Здесь никто в густой аллее
    Не увидит нас. . .

1840-е годы

Михаил Александрович Офросимов (1797—1868) — генерал, участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов и Крымской кампании 1853—1856 годов, в 1860-е годы был генерал-губернатором Москвы. Офросимов писал стихи, переводил с французского комедии и водевили, которые с успехом шли на сцене столичных театров («Мальтийский кавалер», «Плащ, или Муж, как и всякий», «Вертер, или Зablужденне чувствительного сердца», «Молодая вспльчивая жена», «Дружба женщин»). Некоторые его стихотворения, положенные на музыку Н. А. Титовым, также пользовались известностью.

406. КОВАРНЫЙ ДРУГ

Коварный друг, но сердцу милый,
Я дал обет забыть твой ков,
Мои мечты, мою любовь, —
Забыть всё то, что в жизни льстило.

Молил тебя не нарушать
Отраднй мир уединенья,
Но ты, жестокая, опять
Мое тревожишь сновиденье.

Зачем тому твое участие,
Над кем лежит судьбы рука?
Ужель страдальца, бедняка
Завиден так и призрак счастья?

Когда любви моей святой
Тебе внимать не приказали,—
Оставь меня скорбеть душой,
Ты не поймешь моей печали.

<1835>

Евгений Павлович Гребенка родился в 1812 году в поместье Убежище, подле г. Пирятина Полтавской губ., умер в 1848 году в Петербурге. Он учился в нежинской гимназии высших наук, служил в Казачьем полку (1831—1834), затем в комиссии духовных училищ и занимался педагогической деятельностью в различных учебных заведениях Петербурга. Первые литературные опыты Гребенки на украинском языке относятся ко времени его пребывания в гимназии. В печати он дебютировал переводом на украинский язык отрывка из «Полтавы» Пушкина («Московский телеграф», 1831, № 17) и одновременно — стихотворением «Рагдаев пир» (харьковский «Украинский альманах на 1831 год»). Известность Гребенка приобрел своими повестями, рассказами, очерками («Рассказы пирятинца», «Верное лекарство», «Записки студента», «Путевые записки зайца», «Кулик», «Иван Иванович», «Приключения синей ассигнации» и др.) и романом «Чайковский». Как писатель Гребенка принадлежит к гоголевскому направлению в русской литературе. Гребенка написал свыше сорока стихотворений на русском языке; они печатались с 1833 по 1845 год, отдельным сборником не издавались. Некоторые из них стали популярными песнями и фольклоризировались. Кроме публикуемых текстов Гребенке принадлежат песни: «В поднебесье мчатся тучи...», «На душе свободно...», «Светла речка под окном...», «Бело личко, черны брови...» и «Романс» («Слыхали ль вы, когда в дубраве темной...»). Некоторые из этих произведений написаны по мотивам украинских народных песен.

407. КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ

(Украинская мелодия)

Поехал далёко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украину навеки покинул —
Ему не вернуться в отеческий дом!
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечер на север глядит,
Всё ждет да пождет — из полночного края
К ней милый когда прилетит.

Далеко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где двинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости лежат.
Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах,
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощепечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!»

1837

408. ПОЧТАЛЬОН

Скачет, форменно одет,
Вестник радостей и бед.
Сумка черная на нем,
Кивер с бронзовым орлом,

Сумка с виду хоть мала —
Много в ней добра и зла:
Часто рядом там лежит
И банкротство, и кредит;

Клятвы ложные друзей,
Бред влюбленного о *ней*;

Без расчетов — так, сплеча —
Спесь и гордость богача;

И педанта чепуха;
Голос вкрадчивый греха
И невинности привет...
И — чего в той сумке нет!

Будто посланный судьбой,
Беспристрастной рукой
Радость, горе, смех и стон
Рассыпает почтальон.

Он весь город обскакал;
Конь едва идет — устал...
Равнодушно вестник мой
Возвращается домой.

А где был он — может быть,
Станут долго слезы лить
О потерянных друзьях,
О несбывшихся мечтах...

Или в радости живой
Лить шампанское рекой...
Где ж волшебник-почтальон?
Дома спит в чулане он.

<1841>

409. ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.

К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал... .

Он уехал... Долго я смотрела вслед:
Жарко стало мне, в очах мутился свет,

Целу ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —

К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно
стонал...

Я взглянула — вострепелася душой:
Это он, красавец барин молодой!

Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.

И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была...

<1841>

410. ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!

1843

Под псевдонимом Ниркомского писал неизвестный беллетрист и поэт 1830-х годов, автор «Трех повестей» (СПб., 1838). Возможно, что этот псевдоним — анаграмма фамилии Мокринский.

411. РУССКАЯ ПЕСНЯ

«Магушка, голубушка,
Солнышко мое!
Пожалей, родимая, —
Я — дитя твое!
Словно змея лютая
Так грудь и сосет
И целую ноченьку
Мне спать не дает.
Всё мне что-то грезится,
Будто наяву,
Уж когда ложуся я,
Молитву творю,
То залетной пташечки
Песенка слышна, —
Сердце замирает,
Так сладка она!
То мне что-то видится,
Размечуся я;
Сердечко встоскуется —
В огне лежу я!
Ни игры, забавушки
Не веселы мне:

Всё тоска-кручинушка
Въяве и во сне.
Что это, родимушка,
Сталось со мной?
Стало, приключился мне
Злой недуг какой?
Али нет, родимая,
Зелья пособить?»
— «Знать, приспело, дитятко,
Времечко любить!»

<1838>.

Нестор Васильевич Кукольник родился в 1809 году в Петербурге, умер в 1868 году в Таганроге. По окончании нежинской гимназии он преподавал русский язык и русскую литературу в виленской гимназии, а затем служил в канцелярии министра финансов, совершая частые разъезды по России. Кукольник отличался большой литературной плодовитостью. Первые его поэтические опыты относятся к 1820-м годам, когда, в частности, была начата драматическая фантазия в стихах «Торквато Тассо» (изд. в 1833 г.). Известность Кукольнику принесла драма «Рука всевышнего отечество спасла» (1834). Его перу принадлежат многочисленные драмы, повести и рассказы, которые написаны в духе реакционного лжепатриотизма. Как поэт Кукольник был эпигоном романтизма. Некоторые его стихи по выражаемому настроению оказались близки М. И. Глинке, который написал романсы «Вот место тайного свиданья...» (1837) и «Сомнение» (1838), цикл «Прощание с Петербургом» (1840), а также музыку к трагедии «Князь Холмский» (увертюра, антракты, песни; 1840). Композитор и музыкальный критик А. Н. Серов так характеризовал стихи Кукольника: «Тексты этих романсов, хотя и не имеют высокого достоинства поэтического, заключают в себе, однако, всегда идею, доступную музыке, момент или драматический, или внутренне сосредоточенный, лирический, и Глинка... создал на тексты Кукольника произведения большею частью образцовые».¹ Кроме Глинки на тексты Кукольника писали романсы М. Анцев, П. Веймарн, А. Контский, Д. Столыпин, А. Щербачев и другие малоизвестные композиторы. Стихотворения Кукольника отдельным изданием не выходили.

---

¹ А. Н. Серов, Избранные статьи, М. — Л., 1950, т. 1, с. 137.

412. СОМНЕНИЕ

Уймись, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
    Я плачу, я стражду, —
Душа истомилась в разлуке;
    Я стражду, я плачу, —
Не выплакать горя в слезах.
    Напрасно надежда
    Мне счастье гадает,
    Не верю, не верю
    Обетам коварным!
Разлука уносит любовь.
Как сон, неотступный и грозный,
Мне снится соперник счастливый,
    И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает,
    И тайно и злобно
Оружия ищет рука.
    Напрасно измену
    Мне ревность гадает,
    Не верю, не верю
    Коварным наветам.
Я счастлив, — ты снова моя.
Минует печальное время, —
Мы снова обнимем друг друга,
    И страстно и жарко
    С устами сольются уста.

Февраль 1838

413. ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей!
Где поет так громко
Над подружкой своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет.
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой. . .
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

11 июля 1840

**414. <ИЗ ДРАМЫ
«КНЯЗЬ ДАНИИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ХОЛМСКИЙ»>**

Ходит ветер у ворот:
У ворот красотку ждет.
Не дождешься, ветер мой,
Ты красотки молодой!
    Ай-люли, ай-люли,
    Ты красотки молодой!

С парнем бегаёт, горит,
Парню шепчет, говорит:
«Догони меня, дружок,
Нареченный муженек!
    Ай-люли, ай-люли,
    Нареченный муженек!»

Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Ветер дунул и затих:
Без невесты стал жених.
    Ай-люли, ай-люли,
    Без невесты стал жених.

Ветер дунул — и Авдей
Полюбился больно ей;
Стоит дунуть в третий раз —
И полюбится Тарас!
    Ай-люли, ай-люли,
    И полюбится Тарас!

Июнь 1840

Василий Степанович Межевич (1814—1849) учился в Московском университете, по окончании которого был учителем словесности. Он редактировал «Литературную газету» (1839) и журнал «Репертуар и Пантеон» (1843—1846). В кругу сотрудников журнала было немало любителей пения, собиравшихся обычно у Межевича.¹ Литературную деятельность Межевич начал переводами (1834). Перу его принадлежат также водевили «Выжигин» (1840) и «Друзья журналисты» (1840). Стихотворения Межевича отдельно не издавались. Кроме публикуемых текстов известен романс Варламова «Звездочка ясная».

415. <ИЗ ДРАМЫ
«АРТУР, ИЛИ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»>

Х о р

Что за жизнь моряка!
Как привольна, легка!
О земле не грустим,
Словно птица летим —
По волнам, по морям, —
Нынче здесь, завтра там!

А р т у р

Я моряк. . . Хорош собою,
Мне лишь двадцать лет.
Хочешь быть моей женою? . .

---

¹ См. воспоминания В. Зотова: «Исторический вестник», 1890, февраль, с. 335—337.

Что ж она в ответ?
Муж моряк — уедет в море,
А жену оставит в горе!
Нет, нет, нет, нет, нет! . .

Ветер в поле зашумел,
Парус полный забелел:
Ну, прощай, ну, прощай —
И, как звали, поминай!

Х о р

Что за жизнь моряка!
Как привольна, легка!
О земле не грустим,
Словно птица летим —
По волнам, по морям, —
Нынче здесь, завтра там!

А р т у р

Я моряк. . . Хорош собою,
Мне лишь двадцать лет.
Полюби меня душою. . .
Что ж она в ответ?
Ты, моряк, уедешь в море,
Полюблю другого с горя.
Без любви веселья нет. . .

Ветер в море зашумел,
Парус полный забелел.
Ну, прощай, ну, прощай —
И, как звали, поминай!

1839

416. РУССКИЕ ПЕСНИ

Что за песни, что за песни
Распевает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!

Золотые, удалые —
Не немецкие,
Песни русские, живые —
Молодецкие!

Как затянет, как зальется
Православный наш народ,
Ведь откуда что берется, —
Прямо к сердцу так и льнет! . .
Запоет про темну ночь
Иль про белые снега,
Про купеческую дочку,
Про шелковые луга;
Запоет про сине море
Иль про матушку-реку,
Про кручинушку и горе,
Про сердечную тоску;
Да как гаркнет: «Эй, калина,
Не шуми, дремучий бор!» —
Чуешь Руси-исполина
И раздолье и простор! . .
Русь и в песне-то могуча,
Широка и глубока,
И свободна, и гремуча,
И привольна, и звонка!
Ай да песни, что за песни
Распеваешь наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!
Золотые, удалые —
Не немецкие,
Песни русские, живые —
Молодецкие!

<1842>

С. И. Стромиллов — третьестепенный поэт 1830—1840-х годов. Сведения о его жизни малодостоверны. Стихи Стромилова встречаются в «Сборнике на 1838 год», в «Отечественных записках» конца 1830-х годов. Кроме публикуемых текстов известен романс А. Варламова «К птичке» («Благовестница природы...»); в песенниках встречается «Люблю я пламенные очи...».

417. ОЖИДАНИЕ

Зачем сидишь ты до полночи
У растворенного окна
И вдаль глядят печально очи?
Туманом даль заслонена!

Кого ты ждешь? По ком, тоскуя,
Заветных песен не поешь?
И ноет грудь без поцелуя,
И ты так горько слезы льешь?

Зачем ты поздною порою
Одна выходишь на крыльцо?
Зачем горячею слезою
Ты моешь тусклое кольцо?

Не жди его: в стране далекой
В кровавой сече он сражен.
Там он чужими, одинокий,
В чужую землю схоронен.

<1839>

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит;

Извела меня кручина,
Подколотная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1840-е годы

Эдуард Иванович Губер родился в 1814 году в Усть-Залике (Мессер) Саратовской губ., умер в 1847 году в Петербурге. Учился он в саратовской гимназии, затем в Петербурге в Институте корпуса инженеров путей сообщения, по окончании которого стал военным инженером, а в 1839 году перешел на гражданскую службу. Первые его литературные опыты относятся к началу 1830-х годов. Стихотворение «Разочарованный» появилось в «Северном Меркурии» (1831). Губер сотрудничал в «Современнике», «Русском инвалиде», «Библиотеке для чтения», «Русском вестнике», «Литературной газете», «С.-Петербургских ведомостях». Прижизненное собрание его произведений — «Стихотворения Э. Губера», СПб., 1845. Известность он приобрел в качестве переводчика «Фауста» Гете (на текст песни Маргариты музыку написал М. Глинка). Лирика Губера проникнута философскими раздумьями и религиозными настроениями, но иногда ей присущи и мотивы, характерные для последекабристской гражданской поэзии. Некоторые стихотворения Губера написаны в жанре песни («На душе свободной...» — на музыку положено А. Танеевым, А. Станюковичем) или романса («Любовь» — «Безумно жаждал новой встречи...», с музыкой А. Даргомыжского, Б. Шель). Кроме публикуемых текстов известны романсы А. Гурилева — «Душе», А. Варламова — «Море», «Под громом бури», Вильбоа — «Сладкой негой дыша...», М. Внелгорского — «Баркарола» («С моря туман поднимается...»), П. Макарова — «Встань, проснись, моя родная...».

419. НА ПОКОЙ

Тяжело, не стало силы,
Ноет грудь моя;
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?

На покой пора печали,
Время спать костям;
Душу страсти разорвали,
Время спать страстям.

А далеко ли? У гроба
Отдохнул бы я;
Отдохнули бы мы оба —
Я да грусть моя.

1841

420. СЕРДЦЕ

Поиграли бедной волею
Без любви и жалости,
Повстречались с новой долею —
Надоели шалости.

А пока над ним шутили вы,
Сердце к вам просилося;
Отшутили, разлюбили вы —
А оно разбилося.

И слезами над подушкою
Разлилось, распалось. . .
Вот что с бедною игрушкою,
Вот что с сердцем сталося.

1841

421. НОВГОРОД

Время пролетело,
Слава прожита;
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород Великий
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло;
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело —
Всё кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О свободных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн;
И опять задремлет,
Тайной думы полн.

Между 1839 и 1842

Владимир Александрович Соллогуб родился в 1813 году в Петербурге, умер в 1882 г. в Гамбурге. По окончании Дерптского университета он служил в министерстве иностранных дел, был атташе при русском посольстве в Австрии. Первые печатные произведения Соллогуба — повести «Два студента» и «Три жениха» (1837). Известность ему принесли «История двух калаш» (1839) и особенно — повесть «Тарангас» (1845) и изданный в 1847 г. сборник пьес «На сон грядущий», положительно оцененный Белинским. Соллогубу принадлежат также драма «Местничество» (1849) и водевиль «Беда от нежного сердца» (1850). Многие стихотворения В. А. Соллогуба, собранные в четвертом томе его прижизненного собрания сочинений (СПб., 1855—1856), самим автором определены как «альбомные». Лишь немногие из них написаны в жанре песни или романса: «Казачья песня», «Три серенады», «Старая песня» («Забывали вы и не сдержали...»). Последнюю на музыку положил А. Алябьев. На тексты Соллогуба романсы писали также Н. Брянский («Бабушка зима»), П. Булахов («Цыганка»), Г. Гонспорский («Аллаверды») и др.

422. СЕРЕНАДА

Н. М. Языкову

Закинув плащ, с гитарой под рукою,
К ее окну пойдем в тиши ночной,
И там прервем мы песнью молодую
Роскошный сон красавицы младой.
Но не страшись, пленительная дева,
Не возмутим твоих мы светлых снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль повестью студенческих грехов.

Нет, мы поем и тихо и смиренно
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,
И наша песнь — как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.
Звезда души! Богиня молодая!
Нас осветил огонь твоих очей,
И голос наш, на сердце замирая, '
Любви земной не выразит речей.

Мы здесь поем во тьме весенней ночи;
Ты ж, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь опять мечтательные очи,
Не расслыхав *воззванья* бурсаков;
Но нет. . . душой услышав серенаду,
Стыдясь во сне. . . ты песнь любви поймешь
И нехотя ночным певцам в награду
Их имена впросонках назовешь.

1830-е годы

Н. Анордист — фамилия или псевдоним издателя «Альманаха на 1840 год» (М., 1840). С этой подписью в печати появилось единственное произведение — «Сказка о прекрасной царевне» в стихах (М., 1840), представлявшее собою неудачную фольклорную стилизацию. Эта «Сказка» вызвала иронический отзыв в «Отечественных записках» (1840, т. II, отд. 6, с. 39). Хотя «Тройка» появилась в альманахе Анордиста без подписи, однако по утвердившемуся в литературе мнению она принадлежит самому издателю.

423. ТРОЙКА

Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, вихрь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мертвое кругом!

Вот на пути село большое, —
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилось ретивое,
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мне целый свет постыл;
Зачем, зачем приворожила,
Коль я душе твоей немил!

Кажись, мне песнью удаю
Недолго тешить ездока,
Быть может, скоро под землею
Сокроют тело ямщика!

По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдаль по дорожке столбовой!

И ты, девица молодая,
Быть может, тяжело вздохнешь;
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдешь?

В тоске, в кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: „В разлуке вечной —
С тобой красавица твоя!“»

В глазах тут слезы показались,
Но их бедняк не отирал;
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало,
Девица бедная в тоске;
Она безвременно увяла,
Грустя по бедном ямщике!

<1840>

Даты рождения и смерти Льва Николаевича Ибрагимова не установлены. Он был сыном поэта Н. М. Ибрагимова, автора известной песни «Вечерком красна девица...» (см. с. 293), учился в Казанском университете (1833—1837), по окончании которого был учителем гимназии — сначала в Казани, затем в Перми (по другим источникам — в Тагиле). При его жизни издан сборник «Стихотворения Льва Ибрагимова» (Казань, 1841). Прозаические и стихотворные произведения Ибрагимова печатались в «Библиотеке для чтения» и других журналах 1830-х годов. Среди стихотворений Ибрагимова некоторые выделяются искренностью чувства и простой выражения. Одни из них написаны в манере дружеских посланий, другие — в стиле песни и романа: «Колокольчик» («Под окошком сажу...»), «Романс» («Люби меня! Покуда младость...»), «Очи» («Очи девы-весны!...»), «Вакханальная песнь» («Что не веселы вы...»), «Русские песни» («Для меня ли, звезда ясная...», «Ах, ты помнишь ли...» и публикуемая).

424

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих! . .

Ах! как взглянешь ты, раскрасавица,
Мне тогда твои очи ясные
Ярче солнышка в небе кажутся,
Черней сумрака в ночь осеннюю! . .
И огнем горит, и ключом кипит
Кровь горячая, молодецкая;

Всё к тебе манит, всё к тебе зовет
Сердце пылкое, одинокое! . .

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!

И склоню к тебе я головушку
Свою буйную, разудалую;
Я отдам тебе свою волюшку,
Во чужих руках небывалую;
Я скажу тогда: ты прости навек,
Жизнь разгульная, молодецкая!
Мне милей тебя моя милая,
Душа-девица, раскрасавица!

<1841>

Николай Платонович Огарев (1813—1877) постоянно проявлял живой интерес к песням. Находясь в эмиграции, он принял участие в подготовке и издании нескольких песенных сборников: «Солдатские песни» (1862), «Свободные русские песни» (1863), «Лютня» (1869), «Вольный песенник» (1870). В них, наряду с песнями неизвестных авторов, печатались и произведения Огарева. Некоторые из своих стихотворений он сам же положил на музыку. Несколько стихотворений Огарева 1840-х годов стали популярными песнями. На его тексты писали музыку А. Алябьев, Ц. Кюи («Природа зноема для утолена...»), П. Чайковский («Ночная тьма безмолвие приносит...»), Р. Глиэр («Монологи» — «Чего хочу?.. Чего?..»; «У моря» — «Ночь и буря с черной мглою...»), В. Пасхалов («Дитячко, милость господня с тобою...») и другие композиторы. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречается «Была чудесная весна...». Известен также романс «Как дорожу я прекрасным мгновеньем...» (музыка Гурилева, Ареского).

425. ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

1840

426. КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то —
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая!
Да богат он, Ваня!
Наотрез откажет,
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара?
Скверная избушка!..
А оброк-то, Ваня?

А кормить старушку?
Выпьем, что ли, с горя?
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

15 декабря 1841

427. ДОРОГА

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

15 декабря 1841

428. ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

<1842>

429. АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?»
— «Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

— «Рад помочь! Куда ни шло бы! —
Божья тварь, чай, тож и я, —
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюсь батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут —
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет, сколько жить!..

Между 24 февраля и 20 марта 1850

430. <ИЗ ПОЭМЫ «ЗАБЫТЫЕ»>

Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
«Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, собирайтесь —
С Бела моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украине по казацкой!
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю!
Чтоб земля нам да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!..»

Первая половина 1862

Поэзия Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883) привлекла внимание многих композиторов. На его тексты писали романсы А. Рубинштейн («Осень»), Н. Соколов, Г. Катуар, А. Гедике, М. Мильман и др. Для Полины Виардо Гарсиа Тургенев создал целый цикл стихотворений, которые были положены ею на музыку и печатались отдельными выпусками с нотами (между 1864 и 1874 годами), среди них «Синица», «На заре», «Разлука», «Разгадка» являются оригинальными стихотворениями, остальные — переводами. Некоторые стихотворения Тургенева А. Кастальский ввел в свою оперу «Клара Миллич» (1907): «Весенний вечер», «Перед охотой», «Отрава горькая слезы...» (45-я строфа 2-й части поэмы «Андрей»). На последнее написан также романс Н. Дингельштедта (1858), встречающийся в песенниках. Кроме публикуемых известен романс «К чему твержу я стих унылый...» (музыка С. Егорова, В. Одолева, М. Мильмана, Н. Соколова, А. Шефера).

431. БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил, сумрачно глядит;

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу, дышит тяжело:
Плохо! . . видно, время доброе прошло.

«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь. . .
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!

Мы певали песни, как из леса шли,
Как купцов с товаром мы в овраг вели. . .

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы. . .

Да еще певал я — в домике твоём;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — хозяйскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

1841

432. В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые. . .
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

433. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

1843

Павел Степанович Мочалов (1800—1848) — прославленный актер Малого театра, трагик, исполнитель главных ролей в трагедиях Шекспира и Шиллера, роли Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума». Мочалов был большим знатоком и любителем пения, сочинял песни, быстро распространявшиеся в литературно-театральной среде; некоторые песни Мочалова приобрели известность и за ее пределами. Кроме публикуемых текстов в журнале «Репертуар и Пантеон» (1846, т. 14) были напечатаны три «русские песни» Мочалова: «В хороводе поем песню мы...», «Скоро ли, буйные ветры, уймется...», «Не гляди на меня...».

434

Ах ты, солнце, солнце красное!
Всё ты греешь, всех ты радуешь,
Лишь меня не греешь, солнышко!
Лишь меня не веселишь и в ясный день...
Всё равно мне, день ли пасмурный,
Или ты играешь на небе,
Всё мне скучно здесь и холодно...
Нет, уж, видно, солнцу красному
Не придется веселить меня,
А придется солнцу теплому
Греть могилу мою темную.

<1842>

Старый бор, черный бор!
Не шуми в тишине:
Уж и так без нее
На родной стороне
Скучно мне!
Я далёко уйду,
Я далёко снесу
Ношу, тяжкую мне,
Думу злую мою!
Я уйду от людей,
Я размычу тоску
Средь широких степей.
Если ж там, вдалеке,
Будет дума при мне,
Так слезы от нее
Не увидите вы,
И последний мой вздох
Дума примет моя...
Пусть вдали от людей
Похоронят меня!
Ноша, тяжкая мне,
Дума злая моя
И тоска по тебе!..

<1842>

На тексты Афанасия Афанасьевича Фета (Шеншина) (1820—1892) написано большое количество романсов (положено на музыку свыше 90 стихотворений более чем 100 композиторами). Наиболее значительны произведения П. Чайковского (пять романсов, среди них — «Певице» — «Уноси мое сердце в звенящую даль...»), С. Танеева («Люди спят»), С. Рахманинова (четыре романса), М. Балакирева («Я пришел к тебе с приветом...»), Н. Римского-Корсакова («В царство розы и вина...», «Свеж и душист твой роскошный венок...»), А. Аренского (цикл, в том числе — «Сад весь в цвету...» и «Вчера увенчана душистыми цветами...»), Н. Метнера (цикл, в том числе — «На озере»). По нескольку романсов на слова Фета написали Э. Направник, А. Гречанинов, Г. Конюс, Н. Черепнин и др. Популярностью пользовался романс П. Булахова «Серенада» («Тихо вечер догорает...»). Некоторые стихотворения Фета особенно часто привлекали внимание композиторов: «Облаком волнистым» (В. Бюцов, А. Гречанинов, В. Ребиков, Н. Черепнин и др.), «Шепот, робкое дыханье...» (М. Балакирев, В. Золотарев, Н. Метнер, Н. Римский-Корсаков, П. Чесноков, С. Юферов и др.), «Я пришел к тебе с приветом...» (кроме Балакирева — А. Аренский, И. Билибин, И. Лопухин, Н. Метнер, В. Ребиков, Н. Римский-Корсаков, А. Петров, Я. Прохорова, Б. Подгорецкий, П. Ренчицкий, И. Сац, П. Сокальский, С. Толстой), «В дымке-невидимке...» (С. Танеев, И. Лопухин, Ю. Померанцев, А. Фрейтаг, А. Щербачев и др.). Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Густая крапива», «Красавица рыбачка», «Ласточки пропали», «Уж верба вся пушистая...», «Я пришел к тебе с приветом...».

На заре ты ее не буди,
 На заре она сладко так спит;
 Утро дышит у ней на груди,
 Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
 И горяч утомительный сон,
 И, чернеясь, бегут на плеча
 Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
 Долго, долго сидела она
 И следила по тучам игру,
 Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
 И чем громче свистал соловей,
 Всё бледней становилась она,
 Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
 На ланитах так утро горит.
 Не буди ж ты ее, не буди,
 На заре она сладко так спит!

<1842> . . . . .

Не отходи от меня,
 Друг мой, останься со мной!
 Не отходи от меня:
 Мне так отрадно с тобой. . .

Ближе друг к другу, чем мы, —
 Ближе нельзя нам и быть;
 Чище, живее, сильней
 Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

<1842>

438

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять бывшие выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

<1844>

439

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнёт ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечером.

Потушу перед зеркалом свечи, —
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грезы,
Для которых — всё блеск впереди;
Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.

593

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

<1857>

440. ОПЯТЬ

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

2 августа 1877

441. РОМАНС

Я тебе ничего не скажу
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной. . . я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

Николай Федорович Щербина родился в 1821 году в пос. Грузко-Елачинский Миусского округа Таганрогской губ., умер в 1869 году в Петербурге. Учился он в таганрогской гимназии, с 1841 года — на юридическом факультете Харьковского университета. В 1849—1850 гг. Щербина жил в Одессе, затем переехал в Москву, где работал в «Московских губернских ведомостях». С 1855 года он служит в Петербурге, при министерстве народного просвещения и министерстве внутренних дел, в главном управлении по делам печати. Щербина сотрудничал в «Москвитянине», «Отечественных записках», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Иллюстрации». Особенно много его стихотворений появилось в альманахе «Молодик» (1843—1844). Прижизненные издания: «Греческие стихотворения Н. Щербины», Одесса, 1850; «Стихотворения Николая Щербины», в двух томах, СПб., 1857. Лишь немногие произведения Щербины написаны в жанре «русской песни» («Не шуми, не гуди...», «Спи, мое дитячко...»). На стихи Щербины писали романсы А. Гречанинов («Epicidium», текст сокращен), С. Танеев («Notturmo»), П. Чайковский («Примирение»), В. Соколов («Безмолвие»), А. Дерфельдт («Звездное небо в окошко мне видно...») и др. Внимание многих композиторов привлекла «Южная ночь» (см. примеч.). К текстам поэта обращались также другие, малоизвестные композиторы (Э. Соломирский, Е. Гарновская, Г. Кузьминский, Н. Леонтьев, Н. Казанли, С. Паннев и др.). В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречается «Безмолвие» («Я помню час восторженных речей...»).

442. МОРЯК

Не слышно на палубе песен,
Эгейские волны шумят. . .
Нам берег и душен, и тесен;
Суровые стражи не спят.

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали. . .
Отсюда уйдем мы далеко,
Подальше от грешной земли!

Не правда ль, ты много страдала?
Минуту свиданья лови. . .
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком, приплыл.

1843

443. ЮЖНАЯ НОЧЬ

На раздольи небес ярко светит луна,
И листки серебрятся олив;
    Дикой воли полна,
    Заходила волна,
Жемчугом убирая залив.

Эта чудная ночь и темна, и светла
И огонь разливает в крови;
    Я мастику зажгла,
    Я цветов нарвала,
Поспешай на свиданье любви! . .

Эта ночь пролетит, и замолкнет волна
При сияньи бесстрастного дня,
    И, заботы полна,
    Буду я холодна,
Ты тогда не узнаешь меня!

1843

Аполлон Александрович Григорьев родился в 1822 году в Москве, умер в 1864 году в Петербурге. По окончании Московского университета (1842) он служил там же библиотекарем и секретарем совета. С 1844 года по 1847 год Григорьев живет в Петербурге, непродолжительное время служит в Сенате и в управе благочиния, а затем всецело отдается литературной деятельности. Его первые стихотворные опыты относятся ко второй половине 1830-х годов, первое печатное стихотворение — «Доброй ночи» («Москвитянин», 1843, № 7). Единственный прижизненный сборник поэта — «Стихотворения Аполлона Григорьева» (СПб., 1846). Григорьев приобрел известность в качестве литературного критика — идеолога славянофильства («молодой редакции» «Москвитянина»). Как поэт Григорьев следовал романтическим традициям русской поэзии. Некоторые его стихотворения выразили гражданские настроения современников. Увлечение Григорьева русской народной песней, особенно городским романсом, отразилось в ряде его стихотворений, которые он сам пел под гитару.¹ Несколько его произведений получили известность в качестве «цыганских песен». Кроме публикуемых текстов в песенниках встречается «Нет, за тебя молиться я не мог...» (музыка А. Дюбука). К поэзии Григорьева обращались немногие композиторы (А. Варламов, Ф. Бюхнер, В. Соколов; последний написал романс «Твои движенья гибкие...»).

---

¹ Аполлон Григорьев, Воспоминания, М.—Л., 1930, с. 237, 423—424; А. Мидюков, Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890, с. 252—253.

444. К***

Мой друг, в тебе пойму я много,
 Чего другие не поймут,
 За что тебя так судит строго
 Неугомонный мира суд. . .
 Передо мною, из-за дали
 Минувших лет, черты твои
 В часы суда, в часы печали
 Встают в сиянии любви,
 И так небрежно, так случайно
 Спадают локоны с чела
 На грудь, трепещущую тайно
 Предчувствием добра и зла. . .
 И в робкой деве влагой томной
 Мечта жены блестит в очах,
 И о любви вопрос нескромный
 Стыдливо стынет на устах. . .

1843

445

Тихо спи, измученный борьбою,
 И проснися в лучшем и ином!
 Буди мир и радость над тобою
 И покой над гробовым холмом!

Отстрадал ты — вынес испытанье,
 И борьбой до цели ты достиг,
 И тебе готова за страданье
 Степень света ангелов святых.

Он уж там, в той дали светозарной,
 Там, где странника бессмертье ждет,
 В той стране надзвездной, лучезарной,
 В звуках сфер чистейших он живет.

До свиданья, брат, о, до свиданья!
 Да, за гробом, за минутой тьмы,
 Нам с тобой наступит час свиданья,
 И тебя в сияньи узрим мы!

1845

С тайною тоскою,
Смертною тоской,
Я перед тобою,
Светлый ангел мой.

Пусть сияет счастье
Мне в очах твоих,
Полных сладострастья,
Темно-голубых.

Пусть душой тону я
В этой влаге глаз,
Всё же я тоскую
За обоих нас,

Пусть журчит струею
Детский лепет твой,
В грудь мою тоскою
Льется он одной.

Не тоской стремленья,
Не святой слезой,
Не слезой моления —
Грешною хулой.

Тщетно на распяты
Обращен мой взор —
На устах проклятье,
На душе укор.

1846(?)

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравую облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

<1857>

**448. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА»>**

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой, ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки —
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыплют дробью звуки. . .
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.

Перебор. . . и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
С голубыми ты глазами, моя душечка!

<1857>.

III

СЕРЕДИНА XIX— НАЧАЛО XX ВЕКА

Яков Петрович Полонский родился в 1819 году в Рязани, умер в 1898 году в Петербурге. Из обширного стихотворного наследия поэта наибольшую известность приобрели произведения, ставшие романсами и песнями. К текстам Полонского часто обращались крупные русские композиторы: А. Даргомыжский («Вызов»), П. Чайковский («Ночь», «Песнь цыганки»), Ц. Кюи («Из Бурдильена», «О Некрасове», «Голод», «Вижу ль я...», «Тишь»), А. Рубинштейн («Мое сердце — родник...», «Священный благовест торжественно звучит...», «Утро — кантата для мужского хора»), С. Рахманинов («Встреча», «Диссонанс», «Музыка»), А. Гречанинов («Солнце и месяц», «Птичка»), Э. Направник («Луч надежды», «Молитва»). Особенно много удачных романсов на слова Полонского написал С. Танеев (всего более 20, среди них — «Узник», «Узница», «В минуту утраты»). Музыка на тексты Полонского писали также П. Булахов («Блаженствуя, тебя любил я...»), А. Аренский («Молитва»), Ф. Blumenфельд («Зной — и всё в томительном покое...»), С. Донауров, А. Зорин, В. Соколов, В. Ребиков, В. Пасхалов, М. Анцев, П. Сокальский, П. Чесноков, Г. Кушелев-Безбородко, А. Щербачев и др. Всего на стихи Полонского создано 128 музыкальных произведений 67-ю композиторами.¹ Кроме публикуемых наиболее популярны романсы: «Ночь» (муз. Чайковского), «Птичка» (муз. Булахова, П. Воротникова, Гречанинова, Б. Гродзкого, Направника и др.), «Встреча» (муз. С. Рахманинова), «Маска» (муз. С. Танеева, Булахова). В песенниках встречаются также «Тени» и «Ты, с которой так много страдаешь...».

---

¹ Учет произведен А. Я. Полонским и А. А. Полонским (семейный архив поэта).

449. ВЫЗОВ

За окном в тени мелькает
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи ж ко мне навстречу!
С жаждой поцелуя,
К сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды
Слишком ярко светят:
Я плащом тебя одену
Так, что не заметят!

Если сторож нас окликнет —
Назовись солдатом;
Если спросят, с кем была ты, —
Отвечай, что с братом!

Под надзором богомолки
Ведь тюрьма наскучит;
А неволя поневоле
Хитрости научит!

Октябрь 1844

450. ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,

Какая сила тайная
    Меня туда влекла,
И что за чудо девушка
    В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
    С распущенной косой.
Какие речи детские
    Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
    О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
    Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
    «Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
    Забудем гордый свет. . .
Где нет людей прощающих,
    Туда возврата нет. . .»
И тихо слезы капали —
    И поцелуй звучал. . .
И ветер занавескою
    Тревожно колыхал.

20 июля 1846

451. ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету. . .
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далёко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

<1853>

452

«Подойди ко мне, старушка,
Я давно тебя ждала».
И косматая, в лохмотьях,
К ней цыганка подошла.
«Я скажу тебе всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляет обмануть...»

И она в открытом поле
Сорвала себе цветок,
И лепечет, обрывая
Каждый белый лепесток:
«Любит -- нет — не любит — любит».
И, оборванный кругом,
«Да» сказал цветок ей темным,
Сердцу внятным языком.

На устах ее — улыбка,
В сердце — слезы и гроза.
С упоением и грустью
Он глядит в ее глаза.

Говорит она: «Обман твой
Я предвижу — и не лгу,
Что тебя возненавидеть
И хочу, и не могу».

Он глядит всё так же грустно,
Но лицо его горит. . .
Он, к плечу ее устами
Припадая, говорит:
«Берегись меня! — я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю! . . .»

<1856>

453. УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды. . . окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме. . .

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди. . .

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

Юлия Валериановна Жа́довская родилась в 1824 году в с. Субботино Любимского уезда Ярославской губ., умерла в 1883 году в селе Толстикovo Буйского уезда Костромской губ. Она училась в костромском пансионе для благородных девиц, но в основном получила домашнее образование под руководством учителя-разночинца П. М. Перевлесского, впоследствии известного филолога, дружба с которым оставила глубокий след в жизни и в творчестве поэтессы. Жадовская дебютировала в печати этнографическим очерком «Проводы масленицы в Буйском и Солигалицком уездах» («Москвитянин», 1843, № 3). Два ее стихотворения («Лучший перл таится...» и «Много капель светлых...») появились вскоре также в «Москвитянине» (1843, № 6). Сотрудничала Жадовская кроме того в «Московском городском листке», «Библиотеке для чтения», «Сыне отчества», «Московском сборнике», «Рауте» и в других альманахах и сборниках. При жизни поэтессы ее стихотворения издавались дважды (Стихотворения, М., 1846; Стихотворения, СПб., 1858). Перу Жадовской принадлежат также прозаические произведения: романы «В стороне от большого света» (1857) и «Женская история» (1861), повесть «Отсталая» (1861). Лирика Жадовской, отличающаяся искренностью и глубиной чувства, привлекла внимание многих композиторов. На тексты Жадовской писали романсы М. Глинка, А. Даргомыжский (кроме публикуемых — «Притворство», «Молитва»), А. Варламов («Я люблю смотреть в ясну ноченьку...»), А. Гречанинов («Нива»), М. Ипполитов-Иванов («В сумерки», «Вечерняя мысль»), Р. Глиэр («Весна»), В. Соколов («Борьба», «Соловей», «Не на земле ищи ты вдохновенья...») и другие.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь, —
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю
Без радостей жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна!

1845

Я всё еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Я всё еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него создателя молю.

1846

Алексей Николаевич Плещеев родился в 1825 году в Костроме, умер в 1893 году в Париже. Он учился в школе гвардейских подпрапорщиков, с 1843 по 1845 — на восточном отделении Петербургского университета. За связь с петрашевцами и участие в деятельности кружка Бекетовых и Дурова Плещеев был арестован (1849), приговорен к каторге, которая была заменена сдачей рядовым в Оренбургский линейный батальон. По окончании ссылки (1859) он живет в Москве и в Петербурге (с 1872), занимается литературной деятельностью, совмещая ее со службой в учреждениях Государственного контроля (1865—1875). Первые стихотворные опыты Плещеева относятся к началу 40-х годов. Вскоре вышли в свет «Стихотворения А. Плещеева» (СПб., 1846). Очень многие произведения Плещеева были положены на музыку. По количеству романсов он занимает одно из первых мест в музыкальной литературе второй половины XIX — начала XX века. На его тексты писали: А. Аренский («Знакомые звуки...»), А. Варламов («Выйдем на берег, там волны...»), П. Булахов («Всю-то, всю мою дорожку...»), А. Гречанинов («Степью иду я унылою...», «Что ты поникла, зеленая ивушка...», «С тобою мне побыть хотелось...»), А. Дюбюк («Верь, у любви нет выше права...», «Люби, пока любить ты можешь...»), Ц. Кюн («Вчера меня ласкало счастье...», «Лето»), Вас. Калинин («Нам звезды кроткие сияли...»), М. Мусоргский («Тени гор высоких...»), Э. Направник («Ребенок»), Н. Римский-Корсаков («Ночь пролетала над миром...»), С. Рахманинов («Дитя, как цветок ты прекрасна...», «И у меня был край родной...», «Молитва», «Полюбила я...», «Речная лилея, головку поднявши...») и многие менее известные композиторы (В. Соколов, В. Ребиков, В. Золотарев, А. Дерфельд, М. Слонов, М. Бернард, П. Чесноков, Я. Пригожий и другие, всего свыше 40 авторов). Особенно много романсов написал Чайковский, среди которых выделяются «Нам звезды кроткие сияли...», «Ни слова, о друг мой...», «О спой же ту песню, родная...» и его цикл детских песен на тексты из сборника Плещеева «Подснежник» (СПб., 1878). Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Советы мудрецов», «Дай руку мне — я понимаю...», «Нищие», «Всю-то, всю мою дорожку...» и др.

Вперед! без страха и сомненья
 На подвиг доблестный, друзья!
 Зарю святого искупленья
 Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
 И вместе двинемся вперед,
 И пусть под знаменем науки
 Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
 Глаголом истины карать,
 И спящих мы от сна разбудим,
 И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
 Ни на земле, ни в небесах;
 За все дары и блага мира
 Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
 Мы будем нищим, богачам
 И за него снесем гоненье,
 Простив безумным палачам.

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
 В заботах тяжких истощил;
 Как раб ленивый и лукавый,
 Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
 Святая истина горит;
 И, верьте, голос благородный
 Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
 Пока мы полны юных сил;
 Вперед, вперед — и без возврата,
 Что б рок вдали нам ни сулил!

<1846>

По чувствам братья мы с тобой,
 Мы в искупление верим оба,
 И будем мы питать до гроба
 Вражду к бичам страны родной.

Когда ж пробьет желанный час
 И встанут спящие народы —
 Святое воинство свободы
 В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
 В тебе, я знаю, сердце бьется,
 И, верно, отзыв в нем найдется
 На неподкупный голос мой.

<1846>

Я у матушки выросла в холе
 И кручины не ведала злой,
 Да счастливой девической доле
 Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
 Мне нашептывать ночью и днем;
 И наскучили смех и забавы,
 И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
 Не давало ни часу заснуть;
 Подымалась под тонкой рубашкой
 Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
 И, бывало, всю ночь напролет
 Под окошком кого-то ждала я —
 Всё казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милóва,
И уж как полюбился он мне!
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была. . .
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Всё в далеких краях проживал;
Слышь, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец;
Вдруг постыла милóму я стала —
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красую
Приманила дворянка его;
Приманила богатой казною —
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету.
Всё глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету;
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась!
Не узнала б теперь меня мать:

Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал. . .
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

<1860>

459. МОЛЧАНИЕ

Ни слова, о друг мой, ни вздоха. . .
Мы будем с тобой молчаливы. . .
Ведь молча над камнем могильным
Склоняются грустные ивы. . .

И только склонившись, читают,
Как я, в твоём взоре усталом,
Что были дни ясного счастья,
Что этого счастья — не стало!

<1861>

460. В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

В голове моей мозг хочет треснуть,
Кровью сердце мое истекло;
Изменяют мне ноги. . . О Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мне к сердцу
И щекою прииникни к моей.
И скажи — ты меня не забудешь,
Даже там, — даже в царстве теней?

О, к чему утешать меня? Полно!
Пусть беснуется горе в груди.
Только дай мне наплакаться вволю;
На колени меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли,

Дай облить мне слезами ее;
Дай потухшим глазам наглядеться
На лицо дорогое твое!

Никогда уж я больше не буду
На коленях сидеть у тебя;
Я, несчастная мать, без супруга,
Умираю, глубоко любя.
Приложи свою руку мне к сердцу,
Приложи ее крепче — вот так.
Это сердце так бешено рвется,
Что мой шелковый лопнет кушак.

Проклинаю тот день, как впервые
Образ твой в мою душу проник,
Рокового с тобою свиданья
Проклинаю я сладостный миг.
И ту рощу, тот рай, где, бывало,
Не устанем всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
Беспредельно тебя полюбить!

О, прости мне, мой милый; не слушай,
Я сказала тебе не в укор,
Но ведь я так глубоко страдаю,
Ведь на долю мне выпал позор!
Вижу — градом внезапные слезы
Из очей покатались твоих. . .
Но о чем же ты плачешь, скажи мне?
О грехе ль? о страданиях людских?

Опостылел мне мир этот, Вилли!
Я всех радостей стала чужда;
Чем была — не могу я остаться,
И женой мне не быть никогда.
О, прижми это сердце больное
К своему еще раз, еще раз. . .
Поцелуй эти впалые щеки,
На которых румянец погас!

В голове моей мозг хочет треснуть!
Кровью сердце мое истекло. . .

Еще раз — перед вечной разлукой
Я твое поцелую чело,
Еще раз — и в последний, мой милый. . .
Подогнулись колени. . . прощай. . .
На кладбище, где буду лежать я,
Не ходи. . . надо мной не рыдай.

Этот жаворонок, звонкою песнью
Оглашающий воздух полей,
Целый день будет петь не смолкая
Над могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
Скроет бедное сердце мое,
Что любило тебя так безмерно,
Как тебя не полюбит ничье!

Не забудь, где бы ни был ты, Вилли,
Не забудь своей Мэри! Она
Одного тебя только любила
И до смерти осталась верна.
Не забудь, что засыпаны прахом
Будут светлые кудри лежать;
И прильнет он к ланитам, которых
Уж тебе никогда не лобзать!

Июнь 1861

Михаил Ларионович Михайлов родился в 1829 году в Оренбурге, умер в 1865 году в Кадае Нерчинского округа. Будучи вольнослушателем Московского университета, Михайлов сдружился с Н. Г. Чернышевским. 14 сентября 1861 года он был арестован за революционную деятельность, а через три месяца сослан в Сибирь. Михайлов сотрудничал в «Литературной газете», «Сыне отечества», «Москвитянине», с 1852 года — в «Современнике» (вошел в редакцию в 1860 г.), в «Русском слове», в «Отечественных записках». Он писал романы («Перелетные птицы» и др.), повести, этнографические очерки, литературно-критические и публицистические статьи, но известность приобрел в качестве переводчика с английского и немецкого языков. Некоторые его стихотворения стали популярными в революционной среде песнями. На тексты Михайлова написано несколько романсов. Особенно охотно композиторы обращались к переводам Михайлова из Гейне: «Щекою к щеке ты моей приложись...» (В. Соколов, А. Вилламов, Н. Римский-Корсаков, П. Чесноков), «Объятый туманными снами...» (П. Макаров), «Снилась мне девушка...» (П. Макаров), «Как трепещет, отражаясь...» (П. Сокальский). На музыку положены также: «Новогреческая песня» (А. Рубинштейн), «Весною пред пышною розой», «Вижу, ты прекрасна», «Ты причаль, моя рыбачка...» (А. Варламов), перевод из Гете «Шелохнула занавеска...» (В. Соколов), перевод из Томаса Гуда «Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...» (А. Размадзе). Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются «Жена каторжника» (из Барри Корнуэла) и «Ее он безмолвно, но страстно любил...».

461. ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну. . .
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? просить Христа-ради
Пушу и детей и жену. . .
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу. . .
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят. . .
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

<1846>

462. ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчет произвол.

И чем жизнь честней и чище,
Тем нещаднее судьба;
Раздвигайся ты, кладбище, —
Принимай гроба!

Гроб вчера и гроб сегодня,
Завтра гроб. . . А мы стоим
Средь могил и. . . «власть господня»,
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный,
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Жаждой правды изнывая,
В темном царстве лжи и зла
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла.

Ты умолк, но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба?
Что любовь молчит?»

Иль в любви у вас лишь слезы
Есть для ваших кровных бед?
Или сил и для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья, пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова, —
И ликуя, зверски зол,
Тризну мысли, тризну слова
Правит произвол.

1861

463

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенья
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

1861

464

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

Стонет и тяжело вздыхает
Бедный забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

1861

Около 60 стихотворений Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877) было положено на музыку русскими композиторами, создавшими более 150 вокальных произведений. Среди большого количества имен (свыше 100) выделяются М. Мусоргский («Калистрат», «Колыбельная Еремужке»), Ц. Кюи (цикл из 21 романса), С. Танеев («Бьется сердце беспокойное...»), С. Рахманинов (кантата «Весна» на стихи «Идет-гудет зеленый шум...»), П. Булахов («Тихо вечер догорает...»), А. Дюбюк («Ты всегда хороша несравненно...»), А. Спендиаров («Несжатая полоса»), Н. Черепнин («Прости! не помни дней паденья...»). Характерно, что композиторы, за исключением Мусоргского, Кюи и Спендиарова, использовали в основном любовную лирику Некрасова (наибольшее количество романсов на стихи «Прости! не помни дней паденья...», «Ты всегда хороша несравненно...», «Давно отвергнутый тобою...»). Иную картину дают песни на стихи Некрасова анонимных авторов, распространявшиеся устно и печатавшиеся в песенниках. Среди двадцати с лишним стихотворений, ставших песнями, подавляющее большинство — тексты с социально острой тематикой. Кроме публикуемых известны были: «Современная ода», «Плач детей», «Эй, Иван...», «Извозчик», «Школьник», «Здравствуй, родная...» (отрывок из стихотворения «В деревне»).

465. ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работáл по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне.
Смочит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белоллиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен!..

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою,
И смеялась со мной, и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями трягну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, чай пора уж тебе отдохнуть».

— «Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок».
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок:

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
«Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?»

— «От кого у тебя перстенок золотой?»

— «Скоро старость придет, коли будешь всё знать».

— «Дай-ка я погляжу, несговорный какой!»

И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как крался я в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос провели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьюми и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

1846

466. ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудной,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,

Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

467

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмой,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошла и со мной...

Помнишь ли день, как больной и голодной
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;

Вдэволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаьем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

1847

468. МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда,
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, отличное средство:
Под рукою казенный сундук;
Да испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!».
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа;
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,

Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел,
И, бедняжка, ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?

1851

469. БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмой:
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

1853

470. НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце большое сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

1854

**471. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «РАЗМЫШЛЕНИЯ
У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА»>**

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Видь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.

1858

472. ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
«Няня! дай-ка мне дитя!»

— «Нá, родной! да ты откудава?»
— «Я проезжий, городской».
— «Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— «Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней пазначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой. . .

И тогда-то. . .» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт? . . Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою. . .

1858

473. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОХОРОНЫ»>

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал. . . допросы. . . — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам неожиданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка. . .

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

1861

474—475. <ИЗ ПОЭМЫ «КОРОБЕЙНИКИ»>

1

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завизжу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»
Вот уж пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Расступись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос, —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“»

1861

2

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилоя
Молодице невтерпеж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»

И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашеньку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненькой —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румяненькой!» —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцелуй, дружок, меня!..“»
Думы девичьи, заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.

1861

476

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая кошулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыныки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею —
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

1863

477. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»>

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод — названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

1864

478. КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам, что ни попало, из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная! — старики твердят. —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат. —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят. —
«Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде — с Федей мы вдвоём
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
— «Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!»
— «Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть себе бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад,
Милого побои не долго болят!

1866

479. В ГОРУ

(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Кама поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напрем!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напрем!..
Кости трешшат!
На печь бы лечь
Зиму проспять,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Ухни, ребята! Гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нет те конца!..
Этак бы впрячь
В лямку купца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Эй, ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

1875

480. ВЕСЕЛАЯ

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
— «Где ж коровка наша?»
— «Увели, мой свет!»

Барин для приплоду
Взял ее домой,
Славно жить народу
На Руси святой!»

— «Где же наши куры?» —
Девчонки орут.
— «Не орите, дуры!
Съел их земский суд;

Взял еще подводу
Да сулил постой. . .
Славно жить народу
На Руси святой!»

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:

В дворне больше году
Дочка. . . нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!

Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

<1876>

Федор Богданович Миллер родился в 1818 году в Москве, умер в 1881 году там же. Воспитывался Миллер в Московском немецком училище, по окончании которого служил фармацевтом в аптеке при Московском университете, одновременно слушая лекции по литературе. С 1840 по 1869 год он преподавал немецкий и русский языки и словесность в I Московском кадетском корпусе, издавал и редактировал журнал «Развлечение» (с 1859 г.). Первый литературный опыт Миллера — роман «Цыганка» (М., 1837). Первое его стихотворное произведение — перевод двухактной драмы Кастелли «День Карла Пятого» («Москвитянин», 1841, № 8). Миллер сотрудничал в «Москвитянине», «Библиотеке для чтения», «Московском вестнике», «Русском вестнике», «Русском слове» и «Отечественных записках». Известность он приобрел как переводчик Шиллера, Гете, Шекспира, Мицкевича и других писателей. При жизни Миллера его «Стихотворения» издавались трижды (М., 1849; 1860; 1872). У Миллера есть стихи в жанре «русской песни» (1879), которые, однако, успеха не имели. Кроме публикуемых текстов в песенниках и лубках встречается «Ударил час возмездья рокового...». На тексты Миллера романсы писали А. Даргомыжский, В. Соколов («Черные очи»), К. Сидорович («Голубые очи») и другие композиторы.

481. ПОГРЕБЕНИЕ РАЗБОЙНИКА

В носилках похоронных
Лежит боец лесов,
И шесть вооруженных
Суровых удальцов
Среди лесов дремучих

Безмолвные идут
И на руках могучих
Товарища несут.

Носилки их простые
Из ружей сложены,
И поперек стальные
Мечи положены.
На них лежит сраженный
Разбойник молодой,
Назад окровавленной
Повиснув головой.

В минуту жаркой битвы
Сразил его свинец, —
И кончил дни ловитвы
Бестрепетный боец!
Сочится кровь из раны
По лбу и по вискам
И вниз струей багряной
Бежит по волосам.

Он грозно сдвинул брови,
Храня надменный вид,
Но взор под слоем крови
Врагам уж не грозит.
Он правую рукою
Сдавил свой острый меч
И с ним, уставший с бою,
В могилу хочет лечь.

Меч этот быстро, метко
Удары наносил,
И сбиров он нередко
Как молния разил;
Теперь, звуча, влачится
Он вслед за мертвецом:
Как слезы, кровь струится
Холодная по нем.

И в миг борьбы жестокой
Со смертью роковой

Он пояс свой широкий
Схватил другой рукой;
Ремни его колета
Разрублены висят,
Два длинных пистолета
За поясом блестят.

Так спит он, охладелый,
Лесов угрюмый сын,
В кругу ватаги смелой,
Средь темных Апеннин!
Так с ним они печально
Идут в глуши лесной
Для чести погребальной.
Но вот кричат им: «Стой!»

И наземь опустили
Носилки с мертвецом,
И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
В воинственном уборе,
Как был он завсегда,
Без гроба, на просторе
Кладут его туда.

Засыпали землю...
«Прости, лихой собрат!» —
И медленной стопою
Идут они назад.
Но чу! — сторожевого
Свисток раздался вдруг...
Ватага в лес — и снова
Безмолвно всё вокруг.

1846

482. МНЕ ВСЁ РАВНО

Мне всё равно, страдать иль наслаждаться,
К страданьям я привыкла уж давно.
Готова плакать и смеяться,
Мне всё равно!

Мне всё равно, враги ли мне найдутся,
Я к клеветам привыкла уж давно.
Пусть бранят, пусть смеются,
Мне всё равно!

Мне всё равно, сердечная ль награда,
Любовь забыта мной давно,
Меня не любят? И не надо!
Мне всё равно!

<1859>

Иван Иванович Панаев родился в 1812 году в Петербурге, умер в 1862 году там же. Учился он в Благородном пансионе при Петербургском университете, по окончании которого (1830) служил в министерстве финансов и в департаменте народного просвещения, состоя в редакции «Журнала министерства народного просвещения» (1834—1845). Первые литературные опыты Панаева относятся ко второй половине 1820-х годов; его стихотворение «Кокетка» появилось в «Северной пчеле» (1828, № 61). Об этом сам писатель в своих «Литературных воспоминаниях» умалчивает, относя свои первые «литературные упражнения» и попытки печататься к началу 1830-х годов.¹ Он сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», «Московском наблюдателе», «Отечественных записках», «Русской беседе». Известность приобрел как беллетрист, соредактор «Современника» и особенно как автор стихотворных пародий и фельетонов (под псевдонимом — Новый поэт). Среди пародируемых Панаевым поэтов немало авторов популярных в середине XIX века романсов (Кукольник, Ростопчина, Щербина, Языков). В творчестве Панаева-пародиста особое место занимают пародии на многочисленные подражания Гейне, модные в русской поэзии 40—50-х годов; эта псевдогейневская лирика была «убита» Панаевым.² Тем более курьезно, что одна из «гейневских» пародий — публикуемое стихотворение — сама стала популярным романсом.

---

¹ И. И. Панаев, «Литературные воспоминания», М., 1950, с. 30—32.

² «Современник», 1851, № 1, с. 31.

483. БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

И, головку склонивши уныло
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было», —
Прошептала, махнувши рукой.

На нее, как безумный, смотрел я,
И луна освещала ее;
Расставаяся с нею, терял я
Всё блаженство, всё счастье мое!

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

<1847>

Григорий Малышев родился около 1812 года в Петербурге. Дата его смерти неизвестна. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов и польской кампании 1830—1831 годов, Малышев пробовал свои силы в стихотворстве еще в армии, сочиняя, главным образом, верноподданические куплеты и песни. Служа в Петербурге в придворной певческой капелле помощником учителя пения, а затем и старшим регентом, Малышев старался внедрить в репертуар хора свои песни. Кроме публикуемого текста известностью в солдатской среде пользовалась «Песня в память Турецкой войны», которую автор вступительной заметки к сборнику «Стихотворения Григория Малышева» (СПб., 1848) относит «к числу образцовых военных песен».

481. СВИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звенит звонок, и тройка мчится.
Несется пыль по столбовой;
На крыльях радости стремится
В дом кровных воин молодой.

Он с ними юношей расстался,
Пятнадцать лет в разлуке жил;
В чужих землях с врагами дрался,
Царю, отечеству служил.

И вот в глазах село родное,
На храме божьем крест горит!
Забилось сильно ретивое,
Слеза невольная блестит.

«Звени! звени, звонок, громче!
Лихая тройка, вихрем мчись,
Ямщик, пой песни веселее!
Вот отчий дом! . . остановись!»

Звонок замолк, и пар клубится
С коней ретивых, удалых; .
Нежданный гость под кров стучится,
Внезапно входит в круг родных.

Его родные не узнали,
Переменились в нем черты;
И все невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?»

— «Я вам принес письмо от сына,
Здоров он, шлет со мной поклон;
Такого ж вида, роста, чина,
И я точь-в-точь, две капли — он! . . .»

— «Наш сын! наш брат!» — тогда вскричали
Родные, кровные его;
В слезах, в восторге обнимали
Родного гостя своего.

<1848>

Иван Ваненко — псевдоним Ивана Ивановича Башмакова. Сведения о нем очень скудны. Он жил в Москве, был, очевидно, учителем, умер в 1865 году. Иван Ваненко приобрел известность в качестве издателя русских сказок и автора «народных книжек». Первое его печатное произведение — роман «Чудак, или Человек, каких мало», в 3-х частях (М., 1835). Он писал также басни и стихотворения. В первый сборник Ивана Ваненко «Песни русские» (М., 1841) вошло 22 песни. Кроме публикуемого текста в песенниках середины XIX века встречаются: «Не кукушечка во темном бору...», «По морю, по морю...», «Скучно мне, подруженьки...», «Ты тоска моя...».

485

Ах, мороз, морозец,
Молодец ты русский,
Ходишь в рукавицах
Да в овчинной шапке.
Ах, мороз, морозец,
Аленькие щечки;
Тело познобишь ты,
А душе тепленько.
При тебе, мой милый,
Вспомнишь про старинку,
Как, бывало, с нею,
Помнишь ли, морозец,
На летучих санках
Мы стрелою мчимся
В сумрак одинокий!..

И она, красotka,
Шепчет мне тихонько:
«Ты озяб, мой милый!
Положи головку,
Я тебя прикрою! . . .»
Распахнет, бывало,
Теплую шубейку, —
И у белой груди
Мне тепло, привольно! . . .
Погляжу ей в глазки —
Глазки искры сыплют,
Погляжу на щечки —
Огонек пылает!
Так вот ретивое
Полымем обхватит!
Ах, мороз, морозец,
Молодец ты русский,
Ты мне был, голубчик,
Точно брат родимый.

<1848>

Лев Александрович Мей родился в 1822 году в Москве, умер в 1862 году в Петербурге. Учился он в Московском дворянском институте и в Царскосельском лицее (1835—1841), по окончании которого служил в канцелярии московского военного генерал-губернатора (по 1849), затем инспектором одной из московских гимназий. С 1853 года Мей живет в Петербурге и занимается литературной деятельностью, сотрудничает в «Москвитяине», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Пантеоне», «Русском слове», «Искре» и многих других журналах и газетах. На сюжеты его драм «Царская невеста» и «Псковитянка» были написаны оперы Н. Римским-Корсаковым (либретто композитора с использованием текста Мейя). Известность приобрели переводы и переложения Мейя, вошедшие в устный репертуар. Его интерес к песенному фольклору отразился в программном стихотворении «Запевка». К текстам Мейя обращались выдающиеся русские композиторы (положено на музыку свыше 30 произведений поэта): П. Чайковский (среди его романсов особенно популярны переводы из Гейне «Отчего» и «Хотел бы в единое слово...», перевод из Гете «Нет, только тот, кто знал...», а также романс «Зачем?»), Н. Римский-Корсаков («Встань, сойди! Давно денница...», «Сплю, но сердце мое чуткое не спит...» — измененные и сокращенные композитором отрывки из «Еврейских песен»; «Колыбельная песенка», «Снаряжай скорее, матушка родимая...» — песня Любаши из I акта оперы «Царская невеста»), А. Бородин (перевод из Гейне «Отравой полны мои песни...»), М. Балакирев («Запевка», «Как наладили: „Дурак...“»), М. Мусоргский («По грибы», «Я цветок полевой, я — лилея долин...» — сокращенный и измененный композитором текст из «Еврейских песен»), А. Гречанинов («За реченькой яр-хмель...»). Переводы Мейя из Вл. Сырокомли, Мицкевича, Гейне, Гете, Шевченко, Гюго, Байрона и других поэтов положены на музыку также М. Глинкой, Э. Направником, Ц. Кюи, С. Рахманиновым. На оригинальные и переводные тексты Мейя кроме названных композиторов писали музыку П. Веймарн, К. Вильбоа, В. Золотарев, П. Бларамберг, С. Блуменфельд и др. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются «Хозяин» и «Русалка».

У соседки сын-молодчик —
 Хата с хатой рядом;
 У соседа дочь-красотка —
 Сад сошелся с садом.

Веет ветер с полуночи —
 Старики за сказки;
 Веет ветер со полудня —
 Молодежь за ласки.

«Милый по саду гуляет,
 Смотрит к нам в окошки:
 Я, девица, вышла в сени,
 Стала на порожке.

С милым другом перемолвить
 Слово я хотела,
 Да отец в саду работал,
 Я и не посмела».

Сизый голубь по застрехе
 Ходит да воркует;
 Сизу голубю Анюта,
 Смеючись, толкует:

«Ох, голубчик сизокрылый,
 Ворковать умеешь,
 А небось к нам под окошко
 Прилететь не смеешь?»

Для тебя ли, голубочка,
 Для воркуньи-птички,
 На окошке я рассыплю
 Проса и пшенички:

Ты не бойся, мой голубчик,
 А — как сядет солнце —
 Прилетай ко мне, девице,
 Прямо под оконце!»

Голубочку на застрехе
И отцу седому
Невдомек девичьи речи,
Да вдомек милому:

Не слетел клевать пшеничку
Голубь сизокрылый,
А пришел со мной, девицей,
Целоваться милый.

1849

487

У молодки Наны
Муж, как лунь, седой...
Старый муж не верит
Женке молодой;

Разом домекнулся,
Что не будет прок, —
Глаз с нее не спустит,
Двери на замок.

«Отвори каморку —
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболелась
Сильно голова —

Сильно разболелась,
Словно жар горит...
На дворе погоду:
Может, освежит».

— «Что ж? открой окошко,
Прохладись, мой свет!
Хороша прохлада,
Коли друга нет!»

Нана замолчала,
А в глухой ночи

Унесла у мужа
Старого ключи.

«Спи, голубчик, с богом,
Спи да почивай!»
И ушла тихонько
В деревяной сарай.

«Ты куда ходила,
Нана, со двора?
Волосы — хоть выжми,
Шубка вся мокра. . .»

— «А телята наши
Со двора ушли,
Да куда ж? — к соседке
В просо забрели.

Загнала насили:
Разбежались все. . .
Я и перемокла,
Ходя по росе!»

Видно — лучше с милым
Хоть дрова щепать,
Чем со старым мужем
Золото считать.

Видно — лучше с милым
Голая доска,
Чем со старым мужем
Два пуховика. . .

<1850>

488

«Тятенька-голубчик, где моя родная?»
— «Померла, мой светик, дочка дорогая!»

Дочка побежала прямо на могилу.
Рухнулася наземь, молвит через силу:

658

«Матушка родная, вымолви словечко!»
— «Не могу: землю давит мне сердечко...»

— «Я разрою землю, отвалю камень...
Вымолви словечко, дай благословенье!»

— «У тебя есть дома матушка другая».
— «Ох, она не мать мне — мачеха лихая!

Только зубы течит на чужую дочку:
Щиплет, коли станет надевать сорочку;

Чешет — так под гребнем кровь ручьем сочится;
Режет ломоть хлеба — ножиком грозитя!»

<1850>

489. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

Что на зорьке на заре,
О весенней о поре,
Пташки божии поют,
В темном лесе гнезда вьют.

Соловейка-соловей,
Ты гнезда себе не вей:
Прилетай ты в наш садок,
Под высокий теремок.

Под кусточком попорхать,
Спелых ягод поклевать,
Солнцем крылышки пригреть,
Оле песенку пропеть.

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

<1850>

Хотел бы в единое слово
 Я слить мою грусть и печаль
 И бросить то слово на ветер,
 Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
 По ветру к тебе донеслось,
 И пусть бы всегда и повсюду
 Оно к тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
 Сомкнулись под грезой ночной,
 О пусть бы то слово печали
 Звучало во сне над тобой!

1859

491. ПЕСНЯ

Как наладили: «Дурак,
 Брось ходить в царев кабак!»
 Так и ладят все одно:
 «Пей ты воду, не вино —
 Вон хошь речке поклонись,
 Хошь у быстрой поучись».

Уж я к реченьке пойду,
 С речкой речи поведу:
 «Говорят мне: ты умна,
 Поклонюсь тебе до дна:
 Научи ты, как мне быть,
 Пьянством люда не срамить?»

Как в тебя, мою реку,
 Утопить змею-тоску?
 А научишь — век тогда
 Исполать тебе, вода,
 Что отбила дурака
 От царева кабака!»

<1860>

492. ЗАЧЕМ?

Зачем ты мне приснилася,
Красавица далекая,
И вспыхнула, что в полуме,
Подушка одинокая?

Ох, сгинь ты, полуночица!
Глаза твои ленивые,
И пепел кос рассыпчатый,
И губы горделивые —

Всё наяву мне снилося,
И всё, что греза вешняя,
Умчалось, — и на сердце
Легла потьма крошечная...

Зачем же ты приснилася,
Красавица далекая,
Коль стынет вместе с грезой
Подушка одинокая?..

<1862>

Алексей Ермилович Разоренов родился в 1819 году в с. Малое Уварово Коломенского уезда Московской губернии, умер в 1891 году в Москве. Сын крестьянина, Разоренов с детства бродяжничал, был статистом в труппе казанского театра, лакеем, разносчиком, приказчиком, последние 25 лет жизни держал в Москве овощную лавку, которая была своеобразным литературным клубом, где собирались в основном поэты-самоучки. По воспоминаниям И. А. Белоусова, Разоренов в 1840-е годы «писал... песни в народном духе, которые нравились его сослуживцам». ¹ Стихи Разоренова печатались в «Грамоте», «Иллюстрированной неделе», «Воскресном досуге», «Радуге», «Московском листке», «Новостях дня», «Русском курьере» и в других изданиях, в сб. «Рассвет» И. Сурикова (1872), в сб. «Родные звуки» И. Белоусова (1881), в сб. «Грезы» (1896, там же опубликована его «Автобиография»). Отдельным изданием стихотворения Разоренова не выходили. Кроме публикуемой песни в лубках встречаются «Вот и масленица мигом...», «За грибами в лес девицы...».

493. ПЕСНЯ

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,

---

¹ Иван Белоусов, Литературная Москва, М., [1829], с. 21—22.

Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё немило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая —
Я должна его любить!

Конец 1840-х или начало 1850-х годов

И. Макаров — малоизвестный поэт 1840-х — начала 1850-х годов. Даты его рождения и смерти не установлены. Он печатался в «Рауте». На стихи Макарова писал романсы А. Гурилев. Кроме публикуемого текста это — «Падучая звезда» («Смотрю я в глубь лазури ясной. . .») и «В морозную ночь я смотрела. . .».

494

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.
Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелось сердце огнем.
И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.
Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И замолк мой ямщик, а дорога
Преодо мной далека, далека. . .

Конец 1840-х или начало 1850-х годов

Иван Евстратович Молчанов родился в 1809 году в Ярославской губернии, умер в 1881 году. С конца 1820-х годов он пел в разных хорах, известность приобрел в качестве дирижера основанного им хора русских народных песен. Кроме публикуемого текста в песенниках встречается песня «Петербургские команды».

495

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра.
Наш могучий император —
Память вечная ему! —
Сам, родимый, пред полками,
Словно сокол, он летал,
Сам ружьем солдатским правил,
Сам и пушки заряжал.
Бой кипел. Герой Полтавы,
Наш державный великан,
Уж не раз грозою грянул
На могучий вражий стан.
Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась,
Вдруг одна злодейка-пуля
В шляпу царскую впилась...

Видно, шведы промахнулись, —
Император усидел,
Шляпу снял, перекрестился,
Снова в битву полетел.
Много шведов, много русских
Пред Полтавою легло...
Вдруг еще впилая пуля
В его царское седло.
Не смутился император,
Взор как молния сверкал,
Конь не дрогнул от удара,
Но быстрее поскакал.
Но как раз и третья пуля
Повстречалась с Петром,
Прямо в грудь она летела
И ударила как гром.
Диво дивное свершилось:
В этот миг царь усидел.
На груди царя высокой
Чудотворный крест висел;
С визгом пуля отскочила
От широкого креста,
И спасенный победитель
Славил господу Христа.
Было дело под Полтавой;
Сотни лет еще пройдут, —
Эти царские три пули
В сердце русском не умрут!

Конец 1840-х или 1850-е годы

На тексты Алексея Константиновича Толстого (1817—1875) написано большое количество романсов (свыше 80 произведений). Некоторые стихотворения привлекали композиторов неоднократно: «Горними тихо летела душа небесами...» (А. Аренский, Ц. Кюи, М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков, П. Чайковский, Кёнеман и др.), «Дробится, и плещет, и брызжет волна...» (Ц. Кюи, Н. Римский-Корсаков, А. Рубинштейн и др.), «Коль любить, так без рассудку...» (см. примеч. к тексту), «На нивы желтые нисходит тишина...» (А. Аренский, Ф. Бенуа, В. Бюцов, Ф. Blumenфельд, Панченко, А. Гречанинов, Ц. Кюи, Н. Римский-Корсаков, П. Чайковский, Н. Черепнин и мн. др.), «Не верь мне, друг...» (Ф. Blumenфельд, А. Гречанинов, Ц. Кюи, Н. Римский-Корсаков, А. Танеев, П. Чайковский, С. Рахманинов и др.), «Не ветер, вея с высоты...» (Ф. Blumenфельд, С. Донауров, Г. Катуар, Н. Римский-Корсаков, А. Рубинштейн, Н. Аmani, С. Танеев и др.), «О, если б ты могла...» (Бенуа, С. Blumenфельд, Ф. Blumenфельд, Римский-Корсаков, Чайковский), «Острою секирой ранена береза...» (А. Алфераки, П. Бларамберг, А. Гречанинов, М. Ипполитов-Иванов, Н. Ладухин, В. Ребиков, Стрельников), «Ходит Спесь, надувающихся...» (А. Бородин, В. Золотарев, Викт. Калинин, М. Мусоргский, Стрельников и др.). Наиболее удачное воплощение поэзия Толстого получила у Чайковского (11 романсов и два дуэта, особенно «Средь шумного бала...», «Тò было раннею весной...», «На нивы желтые...»), у Н. Римского-Корсакова (13 романсов, особенно «Звонче жаворонка пенье...», «Дробится, и плещет, и брызжет волна...», «О, если б ты могла...»), у С. Танеева (кантата «Иоанн Дамаскин»), у М. Мусоргского («Горними тихо летела душа небесами...», «Ходит Спесь, надувающихся...»), у Ц. Кюи («В колокол, мирно дремавший...»), у А. Рубинштейна (цикл из 12 романсов, особенно «Дробится, и плещет, и брызжет волна...», «Не ветер, вея с

высоты...», «Звонче жаворонка пенья...», «Вздымаются волны как горы...»). На тексты Толстого, кроме называвшихся уже композиторов, музыку писали также Ф. Акименко, С. Василенко, Р. Глиэр, Б. Гродзкий, С. Ляпунов, Н. Соколов, Г. Катуар, И. Сац, Вас. Калининников, Н. Щербачев и др. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Благословляю вас, леса...» (отрывок — первые 17 строк — из поэмы «Иоанн Дамаскин», музыка Чайковского), «Гаснут дальней Альпухарры...» (серенада Дон-Жуана из поэмы «Дон-Жуан», музыка Чайковского, Ф. Блуменфельда), «Кабы знала я, кабы ведала...» (музыка А. Рубинштейна, Чайковского), «Милый друг, тебе не спится...», «Грешница», «Ой стоги, стоги...», «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» (музыка Бюцова и Кюи), «Благоразумие», «Богатырь», «Ты помнишь ли, Мария...», «Ты не спрашивай, не распытай...» (музыка А. Аренского, К. Давыдова, А. Лядова, В. Пасхалова), «Ходит Спесь, надуваючись...», «Слеза дрожит в твоём ревнивном взгляде...» (1-я и 5-я строфы, музыка Чайковского, Ф. Блуменфельда).

496

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!..

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травую,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,

И на площади народ,
В шумном ожиданьи,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный. —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вокруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

1840-е годы

407

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю.
Но кажется мне, что люблю!

1851

Коль любить, так без рассудку,
 Коль грозить, так не на шутку,
 Коль ругнуть, так сгоряча,
 Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
 Коль карать, так уж за дело,
 Коль простить, так всей душой,
 Коли пир, так пир горой!

<1854>

Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!
 Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
 Ой, кабы зимою цветы расцветали!
 Кабы мы любили да не разлюбляли!
 Кабы дно морское достать да измерить!
 Кабы можно, братцы, красным девкам верить!
 Ой, кабы все бабы были б молодицы!
 Кабы в полугаре поменьше водицы!
 Кабы всегда чарка доходила до рту!
 Да кабы приказных по боку да к черту!
 Да кабы звенели завсегда карманы!
 Да кабы нам, братцы, да свои кафтаны!
 Да кабы голодный всякий день обедал!
 Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

5 декабря 1855

То было раннею весной,
 Трава едва всходила,
 Ручьи текли, не парил зной,
 И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

20 мая 1871

501. КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибают колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле, — а цепи
Дорогу метут да метут. . .

Михаил Павлович Розенгейм родился в 1820 году в Петербурге, умер в 1887 году там же. Воспитывался он в кадетском корпусе, служил в конной артиллерии (1838—1866), по окончании Военно-юридической академии — судьей столичного окружного суда (с 1869). Первые стихотворные опыты Розенгейма относятся ко времени пребывания его в кадетском корпусе, из них «Походная песня» исполнялась в 1836 году, во время марша учебного батальона. Розенгейм сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Сыне отечества», «Русском слове», «Литературной библиотеке», «Заре». Первый сборник его — «Стихотворения Михаила Розенгейма», СПб., 1858. Эклектичный поэт (некоторые его стихи приписывались поэтому в журналах то Некрасову, то Лермонтову, то Хомякову), Розенгейм вызвал суровую критику в разных лагерях современной ему литературы (Добролюбов, Дружинин). В его поэзии причудливо сочетались вольнолюбивые мотивы («Гарibaldi», «Опять обещания») и реакционные идеи официальной народности («Космополиту»). Некоторые стихи Розенгейма запрещались цензурой и ходили в списках («Памятник», «На развалинах Севастополя», «Последняя элегия»). Он проявлял интерес к народной поэзии (переложения словацких и украинских песен, стихотворение «Русская песня» и др.). На стихи Розенгейма писали музыку малоизвестные композиторы: С. Баровский («Песня русского»), В. Главач («Гимн Кириллу и Мефодию»), Л. Лисовский («В глуши»), Н. Леонтьев («Гостья»), А. Орловский («Христианство»), В. Парамонов («Ах, душно, тяжко...»), А. Шефер («Она взглянула...»), Г. Эрлангер («Не пытай у волны...»). Романс на слова «Она пела» принадлежит Р. Глиэру. Несколько стихотворений Розенгейма вошли в устный обиход. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Соседка», «Ночь на исходе», «Ох житье ли ты, житье...», «Я не молод уж, друзья...» и др.

502. ПАСТУХИ

Что сгрустнулся, Ваня,
Что поник, родимый? ..
Видно, снова Таня
Пробежала мимо?
Нынче хороводы,
Молодежь гуляет, —
И тебя охота тоже,
Также подмывает.
И тебе бы с Таней
Поплясать хотелось?
Только чтобы, Ваня,
После не жалелось!
В хороводах пляски,
Красные резвятся,
Запылают глазки,
Щечки разгорятся...
Хорошо, ни слова.
А как той порою
Забредет корова,
Стопчет яровое, —
Кто тогда в ответе? ..
Мир тебя осудит,
Вычтет, — а с семьею
Что зимою будет? ..
Радость да веселье
Дело, брат, богатых.
Ведь и девки тоже
Любят тороватых,
Чтобы с ними знаться,
Нужно, малый, много;
Где ж тебе тягаться? —
Ты ж бобыль убогой!
Нужны там карманы,
Братец, не такие,
Синие кафтаны,
Шляпы щегольские! ..
Стыдно ведь парнишке
Стать перед народом

В сером зипунишке,
Хуже всех, уродом.
Что ж соваться к Тане
С голью неключимой?
Бог, брат, с нею, Ваня,
Бог с ней, мой родимый!
Только ведь сначала
Будет тяжеленько...
Ох, и я, бывало,
Плакивал частенько...
Да, разгула голод
Знаемое дело...
Был и я ведь молод, —
Молодость кипела,
Тоже порывался
Я повеселиться,
К красным приласкаться,
Хватом нарядиться.
Ба!.. Да бедность злая
И меня сызмала,
Что жена лихая,
За полу держала.
Вырваться нетрудно,
Одному б хватило, —
И гульнул бы чудно,
Как душа просила;
Да тут совесть в ухо,
Словно голос с неба:
«Знай гуляй, Петруха,
Пусть семья — без хлеба!»
А семья-то, знаешь, —
Старики да дети,
И у них — смекаешь? —
Я один на свете.
И обдаст как варом...
Вспомнишь их, сердечных, —
Дурь пройдет угаром.
Ну вздохнешь, конечно,
И пойдешь за дело...
Так года летели,
Кровь перекипела,
Кудри поседели.

А теперь, любезный,
Нет уж и охоты. . .
Всё пройдет, болезный,
Знай себе — работай! . .

1840-е годы

503

Не гляди так, девица,
Не сули участия:
Нет, душе не верится
В радость или счастье.
Время увлечения
Миновалось, ясное,
Скрыл туман сомнения
Жизни солнце красное.
Было сердце молодо
И любило пламенно,
Но от жизни холода
Стало глыбой каменной.
Не буди ж ретивое
Негой небывалою,
Лаской шаловливою
Не дразни усталое.

Конец 1840-х или начало 1850-х годов

**504. <ИЗ ПОЭМЫ
«ПОВЕСТЬ ПРО КУПЕЦКОГО СЫНА
АКИМА СКВОРЦОВА
И ПРО БОЯРСКУЮ ДОЧЬ»>**

Далеко, далеко
Степь за Волгу ушла,
В той степи широко,
Буйно воля жила,

Часто с горем вдвоем,
Но бедна да вольна,

С казаком, с бурлаком
Там водилась она.

Собирался толпой
К ней отвсюду народ,
Ради льготы одной
От лихих воевод,

От продажных дьяков,
От недобрых бояр,
От безбожных купцов,
Что от лютых татар.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не в сладость была,
Что бежал человек
От родного села,

Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воли одной.

Только мезтью дыша,
И озлоблен и лют,
Уходил в чем душа,
Куда ноги снесут.

Уносил он с собой,
Что про черный про день
Сбереглось за душой, —
Только жизнь да кистень,

Что отнять не могло
Притеснение: нож,
Да одно ремесло —
Темной ночью грабеж.

И сходилса он с ней,
С вольной волею, там,
И, что зверь, на людей
Набегал по ночам.

По лесам на реке
Не щадил никого
И, с ножом в кулаке,
Поджидал одного:

Чтоб какой ни на есть
Стенька Разин пришел,
На расплату, на месть
Их собрал и повел.

И случалось порой
Появлялся среди них,
Где-нибудь за рекой,
В буераках глухих,

Наставал удалец,
Словно божеский гнев,
Подымался, что жнец
На готовый посев.

. . . . .

Я видал этот край,
Край над Волгой-рекой,
Буйной вольницы рай
И притон вековой, —

Край, откуда орда
Русь давила ярмом,
Где в былые года
Жил казак с бурлаком;

Где с станицей стругов
Стенька Разин гулял,
Где с бояр да с купцов
Он оброки сбирал;

Где, не трогая сел,
По кострам городов
Божьей карой прошел
Емельян Пугачев.

<1864>

Н. С. Соколов — малоизвестный поэт и драматург 1830—1840-х годов. Его перу принадлежат водевили и комедии «Барон Брамбеус» (1835), «Невеста под замком» (1839), «Провинциальный муж и его жена» (1839), «Проказники, или Деревенские женихи» (1840), «Женихи-чудаки» (1841) и др. Стихотворения Соколова печатались в «Библиотеке для чтения», «Галатее», альманахе «Поэтические эскизы»; отдельно не издавались. Кроме публикуемого стихотворения популярность приобрели куплеты из его водевилей «Купеческая дочка и чиновник четырнадцатого класса» («Нынче свет уж не таков...»), «Проказник» («Как без денег жизнь проведешь...»), «Жозеф» («Если любишь ты игрушки...») и др. Они вошли, например, в «Карманный песенник, или Собрание новейших куплетов из опер и водевилей», составленный А. Андреевым (М., 1844).

505. ОН

Кипел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
На высоте стены кремлевской
Стоял Он в сером сюртуке.

Он видел огненное море;
Впервые полный мрачных дум,
Он в первый раз постигнул горе,
И содрогнулся гордый ум!

Ему мечтался остров дикий,
Он видел гибель впереди,
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди, —

И погрузился Он в мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам себе проговорил:

«Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.

И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах!

И вы, мной созванные гости,
И вы погибли среди снегов —
В полях истлеют ваши кости
Без погребенья и гробов!

Зачем я шел к тебе, Россия,
В твои глубокие снега?
Здесь о ступени роковые
Споткнулась дерзкая нога!

Твоя обширная столица —
Последний шаг мечты моей,
Она — надежд моих гробница,
Погибшей славы — мавзолеей».

<1850>

Николай Порфирьевич Греков родился в 1810 году в Москве, умер в 1866 году там же. Известность он приобрел в качестве переводчика с английского, немецкого, французского и испанского языков. Грекову принадлежат перевод первой части «Фауста» Гете, «Ромео и Джульетты» Шекспира, переводы стихотворений Гейне, драм Кальдерона и др. Его оригинальные произведения (стихи и проза) печатались в различных журналах 1830—1860-х годов («Современник», «Отечественные записки» и др.) и вышли отдельными изданиями: «Стихотворения Н Грекова», М., 1860; «Рассказы и очерки Н. П. Грекова», М., 1865; «Новые стихотворения Н. П. Грекова», М., 1866. Кроме публикуемых текстов известностью пользовался романс П. Булахова «В час когда мерцанье...». На тексты Грекова романсы писали: А Алябьев («Не трону я печаль немую...»), А. Варламов («Звездочка») А. Даргомыжский («В аду нам суждено...», «Цветы полей») А. Гурилев («Осенний день», «Слеза», «Сердце», «Серенада», «Песнь моряка»), С. Донауров («Я пью за здоровье твое...», «Сошлись мы порою ночью...»). М Мусоргский («Где ты, звездочка...»), П. Чайковский («Недолго нам гулять...», «Смотри: вон облако...», «Погоди» и др.). В песенниках конца XIX — начала XX века встречается «Бессонница» (музыка Булахова).

506. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вьется ласточка
Сизокрылая
Под окном моим
Одинешенька.
Над окном моим,

Над косящатым,
Есть у ласточки
Тепло гнездышко;
Ждет касаточку
Белогрудую
В теплом гнездышке } (2)
Ее парочка.

Слезы горькие
Утираючи,
Я смотрю ей вслед,
Вспоминаючи:
У меня была
Тоже ласточка,
Белогрудая
Душа-пташечка.
Да свила судьба
Ей уж гнездышко,
Во сырой земле } (2)
Вековечное.

<1850>

507

Погоди! Для чего торопиться?
Ведь и так жизнь несется стрелой.
Погоди! Мы успеем проститься,
Как лучами восток загорится, —
Но дождемся ль мы ночи такой?

Посмотри, посмотри, как чудесно
Убран звездами купол небесный,
Как мечтательно смотрит луна!
Как темно в этой сени древесной
И какая везде тишина!

Только слышно, как шепчут березы
Да стучит сердце в пылкой груди...
Воздух весь полон запахом розы...
Милый друг! Это жизнь, а не грезы!
Жизнь летит... Погоди! Погоди!

Пусть погаснут ночные светила.
Жизнь летит... а за жизнью могила,
А до ней люди нас разлучат...
Погоди! — люди спят, ангел милый.
Погоди! — еще звезды горят!

1850-е годы

508

Прощаясь, в аллее
Мы долго сидели,
А слезы и речи
Лились и кипели.

Дрожа, лепетали
Над нами березы,
А мы доживали
Все лучшие грезы.

Так чудно лил месяц
Свой свет из-за тучки
На бледные плечи,
На белые ручки...

И в эти минуты
Любви и разлуки
Мы прожили много —
И счастья, и муки...

1850-е годы

Николай Васильевич Берг родился в 1823 году в Москве, умер в 1884 году в Варшаве. Он учился на историко-филологическом факультете Московского университета, который оставил в 1846 году. Берг участвовал в Крымской кампании (во время обороны Севастополя служил переводчиком при штабе главнокомандующего). Позже он сражался в войсках Гарибальди, много путешествовал, был военным корреспондентом «Русского вестника» в Италии, Польше, Египте и других странах. Последние годы Берг преподавал русский язык в Варшавском университете и редактировал журнал «Dziennik Warszawski» (1874—1877). Первые стихотворные переводы его опубликованы в «Москвитянине» (1845). Известность он приобрел в качестве переводчика «Краледворской рукописи» (1846). «Сербских народных песен» (1847), «Песен разных народов» (1854), «Пана Тадеуша» А. Мицкевича (1875). Оригинальные стихи Берга отдельно не издавались. Единственное прижизненное издание его произведений — «Переводы и подражания», СПб., 1860. Кроме публикуемых текстов известны также романсы на слова Берга: «Как мила...», А. Дюбука и «Как станет голубка...» М. Офросимова. Возможно, что народная баллада «Был царь молодой...», опубликованная Б. и Ю. Соколовыми в их сборнике «Сказки и песни Белозерского края» (М., 1915), является переработкой перевода (со шведского) Берга «Две сестры».

509. ЖАЛОБА ДЕВЫ

Если б, сердце, ты лежало
На руках моих,
Всё качала бы, качала
Я тебя на них,

Будто мать дитя родное,
С тихою мольбой, —
И заснуло б, ретивое,
Ты передо мной!

А теперь в груди сокрыто,
Заперто в тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему;

Но не видит он печали;
Как мне с этим быть?
Позабыть его? Едва ли
Можно позабыть!

Мчатся годы, грусть всё та же,
Те же всё мечты. . .
Сердце, сердце, да когда же
Здесь умолкнешь ты?

<1853>

510. ПРАВО, МАМЕНЬКЕ СКАЖУ

Что такое это значит:
Как одна я с ним сижу,
Всё тоскует он и плачет? . .
Право, маменьке скажу!

Я ему одна забота,
Но в душе моей, вишь, лед,
И глаза мои за что-то
Он кинжалами зовет.

Вишь, резва я, непослушна,
Ни на миг не посижу. . .
Право, мне уж это скучно,
Право, маменьке скажу!

Под окном моим всё бродит,
Сам с собою говорит;

Как одна — он глаз не сводит,
А при людях — не глядит.

Но порой, как с ним бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и пылаю...
Право, маменьке скажу!

Пусть она о том рассудит;
Вот уж я погляжу,
Что-то с ним, с бедняжкой, будет?..
Нет, уж лучше не скажу!

<1860>

511. Л.

Ты еще не умеешь любить,
Но готов я порою забыться
И с тобою слегка пошутить,
И в тебя на минуту влюбиться.

Я влюбляюсь в тебя без ума;
Ты, кокетка, шалить начинаешь:
Ты как будто бы любишь сама,
И тоскуешь, и тайно страдаешь;

Ты прощаешь певцу своему
И волнение, и грусть, и доuku,
И что крепко целую и жму
Я твою белоснежную руку,

И что в очи тебе я смотрю
Беспокойным, томительным взором,
Что с тобой говорю, говорю,
И не знаю конца разговорам...

Вдруг я вижу — ты снова не та:
О любви уж и слышать не хочешь,
И как будто другим занята,
И бежишь от меня, и хохочешь...

Я спешу заглушить и забыть
Ропот сердца мятежный и страстный...
Ты еще не умеешь любить,
Мой ребенок, мой ангел прекрасный!

<1860>

Иван Саввич Никитин родился в 1824 году в Воронеже, умер в 1861 году там же. Он учился в духовном училище, затем в семинарии, откуда был отчислен в 1843 году «по причине охлаждения к богословским наукам». Первые дошедшие до нас стихотворения Никитина относятся к 1849 году. Некоторые стихотворения Никитина с 1880-х годов стали популярными песнями, иные из них фольклоризировались («Песня бобыля», «Зашумела, разгулялась в поле непогода...», «Жена ямщика», «Ехал из ярмарки ухарь-купец...» и др.).¹ На тексты поэта писали музыку, главным образом, второстепенные и малоизвестные композиторы: Н. Аmani («Тишина ночи»), Ф. Бенуа («Дитяти», «Засохшая береза»), П. Булахов («Три встречи»), А. Головин («Дитяти»), Г. Гольденберг («На западе солнце пылает...»), С. Донауров («Отвяжися, тоска...»), В. Золотарев («Сплетня»), Вас. Калинин («Хозяин», «Утро»), А. Чернявский («Отвяжися, тоска...»), Б. Подгорецкий («Дитяти», «Вот уж вечер идет...»), П. Чесноков («Хозяин»), А. Шефер («Не повторяй холодной укоризны...») и др. Особенно много романсов (более 10) написал В. Соколов. Стихотворение «Встреча зимы» положено на музыку Н. Римским-Корсаковым, «Ночь на берегу моря» — Ц. Кюи, «В темной роще» — А. Гречаниновым. Несколько романсов написал С. Моношко («Дитяти», «Песня бобыля»). На текст «Руси» хоры создали А. Кастаньский, Э. Направник, Н. Компанейский, А. Краснофавский, А. Орловский, К. Массалитинов. Из советских композиторов к стихам Никитина обращались Р. Глиэр («Встреча зимы»), С. Миловский («На старом кургане...») и др. В песенниках начала XX века, кроме публикуемых текстов, встречаются «Бурлак», «Ссора», «Пали на долю мне песни унылые...», «Утро». Всего на слова поэта написано свыше 50 романсов и песен более чем 30 композиторами.

---

¹ В. А. Тонков, Никитин и народное творчество, Воронеж, 1941.

512. ПЕСНЯ

Зашумела разгулялась
В поле чепогода,
Принакрылась белым снегом
Гладкая дорога.

Белым снегом принакрылась,
Не осталось следу,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свету.

Да удалому детине
Буря не забота:
Он проложит путь-дорогу,
Лишь была б охота,

Не страшна глухая полночь,
Дальний путь и вьюга,
Если молодца в свой терем
Ждет краса-подруга.

Уж как встретит она гостя
Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
Белою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубит. . .
Вспыхнет он — и холод ночи
И весь свет забудет.

Декабрь 1853

513

Медленно движется время, —
Веруй, надейся и жди. . .
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.

Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим, . . .
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Сеялось семя веками, —
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами, —
Зло вырывать не легко.
Нам его в детстве привили,
Деды сроднились с ним, . . .
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут — он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим. . .
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчет отдадим. . .
Мертвые в мире почили.
Дело настало живым.

14 сентября 1857

514. НИЩИЙ

И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа-ради на помощь зовет.

Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд, —
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!

Не откажут тебе в подаянье,
Не умрешь ты без крова зимой, —
Жаль разумное божье создание,
Человека в грязи и с сумой!

Но беднее и хуже есть нищий:
Не пойдет он просить под окном.
Целый век, из одежды да пищи,
Он работает ночью и днем.

Спит в лачужке, на грязной соломе,
Богатырь в безысходной беде,
Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде.

По́ смерть зерна он в землю бросает,
По́ смерть жнет, а нужда продает;
О нем облако слезы роняет,
Про тоску его буря поет.

1857

515

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке, кудряв и румян,
Вышел на улицу весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем — наживем!..»
Морщатся девки, до донышка пьют,
Шутят, и пляшут, и песни поют.

Ухарь-купец подпеваает-свистит,
Оземь ногой молодецки стучит.

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной...
Там услышал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит,
Дуб не шелохнется, сторож молчит.
К девке стыдливой купец пристаает,
Обнял, целует и руки ей жмет,
Рвется красotka за девичий круг:
Совестно ей от родных и подруг,
Смотрят подруги, — их зависть берет:
Вот, мол, упрямице счастье идет.
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела,
С вкрадчивой речью к купцу подошла:
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь, не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо... другую найдем!...»
Вывалась девка, хотела бежать,
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла.
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях,
Рваная шапка комком в головах.

Молится богу старуха жена,
Плакать бы надо — не плачет она.
Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.
Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?
Кем ты на гибель и срам осужден?

1858

516. ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

1858

517

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырую землю придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная —
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

Декабрь 1860

518. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ХОЗЯИН»>

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка ..

1861

Стихотворные опыты Льва Николаевича Толстого (1828—1910), связанные с его интересом к народным песням, относятся ко времени пребывания писателя на Кавказе, в Дунайской армии и в Крыму. Задумав повесть «Казачи», Толстой сочинил песню «Эй, Марьяна, брось работу...». О внимании Толстого к солдатским песням свидетельствует его намерение включить их в задуманный им популярный журнал для солдат.¹ Во время Севастопольской обороны Толстой принимал участие в коллективном сочинении песни «Как восьмого сентября...». С именем писателя связывается также «Под Силистрино ходили...» (Е. Бушканец), что, однако, оспаривается другими исследователями.² Как свидетельствует Толстой, обе севастопольские песни «заучивались со слов и изменялись и добавлялись».³ Эти песни Толстой пел в Лондоне, в семье Герцена, аккомпанируя себе на фортепьяно.

519

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы занимать.
Барон Вревский-енерал
К Горчакову приставал,
Когда подшофе:

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 59, М., 1935, с. 283.

² А. М. Новикова, Севастопольские песни Л. Н. Толстого. — «Ученые записки Московского областного пединститута», т. 212, вып. 8, 1964.

³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 75—76, М., 1955, с. 43.

«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мной ты в споры, —
Право, донесу».
Собирались на советы
Всё большие эполеты,
Даже Плац-Бекок.
Полицмейстер Плац-Бекок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать.
Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
На большом листу.
Чисто писано в бумаге,
Да забыли про овраги,
Как по ним ходить.
Выезжали князья, графы,
А за ними топографы
На большой редут.
Князь сказал: «Ступай, Липранди!»
А Липранди: «Нет, атáнде,
Я уж не пойду;
Туда умного не надо,
А пошли ка ты Реада,
А я посмотрю».
А Реад — возьми да спросту
Поведи нас прямо к мосту:
«Ну-ка на уру!»
Веймарн плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал;
«Нет, уж пусть идут».
И «уру» мы прошумели,
Да резервы не успели,
Кто-то переврал.
На Федюхины высоты
Нас всего пришло две роты,
А пошли полки.
Енерал-то Ушаков —
Тот уж вовсе не таков,
Всё чего-то ждал.
Долго ждал он, дожидался,
Пока с духом не собрался
Речку перейти.

А Белявцов-енерал —
Тот всё знаем потрясал,
Вовсе не к лицу.
Наше войско небольшое,
А французов ровно вдвое,
И сикурсу нет.
Ждали — выйдет с гарнизона
Нам на выручку колонна,
Подали сигнал.
А там Сакен-енерал
Всё акафисты читал
Богородице.
И пришлось нам отступить,
· · · · ·
Кто туда водил?!
А как первого числа
Ждали батюшку царя
Мы у Фот-Сала.
И в усердном умиленьи
Ждали все мы награжденья, —
Не дал ничего.

Август 1855

Василий Степанович Курочкин родился в 1831 году в Петербурге, умер в 1875 году там же. Он учился в кадетском корпусе, служил офицером в гренадерском полку, после отставки (1853) — мелким чиновником в министерстве путей сообщения. Курочкин состоял членом революционной организации «Земля и воля» и в связи с делом Д. В. Каракозова был заключен в Петропавловскую крепость. С 1865 года он находился под негласным полицейским надзором и подвергался цензурным преследованиям. Курочкин сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Отечественных записках», в «Биржевых ведомостях». Известность приобрел как редактор основанной им «Искры» (1859—1873), как переводчик песен Беранже (отд. изд. — СПб., 1858) и автор оригинальных сатирических стихотворений. Он переводил также Мольера, Вольтера, Альфреда де Виньи, Альфреда де Мюссе, В. Гюго, Барбье, Бернса, Шиллера и других поэтов. На сцене Александринского театра шли оперетты с текстом Курочкина (переработка французских). Он писал также агитационные пьесы (дошла лишь одна: «Принц Лутоня») и статьи о театре. На тексты Курочкина писали музыку А. Даргомыжский («Старый капитан», «Червяк», «Расстались гордо мы...»), Ц. Кюи («Вино и кокетка», «Стрелок и поселянка»), М. Мусоргский («Расстались гордо мы...»), Г. Скрипичин («Барышни»), В. Соколов («Общий знакомый»), К. Вильбоа («Старушка»). В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Плачущий муж», «Третий муж», «Общий знакомый», «Погребальные дроги», «Счастливая», «Новый фрек».

520. КАК ЯБЛОЧКО РУМЯН

Как яблочко румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаюсь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то всё хохочет...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
    Ей-ей, умру...
    Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад крошечный...
А он-то, многогрешный, —
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

<1856>

521. СТАРЫЙ КАНРАЛ

В ногу, ребята, идите,
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в седилах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера.
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
    В ногу, ребята! Раз! Два!
        Грудью подайся!
        Не хнычь, равняйся!..
    Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
    В ногу, ребята! Раз! Два!
        Грудью подайся!
        Не хнычь, равняйся!..
    Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
    В ногу, ребята! Раз! Два!
        Грудью подайся!
        Не хнычь, равняйся!..
    Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова

Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!..
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

<1856>

522. В РАЗЛУКЕ

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
Я грусти признака не подала.
Мы разошлись навек... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
Не знаю: сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

<1856>

Аполлон Николаевич Майков родился в 1821 году в Москве, умер в 1897 году в Петербурге. Учился он на юридическом факультете Московского университета, служил в казначействе и библиотекарем Румянцевского музея, несколько лет жил за границей (Италия, Франция). Первый сборник его стихотворений вышел в свет в 1842 году. На музыку положено свыше 70 стихотворений Майкова, некоторые из них — неоднократно: «Колыбельная» (см. примеч. к тексту), «Люблю, если тихо к плечу моему...» (В. Акименко, М. Ипполитов-Иванов, Ц. Кюи), «Осенние листья по ветру шумят...» (В. Акименко, Р. Глиэр, А. Гречанинов, М. Ипполитов-Иванов, М. Слонов, К. Шведов), «О чем в тиши ночей...» (М. Ипполитов-Иванов, Н. Римский-Корсаков, А. Рубинштейн, Н. Черепнин), «Я б тебя поцеловала...» (Б. Асафьев, Г. Конюс, Г. Спендиаров, А. Танеев, Н. Черепнин). Наиболее совершенное воплощение поэзия Майкова получила в романсах Н. Римского-Корсакова («Нимфа», «Сон в летнюю ночь», «Пан», «О чем в тиши ночей...», «Октава», «Я в гроте ждал тебя...», «Дева и солнце», «Вертоград» и др.). На тексты Майкова, кроме названных композиторов, музыку писали А. Аренский, М. Балакирев, А. Глазунов, В. Золотарев, Ф. Кёнеман, А. Лядов, С. Ляпунов, Э. Направник, В. Ребиков, Н. Соловьев, П. Чайковский и другие. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются «Испанская легенда», «Конь».

523. ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
    О горе былом,
И первые грезы
    О счастье ином...

1857

524

Ее в грязи он подобрал;
Чтоб всё достать ей — красть он стал;
Она в довольстве утопала
И над безумцем хохотала.

И шли пиры... но дни текли —
Вот утром раз за ним пришли:
Ведут в тюрьму... Она стояла
Перед окном и — хохотала.

Он из тюрьмы ее молил:
«Я без тебя душой изныл,
Приди ко мне!» Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Он в шесть поутру был казнен
И в семь во рву похоронен, —
А уж к восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.

1857

525. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;

Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

— «Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

1858

526. ПРИДАННОЕ

По городу плач и стенанье...
Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну, —
Княжон повидали мы вдоволь,
На днях хоронили одну:

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла:
Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красotka была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!..»

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

1859

Всеволод Владимирович Крестовский родился в 1840 году в с. Малая Березянка Тарашинского уезда Киевской губернии, умер в 1895 году в Варшаве. Он учился на филологическом факультете Петербургского университета, с 1868 года состоял на военной службе и участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов в качестве историографа военных действий при штабе главнокомандующего, позже служил в Петербурге, Туркестане, в корпусе пограничной стражи, с 1892 года редактировал «Варшавский дневник». Первые литературные опыты Крестовского относятся ко времени пребывания его в гимназии (некоторые из них позднее появились в печати). Дебютировал он переводом оды «К Хлое» («Общезанимательный вестник» на 1857 г.) и рассказом в стихах «Без дочери» (там же). Крестовский сотрудничал во многих периодических изданиях: в «Иллюстрации», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Сыне отечества», «Русском слове», «Русском мире», «Времени», «Эпохе», «Светоче», «Русском вестнике», «Модном магазине», «Ниве», «Заре». Его стихотворения вышли отдельным изданием (СПб., 1862). Широкую известность Крестовскому принес его роман «Петербургские трущобы» («Отечественные записки», 1864—1867). На тексты Крестовского писали музыку второстепенные и малоизвестные композиторы: И. Бородин («Я люблю как ребенок капризный...»), В. Пасхалов («На груди моей Миньоны...», «Спасибо, добрая моя...», «Что, моя нежная...»), Я. Пригожий («Нет, не к добру...»), В. Соколов («Огороды горожу...») и др. На текст стихотворения «Мать в сердцах меня журила...» романсы написали С. Донаулов, П. Макаров, М. Шишкин. Некоторые стихи Крестовского стали популярными песнями. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Калика перехожая», «Мать в сердцах меня журила...», «Дай же ручку: каждый пальчик...» (из Гейне).

Под душистою ветвью сирени
 С ней сидел я над сонной рекой,
 И, припав перед ней на колени,
 Ее стан обвивал я рукой...
 Проносились дымные тучки,
 На лице ее месяц играл,
 А ее трепетавшие ручки
 Я так долго, так страстно лобзал...

Погребальные свечи мерцали,
 В мрачных сводах была тишина,
 Над усопшей обряд совершали —
 Вся в цветах почивала она...
 Со слезой раздирающей муки
 Я на труп ее жадно припал
 И холодные, мертвые руки
 Так безумно, так страстно лобзал...

1857

528. ВЛАДИМИРКА

Ой, дорога ль ты, дороженька пробойная.
 Ты пробойная ль дороженька, прогонная!
 Уж много на Руси у нас дороженек,
 Что дорог ли шарокатных, происхоженных:
 По иным гоняют царских слуг — солдатушек,
 По иным бредет убогий богомольный люд,
 От Соловок до Киева, по угодничкам,
 Что по третьим ли дороженькам шлют красен
товар

Всё купцы да молодцы, володимирцы.
 Широки ль уж те дорожки да укатисты,
 А уж шире ль, да длиннее, да утоптанней
 Нашей матушки-Владимирки — не быть нигде!
 Не одни-то по ней поручни притерлися,
 Не одни-то быстры ноженьки примаялись,
 Что и слез на ней немало ли проливано,
 А и песен про нее ль немало сложено!

Далеко ты в даль уходишь непроглядную,
Во студеную сторонушку сибирскую,
Ох, дорога ль ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дорожка Володимирская!

1858

529

«Прости на вечную разлуку!» —
Твой голос грустно прозвучал,
И я пророческому звуку
Душой покорною внимал.
О, знала ль ты, хоть в те мгновенья,
Какого горького значенья
Мне этот звук исполнен был! —
С ним всё, что прожито тревожно,
Всё, что забыть мне невозможно,
Я безвозвратно хоронил...
Прости ж и ты!.. быть может, скоро
Пойду я в светлый, дальний путь,
Без желчных дум и без укора
Под небом теплым отдохнуть, —
И, может, сдавленное горе
Развеет ветер где-нибудь
И заглушит чужое море
В душе печальное: «Забудь!..
Забудь!..»

1860

530. ПОЛОСА

Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
И тебе не колосья краса,
Не колосья краса, а былинка...

А кругом-то, кругом поглядишь —
Так и зреют могучие нивы!
И стоит благодатная тишь,
И волнуются ржи переливы.

Но горька мне твоя нагота,
Как взгляну я на ниву-то божью:
Отчего ж ты одна, сирота,
Не красуешься матушкой-рожью?

Знать, хозяин-то твой в кабаке
Загулял не одну уж неделю,
Иль от горя — в гробовой доске
Отыскал на погосте постелю.

А быть может, и то: в кандалах
По Владимирке пахаря гонят,
За широкий, за вольный размах
Богатырскую силу хоронят.

И шагает он в синюю даль,
Сам шагает да слезы глотает:
Всё-то ниву свою ему жаль,
Всё полосу свою вспоминает...

Зарастай же, моя полоса,
Частым ельничком ты да березкой,
И пускай же ни серп, ни коса
Не сверкают отсель над полоской!

1861

531. ВАНЬКА-КЛЮЧНИК

Словно ягода лесная,
И укрыта и спела,
Свет княгиня молодая
В крепком тереме жила.

У княгини муж ревнивый;
Он и сед и нравом крут;
Царской милостью спесивый,
Ведал думу лишь да кнут.

А у князя Ваня-ключник,
Кудреватый, удалой,

Ваня-ключник — злой разлучник
Мужа старого с женой.

Хоть не даривал княгине
Ни монист, ни кумачу,
А ведь льнула же к детине,
Что сорочка ко плечу.

Целовала, миловала,
Обвивала, словно хмель,
И тайком с собою клала
Что на княжую постель.

Да известным наговором
Князь дознался всю вину, —
Как дознался, так с позором
И замкнул на ключ жену.

И дознался из передней,
От ревнивых от очей,
Что от самой от последней
Сенной девушки своей.

«Гой, холопья, вы подите —
Быть на дыбе вам в огне! —
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»

Ох, ведут к нему Ивашку, —
Ветер кудри Ване бьет,
Веет шелкову рубашку,
К белу телу так и льнет.

«Отвечай-ко, сын ты вражий,
Расскажи-ко, варвар мой,
Как гулял ты в спальне княжей
С нашей княжеской женой?»

— Ничего, сударь, не знаю,
Я не ведаю про то! . .
— «Ты не знаешь? Допытаю!
А застенок-то на что? . .»

И работают в застенке —
Только кости знай хрустят!
Перешиблены коленки,
Локти скручены назад.

Но молчком молчит Ивашка,
И опять его ведут;
В дырках мокрая рубашка,
Кудри ключьями встают;

Кандалы на резвых ножках,
А идет он — словно в рай,
Только хлюпает в сапожках
Кровь ручьями через край...

Видит — два столба кленовых,
Перекладина на них.
Знать, уж мук не будет новых,
Знать, готовят про других.

Отведу же я, мол, душу,
Распотешусь пред концом:
Уж пускай же, князь, Ванюшу
Хоть вспомянешь ты добром!

«Ты скажи ли мне, Ванюшка,
Как с княгиней жил досель?»
— «Ох, то ведает подушка
Да пуховая постель!..»

Много там было попито
Да поругано тебя,
А и вкрасне-то пожито,
И целовано любя!

На кровати, в волю княжью,
Там полежано у нас
И за грудь ли, грудь лебяжью,
Было хватано не раз!»

— «Ай да сказка!.. Видно хвата!
Исполать, за то люблю!

Вы повесьте-ко, ребята,
Да шелковую петлю!»

Ветер Ванюшку качает,
Что былинку на меже,
А княгиня умирает
Во светлице на ноже.

1861

Дмитрий Павлович Давыдов родился в 1811 году в Ачинске, Енисейской губернии, умер в 1888 году в Тобольске. С пятнадцатилетнего возраста Давыдов служил в канцелярии ачинского окружного суда, с 1830 по 1838 год был учителем Троицко-савского училища, с 1838 года — смотрителем якутских училищ, а с 1848 по 1860 год — смотрителем училищ Верхнеудинского округа. Выйдя в отставку, Давыдов жил в Иркутске и Тобольске (с 1879 г.). В 1845 г. он участвовал в Северо-восточной сибирской экспедиции, в последующие годы много занимался краеведческой, этнографической и археологической работой, изучал быт и культуру народов Сибири.

Первое его печатное произведение — «Амулет» (Казань, 1856). Отдельным изданием вышли также поэмы «Ширэ Гуйлгуху, или Волшебная скамеечка» (Верхнеудинск, 1859) и «Поэтические картины» (Иркутск, 1871). В поэзии Давыдова совмещаются фольклорные мотивы, заимствованные из бурятских, эвенкийских, якутских преданий и из русских песен, — с автобиографическими. Редакция газеты «Золотое руно», где сотрудничал Давыдов, характеризовала его как поэта, обладавшего «талантом сильным и самобытным».¹

532. ДУМЫ БЕГЛЕЦА НА БАЙКАЛЕ

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко.

---

¹ «Золотое руно», 1858, 1 февраля, примечание к стихотворению Давыдова «Дума II».

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в норах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В делях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплывь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречались мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец;
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я каргой и пришел наконец
К бочке, дресвою замытой.

Нечего думать — бог счастья послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал —
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне,
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью,
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко!

<1858>

Александр Николаевич Аммосов (1823—1866) — малоизвестный поэт 1850—1860-х годов. Его стихотворения изредка встречаются в периодической печати и публиковались посмертно («Русская старина», 1879, т. 24, стр. 169—170). Перу Аммосова принадлежит также книга «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина» (СПб., 1863). На стихи Аммосова писали музыку К. Лядов («Колокольчик», «Милый вечером...»), О. Дютш («Не забудь мечт вдали...»), С. Урусов («Я не забыл...»), М. Мусоргский («Что вам слова любви...») и др.

583. ЭЛЕГИЯ

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай, —
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоєю женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,

Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди, —
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой,
И играет река
Перекатной волной.

<1858>.

А. Бешенцов — поэт 1840—1850-х годов. Сведения о его жизни отсутствуют. Известно издание его «Сочинений в прозе и стихах» (М., 1858). Первую их часть составляет растянутая драма-водевиль «Жребий», куда вставлено много стихотворений, которые поют действующие лица. Вторую — стихотворения, посвященные «богиням мирных сел, дубрав, зеленых кущей». Эпигонская, камерная, а подчас и альбомная лирика Бешенцова не представляет интереса и заслуженно забыта. Однако публикуемый романс избежал общей участи его стихов. Кроме него Бешенцов написал еще несколько романсов («Мчись, мой конь удалой...», «Вам не понять моей печали...») и песен («Что ты, девушка, печально...», «Как цветок в глуши лесной...», «Ты поведай мне, Расскажи ты мне...»).

534. РОМАНС

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих;
Сердце ноет в груди,
Нету сил никаких.
Отойди, отойди!

Мне блаженства с тобой
Не дадут, не дадут;
А тебя с красотой
Продадут, продадут.
Отойди, отойди!

Для меня ли твоя
Красота, — посуди.
Денег нет у меня,
Один крест на груди.
Отойди, отойди!

Иль играть хочешь ты
Моей львиной душой
И всю мощь красоты
Испытать надо мной?
Отойди, отойди!

Нет! с ума я сойду,
Обожая тебя,
Не ручаюсь, убью
И тебя, и себя.
Отойди, отойди!

<1858>

Алексей Николаевич Апухтин родился в 1840 году в Болхове Орловской губернии, умер в 1893 году в Петербурге. По окончании Училища правоведения (1859) он служил в министерстве юстиции, чиновником по особым поручениям при орловском губернаторе (1863—1865), в министерстве внутренних дел. Апухтин сотрудничал в «Современнике», «Времени», «Русском слове», «Русской мысли», «Северном вестнике», «Гражданине», «Нови», «Вестнике Европы», «Ниве», «Искре» и других периодических изданиях. Первый сборник его стихотворений вышел в 1886 году. К стихам поэта обращались многие композиторы, на музыку положено около 50 его произведений. Наиболее значительны и популярны романсы Чайковского 1870—1880-х годов («Забуть так скоро...», «Ночи безумные...», «Ни отзыва, ни слова, ни привета...», «День ли царит...»), с которым Апухтина связывала дружба, возникшая в ученические годы. Выделяются также романсы С. Рахманинова («Судьба», «Отрывок из Мюссе»). На тексты Апухтина писали музыку И. Бородин («Жизнь»), А. Гречанинов («Она была твоя...» — отрывок из поэмы «Год в монастыре»), А. Аренский («Она была твоя...», «Минуты счастья», «Разбитая ваза», «Я ждал тебя...»), Ц. Кюи («Ни отзыва, ни слова, ни привета...», «Она была твоя...»), Р. Глиэр («Отчалила лодка...»), С. Прокофьев («Отчалила лодка...»). Цикл романсов создал Г. Катюар. Романсы писали также Н. Аmani, Ф. Бенуа, С. Донауров, С. Blumenфельд, К. Давыдов, В. Золотарев, В. Ребиков, Н. Соколов, Я. Пригожий, З. Рейснер-Куманина, А. Щербачев, А. Шефер, М. Штейнберг, П. Чесноков и др. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются «Мухи» (муз. Е. Безродной, В. Варгина, В. Икскуль, Н. Сасс-Гисовского, А. Щербачева, И. Эбеля).

535. CHANSON À VOIRE¹

Если измена тебя поразила,
Если тоскуешь ты, плача, любя,
Если в борьбе истощается сила,
Если обида терзает тебя,
Сердце ли рвется,
Ноет ли грудь, —
Пей, пока пьется,
Всё позабудь!

Выпьешь, заискрится сила во взоре,
Бури, нужда и борьба нипочем...
Старые раны, вчерашнее горе —
Всё обойдется, зальется вином.
Жизнь пронесется
Лучше, скорей,
Пей, пока пьется, сил не жалеи!
Сил не жалеи!

Если ж любим ты и счастлив мечтою,
Годы беспечности мигом пройдут,
В темной могиле, под рыхлой землею,
Мысли, и чувства, и ласки замрут.
Жизнь пронесется
Счастья быстрей...
Пей, пока пьется,
Пей веселей!

Что нам все радости, что наслажденья?
Долго на свете им жить не дано...
Дай нам забвенья, о, только забвенья,
Легкой дремой отумань нас, вино!
Сердце ль смеется,
Ноет ли грудь, —
Пей, пока пьется,
Всё позабудь!

1858

---

¹ Застольная песня (франц.). — *Ред.*

536. МИНУТЫ СЧАСТЬЯ

Не там отрадно счастье веет,
Где шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящие души, —

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участия
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев...

1865

537. ЛЮБОВЬ

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она как буря налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла,
Дала мне счастье без меры
И слезы, слезы без числа...

Сухими, жесткими словами
Терзала сердце мне порой,
И хохотала над слезами,
И издевалась над тоской;

А иногда горячим словом
И взором ласковых очей
Гнала печаль, — и в блеске новом
В душе светила моя!

Я всё забыл, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдал ей во власть,
Благословить ее не смею
И не могу ее проклясть.

1872

538

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

539. ПАРА ГНЕДЫХ

(Перевод из Донаурова)

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарелась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по несколько дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!

1870-е годы

540

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума всё та же, одна, роковая, —
Всё о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Всё, что в душе дорогого, святого, —
Всё от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, —
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы —
Всё для тебя!

<1889>

541. < ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «СУМАСШЕДШИЙ» >

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, — кричит, — василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,

В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! Куда мне деваться?
Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

<1890>

Петр Исаевич Вейнберг родился в 1831 году в Николаеве, умер в 1908 году в Петербурге. По окончании историко-филологического факультета Харьковского университета он служил чиновником в Тамбове, в 1858 году переехал в Петербург, где редактировал журнал «Век» (1861), состоял в редакции «Искры», заведовал литературным отделом «Будильника», издавал журнал «Изящная литература» (1883—1885). Первый сборник «Стихотворений» Вейнберга издан в Одессе (1854). Он сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Иллюстрации», «Современнике», «Сыне отечества» и «Русском слове». Известность приобрел в качестве автора «Юмористических стихотворений Гейне из Тамбова» (1863) и переводами немецких и английских поэтов. В песенниках встречаются: «Ах, как всё на свете ложно...», «Ей говорили: милый твой...», «Залита огнями церковь...», «Сатана людскую душу...», «Двое похорон...», «Экстренный случай...».

542

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь —
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь...

<1859>

Александр Николаевич Андреев родился в 1830 году в с. Погостицы Порховского уезда Псковской губ., умер в 1891 году в Москве. Окончив Институт инженеров путей сообщения, Андреев служил чиновником в различных министерствах (путей сообщения, внутренних дел и др.). Перу Андреева принадлежат пьесы, стихотворения, романы, повести, рассказы, путевые очерки, театральные рецензии, а также труды по истории искусства. Дебютировал он водевилем «Маскарад в оперном театре» (поставлен в 1846 году). При жизни Андреева «Стихотворения» его издавались дважды (СПб., 1860; СПб., 1879). Популярность приобрели «Цыганские песни» Андреева, положенные на музыку А. Дерфельдтом, А. Дюбюком, Паскуа, Рамазановым, Ф. Соколовым и особенно — капельмейстером хора московских цыган Штуцманом. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются «Любовь цыганки», «Люблю тебя...», «Красавица», «Цыганка», «Тайна цыганки» и др. Для хора московских цыган Андреевым была написана с успехом исполнявшаяся песня «Цыган в Москве здесь кто не знает...» (музыка руководителя хора И. В. Васильева).

543. КОКЕТКА

Говорят, что я кокетка,
Что любить я не хочу,
И видали, как нередко
Равнодушием плачу.

А видали ль, как я плачу,
Невозможность полюбя,
Силы девственные трачу,
Полны дивного огня?

А видали ль, как украдкой,
Затаив порыв страстей,
Я целую образ сладкий,
Счастье, жизнь души моей?

А видали ль, к изголовью
Как приникнув в море грез,
Обольется сердце кровью,
Глаза выноют от слез?

1850-е годы

544. ЗАЦЕЛУЙ МЕНЯ ДО СМЕРТИ!

Зацелуй меня до смерти —
От тебя и смерть мила;
Не на горе же, поверьте,
Жизнь от бога нам дана!

Без любви и жизнь не в радость,
Без объятий нет любви;
Я изведал жизни сладость,
Я узнал весь жар в крови!

Умирать ведь нам не надо!
Так уж лучше, через край
Выпив сладостного яда,
На земле изведать рай!

К жизни той близка дорога!
Я мгновения ловлю —
Зацелуй меня до смерти,
И я смерть благословлю.

1850-е годы

Иван Захарович Суриков родился в 1841 году в д. Новоселозо Углицкого уезда Юхтинской волости Ярославской губ., умер в 1880 году в Москве. С 1849 года он жил в Москве, добывая средства к существованию торговлей, перепиской бумаг, работой в типографии. С 1875 года Суриков — член «Общества любителей российской словесности». Первые литературные опыты его относятся ко второй половине 1850-х годов (уничтожены самим поэтом). Под первыми публикациями песен (с 1863 по 1867 г.) он подписывался: «Крестьянин И. З. Суриков». Сотрудничал Суриков в разных изданиях: «Развлечение», «Воскресный досуг», «Всемирная иллюстрация», «Грамотей», «Иллюстрированная газета», «Дело», «Вестник Европы» и др. При жизни его «Стихотворения» издавались трижды (М., 1871; М., 1875; М., 1877). Многие произведения Сурикова вошли в песенники и в устный репертуар. На его тексты писали музыку П. Чайковский («Занялася заря..», «Солнце утомилось..», «Ласточка», «Я ли в поле да не травушка была..», «В огороде возле броду..»), А. Гречанинов («В зареве огнистом..»), Ц. Кюи («Засветилась вдали, загорелась заря..»), Н. Соколов («Ты как утро весны..»), Э. Направник («В огороде возле броду..»), С. Квашиной («Дума»), Ю. Блейхман («Догорела румяная зорька вдали..»), П. Тюменев («Ночь тиха, сад объят полутьмою..») и др.

545. ЧАСОВОЙ

Полночь. Злая стужа
На дворе трещит.
Месяц облаками
Серыми закрыт.

У большого зданья
В улице глухой

Мерными шагами
Ходит часовой.

Под его ногами
Жесткий снег хрустит,
А кругом глухая
Улица молчит;

Но шагает ровно
Бравый часовой,
И ружье он крепко
Жмет к плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
С белою трубой;

Вспомнилась голубка,
Милая жена:
Чай, теперь на печке
Спит давно она.

Может быть, ей снится,
Как мороз трещит,
Как солдат озябший
На часах стоит.

1863

546

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

— «С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

<1864>

547

Тихо тощая лошадка
По пути бредет;
Гроб, рогожею покрытый,
На санях везет.

На санях в худой шубенке
Мужичок сидит;
Понукает он лошадку,
На нее кричит.

На лице его суровом
Налегла печаль,
И жену свою, голубку,
Крепко ему жаль.

Спит в гробу его подруга,
Верная жена, —
В час родов, от тяжелой муки,
Умерла она

И покинула на мужа
Пятерых сирот;
Кто-то их теперь обмочет?
Кто-то обошьет?

Вот пред ним мосток, часовня,
Вот и божий храм, —
И жену свою, голубку,
Он оставит там.

Долго станут плакать дети,
Ждать и кликать мать;
Не придет она с погоста
Слезы их унять.

1864

548

В зеленóm саду соловушка
Звонкой песней заливается;
У меня, у молодешеньки,
Сердце грустью надрывается.

Знать, тогда мне, когда поп крестил,
Вышла доля несчастливая,
Потому что вся я в матушку
Уродилась красивая.

И росла у ней да нежилась
Я на воле одинешенька;
Богачи, купцы проезжие,
Звали все меня хорошенькой.

Мое личико румяное
Красной зорькой разгоралось,
И косою моей русою
Вся деревня любовалась.

Да сгубил меня мой батюшка,
Выдал замуж за богатого,
На житье отдал на горькое
За седого, бородатого.

Не живу я с ним, а мучаюсь;
Сердце горем надрывается,
Не водою лицо белое,
А слезами умывается.

Что богатство мне без радости?
Без любви душа измаялась.
Без поры-то я, без времени,
Молодешенька, состарилась!

<1865>

549

Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую солому
Разметал, раздул?

И не твой ли под горою
Сгнил дотла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?

Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу в город
Летнею порой?

Не твоя ль жена в лохмотьях
Ходит босиком?
Не твои ли это детки
Просят под окном?

Не тебя ль в пиру обносят
Чаркою с вином
И не ты ль сидишь последним
Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
На пиру текут?
Не твои ли это песни
Грустью сердце жгут?

Не твоя ль это могила
Смотрит сиротой?
Крест свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краям ее крапива
Жгучая растет,
А зимой над нею вьюга
Плачет и поет.

И звучит в тех песнях горе,
Горе да тоска...
Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!

<1866>

550. У МОГИЛЫ МАТЕРИ

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой.
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.

Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;

Что твой муж, тобой любимый,
Мой отец родной,
Твоему бедняге сыну
Стал совсем чужой.

Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть:
«Без меня тебе, сыночек,
Горько будет жить!

Много, много встретишь горя,
Мой родимый, ты;
Много вынесешь несчастья,
Бед и нищеты!»

И слова твои сбылись,
Все сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
На меня взгляни!

С неба дождик льет осенний,
Холодом знобит;
У твоей сырой могилы
Сын-бедняк стоит.

В старом, рваном сюртучишке,
В ветхих сапогах;
Но всё так же тверд, как прежде,
Слез нет на глазах.

Знают то судьба-злодейка,
Горе и беда,
Что от них твой сын не плакал
В жизни никогда.

Нет, в груди моей горячей
Кровь еще горит,
На борьбу с судьбой суровой
Много сил кипит.

А когда я эти силы
Все убую в борьбе
И когда меня, родная,
Принесут к тебе, —

Приюти тогда меня ты
Тут в земле сырой;
Буду спать я, спать спокойно
Рядышком с тобой.

Будет солнце надо мною
Жаркое сиять;
Будут звезды золотые
Во всю ночь блистать;

Будет ветер беспокойный
Песни свои петь,
Над могилой серебристой
Тополью шуметь;

Будет вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно — сил погибших
Ей не разбудить.

1866

551

Ты, как утро весны,
Хороша и светла,
Как цветок, ты нежна,
Как дитя, весела;
Но боюсь тебя
Я, мой друг, полюбить,
Чтобы скорби моей
Мне к тебе не привить,
Чтобы горем моим
Мне тебя не убить.

1866

Шум и гам в кабаке,
Люд честной гуляет;
Расходился бедняк,
Пляшет, припевает:

«Эй, вы, — ну, полно спать!
Пей вино со мною!
Так и быть, уж тряхну
Для друзей мошною!

Денег, что ль, с нами нет?..
По рублю на брата!
У меня сто рублей
Каждая заплата!

Не беречь же их стать —
Наживешь заботу;
Надавали мне их
За мою работу.

Проживем — наживем:
Мышь башку не съела;
А кудрями тряхнем —
Подавай лишь дела!

А помрем — не возьмем
Ничего с собою;
И без денег дадут
Хату под землю.

Эх, ты, — ну, становись
На ребро, копейка!
Прочь поди, берегись
Ты, судьба-злодейка!

Иль постой! погоди!
Выпьем-ка со мною!
Говорят, у тебя
Счастье-то слугою.

Может быть, молодцу
Ты и улыбнешься;
А не то прочь ступай, —
Слез ты не дождешься!»

<1867>, <1875>, . . .

553

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя;
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой,
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

1867

554

День я хлеба не пекла,
Печку не топила —
В город с раннего утра
Мужа проводила.

Два лукошка толокна
Продала соседу,
И купила я вина,
Назвала беседу.

Всё плясала да пила;
Напилась, свалилась;
В это время в избу дверь
Тихо отворилась.

И с испугом я в двери
Увидала мужа.
Дети с голода кричат
И дрожат от стужи.

Поглядел он на меня,
Покосился с гневом —
И давай меня стегать
Плеткою с припевом:

«Как на улице мороз,
В хате не топлено,
Нет в лукошках толокна,
Хлеба не печено.

У соседа толокно
Детушки хлебают;
Отчего же у тебя
Зябнут, голодают?

О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку —
Не меняй ты никогда
Толокна на водку!»

Уж стегал меня, стегал,
Да, знать, стало жалко:
Бросил в угол свою плеть
Да схватил он палку.

Раза два перекрестил,
Плюнул с злостью на пол,
Поглядел он на детей —
Да и сам заплакал.

Ох, мне это толокно
Дорого досталось!
Две недели на боках,
Охая, валялась!

Ох, болит моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во сне мне снится!

1868, <1871>

555

За окном скрипит береза,
В комнате темно;
От трескучего мороза
В инее окно.

За окном!.. чу! песню кто-то
Весело поет;
Знать, ему нужна-забота
Душу не гнетет.

Пой же, друг, пока поется,
Жизнь пока светла;
А как горе к ней привьется —
Всё оденет мгла.

Заскрипишь ты, как береза
Под окном зимой,
Закипят на сердце слезы,
Смолкнет голос твой.

1868, <1877>.

556. В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Воронных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их бабушке:
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ящик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,

Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

<1869>, <1877>

557

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.
Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.
Ох ты, горе мое... и т. д.

Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;
Взяли калинушку поломали
И в жгутики меня посвязали.
Ох ты, горе мое... и т. д.

Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цветочек я росла;
Неволей меня, бедную, взяли
И с немилым седым повенчали.
Ох ты, горе мое... и т. д.

1870

558. ШВЕЙКА

Умирая в больнице, тревожно
Шепчет швейка в предсмертном бреду:
«Я терпела насколько возможно,
Я без жалоб сносила нужду.
Не встречала я в жизни отрады,
Много видела горьких обид;
Дерзко жгли меня наглые взгляды
Безрассудных, пустых волокит.
И хотелось уйти мне на волю,
И хотелось мне бросить иглу,—
И рвалась я к родимому полю,
К моему дорогому селу.
Но держала судьба-лиходейка
Меня крепко в железных когтях.
Я, несчастная, жалкая швейка,
В неустанном труде и слезах,
В горьких думах и тяжкой печали
Свой безрадостный век провела.
За любовь мою деньги давали —
Я за деньги любить не могла;
Билась с горькой нуждой, но развратом
Не пятнала я чистой души
И, трудясь через силу, богатым
Продавала свой труд за гроши...
Но любви мое сердце просило —
Горячо я и честно любила...
Оба были мы с ним бедняки,
Нас обоих сломила чахотка...
Видно, бедный — в любви не находка!
Видно, бедных любить не с руки!..
Я мучительной смерти не трушу,
Скоро жизни счастливой лучи
Озарят истомленную душу, —
Приходите тогда, богачи!
Приходите, любуйтесь смело
Ранней смертью девичьей красы,
Белизной бездыханного тела,
Густой темно-русой косы!»

<1875>

559. КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась, —
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбиты
Кудри черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жгет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть, —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во поиманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,

Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!..»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва...»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

<1877>

560

Не грусти, что листья
С дерева валяются, —
Будущей весною
Вновь они родятся, —

А грусти, что силы
Молодости тают,
Что черствеет сердце,
Думы засыпают...

Только лишь весной
Теплою повеет —
Дерево роскошно
Вновь зазеленеет...

Силы ж молодые
Сгибнут — не вернуться;
Сердце очерствеет —
Думы не проснутся!

<1877>

Александр Устинович Порецкий родился в 1819 году в Петровске Саратовской губ., умер в 1879 году в Петербурге. Окончив факультет восточных языков Петербургского университета, Порецкий служил в разных канцеляриях, преподавал русский язык в Доме воспитания бедных детей и одновременно занимался литературной деятельностью. Он переводил с французского, печатал рецензии, писал стихи и книжки для детей (под псевдонимом Пчельниковой), издавал первый в России дешевый «народный» журнал — «Воскресный досуг». Сотрудничал Порецкий в журналах «Время», «Эпоха», «Гражданин». Стихотворения его появлялись в разных журналах с начала 1840-х годов, но отдельно не издавались.

561. ПОЙМАННАЯ ПТИЧКА

«Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!»

— «Ах, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Развяжите сети!»

— «Нет, не пустим, птичка, нет,
Оставайся с нами:
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями!»

- «Ах, конфет я не люблю,
Не хочу я чаю,
В поле мошек я ловлю,
Зернышки собираю...»
- «Там замерзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке,
А у нас-то! В золотой
Будешь жить ты клетке!»
- «О, не бойтесь: в теплый край
Улечу зимою;
А в неволе — светлый рай
Будет мне тюрьмою!»
- «Птичка, птичка, как любить
Мы тебя бы стали!
Не позволили б грустить:
Всё б тебя ласкали».
- «Верю, детки; но для нас
Вредны ваши ласки, —
С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки!»
- «Правда, правда, птичка, ты
Не снесешь неволю...
Ну так бог с тобой, лети
И живи на воле!»

Лев Николаевич Модзалевский родился в 1837 году в с. Гари Гдовского уезда, Санктпетербургской губ., умер в 1898 году в Петербурге. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета Модзалевский работал инспектором-учителем педагогических курсов, преподавал в различных учебных заведениях. Автор многочисленных трудов по педагогике, Модзалевский не чужд был и литературе. Под псевдонимом Л. Гарского он сотрудничал в «Голосе», «Кавказе», «Семье и школе». Ему принадлежит либретто оперы Кютнера «Тарас Бульба». Стихотворения его отдельно не издавались.

562. ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ ВЕСНОЮ

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля;
Тебе мы поем песню,
Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
И ночи близок час;
На маковке березы
Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в ближней роще звонко
Уж соловей пропел.

Слети ж к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

<1864>

Иван Иванович Гольц-Миллер (1842—1871) — участник освободительного движения, состоял в студенческом революционном кружке П. Г. Зайчневского, за что был исключен из университета, арестован, а затем и выслан из Москвы. Стихи Гольц-Миллера с 1863 года печатались в «Современнике», «Русском слове», «Отечественных записках», «Вестнике Европы», но отдельно при жизни поэта не издавались. Лирика Гольц-Миллера — одно из характерных явлений русской революционно-демократической поэзии. Его стихотворения были популярны в среде передовой молодежи и привлекли внимание прогрессивно настроенных композиторов. На текст «Отверженной» романс написал М. Мусоргский (1865).

563. «СЛУ-ШАЙ!»

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночька черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-ша́й!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегись, дружище:
— Слу-ша́й!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака залыется,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шáй!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..»
— Слу-шáй!..

Чу!.. Шелест... Вот кто-то упал...
приподнялся...
И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел
раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!» —
Прорвалось стоном из раненой груди...
— Слу-шáй!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шáй!..

<1864>

Александр Александрович Навроцкий родился в 1839 году, умер в 1914 году в Петербурге. Окончив Военно-юридическую академию, Навроцкий служил крупным чиновником военно-судебного ведомства. Он писал стихи, поэмы, стихотворные повести, романы и драмы на сюжеты из древнерусской истории. В литературно-общественной жизни занимал консервативные позиции, что особенно сказалось в его статьях, опубликованных в издававшемся им журнале «Русская речь» (1879—1882). При жизни писателя вышли в свет его сочинения: «Картины минувшего» (СПб., 1881), «Волны жизни» (СПб., 1894), «Светочи русской земли» (СПб., 1896), «Сказания минувшего» (СПб., 1897), «Россия. Сказания в стихах» (СПб., 1898). Поэзия Навроцкого в основном проникнута славянофильскими идеями. Его стихам свойственна псевдофольклорная стилизация. Однако произведения, навеянные народными преданиями и песнями о Степане Разине, составляют счастливое исключение. Кроме публикуемого текста в нелегальных песенниках печатались отрывки из драматической хроники «Стенька Разин»: «Воля-матушка...» и «То не на небе туча черная собирается...», исполнение которых в качестве песен, впрочем, сомнительно.

564. УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, среди ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости,

И Степан будто знал — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал.
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

1864(?)

Василий Иванович Богданов родился в 1837 году, умер в 1886 году. По окончании медицинского факультета Московского университета переехал в Петербург, с 1864 года служил врачом в Балтийском флоте, в 1866—1867 годах совершил кругосветное плавание. Богданов сотрудничал в «Искре», где систематически печатал свои стихи (под псевдонимом Влас Точечкин) и вел обзор иностранной политической жизни («Заметки со всех концов света»). Он печатался также в «Стрекозе», «Петербургском листке», «Суфлере» и других изданиях 1880-х годов. Кроме стихотворений Богданов писал статьи, очерки, брошюры. Как поэт-«искровец», Богданов развивался под влиянием Некрасова, писал о городской обездоленной бедноте и о крестьянах, выражая в своем творчестве идеи революционной демократии. При жизни Богданова его стихотворения отдельно не издавались и собраны были лишь в советское время (сборник вышел в свет в 1959 г., в изд. МГУ).

565. ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,
    Это — песня рабочей артели:
    «Ухни, дубинушка, ухни!
    Ухни, березова, ухни!
    Ух!..»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Поет грудь, ломит шею и спину..»

Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут
И, крихтя, запевают дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!..» и т. д.

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрились и мы: чуть пришлось невмочь,
Вспоминаем родную дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!..» и т. д.

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,
Что творят по тебе так поминки,
Где работа дружной и усердной нужна,
Там у нас, знать, нельзя без дубинки:
«Ухни, дубинушка, ухни!..» и т. д.

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружной прорубалось в Европу окно,—
И гремело по финскому флоту:
«Ухни, дубинушка, ухни!..» и т. д.

Прорубили окно... Да, могуч был напор
Бессознательной силы... Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор.
Наши ж деды одно напевали:
«Ухни, дубинушка, ухни!..» и т. д.

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству,
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
Прибегаем, как к верному средству:
«Ухни, дубинушка, ухни!..» и т. д.

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело,
И при тяжком труде утомленных людей
Монотонно б у нас не гудело:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

<1865>

Лиодор Иванович Пальмин родился в 1841 году в Петербурге, умер в 1891 году в Москве. Учился Пальмин на юридическом факультете Петербургского университета — до ареста в 1861 году. После освобождения он сотрудничал в «Искре» (1863—1868), а с 1869 года, живя в Москве, — в юмористических журналах «Будильник», «Стрекоза», «Осколки» и др., а также в «Деле», «Женском вестнике», «Русской мысли», «Наблюдателе», «Литературной библиотеке». Стихи Пальмина при его жизни издавались неоднократно: «Сны наяву», М., 1878 (2-е изд. — 1891), Собрание новых стихотворений, М., 1881, «Цветы и змеи», СПб., 1883. Известность приобрели также переводы Пальмина (с польского — А. Мицкевича, В. Сырокомли и др.). Многие стихотворения Пальмина 1860-х годов были близки по настроению демократическим кругам русского общества. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются: «Утро», «Отчего иногда пред тобою...», «Regretium mobile», «Червонец и пятак», «Дитя», «Современные демоны», «Она».

566. REQUIEM

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

<1865>

Иннокентий Федорович Федоров (псевдоним — Омуревский) родился в 1836 году в Петропавловске на Камчатке, умер в 1883 году в Петербурге. Он учился в иркутской гимназии и был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. Литературная деятельность Федорова началась на рубеже 1850—1860-х годов в «Веке», в «Искре» и других юмористических журналах. Сотрудничал он в «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Женском вестнике», «Живописном обозрении», «Художественном журнале», «Наблюдателе» и др. Известность Федорову принес его роман «Шаг за шагом» («Светлов»; 1870). Его стихотворения вышли отдельным сборником: «Песни жизни», СПб., 1883. В поэзии Федорова ощутимо воздействие идей революционной демократии. Отношение Федорова к «родной песне» выражено в программных стихотворениях «Песня» и «Записка». Поэту принадлежит цикл из 10 стихотворений — «Деревенские песни» (1867—1868), — написанный в фольклорном стиле, однако ни одна из этих песен в устный репертуар не вошла. В песенниках, кроме публикуемых стихотворений, встречается романс «Всё ближе клонятся к закату...». На стихи Федорова писали музыку Н. Галкин («Много птичек скрылось...»), А. Денисов («Когда в душе моей...»), К. Галковский («Сибирь») и другие малоизвестные композиторы.

567

Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
Ты посети, между прочим,
Край мой далекий...

Там сквозь снега и морозы
Носятся мощные звуки;
Встретишь людей там, что терпят
Муки за муки...

Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди...
Там только люди да цепи,
Цепи да люди!

<1865>

568

Светает, товарищ!..
Работать давай!
Работы усиленной
Требуется край...

Работай руками,
Работай умом,
Работай без усталости
Ночью и днем!

Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет;
Не бойся, что дум твоих
Мир не поймет...

Работай лишь с пользой
На уровне людей
Да сей только честные
Мысли на ней;

А там уж что будет,
То будет пускай...
Так ну же работать мы
Дружно давай, —

Работать руками,
Работать умом,
Работать без усталости
Ночью и днем!

<1867>

767.

Леонид Николаевич Трефов родился в 1839 году в Любиме Ярославской губ., умер в 1905 году в Ярославле. По окончании гимназии (1856) он работал в редакции «Ярославских губернских ведомостей» (где появились и его первые стихи), а затем в губернской строительной и дорожной комиссии (1864—1870), продолжая быть одновременно редактором неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» (1866—1871), а с 1872 года — редактором «Вестника Ярославского земства». В 1860-е годы Трефов сотрудничал в «Иллюстрированной газете», в «Дне», «Искре», а позже — в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Наблюдателе», «Русской мысли» и многих других изданиях. При жизни поэта появились его сборники: «Славянские отголоски», Ярославль, 1877; Стихотворения (1863—1894), М., 1894. В лучших произведениях Трефова, написанных в традициях русской революционно-демократической поэзии, выражены глубокое сочувствие угнетенному народу и мечты о свободе. В своем творчестве он обращался также к народной поэзии, извлекая из «музыки народных песен» мотивы для своих стихов. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречается «Песня о камаринском мужике» (с 1876 года), особенно распространенная в лубке.

569. ДУБИНУШКА

(Картинка из бывшего-отжившего)

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют.
Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий, безоблачный день!

Всё бы легче народу неволю терпеть,
Всё бы легче «Дубинушку» петь.

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...
Покатились слезы из глаз.
Истомилась грудь. Лямка режет плечо...
Надо «ухать» еще и еще!
...От Самары до Рыбинска песня одна;
Не на радость она создана:
В ней звучит и тоска — похоронный напев,
И бессильный, страдальческий гнев.
Это — праведный гнев на злодейку-судьбу,
Что вступила с народом в борьбу
И велела ему под ярмом, за гроши,
Добывать для других барыши...

«Ну, живее!» — хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

1865

570. ЯМЩИК

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
Сидишь, как невольник, в затворе.
И чаркой и трубкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
И девки не тешат. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас, —
Веселым тебя не встречали.

«Мне горько и так, и без чарки вина,
Немило на свете, немило!
Но дайте мне чарку; поможет она
Сказать, что меня истомило.

Когда я на почте служил ямщиком,
    Был молод, водилась силенка.
И был я с трудом подневольным знаком,
    Замучила страшная гонка.

Скакал я и ночью, скакал я и днем;
    На водку давали мне баря,
Рублевик получим и лихо кутнем,
    И мчимся, по всем приударя.

Друзей было много. Смотритель не злой;
    Мы с ним побратались даже.
А лошади! Свистну — помчатся стрелой...
    Держися седок в экипаже!

Эх, славно я ездил! Случалось, грехом,
    Лошадок порядком измучишь;
Зато, как невесту везешь с женихом,
    Червонец наверно получишь.

В соседнем селе полюбил я одну
    Девицу. Любил не на шутку;
Куда ни поеду, а к ней заверну,
    Чтоб вместе пробыть хоть минутку.

Раз ночью смотритель дает мне приказ:
    «Живей отвези эстафету!»
Тогда непогода стояла у нас,
    На небе ни звездочки нету.

Смотрителя тихо, сквозь зубы, браня
    И злую ямщицкую долю,
Схватил я пакет и, вскочив на коня,
    Помчался по снежному полю.

Я еду, а ветер свистит в темноте,
    Мороз подирает по коже.
Две вёрсты мелькнули, на третьей версте...
    На третьей... О господи боже!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит,
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.

Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив зрителя, трушу,
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.

Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки.

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало,
И, как колокольчик разбитый, не в лад,
В груди сердце робко стучало.

Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто.

Я снег отряхнул — и невесты моей
Увидел потухшие очи. . .
Давайте вина мне, давайте скорей,
Рассказывать дальше — нет мочи!»

<1868>.

Спиридон Дмитриевич Дрожжин родился в 1848 году в д. Низовка Тверского уезда, умер в 1930 году там же. С двенадцатилетнего возраста жил в Петербурге и работал «мальчиком» и «половым» в гостиницах и трактирах, продавцом в табачной лавочке и книжном магазине, лакеем, служащим на табачной фабрике (в Ташкенте) и на железной дороге, а с конца 1870-х годов занимался земледельческим трудом. Тогда же он стал постоянно помещать свои стихотворения в «Игрушечке», «Семейных вечерах», «Детском чтении», «Роднике», «Слове», «Деле», «Луче», «Русском богатстве» и других изданиях. Первый сборник его стихотворений вышел в Москве в 1889 году. При жизни поэта вышли в свет 33 отдельные его книги и брошюры (включая переиздания). В «Автобиографии» (М., 1923) Дрожжина много свидетельств об интересе поэта к народным песням, которым он сознательно подражал. На тексты его писали музыку малоизвестные композиторы: С. Евсеев («Не полынь с травой-повиликою...»), В. Зиринг («Жница»), Ф. Лашек («Не с мороза травушка...», «Догорает день зарею...», «Что мне, молодцу, нужда...»), В. Бакалейников («Ах, уж я ль, млада-младенька...», «Сельская идиллия», «Ах, о чем ты, ласточка...», «Красна девица, зазноба ты моя...»), М. Ролов («Сельская идиллия», «Ах, о чем ты, ласточка...», «Любо-весело»), В. Ребиков («Ах, о чем ты, ласточка...», «Догорает день зарею...», «Жар весенних лучей...», «Ах, когда бы солнышко...», «Я для песни задушевной...»), В. Быстров («К песне»), А. Чернявский («Любо-весело», «У колодца» — вступление к поэме «Дуняша», «Красна девица, зазноба ты моя...»), Н. Сидельников («Лучинушка»), Н. Потоловский («Первая борозда»). Многие песни Дрожжина популяризовала с эстрады певица Н. В. Плевницкая («Ах, о чем ты, ласточка...», «Ах, уж я ль, млада-младенька...», «Сельская идиллия», «Любо-весело» и др.). В дореволюционных песенниках встречаются «Воля буйная», «Ох, не надобно мне ни золота...», «Горе пахаря».

571. ЖНИЦА

Ой ты, поле мое, полюшко,
Ты раздолье, поле чистое!
По тебе шумит-волнуется,
Словно море, рожь зернистая.
Скучно девице, нет моченьки
Жать серпом колосья зрелые, —
Закружилась головушка,
Разгорелось лицо белое.
Поздним вечером красавица
С милым другом распрощалась,
Он в дороженьку отправился,
Сиротой она осталась.
Вся до колоса пожатая,
Рожь к ногам ее склоняется —
А на сердце красной девицы
Грусть-тоска не унимается.

1871

572. СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

(Подражание А. В. Кольцову)

Пришла пора весенняя,
Цветут цветы душистые,
Слетаются-собираются
Все пташки голосистые.
Поют в полях, поют в лесах,
С куста на куст порхаючи:
Заслушалась красавица,
Про друга вспоминаючи.

Стоит, глядит задумчиво
Куда-то в даль незримую
И звонким колокольчиком
Заводит песнь любимую;
Далёко эта песенка
В родных полях разносится,
Звенит, душой согретая,
В другую душу просится.

Всё в этой песне слышится:
Любовь, глубоко скрытая,
И счастье далекое,
И горе пережитое.
Под вечер добрый молодец,
Окончив пашню черную,
Пустил коня и к девице
Пошел дорогой торною.

Никто не знал, что сделали
С красавицей девицею
Певуньи-пташки вольные
С весною-чаровницею.
А ночка, ночь весенняя
Все тайны, что проведала,
Хранить и ясну месяцу
И звездам заповедала!

1875

573. <ИЗ ПОЭМЫ «ДУНЯША»>

Быстро тучи проносились
Темно-синею грядой,
Избы снегом запушились:
Был морозец молодой.
Занесла кругом метелица
Все дороги и следы. . .
Из колодца красна девица
Достает себе воды, —
Достает и озирается,
Молодешенька, кругом,
А водица колыхается,
Позадернутая льдом. . .
Постояла чернобровая,
Коромысло подняла
И свою шубейку новую
Чуть водой не залила.
Вдоль по улице, как павушка,
Красна девица идет,
А навстречу ей Иванушка
Показался из ворот;

И, взглянув ей в очи ясные,
Тихо молвил на пути:
«Бог на помощь, девка красная,
Дай мне ведра понести!»
Вдруг ведерочки дубовые
Стал Ванюша подымать
И с улыбкой чернобровую
Обнимать и целовать.
Поцелуем красна девица
Заглушила поцелуй. . .
Разгуляйся ты, метелица,
Ветер, в сторону подуй! . .

1880

574. ПЕСНЯ

Красна девица, зазноба ты моя!
Зазнобила добра молодца меня,
Навела печаль на белое лицо,
Истомила сердце влюбчивое.

Без тебя мне нет отрады никакой, —
Приходи же, это сердце успокой,
Разгони печаль, разлапушка моя,
Ты улыбкою приветливою!

Приходи, как станет ночка потемней
И умолкнет на опушке соловей,
Буду ждать тебя в зеленом я саду
Под душистою рябинушкою.

1892

Сергей Сплыч Синегуб родился в 1851 или 1853 году, умер в 1907 году в Томске. По окончании Петербургского технологического института он недолго учительствовал в Тверской губ., занимаясь одновременно пропагандистской деятельностью. Арестованный в ноябре 1873 года за организацию рабочих кружков, Синегуб в 1878 году был осужден по «делу 193-х» и отправлен на каторгу в Сибирь. О своей революционной деятельности сам Синегуб рассказал в «Воспоминаниях чайковца». ¹ Стихотворения его (под псевдонимом «Вербовчанин») печатались в «Русском богатстве» и в сб. «Из-за решетки» (Женева, 1877), вошли в сборник: «С. С., Стихотворения», Ростов-на-Дону, 1906. Как поэт Синегуб принадлежал к некрасовской школе. В песенниках, кроме публикуемого текста, встречается «Она».

575. ДУМА ТКАЧА

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

«Ах, да зачем же, зачем же вы льетесь,
Горькие слезы, из глаз?
Делу — помеха; основа попортится!
Быть мне в ответе за вас!

---

¹ «Былое», 1906, № 8—10; отд. изд.: С. Синегуб, Записки чайковца, М. — Л., 1929.

Нитка порвалась в основе, канальская,
Эка, канальская снасть!
Ну, жизнь бесталанная! Сколько-то на́ душу
Примешь мучениев, — страсть!

Кашель проклятый измаял всю грудь мою,
Тоже болят и бока,
Спинушка, ноженьки ноют, сердечные,
Стой целый день у станка!

Шибко измаялся нынче, — присел бы я,
Кабы надсмотрщик ушел.
Эх, разболелися бедные ноженьки,
Словно верст сорок прошел! . . .»

Взором туманным обводит он ткацкую:
Нет ли надсмотрщика тут;
Сел бы, — торчит окаянный надсмотрщик —
Вмиг оштрафует ведь плут!

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопкá,
Маслом прогорклым воняет удушливо:
Да, жизнь ткача нелегка!

Стал он, бедняга, понуривши голову,
Тупо глядеть на станок.
Мечется, режет глаза наболевшие
Бешеный точно челнок.

«Как не завидовать главному мастеру,
Вишь, на окошке сидит!
Чай попивает, да гладит бородушку,
Видно, душа не болит.

Ласков на вид, а взгляни-ка ты вечером:
Станешь работу сдавать,
Он и работу бранит и ругается,
Всё норовит браковать.

Так ведь и правит, чтоб меньше досталось
Нашему брату ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин, надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу!

Хвор становлюся; да что станешь делать-то,
Нам без работы не жить —
Дома жена, старики да ребятаушки,
Подати надо платить.

Как-то жена нынче с домом справляется,
Что нам земляца-то даст?
Мало земляцы; плоха она, матушка,
Сущая, право, напасть!

Как сберегу, заработавши, денежки,
Стану домой посылать. . .
Сколько за месяц-то нынче придется мне
Денег штрафных отдавать?

Эх, кабы меньше. . . О господи, господи!
Наш ты всевышний творец!
Долго ли будет житье горемычное,
Скоро ль мученью конец?!»

Конец 1872 или начало 1873

Алексей Федорович Иванов (псевдоним — Классик) родился в 1841 году в Ярославской губ., умер в 1894 году в Петербурге. Иванов с детства торговал в лавке отца — оброчного крестьянина. Не имея возможности посещать школу, он занимался самообразованием. Дебютировал Иванов стихотворением «На смерть Никитина» («Петербургский вестник», 1861, № 26), с 1864 года сотрудничал в «Петербургском листке», «Искре», «Иллюстрации», «Будильнике». При жизни поэта его сборники издавались неоднократно («Песни Классика», СПб., 1873; «На рассвете», СПб., 1882; Стихотворения, СПб., 1891). Как поэт Иванов в начале своей литературной деятельности следовал традициям некрасовской школы, развивая ее сатирическое направление, однако позже в его лирике зазвучали интимные мотивы и она приобрела камерный характер. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Несчастный коммерсант», «Если б двести тысяч...», «Когда, женясь, начнешь влачить...», «Два восклицания», «Дедам», «О светский хлыщ, как ты хорош...», «Ах, какой прелестный...», «Без копейки за душою...», «Для ума и сердца пишу...», «Я от людей не требую участия...», «Я слышал, няня, будто папа...», «Не велику, не богату...» и др. На стихи Иванова писали музыку неизвестные композиторы, скрывавшиеся под инициалами П. Р., М. Ш., Ф. А. К., и т. п. Иванов создал цикл «Из народных песен», из которого, однако, ни одно стихотворение в устный репертуар и в песенники не вошло.

576. ПОМИНАЙ КАК ЗВАЛИ!

Иная личность среди людей
Мелькнет, как светлый гений,
Блестя звездой благих идей
И честных убеждений,

Вражда и зло слепых невежд
Готовит ей могилу.
И ряд обманутых надежд
Подкашивает силу.
В борьбе с неправдою людской,
Измучившись вначале,
Она вздохнет, махнет рукой —
И... поминай как звали!

Трудясь век свой, бедняк иной
Работает для блага,
Но вот законною семьей
Заводится бедняга.
Идут года, а средств и сил
Для жизни не хватает,
Он веру в счастье погасил
И духом упадает;
В семье раздоры, жизнь ведет
К лишениям да к печали.
Нужда растет... бедняк запьет —
И... поминай как звали!

Другой безумец жить спешит
И ловит наслажденья,
И вдруг невольно согрешит
В минуту заблуждешья.
Он честен был... невольно он
В тот миг греху поддался,
Он уличен, он обвинен,
Он сам во всем сознался.
В нем совесть прежняя не спит;
Преступник он?. Едва ли!
Но год в остроге посидит —
И... поминай как звали!

В делах коммерции гремит
Известный туз в столицах,
А у купчины сын кряхтит
В ежовых рукавицах.
Старик в гробу, разнуздан сын,
Владелец капиталов,

Забыты лавки и аршин —
Для оргий и скандалов.
К чему рвалась его душа —
Теперь ему всё дали,
И он спустил всё до гроша,
И... поминай как звали!

Пугают девушку стыдом
Враги разумной воли
За то, что хочет жить трудом,
Что ищет лучшей доли.
Перенести ей мудрено
Всю тяжесть испытаний,
А сердце юное полно
Таинственных желаний.
В конце концов — любви роман;
Свиданье на шпиц-бале,
Признание, клятвы и обман,
И... поминай как звали!

Вот аферист, салонным львом
Являсь средь полусвета,
Вращаясь в мире биржевом,
Мерцает как комета.
Взирая гордым богачом,
Дела ведет он живо,
Ему всё вздор, всё нипочем, —
Легка ему нажива.
И миллионы богатырь
Считая в идеале,
Мгновенно лопнет как пузырь,
И... поминай как звали!

Кругом посмотришь, так и мы,
Шумя, гремя словами,
К делам всеобщей кутерьмы
Небеспричастны сами.
Мы все готовы зло клеймить,
Сатиры — нам не в диво,
Но слово к делу применить
Нам как-то боязливо.

Довольно с нас, что честный ход
Мы внукам указали. . .
А в жизни нам один исход,
И. . . поминай как звали!

<1873>

577. В ОСТРОГЕ

Звенит за стенами острога
Обычный полуночи бой,
И брякнул ружьем у порога
Вздремнувший на миг часовой.
Назло утомленному взору,
Опять сквозь решетку окна
Бросает в позорную нору
Безжизненный луч свой луна.

На пук полусгнившей соломы
Припал я, и видится мне:
Под кровлею отчего дома
Живу я в родной стороне.
Я вижу: в семье разоренной
Бывалого счастья следы,
Мне снится отец изнуренный
Под игом неожиданной беды.

И образ страдальицы милый,
И горю покорная мать,
И тот, кто сгубил наши силы,
Кто мог наше счастье отнять,
Пред кем я, собой не владея,
Покончил о жизни вопрос
В тот миг, как с ножом на злодея
Преступную руку занес. . .

И снится, что будто встаю я
От тяжкого долгого сна,
Что в очи глядит мне, ликуя
Блаженством небесным, весна.

Но цепи со звуком упрека
С колен упадают, звеня,
И черные думы далеко,
Далеко уносят меня...

<1873>

Александр Константинович Шеллер (псевдоним — А. Михайлов) родился в 1838 году в Петербурге, умер в 1900 году. Сын эстонского крестьянина, Шеллер первоначальное образование получил дома и в немецкой школе. Учась в Петербургском университете, он принял участие в студенческих волнениях, за что был исключен. Увлечшись социальными проблемами и педагогикой, Шеллер основал школу для бедных, которая была вскоре закрыта. Несколько лет он провел за границей, где изучал жизнь рабочего класса. Литературная деятельность Шеллера началась в 1859 году, он сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», редактировал «Дело» и «Живописное обозрение». Известность Шеллеру принесли романы («Гнилые болота», «Жизнь Шупова» и др.). Перу писателя принадлежат также педагогические очерки и публицистические статьи, переводы стихотворений немецких, английских, венгерских поэтов. Стихотворения Шеллера вошли в первый и шестой том его «Сочинений» (СПб., 1873). Шеллер в некоторых своих стихах следовал традициям демократической поэзии. Кроме публикуемого текста в песенниках встречаются «Арфист», «За тебя боролся я, свобода...».

578. ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Дети мощные работы,
Солнца раннего друга!
Пойте песни веселее
После тягостного дня!

Прочь унынье! Прочь печали!
Вам недаром дан досуг;
Каждый новый путь к свободе
Был плодом могучих рук.

Прежде вас святой работник
Создал воздух, тьму планет,
Нашу землю, глубь морскую:
Он был бог, он создал свет.

<1873>

Дмитрий Александрович Клеменц родился в 1848 году в с. Горяиново Самарской губернии, умер в 1914 году в Москве. Он был одним из основателей общества «Земля и воля», в 1875—1878 годах жил за границей, где редактировал народнический журнал «Община». За участие в революционной деятельности в 1879 году Клеменц был арестован и сослан в Минусинск. По окончании срока ссылки он остался в Сибири и занялся этнографией. Позже Клеменц организовал и возглавил этнографический отдел Русского музея (с 1901 г.) и приобрел известность научными исследованиями в экспедициях в Восточный Туркестан и на Алтай. Клеменц считается, по авторитетному свидетельству Н. А. Морозова, автором нескольких вольнолюбивых стихотворений, опубликованных без подписи в нелегальном «Сборнике новых песен и стихов» (Женева, 1873); кроме помещаемых ниже это «Просьба», «Дума кузнеца», «Когда я был царем российским. . .».

579. ДОЛЯ

Уж ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Уж за что ж ты, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой —
Стороны своей лишился
За крестьянский мир честной.

Год в ту пору был голодный,
Стали подати собирать
И последние пожитки,
Всю скотину продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошел,
Но схватили по дороге,
До царя я не дошел.

И по царскому велению
За прошение мужиков
Его милости плательщик
Сподобился кандалов.

Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

<1873>

580. БАРКА

(На голос «Дубинушки»)

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села —
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!

Белый царь наш — кормщик пьяный,
Он завел нас на мель прямо.
Ой, дубинушка. . . и т. д.

Шли теченью мы навстречу —
Понатерли лямкой плечи.
Ой, дубинушка. . . и т. д.

Жгло нас солнцем полуденным,
Секло дождичком студенным.
Ой, дубинушка. . . и т. д.

Ой, сидела барка грузно,
И вести было натужно!
Ой, дубинушка... и т. д.

Господа на ней сидели,
Веселились, песни пели.
Ой, дубинушка... и т. д.

Силы нашей не жалели,
Всё скорей велели.
Ой, дубинушка... и т. д.

Они били нас дубиной,
А кормили нас мякиной.
Ой, дубинушка... и т. д.

Нашей баркой заправляли,
Нам же пикнуть не давали.
Ой, дубинушка... и т. д.

От такого управленья
Стала барка без движенья.
Ой, дубинушка... и т. д.

Из-за глупости дворянской
Не стоять барке крестьянской.
Ой, дубинушка... и т. д.

Чтоб придать ей снова ходу —
Покидаем бар мы в воду!
Ой, дубинушка... и т. д.

Чтобы барка шла вернее —
Надо лоцмана в три шеи!
Ой, дубинушка... и т. д.

И тогда охотно, смело
Снова примемся за дело!
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!

Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов родился в 1848 году в Царском Селе, умер в 1913 году в Петербурге. Учился он на юридическом факультете Московского университета и после длительного перерыва, вызванного болезнью и заграничным путешествием, — в Петербургском университете, по окончании которого (1871) занялся литературной деятельностью и музыкой. В 1870-е годы Голенищев-Кутузов был близок к В. Стасову и особенно к М. Мусоргскому. Позже он претерпел заметную эволюцию как поэт, изменив демократическим идеалам молодости. Стихи Голенищева-Кутузова печатались в «Деле», «Вестнике Европы», «Новом времени», вошли в сборники, неоднократно издававшиеся при жизни поэта: «Затишье и буря» (СПб, 1878), Стихотворения (СПб., 1884; 1901; 1912), а также в изданные посмертно Сочинения (СПб., 1914, т. 1). На музыку положено около 50 его текстов, некоторые неоднократно: «День отошел» (А. Аренский, М. Ипполитов-Иванов, Н. Черепнин), «Летняя ночь» (А. Аренский, С. Ляпунов, М. Мусоргский), «На водах покой глубокий...» (С. Ляпунов, Э. Направник, Н. Черепнин), «Над озером . . .» (А. Аренский, М. Балакирев, М. Мусоргский) и др. Кроме названных композиторов романсы писали Ф. Blumenфельд, Ц. Кюн («На пиру»), С. Рахманинов («Давно ль, мой друг...», «Поклоним, милая...», «Пред иконой»), Н. Соколов и др. Два цикла романсов на слова Голенищева-Кутузова создал Мусоргский: «Без солнца» (май — август 1874) и «Песни и пляски смерти» (1875—1877), в них отразились настроения, характерные для русской интеллигенции 1870—1880-х годов. В стихотворении «М. П. Мусоргскому» поэт пишет о воздействии на него композитора:

...Я молод был тогда;
Ты бодро шел вперед, уж гордый и мятежный;
Я робко брел вослед...

Впервые романсы Мусоргского на слова Голенищева-Кутузова исполнялись на литературно-музыкальных вечерах у В. Стасова. В цикл «Без солнца», кроме публикуемых текстов, вошли: «Окончен праздный, шумный день...», «Элегия» («В тумане дремлет ночь...»), «Над озером», «Скучай» (отрывок из «Скуки»). В цикл «Песни и пляски смерти», кроме публикуемого текста, вошли: «Колыбельная», «Серенада» и «Трепак».

581. В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Комнатка скромная, тесная, милая;
Тень непроглядная, тень безответная;
Дума глубокая, песня унылая;
В бьющемся сердце надежда заветная;

Тихий полет за мгновеньем мгновения;
Взор неподвижный на счастье далекое;
Много сомнения, много терпения...
Вот она, ночь моя, — ночь одинокая!

<1874>   --

582

Меня ты в толпе не узнала —
Твой взгляд не сказал ничего;
Но чудно и страшно мне стало,
Когда уловил я его.

То было одно лишь мгновенье —
Но, верь мне, я в нем перенес
Всей прошлой любви наслажденье,
Всю горечь забвенья и слез!

<1874>

583. ЗАБЫТЫЙ

Он смерть нашел в краю чужом,
В краю чужом, в бою с врагом;
Но враг друзьями побежден, —
Друзья ликуют, только он
На поле битвы позабыт,
Один лежит.

И между тем как жадный вран
Пьет кровь его из свежих ран
И точит незакрытый глаз,
Грозивший смертью в смерти час,
И, насладившись, пьян и сыт,
Долой летит, —

Далеко там, в краю родном,
Мать кормит сына под окном:
«А-гу, а-гу, не плачь, сыночек,
Вернется тятя. Пирожок
Тогда на радостях дружку
Я испеку. . .»
А тот — забыт, один лежит. . .

<1874>

584. ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ

День целый бой не умолкает;
В дыму затмился солнца свет,
Окрестность стонет и пылает,
Холмы ревут — победы нет!
И пала ночь на поле брани;
Дружины в поле разошлись;
Всё стихло — и в ночном тумане
Стенанья к небу поднялись.
Тогда, озарена луною,
На боевом своем коне,
Коней сверкая белизною,
Явилась смерть! И в тишине,
Внимая вопли и молитвы,

Довольства гордого полна,
Как полководец, место битвы
Кругом объехала она;
На холм поднявшись, оглянулась,
Остановилась. . . улыбнулась. . .
И над равниной боевой
Пронесся голос роковой:

«Кончена битва — я всех победила!
Все предо мной вы склонились, бойцы,
Жизнь вас поссорила — я помирила.
Дружно вставайте на смотр, мертвецы!

Маршем торжественным мимо пройдите;
Войско свое я хочу сосчитать.
В землю потом свои кости сложите,
Сладко от жизни в земле отдыхать.

Годы незримо пройдут за годами,
В людях исчезнет и память о вас —
Я не забуду, и вечно над вами
Пир буду править в полуночный час!

Пляской тяжелою землю сырую
Я притопчу, чтобы сень гробовую
Кости покинуть вовек не могли,
Чтоб никогда вам не встать из земли».

<1877>

Феликс Вадимович Волховский (1846—1914) участвовал в революционном движении 1860—1870-х годов, был причастен к делу Каракозова, возглавлял одесскую группу народнического кружка чайковцев. Он привлекался к суду по процессу «193-х», в 1878 году был приговорен к ссылке в Тобольскую губ., откуда в 1889 году бежал за границу. Находясь в 1875 году в заключении в Петропавловской крепости, Волховский сочинил несколько стихотворений на напевы народных песен: «Камаринской», «Барыни», «Ах вы сени, мои сени...», «Здравствуй, милая, хорошая моя!..» и др. Самим Волховским они были задуманы как «революционные песни», он их «переправлял на волю» с целью распространения; по свидетельству рабочего П. А. Алексева, эти песни уже в 1870-е годы «проникли в народ». ¹ Стихи его печатались в сб. «Из-за решетки» (Женева, 1877) и вошли в книгу поэта «Случайные песни», М., 1907.

585. ДУДА

(Поется на голос: «Здравствуй, милая, хорошая моя!..» или: «Вечерело, я стояла у ворот...»)

Собирайтесь-ка, ребята, поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружней!
Полно нам под дудку барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть?
Сколько времени на нашу на беду
Господа да кулаки дудят в дуду.

---

¹ Ф. Волховский, Ткач Петр Алексеевич Алексева. СПб., 1906, с. 10.

А начальство — знай подхлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом!
Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний знай летит!
Чиновъё да кулаки берут гроши:
Очень-де крестьянски деньги хороши!
Тут и поп, гляди, акафисты поет,
А руками те же денежки гребет!
Ах ты подлый долгогривый сатана,
Ведь и так, поди, мошна твоя полна!
До каких же пор нам, братцы, всё плясать?!
Нет, давайте на своей дуде играть:
Пусть теперь попляшет воронье,
Растрясет маленько череву свое!

1875, 1907.

Петр Лаврович Лавров (псевдоним — Миртов) родился в 1823 году в Мелихово Псковской губернии, умер в 1900 году в Париже. По окончании Петербургского артиллерийского училища он с 1842 по 1846 год читал лекции по математике. Социолог и публицист, член общества «Земля и воля» и партии «Народная воля», Лавров был видным участником и идеологом освободительного движения. В 1873—1877 годах он, находясь в политической эмиграции, издавал журнал «Вперед» и газету под тем же названием, а позже редактировал «Вестник народной воли». Лавров сотрудничал в «Отечественных записках», «Русском слове», «Современном обозрении». Стихотворения Лаврова появились в 1840 году в «Библиотеке для чтения», в 1850—1870-е годы печатались за границей в сборниках Герцена «Голоса из России» и «Собрание запрещенных стихов и прозы», в журнале «Вперед», в народовольческих сборниках, но отдельно не издавались. Они проникнуты настроениями, характерными для революционного народничества, и распространялись в многочисленных списках.

586. НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем в ряды страждущих братьий,
Мы к голодному люду пойдем;

С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира царя!

Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою,
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

<1875>

Григорий Александрович Мачтет родился в 1852 году в Луцке, умер в 1901 году в Ялте. Получив экстерном звание уездного учителя, Мачтет преподавал историю и географию в Могилеве и Каменец-Подольске, с 1872 по 1875 год жил в Америке, где работал чернорабочим. В 1876 году Мачтет был арестован за участие в революционном движении, заключен в Петропавловскую крепость и вскоре отправлен в административную ссылку в Архангельскую губ. (Холмогоры), а затем в Сибирь, где он находился по 1884 год. Литературная деятельность Мачтета началась в 1875 году в «Неделе» и в «Отечественных записках». Он печатал рассказы, повести, романы, фельетоны, статьи. Из его немногочисленных стихотворений, написанных в 1870-е годы, было опубликовано и сохранилось только два (кроме помещаемого ниже — «Пророк»).

587. ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ...

(Замученному в остроге Чернышеву, борцу за народное дело)

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты буйные кости сложил...

Служил ты немного, но честно
Для блага родимой земли...
И мы — твои братья по духу —
Тебя на кладбище снесли...

Наш враг над тобой не глумился. . .
Кругом тебя были — свои. . .
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои. . .

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах, —

Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись! . .

С тобою одна нам дорога:
Как ты — мы в острогах сгнем;
Как ты — для народного дела
Мы головы наши снесем;

Как ты, мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней. . .

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подыметесь мститель суровый
И будет он нас посильней! . .

31 марта 1876

Александр Васильевич Круглов родился в 1853 году в Великом Устюге Вологодской губ., умер в 1915 году под Москвой. По окончании вологодской гимназии Круглов работал корректором в местной типографии и в Казенной палате. С 1873 года по 1880 год он жил в Петербурге, служил библиотекарем, занимаясь одновременно литературной деятельностью. Он сотрудничал в «Одесском листке», «Русской речи», «Русской мысли», «Неделе», «Вестнике Европы», «Наблюдателе», «Русских ведомостях», «Свете», «Русском обозрении», «Историческом вестнике», известность приобрел в качестве детского писателя. Стихотворения его вошли в сборники: «Детям» (СПб., 1895), Стихотворения (М., 1897), «Любовь и истина» (СПб., 1899). На тексты Круглова цикл романсов написал П. Ренчицкий («Пой мне веселые песни...», «Хочешь видеть лето...», «Эх, была не была...» и др.); ряд стихотворений Круглова был положен на музыку П. Бларамбергом, А. Вилламовым, П. Чесноковым, П. Щенком, П. Щуровским и другими малоизвестными композиторами.

588. А ИЗ РОЩИ, РОЩИ ТЕМНОЙ

Солнце за лес закатилось,
Свежестью пахнуло;
В камышах, под лаской неба,
Озеро уснуло.

А из рощи, рощи темной
Песнь любви несется
И с какой-то болью тайной
В сердце отдается.

Будит эта песнь невольно
Светлое былое,
Молодым горячим сердцем
Страстно прожитое.

Те же ночи. . . та же песня. . .
Тот же месяц светит. . .
Да по-старому на песню
Сердце не ответит.

Не течет река обратно,
Что прошло — не будет;
Только сердце дней минувших
Не забудет. . .

А из рощи, рощи темной,
Песнь любви несется
И в душе с какой-то болью
Отдается!

1876

А. Архангельский — возможно, псевдоним, под которым появилось два стихотворения в газете «Русское обозрение» (кроме публикуемого — «Тучи черные в небе носятся...»), приобретшие популярность в революционных кругах. Ничего достоверного об их авторе не известно.

589. В ДОРОГЕ

Идет он усталый, и цепи звенят,
Закованы руки и ноги.
Спокойный, но грустный он взгляд устремил
Вперед по пустынной дороге.

Полдненное солнце нещадно палит,
И дышится трудно от пыли.
И вспомнил он живо о тех, что пред ним
Дорогою той проходили.

Тоскою смертельною сжалася грудь,
Слезой затуманились очи. . .
А жар всё сильнее, и думает он:
«Скорее бы холода ночи!»

Нагрелися цепи от жгучих лучей
И в тело впились змеями;
И льется по капле горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но он терпеливо оковы несет:
    За дело любви он страдает,
За то, что не мог равнодушно смотреть,
    Как брат в нищете погибает.

И долго ему придется нести
    Тяжелое бремя страданья! . .
Не вырвется стон из разбитой груди
    Исчадням тьмы в посмеянье! . .

В груди его вера святая царит,
    Что правда сильнее булата,
Что время наступит, оценят ту кровь,
    Которую льет он за брата! . .

1878

Петр Анисимович Моисеенко (1852—1923) происходил из крестьян Смоленской губ., с 1871 года работал ткачом в Орехово-Зуеве, затем на петербургской Новой бумагопрядильной фабрике. Один из первых революционеров рабочих, участник демонстрации у Казанского собора в 1876 году, Моисеенко в 1885 году организовал известную «морозовскую стачку» в Орехово-Зуеве, вел революционную работу в разных городах, неоднократно подвергался арестам и ссылке. Кроме публикуемого текста Моисеенко принадлежит другая известная песня — «Ткачи», написанная им совместно с рабочим-революционером Штрипаном.

590

Я хочу вам рассказать,
Как нас стали обирать
Дармоеды-кулаки,
Полицейские крючки.
А министры и цари
На нас смотрят издали —
Указ новый написали,
Чтобы чище обирали,
Попы пьяные орали,
Народ бедный надували.
Царь наш, батюшка-спаситель,
Вашей шайки предводитель,
Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу ссылаешь,

Суд военный утвердил,
Полны тюрьмы понабил.
Запретил всему народу
Говорить ты про свободу.
Кто осмелится сказать —
Велит вешать и стрелять.

1879

Николай Максимович Минский (Виленкин) родился в 1855 году в с. Глубокое, Виленской губ., умер в 1937 году в Париже. По окончании юридического факультета Петербургского университета Минский служил адвокатом, принимал деятельное участие в литературно-общественной жизни. Сотрудничал он в «Новом времени», «Неделе», «Русской мысли», «Северном вестнике», «Вестнике Европы». Первый сборник его стихотворений появился в 1883 году (перездавался с дополнениями дважды — СПб., 1887; 1896), Полное собрание стихотворений также выходило несколькими изданиями (изд. 4 — СПб., 1907). Кроме стихов он писал прозу. Известны также его переводы поэм Шелли и «Илиады». Из поэта, в 1870-е годы верного демократическим традициям русской поэзии, близкого к народникам, Минский затем превратился в одного из вождей символизма и декадентства, в проповедника реакционной философии. Впрочем, в начале 1900-х годов, под воздействием перемен в жизни русского общества, он сочувствовал рабочему движению и даже недолгое время в качестве издателя газеты «Новая жизнь» (1905) сотрудничал с большевиками. В 1914 году уехал за границу и на родину больше не возвращался (в 1920-е годы был сотрудником советского полпредства в Англии). На стихи Минского писали романсы А. Аренский («Когда я был любим...», «Я боюсь рассказать...»), Р. Глиэр («Восточная песнь»), А. Гольденвейзер («На корабле»), В. Золотарев («Волна», «Пред зарю»), А. Крейн («Осенняя песнь»), С. Рахманинов («В моей душе любовь восходит...», «Она как полдень хороша...»), Розенов («Еще я не люблю...» и др.; цикл из 7 романсов), А. Рубинштейн («Серенада»), И. Рачинский, П. Ренчицкий, В. Муромцевский, В. Пасхалов, А. Чарнова, А. Шепелевский и другие. В песенниках встречается «Я боюсь рассказать...»

591. СЕРЕНАДА

Тянутся по небу тучи тяжелые,
Мрачно и сыро вокруг.
Плача, деревья качаются голые. . .
Не просыпайся, мой друг!
Не разгоняй сновиденья веселые,
Не размыкай своих глаз.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз.

Счастлив, кто спит, кому в осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастлив, кто спит, кто про долю свободную
В тесной тюрьме видит сны.
Горе проснувшимся! В ночь безысходную
Им не сомкнуть своих глаз.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз.

1879

592

Она как полдень хороша,
Она загадочней полночи.
У ней не плакавшие очи
И не страдавшая душа.

А мне, чья жизнь — борьба и горе,
По ней томиться суждено.
Так вечно плачущее море
В безмолвный берег влюблено.

1880-е годы

Александр Александрович Ольхин (1839—1897) — адвокат, выступавший защитником в ряде политических процессов: нечаевцев, по делу демонстрации на Казанской площади, в процессах «50-ти», «193-х» и др. Стихи Ольхина (часто без подписи) печатались в различных изданиях революционных народников, но отдельно не издавались. Кроме публикуемого текста известность приобрело стихотворение Ольхина «У гроба».

593. ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Про радость и горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне —
Это песня рабочей артели:
    Ой, дубинушка, ухнем!
    Ой, зеленая, *сама пойдет!* (2)
    Подернем! (2) Ух!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
    Эта песня идет по наследству,
И лишь только как станет работать невмочь,
    Мы — к дубине, как к верному средству.
    Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Говорят, что мужик наш работать ленив,
    Пока не взбороздят ему спину,
Ну, так как же забыть наш родимый напев
    И не петь про родную дубину.
    Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работа невмочь,
Так затаяет родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. и т. д.

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем —
С мукой, болью в груди одну песню поем,
Про дубину в ней всё вспоминаем.
Ой, дубинушка, ухнем!.. и т. д.

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. и т. д.

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину, —
Будем ждать и терпеть и в нужде будем петь
Всё про ту же родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. и т. д.

Мы пируем при блеске огней на балах
И шутя мы поем про дубину,
А забыли о тех, кто сидит в кандалах
Всё за ту же родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. и т. д.

Но ведь время придет, и проснется народ,
Разогнет он избитую спину
И в родимых лесах на врагов подберет
Здоровее и крепче дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет! (2)
Подернем! (2) Ух!

Конец 1870-х годов

Николай Андреевич Панов родился в 1861 году в с. Софьино, Самарской губ., умер в 1906 году в Петербурге. Учился он в сызранской приходской школе, в уездном и реальном училищах, был телеграфистом на железной дороге, зарабатывал средства к существованию частными уроками, в 1892 году служил в Лермонтовской библиотеке в Пензе, затем — в Петербурге в должности секретаря редакции журнала «Колосья» и в редакции журнала «Семьянин». Самые ранние из опубликованных стихотворений Панова помечены 1877 годом, в печати же они появились в 1881 году (в «Игрушечке» и «Ниве»). Первый сборник его стихотворений — «Думы и песни», СПб., 1882. Сотрудничал Панов в «Деле», «Русской жизни», «Новом слове», «Русской беседе» и во многих провинциальных изданиях. Кроме стихотворений он писал рассказы, статьи, фельетоны, выпустил роман в стихах «Владимир Волгин» (СПб., 1900). Наиболее полное прижизненное собрание его произведений — «Гусли звончаты», СПб., 1896. Некоторые стихи Панова положены на музыку малоизвестными композиторами: «Правда-матушка» (К. Галковский, Л. Лисовский), «Полно, молодец, кручиниться...» (А. Зорин), «Пронеслась над нивою...» (Я. Прохоров), «Ах, в поле одинокая...» (И. Корнилов), «Ты куда бежишь...» (А. Чернявский), «На горе растет калина...» (В. Хорошевич-Терницкий). В своем творчестве Панов ориентировался на фольклор. Народной поэзии он посвятил и несколько программных стихотворений («Наша песня», «Гусляр», «Собиратель песен» и др.). Однако его собственные произведения, как правило, — лишь более или менее удачные стилизации, и лишь немногие из них приобрели некоторую популярность.

Кроме публикуемых текстов в песенниках встречаются «Гусляр», «Ванька-ключник», «Масленица», «Цветы», «Сила богатырская», «Каторга-Сибирь», «Снежки белые» и др. Отдельным изданием с потами вышла в свет «Песня молодецкая».

594. ТРАВУШКА-МУРАВУШКА

Наша улица травой заросла,
Голубыми васильками зацвела,
Только губит василечки лебеда,
Сквозь нее почти не видно и следа.
Уж зато у наших окон и ворот
Белоснежная черемуха цветет.
Наша улица — зеленые поля...
Ах! ты травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка нетоптаная!

Я на улицу раненько выхожу,
Я на травушку-муравушку гляжу;
А роса-то на ней свежая блестит,
Изумрудами, алмазами горит,
А цветочки как умытые стоят
И приветливо и весело глядят.
Наша улица — зеленые поля...
Ах! ты травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка нетоптаная!

Мне у батюшки родного не живать,
Не живать — тебя, муравушка, не мять...
Едут сваты, все поклоны отдают,
Меня замуж за неровню выдают...
Поведут меня с постылым под венец,
Что-то скажет разудалый молодец?..
Наша улица — зеленые поля...
Ах! ты травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка нетоптаная!

<1881>, <1896>

595. ЛУЧИНУШКА

Ночь темна-темнешенька,
В доме тишина;
Я сижу, младешенька,
С вечера одна.
Словно мать желанная
По сынке родном,

Плачет неустанная
    Буря под окном.
До земли рябинушка
    Гнется и шумит. . .
Лучина-лучинушка
    Неясно горит.

Затянуть бы звонкую
    Песенку живей,
Благо пряжу тонкую
    Прясть мне веселей.
Да боюсь батюшку
    Свекра разбудить
И свекровь-то матушку
    Этим огорчить.
Муженек-детинушка
    Беззаботно спит. . .
Лучина-лучинушка
    Неясно горит.

Хорошо девицею
    Было распевать,
Горько молодежию
    Слезы проливать.
Отдали несчастную
    В добрую семью,
Загубили красную
    Молодость мою.
Мне лиха судьбинушка
    Счастья не сулит. . .
Лучина-лучинушка
    Неясно горит.

Я ли не примерная
    На селе жена?
Как собака верная,
    Мужу предана.
Я ли не охотница
    Жить с людьми в ладу?
Я ли не работница
    В летнюю страду?

От работы спинушка
И теперь болит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

Милые родители,
Свахи и родня!
Лучше бы мучители
Извели меня:
Я тогда не стала бы
Сетовать на вас...
Сладко ли вам жалобы
Слышать каждый раз?
Ах! тоска-кручинушка
Сердце тяготит...
Лучина-лучинушка
Неясно горит.

<1896>

596

Грозно ходят тучи по небу,
Ночь угрюмая царит...
Обнимая дочь боярскую,
Парень тихо говорит:

«Я люблю тебя, желанная,
Без ума тебя люблю,
И твою-то долю девичью,
И свою-то погублю;

Мы сходились — смеялись,
Расстаемся во слезах...
Не пристойно ж сыну пахаря
Жить в богатых теремах!»

Отвечает красна девица:
«Не печалься, голубь мой!
Разве лучше жизнь боярская
Этой воли удалой?»

Полно, молодец, кручиниться;
Утешение найду:
Я не робкая, я смелая,
За тобою я иду!»

Буря воеет-заливается,
За волной волна встает:
На широкое раздолье
Волга-реченька зовет!

<1896>

597. ДУБИНУШКА

Запоем-ка хоровую,
Задушевную, родную:
    Ой! нейдет,
    Пойдет,
    Давай ухнем!
Спокон века так ведется:
На Руси она поется...
    Ой! нейдет,
    Пойдет,
    Давай ухнем!
Горе по свету бродило,
Эту песенку сложило:
    Ой! нейдет,
    Пойдет,
    Давай ухнем!
Вынося лихие беды,
Повторяли наши деды:
    Ой! нейдет,
    Пойдет,
    Давай ухнем!
Угнетала их неволя...
Братцы, легче наша доля.
    Ой! нейдет,
    Пойдет,
    Давай ухнем!

Загорюешь — черту радость;
Нам ли жизнь еще не сладость!

Ой! нейдет,
Пойдет,
Давай ухнем!

Наша пища — хлеб с водою,
Всё же можно звать едою. . .

Ой! нейдет,
Пойдет,
Давай ухнем!

Терпим нужды, недостатки,
На чужое мы не падки. . .

Ой! нейдет,
Пойдет,
Давай ухнем!

Беднякам не до наживы:
Были б сыты, были б живы!

Ой! нейдет,
Пойдет,
Давай ухнем!

Мы живем, не унываем,
За работой напеваем:

Ой! нейдет,
Пойдет,
Давай ухнем!

Ну-ка, что ли, посмелее,
Всей артелью — веселее:

Ой! нейдет,
Пойдет,
Давай ухнем!

<1896>, <1901>

Василий Иванович Немирович-Данченко родился в 1844 году в Тбилиси, умер в 1927 году. Детство он провел в Дагестане и Грузии, учился в Александровском кадетском корпусе. С начала 1860-х годов Немирович-Данченко живет в Петербурге и занимается литературным трудом. Он сотрудничал в «Отечественных записках» (1871), «Деле» (1872—1877), «Вестнике Европы», «Ниве», «Пчеле», «Всемирной иллюстрации», «Гражданине», «Живописном обозрении» и др. изданиях. Как писатель Немирович-Данченко отличался большой плодовитостью, он писал многочисленные романы, повести, рассказы, художественные достоинства которых невысоки. Интерес представляют его очерки о войне на Балканах (1877—1878), где он был военным корреспондентом. Его стихотворения, которые начали появляться с 1860 года, вошли в прижизненные сборники (М., 1882; М., 1902). Как поэт он развивался в традициях русской демократической поэзии и принадлежал к некрасовской школе. В песенниках, кроме публикуемых текстов, встречаются: «Каторжники», «Бледный, слабый и худой...», «В тюрьме», «Слава труду», «Желание». На тексты Немировича-Данченко написано несколько романсов: «О, если жить еще...» (И. Армсгеймер), «Я к вам пришел...» (С. Волков-Давыдов), «Коснулась я цветка...» (Ц. Кюи), «Ты не верила мне...» (Я. Пригожий), «Громко ночью благовоной...» (В. Федоров).

598. В КУЗНИЦЕ

Падает молот тяжелый,
Брызжет железо огнем.
В кузнице с песней веселой
Плуг мы на славу куем.

Выйдешь ты крепок из горна;
Землю ты взроешь, могуч.
В землю схоронятся зерна;
Прыснет их ливень из туч.

Встанет зеленая нива —
Сладок ей пот трудовой. . .
Летом колосья лениво
Ветер погонит волной. . .

Золотом чистым по полю
Лягут под острым серпом. . .
Вырвется песня на волю,
Как из железа — огнем. . .

Падает молот проворно;
Крепче! Не будет греха! . .
Мечется пламя из горна,
— Воздуху! — свищут меха. . .

<1882>

599. УМИРАЮЩИЙ

Отворите окно. . . отворите! . .
Мне недолго осталось жить;
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить!
Горлом кровь показалась. . . Весною
Хорошо на родимых полях:
Будет небо сиять надо мною
И потонет могила в цветах.

Сбросьте цепи мои. . . Из темницы
Выносите на свет, на простор. . .
Как поют перелетные птицы,
Как шумит зеленеющий бор!
Выше, выше, смолистые сосны,
Всё растет под сиянием дня. . .
Только цепи мне эти несносны. . .
Не душийте, не мучьте меня! . .

То не песня ль вдали прозвенела,
Что певала родимая мать?
Холодеет усталое тело,
Гаснет взор, мне недолго страдать!
Позабудьте меня... схороните...
Я прощу вас в могиле своей...
Отворите ж окно... отворите,
Сбросьте цепи мои поскорей!..

<1882>

600

Ты любила его всей душою,
Ты всё счастье ему отдала,
Как цветок ароматный весною
Для него одного расцвела.

Словно срезанный колос ты пала
Под его беспощадным серпом,
И его, погибая, ласкала,
Умирая, молилась о нем.

Он не думал о том, сколько муки,
Сколько горя в душе у тебя,
И, наскучив тобою, разлуки
Он искал, никогда не любя.

Ты молила его, умирая:
«О, приди, повидайся со мной!»
Но, другую безумно лаская,
Он смеялся тогда над тобой.

И могила твоя одинока...
Он молиться над ней не придет...
В полдень яркое солнце высоко
Над крестом твоим белым плывет.

Только ветер роняет, как слезы,
Над тобою росинки порой.
Загубили былинку морозы,
Захирел ты, цветок полевой...

Серый камень лежит над тобою,
Словно сторож могилы твоей,
О, зачем ты не встанешь весною
С первой травкою вольных полей!

Для чего ты жила и любила?
В чьей душе ты оставила след?
Но тиха, безответна могила. . .
Этим жалобам отзыва нет! . .

<1882>

Сергей Федорович Рыскин родился в 1859 году в с. Писцово, Костромской губ., умер в 1895 году в Москве. Учился он в железнодорожном училище в Коврове, жил и работал в Москве. При жизни поэта вышел в свет лишь один сборник его стихотворений («Первый шаг», М., 1888). Многие стихотворения Рыскина написаны на темы из крестьянской жизни, по мотивам народных песен, сказок и преданий (циклы «В деревне», «На Волге», «Народные мотивы», «Сказки»). Он писал также фельетоны в стихах и незадолго перед смертью издал роман из истории раскола — «Купленный митрополит, или Рогожские миллионы» (М., 1893). Кроме публикуемых текстов в песенниках встречается стихотворение «Змея подколодная». На стихи Рыскина писали музыку А. Тарновский («Вдовушка»), Н. Ладухин («Ночь») и другие малоизвестные композиторы.

601. УДАЛЕЦ

Живет моя зазноба в высоком терему;
В высокий этот терем нет ходу никому;
Но я неожиданным гостем — настанет только ночь —
К желанной во светлицу пожаловать непрочь!..
Без шапки-невидимки пройду я в гости к ней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца,
Но он не остановит детину-удальца:
Короткая расправа с ним будет у меня —
Не скажет он ни слова, отведав кистеня!..
Эх, мой кистень страшнее десятка кистеней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войду тогда я смело и быстро на крыльцо;
Забрякает у двери железное кольцо;
И выйдет мне навстречу, и хилый и седой,
Постылый муж зазнобы, красотки молодой,
И он не загородит собой дороги к ней! . .
Была бы только ночка сегодня потемней! . .

Войдет тогда к желанной лихая голова,
Промолвит: будь здорова, красавица вдова! . .
Бежим со мной скорее, бежим, моя краса,
Из терема-темницы в дремучие леса! . .
Бежим — готова тройка лихих монх коней! . .
Была бы только ночка сегодня потемней! . .

Едва перед рассветом рассеется туман,
К товарищам с желанной примчится атаман;
И будет пир горою тогда в густом лесу,
И удалец женою возьмет себе красу;
Он скажет: не увидишь со мной ты черных дней! . .
Была бы только ночка сегодня потемней! . .

1882

602. <ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «БРОДЯГА»>

Опускается темная ноченька. . .
Хороша эта ночка в лесу!
Выручай меня, силушка-моченька, —
Я неволи в тюрьме не спесу! . .
Ой! погнулась решетка оконная,
Задрожали в стене кирпичи. . .
Тише. . . Стража окликнула сонная:
«Эй, сорвиголова, не стучи. . .»
Цепь долой! . . Отдохните же, ноженьки,
Без тяжелых железных колец,
Верой-правдой служите в дороженьке:
Из тюрьмы побежит удалец! . .
Сердце вольное бьется с тревогою. . .
В жилах кровь закипела ключом. . .
Дай-ка снова решетку потрогаю,
Принажму молодецким плечом! . .

Подается решетка... погнулася...
Сорвалась — и упала, звеня...
Стража в душной тюрьме не проснулась...
Ну... теперь не догонят меня!..

1888

Дмитрий Николаевич Садовников родился в 1847 году в Симбирске, умер в 1883 году в Петербурге. Живя в Москве и Петербурге (с 1877 г. — постоянно), он был домашним учителем и заведовал литературно-критическим отделом журнала «Искусство». Известность Садовников приобрел как собиратель и издатель произведений фольклора («Загадки русского народа», 1876; «Сказки и предания Самарского края», 1884). Сотрудничал он во многих периодических изданиях (более чем в 40). Успехом пользовались стихотворные циклы «Из волжских преданий о Стеньке Разине» и «Песни о Стеньке Разине» («Слово», 1881; «Волжский вестник», 1883; «Живописное обозрение», 1883). Кроме оригинальных стихотворений, которые начали появляться с 1868 года, он печатал переводы из А. Тернье, Лонгфелло, Петефи, Эдгара По, Шекспира, Байрона, Рунеберга, Бушора и других поэтов, а также рассказы и критические статьи о поэзии. При жизни Садовникова его стихотворения собраны не были. Некоторые его произведения публиковались посмертно в периодических изданиях 1892—1894 годов и в сб. «Помочь» (под ред. П. Засодимского и А. Коринфского), а отдельными изданиями вышли: «На старой Волге» (Симбирск, 1906) и «Песни Волги» (СПб., 1913, с критико-биографическим очерком Н. А. Державина). Наиболее полное представление о наследии поэта дает издание «Певец Волги Д. Н. Садовников», Куйбышев, 1940 (со вступительной статьей В. Ю. Крупянской и списком научных и литературных произведений Садовникова). Среди многих русских поэтов, подражавших фольклору, Садовников занимает особое место. Он разрабатывал сюжеты, навеянные народными преданиями и песнями вольнолюбивого и героического характера. По содержанию и стилю стихотворения Садовникова — один из удачных примеров творческого обращения к фольклорным традициям. Не случайно именно его две песни из разинского цикла удержались в быту едва ли не прочнее, чем соответствующие народные песни.

603. ЗАЗНОБА

По посаду городскому,
Мимо рубленых хором,
Ходит Стенька каждый вечер,
Переряженный купцом.

Зазнобила атамана,
Отучила ото сна
Раскрасавица Алена,
Чужемужняя жена.

Муж сидит в ряду гостином
Да алтынам счет ведет,
А жена одна скучает,
Тонко кружево плетет.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова;
У Алены сердце бьется,
Не плетутся кружева.

«Полюбилась мне ты сразу,
Раскрасавица моя!
Либо лаской, либо силой,
А тебя добуду я!

Не удержат ретивого
Ни запоры, ни замки. . .
Люб тебе я аль не люб?
Говори мне напрямки!»

На груди ее высокой
Так и ходят ходенем
Перекатный крупный жемчуг
С золотистым янтарем.

Что ей молвить? . . Совесть зазрит
Слушать льстивые слова,
Страхом за сердце хватает,
Как в тумане голова. . .

«Уходи скорей отсюда! —
Шепчет молодцу она. —
Неравно старик вернется. . .
Чай, я — мужняя жена. . .

Нешто можно?» — «Эх, голубка,
Чем пугать меня нашла! . .
Мне своей башки не жалко,
А его — куда ни шла!

Коль от дома прочь гоняешь,
Забегу через зады
В переулок, где разбиты
Виноградные сады. . .

Выйдешь, что ли?» — «Неуемный!
Говорю тебе — уйди!
Не гляди так смело в очи,
В грех великий не вводи! . .»

— «Ну, коль этак, — молвит Стенька, —
Так, на чью-нибудь беду,
Я, непрошенный, сегодня
Ночью сам к тебе приду!»

Отошел, остановился,
Глянул раз, пообождал,
Шапку на ухе поправил,
Поклонился и пропал. . .

Плохо спится молодежи;
Полночь близко. . . Чу! . . Сквозь сон
Половица заскрипела. . .
Неужели ж это он?

Не успела «ах» промолвить,
Кто-то за руки берет;
Горячо в уста целует,
К ретивому крепко жмет. . .

«Что ты делаешь, разбойник?
Ну, проснется, закричит! . .»

— «Закричит, так жив не будет...
Пусть-ка лучше помолчит.

Не ошиблась ты словечком, —
Что вводить тебя в обман:
Не купец — казак я вольный,
Стенька Разин — атаман!

Город Астрахань проведать
Завернул я по пути,
Чтоб с тобой, моя голубка,
Только ночку провести!

Ловко Стеньку ты поймала!
Так держи его, смотри,
Белых рук не разнимая,
Вплоть до утренней зари!..»

1882

604. ПЕСНЯ

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет,
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал. . .»

Ошалел. . . Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза. . .

«Эх, кормилица родная,
Волга матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака! . .

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица. . . возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну. . .

«Что затихли, удалые? . .
Эй ты, Фролка, черт, пляши! . .
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души! . .»

Дата рождения Ивана Кузьмича Кондратьева не установлена, умер он в 1904 году в Москве. Сведения о его жизни скудны. И. А. Белоусов свидетельствует, что Кондратьев, как член Суриковского кружка, «стоит особняком» — «он представлял собой тип тогдашней богемы», «ареной его деятельности был Никольский рынок», на который он «поставлял . . . литературный товар». ¹ Резкую характеристику поэту дает и К. Чуковский. ² Кондратьев печатал романы («Салтычиха»), повести, драматические картины в стихах («Смерть Аттилы», «Пушкин у цыган», «Пир Стеньки Разина»), исторические очерки («Седая старина Москвы»), стихи, переводы. Прижизненные издания его произведений: «Думы и были», М., 1884; «Под шум дубрав. Песни. Думы. Былины. Народные сказания», М., 1898. Кондратьев был знатоком и ценителем песен («Песня ты русская», «То песни родины моей. . .», «Сила песни», «Чудо гусли» и др.), многие стихотворения сочинял в традициях «русской песни» («Прощание», «Кручинушка», «Вдовушка», «Пела бы я песенки. . .», «Горючая слеза» и многие др.). На тексты Кондратьева музыку писали В. Золотарев и другие малонизвестные композиторы. В песенниках встречаются: «Очаровательные глазки», «Свирель», «Достался жребий мне святой. . .», «Черноброва краса Дуся. . .». Кондратьеву иногда приписывается песня «По диким степям Забайкалья. . .» (см. с. 912, 1067, примеч. 655).

605. ЗАВЕЩАНИЕ

Схорони меня, матушка милая,
На погосте меня схорони
И такими словами, родимая,
На кресте ты меня помяни:

---

¹ Иван Белоусов, Литературная Москва, М., 1929, с. 40, 53, 58—59.

² К. Чуковский, Люди и книги, М., 1958, с. 173.

«Родилась она тихой, покорною,
Вырастала — пригожа была,
Полюбила — безумно поверила,
Жизнь свою за любовь отдала.

Раз пришла она в ночь непогодную,
От милого больная пришла,
И слегла. . . и, его вспоминая,
Как голубка чиста, умерла. . .»

<1884>

606. ЭТИ ОЧИ — ТЕМНЫ НОЧИ

Блеск очей моих знаком
Всем, кто любит черны очи!
Эти очи — темны ночи,
Всё идет от них кругом!
Из-под брови погляжу —
Без речей блещут речами!
Захочу — убью очами,
Захочу — приворожу!
    Ой вы, очи, — темь ночей!
    Родилась смуглянкой,
    А без черных без очей
    Не была б цыганкой!

Заглядится новичок,
Захмелеет старый, вялый!
Где ты, бравый да удалый?
Где ты, старый старичок?
Приморгну для новичка,
Принахмурюсь для седого,
Разутешу удалого,
Разуважу старичка!
    Ой вы, очи, — темь ночей! . . и т. д.

Разутешу — шевельну,
Кудри русые разглажу!
Разуважу — всё налажу,
Стары косточки встряхну!

Жизнь и сила вся моя
Эти очи — темны ночи!
Где те ночи — там и очи,
Где те очи — там и я!
Ой вы, очи, — темь ночей!
Родилась смуглянкой,
А без черных без очей
Не была б цыганкой!

<1898>

Феодосий Петрович Савинов родился в 1865 году в Тотьме, Вологодской губернии, умер в 1915 году в Вологде. Он учился в юнкерском училище, но, отказавшись от военной карьеры, поступил делопроизводителем Попечительства детских приютов в Вологде, а затем служил в московских нотариальных конторах. С 1885 года стихотворения Савинова печатаются в «Иллюстрированном мире», «Живописном обозрении», «Русском обозрении», «Русской мысли», а также в юмористических изданиях. Первый сборник его стихотворений издан в Вологде (1887), наиболее полное прижизненное издание — Стихотворения, М., 1900. Литературная деятельность Савинова прекратилась задолго до смерти поэта — в начале 1900-х годов он оказался в психиатрической больнице. Лирика Савинова, не отличаясь новизной, привлекает искренностью чувств. В ней звучат призывы к труду, свободе, счастью, но бодрые мотивы часто сменяются унынием и тоской. Некоторые стихотворения Савинова названы им «песнями», другие — стилизованы под фольклор («Картинки старины»).

607. РОДНОЕ

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья. . .
Это — русская сторонка,
Это — родина моя!

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля. . .
Это — русское раздолье,
Это — русская земля!

Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака. . .
Это — радости народа,
Это — пляска мужика!

Коль гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет. . .
Это — русские порядки,
Это — дедовский завет!

Вижу горы — исполины,
Вижу реки и леса. . .
Это — русские картины,
Это — русская краса!

Всюду чую трепет жизни,
Где ни брошу только взор. . .
Это — матушки отчизны
Нескончаемый простор!

Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский бог. . .
Это значит — русский духом
С головы я и до ног!

<1885>

К. Р. — литературный псевдоним Константина Константиновича Романова (1858—1915). Принадлежа к царскому дому, будучи президентом Академии наук и главным начальником военно-учебных заведений, он своим призванием считал поэзию. Его стихотворения издавались многократно (СПб., 1886; СПб., 1889; СПб., 1900; СПб., 1911). Последнее издание — «Стихотворения 1879—1912», т. 1—3, СПб., 1913—1915. Кроме оригинальных стихотворений известны некоторые переводы К. Р., в частности перевод драмы Гете «Ифигения в Тавриде» (с исследованием и комментариями, СПб., 1910). Несколько его стихотворений положено на музыку. Большую известность приобрели романсы П. Чайковского (цикл из шести романсов, среди них выделяются «Растворил я окно...» и «Уж погасли в комнатах огни...»). Исследователь творчества Чайковского пишет о цикле: «Несмотря на разноликость отдельных романсов, всех их объединяет общий эмоциональный колорит светлой грусти, печали, раздумья... В целом романсы... воспринимаются как лирический дневниковый цикл музыкальных новелл-вариаций».¹ На тексты К. Р. писали романсы и хоры А. Глазунов, Р. Глиэр, А. Гречанинов, М. Ипполитов-Иванов, Э. Направник, С. Рахманинов, П. Чесноков и др. В песенниках, кроме публикуемых текстов, часто встречаются «Колокола». Большое количество стихотворений К. Р. включил в свои «народные» песенники «Чудный месяц» и «Колечко» М. И. Ожегов.

---

¹ Е. Орлова, Романсы Чайковского, М., 1948, с. 25—26.

Растворил я окно, — стало грустно невмочь, —
 Опустился пред ним на колени,
 И в лицо мне пахнула весенняя ночь
 Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
 Я внимал ему с грустью глубокой
 И с тоскою о родине вспомнил своей,
 Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
 И, не зная земных огорчений,
 Заливается целую ночь напролет
 Над душистою веткой сирени.

1885

609. УМЕР

Умер, бедняга! В больнице военной
 Долго родимый лежал;
 Эту солдатскую жизнь постепенно
 Тяжкий недуг доконал. . .
 Рано его от семьи оторвали:
 Горько заплакала мать,
 Всю глубину материнской печали
 Трудно пером описать!
 С невыразимой тоскою во взоре
 Мужа жена обняла;
 Полную чашу великого горя
 Рано она испила.
 И протянул к нему с плачем ручонки
 Мальчик — малютка грудной. . .
 . . . Из виду скрылись родные избенки,
 Край он покинул родной.
 В гвардию был он назначен, в пехоту,
 В полк наш по долгом пути;
 Сдали его в *Государеву* роту
 Царскую службу нести.

С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смысленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами —
Ну молодец молодцом.
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И, подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным. . .
Но не сбылись те мечты!
. . . Кончились лагеря; ветром холодным
Желтые сдуло листья,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца. . .
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно господу богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,

И ни одна о той жизни прожитой
    Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили, —
    Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
    В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела к военной больнице
    Взвод был от нас наряжен. . .
По небу тучи неслись вереницей
    В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
    С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
    Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб; привязали на дроги,
    И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой .
    Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
    Чтоб до угла хоть дойти:
Взводу до первого лишь поворота
    Надо за гробом идти.
Дрогам во след мы глядели, глядели
    Долго с печалью немой. . .
Перекрестились, шапки надели
    И воротились домой. . .
Люди чужие солдата зароят
    В мерзлой земле глубоко́,
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
    Где-то в глуши далеко.
Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
    Спи же, покойся себе
В этой могиле сырой и глубокой! . .
    Вечная память тебе!

22 августа 1885

Семен Яковлевич Надсон родился в 1862 году в Петербурге, умер в 1887 году в Ялте. Воспитывался он в военной гимназии, по окончании Павловского военного училища в Петербурге находился на военной службе (по 1884), затем, выйдя в отставку, служил секретарем редакции журнала «Неделя», последние годы, тяжелобольным, жил на Украине и в Крыму. У современников Надсон пользовался необыкновенной популярностью как поэт, отразивший настроения русской интеллигенции 1880-х годов. Поэзия Надсона привлекала внимание многих композиторов. В те годы критикой высказывалось мнение, преувеличенное, но характерное, что «со времени Лермонтова русская поэзия не знала такого красивого музыкального стиха». ¹ На музыку положено более 50 стихотворений Надсона, некоторые неоднократно: «Заря лениво догорает...» (Ц. Кюи, Э. Направник, Н. Спендиаров, Терешенко и др.), «Мне снилось вечернее небо...» (А. Аренский, В. Золотарев, С. Ляпунов, П. Чесноков и др.), «Над свежей могилой» (С. Блуменфельд, В. Золотарев, С. Рахманинов и др.). На тексты Надсона, кроме названных композиторов, писали романсы Ф. Акименко, М. Анцев, К. Бах, Ф. Блуменфельд, А. Гедике, С. Василенко, Р. Глизер, А. Гречанинов, Ф. Кенеман, Г. Колюс, В. Ребиков (большой цикл), А. Рубинштейн и многие другие. На тексты поэта создано также много хоров. В песенниках встречаются «Отчего так бледны...», «Любили ль вы, как я...», «В тени задумчивого сада...».

---

¹ П. Я. (Якубович), Русская муза, СПб., 1905, с. 328.

610. ПОХОРОНЫ

Слышишь — в селе, за рекою зеркальной,
Глухо разносится звон погребальный
В сонном затишье полей;
Грозно и мерно, удар за ударом
Тонет в дали, озаренной пожаром
Алых вечерних лучей. . .

Слышишь — звучит похоронное пенье:
Это апостол труда и терпенья —
Честный рабочий почил. . .
Долго он шел трудовою дорогой,
Долго родимую землю с тревогой
Потом и кровью поил.

Жег его полдень горячим сияньем,
Ветер знобил леденящим дыханьем,
Туча мочила дождем. . .
Вьюгой избенку его заметало,
Градом на нивах его побивало
Колос, возвращенный трудом.

Много он вынес могучей душою,
С детства привыкшей бороться с судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Он отдохнет от забот и волненья —
Этот апостол труда и терпенья
Нашей отчизны родной.

1879

611

Не говорите мне «он умер». Он живет!
Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает!

1886

Павел Алексеевич Козлов родился в 1841 году в Москве, умер в 1891 году там же. Воспитывался он в Школе гвардейских подпрапорщиков, но военной карьере предпочел службу в канцелярии министерства иностранных дел (с 1860 г.). Он много лет жил за границей, с 1866 года — в Варшаве и в Вильнюсе. С начала 1870-х годов Козлов сотрудничал в «Заре», «Вестнике Европы», «Русском вестнике», «Русской мысли», «Огоньке», «Всемирной иллюстрации» и др. изданиях. Известность Козлов приобрел как переводчик поэм Байрона, особенно «Дон-Жуана», и произведений Альфреда де Мюссе. При жизни поэта вышел единственный сборник его стихотворений (М., 1884). Лирика Козлова — камерна, но отличается напевностью стиха. Сам поэт положил на музыку многие свои произведения (известен, в частности, его романс «Когда б я знал...»). На стихи Козлова писали романсы М. Слонов («Весенняя ночь», «Когда б я был звездой...», «Ты помнишь ли...»), А. Корещенко («Русалка»), И. Некрасов («Бессонница») и другие малоизвестные композиторы, но некоторые из этих романсов были в свое время популярны. Несколько произведений поэта положил на музыку А. Рубинштейн («Литовская песня», «Сияет звезда золотая...»).

612. ЗАБЫЛИ ВЫ

Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы.
Вы руку жали мне; промчался без возврата
Тот сладкий миг; его забыли вы. . .

До гроба вы клялись любить поэта;
Боясь людей, боясь пустой молвы,
Вы не исполнили священного обета;
Свою любовь — и ту забыли вы. . .

Но смерть близка; близка моя могила.
Когда умру, как тихий шум травы,
Мой голос прозвучит и скажет вам уныло:
Он вами жил. . . его забыли вы! . .

<1888>

Михаил Николаевич Соймонов родился в 1851 году, умер в 1888 году в Казани. По окончании юридического факультета Казанского университета он служил в окружном суде, с 1879 года — адвокатом в Петербурге. Стихи Соймонова печатались в «Русском богатстве», «Деле», «Наблюдателе», «Всемирной иллюстрации», «Живописном обозрении», «Новом времени» и др. изданиях, но при жизни поэта отдельным изданием не выходили. Они вошли в посмертный сборник: «Недопетые песни» (СПб., 1891). На тексты Соймонова романсы писали малоизвестные композиторы (Геркен, Гот, Прокушинский, Траилли и другие).

613. БАБЬЕ ДЕЛО

На полосыньке я жала,
Золоты снопы вязала —
    Молодая;
Истомилась, разомлела. . .
То-то наше бабье дело —
    Доля злая!
Тяжела, — да ничего бы,
Коли в сердце нет зазнобы
    Да тревоги;
А с зазнобой. . . толку мало! . .
На снопах я задремала
    У дороги.
Милый тут как тут случился,
Усмехнулся, наклонился,
    Стал ласкаться,

Целовать... а полоса-то
Так осталась, недожата,
Осыпаться...
Муж с свекровью долго ждали:
«Клин-от весь, чай, — рассуждали —
Выжнет Маша».
А над Машей ночь темнела...
То-то наше бабье дело —
Глупость наша!..

1830-е годы

Матвей Иванович Ожегов родился в 1860 году в деревне Михино Нолинского уезда Вятской губ., умер в 1931 году в с. Перово Московской обл. Начальное образование он получил в земской школе в селе Колобовском, с 13 лет стал работать — сначала батраком у сельского дьячка, затем «на услужении» у купца в Нолинске, потом на строительстве Уральской железной дороги, половым в трактире, кладовщиком на Тагильском заводе, штейгером на золотых приисках, сторожем при церкви, кабатчиком, кочегаром на паровозе, кассиром на железной дороге, рабочим на Чусовском заводе и т. п. С 1885 года Ожегов жил в Москве, где также исполнял самую различную работу. Будучи поэтом-самоучкой, он состоял в Суриковском кружке, занимая в нем консервативные позиции; на его поэзии лежит печать мелкобуржуазной ограниченности. Песни в духе народных он стал сочинять еще подростком; они пелись его товарищами и односельчанами. Первое его печатное произведение — стихотворение «Поле» («Иллюстрированная газета», 1890, 10 мая). Как свидетельствует писатель И. А. Назаров, к этому времени «многие из его (Ожегова. — В. Г.) песен уже распевались хорами песенников в трактирах и чайных».¹ Они вошли в первый его сборник: «Песни и стихотворения», М., 1891. Тогда же некоторые стихотворения Ожегова были анонимно включены в песенники и в лубочные издания («Звезда», «Безумная», «Конфетка моя»). В своей автобиографии поэт пишет: «В то время, когда я с семейством, с больными детьми, не досыпал и не доедал, мои песни пелись в Москве без умолку. Таковы песни: «Меж крутых берегов...», „Безумная“».² Свои песни Ожегов часто импровизировал, играя на гармонике. Он обрабатывал также некоторые народные

---

¹ Иван Назаров, Встречи и письма, Владимир, 1957, с. 24.

² «Моя жизнь и песни для народа», М., 1901, кн. 1, с. 22.

песни («Как под яблонькой под той...», «Эх, кумушка, ты голу-бушка...», «Как у новых у ворот...», «Потеряла я колечко...»), которые распространились в песенниках в его редакции, вследствие чего авторство приписывалось иногда поэту. Ожегов сам составлял лубочные песенники («Молодецкая кручина», «Пастушок», «Чудный месяц», «Колечко»), куда помещал в большом количестве свои стихи и стихи русских поэтов, ставшие популярными песнями, при этом часто в своей собственной редакции. Под такими текстами он иногда ставил подпись: «Испр. Ожегов». Как вспоминает И. Белоусов, «некоторые товарищи тогда подсмеивались над этим и спрашивали: что это значит -- исправил или испортил?»¹

614. ПОД ЛЕСОМ

Как под лесом, лесом,
В зеленом садочке
Часто мы гуляли
С миленьким дружочком.

Часто мы гуляли,
Много говорили,
Лаской да приветом
Друг друга дарили.

Помню я дорожку,
Где мы расставались;
С миленьким надолго —
Навек распрощались.

Гой ты, лес зеленый,
Гой ты, путь-дорога,
Подарите счастье,
Воротите друга.

---

¹ Иван Белоусов, Литературная Москва, М., 1929, с. 114.

Воротите друга
Из чужбины дальней,
Разнесите звуки
Песенки печальной!

<1891>

615. МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕГОВ

Меж крутых берегов
Волга-речка текла,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плыла.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он, с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

Как на том берегу
Красный терем стоял,
Там красotka жила,
Он ее вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Дожидала краса
Молодца у окна,
Принимала его
По веревке она.

Погостил молодец —
Утром ранней зарей
И отправился в путь
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену,
Отыскал он ее
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
Он конец их вражде
Навсегда положил:

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам,
Шапка с кистью плыла.

<1893>

616. КОЛЕЧКО

Сокрушилось сердечко,
Взволновалась в сердце кровь,
Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь.

Я по этом по колечке
Буду плакать-горевать,
По любезном по дружочке
Поневоле тосковать.

Я по бережку гуляла,
По долинушке прошла;

Там цветочек я искала,
Но цветочек не нашла.

Много цветиков пригожих,
Да цветочки всё не те —
Всё цветочки непохожи
По заветной красоте.

Непохожи на те очи,
Что любовью говорят,
Что как звезды полуночи
Ясно блещут и горят.

Где девался тот цветочек,
Что долину украшал,
Где мой миленький дружочек,
Что словами обольщал.

Обольщал милый словами,
Уговаривал всегда:
Не плачь, девица, слезами,
Не покину никогда.

Мил уехал и оставил
Мне малютку на руках,
Обесчестил, обесславил, —
Жить заставил в сиротах.

Как взгляну я на сыночка,
Вся слезами обольюсь,
Пойду с горя к быстрой речке
Я, сиротка, утоплюсь.

Нет, уж бог один свидетель,
Полагаюсь на него,
Мне не жаль тебя, мучитель,
Жаль малютку твоего.

<1896>

617. ПТИЧКА-НЕВОЛЬНИЦА

(Из народной песни)

Отворите окно, отворите!
Мне недолго-осталось жить,
Еще раз на свободу пустите,
Не мешайте мне жить и любить. . .

Выше сосен зеленые ели
Вырастают в сиянии дня.
Для чего же мне цепи надели?
Скиньте их и не мучьте меня!

Каплю света мне в сердце пролейте,
Успокойте лишь душу мою!
Пожалейте меня, пожалейте,
Я у края могилы стою!

Слышу, песня вдали прозвучала,
Что певала родимая мать, —
И в груди сердце вдруг застучало,
Знать — недолго осталось страдать!

Хоть на час на свободу пустите,
На раздолье любимых полей.
Отворите ж окно, отворите
Одинокой темницы моей!

<1900>

МОЯ ЖИЗНЬ
—♦) и (♦—
ПѢСНИ ДЛЯ НАРОДА.

М. И. ОЖЕГОВЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типо Литография Ф. И. Филатова.
1901

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА НОТЬ.

Под редакцией известного композитора А. Н. ЧЕРНЯВСКОГО.

„ЧАЙКА“.

Знаменитая пьеса.

Собственность издательства.

№ 40.

Издание „ЭВЕРПА“.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, РАЗЪЪЗЖАЯ, 20 ТЕЛЕФ. 601-20.

10 К.

Даниил Максимович Ратгауз родился в 1868 году в Харькове, умер в 1937 году. По окончании юридического факультета Киевского университета он занялся литературой, после 1917 года уехал за границу. В печати он дебютировал циклом «Итоги жизни» («Наблюдатель», 1893), сотрудничал в «Русской мысли», «Биржевых ведомостях», «Севере», «Петербургской жизни» и других изданиях. Первый сборник его стихотворений вышел в Киеве в 1893 году. При жизни поэта изданы в России: Полное собрание стихотворений Д. Ратгауза в двух томах, СПб. — М., [1906]; «Мои песни», М., 1917. Камерная лирика Ратгауза, наполненная безотрадными чувствами, была критически воспринята уже его современниками.¹ Но музыкальность его стихов привлекла внимание многих композиторов. На тексты Ратгауза писали музыку А. Аренский («Звезда блестящая сорвалась с небес...», «Не зажигай огня...»), А. Гречанинов («В полусне», «Розовый отблеск заката...»), С. Рахманинов («Эти летние ночи прекрасные...», «Проходит всё...»). Особенно много романсов написали Р. Глиэр (19) и М. Ипполитов-Иванов (16). Несколько хоров создал Ц. Кюи («День погас», «Неразгаданный сон», «Уснуло всё», «Ушла, ушла весна...»). Стихотворения Ратгауза положили на музыку также Ю. Блейхман, Б. Гродзкий, В. Золотарев, А. Корещенко, С. Лаппо-Данилевский, Н. Ладухин, В. Муромцевский, Я. Пригожий, Б. Подгорецкий, С. Трайлин, К. Тидеман, С. Юферов и др. Но популярны до нашего времени лишь романсы П. Чайковского. В 1892 году Ратгауз, тогда еще никому не известный поэт, послал несколько своих стихотворений прославленному композитору. Настроения, выраженные в этих стихах, оказались созвучными душевному состоянию Чайковского, и он создал цикл из 6 романсов. В письме к поэту от 3/VI 1893 года Чайковский признавался: «Не знаю, какова будет судьба наших романсов, но

---

¹ Валерий Брюсов, *Далекие и близкие*, М., 1912, с. 183—187.

знаю, что писал их с большим удовольствием». ¹ Романсы Чайковского на слова Ратгауза являются последними и одними из лучших в творчестве композитора; кроме публикуемого текста в цикл вошли: «Ночь», «В эту лунную ночь...», «Закатилось солнце...», «Среди мрачных дней...», «Снова, как прежде, один...».

618

Мы сидели с тобой у заснувшей реки.
С тихой песней проплыли домой рыбаки.
Солнца луч золотой за рекой догорал,
И тебе я тогда ничего не сказал.

Загремело вдали, надвигалась гроза,
По ресницам твоим покатилась слеза.
И с безумным рыданием к тебе я припал
И тебе ничего, ничего не сказал.

И теперь, в эти дни, я, как прежде, один,
Уж не жду ничего от грядущих годин.
В сердце жизненный звук уж давно отзвучал...
Ах, зачем я тебе ничего не сказал!

<1892>

---

¹ «Дни и годы П. И. Чайковского», М. — Л., 1940, с. 582.

Сергей Александрович Сафонов родился в 1867 году, умер в 1904 году в Петербурге. Литературной деятельностью он занялся сразу же по окончании московской гимназии. Первые печатные произведения Сафонова появились в 1888 году в «Стрекозе», сотрудничал он в «Ниве», «Севере», «Русском вестнике», «Живописном обозрении». При жизни поэта вышел в свет единственный его сборник: Стихотворения, СПб., 1893, удостоенный Пушкинской премии Академии наук. Лирика Сафонова отразила настроения русской интеллигенции эпохи «безвременья», она проникнута глубокой грустью, а подчас тоской и пессимизмом. На стихи Сафонова писали музыку В. Муромцевский («Мы встретились с тобой...»), А. Петров (то же), И. Некрасов («На просторе лесистой поляны...»), М. Ипполитов-Иванов («Рассвет») и другие.

619

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья, и канули в вечность года,
Утомленное сердце о прошлом теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было,
Может быть, никогда...

Я не знаю тебя... После долгой печальной разлуки
Как мне вспомнить твой голос, твой взгляд,
очертанья лица
И ласкавшие некогда милые, нежные руки? —
Я не знаю тебя после долгой печальной разлуки,
После слез без конца...

Иногда... иногда, мне сдаётся, тебя я встречаю
В вихре жизни безумной, в разгаре людской суеты,
Жду тебя и зову, все движенья твои замечаю...
Иногда... иногда, мне сдаётся, тебя я встречаю,
Но взгляжусь — нет, не ты!..

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Но бессонные ночи, но думы... Как жутко тогда,
Как мне хочется счастья, как прошлое близко
и мило!..
Это было давно... Я не помню, когда это было, —
Но со мной ты всегда!..

1890-е годы

Владимир Александрович Мазуркевич родился в 1871 году в Петербурге, дата его смерти неизвестна. По окончании юридического факультета Петербургского университета он служил адвокатом. Стихи Мазуркевича появились в печати в 1887 году, сотрудничал он в «Живописном обозрении», «Ниве», «Петербургской жизни», «Вестнике иностранной литературы», «Вестнике Европы», «Наблюдателе» и в юмористических изданиях, переводил Верлена, Петефи и других поэтов. При жизни поэта вышел один сборник его произведений: Стихотворения, СПб., 1900. В песенниках, кроме публикуемого текста, встречается «Прошла пора моих мечтаний...». На слова Мазуркевича писали романсы малоизвестные композиторы: П. Броун, М. Иванов, Г. Комаров, А. Коптяев, Ф. Липаев, М. Речкунов, М. Разговоров, В. Семенов, С. Трайлин, В. Шпачек, Л. А. Яковлев и другие. Кроме публикуемого некоторой известностью пользовались романсы: «Я с ней сидел вдвоем...» (А. Таскин), «У жемчужного фонтана...» (С. Трайлин), «Я плыву в челноке...» (М. Черно-Иванов).

620. ПИСЬМО

(Монолог)

Дышала ночь восторгом сладострастья...
Неясных дум и трепета полна,
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.
Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,

Мгновенья мне казались часами. . .
Я вас ждала; но вы. . . вы не пришли.

В окно вливался аромат сирени,
В лучах луны дремал заглохший сад,
Дрожа, мерцали трепетные тени,
С надеждой вдаль я устремляла взгляд;
Меня томил горячий воздух ночи,
Она меня, как поцелуй ваш, жгла,
Я не могла сомкнуть в волненьи очи, —
Но вы не шли. . . А я вас так ждала.

Вдруг соловей защелкал над картиной,
Притихла ночь, в молчании застыл,
И этот рокот трели соловьиной
Будил в душе таинственный призыв.
Призыв туда, где счастье возможно
Без этой лжи, без пошлой суеты,
И поняла я сердцем, как ничтожна
Моя любовь, — дитя больной мечты.

Я поняла, что счастье не в ласках
Греховных снов с возлюбленным моим,
Что этот мир рассеется, как в сказках
Заветных чар замороженный дым,
Что есть другое, высшее блаженство, —
Им эта ночь таинственно полна, —
В нем чистота, отрада, совершенство,
В нем утешенье, мир и тишина.

Мне эта ночь навеяла сомненье. . .
И вся в слезах задумалась я.
И вот теперь скажу без сожаленья:
«Я не для вас, а вы — не для меня!»
Любовь сильна не страстью поцелуя!
Другой любви вы дать мне не могли. . .
О, как же вас теперь благодарю я
За то, что вы на зов мой не пришли!

<1900>

Некоторым своим стихотворениям Максим Горький (1868 — 1936) придавал песенную форму. Уже первое его печатное произведение — рассказ «Макар Чудра» (1892) — заключало в себе стилизованную под цыганскую «Песню Лойко Зобара». В сказке «О маленькой фее и молодом чабане» в уста героя и героини вложено несколько песен. Стихи в рассказе «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» также названы песнями. В «Сказках об Италии» есть песня извозчика Карло Бамболо. В рассказе «На Чангуле» поет молдавская девушка, в «Весельчаке» «незатейливую песенку» пересказывает перс. Горький перевел также песню корсара Раньяра Лодборга из книги О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами». Однако ни одно из этих произведений песней в собственном смысле не стало. На тексты «Песни о Соколе» и особенно «Песни о Буревестнике» музыка создавалась неоднократно (П. Ренчицкий, Е. Безродная и др.). Романсы на слова Горького писали Ф. Бобров, А. Лазарев и другие малоизвестные композиторы. Стихотворение из пьесы «Дачники» («Осени дыханием гонимы...») положено на музыку несколькими композиторами (Н. Волков, Р. Глнэр, И. Сокол и др.). М. Горькому приписывается песня «Солнце всходит и заходит...» (см. с. 913), но для этого нет достаточных оснований (см. примеч. 656).

621. ЛЕГЕНДА О МАРКО

В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась;
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Ее рыбаки испугались,
Но был с ними юноша Марко;
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.

А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо над чем-то смеялась.

Весь день она Марка ласкала;
А как только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марка душа загрустила...

И дни ходит Марко, и ночи
В лесу, над рекою Дунаем,
Всё ищет, всё стонет: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»
Но он закричал им: «Вы лжете!
Вы сами целуетесь с нею!»
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею...
Купается фея в Дунае,
Как раньше, до Марка, купалась;
А Марка — уж нету...

Но всё же
От Марка хоть песня осталась,
А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут;
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

<1895>, 1902

Даты рождения и смерти М. В. Медведева установить не удалось. Сведения о нем очень скудны. Он состоял в Союзе драматических писателей, переводил с французского и итальянского, был автором нескольких одноактных пьес и эстрадных миниатюр. Стихотворения его появлялись в печати не часто. Его книга «Первые шаги» (СПб., 1901) стала большой библиографической редкостью.

622. НЕТ, НЕ ЛЮБИЛ ОН

Он говорил мне: «Будь ты моею!
Страстью объятый, томлюсь и млею...
Дай мне надежду, дай упоенье;
Сердце унылое ты освети».
Так лживой речью душу смущал он,
Так лживой речью душу смущал он,
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах! не любил меня!

Он говорил мне: «Друг ненаглядный,
Ты мне продлишь счастье земное...
Всё упование и утешенье,
Всё в тебе, милой сердцем со мною».
Страстную речью так заверял он,
Страстную речью так заверял он,
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах! не любил меня!

Все эти речи сердце сгубили
И пробудили во мне сомненье,
Жизнью шутили, счастья лишили,
Нет мне отрады, нет мне забвенья.
Бедное сердце мне поразил он,
Бедное сердце мне поразил он,
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах! не любил меня! . .

<1896>

Леонид Петрович Радин родился около 1860 года, умер в 1901 году в Крыму. Учился он в Петербургском университете, был последователем Д. И. Менделеева. Он известен как автор научно-популярной книги «Простое слово о мудреной науке» («Начатки химии») и ряда статей в «Научном обозрении». В 1880-е годы Радин посвящает себя революционной деятельности, сначала как народник, а с 1890-х годов как марксист. В созданной Радиным типографии, на изобретенном им мимеографе печаталась марксистская литература. В 1896 году он был арестован и через полтора года сослан в Вятку, а затем в Яранск. Радин писал стихи, которые не издавались и не сохранились. В тюрьме и ссылке он создал несколько революционных песен (кроме публикуемой — «Снова я слышу родную «Лучину»...» и «Смелей, друзья, идем вперед...»).

623

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу } (2)
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» — } (2)
Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали, } (2)
Час искупленья пробил!

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей.
Нашей ли рати бояться } (2)
Призрачной силы царей?

Всё, чем держатся их тропы,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны, } (2)
К ружьям привинтим штыки.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею } (2)
Красное знамя труда!

1896 или 1897

Глеб Максимиллианович Кржижановский родился в 1872 году в Самаре, умер в 1959 году. Учился в Петербургском технологическом институте. Состоял в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1895 году был арестован и в 1897 году сослан в Минусинский край. По возвращении из ссылки жил в Самаре и Киеве. Активный участник революционного движения. После Октябрьской революции возглавил ГОЭЛРО, был директором Энергетического института. Кроме публикуемых текстов с его именем связывается известная песня «Красное знамя» (см. с. 956).

624. ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные воют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

На бой кровавый, }
Святой и правый, } (2)
Марш, марш вперед, }
Рабочий народ! }

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

На бой кровавый, }
Святой и правый, } (2)
Марш, марш вперед, }
Рабочий народ! }

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час!

На бой кровавый, }
Святой и правый, } (2)
Марш, марш вперед, }
Рабочий народ! }

1897

625. БЕСНУЙТЕСЬ, ТИРАНЫ

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозите свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом попораны.
Позор, позор, позор вам, тираны!

Пусть слабые духом трепещут пред вами,
Торгуют бесстыдно святыми правами;
Телесной неволи не страшны нам раны.
Позор, позор, позор вам, тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного рабства,
Народ угнетенный вам копит богатства,
Но рабство и муки не сломят титана!
На страх, на страх, на страх вам, тираны!

В рудниках под землей, за станком и на поле,
Везде раздаются уж песни о воле,
И звуки той песни доходят до тронов
На страх, на страх, на страх всем тиранам!

Сверкайте штыками, грозите войсками,
Спасти вас не смогут казармы с тюрьмами,
Ваш собственный страх не сковать вам цепями,
И стыд, и страх, и месть вам, тираны!

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объята все страны.
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!

Прохор Григорьевич Горохов родился в 1869 году в д. Якимовка Малоарославского уезда, Калужской губ., умер в 1925 году. Крестьянский поэт-самоучка, Горохов в молодости уехал из родной деревни, работал в Москве водопроводчиком, был рабочим на заводе Зингера. За участие в революционном движении в 1906 году Горохова выслали из Москвы на два года. После Октябрьской революции Горохов вступил в Коммунистическую партию, был членом Калужского губисполкома, работал заведующим уездным земотделом и председателем народного суда Малоарославского уезда.¹ Большую часть своих стихотворений Горохов сочинил в 1890-е годы и включил их в сборник «Самобытная свирель» (М., 1901). В 1902 году он вступил в «Московский товарищеский кружок писателей из народа». Кроме стихов Горохов писал и прозу, но известность ему принесли две песни, которые стали восприниматься как народные.

626. ДОЛЯ МАСТЕРОВОГО

Истерзанный, измученный
Работой трудовой,
Идет, как тень заgrabной,
Наш брат мастеровой.
С утра до темной ноченьки
Стоит за верстаком,
В руках пила пудовая
С тяжелым молотком.
Он бьет тяжелым молотом —
Копит купцу казну,

---

¹ Иван Назаров, Встречи и письма, Владимир, 1957, с. 66—71.

А сам страдает голодом,
Порой несет нужду.
Купец к нему ласкается,
Коль нужен он к труду,
А нет, так издевается
И гнет его в дугу.
И в зимушку холодную
Дает ему расчет;
Без гроша выйдет труженик,
Хоть плачет, но идет.
Головушка закружится
От этой кутерьмы:
Все деточки голодные,
Чахотка у жены.
Придет, в постелю бросится
И плачет как дитя,
И жить-то, братцы, хочется,
И жизнь-то нелегка!

<1901>

627. ИЗМЕНИЦА

Бывало, в дни веселые
Гулял я молодцом,
Не знал тоски-кручинушки
Как вольный удалец.
Любил я деву юную, —
Как цветик хороша,
Тиха и целомудренна,
Румяна, как заря.
Спознался ночью темною,
Ах! ночка та была,
Июньская волшебная,
Счастлива для меня.
Бывало, вспашешь полосу,
Лошадку уберешь
И мне тропой знакомою
В заветный бор идешь,
Глядишь: моя красавица
Давно уж ждет меня;

Глаза полуоткрытые,
С улыбкой на устах.
Но вот начало осени;
Свиданиям конец,
И деву мою милую
Ласкает уж купец.
Изменница презренная
Лишь кровь во мне зажгла,
Забыла мою хижину,
В хоромы жить ушла.
Живет у черта старого
За клеткой золотой,
Как куколка наряжена,
С распущенной косой.
Просил купца надменного,
Ее чтоб отпустил;
В ногах валялся, кланялся, —
Злодей не уступил.
Вернулся в свою хижину —
Поверьте, одурел,
И всю-то ночь осеннюю
В раздумье просидел.
Созрела мысль злодейская,
Нашел во тьме топор,
Простился с отцом-матерью
И вышел через двор.
Стояла ночь темная,
Вдали журчал ручей,
И дело совершилось:
С тех пор я стал злодей.
Теперь в Сибирь далекую
Угонят молодца
За деву черноокою,
За старого купца.

<1901>

Елена Алексеевна Буланина родилась в 1876 году в Москве, умерла в 1941 (?) году в Саранске. В 1900-е годы она работала учительницей в Самаре, где познакомилась с Горьким.¹ Первые стихи Буланиной появились в «Самарской газете»; сотрудничала она в «Русском слове», «Курьере», «Книжках недели», «Народном благе», «Семье», «Южной России» и в других провинциальных изданиях 1890—1900-х годов. Ее стихотворения вошли в сборник «Раздумья» (М., 1901). Демократические убеждения поэтессы выразились в стихотворениях «Памяти Белинского», «Памяти Шевченко», «Памяти Салтыкова-Щедрина» и других. Кроме публикуемого текста популярность приобрел «Призыв» («Мне чудится: звучит Роланда дивный рог...»).

628. ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ «ЧАЙКИ» ЧЕХОВА

Заря чуть алеет. Как будто спросонка
Все вздрогнули ивы над светлой водой.
Душистое утро, как сердце ребенка,
Невинно и чисто, омыто росой.
А озеро будто, сияя, проснулось
И струйками будит кувшинки цветы.
Кувшинка, проснувшись, лучам улыбнулась,
Расправила венчик, раскрыла листы...
Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды.
Над озером быстрая чайка летит:
Ей много простора, ей много свободы,
Луч солнца у чайки крыло серебрит...

---

¹ Е. Буланина, Воспоминания о встречах с Горьким. — «Литературная Мордовия», Саранск, 1940.

Но что это? Выстрел... Нет чайки прелестной:
Она, трепеща, умерла в камышах.
Шутя ее ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.

...И девушка чудная чайкой прелестной
Над озером светлым спокойно жила.
Но в душу вошел к ней чужой, неизвестный, —
Ему она сердце и жизнь отдала.
Как чайке охотник, шутя и играя,
Он юное, чистое сердце разбил.
Навеки убита вся жизнь молодая:
Нет веры, нет счастья, нет сил!

<1901>

На стихи Валерия Яковлевича Брюсова (1873—1924) писали музыку С. Василенко (6 романсов), Р. Глиэр («Девочка далекая...», «И месяц белый в лесу горит...»), А. Гречанинов («Вы, снежинки, вейте...», «Детская», «Песня сборщиков»), С. Рахманинов («Кры-солов»), Ц. Кюи («Мыши»), Н. Метнер («Тяжела, бесцветна и пуста надмогильная плита...»). По нескольку романсов написали В. Ре-биков, И. Рачинский, Сенцов, С. Каменев, Яворский и другие мало-известные композиторы.

629. КАМЕНЩИК

«Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?»

— «Эй, не мешай нам, мы заняты делом.
Строим мы, строим тюрьму».

— «Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?»

— «Верно, не ты и не твой брат, богатый,
Незачем вам воровать».

— «Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?»

— «Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна».

— «Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!»
— «Эй, берегись, под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!»

16 июля 1901

630. КРЫСОЛОВ

Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет, словно к светлой цели,
Через сад, через поля.

И в лесу, под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Буду ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,

Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

18 декабря 1904

Галина — псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг, в замужестве — Гусевой-Оренбургской. Она родилась в 1873 году в Петербурге, умерла в 1942 году (?). По окончании гимназии Галина служила на телеграфе. Первые ее стихотворения появились в 1895 году в «Живописном обозрении». С 1899 года она сотрудничала в «Русском богатстве», а также в «Правде», «Жизни», «Образовании», «Мире божьем» и других изданиях. Сборники Галиной издавались дважды: Стихотворения, СПб., 1902; «Предрассветные песни», СПб., 1906. В начале своего творческого пути Галина отражала настроения, характерные для демократической части русского общества. За стихотворение «Лес рубят» (1901) она подверглась административной ссылке. Поэтесса живо откликнулась на англо-бурскую войну 1899—1902 годов, посвятив ей целый цикл стихотворений (кроме публикуемого — «Перед битвой», «Последний выстрел», «Видишь, мама, ты какая...», «Женщины Трансвааля»), в которых выразила сочувствие жертвам империалистической политики. Позже Галина отошла от общественно-литературной борьбы и вместе с мужем выехала за границу, откуда на родину не вернулась. Кроме стихотворений она писала также сказки и рассказы, переводила Байрона, Ибсена, Шекспира. Критика судила о поэзии Галиной разноречиво. Брюсов резко отозвался о ее стихах.¹ П. Ф. Якубович выделил ее первый сборник на фоне декадентской литературы, отмечая простоту, искренность ее произведений, «музыкальность стиха».² Последнее свойство поэзии Галиной привлекло к ней внимание композиторов. На ее стихи писали романсы С. Рахманинов («Здесь хорошо...», «Как мне больно...», «У моего окна...»), М. Гнесин («Бог солнца»), В. Бюцов («Мечтатель», «Спи, печаль моя...»), Б. Асафьев («Песня соловья»),

---

¹ «Далекое и близкое», М., 1912, с. 152.

² Л. Мельшин, Очерки русской поэзии, СПб., 1904, с. 367—369.

А. Гречанинов («Солнце свой праздник кончает...»), П. Чесноков («Другу»), В. Золотарев («Приходи»), Б. Гродзкий («Всё заснуло...»), Р. Глиэр («Жить — будем жить...»), В. Кашперов («Я смеюсь...») и многие другие. Циклы создали М. Баринновский, Б. Подгорецкий, П. Ренчицкий. На слова «Приходи» музыку написали В. Варгин, А. Танеев, С. Соколов, В. Муромцевский. «Здесь хорошо...», кроме Рахманинова, положили на музыку Б. Подгорецкий, Н. Сасс-Тисовский, Н. Ширяев и др. Кроме публикуемых текстов в песенниках встречается стихотворение «Звезды» («Друг мой, как звезды сияют, взгляни!...»).

631. БУР И ЕГО СЫНОВЬЯ

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей!..

Мои готовы все в поход, —
Их десять у меня!..
Простился старший сын с женой —
Поплакал с ним и я...

Троих невесты будут ждать —
Господь, помилуй их!..
Идет с улыбкой умирать
Пятерка остальных.

Мой младший сын... Тринадцать лет
Исполнилось ему.
Решил я твердо: «Нет и нет —
Мальчишку не возьму!..»

Но он, нахмурясь, отвечал:
«Отец, пойду и я!..
Пускай я слаб, пускай я мал —
Верна рука моя...»

Отец, не будешь ты краснеть
За мальчика в бою —
С тобой сумею умереть
За родину свою!..»

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей!

1899

632

Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И полны тягостной неразрешимой думы...
Безмолвные, глядят в немую даль небес...
Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?
Лес рубят... Но земля укроет семена;
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется берез зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!..

Март 1901

Степан Гаврилович Скиталец (Петров) родился в 1869 году в д. Обшаровка Самарской губ., умер в 1941 году. В детстве он пел с отцом песни на ярмарках и в трактирах под аккомпанемент гуслей. Учился он в самарской учительской семинарии, откуда был уволен (1887) за «политическую неблагонадежность», после чего пел в церковном хоре, служил в суде, был бродячим актером. Печататься Скиталец начал в 1890-е годы в провинциальных газетах, первые стихотворные фельетоны его появились в «Самарской газете» (1897). Тогда же он сблизился с М. Горьким, вместе с которым был арестован и заключен в нижегородскую тюрьму за революционную пропаганду среди сормовских рабочих (апрель — июль 1901 г.). До наступления реакции после первой русской революции Скиталец сотрудничал в «Знании». Деятельность его как поэта почти целиком приходится на конец XIX — начало XX века. Первый сборник его рассказов и песен (отредактированных Горьким) вышел в свет в 1902 году. С 1921 по 1934 год Скиталец жил в Харбине. В последние годы он написал цикл воспоминаний и закончил роман «Кандалы». Будучи большим знатоком и превосходным исполнителем народных песен (поэт выступал как певец и рассказывал об истории песен также и после Октябрьской революции),¹ Скиталец многие свои произведения создавал как песни, рассчитывая на их устное исполнение. На тексты Скитальца цикл романсов создал Р. Глиэр («Вы сказались, бессонные ночи...», «Спит море предо мною...», «Я хочу веселья...», «Ручей»), музыку писали также В. Золотарев, В. Калинин, П. Чесноков, Ф. Кёнеман, А. Корещенко, С. Толстой и др.

---

¹ Иван Малютин, Пережитое, Челябинск, 1957, с. 79—80.

Колокольчики-бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль...
Тройка мчится, комья снежные летят,
Обдает лицо серебряная пыль!

Нет ни звездочки на темных небесах,
Только видно, как мелькают огоньки,
Не смолкает звон малиновый в ушах,
В сердце нету ни заботы, ни тоски.

Эх! лети, душа, отдайся вся мечте,
Потоните, хороводы бледных лиц!
Очи милые мне светят в темноте
Из-под черных, из-под бархатных ресниц...

Эй, вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Бесконечно, жадно хочется мне жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умею ненавидеть и любить...

Ручка нежная прижалась в рукаве...
Не пришлось бы мне лелеять той руки,
Да от снежной пыли мутно в голове,
Да баюкают бубенчики-звонки!

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нежные, заветные мои!

Ночь окутала нас бархатной тафтой,
Звезды спрятались, лучей своих не льют,
Да бубенчики под кованой дугой
Про любовь мою болтают и поют...

Пусть узнают люди хитрые про нас,
Догадаются о ласковых словах
По бубенчикам, по блеску черных глаз,
По растаявшим снежинкам на щеках.

Хорошо в ночи бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают бль...
Сквозь ресницы очи милые блестят,
Обдает лицо серебряная пыль!..

1901

634. КУЗНЕЦ

Некрасива песнь моя —
Знаю я!
Непохож я на певца —
Я похож на кузнеца.
Я для кузницы рожден,
Я — силен!

Пышет горн в груди моей:
Не слова, а угли в ней!
Песню молотом кую,
Раздувает песнь мою
Грусть моя!
В искрах я!

Я хотел бы вас любить,
Но не в силах нежным быть: >
Нет — я груб!
Ласки сумрачны мои:
Не идут слова любви
С жарких губ.

Кто-то в сердце шепчет мне:
«Слишком прям ты и суров —
Не скуешь ты нежных слов
На огне!

Лучше молот кузнеца
Подними в руке твоей
И в железные сердца —
Бей!»

1901

Я хочу веселья, радостного пенья,
Буйного разгула, смеха и острот —
Оттого что знал я лишь одни мученья,
Оттого что жил я под ярмом забот.

Воздуха, цветов мне, солнечной погоды!
Слишком долго шел я грязью, под дождем.
Я хочу веселья, я хочу свободы —
Оттого что был я скованным рабом!

Я хочу рубиться, мстить с безумной страстью —
Оттого что долго был покорен злым.
И хочу любви я, и хочу я счастья —
Оттого что не был счастлив и любим!

1901

Аркадий Яковлевич Коц (Данин) родился в 1872 году в Одессе в семье грузчика, умер в 1943 году в Москве. С юных лет он работал на рудниках Донбасса и в Подмосковье, с 1897 по 1903 год жил во Франции, окончил в Париже горный институт, сблизился с русскими политическими эмигрантами, там же перевел «Интернационал» Эжена Потье (опубликован в большевистском журнале «Листики жизни», 1902, № 2). Перевод Коца стал пролетарским, а затем партийным гимном. В годы первой русской революции Коц вел пропагандистскую работу. В 1907 году он под псевдонимом «Д—н» выпустил сборник «Песни пролетариев», куда вошли 11 стихотворений. После Октябрьской революции Коц работал в горно-рудной промышленности, с 1936 года возвращается к литературной, преимущественно переводческой деятельности.

636. ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЕВ

(на мотив «Марсельезы»)

Мы «Марсельезы» гимн старинный
На новый лад теперь споем,
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!
Пусть песни мощной и свободной
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:
Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!

На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Веками длится бой упорный. . .
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй. . .
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный:
    Пролетарии всех стран,
    Соединяйтесь в дружный стан!
    На бой, на бой,
    На смертный бой
    Вставай, народ-титан!

Силен наш враг — буржуазия!
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия,
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной. . .
    Пролетарии всех стран,
    Соединяйтесь в дружный стан!
    На бой, на бой,
    На смертный бой
    Вставай, народ-титан!

Не устршит нас бой суровый. . .
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир!
Дрожите ж, жалкие тираны!
Уже подхвачен этот зов:
Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны! . . .
    Пролетарии всех стран,
    Соединяйтесь в дружный стан!

На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

В стране, подавленной бесправьем, —
Вам слышно ль? — близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан.
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень...
Вперед, на бой! Пред нами день —
Великий день освобожденья...
    Пролетарии всех стран,
    Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

1902

Василий Васильевич Башкин родился в 1880 году, умер в 1909 году в Райволе. Биографические данные о нем скудны. Он учился в коммерческом училище, в студенческие годы участвовал в революционном движении, сотрудничал в «Русском богатстве», «Современном мире», «Журнале для всех». При жизни поэта вышли в свет сборники: Стихотворения, М., 1905; Стихотворения, Гражданские мотивы. Лирика, СПб., 1907. На слова Башкина писали музыку З. Голева, Е. Вильбушевич, Б. Карагичев и другие малоизвестные композиторы. Кроме публикуемого текста в песенниках встречается «В тюрьме»,

637. СОСНЫ

Хмурые сосны шумят под окном,
Ветер качает вершины их сонно.
Слышу, как шепчут они монотонно —
    Всё об одном, об одном:

«В скучном краю родились мы на свет,
    В скучном краю счастья нет!
Серым ненастьем измучены мы,
    Жизнь наша хуже тюрьмы.

Ждать и желать мы забыли давно,
    Холодно нам и темно.
Здесь можно только страдать и терпеть,
    Здесь хорошо умереть».

Хмурые сосны шумят под окном,
Ветер качает вершины их сонно.
Слышу, как шепчут они монотонно
    Всё об одном, об одном. . .

1903

Биографические данные о Я. Репнинском не установлены. **Высказано** предположение, что этим именем подписал свое стихотворение **Яков Николаевич Репнинский**, служащий Государственного банка в Петербурге.¹

638. «ВАРЯГ»

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской. . .
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской. . .

Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их, —
Чу! . . загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.

Там, среди шумного моря,
Вьется Андреевский стяг, —
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».

Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем,
Борется стойко команда
С морем, с врагом и с огнем.

---

¹ А. Ш и л о в, Неизвестные авторы известных песен, М., 1961, с. 34.

Пенится Желтое море,
Волны сердито шумят;
С вражьих морских великанов
Выстрелы чаще гремят.

Реже с «Варяга» несется
Ворогу грозный ответ...
«Чайки! снесите отчизне
Русских героев привет...»

Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу мы не сдались —
Пали за русскую честь!..

Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг,
Нет! мы взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг!»

Видели белые чайки —
Скрылся в волнах богатырь,
Смолкли раскаты орудий,
Стихла далекая ширь...»

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Чайки на запад несутся,
Крики их полны тоской...»

Февраль 1904

Евгения Михайловна Студенская — переводчица. Сведения о ее биографии отсутствуют. Стихотворные переводы Студенской печатались в журналах начала XX века.

639. ПАМЯТИ «ВАРЯГА»

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы выются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая.

Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Подобьем кромешного ада!

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня, —
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче уснем под волнами!

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

Между февралем и апрелем 1904

Владимир Германович Богораз (псевдоним — Тан) родился в 1865 году в Овруче Волынской губ., умер в 1936 году по пути в Ростов-на-Дону. Он учился на юридическом факультете Петербургского университета. За принадлежность к партии «Земля и воля» Богораз был заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Сибирь (Якутию), где началась его научная деятельность в области этнографии и фольклористики. Участник многочисленных экспедиций, автор фундаментальных трудов, словарей, грамматики чукотского языка, Богораз после Октябрьской революции стал профессором этнографии Ленинградского университета и директором основанного им Музея истории религии. Литературная деятельность Богораз начал в середине 1890-х годов. Он сотрудничал в «Вестнике Европы», «Жизни», «Мире божьем», «С.-Петербургских ведомостях», «Северном курьере», «Журнале для всех» и др. изданиях. Первый сборник его стихотворений вышел в 1900 году. Он писал также романы и повести. При жизни писателя его собрание сочинений издавалось дважды (СПб., 1910—1911; М. — Л., 1928—1929). Некоторые стихотворения Богораз популяризовались марксистской печатью и стали песнями.¹ Кроме публикуемых была популярна «Песня» («Не скорбным бессильным остывшим бойцам...»). Он перевел также «Песню о паре» английского поэта-чартиста Э. Мида.

---

¹ М. Воскобойников, О поэзии В. Г. Богораз-Тана. — «На Севере Дальнем», Магадан, 1959, № 4 (15).

640. ЦУСИМА

У дальней восточной границы,
В морях азиатской земли,
Там дремлют стальные гробницы,
Там русские есть корабли.

В пучине немой и холодной,
В угрюмой, седой глубине,
Эскадру стали подводной,
Без якоря встали на дне.

Упали высокие трубы,
Угасли навеки огни,
И ядра, как острые зубы,
Изгрызли защиту брони.

У каждого мертвого судна
В рассыпанном, вольном строю
Там спят моряки непробудно,
Окончили вахту свою.

Их тысячи, сильных и юных,
Отборная русская рать. . .
На грудах обломков чугунных
Они улеглись отдыхать.

Седые лежат адмиралы,
И дремлют матросы вокруг,
У них прорастают кораллы
Сквозь пальцы раскинутых рук.

Их гложут голодные крабы,
И ловит уродливый спрут,
И черные рыбы, как жабы,
По голому телу ползут.

Но в бурю ночного прилива,
На первом ущербе луны,
Встают мертвецы молчаливо
Сквозь белые брызги волны.

Их лица неясны, как тени.
Им плечи одела роса.
И листья подводных растений
Плющом заплели волоса.

Летят мертвецов вереницы
На запад, на сушу, домой.
Несутся быстрее, чем птицы,
Но путь им заказан прямой.

Хребтов вековые отроги,
Изгибы морских берегов
И рельсы железной дороги
Уж стали добычей врагов.

И только остался окружный,
Далекий, нерадостный путь.
На тропик летят они южный,
Спешат материк обогнуть.

Мелькают мысы за мысами,
Вдогонку несется луна.
Они не опомнятся сами,
Пред ними — родная страна.

Но что же их стиснулись руки
И гневом блеснули глаза?
На родине смертные муки,
Бушует слепая гроза.

Унылое, серое поле,
Неровная, низкая рожь. . .
Народ изнывает в неволе,
Позорная царствует ложь.

Торговые, людные села,
Больших городов суета. . .
Повсюду ярмо произвола,
Не знает границ нищета.

От Камы до желтого Прута,
Как буйного моря волна,

Растет беспощадная смута,
Кипит роковая война.

И плачут голодные дети,
И катится ярости крик,
И свищут казацкие плети,
Сверкает отточенный штык. . .

Снаряды взрываются с гулом,
И льется кровавый поток.
Объяты багровым разгулом
И запад и дальний восток.

И падает также рядами
Подкошенной юности цвет
В широкие общие ямы,
В могилы, где имени нет.

<1905>

641. ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Мы сами копали могилу свою,
Готова глубокая яма;
Пред нею мы встали на самом краю:
Стреляйте же верно и прямо!

Пусть в сердце вонзится жестокий свинец,
Горячею кровью напьется,
И сердце не дрогнет, но примет конец, —
Оно лишь для родины бьется.

В ответ усмехнулся палач-генерал:
«Спасибо на вашей работе —
Земли вы хотели — я землю вам дал,
А волю на небе найдете. . .»

Не смейся, коварный, жестокий старик,
Нам выпала страшная доля;
Но выстрелам вашим ответит наш крик:
«Земля и народная воля!»

Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро по нашему следу
Проложит дорогу товарищей рать, —
Они у вас вырвут победу!

Как мы, они будут в мундире рабов,
Но сердцем возлюбят свободу,
И мы им закажем из наших гробов:
«Служите родному народу!»

Старик кровожадный! Ты носишь в груди
Не сердце, а камень холодный;
Вы долго вели нас, слепые вожди,
Толпою немой и голодной.

Теперь вы безумный затеяли бой
В защиту уродливой власти;
Как хищные волки, свирепой гурьбой
Вы родину рвете на части.

А вы, что пред нами сомкнули штыки,
К убийству готовые братья!
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но мы не пошлем вам проклятья!

Стреляйте вернее, готовься, не трусь,
Кончается наша неволя;
Прощайте, ребята! Да здравствует Русь,
Земля и народная воля!

1906

Данные о биографии П. К. Эдиета скудны. Он был участником московских революционных кружков; в годы первой мировой войны служил в Балтийском флоте, в 1917 году был депутатом Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. Кроме публикуемого текста с именем Эдиета связывается песня «Безумству храбрых поем мы славу...», опубликованная в сборнике «Песни революции» (Киев, 1906).

642. НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ...

(Памяти жертв 9 января)

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган. . .
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман. . .
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки, одну за другою,
С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землею
Расступалась со свистом вода.
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног. . .
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),

Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...
Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжкой борьбою
И неравной, толпа подалась,
Как кровавое знамя родное
Казакom было втоптанo в грязь...
Но зловещие птицы узреют, —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завевет
Над вершиной родного холма!..

1905

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник родилась в 1874 году в Москве, умерла в 1952 году там же. По окончании киевской гимназии (1891) она переехала в Москву, где играла на сцене Малого театра. Одновременно Щепкина-Куперник сотрудничала в журнале «Артист», писала пьесы, стихотворения, рассказы, повести. Известность она приобрела как переводчица драматических произведений в стихах (Э. Ростана, В. Гюго, Шекспира, Лопе де Вега, Кальдерона и др.). При жизни Щепкиной-Куперник вышло в свет несколько сборников ее стихотворений: «Из женских писем» (М., 1898), «Мои стихи» (М., 1901), «Облака» (М., 1912). Несколько ее стихотворений положено на музыку А. Аренским («Всё было тихо вокруг и темно...», «Небосклон ослепительно синий...», «Осень», «Счастье», «Я на тебя гляжу с улыбкой...»). Романы на ее слова писали также В. Бюцов («Твоя улыбка»), Н. Черепнин («Розы»), Г. Пахиопуло («Credo») и др. На текст пьесы в стихах «Месть Амура» А. С. Танеев написал оперу.

643. НА РОДИНЕ

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых Маньчжурских степей,
Калека, солдат истомленный,
К семье возвращался своей.

Спешил он жену молодую
И малого сына обнять,
Увидеть любимого брата,
Утешить родимую мать.

Пришел он.. В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его..

И стиснула сердце тревога:
Вернулся я, видно, не в срок..
«Скажите, не знаете ль, братья,
Где мать? Где жена? Где сынок?»

— «Жена твоя... Сядь... Отдохни-ка...
Небось твои раны болят».
— «Скажите скорее мне правду...
Всю правду!» — «Мужайся, солдат.

Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать... С челобитной
К царю, как к родному отцу...

Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она...
И.. насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...»

— «Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой?..» — «Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят».

— «Где мать?» — «Помолиться к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила...»

— «Не всё еще взято судьбою!
Остался единственный брат,
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой?» — «Мужайся, солдат!»

— «Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?»

— «О нет! Не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою. . .

Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит. . .
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит».

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза.
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза. . .

1905

Григорий Абрамович Ривкин (псевдоним — Н. И. Ривкин) родился в 1877 году в м. Любно Могилевской губ., умер в 1922 году в Киеве. Образование он получил во Франции. С 1902 года Ривкин стал участником революционного движения, был одним из организаторов Кронштадтского восстания 1906 года. Кроме публикуемого текста с именем Ривкина связывается перевод польской революционной песни «Кто кормит всех и поит?..» (1902).

644

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались...
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз...

Там в мешках лежат защиты
Трупы юных моряков:
Были пред зарей убиты
Девятнадцать удалцов.

Море видело — косою
Шли спокойно моряки
С песней звучной, боевою...
Вкруг — солдатские штыки.

Братья братьев привязали
Крепко-накрепко к столбам...
Братья братьев расстреляли,
Ужас веял по волнам...

Небо сразу побледнело,
Люди торопились скрыть
Ими сделанное дело —
Трупы в море опустить.

Чтобы жертвы их не всплыли
На трепещущих волнах,
Люди с трупами зашили
Камни тяжкие в мешках. . .

День безоблачный сияет
В гавань дальних берегов,
Море бережно вздымает
Трупы славных моряков.

Вихрь промчался возмущенья,
Все народы гнев объял. . .
Смерть — царю, злодеям — мщенье,
Час суда для них настал. . .

<1906>

Зоя Дмитриевна Бухарова (Козина) родилась в 1876 году в Амстердаме. Дата смерти ее неизвестна. Дочь известного дипломата, Бухарова детство провела за границей, училась в католическом монастыре, а затем в Павловском институте (Петербург), по окончании которого безвыездно жила в деревне. Она сотрудничала в «Севере», «Всемирной иллюстрации», «Ниве» и других изданиях, кроме стихов писала рецензии (например, на книги Есенина и Клюева). На стихи Бухаровой сочиняли музыку второстепенные композиторы: С. Каменев («Воспоминание»), С. Штейнман («Я женщина...»), Кобеляцкая-Ильина («Из осенних мелодий»), Л. Лисовский («Последний цветок»), Б. Гродзкий («Весенняя ночь»), Р. Мервольф («В холодный, скучный мрак...»), М. Крылов («О желанный мой...»), М. Левитский («Ты один...»). Отдельным сборником стихи Бухаровой не издавались, некоторые из них вошли в антологию «Современные русские поэтессы...», сост. А. Сальников, СПб., 1905.

645. ПОКТЮРН

Крики чайки белоснежной,
Запах моря и сосны,
Неумолчный, безмятежный
Плеск задумчивой волны.

В дымке розово-хрустальной
Умирующий закат,
Первой звездочки печальной
Золотой далекий взгляд.

Ярко блещущий огнями
Берег в призрачной дали,
Как в тумане перед нами —
Великаны корабли.

Чудный месяц, полный ласки,
В блеске царственном своем. . .
В эту ночь мы будто в сказке
Упоительной живем.

<1903>

Сергей Евсеевич Ганьшин родился в 1878 году, умер в 1953 (?) году. В детстве он был пастухом, затем работал на подмосковных ткацких фабриках. За революционную деятельность Ганьшин был арестован и находился в заключении до 1908 года. В 1916 году он был сослан в Вятскую губ. Ганьшин состоял в Суриковском литературно-музыкальном кружке (с 1910 года). Его стихотворения, которые начали появляться в печати с 1908 года, были собраны в сборнике «Искры» (М., 1912).

646. ТОВАРИЩАМ

Нет, нам не отдыхать.
Мы работать должны что есть силы,
Знамя правды, борьбы
Понесем мы до самой могилы.
Кто в борьбе изнемог,
Чья душа от страданий изныла,
Пусть они отдохнут,
А у нас с вами есть еще сила.
Мы бороться должны,
Перенести и позор и невзгоды...
Мы падем, но придет
Светлый праздник желанной свободы.

1912

Филипп Степанович Шкулев родился в 1868 году в деревне Печатники Московской губ., умер в 1930 году в Москве. Мальчиком он работал на ткацкой фабрике, где получил увечье. Позже Шкулев торговал в овощной лавочке, вместе с М. Леоновым держал книжный магазин «Искра» (1905), издавал газету «Новая пашня» (1907) и журналы «Крестьянская правда» и «Гроза», сатирические журналы «Народный рожок»; в 1911 — «Мой рожок», «Заноза». За свою литературно-издательскую деятельность Шкулев приговаривался к тюремному заключению, административной высылке из Москвы, состоял под надзором полиции. После Октябрьской революции он принимал активное участие в литературно-общественной жизни, состоял в литературном объединении «Кузница». Стихи Шкулев начал писать с 15 лет, впервые в печати выступил в 1890 году (в коллективном сборнике «Наша хата», где появились стихи «В ночь под Ивана Купала» и «В день благовещения»). При жизни Шкулева издано три сборника его стихотворений: «Думы пахаря» (М., 1894), «Смелые песни» (М., 1911), «Гимн труду» (М., 1922).

647. МЫ КУЗНЕЦЫ

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи.

Мы светлый путь куюм народу,—
Полезный труд для всех куюм...
И за желанную свободу
Мы все страдаем и умрем.

Мы кузнецы. Отчизне милой
Мы только лучшего хотим.
И мы не даром тратим силы —
Не даром молотом стучим.

Ведь после каждого удара
Редее тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1905 или 1906

Алексей Николаевич Будищев родился в 1867 году в Саратовской губернии, умер в 1916 году в Гатчине. Будучи студентом-медиком Московского университета, Будищев печатал стихотворения и рассказы в юмористических журналах «Развлечение», «Будильник», «Осколки». В 1890-е годы, переехав в Петербург, он стал профессиональным литератором, сотрудничал в «Русском богатстве», «Новом времени», «России», «Руси» и других периодических изданиях. Известность у современников Будищев приобрел своими юмористическими рассказами, писал он также романы и пьесы («Живые и мертвые»). При жизни Будищева вышел в свет единственный сборник его стихотворений (СПб., 1901). Как поэт Будищев не обладал большим талантом, но иногда критика отмечала мелодичность его стиха. Впрочем, лишь немногие его произведения были положены на музыку: «На что ты сердисься...» (М. Остроглазов, К. Тидеман), «Расскажи мне...» (В. Орлов), «Я люблю эту ширь ароматных степей...» (И. Корнилов), «Победитель» (В. Прейс). Популярным романсом стало лишь публикуемое стихотворение поэта.

648

Только вечер затеплится синий,
Только звезды зажгут небеса
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса, —
Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик как тень,
Да надев потемнее накидку,
И чадру на головку надень.

Там, где гуще сплетаются ветки,
Я незримо, неслышно пройду
И на самом пороге беседки
С милых губок чадру отведу.

<1916>

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ
СЕРЕДИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

649

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти —
Покоримся власти!
Мироеды тем и пробавлялись, —
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо, —
Стричь и брить нас надо.
Про царей попы твердили миру —
Спьяна или с жиру, —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин — до бога высоко,
До царя далеко:
Царь сидит там, в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Всё не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством —
Малым начальством.
Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слышал о двадцать пятью годе
В крещеном народе?

Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев:
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело.
И сложили головы за братьев
Пестель да Кондратий,
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело!

<1861>

650

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытаются и жгут нас огнем —
Песню свободе и в пытке споем!

Славься же, славься, родимая Русь,
И пред царем и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорее, родимая, встань!

<1863>

651

Золотых наших дней
Уж немного осталось,
А бессонных ночей
Половина промчалась.
Проведемте ж, друзья,
Эту ночь веселей,
Пусть студентов семья
Соберется тесней! } (2)

Наша жизнь коротка,
Всё уносит с собой,
Наша юность, друзья,
Пронесется стрелой.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Не два века нам жить,
А полвека всего.
Так тужить да грустить,
Друг мой, право, смешно.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

В голове удалой
Много сладостных дум;
Буря жизни и вой
Не заглушат их шум.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Пусть на небе гроза,
А во тьме для меня
Моей милой глаза
Блещут ярче огня.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Не любить — загубить
Значит жизнь молодую.
В жизни (мире) рай — выбирай
Себе деву любую!
Проведемте ж, друзья... и т. д.

В объятиях девы,
Как ангел прекрасной,
Забудем же, други,
Всё горе свое.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

И счастья полны,
С улыбкою страстной,
Умрем, забывая
Весь мир, за нее.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

И чем больше и злей
Будет гром грохотать,
Тем отраднее с «ней»
Будем мы пировать.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Наша жизнь коротка,
Всё уносит с собой.
Пусть разгульна, легка
Мчится юность стрелой!
Проведемте ж, друзья... и т. д.

На разгульном пиру
Пусть вино нам отрада,
Пусть и песня веселья
Всем горям преграда.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Пойте, ликуйте
Беспечно, друзья,
А песня польется,
Как влаги струя.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Пусть ликует твой враг,
Твои силы губя,
Только б было светло
На душе у тебя.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

И чтоб в дом твой друзья,
Люди честные шли,
И на смену отцов
Нам младенцы росли.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

И чтоб мог ты врагу
В очи смело глядеть
И пред смертью своей
Не дрожать, не бледнеть.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Не боюсь я судьбы,
Не боюсь я врагов:
Силы есть для борьбы,
Руки есть для трудов!
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Кто из нас победит, —
Эта речь впереди;
А покуда кипит
Жажда жизни в груди.
Проведемте ж, друзья... и т. д.

Выпьем, братцы, теперь
Мы за русский народ,
Чтобы грамоту знал,
Чтобы шел всё вперед!
Проведемте ж, друзья,
Эту ночь веселей,
Пусть студентов семья
Соберется тесней! } (2)

<1850-е годы>

652

Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней —
Не возродишь былых желаний
В душе моей, в душе моей.

И на меня свой взор опасный
Не устремляй, не устремляй,
Мечтой любви, мечтой прекрасной
Не увлекай, не увлекай.

Однажды счастье в жизни этой
Вкушаем мы, вкушаем мы.
Святым огнем любви согреты,
Оживлены, оживлены.

Но кто ее огонь священный
Мог погасить, мог погасить, —
Тому уж жизни незабвенной
Не возвратить, не возвратить!

<1877>.

653

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Порой изнывали по тюрьмам сырым;
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая.

Настанет пора — и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь благородный!

1870-е годы

654

По пыльной дороге телега несется,
В ней по бокам два жандарма сидят.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

Юный изгнанник в телеге той мчится,
Скованы руки, как плети висят.
Сбейте оковы... и т. д.

Дома оставил он мать беззащитную,
Будет она и любить и страдать.
Сбейте оковы... и т. д.

Дома оставил он милую сердцу,
Будет она от тоски изнывать.
Сбейте оковы... и т. д.

Вспомнил он, бедный, дело народное,
Вспомнил, за что он так долго страдал.
Сбейте оковы... и т. д.

Вспомнил и молвил: «Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить».

1860-е или 1870-е годы

655

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Идет он густою тайгою,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,
Сухие коты ноги бьют.

На нем рубашонка худая,
Со множеством разных заплат,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал —
Идти дальше нет больше мочи,
Пред ним расстилался Байкал.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит —
Про родину что-то поет:

«Оставил жену молодую
И малых оставил детей,
Теперь я иду наудачу,
Бог знает, увижусь ли с ней!»

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
«Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец, хочу знать?»

— «Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землю зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает
И плачут детишки гурьбой».

1880-е годы

656

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые,
    Да э-эх!
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите,
Я и так не убегу,
Мне и хочется на волю,
    Да э-эх!
Цепь порвать я не могу.

Чайки в смятении и с криком несутся,
А ели как в страхе дрожат.
Грозно и пенясь, катаются волны,
Сердится гневом объятый, широкий Байкал.

Чудится в буре мне голос знакомый,
Будто мне что-то давнишнее хочет сказать.
Тень надвигается, бурей несомая,
Сколько уж лет он пощады не хочет мне дать!

Буря, несися! Бушуй, непогода!
Не вас я так крепко страшусь.
Тень надвигается, бурей несомая,
Гонится всюду за мной, лишь я не боюсь!

Вторая половина XIX века

659

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяге путь.
Укрой тайга его глухая —
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.

«Умру, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда».

Вторая половина XIX века

Вот мчится тройка почтовая
 По Волге-матушке зимой,
 Ямщик, уныло напевая,
 Качает буйной головой.

«О чем задумался, детина? —
 Седок приветливо спросил. —
 Какая на сердце кручина,
 Скажи, тебя кто огорчил?»

— «Ах, барин, барин, добрый барин,
 Уж скоро год, как я люблю,
 А нехристь-староста, татарин,
 Меня журит, а я терплю.

Ах, барин, барин, скоро святки,
 А ей не быть уже моей,
 Богатый выбрал, да постылый —
 Ей не видать отрадных дней...»

Ямщик умолк и кнут ременный
 С досадой за пояс заткнул.
 «Родные, стой! Неугомонны! —
 Сказал, сам горестно вздохнул. —

По мне лошадушки взгрустнутся,
 Расставшись, борзые, со мной,
 А мне уж больше не промчатся
 По Волге-матушке зимой!»

<1901>

661. ДРЕМЛЮТ ПЛАКУЧИЕ ИВЫ

Дремлют плакучие ивы,
 Низко склонясь над ручьем,
 Струйки бегут торопливо,
 Шепчут во мраке ночном,
 Шепчут во мраке, во мраке ночном!

Думы о прошлом далском
Мне навевают они...
Сердцем больным, одиноким
Рвусь я в те прежние дни!..
Рвусь я в те прежние, светлые дни.

Где ты, голубка родная?
Помнишь ли ты обо мне?
Так же ль, как я, изнывая,
Плачешь в ночной тишине...
Плачешь ли так же в ночной тишине...

<1906>

662

Далеко в стране Иркутской
Между двух огромных скал,
Обнесен стеной высокой,
Александровский централ.

Чистота кругом и строго,
Ни соринки не найдешь:
Подметалов штук десяток
В каждой камере найдешь.

Дом большой, покрытый славой,
На нем вывеска стоит,
А на ней орел двуглавый
Раззолоченный висит.

По дороге тройка мчалась,
В ней был барин молодой.
Поравнявшись с подметалой,
Крикнул кучеру: «Постой!

Ты скажи-ка мне, голубчик,
Что за дом такой стоит?
Кто владелец тому дому?
Как фамилия гласит?»

— «Это, барин, дом казенный —
Александровский централ,
А хозяин сему дому
Здесь и сроду не бывал.

Он живет в больших палатах,
И гуляет, и поет,
Здесь же в сереньких халатах
Дохнет в карцере народ».

— «А скажи-ка мне, голубчик,
Кто за что же здесь сидит?»
— «Это, барин, трудно помнить:
Есть и вор здесь и бандит.

Есть за кражи и убийства,
За подделку векселей,
За кредитные билеты...
Много разных шукарей.

Есть за правду за народну:
Кто в шестом году восстал,
Тот начальством был отправлен
В Александровский централ.

Есть преступники большие,
Им не нравился закон,
И они за правду встали,
Чтоб разрушить царский трон.

Отольются волку слезы.
Знать, царю несдобровать!»
Уловив слова угрозы,
Барин крикнул: «Погонять!»

<1906>

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСЕННЫЕ ПЕРЕРАБОТКИ
СТИХОТВОРЕНИЙ
XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

663

Последний час разлуки
С тобой, мой дорогой,
Не вижу, кроме скуки,
Отрады никакой.
Ничто меня не тешит,
Ничто не веселит,
Одно лишь утешенье —
Мил плакать не велит.
Гуляла я в садочке,
В дубраве зеленóй,
Искала те следочки,
Где мил гулял со мной,
Садилась под кусточек
На мягкую траву,
Сидели две голубки
На яблоньке в саду.
Одна из них вспорхнула
И скрылась вдалеке,
А я, млада, вздохнула
О миленьком дружке.
Ты где ж, моя отрада,
Сережа-пастушок?
Ходил ко мне от стада
На крутый бережок,
Играл он, моя радость,
В серебряный рожок,
И сладко целовался
Со мною мой дружок.

Прощай, мой друг Сережа,
И вспомни обо мне
В последний час разлуки
На дальней стороне!

664

Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда,
Разделят нас долины-горы,
Врозь будем жить с тобой, душа!
И в эту горькую минуту
С своей сердечной простотой
Пожму в последний раз я руку,
Скажу: «Прощай, любезный мой!
Во тех садах, лугах прекрасных
И на возвышенном холме,
Где при заре счастливой, ясной
Склонялся ты на грудь ко мне».
Склонилась, тихо прошептала:
«Люблю, люблю, милый, тебя!»

665

Раз полуночной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.
Фуражечка набекрени,
Весь мундир в пыли,
Пистолеты при кобуре,
Шашка до земли.
И копыта его стального
Светится конец,
В грудь упершись бороною,
Задремал казак.
Конь, узды своей не чуя,
Шагом выступал.

Потихоньку, влево, влево —
Прямо к Саше в дом.
«Выйди, Сашенька, скорее,
Дай коню воды!»
— «Я коня твоего не знаю,
Боюсь подойти».
— «Ты коня моего не знаешь,
Знать, забыла ты меня!
Ты коня моего не бойся,
Он всегда со мной,
Он спасал меня от смерти
Для тебя одной!»

666

Вдоль по улице метелица метет;
За метелицей мой миленький идет.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

На твою ли на приятную красоту,
На твое ли да на белое лицо.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Красота твоя с ума меня свела,
Иссушила добра молодца меня.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

667

На лужке, лужке, лужке,
При широком поле,
В незнакомом табуне
Конь гулял по воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
Как поймаю — зауздаю
Шелковой уздою.

Я поймаю, зауздаю
Шелковой уздою,
Дам две шпоры под бока —
Конь, лети стрелою!

Ты лети, лети, мой конь,
Ты, как ветер, мчися,
Против нашего двора,
Конь, остановися.

Подъезжай, конь, к воротам,
Топни копыта́ми,
Чтобы вышла милая
С черными бровями.

Но не вышла милая,
Вышла ее мати:
«Здравствуй, в хату заходи,
Здравствуй, милый зятик».

А я в хату не пойду,
Пойду я в светлицу,
Разбужу я ото сна
Красную девицу.

Красавица там спала,
Ничего не знала,
Правой ручкой обняла
Да поцеловала.

638

Ехали солдаты
Со службы домой,
Ой, на плечах погоны,
На грудях кресты.

Ой, ехали по дорожке —
Родитель стоял.
«Эх, здорово, папаша!»
— «Здорово, сын родной!»
— «Расскажи, папаша,
Про семью свою».
— «Ой, семья, слава богу,
Прибавилась:
Ой, женка молодая
Сыночка родила».
Ой, сын с отцом ни слова,
Садился на коня,
Ой, на коня гнедого,
Ехал со двора.
Ой, подъезжает к дому —
Мать с женой стоят.
Мать стоит с улыбкой,
Жена-то во слезах.
«Эх, тебя, мать, прощаю —
Жену-то никогда!»
Эх, закипело сердце
В солдатской груди,
Ой, заблестала шашка
Во правой руке,
Эх, сняла буйну голову
С неверной женщиной.
«Что я наделал,
Что я натворил!
Жену я зарезал,
Сам себя сгубил,
Маленьку малютку
Навек осиротил!»

669

По воле летает орел молодой. (2)
Летамши по воле, добычи искал,
Нашедши добычу, сам в клетку попал.

Сидит за решеткой орел молодой,
Приятную пищу клюет пред собой.

Клюет и бросает, сам смотрит в окно;
К ему прилетает товарищ его.

«Товарищ, друг милый, давай улетим!»
— «Лети, мой товарищ, а я за тобой,—

Где солнце сияет, где светит луна,
Где синее море, где теплы края!»

670

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали среди дубравы.

«Вы спите, милые герои,
Друзья, под бурей ревущей,
С рассветом глас раздастся мой
На славу иль на смерть зовущий».

Кучум, презренный царь Сибири,
Подкрался тайно на челнах...
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния сверкала,
Вдали чуть слышно гром гремел...
Но Ермака уже не стало.

Проснется день — его краса
 Украсит белый свет.
 Увижу я море, небеса,
 Но родины здесь нет.
 Отцовский дом покинул я,
 Травую зарастет,
 Собачка верная моя
 Выть станет у ворот.
 На кровле филин прокричит,
 Раздастся по лесам,
 Заноеет сердце, загрузит,
 Меня не будет там...
 Ах, в той стране, стране родной,
 В которой я рожден,
 Терпеть мученье без вины
 Навеки осужден.
 Проснутся завтра на заре
 И дети и жена, —
 Малютки спросят обо мне,
 Расплачется она.
 Судьба несчастная моя
 К разлуке привела,
 И разлучила молодца
 Чужая сторона.

Вот мчится тройка удалая
 Вдоль по дорожке столбовой,
 И колокольчик, дар Валдая,
 Звенит уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи, —
 Ему взгрустнулося в тиши,
 И он запел про ясны очи,
 Про очи девицы-души:

«Вы, очи, очи голубые,
 Вы сокрушили молодца,

Зачем, о люди, люди злые!
Вы их разрознили сердца?

Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем,
И тройкой тешился детина —
И заливался соловьем.

673

Между Москвой и Ленинградом —
Была там родина моя.
Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним.
И вдруг случилось несчастье —
Напали немцы на село.
Отца убили с первой схватки,
А мать живьем в костре сожгли,
Сестру-красотку в плен забрали.
Она недолго там была —
Три дня, три ноченьки старался
Сестру из плена выручать,
А на четвертую подкрался,
Сестру из плена я украл.
С сестрой мы в лодочку сядились
И тихо плыли по реке,
И вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой —
Пустил злодей злодейску пулю,
Убил красавицу сестру.
Сестра из лодочки упала, —
Остался круглый сирота.
Горит, горит село родное,
Горит отцовский большой дом,
Горят леса, горят машины,
Горит нескошена трава.

«Послушай-ка, служивый,
 Ты куришь табачок, —
 Но трубка — что за диво!
 Дай посмотреть, дружок.
 Какая позолота
 С резьбою по краям:
 Не по тебе работа,
 Продай-ка лучше нам!»
 — «Хоть, сударь, и заметна
 Охота в том твоя,
 Но трубки сей заветной
 Продать не волен я.
 Она со мной в сраженье
 Была за сапогом
 И в грозном злоключенье
 Служила мне щитом.
 Она у сераскира
 Отбита на войне
 И в память командира
 Теперь досталась мне».
 — «Послушай-ка, служивый,
 Кто командир был твой?»
 — «Храбров». — «Храбров, о днео, —
 Он дядя мне родной!»

Не осенний мелкий дождичек
 Брызжет, брызжет сквозь туман;
 Слезы горькие льет молодец
 На свой бархатный кафтан.
 Полно, брат молодец,
 Ты ведь не девица!
 Пей, тоска пройдет,
 Пей, пей,
 Пей, тоска пройдет!

«Не тоска, друзья-товарищи,
 В грудь запала глубоко:

Дни веселья и дни радости
Отлетели далеко!»

Полно, брат молодец... и т. д.

«Э-эх! вы братцы, вы товарищи,
Не поможет мне вино,
Оттого что змея лютая
Гложет, точит грудь мою».

Полно, брат молодец... и т. д.

«И теперь я всё, товарищи,
Сохну, вяну день от дня,
Оттого что красна девица
Изменила мне шутя!»

Полно, брат молодец... и т. д.

«Да! как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселья, дни счастливые...
Не пришлось бы горевать!»

Полно, брат молодец... и т. д.

«А... и, впрямь-ко, я попробую
В вине горе утопить
И тоску, злодейку лютую,
Поскорей вином залить».

Полно, брат молодец,
Ты ведь не девица,
Пей, тоска пройдет,
Пей, пей,
Пей, тоска пройдет!

676

Под ракитою склоненной
Русский раненый лежал.

Он к груди своей пронзенной
Орден красный прижимал.

Льется кровь из свежей раны
На истоптанный песок,

Над ним вьется черный ворон,
Чуя лакомый кусок.

«Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой.

Ты добычи не добьешься —
Я солдат еще живой.

Ты слетай-ка, черный ворон,
Снеси маменьке поклон;

Ты скажи, что я женился,
Я женился на другой.

Свадьба была под Варшавой,
Обвенчала темна ночь,

А невеста, пуля злая,
Пронизала грудь насквозь».

677

«Соловей-соловьешек,
Что ты невеселый?
Повесил головушку
И зерна не клюешь?»
— «Клевал бы я зернушки,
Да волюшки нету.
Запел бы я песенку,
Да голосу нет.
Соловья маленького —
Хотят его уловить,
В золотую клеточку
Хотят посадить.

Золотая клеточка —
Всё сушит она меня,
Зеленая веточка
Веселит меня.
Жил я у матушки —
Первый богатырь,
Теперь я сижу в остроженъке,
Сижу сам-один.
Скован я железамы,
Скован по рукам,
Громкие железюшки
Вьются по ногам.

678

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт.
Колокольчик то заплачет,
То хохочет, то звенит.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.

Вот вдали село большое —
Сразу ожил мой ямщик.
Песней звонкой, удалюю
Залился он в тот же миг.
Еду, еду, еду к ней... и т. д.

Тпру!.. И тройка вдруг осела
У знакомого крыльца,
В сени девушка влетела
И целует молодца.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.

Быстры, как волны,
 Дни нашей жизни, —
 Что час, то к могиле
 Короче наш путь...
     Налей же, товарищ,
     Заздравную чашу,
     Как знать, что осталось
     Для нас впереди?

Темна наша жизнь,
 Как осенью ночь,
 Грядущее скрыто
 Для нас впереди.
     Налей же, товарищ... и т. д.

Умрешь — похоронят,
 Как не жил на свете,
 Сгниешь, не воскреснешь
 К веселью друзей.
     Налей же, товарищ... и т. д.

Гробом накроют
 Глаза навсегда,
 По смерти не станешь
 Пить больше вина...
     Налей же, товарищ... и т. д.

С вином мы родились,
 С вином мы умрем,
 С вином похоронят
 И с пьяным словцом.
     Налей же, товарищ... и т. д.

Пока же мы живы,
 Так будем тянуть
 Стакан за стаканом,
 Чтоб крепче заснуть.
     Налей же, товарищ,
     Заздравную чашу,
     Как знать, что осталось
     Для нас впереди?

Как на дубе на зеленом,
 Над бурливую рекой,
 Одинокий думал думу
 Сокол ясный молодой.
 «Что ты, сокол быстrokрылый,
 Призадумавшись, сидишь,
 Своими ясными очами
 В даль широкую глядишь?
 Или скучно, или мрачно
 Жить тебе в родном краю?
 Или нет тебе привета
 На родимых островах?»
 Взвился сокол быстrokрылый,
 В даль широко полетел,
 Своими ясными очами
 В даль широкую глядел.
 Буря воеет, гром грохочет...
 Красно солнышко взошло —
 А по морю тихой зыбью
 Тело сокола плывет.

Ты, моряк, красивый сам собою,
 Тебе от роду двадцать лет.
 Полюби меня, моряк, душою,
 Что ты скажешь мне в ответ?
     По морям, по волнам —
     Нынче здесь, завтра там.
     По морям, морям, морям, морям, эх!
     Нынче здесь, а завтра там.

Ты, моряк, уедешь в сине море,
 Оставляешь меня в горе,
 А я буду плакать и рыдать,
 Тебя, моряк мой, вспоминать.
     По морям, по волнам... и т. д.

«Ты не плачь, моя Маруся, —
Я морскому делу научуся.
И не стоит плакать и рыдать,
Меня так часто вспоминать».

По морям, по волнам —
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям, эх!
Нынче здесь, а завтра там.

682

Я жила тогда у самой у реки.
Проходили мимо красные полки,
Враг проклятый их теснил со всех сторон,
На деревню к нам заехал эскадрон.
Эскадрон тогда разбили беляки,
И остался эскадронный командир.
Весь израненный во двор ко мне вбежал,
Знамя красное к груди своей прижал.
Лишь успела командира спрятать я,
Застучала, слышу, горница моя,
И в дверях раздался громкий крик:
«Отвечай, куда, где спрятан большевик?»
Отвечаю я: «А мне откуда знать?»
Офицер кричит: «Держать ее, пытаться!»
Но пытали — допытаться не могли,
Постучали, покричали да ушли.
Как-то вышла посидеть я на крыльцо,
Вижу, полк ведет знакомое лицо,
Да ведь это мой знакомый командир!
Поравнявшись со мною, полк остановил.
С командиром сам Буденный был тогда,
Что, я думаю, случилась за беда?
Крикнул: «Смирно! Музыканты, в трубы дуть!»
И надел Буденный орден мне на грудь.

888. КОЧЕГАР

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли. (2)

Не слышно на палубе песен,
И Красное море волною шумит,
А берег суровый и тесен, —
Как вспомнишь, так сердце болит. (2)

На баке уж восемь пробило, —
Товарища надо сменить.
По трапу едва он спустился,
Механик кричит: «Шевелись!» (2)

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем прогорят;
В котлах не сдержать мне уж пару. (2)

Пойди заяви, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил — умираю». (2)

Товарищ ушел... Лопатку схватил,
Собравши последние силы,
Дверь топки привычным толчком отворил,
И пламя его озарило: (2)

Лицо его, плечи, открытую грудь
И пот, с них струившийся градом, —
О, если бы мог кто туда заглянуть,
Назвал кочегарку бы адом! (2)

Котлы паровые зловеще шумят,
От силы паров содрогаясь,
Как тысячи змей пары же шипят,
Из труб кое-где пробиваясь. (2)

А он, извиваясь пред жарким огнем,
Лопатой бросал ловко уголь;
Внизу было мрачно: луч солнца и днем
Не может проникнуть в тот угол. (2)

Нет ветра сегодня, нет мочи стоять.
Согрелась вода, душно, жарко, —
Термометр поднялся на сорок пять,
Без воздуха вся кочегарка. (2)

Окончив кидать, он напился воды —
Воды опресненной, не чистой,
С лица его падал пот, сажу следы.
Услышал он речь машиниста: (2)

«Ты, вахты не кончив, не смеешь бросать,
Механик тобой недоволен.
Ты к доктору должен пойти и сказать, —
Лекарство он даст, если болен». (2)

За поручни слабо хватаясь рукой,
По трапу наверх он взбирался;
Идти за лекарством в приемный покой
Не мог — от жары задышался. (2)

На палубу вышел — сознания уж нет,
В глазах его всё помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал... Сердце больше не билось... (2)

К нему подбежали с холодной водой,
Стараясь привести его в чувство,
Но доктор сказал, покачав головой:
«Бессильно здесь наше искусство...» (2)

Всю ночь в лазарете покойник лежал,
В костюме матроса одетый;
В руках на груди крест из воску держал;
Воск таял, жарюю согретый. (2)

Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара,

Последний подарок ему поднесли —
Колосник обгорелый и ржавый. (2)

К ногам привязали ему колосник,
В простыню его труп обернули;
Пришел пароходный священник-старик,
И слезы у многих сверкнули. (2)

Был чист, неподвижен в тот миг океан,
Как зеркало воды блестели;
Явилось начальство, пришел капитан,
И «вечную память» пропели. (2)

Доску приподняли дрожащей рукой,
И в саване тело скользнуло,
В пучине глубокой, безвестной морской
Навеки, плеснув, утонуло. (2)

Напрасно старушка ждет сына домой;
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает. (2)

684

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
«Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли».

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем не горят,
В котлах не сдержать мне уж пару».

Пойди заяви ты, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил — умираю».

На палубу вышел — сознания уж нет,
В глазах его всё помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал. Сердце больше не билось.

Проститься с товарищем утром пришли
Матросы, друзья кочегара,
Последний подарок ему поднесли —
Колосник обгорелый и ржавый.

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.

685

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут.
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые:
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.
Ремни его кольчужны
Повисли по краям,
А кровь из ран струится
По русым волосам.
Несли его до места,
Несли в глуши лесной.
Мы шли, остановились,
Сказали: «Братцы, стой!»
Мы наземь опустили
Носилки с мертвецом

И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
Мы вырыли глубоко
На желтым песке,
На желтым песочке,
На крутом бережке!
«Прощай ты, наш товарищ,
Наш Чуркин молодой,
Уж нам теперь не время
Беседовать с тобой.
Идем, идем скорее!
Мы снова, братцы, в бой!»

686

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.

И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил
И тихим голосом сознанья
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

Войска все, созванные мною,
Погибнут здесь среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребенья, без гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

687

Две гитары за стеной
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Милый, это ты ли!
Эх, раз, еще раз!

Это ты, я узнаю
Ход твой в ре миноре
И мелодию твою
В частом переборе.
Эх, раз, еще раз!

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Страстного веселья,
Бурного похмелья.
Эх, раз, еще раз!

Это ты, загул лихой,
Окол' пунша грелки
И мелодия твоя
На мотив венгерки.
Эх, раз, еще раз!

Ах болит, ах что болит
Голова с похмелья...
Уж мы пьем, мы будем пить
Целую неделю!
Эх, раз, еще раз!

Славное море, священный Байкал,
 Славный корабль — омулевая бочка.
 Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
 Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи влачил,
 Душно мне было в горах Акатуя,
 Старый товарищ бежать пособил,
 Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь, —
 Горная стража меня не поймала,
 В дебрях не тронул прожорливый зверь,
 Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня,
 Вкруг городов озираясь зорко,
 Хлебом кормили крестьянки меня,
 Парни снабжали махоркой.

Славное море, священный Байкал,
 Славный мой парус — халат дыроватый.
 Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
 Слышатся бури раскаты.

«Хас-Булат удалой,
 Бедна сакля твоя,
 Золотою казной
 Я усыплю тебя.

Саклю пышно твою
 Разукрашу кругом,
 Стены в ней обобью
 Я персидским ковром.

Дам коня, дам кинжал,
 Дам винтовку свою,

А за это за всё
Ты отдай мне жену.

Ты уж стар, ты уж сед,
И с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Все молчали кругом.

Лишь играла река
Перекатной волной
И скользила рука
По груди молодой.

Она мне отдалась
До последнего дня
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя».

— «Князь, рассказ ясен твой,
Но напрасно ты рек —
Вас с женой молодой
Я вчерась подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
А неверну жену
Тебе даром отдам.

Ты сходи посмотри
На невесту свою —
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах.
Поцелуй мой застыл
У нее на устах».

В саду ягодка лесная
Под закрышею цвела,
А княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у этого у князя
Ванька — ключник молодой,
Ванька-ключник,
Злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню,
Он ни златом, ни кольцом,
Обольстил Ваня княгиню
Своим белым он лицом.
На кроватку спать ложилась
И с собой Ваню брала.
Одну ручку подложила,
А другою обняла:
«Ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать».
Ванька с нянькой поругался.
Нянька князю донесла.
По чужому наговору
Князь дознался до жены.
Он вышел на крылечко,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы, слуги, ой холопы,
Слуги верные мои,
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»
Вот ведут, ведут Ванюшку
На шелковом поясе.
На нем шелкову рубашку
Кверху ветром подняло,
Его светло-русы кудри
Растрепались по плечам.
Вот подходит Ваня к князю,
Князь стал спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, Ванюшка,
Сколько лет с княгиней жил?»
— «Про то знает грудь, подушка,

Еще князева кровать,
Да еще моя подружка —
Это князева жена».
— «Ой вы, слуги, ой холопы,
Слуги верные мои,
Вы подите ды вкопайте
Два дубовые столба,
Ды возьмите и повесьте
Ваньку-ключника на них!»

691

Что стоишь, качаясь,
Горькая рябина,
Головой склоняясь } (2)
До самого тына? }

А через дорогу,
За рекой широкой,
Так же одиноко } (2)
Дуб стоит высокий. }

«Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться?
Я б тогда не стала } (2)
Гнущаяся и качаться. }

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями } (2)
День и ночь шепталась...

Но нельзя рябине
К дубу перебраться, —
Знать, мне, сиротине, } (2)
Век одной качаться».

«Что стоишь, качаясь,
 Тонкая рябина,
 Головой склоняясь
 До самого тына?»
 — «С ветром речь веду я
 О своих невзгодах,
 Что одна расту я
 В этих огородах.
 Там, через дорогу,
 За рекой широкой,
 Так же одиноко
 Дуб стоит высокий.
 Как бы мне, рябине,
 К дубу перебраться, —
 Я б тогда не стала
 Гнуться и качаться».
 Но под вечер тучи
 Горизонт покрыли,
 Молнией горючей
 Дубу ствол разбили.
 Тонкая рябина
 Гнулась и качалась,
 И под самый корень
 Вдруг она сломалась.

Есть на Волге утес — диким мохом порос
 От вершины до самого края...
 И стоит сотни лет, диким мохом одет,
 Ни заботы, ни горя не зная.

На вершине его не растет ничего,
 Только ветер свободно гуляет,
 Да свободный орел там гнездовье завел,
 И над ним он свободно летает.

Из людей лишь один на утесе том был,
 До вершины его добирался,

И утес в честь его — человека того —
С той поры его именем звался.

И поныне утес там стоит и хранит
Все заветные думы Степана,
И на Волге родной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси человек,
Кто корысти житейской не знает, —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет,
О Степане всю правду узнает.

Кто свободу любил, кто за родину пал,
Кто на Волге за родину ляжет, —
Тот утес-великан всё, что думал Степан,
Он тому смельчаку всё расскажет.

694

Сиротой я росла,
Как в поле былинка.
Моя молодость прошла } (2)
На чужой сторонке. }
Я с двенадцати лет } (2)
По людям ходила, }
Где качала я детей, } (2)
Где коров доила. }
Хороша я, хороша, } (2)
Да плохо одета. }
Никто замуж не берет } (2)
Девицу за это. }
Пойду с горя в монастырь, } (2)
Богу помолюся, }
Пред иконою святой } (2)
Слезую зальюся, }
Не пошлет ли мне господь } (2)
Той доли счастливой, }
Не полюбит ли меня } (2)
Молодец красивый, }

Как во темном во лесу	}	(2)
Там воют волчицы,		
Как в зеленом во саду	}	(2)
Распевали птицы.		
Как одна-то, одна пташка,	}	(2)
Она села и запела,		
И, должно, вот с нею		
Мое счастье улетело.	}	(2)

695

Когда я на почте служил ямщиком,
 Был молод, имел я силенку,
 И крепко же, братцы, в селенье одном
 Любил я в ту пору девчонку.
 Сначала не видел я в этом беду,
 Потом задурил не на шутку:
 Куда ни поеду, куда ни пойду —
 Всё к милой сверну на минутку.
 И любо оно, да покоя-то нет,
 А сердце щемит всё сильнее...
 Однажды начальник дает мне пакет:
 Свези, мол, на почту живее.
 Я принял пакет и скорей на коня,
 И по полю вихрем помчался,
 А сердце щемит да щемит у меня,
 Как будто с ней век не видался...
 И что за причина? Понять не могу, —
 А ветер так воеет тоскливо...
 И вдруг словно замер мой конь на бегу
 И в сторону смотрит пугливо...
 Забилося сердце сильнее у меня,
 И глянул вперед я в тревоге.
 Затем соскочил с удалого коня
 И вижу я труп на дороге!
 А снег уж совсем ту находку занес,
 Метель так и пляшет над трупом,
 Разрыл я сугроб — да и к месту прирос,
 Мороз заходил под тулупом!..

Под снегом-то, братцы, лежала она!
Закрылись карие очи...
Налейте, налейте скорей мне вина,
Рассказывать больше нет мочи!..

696

Ах ты степь, ты степь!
Путь далек лежит.
В той степи большой } (2)
Замерзал ямщик.

И, набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу } (2)
Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла —
В той степи глухой } (2)
Схорони меня.

Ты лошадушек
Сведи к батюшке,
Передай поклон } (2)
Родной матушке.

А жене скажи
Слово тайное,
Передай кольцо } (2)
Обручальное.

Да скажи ты ей —
Пусть не печалится,
Пусть с другим она } (2)
Обвенчается.

Про меня скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее } (2)
Я с собой унес».

Мучит, терзает головушку бедную
 Грохот машинных колес;
 Свет застилается в оченьках крупными
 Каплями пота и слез.

Грохот машин, духота нестерпимая,
 В воздухе клочья хлопка;
 Маслом прогорклым воняет удушливо, —
 Да, жизнь ткача не легка!

Эх, да зачем же, зачем же вы льетесь,
 Горькие слезы, из глаз?
 Делу помеха — основа попортится —
 Быть мне в ответе за вас!

Рученьки, ноженьки ноют, сердечные,
 Спинушку ломит, бока...
 Грохот машин, духота нестерпимая, —
 Да, жизнь ткача не легка!

Молодым пареньком
 Дружбу свел с молотком,
 А дожить довелось
 До седых до волос.

Ах ты, молот, ковач,
 Я ли не был силач?
 А теперь не под стать
 Мне с тобой работать!

Одряхла рука,
 Ноют грудь и бока,
 А пока в небе свет,
 Мне и отдыха нет!

Что за лютый злодей,
 За лихой чародей

Наши деньги берет,
Кровь мужицкую пьет?

Нет, не лютый злодей,
Не лихой чародей —
Именитый купец
Да царь белый — отец!

Собирайтесь же все,
Кузнецы, слесаря,
Топоры наострим
И пойдем на царя!

699

Уж ты доля, моя доля,
Доля горькая моя!
Точно немощь приключилась,
С ног свалила старика.
Шестьдесят лет я работал,
Надрывался над сохой.
Может, вырастут ребята —
Старику дадут покой.
Старший сын был парень статный.
В город я его пустил.
Не вернулся он с завода —
Там головку положил.
Средний сын был грамотеем,
Много книжечек читал,
Всё свободы дожидался,
Да и сам, бедняк, попал.
Ночь темна была, жандармы
Вдруг напали на село,
Много книжечек забрали
И с собой взяли его.
Третий сын был парень статный —
Молодец из молодцов,
Он с германцами сражался
За дворян и за купцов.
Он был ранен пулеметом

И с войны домой пришел;
В то время стал калекой,
С сумкой по миру пошел.
Вдруг от царя пришла бумага:
Нужно подати платить,
Кто не выполнит приказа —
За решетки посадить.
Я теперь старик-от хилый,
Нечем подати платить
И последнюю коровенку
Дал правительству продать.
И запродали корову
За бесценок кулаку.
Вот дождусь Советской власти,
Рыло им набок сворочу.

700. ЧУДНЫЙ МЕСЯЦ

Чудный месяц плывет над рекою,
Всё в объятых ночной тишины.
Я сижу и люблюсь тобою,
Здесь с тобой, дорогая моя.

— Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый мой,
Только видеть тебя бесконечно,
Любоваться твоей красотой.

Но — увы! — коротки наши встречи.
Ты спешишь на свиданье к другой...
Так иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется грудь.

Пред иконой я встану с мольбою
И всю жизнь замолю за тебя,
Чтобы боже послал тебе счастья,
Чтобы горя тебе не знать;

А я буду всегда без участия
По гроб жизни любить и страдать,

Для кого я жила и страдала
И кому я всю жизнь отдала?

Как цветок ароматный весной,
Для тебя одного расцвела.
Ты поклялся любить меня вечно,
Как голубку лаская меня.

А потом же, смеясь, безутешно
Ты навек мою жизнь погубил.
Я просила тебя, умоляла:
Приди, милый, проститься со мной.

А ты, подлый, другую ласкаешь
И смеешься, тиран, надо мной.
Нам теперь уж с тобой не сойтись, —
Верно, так уж угодно судьбе.

И могила моя одинока:
Не придешь, не поклонись ей,
Только яркое солнце высоко
Над крестом моим бедным взойдет.

Бедный камень лежит одиноко,
Точно сторож могилы моей.
Отчего не проснешься ты снова
Для цветов ароматных полей?

701

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша!
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа.
Полюбил я ее,
Полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно.
Не понравился ей
Моей жизни конец,

И с постылым, назло
Мне, пошла под венец.
Звуки вальса неслись,
Веселился весь дом,
Я в каморку свою
Пробирался с трудом.
И всю ночь напролет
Я всё думал о ней:
Каково будет ей
Без милого жить век?

702

Много песен слышал я в родной стороне,
Не про радость — про горе там пели,
Из тех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама пойдет,
Подернем, подернем да ухнем!

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затянет родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
К ней в беде прибегает наш русский народ,
Как к последнему верному средству.
Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

Умирая, отец на дубовой скамье
Завещает любезному сыну
Лишь тупую покорность суровой судьбе
Да унылую песнь про дубину...
Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

На Руси <на> святой жандармерни рой,
Рой шпионов летает, как туча,
Залетает в дома, пробуждает от сна,
Поднимает народ наш могучий.

Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

По дороге большой, по большой столбовой,
Что Владимиркой век уж зовется,
Звон цепей раздаётся глухой, роковой
И «Дубинушка» стройно несется...

Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

Есть на Шипке курган, занесенный кругом,
Кости русские там не догнили —
В именины царя, чтоб ему угодить,
Сорок тысяч солдат уложили.

Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату...
А в России голодной, в России глухой
Снег заносит крестьянскую хату...

Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

Виды видывал я на чужой стороне,
Но нигде я не видел такого,
Чтобы всякая дрянь на мужицкой спине
Выезжала, да так бестолково.

Ой, дубинушка, ухнем... и т. д.

Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину,
И в подарок царю он с собой принесет
Здоровей да покрепче дубину...

Ой, дубинушка, ухнем,

Ой, зеленая, сама пойдет,

Подернем, подернем да ухнем!

703. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

(Польская рабочая песня «Czerwony Sztandar»)

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит на нем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! . . . и т. д.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец,
Нам будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! . . . и т. д.

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой, и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте?
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! . . . и т. д.

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя веет
И несет клич борьбы, мести гром,

Семя грядущего ссёт.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит на нем,
То кровь работников на нем.

704

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные } (2)
Стеньки Разина челны.

На переднем Стенька Разин
С молодой сидит княжной,
Свадьбу новую справляет, } (2)
Сам веселый и хмельной!

Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провозился — } (2)
Сам наутро бабой стал».

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман,
И он мощною рукою } (2)
Обнял персиянки стан.

«Волга, Волга, мать родная,
Волга — русская река!
Не видала ты подарка } (2)
От донского казака.»

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная, } (2)
На, красавицу прими!»

Одним взмахом поднимает
Он красавицу княжну

И за борт ее бросает }
В набежавшую волну... } (2)

«Что ж вы, черти, приуныли,
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем, братцы, удалую }
На помин ее души...» } (2)

705. ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!

Порой изнывали по тюрьмам сырым,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

Идете усталые, цепью гремя,
Закованы руки и ноги,
Спокойно и гордо свой взор устремя
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впились змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!

Настанет пора — и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь, благородный!

Солнце всходит и заходит,
Да в моей тюрьме темно,

Днем и ночью часовые } (2)
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите, } (2)
Я и сам не убегу,

Хоть мне хочется на волю, } (2)
Цепь порвать я не могу,

Да уж вы, цепи, мои цепи, } (2)
Цепи — железны сторожа.

Не порвать вас, не порезать } (2)
Без булатного ножа.

Черный ворон, сизокрылый, } (2)
Что ж ты вьешься надо мной?

Аль мою гибель чуешь? } (2)
Черный ворон, я не твой.

Аль спустишь к моему окошку, } (2)
Про свободу песню спой,

Ты слобода, ты слобода,
Не крестьянская судьба.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Горишь ты вся в огне!
Под деревом развесистым } (2)
Задумчив бур сидел.

«О чем задумался, детина,
О чем горюешь, седина?»

— «Горюю я по родине,
И жаль мне край родной. } (2)

Сынов всех девять у меня,
Троих уж нет в живых,
А за свободу борются } (2)
Шесть юных остальных.

А старший сын — старик седой —
Убит был на войне;
Он без молитвы, без креста, } (2)
Зарыт в чужой земле.

А младший сын двенадцати лет
Просился на войну,
Но я сказал, что нет, нет, нет — } (2)
Малютку не возьму.

«Отец, отец, возьми меня
С собою на войну —
Я жертвую за родину } (2)
Младую жизнь свою».

Я выслушал слова малютки,
Обнял, поцеловал
И в тот же день, и в тот же час } (2)
На поле брани взял.

Однажды при сражении
Отбит был наш обоз,
Малютка на позицию } (2)
Ползком патрон принес.

Настал, настал тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь вы, женщины, } (2)
За ваших сыновей.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя, —
Бур старый говорит:
За кривду бог накажет нас, } (2)
За правду наградит».

Белой акации гроздь душистые
 Вновь аромата полны,
 Вновь разливается песнь соловьиная
 В тихом сиянии чудной луны!

Помнишь ли лето: под белой акацией,
 Слушали песнь соловья?..
 Тихо шептала мне чудная, светлая:
 «Милый, поверь мне! .. навек твоя».

Годы давно прошли, страсти остыли,
 Молодость жизни прошла,
 Белой акации запаха нежного,
 Верь, не забыть мне уже никогда...

<1902>

В далеком Цусимском проливе,
 Вдали от родимой земли,
 На дне океана глубоко
 Забытые есть корабли.

Там русские есть адмиралы,
 И дремлют матросы вокруг,
 У них вырастают кораллы
 На пальцах раскинутых рук.

Когда засыпает природа
 И яркая светит луна,
 Герои погибшего флота
 Встают, пробуждаясь от сна.

Они начинают беседу —
 И, яростно сжав кулаки,
 О тех, кто их продал и предал,
 Всю ночь говорят моряки.

Они вспоминают Цусиму,
Напрасную храбрость свою,
И небо, от жизни далекое,
И гибель в неравном бою.

И в шуме морского прибоя
Они говорят морякам:
«Готовьтесь к великому бою,
За нас отомстите врагам!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящая антология является собранием избранных стихотворений русских поэтов XVIII — начала XX века, ставших произведениями русской вокальной лирики. По количеству представленных в ней авторов это — наиболее полный сборник подобного типа. Первое научное издание «Песен русских поэтов» («Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1936) включало лишь поэтов XVIII — первой половины XIX века. Последующие издания «Песен русских поэтов» в Малой серии «Библиотеки поэта» (1950, 1952, 1957) хотя и стремились охватить по времени всю дореволюционную поэзию, но носили популярный характер и были невелики по объему. В первое издание Большой серии на равных основаниях включались произведения, ставшие песнями, и произведения, названные авторами «песнями» (независимо от их дальнейшей судьбы), а в Малой серии в одном ряду оказались и авторские тексты и песенные переработки стихотворений. Небольшие разделы песен и романсов русских поэтов были в антологиях более широкого содержания, подготовленных И. Н. Розановым: «Русские песни XIX века» (М., 1944) и «Русские песни» (М., 1952), а также в антологии, составленной А. М. Новиковой, — «Русские народные песни» (М., 1957).

В настоящем сборнике предпочтение отдается текстам, наиболее характерным для музыкально-поэтической культуры соответствующего периода и наиболее популярным, вошедшим в устный обиход различных слоев русского общества, что подтверждается свидетельствами современников, примечаниями в песенниках или позднейшими записями собирателей, репертуаром известных исполнителей песен и романсов, репертуаром художественной самодеятельности и т. п. материалами. В ряде случаев составитель руководствовался и собственными наблюдениями над жизнью песни на протяжении четверти века.

Различные авторы представлены с разной степенью полноты, хотя здесь и соблюдалась известная пропорциональность. Включение в антологию всех произведений, которые стали песнями или романсами, практически невозможно — для этого пришлось бы перепечатать десятки, если не сотни стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Фета, А. К. Толстого. Из наследия хорошо известных и часто переиздаваемых поэтов был отобран поэтому необходимый минимум текстов — а именно те, которые вошли в музыкальный быт. Что же касается поэтов второстепенных, но сыгравших важную роль в истории вокальной лирики, то

они представлены относительно большим количеством текстов, однако и включенные в данную антологию произведения составляют лишь известную долю их обширного песенного наследия (Сумароков, Нелединский, Мерзляков, Дельвиг, Никитин, Суриков). Исключение сделано лишь для Цыганова: публикуется большая часть его песен, поскольку они давно не переиздавались.

Учитывая, что есть несколько антологий русской революционной поэзии, в настоящем сборнике помещены лишь наиболее популярные революционные песни, без которых невозможно представить русскую песню вообще. Наряду с песнями и бытовым романсом в сборник включены и немногие образцы классического романса, наиболее часто исполняемые и популярные у слушателей, а в наши дни — и среди участников художественной самодеятельности. Такие произведения являются фактом не только музыкальной, но и поэтической культуры; между тем они зачастую ассоциируются в сознании слушателей лишь с именем композитора, что является несправедливым по отношению к авторам текстов. С другой стороны, арии и куплеты из опер, музыкальных комедий, водевилей и драматических произведений, а также репертуар эстрады в настоящее издание не входят, так как все это — особое явление в истории искусства и могло бы составить отдельную книгу. Исключение сделано для нескольких текстов, прочно вошедших в песенный быт или фольклоризовавшихся.

Не вошли в сборник также многие бытовые романсы малоизвестных авторов вследствие художественной неполноценности текстов (за исключением нескольких характерных произведений этого рода). Список наиболее популярных бытовых романсов, исполняемых с эстрады до настоящего времени, приводится в конце примечаний (содержит и некоторые произведения 1920-х годов).

Обилие и разнообразие (а в ряде случаев — и пестрота) материала создали специфические трудности в его организации. Композиция издания определяется характером публикуемого материала. Тексты сборника делятся на три хронологических раздела. Место поэта, отнесение его в тот или иной раздел определяется временем, на какое приходится наибольшее количество созданных им произведений, ставших песнями и романсами, а порядок расположения авторов внутри разделов — датой первого публикуемого текста. Поэтому расположение материала в антологии является условным, отражающим лишь некую последовательность появления текстов, вошедших в литературно-музыкальный быт, но не выражающим какую-либо концепцию литературного процесса.

Даты в тексте указывают время создания произведения. Даты предположительные отмечены вопросительным знаком. В случае отсутствия точной датировки год, не позднее которого могло быть создано данное произведение (по косвенным свидетельствам, по времени появления в песенниках или в печати), заключается в угловые скобки. Двойные даты под текстом, отделенные друг от друга запятой, указывают время появления разных редакций одного текста.

Тексты стихотворений печатаются, как правило, в последней авторской редакции (исключение делается для некоторых произведений, вошедших в песенный быт в ранней редакции, существенно

отличающейся от последней). Во всех случаях, когда это возможно, они воспроизводятся по научным изданиям, соответствующим современным требованиям текстологии. Большинство текстов сверено с прижизненными изданиями. (Исправление явных опечаток в примечаниях не оговаривается.)

Наиболее важные изменения авторского текста, внесенные композитором или появившиеся в устной передаче, приводятся или оговариваются в примечаниях, указываются также публикации песенных вариантов. Кроме того, в приложении даются песенные переработки, существенно отличающиеся от авторских оригиналов. В этот раздел отбирались в первую очередь долго бытовавшие в песенном репертуаре произведения, поэтому предпочтение отдавалось поздним записям. В тех случаях, когда последние отсутствуют или не представляют интереса, тексты печатаются по записям, наиболее отстоящим от времени создания стихов, послуживших их источником. В нескольких случаях (когда авторский текст не сохранился или подвергся коренному идейному переосмыслению) даются лишь песенные переработки. Порядок расположения текстов в приложении соответствует хронологической последовательности появления авторских оригиналов.

Все тексты печатаются по современной орфографии. Сохраняются лишь те особенности авторского или исторического написания, которые имеют стилистическое значение (имитация народной речи, характерные особенности народного языка в фольклоризированных вариантах), а также такие особенности, устранение которых нарушило бы правильное произнесение стиха. Пунктуация по возможности приближена к современной.

Рефрены, независимо от того, как они даются в источнике текста, в настоящем издании приводятся полностью только первый и последний раз. Повтор стиха обозначается цифрой 2, стоящей в скобках.

Вступительные заметки об авторах, предваряющие тексты, содержат минимум биографических сведений. Основное внимание уделено сведениям о песенном творчестве поэтов, о том, какие произведения их положены на музыку, какие из них приобрели песенную популярность, какие композиторы и как часто обращались к творчеству данного поэта, и другим подобным фактам, которые помогут определить место или иного поэта в истории вокальной лирики и воспринять публикуемые тексты как песенные произведения. Песни и романсы, вошедшие в данный сборник, и авторы музыки к ним, как правило, во вступительной заметке не называются.

Примечания к текстам строятся следующим образом. Комментарий к каждому произведению обозначается соответствующим порядковым номером, вслед за которым указывается первая публикация. Затем дается источник, по которому печатается текст. Если все тексты одного автора печатаются по одному источнику, он указывается перед отдельными комментариями ко всем этим текстам. Если указание на источник текста отсутствует, это означает, что текст печатается по первой публикации, так как произведение не перепечатывалось более или перепечатывалось без изменений.

В некоторых случаях указание на первую публикацию условно, так как авторскому сборнику или песеннику, по которым дается текст, могла предшествовать затерянная журнальная или нотная публикация.

В соответствии с характером антологии сообщаются сведения о хронологических границах распространения текста в дореволюционных песенниках (отсутствие конечной даты означает, что текст встречается вплоть до 1917 года). Для установления этих хронологических границ, наряду с различными печатными источниками, использована библиографическая картотека В. И. Чернышева, продолженная М. Я. Мельц, хранящаяся в секторе народного творчества Института русской литературы АН СССР. Указываются также первые нотные публикации (как правило, для XVIII века и для первой трети XIX века, поскольку многие музыкальные издания этого времени представляют библиографическую редкость). После библиографической части перечисляются авторы музыки, при этом указывается дата появления первого романса или наиболее популярного (если эти даты удалось установить). Порядок имен, если он дается не по алфавиту, отражает хронологическую последовательность появления романсов. Если количество авторов музыки велико, называются наиболее значительные композиторы или авторы наиболее популярной музыки. Отсутствие имени композитора означает, что автор музыки неизвестен.

В примечаниях к песенным переработкам указываются другие песенные варианты (преимущественно по советским фольклорным сборникам) и, наконец, их литературный источник (со ссылкой на номер, под которым авторский текст включен в данный сборник).

Издание снабжено указателями имен авторов стихотворных текстов и авторов музыки.

Раздел стихотворений Некрасова (тексты и примечания к ним) подготовлен Б. М. Добровольским, которому составитель приносит благодарность также за помощь в разыскании некоторых редких нотных изданий.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Авдеева — Русский песенник, или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водеvilных куплетов известных писателей, изданный К. Авдеевой, СПб., 1848.

«Аглая» — альманах «Аглая», Москва, в Университетской типографии, кн. 1—2, 1794—1795 (Второе издание — М., 1796); а также журнал — М., 1808—1812.

Акимова — Фольклор Саратовской области. Книга первая. Составлена Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова, Саратов, 1946.

Анисимова — Фольклор Пензенской области, вып. 1. Песни и сказки Понимского района. Составитель А. П. Анисимова, под ред. и с предисловием В. М. Сидельникова, Пенза, 1948.

«Аониды» — Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Москва, в Университетской типографии, кн. 1—3, 1796—1799.

Аристов — А. П. Аристов, Песни казанских студентов 1840—1868 гг., СПб., 1904.

- Бантыш-Каменский — Словарь достопамятных людей Русской земли, составленный Дмитр. Бантыш-Каменским, М., 1836.
- Баранов — Песни оренбургских казаков с напевом, вып. 1—3. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов, Оренбург, 1913.
- Бардин — Фольклор Чкаловской области. Составил А. В. Бардин, Чкалов, 1940.
- БдЧ — журнал «Библиотека для чтения», СПб., 1822—1823; 1834—1865; 1875—1885.
- Белокопский — И. П. Белокопский, По тюрьмам и этапам, Орел, 1887.
- Белоусов, 1928 — И. А. Белоусов. Литературная среда. Воспоминания 1880—1928. М., 1928.
- Белоусов, 1929 — Иван Белоусов. Литературная Москва. (Воспоминания 1880—1928 гг.) Писатели из народа, писатели-народники. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., [1929].
- Бирсков, 1936 — Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков, Свердловск, 1936.
- Бирюков, 1953 — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков, Свердловск, 1953.
- Болотов — Жизнь и приключения А. Болотова, описанные им для своих потомков, тт. 1—2, СПб., 1871—1872.
- В 1957 — П. А. Вяземский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.
- Вавилов — Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен... С объяснением содержания и голоса каждой песни... Изданием м. к. Павла Вавилова, М., 1810.
- Васина-Гроссман — В. А. Васина-Гроссман, Русский классический романс XIX века, Изд. АН СССР, М., 1956.
- ВЕ — журнал «Вестник Европы», М., 1802—1830; СПб., 1866—1917.
- Венгеров (с указанием выпуска) — Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов... Издается под редакцией С. А. Венгерова, т. 1 (вып. 1—3, СПб., 1893; вып. 4, СПб., 1894; вып. 5, СПб., 1895; вып. 6, СПб., 1897), т. 2 (вып. 7, СПб., 1901).
- Вессель и Альбрехт — Сборник солдатских, казацких и матросских песен. Сост. Вессель, И. Х. и Альбрехт, Е. К., СПб., 1875.
- Вольман — Б. Вольман. Русские печатные ноты XVIII века, Л., 1957.
- ВРП — Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Вступительная статья С. А. Рейсера. Подготовка текста и примечания С. А. Рейсера и А. А. Шиловой, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.
- Гартевельд, 1908 — Песни каторги. Песни сибирских бродяг и каторжников для соло и хора с аккомпанементом фортепиано. Собраны и записаны В. Н. Гартевельдом на предпринятой специально для этой цели поездки в Тобольскую каторжную тюрьму, вып. 1—5, СПб., издание т-ва А. Иогансен, [1908].
- Гартевельд, 8 песен — 8 песен сибирских каторжан, бродяг и пнородцев. Для хора с акк. фортепиано или фисгармонии. Собрал и записал в Сибири (1908) В. Н. Гартевельд, СПб., издание Ю.-Г. Циммермана, [1909].

- Гартевельд, 25 песен — 25 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев... издание Ю.-Г. Циммермана, [1910].
- Гартевельд, 14 песен — 14 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев, собранных на месте в Сибири в 1908 г. В. Н. Гартевельдом (последний цикл, исполненный в концертном турне по России 1909 года), вып. 1—14, СПб., издание т-ва А. Иогансен, [1910].
- Гербель — Русские поэты в биографиях и образцах. Составил Н. В. Гербель, СПб., 1873.
- Герстенберг и Дитмар — Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен для фортепиано, собранных издателями. Санктпетербург, у Герстенберга и Дитмара, ч. 1—3 (1797—1798).
- Гиппиус — Русские народные песни. Сост. Е. Гиппиус, Л., 1943.
- Глебов — Игорь Глебов, Русская поэзия в русской музыке. Второе издание, Пг., 1922.
- Гуревич, Элиасов — А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов, Старый фольклор Прибайкалья, т. 1, Улан-Удэ, 1939.
- Гусев — В. Е. Гусев, Русские народные песни Южного Урала, Челябинск, 1957.
- Д 1866 — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, ч. 3, СПб., 1866.
- ДД 1840 — Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова, ч. 1, СПб., 1840.
- «Денница» — «Денница, альманах на 1830 год», изданный М. Максимовичем, М., 1830.
- Дм. 1810 — Сочинения И. Дмитриева, ч. 1—3, М., 1810.
- Дм. 1953 — Н. Карамзин, И. Дмитриев, Избранные стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1953.
- Дмитриев — М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора, изд. «Русского архива», М., 1869.
- Догадин — А. А. Догадин, Былины и песни астраханских казаков, вып. 1, Астрахань, 1911.
- Досуги — Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова, ч. 1, СПб., 1772.
- Друскин — М. Друскин, Русская революционная песня, Музгиз, М., 1954.
- ЕС — журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1755—1757 (под изм. назв. — до 1764 г.).
- Ж 1849 — Стихотворения В. А. Жуковского, т. 1—6, СПб., 1849.
- Ж 1956 — В. А. Жуковский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956.
- Железновы — Песни уральских казаков. Записали Александра и Владимир Железновы, СПб., 1899.
- Житомирский — Д. Житомирский, Из прошлого русской революционной песни, «Советский композитор», М., 1963.
- ЖОМ — Журнал отечественной музыки на 1806 год, издаваемый Д. Кашиным.
- ЖРС — Журнал российской словесности, СПб., 1805.
- Записки — М. И. Глинка, Записки, Academia, 1934.

- ИРЛИ, РV — Институт русской литературы АН СССР, Рукописный отдел, фольклорный архив.
- К 1835 — Стихотворения Алексея Кольцова, М., 1835.
- К 1846 — Стихотворения Кольцова, СПб., 1846.
- Каин-Новикова — Е. Каин-Новикова, Рассказы о песнях, Музгиз, М., 1963.
- «Карманная книга» — Карманная книга для любителей музыки на 1795 год, СПб., [б. г.], изданием книгопродавца И. Д. Герстенберга...
- Кауфман — Песни на българското работническо движение 1891—1944. Съставител Николай Кауфман, София, 1959.
- Кашин — Русские песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашинным, М., 1833—1834.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10, М., 1860—1874.
- Киреевский, НС (с указанием выпуска и части) — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1, М., 1911; вып. 2, ч. 1, М., [1917]; вып. 2, ч. 2, М., 1929.
- Китайник — Уральский фольклор, под ред. М. Г. Китайника, Свердловск, 1949.
- Клепиков — Бюллетен Государственного литературного музея, № 4. Лубок. Часть 1. Русская песня. Составил и комментировал... С. А. Клепиков, М., 1939.
- КП — Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен, ч. 1, 2, 3, М., 1796.
- Крупянская и Минц — В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны, изд. АН СССР, М., 1953 («Труды Института этнографии АН СССР», Новая серия, т. XIX).
- Курганов — Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие..., СПб., 1769. Присовокупление 5. Сбор разных стиходейств, с. 244—334.
- Кюи — Цезарь Кюи, Русский романс. Очерк его развития, СПб., 1896.
- ЛГ — «Литературная газета».
- «Либретто» — Серия граммофонных либретто (Граммoфонная фабрика В. И. Ребикова и К^о), СПб., 1901—1904.
- Ливанова — Т. Ливанова, Русская музыкальная культура XVIII века в связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы, т. 1, Музгиз, М., 1952; т. 2, М., 1953.
- Ливанова, Приложение — Сборник кантов XVIII века (в извлечениях) из рукописных фондов Государственного исторического музея, М., Музгиз, 1952 (Приложение к исследованию Т. Ливановой «Русская музыкальная культура XVIII века...», см. выше).
- ЛН — «Литературное наследство».
- Львов — Прач — Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач [СПб.], 1790 (составители Н. А. Львов и И. Прач).
- М — журнал «Москвитянин», 1841—1856.
- «Магазин» — «Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением Модного журнала, раскрашенных рисунков и музыкальных нот» (ч. 1—2), СПб., 1795.

- Магид — С. Д. Магид, Коллекция песен, записанных от членов Общества бывших политкаторжан (1935), Фонограммархив Института русской литературы АН СССР, колл. 180.
- МВ — журнал «Московский вестник».
- Мейер — Собрание наилучших российских песен... (ч. 1—5), изданных иждивением книгопродавца Ф. Мейера, СПб., 1781.
- МЖ — «Московский журнал», 1791—1792.
- МН — журнал «Московский наблюдатель», 1835—1839.
- Монсеенко — П. Монсеенко, Воспоминания, М., 1924.
- ММУ — «Магазин музыкальных увеселений, или Полное собрание вокальных пьес, самых лучших и новейших всякого рода...», ч. 1, М., 1795.
- МТ — журнал «Московский телеграф», М., 1825—1834.
- МУ — журнал «Музыкальные увеселения, помесячно издаваемые... Печатаны при имп. Московском университете...», 1774—1775.
- Мякутин — Песни оренбургских казаков, ч. 1, СПб., 1904; ч. 2, СПб., 1905; ч. 3, СПб., 1906; ч. 4, СПб., 1910. Собрал сотник А. И. Мякутин.
- Мякушин — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин, СПб., 1890.
- Н 1798 — Творения Николая Петровича Николева..., ч. 5, «Собрание разных песен», М., 1798.
- Назаров — Иван Назаров, Встречи и письма, Владимир, 1957.
- НЕС — журнал «Новые ежемесячные сочинения», СПб., 1786—1796.
- Неустроев — Исторические разыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 годы, описанные А. Н. Неустроевым, СПб., 1875.
- НЛ — журнал «Новости литературы», СПб., 1822—1826.
- Новейшее собрание — Новейшее собрание отборнейших песен и романсов, или Подарок милым и прекрасным на Новый год, М., 1829.
- Новиков — Новое и полное собрание российских песен, содержащих в себе песни: любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий, ч. 1—6, М., у Новикова, 1780—1781.
- Новикова — Русские народные песни. Составила А. М. Новикова, М., 1957.
- НП — Новейший песенник, или Собрание русских песен и романсов, СПб., 1853.
- НРВП — Новейший российский всеобщий песенник. Новое издание в 4-х частях, М., 1803.
- НРП — Новый российский песенник, или Собрание любовных, хороводных, пастушьих, плясовых, театральных, цыганских, малороссийских, козачьих, святочных, простонародных, и в настоящую войну на поражение неприятелей и на разные другие случаи сочиненных..., ч. 1—3, СПб., 1790—1791.
- НСРП — Новейшее собрание романсов и песен, собранных из лучших авторов, М., 1830.

- НТ — журнал «Народное творчество».
- «Объяснения» — Объяснения к сочинениям Державина, составленные Г. Р. Державным (см. Д 1866).
- ОЗ — журнал «Отечественные записки», СПб., 1818—1830; 1839—1884.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук.
- П 1855 — Песенник, или Собрание избранных песен, романсов и водеvilльных куплетов, СПб., 1855.
- Павлова — Русское народно-поэтическое творчество Татарской АССР. Составитель В. Ф. Павлова, под ред. В. И. Чичерова, Казань, 1955.
- Парлов — И. Г. Парлов, Русский фольклор Нарыма, Новосибирск, 1947.
- ПВ — журнал «Праздное время, в пользу употребленное», СПб., 1759—1760.
- Перед рассветом — Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Составила В. Перова, Женева, 1905 (изд. РСДРП).
- Перетц — В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы. Том 1. Из истории русской песни. Часть 1, СПб., 1900. — «Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета», т. 54, вып. 2; часть 2, СПб., 1900 (там же, т. 54, вып. 3).
- «Песни борьбы» — Песни борьбы. Сборник революционных стихотворений и песен, Женева, 1902.
- ПЗ — альманах «Полярная звезда», СПб., 1823—1825; а также журнал «Полярная звезда», Лондон, 1855—1869.
- ПКиС — Песни каторги и ссылки, М., 1930.
- ПНП — Полный новейший песенник, в тринадцати частях... М., 1835.
- Позднеев — А. В. Позднеев, Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). Сокращенное изложение диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Министерство просвещения РСФСР. Московский государственный заочный педагогический институт. Ученые записки, т. 1, М., 1958, стр. 5—112.
- Полежаев — Новый российский песенник, или Собрание разных песен с приложенными нотами, которые можно петь на голосах, играть на гуслях, клавикордах, скрипках и духовых инструментах. Изданные во граде Святого Петра иждивением Т. Полежаева, ч. 1—3, 1792.
- Полежаев, 1832 — стихотворения А. Полежаева, М., 1832.
- Померанцева, 1957 — Русское народное творчество Башкирии. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Составители — С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Отв. ред. А. Н. Киреев. АН СССР, Башкирский филиал. Институт истории, языка и литературы, Уфа, 1957.
- Померанцева, 1958 — Песни и сказки Ярославской области. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Составители Л. Астафьева, В. Бондарь, Е. Вальтер и др., Ярославль, 1958.
- Попов, 1765 — Песни, сочиненные Михайлом Поповым, СПб., 1765.

- Попов, 1768 — Песни, вновь исправленные и умноженные. Сочинение Михайла Попова, СПб., 1768.
- Попова — Т. Попова, Русское народное музыкальное творчество, вып. 1—3, М., 1955—1957.
- Потявин — Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый. Составитель и редактор В. Потявин. Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Горький, 1960.
- ПППВ — журнал «Приятное и полезное препровождение времени», СПб., 1791—1799.
- ПРП — Песни русских поэтов. Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. Н. Розанова. «Б-ка поэта» (М. с.), 2-е изд., 1950; 3-е изд., 1957.
- ПРР — Песни русских рабочих (XVIII — начало XX века). «Б-ка поэта» (Б. с.), 1962.
- ПУ — журнал «Полезное увеселение», М., 1760—1762.
- РБ — журнал «Русская беседа», М., 1856—1860; СПб., 1895—1896.
- РВ — журнал «Русский вестник», СПб., 1841—1844; М., 1856—1887.
- Риторика — М. В. Ломоносов, Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика..., СПб., 1748.
- РМ — журнал «Русская мысль», М., 1880—1917.
- Розанов — Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века). Редакция, статьи и комментарии Ив. Н. Розанова. «Б-ка поэта» (Б. с.), 1936.
- РП XIX в. — Русские песни XIX века. Составил проф. Ив. Н. Розанов, М., 1944.
- РС — журнал «Русское слово», СПб., 1859—1886.
- Русская баллада — Русская баллада. «Б-ка поэта» (Б. с.), 1936.
- «Русские песни» — Русские песни. Составил проф. Ив. Н. Розанов, М., ГИХЛ, 1952.
- РЭ — Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен, поныне сочиненных... Собранные и частично сочиненные покойным Михайлом Поповым..., ч. 1—3, СПб., 1792.
- С — журнал «Современник», СПб., 1836—1866.
- с. — страница.
- Симаков — В. И. Симаков, Народные песни, их составители и их варианты, М., 1929.
- СМ — журнал «Советская музыка».
- СНП — Самый новейший отборнейший московский и Санкт-Петербургский песельник, собранный из лучших и ныне употребительнейших песен..., М., 1799 (издан с Продолжением в том же году).
- СО — журнал «Сын отечества», СПб., 1812—1852; 1856—1917.
- Соболевский — Великорусские народные песни, т. 1—7. Изданы проф. А. И. Соболевским, СПб., 1895—1902.
- Собрание — Собрание лучших песен, баллад и романсов, М., 1859.
- Соколовы — Б. М. и Ю. М. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.
- «Соревнователь» — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», СПб., 1818.
- СП — Северный певец новейших военных и прочих песен, М., 1830.

- СПбВ — журнал «Санкт-Петербургский вестник», 1778—1781; 1812; 1831.
- СПбЖ — Санкт-Петербургский журнал, СПб., 1798; 1804—1809.
- СПбМ — журнал «Санкт-Петербургский Меркурий», 1793.
- СРП — Собрание романсов и песен для прекрасного пола, М., 1827. ст. — стих.
- стих. — стихотворение.
- Сум. 1781 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова, ч. VIII, М., 1781.
- Сум. 1957 — А. П. Сумароков, Избранные произведения. «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.
- СЦ — альманах «Северные цветы». СПб., 1825—1832.
- Т 1833 — XII песен Т-м-ф-а [Тимофеева], СПб., 1833.
- Т 1835 — Песни Т. м. ф. а, в 2-х частях, СПб., 1835.
- Т 1837 — Сочинения в стихах и прозе А. Тимофеева, ч. 1, СПб., 1837.
- Тамбовский фольклор — Тамбовский фольклор. Сборник составлен коллективом фольклорной экспедиции МИФЛИ в составе студентов Г. И. Терентьева, И. И. Гришина, В. Е. Гусева, Л. П. Копиной и С. Г. Лазутина. Вступительная статья Г. Терентьева. Ред. и предисловие акад. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Труды Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского. Кафедра фольклора, Тамбов, 1941.
- Теплов — Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса. Музыка Г. Т<еплова>, [СПб., 1759] (изд. 2-е; 1-е не сохранилось).
- Титов — А. А. Титов, Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену имп. Русского географического общества И. А. Вахрамееву, <вып.> 1, М., 1888; вып. 2, М., 1892; вып. 3, 1892.
- Тонков — Фольклор Воронежской области. Составил В. И. Тонков, Воронеж, 1949.
- ТП — журнал «Трудолюбивая пчела», СПб., 1759.
- Трубицын — Н. Трубицын, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. — «Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета», ч. 110, СПб., 1912.
- Труды ОлРс — Труды «Общества любителей российской словесности», СПб., 1818—1825.
- Трутовский — <В. Трутовский>, Собрание русских простых песен с нотами, ч. 1, СПб., 1776; ч. 2, СПб., 1778; ч. 3, СПб., 1779; ч. 4, СПб., 1795.
- Усов — Фольклор Горьковской области. Русские песни. Составил и комментировал Н. А. Усов, Горький, 1940.
- Финдейзен — Н. Финдейзен, Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. 1—2, М. — Л., 1928—1929.
- «Фольклор семейских» — Фольклор семейских. Составили Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Под общей редакцией Л. Е. Элиасова, Улан-Удэ, 1963.
- Х 1961 — М. М. Херасков, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961.

- Ц. 1834 — Русские песни Н. Цыганова, М., 1834.
 Ц. р. — цензурное разрешение.
 ЧдВ — журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований», М., 1791—1793.
 Чернышев — В. И. Чернышев, Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 75, № 2, СПб., 1903.
 Чулков — М. Д. Чулков, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770; ч. 2, СПб., 1770; ч. 3, СПб., 1773. Прибавление, СПб., 1773; ч. 4, СПб., 1774.
 Ш 1939 — С. П. Шевырев, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1939.
 Шилов — А. Шилов, Неизвестные авторы известных песен. Всероссийский хоровое общество, М., 1961.
 Ядринцев — Н. М. Ядринцев, Русская община в тюрьме и ссылке. М., 1872.
 Якуб — А. С. Якуб, Современные народные песенники. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 19, кн. 1, СПб., 1914.
 Якубович — П. Ф. Якубович, В мире отверженных, т. 1—2, М., 1964.
 Ярков — Русские народные песни Подмосковья, собранные народным певцом-умельцем П. Г. Ярковым с 1880 по 1930 г. Музыкальные записи от русского народного хора П. Г. Яркова, А. В. Рудневой. Редакция и предисловие проф. Е. В. Гиннуса, М. — Л., Музгиз, 1951.

I

XVIII ВЕК

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

1—3. Печ. по Сочинениям, т. 1, М.—Л., 1961.

1. И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, СПб., 1868, с. 16. Ст. 41 и 42 в источнике текста переставлены. Порядок восстанавливается по смыслу и рифме. По рукописным песенникам XVIII в. известно 4 варианта (Позднеев, с. 50). Посвящено сражению с турками 9—10 июля 1711 г. у р. Прут, в районе г. Станлешти (Молдавия). *Рябая Могила* — местечко в Молдавии. *Волоские* — валашские. *Загоны* — конные полки. *Врагом* — врагам. *Марс* — здесь: сражение. *Пляц* — площадь, пространство. *Армата* — пушка; здесь: артиллерия. В последней строфе имеется в виду заключение мирного договора с Турцией (12 июля 1711 г.).

2. Курганов, с. 299, без подписи. В рукописных песенниках — с середины XVIII в. (Перетц, т. 1, ч. 1, с. 244—245; ч. 2, с. 90, 97; Титов, вып. 2, с. 374). С нотами — Финдейзен, т. 2. Нотное приложение, с. 79, № 4-а. Песенный вариант (подражание ?) («Ой коли ж дождусь я веселова время...») — Перетц, т. 1, ч. 1, с. 248. Отражает настроение, вызванное переменами в жизни дворянского общества после смерти Петра I.

3. Курганов, с. 296, без подписи. Встречается в рукописных песенниках XVIII — начала XIX в. (Титов, вып. 2, с. 365, 370, 373, 375, 384; Перетц, т. 1, ч. 2, с. 69, 75, 85, 98, 189). С нотами: Ливанова, т. 1, Приложение, с. 70; музыкальный вариант: Финдейзен, т. 2, с. 195. В песенниках ст. 1 часто: «Кто крепко на бога уповаает». Один из самых популярных кантов. *Ниже́* — ни даже. *Сило* — звательный падеж от сила. *Ту́не* — втуне; здесь: беспричинно.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

4—6. «Езда в Остров любви», М., 1730. Печ. по Избранным произведениям. «Б-ка поэта» (Б. с.), 1963.

4. В рукописных песенниках — до конца XVIII в. (Титов, вып. 2, с. 366, 378; Перетц, т. 1, ч. 2, с. 86, 94, 102). Редакция 1752 г. («Строфы похвальные России») в песенный обиход не вошла. *Небо российскойку* — ибо русскому. *Божие... изводство* — избранная богом.

5. Встречается в рукописных песенниках XVIII в., иногда с перестановкой строк и стихов (Ливанова, т. 1, Приложение, с. 42). С нотами — М. М. Иванов, История музыкального развития России, т. 1, СПб., 1910, с. 212. *Сличье* — красота, прелесть.

6. Встречается в рукописных сборниках XVIII в.; ст. 1—2 иногда:

Ах, не можно сердцу без печали быть,
Кто любит не ложно, нельзя не тужить.

Песенные варианты — Перетц, т. 1, ч. 1, с. 116; Ливанова, т. 1, с. 484, вклейка между с. 504 и 505; Приложение, с. 8—9, 105—106. *Стьень* — тень. *Поне* — хотя бы.

А. П. СУМАРОКОВ

7. Чулков, ч. 1, с. 80, без подписи. Печ. по Сум. 1957, с. 262. В рукописных песенниках — с середины XVIII в. (Титов, вып. 2, с. 382). В печатных — до 1822 г. В комедии Сумарокова «Тресотинус» (1750) упоминается как широко известная.

8. Чулков, ч. 3, с. 66, без подписи. Печ. по Сум. 1781, с. 310. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 354) до конца XVIII в.

9. Чулков, ч. 1, с. 127, без подписи. Печ. по Сум. 1957, с. 269. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 355). В печатных — до 1805 г.

10. Чулков, ч. 1, с. 131, без подписи. Печ. по Сум. 1781, с. 261. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 338). В печатных — до 1805 г. С нотами — ММУ, № 13.

11. Курганов, с. 318, без подписи, с иным заключением. Печ. по Сум. 1957, с. 265. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 338). Ноты — Полежаев, ч. 2, № 3; текст с нотами — Герстенберг и Дитмар, ч. 1, № 29. А. Болотов свидетельствует, что уже в 1758 г. эта песня считалась «старинной и всем знакомой» (Болотов, т. 1, с. 667). В печатных песенниках — до 1886 г., иногда без последней строфы.

12. Чулков, ч. 1, с. 93, без подписи. Печ. по Сум. 1957, с. 264. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 339). В печатных — до 1819 г., часто как «пастухская».

13. Чулков, ч. 4, с. 30, без подписи. Печ. по Сум. 1781, с. 286. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 356).

14. Новиков, ч. 6, с. 26, без подписи. Печ. по Сум. 1957, с. 264. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 339).

15. ЕС, ч. 2, 1755, октябрь, с. 3. Печ. по Сум. 1781, с. 209. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до 1797 г. Встречается также в рукописных песенниках.

16. Теплов, с. 21, без подписи. Печ. по Сум. 1781, с. 290. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до 1819 г. О популярности песни см. Финдейзен, т. 2, с. 288.

17. Теплов, с. 35, без подписи, авторская редакция — ТП, 1759, ноябрь, с. 678, подпись: А. С. (см. с. 59). Печ. по Сум. 1957, с. 267. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1819 г.

18. Теплов, с. 31, без подписи; ТП, 1759, ноябрь, с. 677, подпись: А. С. (см. с. 59). Печ. по Сум. 1781, с. 198. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1792 г.

19. Теплов, с. 23, без подписи; ТП, 1759, ноябрь, с. 677, подпись: А. С. (см. с. 59). Печ. по Сум. 1957, с. 266. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до 1797 г.

20. «Праздное время, в пользу употребленное», 1760, ч. 4, с. 140, под загл. «Песня», вместе с двумя др. стих., подпись: С. Печ. по Сум. 1957, с. 268. В печатных песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до конца XVIII в. Встречается также в рукописных песенниках.

21. «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим Маскарадом в Москве 1763 г., января 30 и февраля 1 и 2 дня...». Печ. по Сум. 1957, с. 276. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 3, Прибавления) до 1842 г. Свидетельство о популярности хоров: «Песни и голоса оных всем так полюбились, что долгое время и несколько лет сряду увеселялся ими народ, заставляя вновь их петь фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным» (Болотов, т. 2,

с. 389—390). В *сырны дни* — на Масленой неделе. *Шаль* — шальные, безумные люди.

22. Чулков, ч. 1, с. 139, без подписи. Печ. по Сум. 1957, с. 211. В песенниках — до 1797 г.

23. Чулков, ч. 1, с. 20, без подписи. Печ. по Сум. 1781, с. 331. В песенниках как «любовная», «нежная» песня; в ст. 1 иногда «огорчила», «досадила». В «Русских святках» (1814) примечание: «Новая петербургская песня, которую поет всякий по веселому ее голосу». Проникла в позднейшем варианте в лубок (Клепиков, с. 141). Исполнялась на мелодию «Вечор поздно из лесочка...» (Попова, вып. 3, с. 115).

24. Чулков, ч. 1, с. 135, без подписи. Печ. по Сум. 1781, с. 296. В песенниках — до конца XVIII в.

25. Сум. 1781, с. 220. В песенниках — с 1840-х годов («Карманный песенник...», М., 1844) до 1859 г.

М. В. ЛОМОНОСОВ

26, 27. Печ. по Полному собранию сочинений, т. 8, М.—Л., 1959.

26. Риторика, § 309. В рукописных песенниках — с 1755 г. (Титов, вып. 2, с. 347). В печатных — с 1769 г. (Курганов) до 1859 г. С нотами — Герстенберг и Дитмар, ч. 1, № 20. Песенный вариант: Киреевский, НС, вып. 2, ч. 2, с. 116. В песенниках иногда с примечаниями: «По приятности слов и голоса в употреблении» («Новейший и полный общенародный песенник...», М., 1817), «Голос приятный» («Новейший избранный песенник», М., 1827). Позднейшая переработка: Русская баллада, № 330. Упоминается: «Очерки бурсы» Помяловского (гл. «Зимний вечер в бурсе») и роман Лескова «Соборяне» (ч. 1, гл. 4).

27. Риторика, § 273. В рукописных сборниках — с середины XVIII в. (Титов, вып. 2, с. 368, 371, 374; Перетц, т. 1, ч. 2, с. 92, 114 и др.). С нотами — Ливанова, т. 1, Приложение, с. 84 (без последней строфы и с разночтениями). О популярности песни у бродячих певцов и среди крестьян в первой половине XIX в. см.: А. В. Никитенко, Дневник. — «Русская старина», 1888, ноябрь, с. 283; 1891, декабрь, с. 624—625. *Лик* — хор.

М. М. ХЕРАСКОВ

28. «Свободные часы», М., 1763, апрель, с. 252, без подписи. Печ. по Х 1961, с. 132. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1790 г. Сам Херасков написал и «Ответ на песенку», опубликовав его также в «Свободных часах» (вошел и в сб. Курганова).

29. КП, ч. 1, с. 21, без подписи. В песенниках — до 1892 г. О популярности в начале XIX в. свидетельствует примечание в песеннике: «Песню сию поют многие по приятному ее голосу»

(Вавилов, с. 68). Послужила образцом для романса «Прощайте, ласковые взоры...», встречающегося во многих песенниках начала XX в. (см. с. 922).

30. «Аониды», кн. 1, с. 83, подпись: Х. Печ. по Х 1961, с. 138. В песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение) до 1820 г. Переработанное в процессе устного бытования, легло в основу популярной в годы первой мировой войны песни.

М. И. ПОПОВ

31—39. Печ. по изд.: «Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова», ч. 1—2, СПб., 1772.

31. Попов, 1765, с. 3. С нотами — Мейер, ч. 4, с. 7. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1797 г.

32. Попов, 1765, с. 6. С нотами — Мейер, ч. 2, с. 1. С муз. Козловского — «Магазин», 1795, ч. 2, № 11, нотное приложение. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1808 г. Свидетельством популярности служит появление «на голос» этой песни других стихотворений («Трутень», 1770, л. 4).

33. Попов, 1765, с. 9. С нотами — Мейер, ч. 2, с. 9. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1819 г.

34. Попов, 1765, с. 10. С нотами — Мейер, ч. 1, с. 3. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1810 г.

35. Попов, 1765, с. 13. С нотами — Мейер, ч. 2, с. 3. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до 1822 г.

36. Попов, 1765, с. 15. С нотами — Мейер, ч. 5, с. 11. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1793 г. *Заразы* — прелести.

37. Попов, 1765, с. 16. С нотами — Мейер, ч. 4, с. 1; муз. вариант — Герстенберг и Дитмар, ч. 2, № 2. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1844 г.

38. Попов, 1768, с. 6. С нотами — Мейер, ч. 5, с. 5. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1797 г.

39. Попов, 1768, с. 13. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1819 г.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

40—42. Печ. по изд.: Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

40. «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого Муз любителя», СПб., 1773, с. 75. С нотами — Герстенберг и Дитмар, ч. 2, № 20. В песенниках — с конца XVIII в.

(НРП, ч. 1) до 1855 г., иногда с изменениями и пропуском отдельных строф. Об исключительной популярности свидетельствует Н. М. Карамзин: «...ли которая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: «Мне минуло пятнадцать лет...». Она сделалась *народною* и доныне — несмотря на множество новых любимых песен — сохраняет свое достоинство» (О Богдановиче. — ВЕ, 1803, № 10, с. 104); см. также: Дмитриев, с. 45—46. Ст. 1 в песенниках часто: «Пятнадцать минуло мне лет», «Мне минуло пятнадцать лет», «Прошло уж мне пятнадцать лет».

41. Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича, ч. 3, М., 1810, с. 38. В песенниках — с 1770-х годов (Трутовский, ч. 3) до 1799 г., иногда без двух или трех последних строф.

42. НЕС, 1786, ч. 2, с. 68. В песенниках — с конца XVIII в. (НРП, ч. 1) до 1822 г.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

43—47. Печ. по Стихотворениям, М., 1958.

43. СПбВ, 1780, ч. 6, с. 203, под загл. «Застольная песня». В песенниках — с конца XVIII в. («Собрание новейших песен...», М., 1791, ч. 1) до 1911 г. Музыка Трутовского. Сочинено в Петербурге в 1777 г. как «застольная песнь граждан» («Объяснения», Д 1866, с. 720). В рукописи 1790-х годов помечена как «мещанская» песня. Я. Грот указывает, что «эта песня до сих пор поется в Преображенском полку, в котором, как известно, Державин служил до перехода на гражданскую службу» (Д 1866, с. 730). *Куликати* — выпивать. *Вист, банк, макао* — карточные игры. *С гренками пивом пенна кружка* — в кружку с пивом (смесь английского и русского) бросали сушеный хлеб и лимонную корку (Д 1866, с. 720). Упоминается в пьесе Писемского «Ипохондрик», д. 4, явл. 20.

44. Г. Державин, «Анакреонтические песни», СПб., 1804, с. 114. В песенниках — с начала XIX в. («Всеобщий новоизбранный песенник...», М., 1805, ч. 4) до 1912 г. «Заздравная песнь воинов, писанная в память фельдмаршалам Суворову и Румянцеву, 1795» («Объяснения», Д 1866, с. 719). *Лев и луна* — Швеция и Турция.

45. «Аониды», кн. 2, с. 150, подпись: Д—нъ. В песенниках — с 1790-х годов (СНП, Продолжение). По свидетельству современников, музыка «восхищающая» (Вавилов, с. 36). В 40—60-е годы XIX в. была популярна в студенческой среде (Аристов, с. 68; см. также «Русская старина», 1910, № 10, с. 68).

46. «Аониды», кн. 2, с. 148, подпись: Д—нъ. В песенниках — с конца XVIII в. (КП, ч. 1) до 1879 г. Вошло в устный обиход до опубликования. В песенниках (до 1859 г.) ст. 1 часто: «Войдя (или: войди) в шалаш мой торопливо». Музыка Жилина («Эрато», 1814, № 3). В «Новейшем полном и всеобщем песеннике» (СПб., 1818)

примечание: «Песня знаменитого певца. Музыка восхитительная» (ср.: Вавилов, с. 36). *Мальчик* — Купидон.

47. «Анакреонтические песни», с. 122. В песенниках — с начала XIX в. («Всеобщий новоизбранный песенник...», М., 1805, ч. 4) до 1835 г. Подражание 26-й оде Анакреона.

В. В. КАПНИСТ

48—52. Печ. по Лирическим сочинениям, СПб., 1806.

48. Новиков, ч. 5, с. 163, без загл. и подписи. С нотами — Мейер, ч. 5, с. 9. В песенниках — до 1908 г. В оглавлении к изд. 1806 г. указано: «Подр. Лагарпу: *o ma tendre musette*». «На голос» песни написана песня неизвестного автора (ПППВ, 1794, ч. 2). Лагарп, Жан-Франсуа (1740—1803) — французский поэт и критик; его стихотворение было популярно в России во второй половине XVIII в.

49. Сочинения, СПб., 1796, с. 147. В песенниках — с 1820-х годов («Новый полный всеобщий песенник...», СПб., 1820) до 1854 г. Переработка «Песни 18» из «Сада божественных песен» украинского поэта и философа Г. С. Сковороды. *Илем* — дерево того же рода, что и вяз.

50. ЧдВ, 1792, ч. 5, с. 12, под загл. «Песня», без подписи. В песенниках — с конца XVIII в. («Карманная книга», нотная вклейка между с. 38 и 39, с муз. Дубянского) до 1859 г. Свидетельство распространения — примечание в песеннике «Весельчак на досуге...» (ч. 1, М., 1797): «Сочинитель неизвестный, она получена из Ясс». Вас. Пушкин сочинил «на голос» ее стихи «К милой» (см. с. 170).

51. Сочинения, СПб., 1796, с. 156. В песенниках — с 1810-х годов («Новейший всеобщий и полный песенник...», ч. 6, СПб., 1819) до 1830 г.

52. «Аониды», кн. 2, с. 374. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1). Опечатка в ст. 10 («слух» вм. «дух») исправляется по первой публикации.

П. М. КАРАБАНОВ

53. Стихотворения, М., 1801, с. 210. В устный репертуар и песенники вошло в конце 1780-х — начале 1790-х годов (НРП, ч. 1) с изменением первых двух стихов («Ах! тошно мне На своей стороне...»). С нотами: Герстенберг и Дитмар, ч. 1, № 32. Мелодия — вариант напева украинской песни «Девчина моя» («Ой, гай, гай, гай...»). — Трутовский, ч. 3, № 15). Вызвало «ответ» — переделку стихотворения Нелединского-Мелецкого «Ох! тошно мне На чужей стороне...» (см. с. 127).

54. «Из стихотворений Петра Карабанова», СПб., 1795, с. 10, под загл. «Песня гранодерская», без рефрена, с примечанием: «Музыку на эту песню можно получить у Ивана Евстафьевича Хандошкина, его сочинения». Печ. по Стихотворениям, М., 1812, с. 260. В изд. 1795 г. после шестого двустушия еще два:

Весело тогда служить,
Как дают в покое жить:

Как спины дубьем не тешут
И скребнем волос не чешут.

В песенниках — с конца XVIII в. (КП, ч. 2) до 1854 г. Стало популярной солдатской песней. Рефрен, по-видимому, повторялся после каждых двух стихов. В «Новейшем полном и всеобщем песеннике...» (СПб., 1818) примечание: «Насмешка веселых гренадеров над новобранными рекрутами. На голос: „Из-под дуба, из-под вяза...“». Послужила образцом для многочисленных подражаний. Наиболее известна безымянная песня о Ваньке Хренове: «Деревенски мужики, сказать правду, дураки...». *Кружало* — кабак. *Наша мать* — Екатерина II.

Н. П. НИКОЛЕВ

55. НРП, ч. 2, с. 6, без подписи. Печ. по Н 1798, с. 258. В песенниках — часто без имени Лизеты и последней строфы — до 1819 г. С нотами — ММУ, № 10. Вариант текста и напева — Герстенберг и Дитмар, ч. 2, № 5. «*O! ma tendre musette*» — см. примеч. 48.

56. МЖ, 1792, ч. 7, с. 277, подпись: Н. Н., с подзаголовком: «Сочиненная в подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозвищем Швее-Горемыка, живописцем, прозванным Сердце», и с примечанием Карамзина: «Сообщена от сочинителя». Печ. по первой публикации, так как первая редакция с музыкой Кашина (ЖОМ, № 2, с. 6, под загл. «Горемыка») надолго удержалась в быту. О ее популярности свидетельствует М. А. Дмитриев: «Из всех томов, написанных Николевым, остались в памяти или по крайней мере долго держались в памяти... два куплета, которые в свое время находили большое сочувствие» (Дмитриев, с. 44). Речь идет о куплетах «О души моей веселье...» и «Люди с солищем — людям ясно...», последний отсутствует в окончательной редакции (Н 1798, с. 204), в которой осталось 14 строф, а остальные использованы в другой песне (с. 207). Сокращенный текст (строфы 1—5, 7) лег в основу популярного романса Алябьева (1827).

57. СПбМ, 1793, ч. 3, с. 96, под загл. «Песня», с подзаголовком: «На голос «Выйду ль я на реченьку...». Прислана из Москвы», подпись: Н. Н. Печ. по Н 1798, с. 213. В песенниках — с начала XIX в. («Собрание отборных, старых и новых российских песен», СПб., 1803) по 1879 г. Свидетельство о популярности: «Песня сия по приятности своего голоса поется всякого рода людьми» (Вавилов, с. 25).

58. Н 1798, с. 200. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 1) до 1820 г.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

59—63. Печ. по Полному собранию стихотворений (Венгеров, вып. 7, СПб., 1901).

59. НРП, ч. 2, с. 65, без подписи. В песенниках — до 1876 г. Вариант, пересказанный от мужского имени, — Герстенберг и Дитмар, ч. 1, № 32, и КП, ч. 1, с. 84. («Ответ» на стихотворение П. Карбанова «Ох! Как-то мне жить...», которое само стало песней, см. с. 114). Ст. 1 иногда: «Ах, грустно мне...». Послужило образцом для известной агитационной песни К. Рылеева и А. Бестужева (см. с. 330) и потому в 1825 г. было запрещено («Декабристы», М.—Л., 1951, с. 617). «Девчина моя» — см. примеч. 53.

60. ЧдВ, 1792, ч. 8, с. 195 и МЖ, 1792, ч. 8, с. 3, подпись: Ю. Н. М. С муз. Дубянского — «Карманная книга», вклейка между с. 38 и 39. С муз. Козловского — «Шесть российских песен для фортепиано», СПб., 1795, кн. 1, № 6. С муз. Жилина — «Эрато», 1814, № 7. В песенниках — с 1796 г. (КП, ч. 1) до 1856 г.

61. МЖ, 1792, ч. 8, с. 235. С муз. Прача — «Две российские песни...» [СПб., 1794]. Муз. вариант: Герстенберг и Дитмар, ч. 3, № 36. В песенниках — с 1796 г. (КП, ч. 1) до 1855 г.

62. «Магазин», 1795, № 8, потное приложение, без подписи, с муз. Козловского. В песенниках — с 1796 г. (КП, ч. 1) до 1855 г. В ст. 1 иногда: «вчера».

63. КП, ч. 1, с. 17, без подписи. В песенниках часто как «народная», «простонародная», «плясовая» и т. п., иногда с примечаниями: «голос сей песни очень известен» (Вавилов, с. 72), «прекрасный голос сей песни ввел оную во всеобщее употребление» и т. п. (Трубицын, с. 47). О популярности свидетельствуют и мемуаристы (Дмитриев, с. 45—46). Неоднократно записывалась собирателями народных песен и публиковалась в фольклорных сборниках. Музыка приписывается Себастьяну Жоржу (Финдейзен, т. 2, с. 299) или Кашину. Образцом для Нелединского-Мелецкого послужила народная песня «Выйду ль я на реченьку...» (см. Львов — Прач). Упоминается Пушкиным в «Домике в Коломне».

Н. М. КАРАМЗИН

64—68. Печ. по Сочинениям, т. 1, М., 1820.

64. МЖ, 1791, ч. 3, с. 238, под загл. «Песня веселых». В песенниках — с 1790-х годов («Избранный песенник...», СПб., 1792, ч. 2) до 1909 г.

65. МЖ, 1792, ч. 8, с. 170. В песенниках — с 1790-х годов (КП, ч. 1), иногда с подзаголовком «любовная» или примечанием: «по красоте своего голоса у многих в употреблении» (Трубицын, с. 50).

Свидетельства о популярности см. также: Дмитриев, с. 45—46. В МЖ и в ряде песенников 2-я строфа:

Любил, не быв любимым,
К несчастью моему...
Увы! Насильно милым
Не будешь никому!

66. «Аглая», кн. 1, с. 31. В песенниках — с начала XIX в. («Собрание отборных старых и новых российских песен», СПб., 1803, ч. 1) до 1859 г. Вызвано смертью друга юности Карамзина — А. А. Петрова (1760—1793).

67. «Аониды», кн. 1, с. 43, вместе со стих. «Доволен я судьбою...», под общим загл. «Две песни». В песенниках — с начала XIX в. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808) до 1859 г.

68. «Аониды», кн. 1, с. 56. В песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение) до 1859 г. *Селадон* — пастух, герой пасторального романа «L'Astrée» французского писателя О. д'Юрфе (1658—1725), нарицательное имя нежного любовника.

И. И. ДМИТРИЕВ

69. МЖ, 1792, ч. 8, с. 209. Печ. по Дм. 1953, с. 321. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение) до 1859 г. В первой публикации и ряде песенников вместо Темиры — Пленира.

70. МЖ, 1792, ч. 6, с. 217, под загл. «Сизый голубочек (Песня)». Печ. по Дм. 1953, с. 293. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с 1790-х годов («Избранный песенник...», СПб., 1792) до 1913 г., иногда с подзаголовком: «протяжная», «нежная» и даже «народная песня». С нотами — ММУ, № 2. Другой, более популярный напев ошибочно связывался с именем композитора Ф. Дица (Тица); в действительности принадлежит Дубянскому («Карманная книга», с. 44—45, вклейка). Популярность песни засвидетельствована мемуаристами и примечаниями в песенниках (Вавилов, с. 21). Направник написал на текст музыку для хора. Упоминается: Пушкин, «Домик в Коломне» (строфа XIV), Помяловский, «Очерки бурсы» (гл. «Зимний вечер в бурсе»).

71. МЖ, 1792, ч. 7, с. 275, под загл. «Бабушкина песня». Печ. по Дм. 1953, с. 295. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение) до 1914 г. Музыка Жилина («Эрато», 1814, № 3). Свидетельство о популярности: П. А. Плетнев, Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах (Приложение к «Русскому архиву», М., 1881, с. 27—28). С муз. Алябьева — сб. «Подарок родным», М., 1832, под загл. «Старинная песня».

72. МЖ, 1792, ч. 8, с. 210, под загл. «Песня». Печ. по Дм. 1953, с. 296. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с 1798 г. («Весельчак на досуге...», ч. 2, М., 1798) до 1856 г. Музыка Жилина («Эрато», 1814, № 2; один из лучших романсов композитора).

73. ПППВ, 1794, ч. 1, с. 314, вместе со стих. «Коль надежду истребила...», под общим загл. «Две песни». Печ. по КП, ч. 1, «Песни нежные», с. 56. В других песенниках — с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...», ч. 2, М., 1798) до 1821 г.

74. ПППВ, 1794, ч. 1, с. 315, вместе с предыдущим. Печ. по Дм. 1810, ч. 2, с. 11. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...», ч. 2, М., 1798) до 1855 г. Музыка Жилина («Эрато», 1814, № 4).

75. «И мои безделки», М., 1795, с. 221, под загл. «На цыганскую пляску». Печ. по Дм. 1953, с. 300. В КП включено в «Песни веселые» (ч. 2). В других песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 2). Ст. 1 часто: «Пой, пляши, кружись, Параша»; напев характеризуется как «веселый и громкий» (Вавилов, с. 171). Упоминается: Мамин-Сибиряк, «Лес» (гл. 3).

76. «И мои безделки», М., 1795, с. 202, под загл. «К Хлое». Печ. по Дм. 1953, с. 302. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение) до 1879 г.

77. «И мои безделки», М., 1795, с. 233, в цикле «Песни», без загл. Печ. по КП, ч. 1, «Песни нежные», с. 36. В других песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение) до 1859 г. Музыка Дубянского («Карманная книга», с. 40—41, вклейка).

78. «И мои безделки», М., 1795, с. 206, под загл. «К юности». Печ. по Дм. 1810, ч. 2, с. 20. В песенниках — с начала XIX в. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808) до 1912 г.

79. ПППВ, 1795, ч. 6, с. 9. Печ. по Дм. 1810, ч. 2, с. 18. В КП включено в «Песни нежные» (ч. 1). В других песенниках — с начала XIX в. («Всеобщий новоизбранный песенник...», М., 1805, ч. 1) до 1892 г.

80. КП, ч. 1, «Песни нежные», с. 39, без загл. и без подписи. В «Аонидах» (кн. 3) под загл. «Песня. Для двух голосов», с новой заключительной строфой, рассчитанной на исполнение дуэтом, отсутствующей в последующих изданиях. Печ. по Дм. 1953, с. 305. В песенниках — с начала XIX в. («Всеобщий новоизбранный песенник...», М., 1805, ч. 1) до 1859 г. Ст. 1 часто: «Что с тобою, друг мой, стало...». Проникло в лубок (Клепиков, с. 146) с незначительными отклонениями от авторского текста. Музыка Жилина («Эра-

то», 1814, № 2), Алябьева («Подарок родным», М., 1832, под загл. «Песня пастушка»).

И. А. КРЫЛОВ

81. СПбМ, ч. 4, с. 205. Печ. по Полному собранию сочинений, т. 3, М., 1946, с. 259. В песенниках — с начала XIX в. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808) до 1820 г. Вольный перевод песенки итальянского поэта Пьетро Метастазо (1698—1782) «La partenza». *Анюта* — героиня нескольких лирических произведений Крылова.

Д. П. ВЕЛЬЯШЕВ-ВОЛЫНЦЕВ

82. ПППВ, 1794, ч. 2, с. 142, с подзаголовком: «На голос: „Стонет сизый голубочек“». Печ. по изд. «Лиры», М., 1804, с. 39. В песенниках — с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...», ч. 2, М., 1798) до 1835 г., часто с указанием на напев, обозначенный в подзаголовке (Вавилов, с. 112).

И. С. ГАГАРИН

83. ПППВ, 1794, ч. 2, с. 65, подпись: К. П. Г., с примечанием: «Голос будет после — терпение возвышает цену всему». В песенниках — с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...», ч. 2, М., 1798) до 1820 г.

84. ПППВ, 1795, ч. 7, с. 80, подпись: К. П. Г. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 1) до 1820 г.

Г. А. ХОВАНСКИЙ

85. ПППВ, 1795, ч. 5, с. 146. В песенниках — с начала XIX в. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808) до 1868 г.

86. ПППВ, 1795, ч. 6, с. 270. В сб. «Жертва музам...», М., 1795, с подзагол. «На голос: „Красны девки, ваши ручки...“ из оперы „Оленька“» и с еще одной строфой между строфами 5 и 6. В песенниках — с 1820-х годов («Новый полный всеобщий песенник...», СПб., 1820) до 1859 г.

87. «Аониды», кн. 1, с. 185. В песенниках — с начала XIX в. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808) до 1859 г.

88. «Аониды», кн. 1, с. 203. В песенниках — с 1810-х годов («Новейший избранный песенник...», М., 1814) до 1859 г.

89. «Аониды», кн. 1, с. 206. В песенниках — с конца XVIII в. (СНП, Продолжение). Проникло в лубок (Клепиков, с. 192). С не-

значительными изменениями сохраняется в современном устном репертуаре (см., Новикова, с. 351), с напевом, отличающимся от напева народной песни «Выйду ль я на реченьку...».

М. Л. МАГНИЦКИЙ

90. ПППВ, 1795, ч. 5, с. 10, подпись: М. М. В песенниках — с начала XVIII в. («Всеобщий новоизбранный песенник...», М., 1805, ч. 1) до 1892 г. *Андантин* (от анданте) — здесь: музыкальная пьеса умеренного темпа.

В. Л. БУШКИН

91. ПППВ, 1795, ч. 5, с. 309, подпись: Всл. Пшкип. В песенниках — с 1808 («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808). «*Уже со тьмою ноци...*» — песня Капниста (см. с. 109).

И. Л. ВЕЛЬЯМИНОВ

92. КП, ч. 1, с. 106, без подписи. В песенниках — до 1848 г. Авторство устанавливается по свидетельству мемуариста, который пишет о Вельяминове: «Известен был многими переводами; между прочим, народною песнью: „Ох вы славные русски кислы цни...“» (Дмитриев, с. 37).

Н. М. ШАТРОВ

93. СПбЖ, 1798, ч. 4, с. 76, подпись: Н. Ш. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 1) до 1859 г. В СПбЖ песня сопровождается четверостишием Е. Колычева:

Кто эту песенку прочтет,
Творенья друга дорогова,
Коль в сердце у него не лед,
Как спросит он меня: за что люблю Шатрова?

С. МЯТРОФАЦОВ

94, 95. Печ. по изд.: «Песни русские известного охотника М*****, изданные им же, в удовольствие любителей оных, с гравированным портретом», СПб., 1799.

94. В песенниках — с начала XIX в. («Собрание отборных старых и новых российских песен», СПб., 1803) до 1891 г., иногда с примечанием: «Санктпетербургская песня, которую поют весьма многие по веселому ее голосу» (Трубицын, с. 51), — или как «цыганская». Строчка послужила образцом для песни о Бонапарте И. М. Коваленского, «Кавказской песни» неизвестного автора («Целый месяц с штабс-квартиры...»), «Севастопольской песни» Л. Толстого и других солдатских и матросских песен (см., напр., «Сборник солдатских, казацких и матросских песен», СПб., 1896, с. 29). Фольклоризировалась и породила большое количество вариантов и переработок.

95. В песенниках — с начала XIX в. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник...», СПб., 1808, как «пастушеская») до 1916 г. Упоминается: Ф. М. Достоевский, «Записки из мертвого дома», гл. 3; И. С. Тургенев, «Затншь».

И. М. ДОЛГОРУКИЙ

96—100. Впервые — «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого», М., 1802. Печ. по изд. «Бытие сердца моего...», ч. 3, М., 1818.

96. В песенниках — с 1810-х годов («Всеобщий песенник...», ч. 1, М., 1810) до 1859 г.

97. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 2) до 1854 г.

98. В песенниках — в начале XIX в. (НРВП, ч. 2). Сам поэт свидетельствует о популярности песни уже в середине 1790-х годов: «Ее любили все и пели везде охотно. Безделка такая знакома была даже в Москве и далее» (Записки князя И. М. Долгорукова, Пг., 1916, с. 322).

99. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 2) до 1864 г. Музыка Жилина («Эрато», 1814, № 5).

100. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 2) до 1822 г. *Глафира* — героиня нескольких произведений Долгорукого. Ее как «друга сердца» упоминает Долгорукий и в предисловии к первому изданию «Бытия...».

ПЕСНИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АВТОРАМ XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

101. МЖ, 1791, ч. 4, с. 98, в «Письме от Н. А. Л. к П. Л. В.», датированном 17 августа 1791 г., под загл. «Песня П... С... Л...». В песенниках — с конца XVIII в. («Избранный песенник...», СПб., 1792, ч. 2) до 1912 г. Музыка Кашнина, Гурилева (муз. альбом «Новоселье», М., 1832). Н. А. Л. — Николай Александрович Львов, писатель, составитель «Собрания народных русских песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем (1790) и автор предисловия к нему. П. Л. В. — Петр Лукич Вельяминов (о нем см. с. 172). П... С... Л... — Петр Семенович Львов, дед Н. А. Львова, являвшийся, по семейному преданию, автором публикуемой песни, которую он «сочинил, едучи раненый из Персидского похода» (МЖ, с. 97—98). Перекликается с народной песней «Уж как пал на сине море пребольшой густой туман...» и является свободной вариацией на тему, характерную для народной поэзии (ср.: Соболевский, т. 1, № 381). В свою очередь вызвала ряд подражаний, напр. песню «Уж как пал туман на реку Неву...», которую пел М. И. Муравьев-Апостол (ЛН, т. 59, М., 1954, с. 706). Персидский поход Петра I относится к 1722 г.

102. Риторика, § 62 (ст. 17—22), полностью — Чулков, ч. 1, с. 77, без подписи. С нотами — ММУ, ч. 1, № 1. Приписывается

Ломоносову, однако окончательно доказанным это считается не может (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, 1959, с. 1196—1197). С разночтениями встречается в рукописных сборниках XVIII в. (см. там же, с. 822—824). В печатных песенниках — до 1859 г. как «пастушеская». Существенно переработанный песенный текст («Последний час разлуки...») встречается в песенниках 1910-х годов (см. с. 921).

103. Теплов, с. 3. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до 1787 г. С нотами — МУ, 1774, с. 27. О популярности песни см. Финдейзен, т. 2, с. 288. *Заразы* — прелести. *Нелестная* — здесь: нелукавая, правдивая.

104. Теплов, с. 7. В песенниках — с 1770-х годов (Чулков, ч. 1) до 1797 г. О популярности песни см. Финдейзен, т. 2, с. 288.

105. Теплов, с. 11. В песенниках — с 1769 г. (Курганов) до 1798 г. С нотами — ММУ, № 8. Эта и две предшествующие песни (103 и 104) приписываются Ивану Перфильевичу Елагину (1725—1796) и Никите Афанасьевичу Бекетову (1729—1794). Оба принадлежали к сумароковской школе и часто сочиняли вместе песенки. Первоначально их разучивали придворные певчие, а затем они распространились в списках, но, видимо, самими авторами не печатались. О Елагине Н. И. Новиков писал: «Во младых своих летах писал весьма изрядные стихотворения, как то элегии, песни и другое тому подобное» («Опыт исторического словаря о российских писателях...», СПб., 1772, с. 64). В истории русской культуры Елагин известен в качестве главного директора придворного театра, автора переводов, «Опыта повествования о России», сатиры «На петиметра и кокеток» и др. произведений. О Бекетове в «Опыте исторического словаря» Новикова читаем: «В молодых своих летах много писал стихов, а более всего песен... Его песни многими знающими людьми похваляются» (с. 19). Бекетову принадлежит также трагедия «Никанор» (по другим сведениям — «Эдип»).

106. Чулков, ч. 1, с. 220. С нотами — Трутовский, ч. 1, № 15. В песенниках XIX — начала XX в. приписывается Елизавете Петровне (1741—1761) — дочери Петра I (См.: Венгеров, вып. 6, с. 142—143). Свидетельства о популярности песни и об исполнении ее певицей Е. С. Сандуновой см.: Вавилов, с. 136. Сводка вариантов: Киреевский, вып. 9, с. 204—206.

107. Чулков, ч. 4, с. 162. Вариант текста с нотами — Герстенберг и Дитмар, ч. 1, № 12. Пелась также на «голоса» других песен (Трутовский, ч. 4, № 5, примеч.). Приписывается Федору Григорьевичу Волкову (1729—1763), выдающемуся актеру и театральному деятелю XVIII в. Послужила образцом для песни неизвестного автора «Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...» (см. с. 206). Обе песни, одинаково популярные во второй половине XVIII в., встречаются в песенниках до 1835 г. Упоминается: Лесков, «Захудалый род», гл. 12.

108. Трутовский, ч. 1, № 14. Свидетельство о популярности: «Голос сей песни известен всякому» (СНП). Часто использовалась композиторами XVIII в. (оперы Соколовского, Мартина и Пашкевича, скрипичные вариации Хандошкина, фортепьянное переложение Себастьяна Жоржа). Приписывается Марии Львовне Нарышкиной, пользовавшейся известностью в качестве певицы.

109. СПбВ, 1780, ч. 6, с. 127, без подписи. В песенниках — с конца XVIII в. («Собрание новейших песен...», М., 1791) до 1859 г. Приписывается Г. Р. Державину (Неустроев, с. 553). В собр. соч. поэта отсутствует.

110. НРП, ч. 1, с. 16. С нотами: Герстенберг и Дитмар, ч. 2, № 6. В ряде песенников — как «народная». В «Новейшем избранном песеннике...» (1827) примечание: «Голос, известный всякому, почему многие и поют ее». Приписывается Марии Воиновне Зубовой (ум. 1799), урожденной Римской-Корсаковой. По Н. И. Новикову, «сочинила немало разных весьма изрядных стихотворений, а особливо песен, из коих некоторые напечатаны во 2-й части Собрания песен, в 1770 году в СПб.» (т. е. в сб. Чулкова. — В. Г.) — см. «Опыт исторического словаря», с. 68 (публикуемой песни в сб. Чулкова нет). Н. И. Макаров характеризует Зубову как «самую приятную певицу» и свидетельствует, что «песенка «Я в пустыню удаляюсь...» только поправлена другими, а сочинена Зубовой» («Дамский журнал», 1830, № 3). О Зубовой см. также: Венгеров, вып. 6, с. 145; В. Мордовцев, Русские женщины второй половины XVIII в., СПб., 1874, с. 165—166. Упоминается: Ф. М. Достоевский, «Подробок», гл. 9; Мельников-Печерский, «В лесах», ч. 1, гл. 1.

111. ЧдВ, 1793, ч. 12, с. 279, без подписи, с примечанием: «Общана от А. Ф. М.». С муз. Жилина (?) — Герстенберг и Дитмар, ч. 1. В песенниках — с начала XIX в. («Собрание отборных старых и новых российских песен», СПб., 1803) до 1879 г., иногда с примечаниями, вроде: «По приятности своего голоса во всеобщем употреблении» (Вавилов, с. 15). Инициалы «А. Ф. М.» позволяют предполагать, что автором песни является Мерзляков, а не Николаев, как считали некоторые исследователи, ссылаясь на свидетельство современника поэта — С. Маслова. Видимо, Маслов спутал песню «Взвейся выше, понесися...» с другой популярной песней о голубке, действительно принадлежавшей Николаеву, — «Полно, сизенький, кружиться...». Трудно представить, чтобы сам Николаев, если бы он был действительно автором песни «Взвейся выше, понесися...», не включил бы ее в свое «Собрание разных песен», составленное спустя 5 лет после первой публикации песни, между тем в «Творениях» она отсутствует.

112. «Новейший российский песенник...», СПб., 1818, № 189. В песенниках — часто с подзаголовками «народная», «семейная», «протяжная», «девичья». Неоднократно записывалась собирателями народных песен. Варианты: Киреевский, вып. 9, отд. 9; Чернышев, с. 60, 165. О мелодии песни см.: Финдейзен, т. 2, с. XVI, примеч. № 75. Бытует до настоящего времени. Вариант в записи 1950-х годов см.: Померанцева, 1958, с. 244. Приписывается П. И. Кузнецову.

вой-Горбуновой. Кузнецова-Горбунова Прасковья Ивановна (по выправленным документам — Ковалевская, по сцене — Жемчугова. в замужестве — Шереметьева) (1768—1803) — крепостная графа Н. П. Шереметьева, выдающаяся актриса театра в Кускове. Если она действительно является автором песни, то последняя сочинена вскоре после 1789 г. (встреча Кузнецовой с графом Н. П. Шереметьевым). Упоминается: Писемский, «Взбаламученное море», ч. 5, гл. 19; Григорович, «Переселенцы», ч. 4, гл. 3; Лесков, «Старое старится», гл. 3.

113. «Новейший российский избранный песенник...», СПб., 1819, с. 84. В песенниках — до 1916 г. Известна в разных вариантах (Кириевский, вып. 9, отд. 9). Исполнялась на «голос» песни «Вечер поздно из лесочку...» (там же). Приписывается Елизавете Семеновне Сандуновой (1772—1826), выдающейся оперной певице, которая прославилась в качестве исполнительницы русских народных песен и песен современников, особенно Мерзлякова.

114. «Новейший российский песенник...», ч. 2, СПб., 1817, с. 122. Неоднократно записывалась советскими собирателями народных песен. Фольклоризированные варианты: Чернышев, с. 76. В лубочную литературу проникла в середине XIX в. (Клепиков, с. 89). В «Собрании русских песен» (М., 1844) и в лубке (М., 1849) конец изменен:

Пастух, пастух, пастушок,
Пастух, миленький дружок!
Ты скотинушку паси,
Ночевать ко мне ходи!
Пастух почку ночевал,
Он овечку потерял;
На другую ночевал,
Он корову потерял.
А на третью ночевал —
И всё стадо потерял.

Приписывается Василию Кугушеву, поэту и драматургу начала XIX в., отцу комедиографа Г. В. Кугушева. Упоминается: Писемский, «Богатый жених», ч. 1, гл. 2; Л. Толстой, «Детство», гл. 10.

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

115. Курганов, с. 301. В рукописных песенниках с 1720-х годов (Ливанова, Приложение, с. 12—13, № 9, примеч., с. 106—107). Известно до 60 вариантов (Позднеев, с. 11). В песенниках — до 1815 г. *Райка* — рея. *Понт* — море.

116. Курганов, с. 311. В рукописных песенниках — с середины XVIII в. (Титов, т. 2, с. 347). С нотами — Полежаев, с. 4. О бытовании в начале XX в. см.: Якуб, с. 89. Упоминается: Помяловский, «Очерки бурсы» (гл. «Зимний вечер в бурсе»); Языков, «Жар-птица».

117. Курганов, с. 319. В рукописных песенниках — с середины XVIII в. В печатных — до 1820 г. С нотами — Трутовский, ч. 3, № 3. См. также: Ливанова, т. 2, с. 67—69.

118. Чулков, ч. 2, с. 242. С нотами — Трутовский, ч. 2, № 5. Иногда приписывалась Ивану Осипову (Ваньке Каину). Упоминается: Грибоедов, «Загородная поездка»; Помяловский, «Очерки бурсы» (глава «Зимний вечер в бурсе»); Мельников-Печерский, «Старые годы», гл. 4; Левитов, «Хорошие воспоминания», гл. 1.

119. Новиков, ч. 5, с. 105. В песенниках — до 1835 г., часто с примечанием: «Голос известный» (Вавилов, с. 78). Подражание песне «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...» (см. с. 194).

120. Мейер, ч. 1, с. 11. С муз. Козловского — «Карманная книжка для любителей музыки на 1796 год». В песенниках — до 1859 г. Муз. вариант — «Journal de Musique», 1790, № 15.

121. «Сатирический вестник», 1790, ч. 4, с. 971, не полностью (12 стихов), под загл. «Журнал любви нынешнего света», вместе со стих. «Брак модного века» и «Любовь модного века», под общим загл. «Любопытные известия о браке и о любви по моде девишек и щеголей» и с примечанием издателя: «Сии стихи мне сообщены от неизвестных особ, которых я за долг почитаю благодарить». Печ. по СНП, с. 254.

122. «Русская Эрата», 1792, ч. 3, с. 57. Подражание французской песне «Malbrough s'en va-t'en guerre...» С нотами — Герстенберг и Дитмар, ч. 2, № 32. В песенниках — до 1902 г. Известна также позднейшая переделка «Мальбрук в поход пустился...» (или «собрался»). О популярности в начале XIX в. см.: Вавилов, с. 299. *Мальбрук* — Джон Черчилль Мальборо (1650—1722), английский полководец. *Игрень* — конь-игрневой масти (рыжая с белесоватыми гривой и хвостом). *И проч.* — Песня, по-видимому, имела продолжение, хотя публикуемый текст — наиболее полный из всех известных.

123. ЧдВ, 1793, ч. 10, с. 482, с примечанием: «Песня сия написана благородною, жившею на берегу Волги и некогда несчастною девицею». В песенниках — с конца XVIII в. («Весельчак на досуге...», ч. 1, М., 1797), часто с указанием: «На голос „Выйду ль я на реченьку...“» Иногда приписывалась Нелединскому-Мелецкому или Мерзлякову. Об исполнении песни на муз. Гайдна см.: Финдейзен, т. 2, с. 75, 336. О популярности — Вавилов, с. 41.

124. Розанов, с. 86. Переработка популярной в XVIII в. песни «Как во прошлом во году...» (Чулков, ч. 3) о чуме в Москве. В изданиях XIX в. встречаются песни, начинающиеся тем же стихом, что и публикуемая, но отличающиеся по содержанию — «Вятские губ. ведомости», 1864, № 3; Мякушин, с. 151 и др.

II ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

И. И. ШАЛКОВ

125. «Плод свободных чувствований», ч. 3, М., 1801, с. 222. В песенниках — с 1800-х годов («Всеобщий новоизбранный песенник...», М., 1805, ч. 2) до 1862 г. Музыка Кашина (ЖОМ, № 6, с. 8), Варламова.

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

126—137. Печ. по Стихотворениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1958.

126. ЖОМ, № 1, с. 5, без подписи, с муз. Кашина. В песенниках — с начала XIX в. (НРВП, ч. 2) до 1906 г. Фольклорный источник — Львов — Праг, № 37; Кашин, ч. 2.

127. ЖОМ, № 4, с. 7, подпись: А. Мрзлв., с муз. Кашина. В песенниках — с 1810-х годов (Вавилов, с примечанием: «Песня сия заслужила одобрение всей московской публики, когда неоднократно пета была г-жой Сандуновой»). Иногда начинается с 5-го стиха («Собрание русских песен», М., 1839, ч. 1); ст. 5—8 позже были переработаны в частушку, популярную до наших дней:

Нельзя солнцу быть холодным,
Нельзя сердцу остывать,
Нельзя нам с тобой, подружка,
От героев отставать.

(Гусев, с. 151)

Фольклорный источник — НРП, ч. 1.

128. ВЕ, 1805, № 6, с. 130, подпись: А. А. А. В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 2) до 1855 г.

129. ВЕ, 1805, № 9, с. 43, подпись: А. А. А. В песенниках — с 1810-х годов («Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин...», Орел, 1821, ч. 3) до 1874 г.

130. ВЕ, 1806, № 15, с. 196, под загл. «К ней (рондо)», без подписи. В песенниках — с 1830-х годов («Карманный песенник», СПб., 1838, кн. 2) до 1877 г. Музыка Литандера («Музыкальный альбом на 1832 г.», с. 46). Ср. «Песню» Жуковского («Когда я был любим...»), также опубликованную в ВЕ (1807, № 2) с подзаголовком «Перевод с французского». Оба стихотворения, очевидно, восходят к одному источнику, который установить не удалось.

131. ЖОМ, № 4, с. 10, подпись: А. Мрзлв., с муз. Кашина. В песенниках — с 1810-х годов (Вавилов, с примечанием: «На голос песни, такими же словами начинающейся») до 1910 г. Фольклорный источник — Вавилов, с. 170.

132. ЖОМ, № 5, с. 4, без подписи, с муз. Кашина. В песенниках — с 1810-х годов (Вавилов) до 1894 г. Фольклорный источник — Чулков, ч. 4, с. 113; Кашин, ч. 1, с. 70. О песне см.: Финдейзен, т. 2, с. 332.

133. ВЕ, 1806, № 14, с. 115, подпись: А. Мрзлкв. Музыка Жилина («Эрато», 1814, № 1). Включено П. Ободовским в театральную постановку драмы баварского драматурга Э. Шенка «Велизарий». Белинский, хотя и говорил о «недостатке художественности» романса, но признавался, что «его нельзя слушать без восторга и умиления» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1953, с. 322—323). *Велизарий* — византийский полководец VI в., подвергшийся опале со стороны императора Юстиниана.

134. Вавилов, с. 125, без подписи. В основе напева — мелодия песни Козловского на слова Карабанова «Лети к моей любезной...». Муз. вариации — Глилки и гитаристов А. Сихры и М. Высотского. Об истории создания песни см.: Дмитриев, с. 164. Свидетельство популярности в 1820-е годы — И. А. Гончаров, «Воспоминания» (Собр. соч., т. 7, М., 1952, с. 251). Упоминается: Лажечников, «В старом доме»; А. Н. Островский, «Гроза» (д. 1), «Трудовой хлеб» (д. 1).

135. Вавилов, с. 120, без подписи, с примечанием: «На голос: „Вылетала голубина“». В песенниках — до 1897 г. Имеются сведения о нотной публикации с муз. Кашина («Полный каталог нот для пения в алфавитном порядке», сост. Э. Ф. Дитман, Ростов-на-Дону, 1889, с. 46), однако чаще исполнялась на мелодию указ. народной песни (Львов — Прач, с. 59).

136. «Денница», с. 89. Печ. с исправл. по «Песням и романсам А. Мерзлякова», СПб., 1830. В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1) до 1854 г. Музыка Варламова.

137. «Денница», с. 111, под загл. «Русская песня». В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 2) до 1874 г.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

138. ВЕ, 1808, № 2, с. 39, под загл. «Романс», без подписи. Печ. по Ж 1956, с. 88. В песенниках — с 1810-х годов («Новейший избранный песенник...», М., 1814) до 1859 г. Музыка Верстовского (1827), Глилки. Вольный перевод стих. Ф. Шиллера «Des Mädchens Klage», первые две строфы которого вошли как романс Теклы в трагедию «Пикколомини». Свидетельство о популярности романса Глилки — М., 1853, т. 1, с. 114.

139. ВЕ, 1809, № 9, с. 33, с подзаголовком: «На голос: „Je t'aime tant, je t'aime tant“», подпись: «Апреля 1. NN». Печ. по Ж 1956, с. 91. В песенниках — с 1810-х годов («Новейший всеобщий и полный песенник...», СПб., 1819, ч. 4) до 1859 г. Музыка Вейрауха, С. Голицына. Переложение стихотворения Фабра д'Эглан-

тина «Le délire de l'amour». «Je t'aime...» — романс Жапа-Пьера Гара на текст д'Эглантина.

140. ВЕ, 1808, № 10, с. 101, с подзаголовком «Романс», подпись: «С франц. Ж.» Печ. по Ж 1849, т. 1, с. 39. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1855 г. Сохранилось в устном репертуаре XX в. Перевод романса «Deruis qu'un autre a su te plaire» из романа французской писательницы Коттен «Мальвина».

141. ВЕ, 1813, № 7 и 8, апрель, с. 196, под загл. «К моему другу». Печ. по Ж 1956, с. 101. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1848 г. Переложение стихотворения немецкого поэта-романтика Х.-А. Тидге (1752—1841) «Vergiss mein nicht. (An Arminia)». Жуковский переложил первые 3 строфы из 18 (в других изданиях — 22) восьмистиший подлинника.

142. Стихотворения, ч. 1, СПб., 1815. Печ. по Ж 1849, т. 1, с. 191. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1874 г. Музыка Алябьева, Варламова, Рубинштейна. Подражание романсу Мильвуа «La fleur» (первые две строфы — вольный перевод соответствующих строк французского оригинала).

143. ВЕ, 1813, № 1 и 2, с. 67 (вся баллада), с подзаголовком: «(Ал. Ан. Пр...вой)», подпись: В. Ж. Печ. по Ж 1956, с. 291. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1853, ч. 1) до 1916 г. Музыка Жучковского («Лирический альбом на 1832 год»), Варламова, Гинзбурга; ко всей балладе — Ю. Арнольда, А. Плещеева (первый опыт музыкальной баллады), Воронинова. Проникло в лубок (Клепиков, с. 124). Иногда пелась только 1-я строфа. Ал. Ан. Пр...ва — А. А. Протасова (в замужестве — Воейкова), племянница Жуковского, которой стихотворение посвящено по случаю ее свадьбы.

144. ВЕ, 1813, № 7 и 8, с. 195, подпись: В. Ж. Печ. по Ж 1956, с. 104. В песенниках — с 1830-х годов (НСРП) до 1855 г. Музыка А. Плещеева, Верстовского, Глинки. Сам поэт исполнял романс Плещеева 3 авг. 1812 г. в усадьбе своего друга в д. Черни (К. Зейдлиц, Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, СПб., 1883, с. 49—50).

145. «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1, с. 20. Печ. по Ж 1956, с. 191. В песенниках — с 1820-х годов (СРП, ч. 2). Музыка Алябьева. Проникло в лубок (Клепиков, с. 70). Перевод немецкого стихотворения неизвестного автора «Lied» («Der Ring ist mir entfallen»). Поводом для перевода явилось письмо М. А. Протасовой, в которую был влюблен поэт.

146. «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1, с. 12. Печ. по Ж 1956, с. 210. В песенниках — с 1830-х годов («Песни, романсы и куплеты из водевилей», М., 1833) до 1864 г. Перевод стихотворения Гете «Trost in Tränen». Музыка Вейрауха, Даргомыжского, Игнатьева. Поводом для перевода послужило замужество М. А. Протасовой.

147. СО, 1821, ч. 74, № 4, с. 179, под загл. «Прежнее время», подпись: Ж. Печ. по Ж 1956, с. 224. В песенниках — с 1820-х годов («Новейший избранный песенник...», М., 1829) до 1897. Музыка Норова (1829), Капри, Булахова. Песня посвящена Е. Ф. Вадковской-Кравцовой, племяннице А. И. Плещеевой, и вызвана воспоминанием о последней, которая умерла в 1817 г.

148. С, 1936, т. 1, с. 14. Печ. по Ж 1956, с. 262. В песенниках — с начала XX в. («Полный русский песенник», М., 1911, ч. 3). Музыка Глинки (зима 1835/1836 г.), Верстовского. Перевод стихотворения австрийского поэта И.-Х. фон Цедлица (1790—1862) «Die nächtliche Herschau».

Н. Ф. ГРАММАТИН

149—151. Печ. по Стихотворениям, ч. 1, СПб., 1829.

149. «Досуги Н. Грамматина», ч. 1, СПб., 1811, с. 110. В песенниках — переработанный текст «Ты не плачь, не горюй, дева миленькая...» с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859) до 1908 г.

150. ВЕ, 1815, № 15, с. 164, подпись: Г. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820, с. 160) до 1863 г.

151. «Избранный песенник...», М., 1820, с. 156. В песенниках до 1857 г.

Д. В. ДАВЫДОВ

152—159. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1933.

152. СО, 1820, ч. 65, с. 176. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1859 г. Подражание популярным куплетам французского поэта Жозефа Пэна (1773—1830) «Le ménage d'un garçon». Упоминается: П. Вяземский, «Коляска», гл. 1. *Ряд* — здесь: ломбард или лавка ростовщика в торговых рядах.

153. СО, 1820, ч. 66, с. 128, под загл.: «Военная песня». В песенниках — с 1820-х годов (СРП, ч. 2) до 1859 г.

154. «Рецензент», 1821, № 20, с. 80. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831). В «Эвтерпе» в другой редакции; после ст. 8 еще 4:

Я искал его напрасно
Среди роскоши пустой,
Заблуждаясь повсечасно,
Занимался суетой.

155. «Соревнователь», 1819, № 4, с. 76, под загл. «Старые гусары». В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1859 г. Упоминается: Ф. Сологуб, «Три жениха», гл. 1. *Жомини Анри* (1779—1869) — французский генерал, с 1813 г. на русской службе, военный советник Александра I, пользовался известностью военного теоретика и военно-исторического писателя. *Жомини да Жо-*

мини! А об водке — ни полслова! — вошло в устный обиход как поговорка.

156. «Северная звезда», 1829, с. 225, под загл. «Романс (Подражание Парни)», подпись: Д. Д — в. Музыка Алябьева (1833). Перевод из третьей песни оссиановской поэмы французского поэта Парни (1753—1814) «Иснель и Аслега».

157. ДД 1840, с. 50, под загл. «Не пробуждай». Стало цыганским романсом («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863). Музыка Шпарварта (1851), Животова, Мосолова.

158. БдЧ, 1834, т. 3, с. 239. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854) до 1892 г. Музыка Донаурова, А. Петрова, А. Рубинштейна, Щуровского.

159. ДД 1840, с. 42, с подзаголовком: «На голос известной русской песни». В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859). Музыка Даргомыжского (1850-е годы), Вилламова, Гаука, Шпарварта и др.

К. Н. БАТЮШКОВ

160, 161. Печ. по Опытам в стихах и прозе, ч. 2, СПб., 1817.

160. «Пантеон русской поэзии», 1814, ч. 2, с. 121, без подписи. В песенниках — с 1810-х годов («Новейший всеобщий и полный песенник...», СПб., 1819, ч. 6) до 1913 г. Проникло в лубок (Клепиков, с. 49). Включалось в народную драму «Царь Максимилиан». Упоминается: Писемский, «Старая барыня», гл. 6.

161. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1816, ч. 5, с. 228. В песенниках — с 1820-х годов («Новый полный всеобщий песенник...», СПб., 1820) до 1855 г. Музыка Глинки (1827). *Память сердца* — выражение, заимствованное Батюшковым у французского педагога Массье; проникло в повседневную русскую речь.

А. С. ПУШКИН

162—176. Печ. по Полному собранию сочинений в десяти томах, М., 1956.

162. «Российский музей», 1815, № 3, с. 264, подпись: «1... 14—16». В песенниках — с начала XX в. («Бродяга. Новый песенник», М., 1909) с разночтениями. В устном бытовании текст сокращен и опущен конец. Фольклоризовавшийся вариант — Мякутин, с. 93. Музыка Верстовского (1829), Направника и др. В рукописи подзаголовок: «Подражание малороссийскому». Образец — украинская песня (Н. Ф. Сумцов, «А. С. Пушкин», Харьков, 1900, с. 265), обращение к которой подсказано успехом водевиля А. Шаховского «Казак-стихотворец» (1812). Песенный вариант см. с. 922.

163. «Памятник отечественных муз на 1827 год», с. 35, в неполном и искаженном цензурой виде. Полностью. — СП, с. 51.

В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828). Проникло в лубок («Следствие порочной любви», М., 1832). Текст в песенниках и лубках восходит к первой публикации, вместо ст. 51 — 52 часто:

Поступок мой, твой рок ужасный
К страданью принуждают нас.

Предпоследняя строфа иногда опускается. В лубочных изданиях второй половины XIX в. встречаются тексты с дальнейшим развитием сюжета (см.: Клепиков, с. 46). Музыка Н. С. Титова (1829) и др.

164. «Северный наблюдатель», 1817, № 1, с. 14. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1). Музыка Н. А. Титова (1829), Верстовского, Рубинштейна, Чайковского (дуэт в опере «Евгений Онегин») и др. (в XIX в. — более 15 композиторов). В альм. «Денница» (1830) с подзаголовком: «Слова для музыки».

165. «Северный наблюдатель», 1817, № 25, стр. 352 (др. ред.). В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828). В песенниках и устном исполнении часто без 8 последних стихов. Музыка Алябьева (1830), Даргомыжского и др.

166. СО, 1821, № 15, с. 142. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный новейший песенник...», М., 1825, ч. 1) с разночтениями. Музыка Верстовского (1823), Виельгорского, Геништы и др. Первоисточником долгое время считалась молдавская песня. Однако в настоящее время это поставлено под сомнение (Б. Томашевский, Пушкин, кн. 1, М. — Л., 1956, с. 531). Переведенная на румынский язык К. Негруци (1837), баллада Пушкина получила распространение в Румынии и Молдавии (Б. Богач, Пушкин и молдавский фольклор, Кишинев, 1963, с. 45—49), что и ввело в заблуждение исследователей. Некоторые румынские литературоведы (В. Чобану) возводят стихотворение Пушкина к балладным мотивам балканских народов. Особую популярность приобрел романс Верстовского. Под аккомпанемент Грибоедова его исполнял сам композитор. Впервые публично был исполнен 11 ноября 1823 г. в Москве в Пашковском театре П. А. Булаховым; имел шумный успех у публики и вызвал полемику на страницах «Вестника Европы». Популяризировался также трагиком Мочаловым, исполнялся на французском и итальянском языках (певицей Този). В музыкальном быту, особенно в городской среде, устойчиво держался на протяжении всего XIX — начала XX в. Упоминается: Вс. Крестовский, «Петербургские трущобы», ч. 4, гл. 32.

167. В составе поэмы «Кавказский пленник», СПб., 1822. В песенниках — с 1820-х годов (СРП, ч. 1) до 1916 г., с незначительными разночтениями. Музыка Маурера (1823), Геништы (1823), А. Егорова, Алябьева, Вильбоа и др. (в XIX в. — более 10 композиторов).

168. Стихотворения, ч. 3, СПб., 1832, с. 185. В песенниках — с 1870-х годов («Подарок любителям пения. Собрание песен». М.,

1876, кн. 1). Музыка Алябьева (1832), Гречанинова, Рубинштейна и др. Популярный ныне напев возник во второй половине XIX в. на основе песенной традиции, складывавшейся в среде революционной интеллигенции (ноты — ПКИС, с. 14). Многократно записывалась советскими фольклористами в качестве народной песни со значительными изменениями (см. с. 925). О фольклорных вариантах см.: Н. Дурново, «Узник» А. С. Пушкина в народной переделке («Пушкинский сборник» под ред. А. И. Кирпичникова, М., 1900); Н. П. Андреев, Пушкин в фольклоре («Лит. критик», 1937, № 1); Житомирский, с. 14—17.

169. МТ, 1825, № 21, с. 69, под загл. «Цыганская песня». В поэму «Цыганы» входит как песня Земфиры. В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание). Музыка Внелгорского (1825), Алябьева, Верстовского (1831), Рахманинова (из оперы «Алеко»), Кашперова и др. (в XIX в. — 11 композиторов). Будучи в Кишиневе, Пушкин интересовался местным фольклором. Особенно его «занимала известная молдавская песня «Тю ообески питимасура» и еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне — «Арде-ма — фриже-ма» («Жги меня, жарь меня». — В. Г.), с которой уже в то время он породнил нас своим дивным подражанием...» (В. П. Горчаков, Воспоминания о Пушкине. — «Пушкин в воспоминаниях современников», Л., 1950, с. 206). О близости песни к цыганскому фольклору см.: А. Яцимирский, Песня Земфиры в «Цыганах» А. Пушкина и цыганская хора. — «Известия ОРЯС», 1899, т. 4, кн. 1, с. 301—304. Б. Богач находит источник ее в молдавских песнях (Богач, Пушкин и молдавский фольклор, Кишинев, 1963, с. 100—111). Сам поэт в письме к Вяземскому от 27 сентября 1825 г. признавался, что «это очень близкий перевод», не указывая языка подлинника. Напев песни был записан для Пушкина неизвестным лицом и опубликован с поправками Верстовского одновременно с текстом, с примечанием: «Прилагаем ноты дикого напева сей песни, слышанного самим поэтом в Бессарабии».

170. «Литературный музеум на 1827 год», М., 1827, с. 320, под загл. «Испанская песня», с муз. Верстовского (1826). В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1915 г. Известны также романсы Есаулова, Глинки, Даргомыжского, Лурье.

171. СЦ, 1830, с. 34. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831) до 1915 г., с разночтениями. Музыка Даргомыжского (1840-е годы), Направника, Метнера, Ребикова, Слонова, Яковлева.

172. СЦ, 1827, с. 341. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1915 г. Музыка Н. С. Титова (1829), Алябьева (1831), Мельгунова, Глинки (1840) и др. (в XIX в. — 7 композиторов). Посвящено Анне Петровне Керн (1800—1879). Вызвано воспоминанием о первой встрече в доме Олениных в 1819 г. и встречей в Тригорском летом 1825 г., где А. П. Керн гостила у П. А. Осиповой. Упоминается Мамин-Сибиряк, «Горное гнездо», гл. 2.

173. МВ, 1828, № 4, с. 405. В песенниках — с 1830-х годов («Лира Граций», СПб., 1832) до 1915 г., с разночтениями. В устном

исполнении последние три строфы обычно опускаются. Музыка Алябьева (1831), Афанасьева, Кюп и др.

174. «Альбом северных муз на 1828 год», с. 127. В песенниках — с 1830-х годов («Лира Граций», СПб., 1832), с разночтениями. Проникло в лубок (Клепиков, с. 130). Музыка Н. С. Титова (1829), Макарова. Связано с Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой (1792—1880) и вызвано встречей с ней в Одессе.

175. СЦ, 1829 (СПб., 1828), с. 31, под загл. «Два ворона»; одновременно: «Лирический альбом на 1829 год», с муз. Виельгорского. С муз. Верстовского — приложение к «Галатее», 1829 г., № 4, январь. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831) до 1913 г. Музыка также Алябьева (1829), С. Blumenфельда, Даргомыжского (трио), Ребикова (хор), Рубинштейна, Римского-Корсакова (хор). Свободное переложение французского перевода первой половины шотландской баллады Вальтера Скотта. В Стихотворениях (СПб., 1829) в оглавлении названо: «Шотландская песня».

176. СЦ, 1829, с. 148, подпись: А. П. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831) до 1915 г. Написано под впечатлением подлинной грузинской мелодии, услышанной Пушкиным от Глинки, последнему сообщил эту мелодию Грибоедов (Записки, с. 91). Романс Глинки (1828) написан только на первые две строфы стихотворения, 3-ю строфу и обрамляющее повторение Пушкин добавил впоследствии. Музыка также Ю. Арнольда, Балакирева, Ипполитова-Иванова, Лурье, А. Лядова, С. Рахманинова, Римского-Корсакова и др. (в XIX в. — 21 композитор).

А. А. ДЕЛЬВИГ

177—194. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

177. ВЕ, 1814, с. 99, под загл. «Дафна», с примечанием: «(Из Клаудия)», подпись: Д. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», М., 1854, ч. 2) до 1874 г. В ряде песенников ст. 1: «Минуло мне шестнадцать лет...». Музыка Даргомыжского (начало 1840-х годов). Наверяно песней XVIII в. «Минуло мне пятнадцать лет...» (НРП, ч. 2), восходящей к стих. Богдановича (см. с. 97). Клаудий — немецкий поэт Матнас Клаудиас (1743—1815), переводом стихотворения которого и является песня Дельвига.

178. Труды ОлРс, 1820, ч. 12, с. 395, под загл. «Романс», подпись: Д. В песенниках — с 1830-х годов («Песенник для дамского ридикюля и туалета», М., 1831) до 1874 г. Музыка Глинки («Подснежник», 1829), Алябьева (1831). По воспоминаниям Глинки, «эту песню весьма ловко певал М. Л. Яковлев» (Записки, с. 91).

179. ПЗ, 1823, с. 109, под загл. «Песня». В 1828 г. переделано для Глинки, написавшего тогда же романс (Записки, с. 91); оуб-

ликован — «Северный музыкальный альбом на 1832 год», с. 42. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник в двух частях», М., 1854, ч. 2). Иногда приписывалась Кольцову.

180. НЛ, 1822, № 14, с. 31. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1874 г. Музыка Рупина, Алябьева, Варламова. В песенниках первые строки варьируются, иногда повторяя текст первой редакции: «Одинок в облаках месяц плыл туманный...».

181. ПЗ, 1824, с. 22, под загл. «Песня». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1912 г. Музыка Глинки (1827), В. Соколова. В некоторых песенниках приписывается И. Ваненко, М. Суханову, В. Крестовскому.

182. ПЗ, 1824, с. 91, вместе со стихотворением М. Дмитриева «Сын бедный природы...» под общим загл. «Песни». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828).

183. ПЗ, 1824, с. 201. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828). Музыка Яковлева, Литандера, Рупина, Даргомыжского (хор), Н. Соколова, Булахова, Жданова.

184. ПЗ, 1824, с. 315. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1869 г. Музыка Глинки (1834), Алябьева.

185. НЛ, 1823, кн. 5, № 31, с. 80. В песенниках — с 1830-х годов («Карманный песенник...», СПб., 1833, ч. 1) до 1879 г. Музыка Глинки (1834), Алябьева, Даргомыжского, Акименко, Золотарева, Шенка, Германа. Переработка немецкой песни. Посвящено С. Д. Пономаревой, хозяйке литературного салона, которой был увлечен Дельвиг.

186. Труды ОлРс, 1824, кн. 1, с. 68. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», ч. 2, М., 1854). Музыка Литандера («Музыкальный альбом на 1832 год», с. 12), Варламова, Даргомыжского (дуэт).

187. СЦ, 1825, с. 276. В песенниках — с 1820-х годов (СРП, ч. 1) до 1859 г. Музыка Алябьева (1830), Яковлева, Литандера, Даргомыжского.

188. СЦ, 1825, с. 295, вместе со стихотворением «Пела, пела пташечка...» под общим загл. «Русские песни». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1897 г. Фольклорный источник — песня «Скучно, матушка, весной жить одной...». Ср. стихотворение Д. Глебова (с. 300).

189. СЦ, 1825, с. 296 (см. примеч. 188). В песенниках — с 1820-х годов (СРП, ч. 1) до 1905 г. Музыка Яковлева, Литандера, Дмитриева, Нолинского, А. Рубинштейна (хор), Шенка, Донаурова, В. Соколова и др.

190. СЦ, 1826, с. 127. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828). Музыка Алябьева. Возможно, посвящено слыльному

Пушкину (см.: «Молва», 1880, 22 июня). Впервые исполнялась известной цыганской певицей Таней и имела необыкновенный успех. Уже при жизни Дельвига появились песенные варианты. В Новейшем собрании — как «новая песня, петая г. Бантышевой», после ст. 3 следует:

Что ноченьку просидишь?
Я лечу, лечу, лечу
Во угрожие места,
Во угрожие места,
Во ракитовы кусты..

В некоторых песенниках — как «народная песня». Только началом, как и аналогичная песня Цыганова (см. с. 424), напоминает народные песни «Соловей мой, соловей, соловьюшко молодой...» и «Соловей мой, соловеюшка, вольна пташечка...».

191. «Подснежник», 1829, с. 153. В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 2) до 1889 г. Музыка Яковлева.

192. СЦ, 1832, с. 7, вместе со стихотворением «Как за реченькой...» под общим загл. «Русские песни». В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1911 г. Музыка Алябьева. *За турецкой за границей*. Речь идет о войне 1828—1829 гг. Песня не окончена.

193. СЦ, 1832, с. 8 (см. примеч. 192). В песенниках — с 1830-х годов («Собрание русских песен», М., 1839, ч. 1) до 1848 г. Музыка Алябьева (1834). Началом напоминает народные песни: «Как за реченькой слободушка стоит, Во слободушке молода вдова живет...» (Вавилов, с. 177) и «Как за реченькой слободушка стоит, В ту слободку добрый молодец идет...» («Новейший российский песенник...», СПб., 1817).

194. СП, 1830, ч. 1, с. 67; одновременно — СЦ, 1830, с. 64. В песенниках — до 1874 г. Музыка Гречанинова.

Н. М. ИВРАГИМОВ

195. «Труды Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете», ч. 1, 1815, с. 289. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», М., 1854, ч. 1). *С милым рай и в шалаше* — стало крылатым выражением. Неоднократно записывалась собирателями фольклора вплоть до настоящего времени (Гусев, с. 91; Новикова, с. 356). Последняя строфа в пении:

С ним одной любви довольно,
Чтобы век счастливой быть,
А сердечку очень больно
Через злато слезы лить.

196. «Благонамеренный», 1825, № 19, с. 203. В песенниках чередуется с народной песней «Во поле береза стояла...» (Львов — Прач, с. 87). Каждый стих повторяется; после каждого стиха при-

пев, состоящий из «Люли, люли...» и последнего слова предшествующего стиха.

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

197—199. Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства Николая Остолопова, М., 1816.

197. Вместе с двумя другими под общим загл. «Песни». В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1859 г. Фольклорный источник — «Не шумите вы, ветры буйные, вы буйные ветры осенние...» (песня о русско-турецкой войне XVIII в. — см. Трутовский, ч. 2, № 11).

198. ВЕ, 1816, № 19 и 20, с. 207. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный новейший песенник...», М., 1820, ч. 2) до 1864 г.

199. В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1868 г.

Д. П. ГЛЕВОВ

200, 201. Печ. по Элегиям и другим стихотворениям, М., 1827.

200. ВЕ, 1817, № 5, с. 98, вместе с песней «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...», под общим загл. «Русские песни». В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1839 г.

201. ВЕ, 1817, № 5, с. 99 (см. примеч. 200). В песенниках — с 1820-х годов («Избранный песенник...», М., 1820) до 1839 г. Обработка народной песни «Скучно, матушка, весною жить одной...» («Молодчик», СПб., 1790, с. 90). На основе песни Глебова возникла другая, популярная до сих пор: «Вдоль по улице метелица метет...», положенная на музыку Варламовым (см. с. 923).

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

202. Полное собрание сочинений, т. 3, СПб., 1880, с. 141. В песенниках — с 1830-х годов («Полный новейший песенник в тридцати частях...», М., 1835, ч. 11) до 1879 г.

203. СЦ, 1830, с. 124. Печ. по В 1957, с. 219. В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1) до 1869 г. Музыка Сабуровой.

204. «Новоселье», СПб., 1834, с. 244. Печ. по В 1957, с. 244. В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859, ч. 1) до 1913 г. Музыка Булахова, Дюбюка. Навечно стихотворением Пушкина «Бесы»; загл. намекает на «Тройку» Ф. Глинки (см. с. 932).

А. Х. ДУРОН

205. «Соревнователь», 1818, ч. 3, с. 242. В песенниках — с 1830-х годов («Карманный песенник...», СПб., 1833, ч. 2). В устном бытовании значительно сокращено и изменено. Фольклоризованный вариант был очень популярен среди бойцов в годы Отечественной войны, неоднократно записывался фольклористами (см. с. 923). Вызвало ряд подражаний (Ф. Кони, «Кончен, кончен прежний путь...»). Упомянут Н. М. Языковым в «Жар-птице».

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

206, 207. Сочинения и переводы в стихах, М., 1819.

206. Вместе с тремя другими стихотворениями под общим загл. «Песенки». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1882 г. В устном бытовании варьировалась (см., напр., РП XIX в., с. 404).

207. См. примеч. 206. В песенниках — с 1830-х годов («Новейший российский песенник...», СПб., 1836) до 1876 г.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

208—212. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

208. «Благонамеренный», 1819, № 6, с. 332. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1876 г.

209. «Соревнователь», 1821, № 2, с. 204, вместе со стих. «Нет, не бывать тому, что было прежде...», под общим загл. «Элегия», подпись: **. (В изд. 1957 г. ошибочно указан источник текста: Стихотворения, М., 1827 вместо: Стихотворения, М., 1835). В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1). Музыка Глинка (1825), Ф. Бюхнера, Дюбука и др. Упомянуты: Островский, «Бесприданница», д. 2, явл. 3 (поет Лариса); д. 3, явл. 11 (поют Лариса и Илья).

210. СО, 1821, № 7, с. 134, под загл. «Русская песня». В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание) до 1905 г.

211. НЛ, 1823, кн. 6, с. 14, под загл. «Хлое». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1916 г. В посмертных изданиях связывается с С. Д. Пономаревой, чей литературный салон Баратынский посещал вместе с Дельвигом.

212. СЦ, 1827, с. 265. В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание) до 1833 г.

П. А. КАТЕНИН

213, 214. Печ. по Избранным произведениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965.

213. Ф. Ф. Вигель, Записки, т. 6, М., 1892, с. 17. Перевод французской революционной песни «Veillons au salut de l'Empire», написанной офицером Рейнской армии Адрианом-Симоном Буа (1791). Пелась на мотив романса Далеярака из комической оперы «Рено д'Аст» (мелодия — в кн.: А. Радиге, Французские музыканты эпохи Великой французской революции, М., 1934, с. 93). Было популярно в декабристской среде задолго до восстания и после него.

214. «Невский альманах на 1830 год», с. 283, под загл. «Песня». В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 2) до 1868 г.

С. Т. АКСАКОВ

215. ВЕ, 1821, № 14, с. 88. В песенниках — с 1830-х годов («Песенник для дамского ридикюля и туалета», М., 1831). Фольклоризованные варианты («Ехали солдаты со службы домой...», «Один из казаков, наездник лихой...») записывались неоднократно собирателями народной поэзии, вплоть до настоящего времени (см., напр., Чернышев, с. 51, 158; Соколовы, с. 496; Баранов, т. 2, с. 84; Русская баллада, № 331). См. с. 924 и примеч. 668.

В. ГОЛОВИН

216. ВЕ, 1821, № 15, с. 185, вместе со стихотворением С. Н. «Тоска души осиротелой...», под общим загл. «Две песни». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1916 г. О популярности см.: Трубицын, с. 262. «При долинушке стояла...» — народная песня.

П. М. КУДРЯШОВ

217. ВЕ, 1822, № 9, с. 87, подпись: Птр Кдршв. В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 1) до 1859 г. «Ты проходишь, дорогая...» — популярная песня XVIII в. (см. с. 194).

Е. Ф. РЫЛЕЕВ

218—220. Печ. по изд.: Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма, М., 1956.

218. «Русский инвалид», 1822, 17 января, с. 55. В песенниках — с конца XIX в. («Привет Москве», СПб., 1892). Вошло в лубок (Клепиков, с. 189). Песенный вариант см. с. 926. Упоминается: К. Федин, «Необыкновенное лето», П. А. Муханов (1799?—1854) — писатель, офицер Измайловского полка, декабрист, друг Рылеева.

219. РС, 1861, № 4, с. 42. В песенниках — с начала XX в. («Новейший сборник песен. Бродяга», М., 1911). Музыка Полонского.

220. ПЗ, 1825, с. 115. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831). Музыка Грачева. А. А. Бестужев-Марлинский (1797—1837) — поэт-декабрист, друг Рылеева.

221—225. Печ. по изд.: А. А. Бестужев-Марлинский, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961.

221. ПЗ, 1859, кн. 5, с. 9, в контаминации с другой песней («Ты скажи, говори. . .») и концовкой из двенадцати стихов, принадлежащих Пушкину («Как в ненастные дни. . .», эпиграф к 1-й гл. «Пиковой дамы»). Контаминация произошла в устном исполнении, до выхода в свет «Пиковой дамы», и удержалась в быту и позже. Запись напева — А. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. М. — Л., 1950, с. 158. В списке, обнаруженном в бумагах Е. С. Ростопчиной, есть концовка, отсутствующая в остальных:

К островам, к островам,
Братцы!
Кинем в рожу попам
Святцы!

(«Недра», кн. 6, М., 1925, с. 207). *Pucelle* — «*La Pucelle d'Orléans*» («Орлеанская девственница») — поэма Вольтера. *Князь-чудодей* — Константин Павлович, командующий войсками на землях Царства Польского. *Булгарин Ф. В.* (1789—1859) — реакционный писатель. *Танта* — прозвище тетки жены Булгарина. *Магницкий* — см. с. 168. *Мордвинов Н. С.* (1754—1845) — политический деятель, намечавшийся декабристом в состав временного правительства. *Греч Н. И.* (1787—1867) — реакционный писатель; в 1820 г. был заподозрен в составлении прокламации к солдатам, за что, по слухам, был высечен в полиции. *Где Сперанский* и т. д. Сперанский М. М. (1772—1839), в начале века известный своей реформаторской деятельностью, после ссылки проникся религиозными настроениями. *Измайлов А. Е.* (1779—1831) — писатель, издатель ж. «Благонамеренный».

222. ПЗ, 1859, кн. 5, с. 10 (см. примеч. 221), без последних шести стихов (см. примеч. 221). Полностью — Полное собрание сочинений Рыльева, Лейпциг, 1861, с. 333. Более поздняя редакция — список Е. С. Ростопчиной («Недра», кн. 6, 1925, с. 208). В песне имеются в виду дворцовые перевороты 1762 г. (убийство Петра III) и 1801 г. (убийство Павла I). В списке Ростопчиной содержание приурочено к волнениям в Семеновском полку (1820) или даже, возможно, содержит намек на события 14 декабря 1825 г. *Как капитаны Петра* и т. д. — намек на убийство Петра III. *А жена пред дворцом* и т. д. Екатерина II возглавила дворцовый переворот. *Курносый злодей* — Павел I. В последней строфе — намек на убийство Павла.

223. ПЗ, 1859, кн. 5, с. 11, с сокращениями (7 строф из 18) и искажениями. Неполная копия с автографа (14 строф) — А. К. Бороздин, Из писем и показаний декабристов, СПб., 1906, с. 195. Полный (сводный) текст: ЛН, т. 59, 1954, с. 97. Список, отличный от публикуемого, — запись М. А. Бестужева — там же, с. 90. Начальные строки указывают на связь с популярной песней

Нелединского-Мелецкого (см. с. 127). Как и последняя, исполнялась на напев украинской песни «Ой гай, гай, гай, гай зелененький...». *Синюха* — денежный знак стоимостью 5 руб. *А под царским орлом*. Имеется в виду вывеска над кабаками, украшенная гербом.

224. ПЗ, 1859, кн. 5, с. 12, с искажениями и сокращениями. Полный (сводный) текст: ЛН, т. 59, 1954, с. 79. В «Записках декабриста» Д. И. Завалишина ст. 2: «Носит мундир прусский» (СПб., 1906, с. 50). Начало песни неточно цитирует А. О. Смирнова-Россет как песню, которую «всякий раз, бывало» напевал Пушкин во время прогулок в Царском Селе в 1831 г. (Дневник Я. П. Полонского от 27 ноября 1855 г. — «Голос минувшего», 1917, кн. 11—12, с. 156). Песня исполнялась на мелодию комического дуэта «Як приїхав жовнір...» из оперы-водевила П. Н. Семенова «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме» (1817). Об исполнении песен на литературных вечерах см.: Н. И. Греч, Записки о моей жизни, М.—Л., 1930, с. 354. *Князь Волконский* — П. М. Волконский, генерал-адъютант, начальник Главного штаба. *Губернатор в Або* — А. А. Закревский. *Потапов дурный* — А. Н. Потапов, дежурный генерал Главного штаба с 30 августа 1823 г.

225. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 425, под загл.: «Пропущенное стихотворение Рылессва». Исполнялось на напев одной из «подблюдных» песен из сб. Львова — Прача (Попова, т. 3, с. 182) и входило в цикл из семи «подблюдных песен», написанных, очевидно, в основном, одним Бестужевым-Марлинским. Тексты других «подблюдных песен» см.: А. А. Бестужев-Марлинский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961, с. 244—245. Совместно с Рылеевым, кроме публикуемой, была создана песня «Вдоль Фонтанки-реки...». Музыка Книппера, Ковалья и др.

Ф. Н. ГЛИНКА

226—230. Печ. по Избранным произведениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

226. НЛ, № 9, с. 143. В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1) до 1916 г. Подзаголовок «с богемского» указывает на возможный перевод с чешского.

227. «Северная пчела», 1825, 20 июня. Отрывок под загл. «Тройка» — «Русский альманах на 1832—1833 год», с примечанием: «Сия песня, сделавшаяся народной, в первоначальном своем виде составляла часть стихотворения Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине». Она не была напечатана особо и оттого ее пели с разными изменениями. Здесь помещается она по желанию самого сочинителя так точно, как вышла из-под изящного его пера». В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831), в полной (до 1873 г.) и в краткой редакциях. Проникла в лубок (Клепиков, с. 44), иногда в контаминации с песней Анордиста «Гремит звонок, и тройка мчится...» (см. с. 577). Первая строка иногда: «Вот мчится тройка почтовая...». Музыка Рупина, Направника. Песенный вариант — см. с. 927.

228. «Венера на 1831 год», ч. 1, М., с. 36, без подписи. В песенниках — с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859). В некоторых песенниках приписывается К. Рылеву и А. Полежаеву; иногда как «народная песня». Проникла в лубок (Клепиков, с. 186). Поется без последних четырех стрóf с незначительными изменениями в остальных. С нотами — Попова, вып. 3, с. 186. Известны переработки и на болгарском языке (Кауфман, с. 97, 452). *Заневские башни* — бастионы Петропавловской крепости.

229. «Невский альманах на 1827 год», с. 188. В устной передаче с изменениями (Чернышев, с. 93). Начальные строки поются:

На серебряных волнах,
На желтых песочках.

Ст. 1 иногда: «На серебряной реке». Упоминается: Якубович, т. 1, с. 99, 256.

230. «Галатей», 1829, № 37, с. 38. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831) до 1855 г.

Н. М. ЯЗЫКОВ

231—236. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

231. Стихотворения, СПб., 1833, с. 248. В песенниках — с 1830-х годов («Новейший российский песенник...», СПб., 1836) до 1886 г. Музыка Наумана, Главача.

232. ПЗ, 1859, кн. 5, с. 36, с искажениями. По автографу — Полн. собр. стих., М.—Л., 1934. Пародия на «Народный гимн» Жуковского, популярная в студенческой среде.

233. Стихотворения, СПб., 1833, с. 276. В песенниках — с 1830-х годов («Новейший российский песенник...», СПб., 1836) до 1915 г. Музыка Алябьева, Даргомыжского (трио или трехголосный хор), впоследствии использованная в «Русалке» (хор из д. 1 «Ах ты поле мое, поле...»). Популярная в студенческой среде песня — устный вариант текста Языкова и мелодии Алябьева. Третья строфа в пении опускается, последняя изменена (РП XIX в., с. 411).

234. «Денница», с. 120, под загл. «Прощальная песня», подпись: *. В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 2) до 1886 г. С нотами (конец 1820-х годов) из альбома А. А. Воейковой — изд. 1964 г.; также — «Студенческие песни», СПб., [1886], с. 48.

235. Стихотворения, СПб., 1833, с. 269. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 1) до 1886 г. С нотами — «Студенческие песни», СПб., [1886], с. 18. *Марья Петровна* — дочь дерптского купца.

236. «Денница», с. 65. В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1), иногда под загл. «Моряки», — до 1914 г. Музыка Вильбоа (дуэт), Кушелева, Направника (мужской хор). Популярная мелодия — устный вариант муз. Вильбоа (Житомирский, с. 10). На эту мелодию исполнялись также некоторые революционные песни 1860—1870-х годов (Друскин, с. 148—150). В устном исполнении ст. 12: «И поборемся мы с ней»; в последней строфе двустрочия меняются, конец изменен: «Нас туда выносят волны, Будем тверды мы душой».

И. И. КОЗЛОВ

237—243. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1960.

237. СЦ, 1825, с. 269, под загл. «Good night». В песенниках — с 1860-х годов («Новый лучший песенник...», М., 1869). В устной традиции, особенно в тюремной среде, переосмыслена (см. с. 927). Первая 13-й строфы 1-й песни «Чайльд Гарольда» Байрона. Упоминается: Ф. М. Достоевский, «Записки из мертвого дома»; Вс. Крестовский, «Петербургские трущобы».

238. СЦ, 1825, с. 318, под загл. «Ирландская песня. Из Мура». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1855 г. Перевод стихотворения Томаса Мура «As a beam o'er the face of the waters may glow...» из цикла «Ирландские мелодии».

239. СЦ, 1826, с. 20. В песенниках — с 1870-х годов (Веселье и Альбрехт, 1879) до 1916 г. Перевод стихотворения ирландского поэта Чарлза Вольфа (1791—1823) «The burial of Sir John Moog». С муз., восходящей к напеву «Среди долины ровныя...», вошла в устный быт (мелодия легла затем в основу траурного марша «Замучен тяжелой неволей...»). Музыка также Ребикова, Воротникова (мужской хор). *Джон Мур* (1761—1809) — генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном. Упоминается: Гончаров, «Фрегат Паллада».

240. «Невеста абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона. Перевел с английского Иван Козлов», СПб., 1826. В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1) до 1859 г. Музыка Алябьева (муз. альбом «Новоселье», 1832), Кочетова. Песня Зюлейки из «Абидосской невесты» Байрона, ч. 1, гл. 10.

241. СЦ, 1828, с. 29. В песенниках — с 1830-х годов («Лира Граций», 1832). Музыка Алябьева (отд. изд., СПб., 1830), Ю. Арнольда, Бахметьева, Гречанинова, Монюшко, А. Рахманинова, Воротникова, Золотарева (смешанный хор). Распространенный до наст. времени напев восходит к романсу Алябьева, популярному в начале 1830-х годов. Перевод стихотворения Томаса Мура «Those evening bells...» *Т. С. Вдмрв-ой* — посвящение Татьяне Сергеевне Вейдемейер (ум. 1863), близкому другу семьи Козловых.

242. «Стихотворения», СПб., 1828, с. 134. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1856 г. Перевод стихотворения Томаса Мура «At the mid hour of night». Музыка Дерфельдта.

243. БдЧ, 1835, ч. 9, с. 120. В песенниках — с 1850-х годов (П, 1855, ч. 1). Упоминается: М. Горький, «Тюрьма», гл. 6.

Е. В. АЛАДЬИН

244. «Мои досуги», ч. 1, СПб., 1824, с. 1. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1854 г.

И. А. ДМИТРИЕВ

245. ПЗ, 1824, с. 92, вслед за стих. «Голова ль моя, головушка...» Дельвига, под общим загл. «Песни». В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1879 г.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

246—248. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1960.

246. СЦ, 1827, с. 292. Музыка Делюсто. Песня фольклоризировалась (см. с. 928).

247. «Денница», с. 64. В песенниках — с 1830-х годов (НСРП, ч. 2) до 1902 г. Перевод «солдатской песенки» из «Эгмонта» Гете (д. 1, сц. 3).

248. «Стихотворения», М., 1829, с. 124, в составе «Отрывков из „Фауста“». В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831) до 1864 г. Песнь Маргариты из «Фауста» Гете (сц. 15). Датируется по изд. «Б-ки поэта» (Б. с.), 1933.

С. П. ШЕВЫРЕВ

249. «Ураания на 1826 год», с. 12. Печ. по Ш 1939, с. 11. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831) до 1870 г., иногда с примечанием: «Песня московских цыган».

250. МВ, 1827, ч. 5, с. 242. В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание) до 1864 г.

251. МВ, 1828, ч. 10, с. 320, без подписи. С подписью — «Эвтерпа», М., 1831, с. 145. Печ. по Ш 1939, с. 56. В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание).

252. МВ, 1828, ч. 10, с. 318, без подписи. С подписью — «Эвтерпа», М., 1831, с. 111, под загл. «Цыганская песня». Печ. по Ш 1939, с. 55.

Н. М. КОНШИН

253. «Невский альманах на 1826 год», с. 187. В песенниках — с 1850-х годов («Карманный песенник...», М., 1852, ч. 1). Музыка Гурилева («Цыганская»), Альбрехта (хор). Популярность приобрела благодаря исполнению хором московских цыган Г. Соколова.

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

254—262. Печ. по Стихотворениям и поэмам, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

254. «Галатей», 1829, № 10, с. 209, подпись: — 3 — 3. Музыка Огарева (1850-е годы), Рачинского, Размадзе. Мусоргский использовал текст для арии Мало в незаконченной опере «Саламбо».

255. «Эвтерпа», М., 1828, с. 106. В песенниках — до 1879 г. Музыка Рупина («Каватина»), Сокальского.

256. Полежаев, 1832, с. 196. После штурма селения Чир-Юрт (19 октября 1831 г.) Полежаев увидел убитую девушку с перерубленной косой. Эта картина, поразившая воображение поэта, дала повод к стихотворению (Дорожные записки о Кавказе и Северном Дагестане 1851 года, Петра Егорова. — «Русский инвалид», 1857, № 181, с. 749). Как песня распространилась на Кавказе (там же; ср.: «Сборник кавказских военных песен» М. П. Колотилина, Тифлис, 1907, № 9).

257. Полежаев, 1832, с. 171, вместе со стих. «Зачем задумчивых очей...» и «Там на небе высоко...» под общим загл. «Песни». В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859, ч. 1) до 1902 г. Музыка Сокальского (1859), В. Соколова.

258. Полежаев, 1832, с. 173 (см. примеч. 257). В песенниках — в 1850-е годы («Собрание лучших песен, баллад и романсов», М., 1859, ч. 1).

259. «Арфа», М., 1838, с. 103; одновременно — МН, 1838, кн. 2, с. 202. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», М., 1854, ч. 2). Музыка Варламова. Датируется (как и следующее стихотворение) по изд. «Б-ки поэта» (М. с.), 1960.

260. «Арфа», М., 1838, с. 99. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1853, ч. 1). Музыка Ю. Арнольда (1840), Гурилева (1840-е годы), Алябьева, Бакалейникова, Дюбюка (переложение для фортепиано), Маркова (для гитары).

261. «Телескоп», 1836, № 12, с. 51. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 2). Музыка Варламова (1838), Сокальского, Библина, Маркова (для гитары) и др. Упоминается: А. И. Левитов, «Сладкое житье».

262. «Телескоп», 1836, № 12, с. 457. Музыка Главача.

В. И. ПАНАЕВ

263. «Памятник отечественных муз на 1827 год», с. 14. В песенниках — с 1830-х годов («Собрание русских песен», М., 1839, ч. 1) до 1859 г. Музыка Донаурова. О популярности песни см.: Трубицын, с. 473. *Расшива* — лодка.

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

264. СЦ, 1827, с. 259. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 1) до 1891 г. Музыка Кюи, Ребикова (хор), Соловьева (хор), Л. Петрова, Данкмана и др.

П. Г. ОБОДОВСКИЙ

265. «Памятник отечественных муз на 1827 год», с. 197. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1854 г. Музыка Варламова.

266. «Невский альманах на 1830 год», с. 242, с нотами. В песенниках — с 1830-х годов (СП, ч. 1) до 1915 г.

С. Е. РАИЧ

267. «Северная лира», 1827, с. 115, подпись: Р. В песенниках — с 1820-х годов («Эвтерпа», М., 1828) до 1854 г. Упоминается: В. Крестовский, «Тьма египетская», гл. 13; М. Е. Салтыков-Щедрин, «Помпадур и помпадурши», гл. 9.

А. С. ХОМЯКОВ

268. СРП, ч. 2, с. 11. Печ. по изд.: «Ермак. Трагедия в пяти действиях», М., 1832, с. 40. С нотами — «Музыкальный альбом на 1832 год», с. 38. В песенниках — до 1859 г. Музыка Варламова (1839). Песня Софьи из 2-го д. трагедии. В устный репертуар вошла после первой постановки (1827).

269. Полн. собр. соч., т. 4, М., 1900, с. 268. Музыка Неплюева, Чайковского. Известный романс, сохраняющийся в эстрадном репертуаре до наст. времени.

Ф. А. АЛЕКСЕЕВ

270. «Эвтерпа», М., 1828, с. 118. В песенниках — до 1876.

Д. В. РАЕВСКИЙ

271. «Енисейский альманах», 1828, с. 80. С муз. Алябьева — отд. изд., М., 1831, под загл. «Живой мертвец». В песенниках — с 1830-х годов («Лири Граций», 1832) до 1868 г.

В. М. ФЕДОРОВ

272. «Эвтерпа», М., 1828, с. 93. В песенниках — до 1863 г.

273. СО, 1829, № 34, с. 177. В песенниках — с 1830-х годов («Карманный песенник...», СПб., 1835, ч. 3) до 1859 г.

Д. П. ОЗНОВИШИН

274. «Эвтерпа», М., 1828, с. 55. В песенниках — до 1838 г.

275. «Альбом северных муз на 1828 год», с. 251. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863) до 1902 г.

276. МН, 1836, ч. 7, с. 46. В фольклорных сборниках — с 1870-х годов (Ф. Студитский, Народные песни, собранные в Новгородской губ., СПб., 1874. Варианты: Чернышев, с. 58, 164.) Записывалась как народная песня с начала 1850-х годов (С. Г. Лазутин, Очерки по истории русской народной песни, Воронеж, 1964, с. 123, там же см. библиографию песенных вариантов), широко бытовала до 1920-х годов, имеются и современные записи (экспедиции ИРЛИ 1959—1960 гг. в Костромскую обл.).

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

277. «Альбом северных муз», М., 1828. В песенниках — с 1830-х годов («Эвтерпа», М., 1831).

278. «Повести и мелкие сочинения», М., 1837, ч. 2, с. 161. В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859, ч. 1) до 1915 г.

Ж. Л. ЯКОВЛЕВ

279. «Памятник отечественных муз на 1828 год», с. 148, с посвящением А. Г...ой. В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание) до 1859 г.

Ф. Н. СЛЕПУШКИН

280. «Досуги сельского жителя», СПб., 1828, с. 79. В песенниках — с 1830-х годов («Песенник для дамского ридикюля и туалета», М., 1831) до 1855 г.

М. Д. СУХАНОВ

281, 282. «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайлы Суханова», СПб., 1828.

281. В песенниках — с 1820-х годов (НСРП) до 1915 г.

282. В песенниках — в 1830-е годы (СП, ч. 1).

А. КОРСАК

283. «Подснежник», 1829, с. 186. В песенниках — с 1840-х годов («Карманный песенник...», М., 1844). Мелодия возникла в цыган-

ском хоре, аранжирована Глинкой. Проникло в лубок (Клепиков, с. 149—150). В ст. 21 исправлено по смыслу: «с ней» вместо «с ним».

И. И. ВЕТТЕР

284. Отдельное изд., М., 1829, с муз. Алябьева. О романсе см.: Б. Штейнпресс, Страницы из жизни А. А. Алябьева, М., 1956, с. 86—88, 307.

С. Г. ГОЛИЦЫН

285. «Лирический альбом на 1829 год», с муз. Глинки. В песенниках — с 1860-х годов («Петербургский певец...», СПб., 1864).

Н. Г. ЦЫГАНОВ

286. МВ, 1828, ч. 11, с. 108, без подписи, вместе с «Ах туманы вы, туманушки...» и «Ах, спасибо же тебе...» под общим загл. «Три русские песни» и с примечанием: «Мы сими песнями обязаны одному из артистов нашего театра, Н. Г. Цыганову. Кажется, они не были еще нигде напечатаны, по крайней мере две последние». Печ. по Ц 1834, с. 58. В песенниках — с 1820-х годов (Новейшее собрание) до 1913 г.

287. МВ, 1828, ч. 11, с. 110 (см. примеч. 286). Печ. по Ц 1834, с. 38. В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859, ч. 1). Неоднократно записывалась собирателями как народная песня, вплоть до настоящего времени. Окончательная редакция существенно отличается от первой.

288. «Комета», М., 1830, с. 99, под загл. «Песня», подпись: Ц. Печ. по Ц 1834, с. 6. В песенниках — с 1840-х годов («Карманный песенник», СПб., 1841). Музыка Варламова. Текст приписывался Д. Н. Цертелеву (Трубицын, с. 339, 473).

289. «Комета», М., 1830, с. 216, подпись: Ц. В песенниках — с 1840-х годов («Карманный песенник», СПб., 1841) до 1897 г. Текст приписывался Д. Н. Цертелеву (Трубицын, с. 339, 473).

290. «Молва», 1832, 25 марта, с. 97, под загл. «Русская песня», подпись: Ц—в. Печ. по Ц 1834, с. 5. В песенниках — с 1830-х годов (ПНП, ч. 11), иногда с примечанием: «Песня весьма употребительная по прекрасному своему голосу». Музыка Чайковского.

291. «Молва», 1832, 20 мая, с. 161, подпись: Цгнв. Печ. по Ц 1834, с. 10. В песенниках — с 1830-х годов (ПНП, ч. 11) до 1859 г.

292. «Молва», 1832, 22 июля, с. 233, под загл. «Русская песня», подпись: Цгнв. Печ. по Ц 1834, с. 12. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 2). Музыка Шефера, С. Рахманинова. Неоднократно записывалась собирателями как народная песня (см. с. 931).

293. «Молва», 1833, 13 июня, с. 277, под загл. «Русская песня». Печ. по Ц 1834, с. 3. Музыка Варламова («Музыкальный альбом на 1833 год», № 6). В песенниках — с 1830-х годов («Карманный песенник», СПб., 1838, кн. 3).

294. «Музыкальный альбом на 1833 год», № 8, с муз. Варламова. Печ. по Ц 1834, с. 28. В песенниках — с 1830-х годов («Карманный песенник...», СПб., 1835, ч. 3). Проникла в лубок (Клепиков, с. 186). Пользовалась «мировой известностью» (Б. В. Асафьев, Избр. труды, т. 2, М., 1954, с. 83). В настоящее время включается в программы художественной самодеятельности.

295. «Музыкальный альбом на 1833 год», № 5, с муз. Варламова. Печ. по Ц 1834, с. 8. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1).

296. Ц 1834, с. 27. В песенниках — с 1830-х годов («Собрание русских песен», М., 1839, ч. 1). Записывалась как народная песня, вплоть до настоящего времени. Музыка Дюбюка.

297. Ц 1834, с. 1. *Гуляфчик* — уменьшительное от гуляф (персид.) — роза, шиповник.

298. Ц 1834, с. 14.

299. Ц 1834, с. 16. В песенниках — в 1850-е годы (П 1855, ч. 1).

300. Ц 1834, с. 18. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 2) до 1869 г.

301. Ц 1834, с. 19. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 2) до 1894 г. Музыка Варламова.

302. Ц 1834, с. 21. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1859 г.

303. Ц 1834, с. 26. *Некошный* — недобрый, негодный или хилый.

304. Ц 1834, с. 30. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1913 г. Музыка Воротникова, В. Соколова.

305. Ц 1834, с. 32. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 1). В устном репертуаре бытует до наст. времени. Фольклорный источник — песня, встречающаяся с 1770-х годов (Чулков, ч. 1).

306. Ц 1834, с. 34. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 2). *Семик* — седьмой четверг после Пасхи, народный обрядовый праздник, во время которого наряжали березу, водили хороводы.

307. Ц 1834, с. 35. В песенниках — в 1850-е годы (П 1855, ч. 1).

308. Ц 1834, с. 41. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1).

309. Ц 1834, с. 44. В песенниках — в 1850-е годы (П 1855, ч. 1).
310. Ц 1834, с. 46. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1). Первая строфа совпадает с песней М. Н. Загоскина в опере Верстовского «Аскольдова могила» (д. 1, явл. 6). В ст. 26, вероятно, опечатка: чужбинке. Исправляется по рифме.
311. Ц 1834, с. 47. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1916 г.
312. Ц 1834, с. 49. *Посбойничать* — поразбойничать. *Танок* — хоровод.
313. Ц 1834, с. 51. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1877 г.
314. Ц 1834, с. 52. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1916 г.
315. Ц 1834, с. 54. В песенниках — с начала XX в. («Ванька Ключник». Новый песенник, М., 1911). Песня Маши вошла в устный репертуар. Музыка Дюбюка.
316. Ц 1834, с. 55. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 2).
317. Ц 1834, с. 57. В песенниках — с 1850-х годов. (П 1855, ч. 2) до 1909 г. Фольклорный источник — песня «Ах ты ноченька, ночка темная...», встречающаяся в песенниках с конца XVIII в. Приписывалась иногда Кольцову. *Косяцато окошечко* — окно с косяками. Ст. 19 исправляется по «Русским песням Мерзлякова и Цыганова», СПб., 1880, в соответствии с ритмом.
318. Ц 1834, с. 60. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1911 г. Музыка Дмитриева, В. Соколова. Проникла в лубок (Клепиков, с. 190). Записывалась как народная песня, вплоть до настоящего времени.
319. Ц 1834, с. 61. В песенниках — в 1850-е годы («Песни для русского народа...», СПб., 1859, ч. 1).
320. Ц 1834, с. 63. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1).
321. Ц 1834, с. 64. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1912 г. Отдельные строфы использовались в тюремных и др. песнях (Чернышев, с. 54; варианты — там же, с. 161).
322. Ц 1834, с. 67. В песенниках — в 1850-е годы (Собрание, ч. 2).
323. «Литературный кабинет», М., 1842, ч. 2, с. 54, вместе с «Двумя песнями» и стихотворным посвящением П. С. Мочалову. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854) до 1874 г., с разночтениями.

324. «Литературный кабинет», М., 1842, ч. 2, с. 57, вместе с «Ах, молодость, молодость!..», под общим загл. «Две песни».

325. «Литературный кабинет», М., 1842, ч. 2, с. 58. См. примеч. 324. Первым стихом напоминает народную песню «Ах, молодость, молодость!..» («Всеобщий песенник...», М., 1810, ч. 5). Ср. также песню «Ах, молодость, молодость!..» («Эхо», М., 1830), иногда ошибочно приписываемую Цыганову (Трубицын, с. 264).

А. В. БОЛЬЦОВ

326—347. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1958.

326. К 1835, с. 12. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1909 г. Музыка Божановского.

327. К 1846, с. 16. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 1). Музыка Мусоргского (текст сокращен и изменен композитором). Фольклоризированный вариант: Соболевский, т. 5, № 1301. В песенном быту возникло два типа переработок: в стиле городского романа («Против дома сад цветет...» с характерным окончанием: «Ты умрешь и я умру, Милая, с тобою») и вечериночные, игровые «с поцелуями» (см., напр., «Русский фольклор», вып. 3, М. — Л., 1958, с. 125).

328. ЛГ, 1831, 20 октября, с. 227, под загл. «Перстень», с письмом Н. В. Станкевича. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1) до 1908 г. Музыка Булахова, Гурилева, Даргомыжского, С. Рахманинова и др.

329. «Молва», 1835, № 11, с. 171, вместе с «Песней пахаря» под общим загл. «Стихотворения» и с примеч.: «Принадлежит простому русскому мещанину, который занимается ремеслом *прасола*. Вскоре будет издано собрание его стихотворений. Изд.» В песенниках — с 1850-х годов («Карманный песенник...», М., 1852). Музыка Балакирева, Мусоргского, Лозового. Популярный напев, созданный Балакиревым, часто ошибочно приписывается Варламову (последний написал романс на текст А. Тимофеева, начинающийся теми же словами, — см. с. 529). Фольклоризированный вариант: Н. Ф. Истомин, Г. О. Дютш, Песни русского народа, СПб., 1894; контаминация с песней «Вниз по Волге-реке...» — С. Жислина, Рассказы о Толстом, Тула, 1941, с. 144. Проникло в лубок (Клепиков, с. 102).

330. К 1835, с. 15. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1912 г. Музыка Варламова, Гурилева, Монюшко, А. Рубинштейна, В. Соколова; при жизни Кольцова — неизвестного композитора (1841).

331. К 1835, с. 18. В песенниках — с 1850-х годов («Карманный песенник...», М., 1852). Музыка Ю. Арнольда (1840), Гурилева и др.

Арнольд написал песню по совету Белинского («Воспоминания Юрия Арнольда», вып. 2, М., 1892, с. 212—213).

332. «Сборник на 1838 год», СПб., 1838, с. 273. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1). Музыка Варламова, Дюбюка, А. Рахманинова и др. (17 композиторов). Было популярно в качестве городского романса или цыганской песни. Фольклоризированный вариант: «Новый песенник. Красотка моя», М., 1892.

333. ОЗ, 1841, № 4, с. 281. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1). Музыка Варламова, А. Рубинштейна, Н. Соколовского и др. Свидетельство о популярности в крестьянской среде: В. Александров, Деревенское веселье в Вологодской губ. — С, 1864, № 7, с. 184.

334. «Телескоп», 1845, № 3, с. 295 (стихотворение полностью). Фольклоризированный вариант: Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884, с. 585. Музыка Гурилева, Мещерина.

335. «Утренняя заря», СПб., 1839, с. 195. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854). Музыка Архангельского, Воротникова, Кашперова. Датируется по кн.: П. В. Анненков, Литературные воспоминания, М., 1928, с. 270.

336. МН, 1838, № 4, кн. 2, с. 565, под загл. «Русская песня». В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854) до 1913 г. Музыка Бороздина, Бурнашева, Золотарева, Н. Соколовского. Была популярна в среде политических ссыльных в 1880-е годы (Ю. Подбельский, Павел Подбельский. Историко-литературный сборник, М., 1929, № 3, с. 53). В годы Великой Отечественной войны переосмыслено (В. Базанов, За колючей проволокой, Петрозаводск, 1945, с. 45—46).

337. СО, 1838, № 2, с. 99. В песенниках — с 1850-х годов («Полный русский песенник», М., 1859) до 1913 г. Музыка Варламова, Дюбюка, В. Соколова. Поется без последней строфы, иногда с перестановкой других строф (Новикова, с. 375). Песенный вариант: Усов, с. 242. В 1890-е годы проникла в рабочую среду (А. С. Шаповалов, В борьбе за социализм, М., 1934, с. 370).

338. МН, 1838, № 5, кн. 2, с. 215, под загл. «Песня». В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854). Музыка Бармотина, Золотарева, А. Рубинштейна и др. Устный вариант, записанный А. М. Новиковой в 1936 г.: «Русский фольклор», вып. 3, М. — Л., 1958, с. 117.

339. ОЗ, 1839, № 3, с. 275. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», М., 1854, ч. 2). Музыка Балакирева, Бларамберга и др. Фольклоризированный вариант: Бардин, с. 76 (среди «свадебных»). Проникло в лубок, со значительными изменениями, напр., с заменой последней строфы:

Не тоскуй, милый друг,
Не ломай белых рук,
А прощай — я сажусь
И к родимой помчусь.

(Клепиков, с. 98—100)

340. МН, 1839, № 1, с. 26. В песенниках — с 1840-х годов (Авдеева, ч. 1) до 1911 г. С 1875 г. в песенниках ст. 1: «В поле ветер воет». Музыка Варламова, Глинки, В. Соколова, Н. Соколовского и др. Фольклоризированный вариант: Мякутин, т. 3.

341. ОЗ, 1840, № 1, с. 82. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 2). Музыка С. Нагаева (при жизни Кольцова), Климовского, Дюбюка и др. Многократно издавалось в лубке (Клепиков, с. 59). С 1840-х годов распространялось в рукописных песенниках (В. Тонков, А. В. Кольцов, Воронеж, 1958, с. 410—411, примеч. 552). О судьбе «Хуторка» в конце XIX в. свидетельства противоречивы. (Ср.: А. Пругавин, Песни современной деревни. — «Русские ведомости», 1888, № 21; А. Балов, Экскурсы в область русской народной песни. — «Этнографическое обозрение», 1899, № 3, с. 166). Фольклоризированный вариант: Соколовы, № 667. Известны отдельные фольклорные записи советского времени (1940 г. — А. М. Новикова, Курская обл.; 1944 г. — экспедиция Института этнографии АН СССР в Волгоградскую обл. и др.).

342. ОЗ, 1841, № 1, с. 155. В песенниках — с 1850-х годов («Новый полный русский песенник», М., 1856, ч. 1). Музыка Васильева, Золотарева, Ребикова. Проникло в лубок, с разночтениями (Клепиков, с. 147). В устном бытовании иногда контаминировалось со стихотворениями Сурикова «Доля бедняка» и Никитина «Песня бобыля» («Песни и сказки на Онежском заводе», Петрозаводск, 1937, с. 77—78).

343. «Утренняя заря», СПб., 1841, с. 9. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1). Музыка Архангельского, Афанасьева, Бармотина, Бернарда, Дютша, Донаурова, Даргомыжского. Поется с незначительными изменениями (Новикова, с. 377).

344. ОЗ, 1840, № 12, с. 266. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание). Музыка Балакирева, Варламова, Золотарева, Кюи, Римского-Корсакова, Ляпунова, В. Соколова, Н. Щербачева. Популярность приобрело в период революции 1905—1907 гг. (В. Тонков, А. В. Кольцов, Воронеж, 1958, с. 231).

345. ОЗ, 1840, № 12, с. 224. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», М., 1854, ч. 2).

346. ОЗ, 1841, № 2, с. 158. В песенниках — с 1850-х годов («Новый полный русский песенник», М., 1856, ч. 2). Музыка Гурилева, Малашкина.

347. ОЗ, 1843, № 2, с. 300. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 1). Музыка Балакирева, Варламова и др. Фольклоризиро-

ванный вариант: Ф. Студитский, Народные песни, собранные в Новгородской губ., СПб., 1874, с. 18. Исполнялась как вечериночная игровая песня в 1860-е годы в Пермской губ. Упоминается: Н. Г. Чернышевский, «Что делать?».

А. И. ОДОЕВСКИЙ

348. РБ, 1859, № 16, с. 10. Музыка декабриста Ф. Ф. Вадковского (ноты по списку И. И. Пущина — ЛН, т. 60, кн. 1, М., 1956, с. 246—270). По воспоминаниям М. А. Бестужева, исполнено впервые слышимым декабристом А. И. Тютчевым в годовщину восстания 14 декабря 1829 (или 1830) года в каземате Петровского завода (Воспоминания Бестужевых, М. — Л., 1951, с. 294—295). Пущин относил создание и первое исполнение к 1835 году.

М. А. БЕСТУЖЕВ

349. «Собрание стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862, с. 183, под загл. «Песня», дата — 1827, как стихотворение А. А. Бестужева. Печ. по «Былое», 1907, № 8, с. 27. По воспоминаниям М. Бестужева, создано им под впечатлением разговора с А. И. Тютчевым и впервые исполнено последним тогда же, когда и «Славянские девы» Одоевского (см. примеч. 348). По свидетельству Семейского, косвенно подтверждаемому датировкой Пущиным музыки Вадковского к «Славянским девам», стихотворение Бестужева могло быть создано 29 декабря 1835 года, в связи с десятой годовщиной восстания Черниговского полка (ЛН, т. 60, кн. 1, М., 1956, с. 270). Исполнялось на мелодию песни Львова «Уж как пал туман...» (см. с. 187) в обработке Гурилева (В. Гирченко, Музыка в казематах декабристов в годы сибирской каторги. — СМ, 1950, № 3). Проникло в народную среду (М. Богданова, Из истории декабристского фольклора. — «Енисей», 1956, кн. 17, с. 233—234). *Муравьев идет...* — С. И. Муравьев-Апостол (1796—1826), декабрист, подполковник, возглавивший восстание Черниговского полка.

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

350—352. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961.

350. СО, 1830, № 32, с. 311. В песенниках — в 1850-е годы («Песни для русского народа...», СПб., 1859). Музыка Алябьева. Романс Ольги из повести «Испытание».

351—352. МТ, 1832, № 2, с. 187, 199.

1. Музыка Алябьева (1834). «Старинная песня» из повести «Аммалат-Бек» (поет Аммалат). Написана под впечатлением стих. «Хищники на Чегеме» А. С. Грибоедова.

2. В песенниках — в 1840-е годы (Авдеева, ч. 1). Музыка Алябьева (1834). «Смертные песни» из повести «Аммалат-Бек». *Азраил* — ангел смерти у мусульман.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

353—355. Печ. по Полному собранию стихотворений. «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

353. «Телескоп», 1832, № 13, с. 22. С муз. Бегичевой — отд. изд., М., [1873]. Музыка также С. Рахманинова (1896), Гречанинова (хор), Золотарева, Ребикова (хор), Н. Соколова, Черепнина (дуэт), Анцева (хор) и др. (около 20 композиторов). Особенно популярен романс С. Рахманинова.

354. М, 1850, № 8, с. 290. В песенниках — с 1900-х годов («Русские песни», М., 1908, ч. 4). Музыка Чайковского (1881), Гречанинова, Глиэра, Метнера, Золотарева, Саца, Ребикова (хор), Черепнина, Анцева, Кашперова, Шефера и др. (свыше 20 композиторов).

355. «Заря», 1870, № 12, с. 26. Музыка Донаурова, Б. Шереметьева, обр. Спиро. К. Б. — А. М. фон Лерхенфельд, в замужестве баронесса Крюденер (1808—1888). *Время золотое* — 1822 г., когда Тютчев познакомился с ней в Мюнхене.

Е. П. РОСТОПЧИНА

356—358. Печ. по Стихотворениям, т. 1—2, СПб., 1857.

356. Стихотворения, СПб., 1841, с. 9. В песенниках — с 1860-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1863) до 1909 г. Музыка Кочубей (отд. изд., СПб., ц. р. 22 ноября 1857 г., вместе с «ответом» на романс — романсом «Скажите ей» на слова Н. А. Долгорукова, исполнявшимся известным певцом Г. Тамберликом). В 1890 году брат поэтессы напечатал посмертно окончательную редакцию стихотворения (Сочинения, СПб., 1890, т. 1), однако романсом стали первые две строфы редакции 1856 года. Приводим романс Долгорукова, составлявший с романсом Ростопчиной целостную музыкально-поэтическую композицию:

Скажите ей, что пламенной душою
С ее душой сливаюсь тайно я.
Скажите ей, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя.
Скажите ей, как страстно и как нежно
Люблю ее, как бога херувим.
Скажите ей, что в грусти безнадежной
Увяну я, бездушной нелюбим.
Скажите ей!

Скажите ей, как дорого мне стоит
И трудно мне притворным с нею быть.
Скажите ей, как томно сердце поет,
Когда велит она любовь таить.
Скажите ей, какое мне страданье,
Когда спокойно глаз ее глядит,

Когда взамен немого обожанья
Она как льдом мне душу холодит.
Скажите ей!

Деборд-Вальмор Марселлина (1786—1856) — французская поэтесса, чьи стихи, положенные на музыку, были известны в России.

357. Стихотворения, СПб., 1841, с. 47, вместе с двумя другими под общим загл. «Простонародные песни». Музыка Даргомыжского. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 1) — близкий текст («Дайте крылья мне, Дайте волюшку...»), иногда приписываемый Кольцову.

358. Стихотворения, т. 2, СПб., 1856, с. 263. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка Чайковского (1869). *Новосильцева* М. А. — знакомая Ростопчиной.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

359. «Муромские леса. Повесть в стихах. Сочинение Александра Вельтмана», М., 1831, с. 22. В песенниках — с 1830-х годов («Карманый песенник», СПб., 1838, кн. 2). Музыка Варламова («Музыкальный альбом на 1833 год», № 3), Алоиза, Алябьева, Кашина. Фольклоризированный вариант: Н. Е. Ончуков, Северные народные драмы, СПб., 1911, с. 76. Проникло в лубок (Клепиков, с. 146). Песня, которую поют разбойники по просьбе героя повести Буривора. Кроме этой песни, в «Муромских лесах» есть еще две песни разбойников; одна из них — «Полюбил всей душой...» — также вошла в быт (Якуб, с. 88).

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

360. «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии при Петре Первом», М., 1831, ч. 2, гл. 3. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник», М., 1856, ч. 2) до 1911 г. Музыка Алябьева («Заунывная песня», 1834), Варламова («Соловушка»). Песня, которую поет герой повести Новик как «заветную» песню старинны.

И. Ю. ЛЕРМОНТОВ

361—377. Печ. по Избранным произведениям, в двух томах, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

361. «Одесский альманах на 1840 год», 1839, с. 702. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка Варламова, Метнера, С. Рахманинова, Римского-Корсакова, Рубинштейна. Упоминается: И. Репин, «Далекое — близкое»; А. Толстой, «Хождение по мукам» («Хмурое утро», гл. 16).

362. ОЗ, 1841, № 10, с. 161. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869) до 1913 г. Музыка Варламова, Маренича, Зорова, А. Рубинштейна.

363. «Саратовский листок», 1875, 16 ноября. Музыка Агренева-Славянского. Фольклоризированный вариант: «Ученые записки Института языка и литературы», М., 1928, т. 2. В устном исполнении сокращено, изменен конец:

Рыбак, рыбак веселый,
Оставь, оставь меня.
Ты плакать не способен,
Терзаешь ты меня.

364. ОЗ, 1839, № 4, с. 131. В песенниках — с 1850-х годов (НП, ч. 1) до 1914 г. Музыка Пауффлера (1854), Виардо-Гарсия, А. Рубинштейна (соло и хор) и др. (8 композиторов).

365. С, 1837, № 2, с. 207. Проникло в лубок (Клепиков, с. 189). Музыка Амани, Брянского. Исполняется как солдатская строевая песня (Брянского). Вариант — Гиппиус, с. 16.

366. «Одесский альманах на 1840 год», Одесса, 1839, с. 567. В песенниках — с 1850-х годов (НП, ч. 1) до 1916 г. Музыка Паскуа, А. Рубинштейна (1878), С. Танеева. Фольклоризированные варианты: Мякутин, ч. 4, с. 267; С. Максимов, Сибирь и каторга, ч. 4, Приложение, Тюремные песни (СПб., 1871). О лермонтовских мотивах в песнях ссыльных см.: Ядринцев. О проникновении в устный репертуар см.: Симаков, с. 107. Упоминается: Д. Мамин-Сибиряк, «Золотуха». Известна в Болгарии (Кауфман, с. 269).

367. ОЗ, 1839, № 11, с. 272. В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859, ч. 1). Музыка Даргомыжского (конец 1830-х — 1840-е годы), Глинки, Гурилева, Булахова, Дютша, Ф. Листа, Направника и др. (свыше 30 композиторов). О распространении песни в быту см.: ЛН, т. 43—44, 1941, с. 356—357. Упоминается: М. Альбов, «Ряса» (роман).

368. ЛГ, 1840, 20 января, стлб. 133. В песенниках — с 1880-х годов (Русский песенник. «В бурю, во грозу...», СПб., 1889) до 1912 г. Музыка Даргомыжского (1847), Гурилева.

369. ОЗ, 1840, № 5, с. 1. В песенниках — с 1860-х годов («Новейший карманный русский песенник...», М., 1863). Переработка стихотворения австрийского поэта-романтика И.-Х. фон Цедлица (1790—1862) «Das Geisterschiff» (12-я строфа навеяна его же балладой «Ночной смотр» в переводе Жуковского). Музыка Верстовского, Глинки. Свидетельство о проникновении в крестьянскую среду: В. Х<арузина>, На Севере (Путевые воспоминания), М., 1890, с. 93. Была популярна главным образом в городской среде.

370. ОЗ, 1842, № 2, с. 127. Была популярна в студенческой среде (Аристов, с. 74) и среди заключенных (Белоконский, с. 208—209).

371. Стихотворения М. Лермонтова, СПб., 1840, с. 167. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863) до 1879 г. Музыка Даргомыжского (1841—1842),

Бларамберга (хор), Варламова, Огарева, А. Рубинштейна, Римского-Корсакова (жепский хор), Кюи (дуэт) и др. (более 10 композиторов).

372. ОЗ, 1840, № 2, с. 245. В песенниках — с 1850-х годов (НП, ч. 1). Музыка Варламова (1861), Виардо-Гарсиа, Гречанинова, Направника и др. (свыше 20 композиторов). Фольклоризированный вариант: Догадин, 69. О бытовании песни в Сибири см.: Г. Виноградов, Детский фольклор и быт, Иркутск, 1925, с. 38. В устном исполнении ст. 1 иногда: «Спи, малютка мой прекрасный». По преданию гребенских казаков, Лермонтов слышал песню казачки после битвы при Валерике (Леонид Семенов, Лермонтов и Толстой, М., 1914, с. 119). Приурочение факта опровергается временем публикации стихотворения, но предание ценно как свидетельство связи стихотворения с народной поэзией. Сохранилось известие, что музыку к песне написал сам поэт (Д. Гинцбург, О русском стихосложении, Пг., 1915, с. 175).

373. ОЗ, 1840, № 7, с. 1. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 2) до 1916 г. Переложение стихотворения Гете «Über allen Gipfeln...» («Wänders Nachtlied»). Музыка Н. А. Титова (1845), Варламова, Вик. Калнинникова (хор), Ф. Блуменфельда, Ипполитова-Иванова (хор) и др. (более 10 композиторов). Имеется свидетельство А. Григорьева об исполнении песни хором московских цыган («Московский городской листок», 1847, № 43, с. 174).

374. ОЗ, 1843, № 4, с. 332. В песенниках — с 1870-х годов («Петербургский увеселительный песенник...», СПб., 1873). Музыка Давыдова (1878), Дмитриева, Огарева, Шашинной и др. (всего 9 композиторов). О проникновении в народную среду см.: А. Эртель, Записки степняка, СПб., 1883, ч. 1, с. 156; Симаков, с. 107; Розанов, с. 427; Вл. Александров, Деревенское веселье в Вологодском уезде. — С, 1864, т. 7, с. 175.

375. ОЗ, 1843, № 4, с. 183. В песенниках — с 1860-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1863). Музыка Балакирева, А. Толстой, Пауфлера. О бытовании песни см.: Г. И. Успенский, Письма из Сербии. — Полн. собр. соч., т. 5, СПб., 1908, с. 659; «Народная драма Царь Максимилиан». Тексты, собранные и приготовленные к печати Н. Виноградовым, СПб., 1914, № 177; Симаков, с. 107.

376. ОЗ, 1843, № 4, с. 229. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник...», СПб., 1907) до 1916 г. Первое упоминание относится к 1870 г. (П. Засодимский, «А ей весело, — она смеется»). Музыка Направника. Проникло в лубок (Клепиков, с. 178). В основе стихотворения — вариант народной грузинской легенды о царице Дарье (Дареджап).

377. ОЗ, 1843, № 6, с. 194. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854). Музыка Н. А. Титова, Дмитриева, Булахова, Гурилева, С. Голицына и др. (всего 28 композиторов). Стихотворение, вероятно, посвящено Е. Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой он встречался

летом 1841 г. в Пятигорске. *Подруга юных дней* — В. А. Бахметьева (урожденная Лопухина).

А. А. ШАХОВСКОЙ

378. «Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь», СПб., 1836, с. 30 (ц. р. 20 дек. 1832 г.). Первая постановка — 12 октября 1832 г. «Бурлацкая» песня Башлыка. В песенниках — с 1850-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1853 г.) по 1880 г. Музыка Варламова. Стала популярной песней, фольклоризировалась, ст. 1 часто: «Вниз по Волге-реке...». Песенные варианты — ПРП, 1950, с. 80; Новикова, с. 388; народный напев — Попова, вып. 3, с. 104.

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

379. А. И. Герцен, Тюрьма и ссылка, Лондон, 1854. Печ. по А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1956, с. 203. Вариант: «Мир божий», 1906, № 2, с. 121. Пелась в кружке Герцена — Огарева. Исполнялась хором 8 июля 1834 года, в момент ареста большой группы студентов Московского университета на квартире провокатора Скаретки (А. И. Герцен, «Былое и думы», ч. 2, гл. 12). Иногда приписывается Полежаеву. Герцен называет ее «известной песней Соколовского». На следствии Соколовский отрицал свое авторство, заявив, что песню он слышал летом 1826 г. Однако это показание, имевшее целью смягчить приговор, не может служить основанием для пересмотра свидетельства Герцена.

А. В. ТИМОФЕЕВ

380. Т 1833, отд. 2, с. 7, с посвящением: «Моей мат. А. Н. Т. ....ой». Печ. по Т 1837, ч. 1, с. 270.

381. Т 1833, отд. 2, с. 21, с посвящением: «П. И. Вис...су». Музыка Даргомыжского (1836), Бахметьева. Романс Даргомыжского — без двух последних строк.

382. Т 1835, ч. 1, с. 55, с посвящением: (***). Печ. по Т 1837, ч. 1, с. 147. Музыка Даргомыжского (1835), Бларамберга. Была популярна в среде демократического студенчества середины и конца XIX века, одна из любимых песен В. И. Ленина («Воспоминания родных о В. И. Ленине», М., 1955, с. 117). Упоминается: Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Падающие звезды», гл. 31.

383. Т 1835, ч. 1, с. 60, с посвящением: «А. И. В. ....вой». Печ. по Т 1837, ч. 1, с. 278.

384. Т 1835, ч. 1, с. 83, с посвящением: (***). Печ. по Т 1837, ч. 1, с. 286. Музыка Варламова. Упоминается: П. Д. Боборыкин, «Василий Теркин», ч. 3, гл. 5.

385. Т 1835, ч. 2, с. 140, с посвящением: «Н. П. У—ву» (Николаю Павловичу Умову). Печ. по Т 1837, ч. 1, с. 296.

386. БдЧ, 1837, т. 25, с. 12. Печ. по Гербелью, с. 441. В песенниках — с 1850-х годов (НП, ч. 1) до 1916 г., иногда как «народная». Музыка Алябьева, Броуна, Макарова, В. Соколова, Соловьева.

387. БдЧ, 1838, т. 26, с. 98. Печ. по Гербелью, с. 441. В песенниках — с 1850-х годов («Карманный песенник...», М., 1852). Музыка Варламова. Упоминается: А. Ф. Писемский, «Комик», гл. 3; Н. Н. Златовратский, «Хлопцы».

388. Гербель, с. 441. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863) до 1907 г. Музыка Бахметьева.

А. П. СЕРЕБРЯНСКИЙ

389. «Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 год», Воронеж, 1906, отд. 3, с. 63. В песенниках — с 1860-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1863). В устной передаче подверглось переработке (см. с. 933).

В. И. ТУШАНСКИЙ

390. Отд. изд. с муз. Даргомыжского, СПб., 1843, под загл. «Голубые глаза». Печ. по Стихотворениям и письмам, СПб., 1912, с. 217. В песенниках — с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859) до 1908 г. Датируется приблизительно, по времени создания романа Даргомыжского. А. О. Смирнова, урожд. Россет (1810—1882) — фрейлина; была дружна со многими писателями, известна своими «Воспоминаниями о Жуковском и Пушкине» и автобиографическими «Записками».

391. «Утренняя заря на 1839 год», с. 128. Музыка Даргомыжского («Одалиска», 1839). *Гурии* (араб.) — в мусульманской мифологии вечно юные, прекрасные девушки, обитающие в раю и служащие наградой правоверным магометанам. *Гяур* (араб.) — безбожник, инаковерующий, здесь: русский.

И. П. МЯТЛЕВ

392. Собрание стихотворений, СПб., 1835 (ц. р. 22 декабря 1834 г.), с. 61. В песенниках — с 1850-х годов («Собрание русских песен», М., 1857). Музыка Паскуа.

393. Сочинения, т. 1, СПб., 1857, с. 6. Печ. по изд. «Русская потаенная литература XIX столетия», ч. 1, Лондон, 1861, с. 240. В песенниках и лубочных изданиях — с 1850-х годов (Клепиков, с. 139), тогда же появляются и пародии типа «Приказчики-сударики Кутят себе, кутят...» (Клепиков, с. 188). В устном исполнении сохраняются строфы 1, 4, 5, 7 и припев.

394. Сочинения, т. 1, СПб., 1857, с. 20. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869), иногда как «тюремная».

Н. Ф. ПАВЛОВ

395—397. Печ. по Повестям и стихам, М., 1957.

395. «Радуга», 1830, с. 9. Музыка Верстовского (там же).

396. Отд. изд. с муз. Глинки, СПб., 1834. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник», М., 1869). Музыка также Даргомыжского (1848), Нагеля. Основание датировки — свидетельство Глинки («Записки», с. 147). Упоминается: Писемский, «Масоны», ч. 1, гл. 2; Маркевич, «Четверть века назад», ч. 1, гл. 22. В песенниках начала XX в. приписывается Ростопчиной.

397. РВ, 1856, № 11, с. 512, без последних 4 ст. Музыка Глинки (1856), Дмитриева, Кузьминского. Глинка писал Кукольнику: «Павлов на коленях вымолил у меня музыку на слова его сочинения, в них обруган свет, значит и публика, что мне зело по нутру» (М. И. Глинка. «Литературное наследие», т. 2, Л.—М., 1953, с. 570).

398. Печ. по изд. «Русский бытовой романс второй половины XIX века», М.—Л., 1948, с. 16. В песенниках — с 1880-х годов («Новый русский песенник», М., 1883). Музыка Булахова (1860).

И. П. ЕРШОВ

399. БдЧ, 1834, т. 7, с. 12. Переработанное, послужило источником популярной с 1880-х годов песни «Как на дубе на высоком...» (Померанцева, 1957, с. 318). См. с. 934.

400. «Осенний вечер», СПб., 1835, с. 63, в драматической повести «Фома Кузнец» (песня Луки). В песенниках с 1860-х годов («Новейший петербургский песенник...», СПб., 1864) до 1910 г. Музыка Алябьева («Застольные песни», М., 1839). Включалось в народную драму «Царь Максимилиан» (Н. Е. Ончуков, Северные народные драмы; СПб., 1911). Фольклоризированные варианты: Бирюков, 1936, с. 270; Новикова, с. 391. Имеется запись от сормовских рабочих с заменой «что в Тобольске кузнеца» на «сормовского кузнеца» и с др. разночтениями (ИРЛИ, РV, к. 54, п. 2, № 26).

Ф. А. КОНН

401. БдЧ, 1835, т. 11, с. 27, под загл. «Баркарола». Печ. по «Пантеону русского и всех европейских театров», 1841, № 3, с. 44. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 2) до 1916 г. Музыка К. Арнольда (приложение к «Пантеону», 1841, № 3), Варламова. Боткин Василий Петрович (1810—1869) — литератор. Софи Ге (1776—1852) — французская писательница. Риальто — здесь: селение близ Венеции.

В. И. КРАСОВ

402—405. Печ. по изд.: «Поэты кружка Н. В. Станкевича», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

402. «Телескоп», 1835, № 7, с. 390. Музыка Балакирева, Корещенко, В. Соколова, Шефера (мелодекламация).

403. МН, 1838, кн. 5, с. 78, без подписи. Музыка Корещенко.

404. ОЗ, 1842, № 1, с. 123. В песенниках — с 1880-х годов («Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения...», СПб., 1884). Проникло в лубок (Клепиков, с. 192). В устном исполнении и в песенниках начало: «Я вновь пред тобою стою очарован и в ясные очи гляжу...».

405. В. Красов, Стихотворения, М., 1859, с. 177. Музыка Щуровского, Булахова.

М. А. ОФРОСИМОВ

406. «Музыкальный альбом на 1835 год», № 15, с муз. Н. А. Титова. В песенниках — с 1830-х годов («Новейший российский песенник...», СПб., 1836) до 1865 г. По словам исследователя, «в 40-х годах не было музицирующей барышни, которая не пела бы романс...» (С. К. Булич, Дедушка русского романса Н. А. Т., СПб., 1900, с. 7).

Е. П. ГРЕВЕНКА

407—410. Печ. по Сочинениям, т. 5, СПб., 1862.

407. «Альманах на 1838 год», с. 311. В фольклорных сборниках — с 1890 г. (Мякушин, с. 198). Музыка Алябьева, Подгорецкого. В основе стихотворения — украинские народные песни. В устном бытовании подверглась изменениям (Догадин, с. 107). Включалось в состав народной драмы (И. Абрамов, «Царь Максимилиан», СПб., 1904, с. 7). Упоминается: М. Шолохов, «Тихий Дон» (неоднократно).

408. «Русская беседа», СПб., 1841, т. 2, б/с. В песенниках — с 1850-х годов («Карманный песенник...», М., 1852) до 1892 г. Музыка Алябьева. В устном исполнении обычно опускались 6-я и 8-я строфы.

409. ОЗ, 1841, т. 19, с. 65. Музыка Ларме. В устном бытовании подверглась переработкам (Баранов, вып. 2, № 84). Неоднократно записывалась как народная песня. Особенно популярна была в годы гражданской и Великой Отечественной войны; песенные варианты: Парилов, с. 169; Песни и сказки Пензенской области, Пенза, 1953, с. 192; Новикова, с. 390. Пользуется успехом у участников современной художественной самодеятельности. Ст. 1 чаще поется: «Помню, я еще молодушка была...». Имеются переработки (см. с. 935). Народный напев — Попова, вып. 3, с. 124.

410. ЛГ, 1843, № 3, с. 54. В песенниках — с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859). Популярный «цыганский» романс. С успехом исполнялся Шаляпиным. Упоми-

нается: А. П. Чехов, «Шампанское»; Вс. Крестовский, «Торжество Ваала», гл. 10.

ВИРКОМСКИЙ

411. БдЧ, 1838, т. 29, с. 51. В песенниках — с 1850-х годов («Новый русский песенник...», М., 1854, ч. 1). Музыка Гурилева (1845). Упоминается: А. Н. Островский, «Бесприданница», д. 2, явл. 3 (поет Лариса).

Н. В. КУКОЛЬНИК

412. Отд. изд., [СПб.], б. г., с муз. Глинки (1838). В песенниках — с начала XX в. («Русская песня», 1907, ч. 2). Посвящено Глинкой его ученице Каролине Иосифовне Колковской (1823—1857). Датируется по «Запискам», с. 196.

413. БдЧ, 1840, т. 42, с. 7. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863). Музыка Глинки («„Прощание с Петербургом“. Романсы и песни. Слова Н. В. Кукольника. Музыка М. И. Глинки», СПб., <1840>), Варламова, Броуна, В. Соколова. Популярность романса Глинки объясняется тем, что он написан в стиле бытовой «русской песни» 1820—1830-х годов. Цикл «Прощание с Петербургом» создавался летом — осенью 1840 г. и состоял из 12 романсов. Кроме «Жаворонка» в него входят: «Колыбельная песня», «Болеро» («О дева чудная моя...»), «Давно ли ты розой роскошно цвела...», «Стой, мой верный буйный конь...», «Баркарола» («Уснули голубые...»), «К Молли» («Не требуй песен от певца...»), «Еврейская песня» (Песнь Рахили из «Князя Холмского»), «Кто она и где она...» (романс Риццио из неоконченной поэмы Кукольника «Давид Риццио»), «Рыцарский романс» (песня Депорта из романа «Эвелина де Валлероль»), «Попутная песня», «Прощальная песнь»; последнюю Стасов назвал «самым совершенным из этих романсов» (В. В. Стасов, Избр. соч., т. 1, М., 1952, с. 448—449. Датируется по кн.: «М. И. Глинка. Литературное наследие», т. 1, Л.—М., 1952, с. 442.

414. БдЧ, 1840, т. 43, с. 111, в драме «Князь Даниил Васильевич Холмский». В песенниках — с 1850-х годов (Собрание). Музыка Глинки (сентябрь — октябрь 1840). «Веселая» песня Ильинишны, хозяйки дома (акт 1, явл. 2). Хотя драма выдержала всего три представления, но песня Ильинишны оказалась популярной. Другая песня из драмы Кукольника, песнь Рахили («С горных стран...»), вошла в репертуар сектантов (свидетельство Ю. Н. Тынянова — Розанов, с. 583). О датировке см. примеч. 413.

В. С. МЕЖЕВИЧ

415. «Репертуар русского театра», 1839, кн. 12, с. 3, в пьесе «Артур, или Шестнадцать лет спустя». В переработанном виде стала популярной песней (см. с. 934).

416. «„Колосья“, сноп первый», СПб., 1842, с. 38. В песенниках — с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник»,

СПб., 1859). Включалось в состав народной драмы «Шлюпка» (Ончуков, Северные народные драмы, СПб., 1911, с. 87).

С. И. СТРОМИЛОВ

417. Отд. изд., М., [1839], с муз. Варламова. В фольклорных сборниках — с 1890-х годов (Железновы, с. 77). Популярна до настоящего времени. Песенный вариант — ПРП, 1957. Ст. 1 поется: «Зачем сидишь до полуночи...» Последняя строфа обычно опускается. Поется на мелодию, отличающуюся от музыки Варламова.

418. Отд. изд., М., б. г., с муз. Варламова. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание, ч. 1), в 1900-е годы — как «народная». В устном репертуаре удерживается до наст. времени. Мелодия Варламова переработана. Упоминается: Ф. Гладков, «Повесть о детстве», гл. 25.

Э. И. ГУВЕР

419—421. Стихотворения, СПб., 1845.

419. В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859). Музыка Варламова (1845), Макарова и др.

420. Музыка Гурилева, Макарова. Сохраняется в репертуаре современных исполнителей романсов.

421. В песенниках — с 1850-х годов («Песни для русского народа...», СПб., 1859) до 1901 г. Музыка Дютша, Пасхалова.

В. А. СОЛЛОГУБ

422. М 1841, ч. 6, № 11, с. 5. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка Направника. Приобрело известность среди студентов Дерптского университета в 1830-е годы, позже в переработанном виде стало популярным городским романсом (РП XIX в., с. 28). Ст. 1 поется: «Накинув плащ, с гитарой под полою...».

Н. АНОРДИСТ

423. «Альманах на 1840 год Н. Анордиста», М., 1840, с. 70, без подписи, вместе с тремя другими стих., под общим загл. «Тройки». В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 2). Поется без первой и последней строф. Музыка Булахова. Проникло в лубок (Клепиков, с. 48) с разночтениями, ст. 1: «Гудит звонок...» Иногда соединяется с песней Ф. Глинки «Тройка» (Клепиков, с. 44). Песенный вариант: «Подарок любителям пения», М., 1877, № 202.

Л. Н. ИБРАГИМОВ

424. «Стихотворения Льва Ибрагимова», Казань, 1841, с. 54, вместе с другими стихотворениями под общим загл. «Русские песни». В песенниках — с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859). Проникло в лубок с разночтениями (Клепиков, с. 122—123, 235).

Н. П. ОГАРЕВ

425—430. Печ. по Стихотворениям и поэмам, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956.

425. ОЗ, 1840, № 10, с. 225. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший петербургский песенник», СПб., 1862). Музыка Алябьева (1851).

426. ОЗ, 1842, № 3, с. 2. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка Алябьева (1842). Проникло в лубок (Клепиков, с. 138, 180).

427. ОЗ, 1842, № 10, с. 174. Музыка самого Огарева.

428. ОЗ, 1842, № 5, с. 2. Музыка Алябьева, Гурилева.

429. ПЗ, 1857, с. 173. Была популярна в среде политических заключенных еще до опубликования. Музыка, возможно, — самого Огарева (Житомирский, с. 26). Нотная публикация: ПКиС, с. 16. О фольклорной обработке песни см.: А. С. Пругавин, Песня о часовом и барине («Нижегородский сборник», 1905, с. 288—289); Белокопский, с. 207—208. В среде петроградских рабочих сложены две новые строфы (ИРЛИ, РВ, к. 83, п. 1, № 17). Мелодия песни использована Шостаковичем в 11-й симфонии. Имеются современные записи («Фольклор семейских», с. 280). Известны также переработки на болгарском языке (Кауфман, с. 471).

430. ПЗ, 1862, с. 166, в поэме «Забывшие» (закрывающая песня). Встречается в нелегальных песенниках 1860—1880-х годов. Пелась на мелодию народной песни «Вниз по матушке по Волге...» (Житомирский, с. 23—24).

И. С. ТУРГЕНЕВ

431—433. Печ. по Сочинениям, т. 1, М.—Л., 1960.

431. ОЗ, 1841, № 11, с. 308, подпись: Т. Л. Музыка Оленина, А. Рубинштейна (1891). Последний романс приобрел популярность в исполнении Ф. Стравинского (которому он посвящен композитором) и особенно Ф. Шаляпина. Стихотворение восходит к «разбойничьим» песням и к народным балладам.

432. Сб. «Вчера и сегодня», кн. 1, СПб., 1845, с. 67, вместе с двумя другими стихотворениями под общим загл. «Вариации».

Как «цыганская» песня — в отд. нотном изд. 1877 г. Музыка Абазы, Гедике, Катуара. В начале XX в. в исполнении цыганской певицы В. Паниной популярность приобрел романс Абазы, который удерживается на эстраде и в быту до настоящего времени.

433. ОЗ, 1843, № 10, с. 53, подпись: Т. Л. Музыка А. Рубинштейна, Галковского (дуэт), А. Симона (хор в опере «Песнь торжествующей любви», 1899), А. Кастальского (в опере «Клара Миллич»).

И. С. МОЧАЛОВ

434, 435. «Литературный кабинет. Труды актеров императорских московских театров», М., 1842, ч. 2, с. 13—14.

434. Музыка Алоиза, Морского, Слонова, Б. Соколовского. Фольклорный источник — песня, начинающаяся теми же словами.

435. Музыка Шенка (1900).

А. А. ФЕТ

436—441. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

436. М, 1842, № 5, с. 24, под загл. «На заре» (6 строк). В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 2). Музыка Варламова. По свидетельству А. Григорьева, уже в 40-е годы была «песнею, сделавшейся почти народной» (ОЗ, 1850, № 1, с. 75). Входила в репертуар цыганских хоров.

437. М, 1842, № 8, с. 234. В песенниках — с 1850-х годов (П 1855, ч. 2) до 1913 г., иногда с подзаголовком — «песня московских цыган». Музыка Варламова, Чайковского, Дерфельдта, Траиллина, Христиановича, Шпачека.

438. ОЗ, 1844, № 12, с. 137, под загл. «Элгния». В песенниках — в 1860-е годы («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка С. Рахманинова («В молчаньи ночи тайной...»), Конюса.

439. БдЧ, 1857, № 5, с. 4. В песенниках — с 1860-х годов («Новейший карманный песенник...», СПб., 1864) до 1880 г. Музыка Булахова (популярный романс «Крошка»), Направника. Упоминается: Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Черты из жизни Пепко», гл. 9; «Нужно поощрять искусство», гл. 14.

440. «Вечерние огни», М., 1883, с. 49. Музыка Алфераки, Офросимова, Конюса, Чигирь, Ширияева. Написано под впечатлением пения Т. А. Кузьминской (1846—1925), сестры жены Л. Н. Толстого (Т. А. Кузьминская, Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, ч. 3, М., 1928, с. 106—108). Популярный городской романс. Музыка Ширияева.

441. ВЕ, 1886, № 1, с. 168. Музыка Чайковского (1886), Корганова, Корещенко, Офросимова, Прейса, Ротиной, Т. Толстой, Федорова, Энгеля, Юона.

Н. Ф. ЩЕРБИНА

442. «Молодик на 1844 год», ч. 4, СПб., 1844, с. 63, в цикле «Греческие мелодии», с посвящением М. Е. Капаракки. Образцом послужили греческие песни «клефтов», переведенные Н. Гнедичем и самим Щербиной в 1843 г. С муз. Гурилева («После битвы» — «Романсы и песни», СПб., 1852) была популярна в годы Крымской войны. Позже в песенном обиходе текст и мелодия подверглись переработке. На основе устной редакции в конце 1890-х годов создана матросская песня «Раскинулось море широко...» (см. с. 936). См.: Е. Гиппиус, «Раскинулось море широко...». История песни, М., 1962.

443. «Молодик на 1844 год», ч. 4, с. 69, под загл. «Поспешай». Печ. по Стихотворениям, т. 1, СПб., 1857, с. 11. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка Делюсто (1856), Даргомыжского (1865), Бороздина, Булахова, Римского-Корсакова, В. Соколова, Фольборта и др.

А. А. ГРИГОРЬЕВ

444—448. Печ. по Избранным произведениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

444. Стихотворения Аполлона Григорьева, СПб., 1846, с. 129. В песенниках — в 1860-е годы («Новый полный песенник...», М., 1869).

445. «Репертуар и Пантеон», 1845, № 6, с. 497, под загл. «Надгробие». Перевод стихотворения неизвестного немецкого поэта «Ruhe sanft vom Kampf des Schicksalsmüde...» из сборника масонских песен «Vollständiges Gesangbuch für Freimaurer, Berlin, 1813. Переосмысленное, стало песней (Пл. Краснов, Книга забытая. — «Книжки недели», 1895, № 10, с. 182—184).

446. Полн. собр. соч. А. Е. Варламова, т. 6, 1863, с. 339.

447. СО, 1857, № 48, с. 1181, под одним номером со следующим стих. в цикле «Борьба». Стало городским романсом.

448. СО, 1857, № 48, с. 1181 (все стихотворение). Первые семь строф вошли в репертуар цыганских хоров, где подверглись различным изменениям (см. с. 941). По воспоминаниям Фета, «венгерку» пел сам Григорьев.

III

СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

449—453. Печ. по Стихотворениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1954.

449. ОЗ, 1845, № 5, с. 1. В песенниках — с 1860-х годов («Новый полный песенник...», М., 1869). Музыка Даргомыжского («Русая головка», 1857), Булахова, Галкина, Чайковского, Энгель.

450. «Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.», М., 1847, с. 261. Музыка Зорина, Казанли. С муз. неизв. композитора пелась в студенческой среде в 1840—1860-е годы (Аристов, с. 69), позже вошла в репертуар ссыльных и заключенных (Ядринцев, с. 115; Белокопский, с. 206—207). В устном бытовании ст. «Об обществе, о музыке...» поется: «О жизни неизведанной...», «О равенстве, об обществе...» или «О мужестве, о родине...».

451. С, 1853, № 11, с. 54. В песенниках — с 1890-х годов («Чудный месяц», М., 1895). Проникло в лубок (Клепиков, с. 174). Музыка Чайковского (1886), Гоффман, Лишина, Метнера. Популярный напев «цыганского романса» — неизв. композитора (обр. Пригожего).

452. С, 1856, № 6, с. 281, под загл. «Гаданье». В песенниках — в начале XX в. («Новый русский песенник. Сама я садик насадила». Собрал И. Ф. Овчинников, Киев, 1915). Музыка Кочубей.

453. ВЕ, 1878, № 11, с. 61, без загл. В песенниках — в начале XX в. («Молодые певцы», М., 1905). Музыка С. Танеева, Рейспер-Куманиной, Барсова, Усатова. Популярный в революционной среде напев — ПКиС, с. 43. Было популярно в демократических кругах русского общества и в революционной среде. Является откликом на дело В. И. Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (по другой версии — посвящено Л. Фигнер).

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

454, 455. Печ. по Стихотворениям, СПб., 1858.

454. Стихотворения, М., 1846, с. 17. В песенниках — с 1850-х годов («Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859). Музыка Даргомыжского (1846), Варламова (1847), Глинки (1847), Дюбюка, А. Рахманинова и др. В конце 40-х годов был очень популярен романс Глинки, особенно в исполнении певицы Е. М. Кокиар (П. С. <тепанов>, Воспоминания о Глинке. — «Русская старина», 1871, июль, с. 56). В 1855 г. композитор оркестровал свой романс. Позднее популярность приобрел романс Даргомыжского, сохранившийся в репертуаре певцов до настоящего времени.

455. Стихотворения, М., 1846, с. 42. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863) до 1904 г. Музыка Даргомыжского (1851). Известность романс приобрел благодаря исполнению его Полиной Виардо 9 апреля 1853 г. В. Бенедиктов посвятил этому исполнению стихотворение «Безумная, после пения Виардо-Гарсна».

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

456—460. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

456. Стихотворения, СПб., 1846, с. 18. На музыку положено в 1850-е годы (Житомирский, с. 18). С нотами: Аристов, с. 72.

457. Аристов, с. 72, с искажениями, в контаминации со стих. «Вперед! без страха и сомненья...». По воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой, ее отец И. Н. Ульянов свидетельствовал, что стихотворение было положено на музыку казанскими студентами в конце 1850-х годов (Сб. «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», Л., 1927, с. 64). Ноты — ПҚиС, с. 36. Мелодия восходит к гимну Бортнянского (Друскин, с. 156). Было вписано Плещеевым в экземпляр сборника «Стихотворений» 1846 г., подаренный им экономисту и социологу В. А. Милютину. Распространялось в списках с конца 1840 — начала 1850-х годов, после того как сам поэт продиктовал стихотворение «кому-то из молодежи» («Русская мысль», 1912, № 4, с. 124—125). Приписывалось А. Добролюбову, затем (с 1917 г.) — Рылееву. Принадлежность Плещееву восстановлена Е. Бушканцем. Ст. 1 поется: «По духу братья мы с тобой...» Упоминается: Мамни-Сибиряк, «Первые студенты», гл. 2.

458. «Светоч», 1860, кн. 2, с. 12. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник...», СПб., 1907). Фольклоризировалось, бытует в многочисленных песенных вариантах (Якуб, с. 69, 89).

459. «Время», 1861, № 2, с. 410. В песенниках — в начале XX в. («Русская песня», 1907, ч. 2). Музыка Чайковского (1869), Векшина, Кашкина, Кюи, Лисовского, Личе, Офросимова и др. Перевод стихотворения австрийского поэта Морица Гартмана (1821—1872) «Schweigen» из цикла «Leben und Weben».

460. С, 1861, № 7, с. 207. Как «народная песня», в муз. переложении Пригожего, — отд. изд. в серии «Любимые песни московских цыган», № 548, [М., 1906]. В песенниках — в начале XX в. («Новейший сборник песен. Бывало в дни веселья», М., 1913). Перевод стихотворения шотландского поэта Вильяма Мозервела (1797—1835). Ст. 1 поется: «В голове моей мбзги иссохли» или: «В голове моей мозг иссыхает». В пении подверглась значительному сокращению и переработке, бытует до наст. времени.

М. Л. МНХАЙЛОВ

461—464. Печ. по Собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1958.

461. «Иллюстрация», 1846, № 40, с. 641. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник...», СПб., 1906). С муз. Шумана — «Либретто», 1904. Перевод стихотворения Г. Гейне «Die Grenadiere».

462. «Русская муза», СПб., 1907, с. 274, без 5-й строфы. В устный репертуар вошло с 1870-х годов как песня революционно настроенного студентства.

463. «Колокол», 1862, прибавл. к л. 119—120, с. 1001. С нотами — Аристов, с. 96. Исполнялась также на музыку дуэта Вильбоа «Моряки» («Пловец» Языкова). Вариант мелодии: Друскин, с. 148. Написано в ответ на стихотворное послание студентов, заключенных в Петропавловской крепости («Узнику», текст И. А. Рождественского). Упоминается: Якубович, т. 2, с. 347.

464. «Стихи и песни», <М., 1866>, с. 1, без подписи, с разночтениями. С именем автора — «Русская муза», СПб., 1907, с. 274. В песенниках — в начале XX в. («Первый сборник революционных песен», сост. Н. Д. Черномординов, СПб., 1905, № 4). В устный репертуар вошло в 1860-е годы. С нотами — гектографированная листовка 1899 г. Музыка приписывается студенту Казанского университета — одному из братьев — Петру или Николаю Пескову (близкий вариант со словами «Старого капрала» Курочкина: Аристов, с. 89), но, возможно, является произведением хоровой импровизации в студенческой среде. С 70-х годов получила распространение народническая переработка (авторство приписывается то Клементу, то Берви-Флеровскому) — «Братья, вперед, не теряйте...», известная как «Народовольческий гимн» или «Марш наших демократов» (ВРП, с. 578, 829; ср. ПКиС, с. 20). Об истории песни см.: Друскин, с. 156—157, примеч. 28; Житомирский, с. 36—37, 41—43; Е. Гиппиус, П. Ширяева, Из истории русских революционных гимнов (СМ, 1960, № 11, с. 6—22). Мелодия была использована для польского марша батальона Ст. Домбровского, сражавшегося в Испании в 1936 г.; на русском языке исполнялась в Болгарии (Кауфман, с. 134, 465).

Н. А. НЕКРАСОВ

465—480. Печ. по Полному собранию сочинений и писем, М., тт. 1—2, 1948, т. 3, 1949.

465. ОЗ, 1846, № 4, с. 401. В песенниках — с 1880-х годов («Полный песенник...», М., 1880). Музыка Филипповского. До настоящего времени популярна с народной мелодией.

466. С, 1847, № 1, с. 91. В песенниках — со второй половины XIX в. («Полное собрание новейших русских песен», М., 1859). С муз. Леонтьева (отд. изд., М., 1857) была популярна до 1930-х годов, после чего — с мелодией народной песни на слова Плещеева «В голове моей мозг иссыхает...» (см. с. 616). Кроме того — музыка Бернард. В крестьянской среде не имеет постоянного напева. В быту и на эстраде строфы 7—10 обычно опускаются. Текст неоднократно использовался для создания политических пародий (1877—1908).

467. С, 1847, № 9, с. 153. В песенниках — в начале XX в. («Солнце всходит и заходит. Новый песенник...», М., 1911). С нотами — Аристов, с. 78. Входила в репертуар революционных и студенческих кружков с середины XIX в. Напевы различны. При исполнении два коротких стиха удлинялись: «Я ничего, ничего не спросил», «И бесполезно, бесполезно замрут».

468. С, 1855, № 3. В песенниках — с начала XX в. («Новейший песенник, содержащий в себе: песни, романсы и стихотворения», СПб., 1906). Входила в репертуар городского населения и революционных кружков. В пении 3—5-я строфы обычно опускались.

469. Стихотворения Н. Некрасова, М., 1856, с. 184. В песенниках — с конца XX в. («Полный русский песенник», М., 1892). Музыка Главача, Слонова, Афанасьева. Исполняется на мелодию неизв. автора.

470. С, 1855, № 1, с. 27. В песенниках — с начала XX в. («Вниз по матушке по Волге. Новый песенник», М., 1910). Музыка Афанасьева, Адамова, Лабутина, Спендиарова, Чеснокова. С музыкой неизвестного автора входила в репертуар революционных кружков, школьных, студенческих и народно-песенных хоров, записывалась в советских фольклорных экспедициях.

471. «Колокол», 1860, 15 января, с. 505. (Отрывок из стихотворения «Размышления у парадного подъезда»). В песенниках — в начале XX в. («Пожалей же меня, дорогая. Новый русский песенник», Киев, 1913). С нотами — С. Клипин, «Сборник любимых песен для смешанного хора», Тамбов, 1914. В пении ст. 1: «Укажи мне такую обитель, я такого угла не встречал», вместо ст. 5—10:

Стонет он по полям, по дорогам,
Под телегой, ночуя в степи,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи.

Напев заимствован из оперы Дж. Доницетти «Лукреция Борджия».

472. С, 1859, № 9, с. 169. В песенниках — с начала XX в. («Молодые певцы. Песенник», составил И. Горбунов-Посадов, М., 1905). Музыка Мусоргского («Колыбельная Еремушке», редакция 1868 г.). С разными напевами неизв. авторов входила в репертуар прогрессивной молодежи и революционных кружков.

473. С, 1861, № 9, с. 128 (все стихотворение). В песенниках — с начала XX в. («Дубинушка. Новый песенник», М., 1908). Песней стали первые 6 строф стихотворения. Вошла в репертуар революционных кружков, школьных и народно-песенных хоров.

474—475. С, 1861, № 10, с. 599 (вся поэма).

1. В песенниках — с конца XIX в. («Новый песенник», составил М. И. Ожегов, Киев, 1894). Мелодия — трансформация венгерского танца «Чардаш». Песней стал отрывок из 1-й главы поэмы. Вошла в репертуар всех слоев населения, исполнялась также с эстрады (обычно оканчивается словами «Распрямись ты, рожь высокая, тайну свято сохрани»). Известны переработки — сатирические и агитационные песни — предреволюционных лет и советского времени: «Ой, полна, полна корбушка, есть Эсеры и Эс-Де...», «Ой, полна, полна корбушка у любого богача, а у бед-

ного рабочего ни кола и ни двора...», «Ой, полна, полна коробушка, есть «Безбожник», «Крокодил»...» и т. п.

2. В песенниках — с конца XIX в. («Новый песенник», составил М. И. Ожегов, Киев, 1894). Музыка Петерсона («Тоска Катеринушки», Киев, 1888). Песней стал отрывок из 5-й главы. Популярна до настоящего времени с народной мелодией. В устной передаче часто оканчивается словами: «Ты женись, женись на мне».

476. С, 1863, № 4, с. 557. В песенниках — с начала XX в. («Молодые певцы. Песенник», составил И. Горбунов-Посадов, М., 1905). Музыка Ермолова, Корнилова. С музыкой неизв. автора входила в репертуар революционных кружков, народно-певческих и школьных хоров, имеются записи советского времени.

477. С, 1865, № 10, с. 547, с цензурными купюрами (все стихотворение). В нелегальных сборниках — с 1870-х годов («Сборник новых песен и стихов», Женева, 1873). В песенниках — с начала XX в. («Машинушка. Сборник русских песен и стихотворений», М., 1911), иногда с добавлением последнего четверостишия 1-й части стихотворения («Всё хорошо под сиянием лунным...»). Автор мелодии считается Рашевская. Песней стало начало 2-й части стихотворения. Поется с незначительными изменениями.

478. Стихотворения Н. Некрасова, СПб., 1869, ч. 4, с. 174, в составе цикла «Песни». В песенниках — с 1880-х годов («Полный песенник...», М., 1880). Музыка Кюи. С напевом неизв. автора — «Русские народные песни», сб. 3, М., Госвоениздат, 1937.

479. ОЗ, 1876, № 1, с. 1, в составе поэмы «Современники». В песенниках — с конца XIX в. («Русский песенник», М., 1891). Входила в репертуар революционных кружков под названием «Камушка». Пелась без ст. 5—8, 11, 18—22, 27—30, 37—40, с заменой слов «С бабой гулять» на «Вольно гулять» и с припевом: «Эй, ветерок, дуй посильней, дай хоть часок нам повольней». Включена как любимая песня В. И. Ленина в оперу Вано Мурадели «Октябрь». Напев «Камушки» с новым, современным текстом — «Ой, по-над Волгой леса зеленеют...» — исполняется в коллективах художественной самодеятельности (см.: «Русские песни», составил Л. Шохин, М., 1963).

480. «Русское слово», 1908, 1 февраля. Песня из заключительной главы «Пир на весь мир» поэмы «Кому на Руси жить хорошо». До публикации распространялась в списках и с мелодией неизв. автора, входила в репертуар революционных кружков.

Ф. Б. МИЛЛЕР

481. М., 1848, № 4, с. 258, с подзаголовком: «(Из Фрейлиграта)». Печ. по Стихотворениям, М., 1849, с. 91. Перевод стихотворения немецкого поэта Фердинанда Фрейлиграта (1810—1875). В устном обиходе текст значительно сокращен, песня в народном сознании связывается с именем крестьянина Орехово-Зуевского уезда Чуркина,

стала популярной «разбойничьей» песней, вызвала к жизни новые варианты в годы гражданской и Отечественной войн (см. с. 939). Датируется по Стихотворениям, М., 1873. *Сбир* — здесь: полицейский, сыщик (от итальянского «sbirro» — служащий инквизиции).

482. Отд. изд., М., 1859, с муз. Даргомыжского. В песенниках — с 1860-х годов («Полнейший песенник московских цыган», СПб., 1863) до 1914 г. В 1959 г. была записана как хоровая песня в с. Сидоровском Костромской обл. (ИРЛИ, РV, к. 196, п. 2, № 122).

И. И. ПАНАЕВ

483. С, 1847, Смесь, с. 156, без подписи, как стихотворение «Нового поэта». Музыка Дмитриева («Воспоминание» — отд. изд., М., 1851; текст приписан Л. Майкову). В песенниках — с 1860-х годов («Новейший песенник. Собрание любимейших публикой лучших и новейших романсов и песен», СПб., 1863) до 1916 г. В предисловии к «Собранию стихотворений „Нового поэта“» (СПб., 1855) Панаев называет музыку Дмитриева «прекрасной».

Г. МАЛЫШЕВ

484. Стихотворения Григория Малышева, СПб., 1848, с. 17. В песенниках — с 1850-х годов (собрание, ч. 2). Проникло в лубок (Клепиков, с. 62). Упоминается: Якубович, т. 1, с. 99.

И. ВАНЕНКО

485. «Междуделье. Альманах Ив. Ваненко», М., 1848, с. 34. В песенниках — с 1860-х годов («Песни тиролек и московских гризеток...», М., 1864) до 1911 г. Музыка Дюбюка. Иногда приписывается Кольцову.

Л. А. ЖЕИ

486—492. Печ. по Стихотворениям и драмам, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1947.

486. М, 1849, № 20, с. 335, вместе со стих. «Что это не слышно Наны голосочка...» под общим загл. «Руснацкие песни». В песенниках — с 1850-х годов («Новейший полный русский песенник...», М., 1854) до 1908 г.

487. «Поэтические эскизы», М., 1850, с. 20, без последних двух строк, вместе со стих. «Тянька-голубчик...» под общим загл. «Моравские песни». В песенниках — с 1860-х годов («Песни тиролек и московских гризеток...», М., 1864) до 1906 г. Песенный вариант: Чернышев, с. 86.

488. «Поэтические эскизы», М., 1850, с. 24 (см. примеч. 487). В песенниках — с 1850-х годов («Новейший русский и цыганский песенник», СПб., 1859) до 1908 г. Пелась и позже (Якуб, с. 89).

489. «На новый год», М., 1850, с. 138, в составе отрывка из «Псковитянки». Музыка Римского-Корсакова.

490. РС, 1859, № 5, с. 49, в приложении к статье А. Григорьева «Гейнрих Гейне». В песенниках — с начала XX в. («Ах ты бедная, бедная швейка. Новейший песенник», М., 1913). Музыка Мусоргского (1866), Чайковского. Перевод стихотворения Гейне «Heimkehr».

491. «Светоч», 1860, кн. 11, с. 64. Музыка Балакирева, Чайковского.

492. Стихотворения, М., 1862, т. 2, с. 92. Музыка Чайковского (1875).

А. Е. РАЗОРЕНОВ

493. «Родные звуки», вып. 2, М., 1891, с. 14, с примечанием: «Несмотря на то что это стихотворение написано автором еще в пятидесятых годах, оно не было напечатано ни в одном периодическом издании». А. Коринфский датирует началом 1850-х годов («Саратовский листок», 1891, 30 января). Возможно, что написано еще ранее — в конце 1840-х годов, в Казани, для бенефиса «московской актрисы» (Белоусов, 1929, с. 21—22, 28). В песенниках — с 1850-х годов («Полный русский песенник», составил Матвеев, М., 1858; как «песня московских цыган»). Проникло в лубок в 1857 г. (Клепиков, с. 86, ошибочно указан 1837 г.). Исполнено впервые с музыкой неизвестного местного композитора — товарища Разоренова по театру («Саратовский листок», 1891, 30 января). Белоусов, со слов поэта, рассказывает: «В этот вечер, когда шла пьеса с песней Разоренова, театр был переполнен публикой. Пьеса, а особенно песня Разоренова, имела огромный успех. На другой день песня «Не брани меня, родная...» распевалась по всей Казани — начиная с великосветских салонов и кончая лачугами пригорода, фабриками и заводами» (Белоусов, 1929, с. 22). Впоследствии музыку написали Дюбюк (1857), Ф. Бюхнер, Денисова. В пении — с изменениями, после 3-й строфы следует строфа, отсутствующая в авторской публикации:

В ясны дни и темны ночи
И во сне и наяву
Слезы мне туманят очи,
Всё летела б я к нему.

Ст. 13 и 14:

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи.

И. МАКАРОВ

494. Отд. изд., М., б. г., с муз. Гурилева. В песенниках — в начале XX в. («Месяц», М., 1912). Музыка также К. Сидоровича. Н. А. Энгельгардт в своих воспоминаниях («Последняя гитара». — «Исторический вестник», 1910, апрель) утверждает, что автором песни был его дед Николай Петрович Макаров (1810—1890), гита-

рист, лексикограф, печатавший сатирические романы под псевдонимом Гермогена Трехзвездочкина. Такое мнение разделяется некоторыми исследователями, но ничем не аргументируется (Новикова, с. 670, примеч. 62). Ср.: Шилов, с. 17—18.

И. Е. МОЛЧАНОВ

495. «Знаменитый русский и цыганский песенник», СПб., 1859, с. 66. Печ. по «Собр. песен, исполняемых хором песенников Ив. Молчанова...», СПб., 1864, с. 5. В основе напева — кант XVIII в. (ноты — Вессель и Альбрехт; Гиппиус, с. 10). Впервые исполнено хором в Калуге, руководимом Молчановым. Получило распространение с начала 1850-х годов, в устном обиходе подверглось сокращениям и изменениям (ПРП, 1957, с. 283). Известны многочисленные переделки: «Было дело на Кавказе...», «Было дело там под Плевной...», «Было дело под Артуром...», «Было дело под Берлином...» и т. п.

А. К. ТОЛСТОЙ

496—501. Печ. по Собранию сочинений, т. 1, М., 1963.

496. С, 1854, № 4, с. 129, без 6—11-й строф. В песенниках — с 1870-х годов («Полный русский песенник...», М., 1879) до 1915 г. Музыка Альбрехта, Анцева, Булахова, Конюса, Чугринова. Обычно поются первые три строфы.

497. ОЗ, 1856, № 5, с. 59. В песенниках — с 1870-х годов («Полный русский песенник...», М., 1879). Широкой популярностью пользуется романс Чайковского (1878). Музыка также Б. Шереметьева, Шефера. Упоминается: А. Куприн, «Молох», гл. 4. Стихотворение вызвано знакомством Толстого с его будущей женой Софьей Андреевной Миллер, урожд. Бахметевой.

498. С, 1854, № 4, с. 133. В песенниках — с начала XX в. («Русская песня», 1908, ч. 4), иногда как цыганская. Музыка И. Бородин, Глиэра, Золотарева, Речкунова, А. Рубинштейна, Симона, Соловьева, Чумаковой, Юферова, Черепнина (хор).

499. С, 1856, № 2, с. 274. В песенниках — с 1890-х годов («Собрание романсов, народных и военных песен», М., 1891). Музыка Абисова, Базилевского, Главача, Морозова, Пергамента, Блейхмана (хор), Кюи, Панченко (хор), Чеснокова (хор), Ренчицкого, Тидемана.

500. ВЕ, 1871, № 12, с. 604. В песенниках — в начале XX в. («Либретто», 1904). Известен романс Чайковского (1878), написанный в стиле пасторали. Музыка также Римского-Корсакова, Потаповского, Ригельмана, Шефера. Навеяно стихотворением Гейне «Mailied».

501. ВЕ, 1876, № 2, с. 710. В песенниках — с начала XX в. («Бродяга. Новый песенник», М., 1909). Музыка Гречанинова, Гена,

Лопухина, Лишина, Н. Соколова (хор), Манькина-Невструева, Ролова, Ангеля. Стало популярной песней, особенно в среде революционеров и политических ссыльных. В устном исполнении после каждой строфы припев:

Динь-бом, динь-бом —
Слышен звон кандалный,
Динь-бом, динь-бом —
Путь сибирский дальний,
Динь-бом, динь-бом —
Слышно, как идут (вариант: там и тут) —
Нашего товарища на каторгу ведут.

Песенные варианты: «Песни подполья», Л., 1924, с. 6—8; ПКИС, с. 40; «Фольклор семейских», с. 283.

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

502. Стихотворения, СПб., 1858, с. 161. В песенниках — с 1870-х годов («Полный русский песенник», М., 1875). *Неключимая* — несчастная, горемычная.

503. Стихотворения, СПб., 1858, с. 195. В песенниках — с 1870-х годов («Полный русский песенник...», М., 1876). Музыка Тидемана.

504. Стихотворения, СПб., 1864, т. 2, с. 47 (вся поэма). Песней стало — с пропуском отдельных строф — вступление к поэме; в наст. время поется 5 строф (Новикова, с. 490).

Н. С. СОКОЛОВ

505. «Поэтические эскизы», 1850, с. 36. В песенниках — с начала XX в. («Новые песни», М., 1910). В лубок проникло с 1880-х годов (Клепиков, с. 147) в качестве народной песни. В устном бытовании переработано (см. с. 940).

Н. П. ГРЕКОВ

506. «Le Nouvelliste», SPb., 1851, № 1, с. 38 (ц. р. 16 ноября 1850 г.), с музыкой Гурилева. В песенниках — с 1860-х годов («Новейший песенник...», СПб., 1863).

507. Стихотворения, М., 1860, с. 51. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник...», СПб., 1906). Музыка Чайковского.

508. Стихотворения, М., 1860, с. 55. Музыка Булахова, А. Рубинштейна.

Н. В. ВЕРГ

509—511. Печ. по «Переводам и подражаниям», СПб., 1860,

509. «Незабудочки», 1853, с. 44, с подзаголовком: «со шведского». В песенниках — с 1850-х годов (П., 1855, т. 2). Перевод стихотворения шведского поэта Иоганна-Людвига Рунеберга (1804—1877).

510. В песенниках — в 1880-е годы («Новый русский песенник», М., 1883). Музыка Гурилева, Булахова. Оба романса были популярны. Перевод стихотворения польского поэта Иосифа Масальского.

511. В песенниках — с 1880-х годов («Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения», СПб., 1884) до 1916 г., иногда как цыганский романс.

И. С. НИКИТИН

512—518. Печ. по Полному собранию сочинений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965.

512. Стихотворения, Воронеж, 1856, с. 97. В песенниках — с 1850-х годов (Собрание). Музыка Кажинского, В. Соколова. Фольклоризировалось (В. Тонков, Никитин и народное творчество, Воронеж, 1941, с. 119).

513. РБ, 1858, кн. 10, с. 6, под загл. «Песня». Музыка Черепнина. Пользовалась большой популярностью в демократических кругах русского общества и среди революционно настроенной интеллигенции в 1880-е годы XIX — начале XX в. («Каторга и ссылка», 1931, № 8—9, с. 25) в переложении для хора Вик. Калининкова.

514. РБ, 1857, кн. 8, с. 81. В песенниках — с 1890-х годов («Привет», М., 1892). Музыка Н. Соколова.

515. Стихотворения, 1859, с. 137. В песенниках — с начала XX в. («Новейший сборник. Песни, дуэты и проч.», М., 1906), иногда приписывается Рылеву. Музыка Мартынова, Пригожего, Юрьева. Проникло в лубок и в песенники в переложении Н. Беляева (Клепиков, с. 160—161). В пении варьируется. Современная песенная редакция: «Фольклор семейских», с. 297.

516. «Народное чтение», 1859, кн. 2, с. 213. В песенниках — с 1880-х годов («Полный песенник...», М., 1880). Музыка Доброхотова, Моношко, Мысовского, Ржевской, Богусловского, Левина. Проникло в лубок в конце XIX в. (Клепиков, с. 94). В пении варьируется, известны записи советских фольклористов (Гусев, с. 91—92, там же указание на варианты. См. также «Фольклор семейских», с. 284).

517. «Воронежская беседа на 1861 год», с. 212, в составе повести «Дневник семинариста» (1858—1860). В песенниках — в начале XX в. («Чайка», М., 1912). Музыка Богданова, Дмитриева, Колачевского, Копылова, Ракитина, Саца, Филипповского, Якимова. Была популярна в среде демократической интеллигенции с конца XIX в.

518. «Время», 1861; кн. II, с. 121, в составе стихотворения «Хозяин» (Песня сумасшедшего). В песенниках — в начале XX в. («Месяц», 1912). Музыка Вас. Калининкова, Вик. Калининкова, Чеснокова, Миловского. Была популярна среди демократически настроенной интеллигенции.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

519. ПЗ, вып. 3, Лондон, 1857, с. 316, вместе со стих. «Как восьмого сентября...», без подписи и с примечанием Герцена: «Эти песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь автора, а в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора». В песенниках — с 1860-х годов («Свободные русские песни», [Берн], 1863). Сводный текст песни, библиографию списков и ноты см.: Л. Н. Толстой, Полное собр. соч., т. 4, М. — Л., 1932, с. 307. Песня возникла как отклик на сражение при р. Черной 4 августа 1855 г. Источник — популярная в солдатской среде песня И. М. Коваленского о Бонапарте «За горами, за долами Бонапарте с плясунами...», имитировавшая, в свою очередь, песню Митрофанова «За горами, за долами...» (см. с. 177). Непосредственный образец — песня «Под Силистрию ходили...», на мелодию которой и исполнялась. Генетически связанная с солдатскими песнями, песня Толстого была легко и быстро усвоена солдатскими массами и оставалась популярной до конца XIX в. Она послужила образцом для студенческих песен 1860-х годов и для известной песни «Как четвертого числа нас нелегкая несла смуту усмирять...», возникшей в связи с разгоном демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г. («Южный рабочий», 1902, № 8, с. 13). *Барон Вревский-генерал К Горчакову приставал*. Имеется в виду П. А. Вревский (1808—1855), командированный из Петербурга для наблюдения за деятельностью главнокомандующего Крымской армией генерала — князя М. Д. Горчакова (1793—1861). *Эти горы* — Гасфортова гора и Федюхины высоты, где располагались союзные войска. *Плац-Бек* — генерал-полковник А. А. Плац-Бек-Кокум. *Липранди* — генерал П. П. Липранди (1796—1864). *Атанде* — подожди (от фр. attendre). *А пошли-ка ты Реада*. Липранди командовал левым крылом, генерал Н. А. Реад — правым; Реад поспешил с атакой, что было причиной ряда неудач. *Веймарн плакал, умолял*. Генерал П. В. Веймарн, начальник штаба Реада, просил отложить атаку. *Енерал-то Ушаков* и т. д. Ген. А. К. Ушаков (1803—1877) ожидал резервов. *А Белязов-енерал* и т. д. Ген. Д. Н. Белевцов (1800—1877) со знаменем в руках старался остановить отступление дивизии. *Сикурс* — помощь (фр. le secours). *А там Сакен-енерал* и т. д. Ген. Д. Е. Остен-Сакен был известен своей набожностью. *Фот-Сала* — небольшая деревня к востоку от Севастополя.

В. С. КУРОЧКИН

520—522. Печ. по изд.: Поэты «Искры», т. I. В. С. Курочкин, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1955.

520. БдЧ, 1856, № 3, с. 100. В песенниках — с начала 1860-х годов («Новейший русский песенник», М., 1862). Музыка — Фитин-

гофа, Гарновского, В. Соколова. Перевод стихотворения Беранже «Le petit homme gris». Свидетельство о популярности: Л. Я. Алексеев-Яковлев, Русское народное гулянье, М., 1948, с. 40.

521. БдЧ, 1857, № 11, с. 11. С нотами: Аристов, с. 89, с примечанием: «Песня приписывается студенту Пескову». В Казанском университете учились два брата — Петр и Николай Александровичи Песковы, музыка принадлежит одному из них (Житомирский, с. 37—41, 66). Распространилась в народе (Якуб, с. 87). Мелодия использована для песни «Смело, друзья, не теряйте...» (см. с. 623). Известен также романс Даргомыжского (1858). Стихотворение — свободный перевод стихотворения Беранже «Le vieux sarogal».

522. БдЧ, 1859, № 12, с. 20, под загл. «Отрывки. II». Музыка Даргомыжского, Мусоргского.

А. Н. МАЙКОВ

523—526. Печ. по Полному собранию сочинений, тт. 1—3, СПб., 1893.

523. Стихотворения, кн. 1, СПб., 1858, с. 114, без загл., в цикле «Мгновения». Музыка Кюи, Лисовского, Черепнина, Юферова и др.

524. Стихотворения, кн. 1, СПб., 1858, с. 249, в разделе «Мотивы Гейне». В песенниках — в начале XX в. («На муромской дорожке», 1911). Музыка Лишина («Либретто», 1901, с. 132). Перевод стихотворения Гейне.

525. Новые стихотворения А. Н. Майкова, 1864, с. 116. Музыка Акименко, Аренского, К. Бюхнера, Ребикова, Чайковского (1873). Романс последнего — наиболее популярный. Стихотворение — свободное переложение народной греческой песни.

526. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник», СПб., 1906).

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

527—531. Печ. по Сочинениям, ч. 1, СПб., 1862.

527. В песенниках — с 1880-х годов («Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения», СПб., 1884). Музыка С. Blumenфельда, Всеволожского, Пасхалова, Штольца. Популярный городской романс (с муз. Пасхалова).

528. Была популярна в революционной среде, иногда приписывалась Некрасову.

529. В песенниках — с 1870-х годов («Полный русский и малороссийский песенник», М., 1877, ч. 2) до 1916 г. Музыка Пауфлера.

530. Стихотворения, ч. 1, СПб., 1862, с. 35. В песенниках — с начала XX в. («Дубинушка. Новый песенник», М., 1908, с. 11).

Начало стихотворения навеяно народной лирической песней «Полоса ль моя, полосынька...». Переработанное, стало популярной песней, особенно любимой в революционной среде («50 русских революционных песен», М., 1938, с. 62). Обычно пелись 1, 3, 4, и 7-я строфы, с повторением в конце 1-й строфы (с нотами — ПКИС, с. 49). Приписывалась Некрасову.

531. «Время», 1861, март, с. 103, без 14—21 строк. Фольклорный источник — баллада о князе Волконском и его ключнице (конец XVII в.). Стало популярной песней с 1880-х годов («Нижегородские губернские ведомости», 1887, № 46, с. 4). В устном исполнении подверглось переработке (см. с. 944).

Д. П. ДАВЫДОВ

532. «Золотое руно», 1858, 19 января, с примеч. Давыдова. Первая запись песни — С., 1863, № 11, с. 172; сходный вариант: С. В. Максимов, Сибирь и каторга, СПб., 1871, с. 411. Свидетельство об исполнении в качестве «известной песни» — Н. М. Ядринцев, Русская община в тюрьме и ссылке, М., 1872, с. 124. С нотами — Гартевельд, 1908; ПКИС. Музыка Ю. Арнольда, обр. Мишина и др. О музыкальных вариантах см.: Житомирский, с. 57—61. Подробнее — В. Е. Гусев, К спору об авторе песни «Славное море...» («Русский фольклор», т. 1, М.—Л., 1956, с. 116—121). В пении подверглось переработке (см. с. 942). *Баргузин* — северо-восточный ветер на Байкале (от одноименного названия горного хребта). *Норы Акатуя* — Акатуйский рудник. *Карга* — отлогий песчаный берег с каменистой россыпью. *Дресва* — наносный крупный песок.

А. Н. АММОСОВ

533. «Русский инвалид», 1858, 16 ноября. В песенниках — с 1890-х годов («Ермак», 1894). Музыка Агреневой-Славянской. Одна из самых популярных песен с конца XIX в. до настоящего времени. В пении опускаются строфы 7, 8, 12 и последняя. Остальные — с изменениями (см. с. 942).

А. БЕШЕНЦОВ

534. Сочинения в прозе и стихах, М., 1858, с. 125. Музыка Варламова, В. Соколова, П. Петрова, обр. Дюбюка. Популярный цыганский романс; сохраняется в репертуаре современных исполнителей романсов.

А. Н. АПУХТИН

535—541. Печ. по Стихотворениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961.

535. Стихотворения, СПб., 1886, с. 195, вместе с другим отрывком, под общим загл. «Из поэмы „Последний романтик“». В песенниках — с начала XX в. («Новейший песенник. Последний нынешний денечек...», М., 1909). Музыка Артановского, Донаурова, Данилевского, Сорохтина, Шишкина, Стало цыганским романсом.

536. Стихотворения, 1886, с. 144. В песенниках — с начала XX в. («Ухарь-купец. Новый русский песенник», М., 1909). Музыка Аренского, Катуара, Шефера, Харито, Сорокина, Тарновского. Исполнялась в качестве цыганского романса (или цыганского вальса с муз. И. Бородина).

537. РМ, 1885, № 3, с. 3. Музыка Юферова, Н. Шишкина (цыганский романс).

538. Стихотворения, 1886, с. 147. В песенниках — с 1880-х годов («Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения», СПб., 1884). Музыка Чайковского (1886), Балкашиной, Донаурова, Вильбушевича, Зарембы, Офросимова. Стало популярным цыганским романсом (обработка Спиро, Зарембы, Веймарна).

539. Сочинения А. Н. Апухтина, СПб., 1895, т. 1, с. 368. Перевод-переработка французского романса «*Raivres chevaux*» (текст и музыка композитора Донаурова). В нотном изд. П. Юргенсона — «Цыгане. Собрание цыганских романсов и песен» (ц. р. 20 июня 1898 г.) — опубликованы параллельно французский текст Донаурова и переложение Апухтина. Кроме четырех строф, вошедших в издания стихотворений Апухтина, в нотном издании имеется пятая строфа:

Тихо туманное утро в столице,
По улице медленно дроги ползут,
В гробе сосновом останки блудницы
Пара гнедых еле-еле везут.
Кто ж провожает ее на кладбище?
Нет у нее ни друзей, ни родных...
Несколько только оборванных нищих.
Пара гнедых, пара гнедых!..

Соответствующий куплет во французском оригинале отсутствует. Приобрело большую популярность, подверглось переработке. Чаще всего исполняется лишь первая строфа или первая и третья, либо четвертая. Известно также переложение Пригожего (очевидно, отражающее певческую редакцию). В некоторых песенниках и нотных изданиях автором слов и музыки ошибочно указывается некий В. Б. (вероятно, имеется в виду исполнитель — певец В. Боков, которому посвящено переложение Пригожего). Вошло в лубок в начале XX в. (Клепиков, с. 160). Упоминается: М. Горький, «Трое», гл. 3.

540. Стихотворения, 1886, с. 141. Музыка Чайковского (1880), Базилевского, Бенуа, Левитского, Пабста, Яницкого.

541. ВЕ, 1890, № 12, с. 704. Отрывок из стих. «Сумасшедший». Музыка Киршбаума (мелодекламация). Популярный городской романс начала XX в. «Ах, васильки, васильки...»

П. И. ВЕЙНБЕРГ

542. «Искра», 1859, № 2, с. 24, в цикле «Отпрыски сердца», подпись: Гейне из Тамбова. Музыка Даргомыжского (1859).

А. Н. АНДРЕЕВ

543. Стихотворения, СПб., 1879, с. 67. В песенниках — с 1860-х годов («Полный русский песенник», составил Матвеев, М., 1864). Музыка Штуцмана.

544. Стихотворения, СПб., 1879, с. 525. В песенниках — с 1870-х годов («Новый полный песенник», М., 1874) до 1902 г. Музыка Дюбюка, Штуцмана. Иногда приписывается Н. Языкову.

И. З. СУРИКОВ

545—560. Печ. по Стихотворениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1951.

545. «Воскресный досуг», 1864, № 81, с. 90, с посвящением А. А. Фролову. В песенниках — с начала XX в. («Варяг. Новый песенник», М., 1911).

546. «Воскресный досуг», 1864, № 95, с. 317, под загл. «Рябина», подпись: Крестьянин Иван Суриков. Пелась, по-видимому, в 1920-е годы, но большую популярность приобрела лишь в годы Великой Отечественной войны. В пении обычно опускаются 2-я и 3-я строфы, остальные варьируются (см. с. 945, 946). Ноты — Попова, вып. 3, с. 129.

547. «Воскресный досуг», 1867, № 226, с. 14. В Стихотворениях, М., 1871, с обозначением даты — 1864 г.

548. «Развлечение», 1865, № 14, с. 216, под загл. «Песня», подпись: Крестьянин Иван Суриков. В песенниках — с начала XX в. («Песенник», М., 1903).

549. «Развлечение», 1866, № 33, с. 113, под загл. «Доля бедняка». В песенниках — с 1890-х годов («Кручина», М., 1893). Послужило образцом для переделок в революционной среде. Проникло в лубок (Клепиков, с. 192). Известны песенные переработки в годы гражданской войны («Фольклор семейских», с. 607—608, примеч. к тексту № 436).

550. «Развлечение», 1866, № 8, с. 113, подпись: Крестьянин, с посвящением В. А. Б. В песенниках — с начала XX в. («Новейший песенник», М., 1910).

551. «Иллюстрированная газета», 1870, № 10, с. 151. В песенниках — с начала XX в. («Солнце всходит и заходит. Новый песенник», М., 1911). Музыка Н. Соколова.

552. «Развлечение», 1867, № 7, с. 101, под загл. «Песня бедняка», подпись: Крестьянин И. Суриков, без первой строфы и с другой концовкой. В песенниках — с 1880-х годов («Полный русский песенник», М., 1882).

553. «Иллюстрированная газета», 1870, № 13, с. 203. В песенниках — с начала XX в. («Коробушка. Новый песенник», М., 1908). Проникло в лубок (Клепиков, с. 190). Ст. 1 в пении варьируется:

«Сироткой...», «Сиротинкой я росла», «Уродилась я...». Поется с пропуском отдельных стрóf, особенно часто — последней (см. с. 947).

554. «Развлечение», 1868, № 37, с. 186, под загл. «Толокно». В песенниках — с 1870-х годов («Полный русский и малороссийский песенник», 1877, ч. 2). Проникло в лубок (Клепиков, с. 180). Ст. 1 в песенниках и пении: «Три дня хлеба не пекла...». Песенные варианты иногда приближаются к первой редакции.

555. «Стихотворения», 1871, с. 81, с датой — 1868. В песенниках — с 1880-х годов («Полный русский песенник», М., 1882).

556. «Развлечение», 1869, № 39, с. 216. Наверяно народной песней о степи Моздокской. В пении опускается ряд стрóf: 1, 10, 13, 14, иногда и последняя, остальные стрóфы переработаны (зачастую две соседние сведены в одну), так что песенные варианты не превышают 7—8 стрóf (см. с. 949).

557. Стихотворения, 1871, под загл. «Малороссийская мелодия», дата — 1870. В песенниках — с 1880-х годов («Полный русский песенник», М., 1882) до 1914 г. Музыка Чайковского (1881). В пении варьировалась.

558. Стихотворения, М., 1875, с. 193, под загл. «Умиравшая швейка». В песенниках — с начала XX в. («Машинушка. Новый песенник», М., 1910). Бытовало в качестве «жесточкого» романса. Датируется по Полн. собр. стих., М., 1884, с. 391.

559. Стихотворения, М., 1877, с. 247. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник...», СПб., 1906), часто как «народная песня», ст. 1: «Словно море в час прибоя». Весьма популярна в устном репертуаре. Имеются современные записи. В пении — с незначительными изменениями и пропуском отдельных стрóf.

560. «Будильник», 1877, № 16, с. 6. В песенниках — с начала XX в. («Бродяга. Новый песенник», М., 1909) до 1916 г. Музыка Бларамберга.

А. У. ПОРЕЦКИЙ

561. «Родное слово». Составил К. Ушинский, год 1, СПб., 1864, с. 68, с указанием в оглавлении на источник: «Из дет. жур. Пчелниковой». С нотами — «Сборник трехголосных песен для однородного хора», переложение Н. Брянского, изд. 2, СПб., 1893. Музыка Щиглева. Популярная детская песенка. Пчелникова — псевдоним Порецкого, детский журнал — «Забавы и рассказы», 1863; в номерах за 1863—1864 гг. «Пойманной птички» нет.

Л. Н. МОДЗАЛЕВСКИЙ

562. «Родное слово», год 2, СПб., 1864, с. 111 (в оглавлении подпись: Л. М.). Музыка Пиликина, Махотина. Была популярна в городской среде до недавнего времени.

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

563. С, 1864, № 2, с. 553, подпись: Ив. Г.-М. Впервые исполнена 17 и 25 октября 1864 г. в одесском «Благородном собрании» хором «Общества любителей музыки». Музыка Сокальского (Русская народная музыка, Харьков, 1888; приложение, с. 6). Написанная композитором как кантата для хора с тенором в сопровождении фортепьяно и оркестра, в устном обиходе превратилась в балладу, а затем в «широко распетую народом песню» (Друскин, с. 150, примеч. 15). Мелодия использована Шостаковичем в 11-й симфонии. Музыкальный вариант — ПКиС, с. 45; см. также: Житомирский, с. 43.

А. А. НАВРОЦКИЙ

564. ВЕ, 1870, № 12, с. 574, вместе со стих. «Коромыслова башня», под общим загл. «Из волжских преданий», подпись: Н. А. Вроцкий. Печ. по изд.: «Сказания минувшего», СПб., 1897, с. 137. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник», СПб., 1906). Музыка Рашевской (1875), самого Навроцкого («Утес на Волге. Музыкальная картина», 1896), Солухи, Орловского. Известная ныне мелодия — распев, в процессе устного бытования объединивший различные музыкальные источники (см.: Житомирский, с. 27—31; ноты — ПКиС, с. 54). В устный репертуар вошла в 1870-е годы (В. Г. Короленко, История моего современника, кн. 2, ч. 5, гл. 1; И. Ясинский, Роман моей жизни, М.—Л., 1926, с. 65). Особенно популярной стала в 1880-е годы (Моисеенко, с. 42; сб. «Александр Ульянов и дело 1 марта 1887 года», М.—Л., 1927, с. 45). Известны переработки в годы гражданской и Великой Отечественной войны (см. с. 946). Поется до настоящего времени. История создания «Утеса», возникшего на основе народного предания, услышанного писателем «со слов одного рыбака-крестьянина», рассказана самим Навроцким («Картины минувшего», СПб., 1881, с. 328; там же — основание для датировки).

В. И. БОГДАНОВ

565. «Будильник», 1865, № 60, с. 237, подпись: Богдан — ов. Была известна в качестве песни в 1860—1870-е годы. Музыка к основному тексту — неизвестного композитора, текст и мелодия припева восходят к бурлацким «Дубинушкам» (Е. Гиппиус, «Эй, ухнем», «Дубинушка», История песен, М., 1962, с. 20). Полный текст припева народной «Дубинушки» см.: П. В. Аленко > в. Провинциальные письма (С, 1849, № 8, с. 235); И. П. Корнилов, Волжские бурлаки. — «Морской сборник», 1862, № 7, отд. 3, с. 17. В устном бытовании удержались 1, 3 и 7-я строфы. Впоследствии текст был переработан, и популярность приобрела новая редакция (см. с. 808).

Л. И. НАЛЬМИН

566. «Искра», 1865, № 11, с. 159. Печ. по изд. «Сны наяву. Собрание стихотворений», М., 1878, с. 517. В песенниках — с начала

XX в. («Русская песня», СПб., 1908, ч. 4). Музыка Черепнина, Речкупова. Стало революционной песней в 1870-е годы, но особую популярность приобрело после революции 1905—1907 гг. (Белусов, 1928, с. 40—42).

И. Ф. ФЕДОРОВ-ОМУЛЕВСКИЙ

567, 568. Печ. по Собранию сочинений, т. 2, Иркутск, 1936.

567. С, 1865, № 11—12, с. 472. Музыка Галковского.

568. «Дело», 1867, № 10, с. 317. Было популярно в среде демократической интеллигенции, вошло в песенный репертуар первой русской революции.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

569, 570. Печ. по Стихотворениям, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1951.

569. «Народный голос», 1867, 16 марта, без подписи, с пометой: «Ярославль». В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник», изд. 6-е, СПб., 1907), иногда с указанием: «новая народная» или «новая рабочая песня». Музыка Чеснокова.

570. «Иллюстрированная газета», 1868, № 11, с. 174, с подзаголовком: «Из Владислава Сырокомли» и с посвящением Анне Филипповне Яровицкой-Вырыпаевой. В песенниках — с начала XX в. («Новейший сборник. Песни, романсы, дуэты и проч.», М., 1906). Перевод стихотворения польского поэта Владислава Сырокомли (Кондратовича) «Pocztulion. Gawęda gmińska». В устном исполнении подверглась сокращению и переработке (см. с. 648).

С. Д. ДРОЖЖИН

571—573. Печ. по Стихотворениям 1866—1888 годов, М., 1907.

571. «Поэзия труда и горя», М., 1894, с. 13. Музыка Зиринга.

572. «Поэзия труда и горя», М., 1894, с. 17. Музыка Бакалейникова («Весенняя песенка»), Зотова («Пришла пора весенняя...»), Ролова («Весенняя песенка»). С музыкой Бакалейникова в исполнении певицы Н. В. Плевицкой пользовалась популярностью.

573. «Поэзия труда и горя», М., 1894 (вся поэма). Музыка Чернявского («У колодца» — начало поэмы). Поется с незначительными изменениями (Новикова, с. 431). Была популярна в годы Великой Отечественной войны.

574. Стихотворения, М., 1901, с. 65. Музыка Бакалейникова («Под кудрявою рябинушкой»), Чернявского («Под душистою рябинушкой»).

С. С. СИНЕГУБ

575. «Сборник новых песен и стихов», [Женева], 1873, с. 9. Поводом к созданию стихотворения явилось посещение Синегубом осенью 1872 г. ткацкой фабрики на Выборгской стороне (Петербург) с целью революционной пропаганды среди ткачей («Записки чайковца», М. — Л., 1929, с. 32—37). Синегуб свидетельствует, что его стихотворение получило «потом большое распространение среди молодежи и в особенности среди рабочих». Литературным образцом могли послужить «Ткачи» Гейне. Вариант, созданный в рабочей среде в конце XIX в., — «Песни борьбы», с. 70. В устной передаче подверглось переработке (см. с. 950). С 1890-х годов включалось в нелегальные сборники в России (М. Киселев, Из революционного прошлого, М., 1934, с. 21; ИРЛИ, РV, к. 54, п. 2, № 21).

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАССИК

576, 577. «Песни Классика. Думы и юмористические стихотворения», СПб., 1873.

576. В песенниках — с 1880-х годов («Альбом золотых мотивов для любителей и любительниц пения», СПб., 1884). Посвящено П. А. Никитину.

577. Вошло в репертуар «тюремных» песен.

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ

578. Сочинения, СПб., т. 1, 1873, с. 112. В песенниках — в начале XX в. («Около тысячи песен. Сборник новейших песен, романсов и куплетов», П., 1916). Перевод стихотворения английского поэта Барри Корнуэла (1787—1874). Входило в репертуар революционных кружков 1870-х годов. Позже в пении последняя строфа опускалась.

Д. А. КЛЕМЕНЦ

579. «Сборник новых песен и стихов», Женева, 1873, с. 25. с посвящением «крестьянину Борунову» (о нем см. ВРП, с. 756—757) и с подзаголовком: «На голос „Сторона ль моя, сторонка“». Печ. по «Песням борьбы», с. 71. С нотами — «Либретто», 1904. Образец — стихотворение И. З. Сурикова «Эх ты доля, эх ты доля...», ставшее популярной песней (см. с. 738). В устной передаче подверглось различным изменениям. Так, пятая строфа оказалась целиком измененной:

Очутился я в Сибири,
В темной шахте и сырой.
Там товарища я встретил:
Здравствуй, друг мой, я с тобой.

Неоднократно записывалась как народная песня, вплоть до настоящего времени. Варианты: Гартевельд, 1908, № 2; Бирюков, 1953, с. 266; Тонков, с. 73; Анисимова, с. 160; Павлова, № 103. Переработку см. с. 951; ср.: «Фольклор семейских», с. 287, 608—609. Проникла в Болгарию (Кауфман, с. 400).

580. «Сборник новых песен и стихов», [Женева], 1873, с. 35. Указание на авторство: В. Богучарский, Государственные преступления в России в XIX веке. . . , т. 3, Ростов-на-Дону, 1906, с. 16, 31—32; ср.: Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. 1, М., 1947, с. 101 и 113. Фольклорный источник — Соболевский, ч. 6, с. 470—472. Свидетельство о популярности песни: В. Г. Короленко, История моего современника, кн. 2, ч. 3, гл. 4. (О «Дубинушке» см. примеч. 565.)

А. А. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

581. «Без солнца. Альбом стихотворений», СПб., 1874, с муз. Мусоргского. Печ. по Стихотворениям, СПб., 1878, с. 11. Первый романс из цикла «Без солнца». Музыка также Шефера.

582. «Без солнца. Альбом стихотворений», СПб., 1874, с муз. Мусоргского. Печ. по Стихотворениям, СПб., 1878, с. 33. Второй романс из цикла «Без солнца». Музыка также Гродзкого, Таскина.

583. «Баллада», СПб., 1874, с муз. Мусоргского. Поводом к созданию стихотворения явилась картина В. В. Верещагина, показанная на выставке туркестанского цикла художника 19 марта 1874 г. и через несколько дней снятая «по распоряжению властей». Поэт и композитор углубили социальный смысл образа. Мусоргский писал поэту: «Текст и музыка ему (Верещагину. — В. Г.) очень по душе, даже глубже» (Мусоргский, Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову, М.—Л., 1939, с. 81).

584. Стихотворения, СПб., 1878, с. 136, в разделе «Буря». С некоторыми изменениями вошло в цикл Мусоргского «Песни и пляски смерти» («Полководец», 1877). Мусоргский использовал польский революционный гимн «Z думет rożagów» на слова Корнелия Уейского, известный и русским революционерам. Популяризации «Полководца» способствовало исполнение его выдающимся певцом П. А. Лодий. Мусоргский писал: «Ты не можешь достаточно ясно представить себе, милый друг, поразительной особенности твоей картины, когда она передается тенором! Какая-то пригвождающая к месту, какая-то неумолимая, смертельная любовь слышится!.. Невизна впечатления неслыханная! И как талантливо сумел осознать П. А. Лодий твою чудесную картину!..» (Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову, с. 70).

Ф. В. ВОЛХОВСКИЙ

585. «Работник», 1875, № 11—12, с. 8, под загл. «Крестьянская песня», с подзаголовком: «На голос: „Здравствуй, милая, хорошая моя“», с иным заключением. Печ. по «Случайным песням», М., 1907. В рев. песенниках — с 1900-х годов («Песни борьбы»). Первую редакцию и песенный вариант см.: ВРП, с. 259, 762. Известно от рабочего-революционера П. А. Алексева, что в 1870-е годы «Крестьянскую песню» «очень любили петь и часто пели на тех фабриках, где он работал» (Ф. Волховский, Ткач Петр Алексеевич Алексеев, [СПб.], 1906, с. 10). «Вечерело, я стояла у ворот...» — см. с. 560.

И. Л. ЛАВРОВ

586. «Вперед», 1875, 19 июня (1 июля), с. 361. В революционных сборниках — с 1880-х годов («Стихи и песни», М., 1886, без загл.). Свободная переработка «Марсельезы», исполнявшаяся на мелодию французского гимна (см.: Друскин, с. 154, примеч. 24). В «Новом сборнике революционных стихов и песен» (Париж, 1898) озаглавлено «Рабочая марсельеза» и с таким названием приобрело известность в рабочей среде. Исполняться стало в качестве русской массовой песни с 1880-х годов (В. Г. Короленко, История моего современника, кн. 2, ч. 3, гл. 4; Моисеенко, с. 107). Была популярна в конце XIX — начале XX в. до появления «Песни пролетариев» А. Я. Коца (см. с. 879) и особенно «Интернационала». После Февральской революции 1917 г. (по октябрь) стала официальным гимном. Пелась с некоторыми изменениями (ср. ПКиС, с. 23). По ее образцу создавались не только «рабочие марсельезы», но и «солдатская» («Отречемся от гнусного дома...»), «студенческая» («Ты нас вызвал к неравному бою...»), «крестьянская» («Отпустили крестьян на свободу...»). Позднейший вариант «Рабочей марсельезы» см.: «Песни революции», Пг., 1917, с. 3.

Г. А. МАЧЕТ

587. «Вперед», 1876, 3 (15) мая, с. 284. Печ. по автографу («Избранное», М., 1958, с. 44). Павел Феоктистович Чернышев (1854—1876) — студент Петербургского университета, арестованный за пропагандистскую деятельность в августе 1874 г. и умерший от туберкулеза 27 марта 1876 г.; похороны его (30 марта) превратились в политическую демонстрацию. Впервые прозвучала на похоронах студента Подлевского в 1877 г. (И. И. Попов, Минувшее и пережитое, ч. 1, Л., 1924, с. 41—42). В революционных сборниках — с 1870-х годов («Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений», Лондон, 1879). В революционных песенниках — с начала XX в. («Песни борьбы», с небольшими изменениями в ст. 4 и 5, закрепившимися в устном исполнении: «Ты голову честно сложил, Служил ты недолго, но честно»). Ст. 3 в 1900-е годы: «В борьбе за рабочее дело» (Друскин, с. 158), но сохранялось и «народное» (Перед рассветом, с. 49). Иногда ст. 1 пелась: «Замучен в тяжелой неволе», «Замученный тяжкой неволей». В 1890—1900-е годы стала пролетарским траурным гимном. Была любимой песней в семье Ульяновых. Пелась ссыльными революционерами, на демонстрациях, похоронах жертв реакции, в годы гражданской войны. Хор Большого театра СССР исполнил ее на похоронах В. И. Ленина. Ее пели в годы Великой Отечественной войны, в частности молодоговардейцы Краснодона перед казнью. С нотами — ПКиС, с. 31.

А. В. КРУГЛОВ

588. Стихотворения, М., 1897, с. 104. В песенниках — с начала XX в. («Месяц», М., 1912). Музыка Агреновой-Славянской, А. С. Танеева. В пении первая строфа опускается, остальные варьируются. Песенный вариант: РП XIX в., с. 29.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

589. «Русское обозрение», 1878, 5 февраля. Явилось, возможно, откликом на политический «процесс 193-х» (Друскин, с. 159). Получило известность в качестве песни политических ссыльных с начала 1880-х годов (Моисеенко, с. 48), исполнялась также как каторжно-уголовная (Гартевельд, 1908, № 1, записана на каторге). Три строфы вошли в «Похоронный марш» неизвестного автора (см. с. 958). Предположение И. Н. Розанова, что автором песни является депутат Думы журналист и педагог В. Г. Архангельский (ПРП, 1957, с. 435), не подтверждается.

П. А. МОИСЕЕНКО

590. Моисеенко, с. 35, под загл. «Вторая песня» (помещена вслед за песней «Ткачи»). Написана в тюрьме, где Моисеенко сидел за участие в забастовке.

И. М. МИНСКИЙ

591, 592. Печ. по Полному собранию стихотворений, СПб., 1907.

591. Стихотворения, СПб., 1883, с. 106. Музыка Бларамберга, Броуна, Волкова-Давыдова, Гродзкого, Золотарева, Лисовского, Векслера, Киселева, Постовского, Рукина, Шашиной. Датируется по Стихотворениям, СПб., 1888.

592. Стихотворения, СПб., 1888, с. 144, в цикле «С восточного». Музыка С. Рахманинова.

А. А. ОЛЬХИН

593. «Общее дело», 1885, № 80, Отдел «Из запретных стихотворений последних лет», с. 15, без подписи. Переработка одноименного стихотворения В. И. Богданова (см. с. 762). Вариант с нотами: ПКИС, с. 86. Приобрело популярность в 1880-е годы и в устном бытовании подверглось различным переработкам (см. с. 954). Авторство Ольхина установлено на основании агентурной справки департамента полиции (1879) (см.: С. Кравчинский, Смерть за смерть, Пг., 1920, предисловие В. Петровского, с. 9). Однако оно взято под сомнение Е. В. Гиппиусом (Е. Гиппиус, «Эх, ухнем». «Дубинишка». История песен, М., 1962, с. 20).

Н. А. ПАНОВ

594. «Игрушечка», 1881, ноябрь, № 44—45, с. 1504, под загл. «Песня». Печ. по сб. «Думы и песни», СПб., 1882, с. 39. О популярности в качестве песни см.: Белоусов, 1928, с. 32.

595. «Гусли звончатые», СПб., 1896, с. 21. В песенниках — с 1890-х годов («Новый песенник. Приказчик»; М., 1898).

596. «Гусли звончатые», с. 139. В песенниках — с 1890-х годов («Новый песенник. Приказчик», М., 1898). Музыка Зорина.

597. «Гусли звончатые», с. 137. Печ. по сб. «Родному народу», СПб., 1901, с. 73. В песенниках — в начале XX в. («Дубинушка. Новый песенник русских трудовых песен», М., 1917).

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

598—600. Стихотворения, СПб., 1882.

598. В песенниках — с начала XX в. («Машинушка. Новый песенник», М., 1910).

599. В песенниках — с начала XX в. («Новейший песенник. Последний нынешний денечек», М., 1909). Музыка Александрова. Известен также текст в обработке Ожегова (см. с. 848). Авторство иногда ошибочно приписывается Федорову (Якуб, с. 63). Песенные варианты: Новикова, с. 488; «Фольклор семейских», с. 256.

600. В песенниках — с 1890-х годов («Чудный месяц», М., 1895).

С. Ф. РЫСКИН

601, 602. Стихотворения, М., 1888.

601. В песенниках — с начала XX в. («Ермак», М., 1912). Песенные варианты: Новикова, с. 428; «Фольклор семейских», с. 288.

602. Получило распространение среди ссыльных в Сибири. В тюремной среде песне приданы черты «жесточкого» романса. Песенные варианты: Новикова, с. 427, «Фольклор семейских», с. 28. Ст. 1 обычно поется: «Хороша эта ноченька темная...».

Д. Н. САДОВНИКОВ

603. РМ, 1882, кн. 3, с. 174. В песенниках — с начала XX в. («Новый русский песенник. Ямщик», М., 1904). Проникло в лубок — «По саду городскому», М., 1901. Известна граммофонная запись начала 1900-х годов в исполнении хора Ф. П. Павлова (4 строфы). Ст. 1 в пении: «Как по саду городскому...», «Мимо саду городского...». В лубке и песенниках текст изменен и сокращен до 8 строф (1—6, 11, 19). Песенные варианты: Певец Волги Д. Н. Садовников, Куйбышев, 1940, с. 152; Бардин, с. 109; Акимова, № 167. Иногда контаминируется с песней «Из-за острова на стрежень...» (Гусев, с. 94). В стихотворении использованы мотивы преданий о любовных приключениях Степана Разина.

604. «Волжский вестник», 1883, № 12, под загл. «Из волжских песен». В песенниках — с начала XX в., с искажениями, в составе стихотворения неизвестного автора «Жертва Волги» («Молодой матрос», М., 1901). Проникло в лубок (Клепиков, с. 173). Бытует с

начала 1890-х годов. Инсценировалась солдатами в Ярославле в 1905 г., отдельными элементами вошла в народную драму «Лодка» и в сказку (Певец Волги Д. Н. Садовников, с. 150—151). Песенный вариант, радикально отличающийся от авторского текста: Померанцева, 1957, с. 249. В основе стихотворения лежит предание, изложенное в монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», а также известное в записи П. И. Якушкина. Современный песенный вариант см. с. 957. Упомянуты: В. Вересаев, «На повороте», гл. 15.

И. К. КОНДРАТЬЕВ

605. «Думы и были», М., 1884, с. 61. Музыка Пригожего. Стало городским романсом.

606. «Под шум дубрав», М., 1898, с. 294, в цикле «Из песен венгерских цыган». Исполнялось хором московских цыган.

Ф. П. САВИНОВ

607. «Волна», 1885, № 13, с. 2, под загл. «На родной почве»; печ. по Стихотворениям, М., 1900, с. 45. Три строфы (1, 2, 5) стали известной песней «Вижу чудное приволье...», считающейся народной. Музыка Чернявского (Шилов, с. 20), Самойлова. Песенный вариант: Новикова, с. 589; в примечании составитель пишет: «Песня получила известность в 20—30-е годы» (с. 692) и на этом основании помещает ее в раздел советских песен. Последняя строфа, которой автор во 2-й редакции стихотворения придал религиозно-шовинистический оттенок, в пении отброшена.

К. Р.

608. Стихотворения, СПб., 1886, с. 46. Музыка Чайковского (1887).

609. Стихотворения, СПб., 1886, с. 175. В песенниках — с 1890-х годов («Колечко», Песенник, Киев, 1899), часто с подзаголовком «народная песня». В пении сокращено. Послужило образцом для другой, особенно популярной в демократических кругах песни «Умер бедняга от тяжких побоев...». Известна также сатирическая переработка «Умер святоша Ванька Кронштадтский...». Имеются современные записи в качестве «старинной рекрутской» (ИРЛИ, Рv, к. 196, п. 5, № 304).

С. Я. НАДСОН

610, 611. Печ. по Полному собранию стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1962.

610. Муз. Дмитриева. Свидетельство о популярности: Якуб, с. 73.

611. Музыка Блейхмана, Варгина, Величковской-Бертеновой, Речунова, Кюи, А. Рубинштейна, Симона, Таскина, Шефера, Юфрова.

И. А. БОЗЛОВ

612. Отд. изд., М., 1888, с муз. Оппеля. Печ. по Полному собранию сочинений, т. 1, М., 1897, с. 26. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник», СПб., 1906). Проникло в лубок (Клепиков, с. 172). Стало популярным романсом начала XX в.

М. Н. СОЙМОНОВ

613. М. Н. Соймонов, Недопетые песни, СПб., 1891, с. 227. В песенниках — с начала XX в. («Новейший полный песенник...», СПб., 1906), часто под загл. «Молодка». С нотами — «Либретто», 1904, с. 542. Свидетельство о популярности: Белоусов, 1928, с. 74—75. Ст. 1 поется: «Как полосыньку я жала...».

М. И. ОЖЕГОВ

614. Песни и стихотворения, М., 1892, с. 47. Печ. по изд. «Колечко. Песенник», сост. М. Ожегов, Киев, 1899, с. 26. Публиковалось в песенниках, составленных самим Ожеговым.

615. «Молодецкая кручина. Новый песенник». Составил М. Ожегов, М., 1893, с. 31, с подзаголовком «Из народных мотивов». Из всех песен Ожегова наиболее прочно удержалась в устном репертуаре. Записывалась советскими фольклористами. В ст. 1 поется: «бережков».

616. Песенник «Колечко», сост. М. И. Ожегов, М., 1896, с. 35. Переработка песни неизв. автора (см. с. 914).

617. Песни и стихотворения, М., 1901, кн. 2, с. 25, с подзаголовком «Из народной песни». В действительности является редакцией стих. Немировича-Данченко (см. с. 817), ставшего песней. Редакция Ожегова также вошла в устный обиход.

Д. Ш. РАТГАУЗ

618. Стихотворения, Киев, 1894, с. 15 (ц. р. 9 июля 1893 г.). Печ. по Полному собранию стихотворений, т. 1, СПб., [1906], с. 28. Музыка Чайковского (1893). Первый романс в цикле, выполняющий функцию драматической завязки.

С. А. САФОНОВ

619. Стихотворения, СПб., 1914, с. 122 (в основу издания лег сборник, готовившийся самим поэтом в 1901 г.). Музыка Гротто-Слепиковского, Золотарева, С. Кузнецова, Осина, Смирнского, Солуха, Чернова, Юкельсона, Икскуль и др. В нотных изданиях иногда как цыганская песня. Популярный до недавнего времени романс. «*Это было давно, я не помню, когда это было*» — стало крылатым выражением.

620. Стихотворения, СПб., 1900, с. 104. В песенниках — с начала XX в., под назв. «Уголок». Музыка Алонза, Веева, А. Петрова, К. Петрова, Штейн-Манфреда, Таскина (мелодекламация). Популярный городской романс. Посвящено М. А. Потоцкой.

М. ГОРЬКИЙ

621. «Самарская газета», 1895, № 98, 11 мая, в составе сказки «О маленькой фее и молодом чабане». Печ. по изд.: «М. Горький и поэты „Знания“», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1958, с. 82. В песенниках — с начала XX в. («Славянский век», 1901). Музыка Спендиарова («Рыбак и фея», баллада, 1903), С. Волкова-Давыдова (мелодекламация, 1907), Г. Базилевского («Фея», 1907), А. Туренкова («Фея», 1917). Вошла в устный репертуар с муз. неизвестных авторов (записи Б. М. Добровольского 1950-х годов в Горьковской и Костромской областях — Фонограммархив ИРЛИ).

М. В. МЕДВЕДЕВ

622. Отд. нотное изд., СПб., 1897, с муз. А. Гуэрчиа, с подзаголовком: «Романс, с большим успехом исполненный г-жой Комиссаржевской». Перевод итальянского романса «*Ei mi diceva che avrò sfidato...*» (слова Е. Дельпрейте), введенный в спектакль «Бесприданница» на сцене Александринского театра как романс Ларисы в исполнении В. Ф. Комиссаржевской (преьера — 17 сентября 1896 г.) и закрепившийся в других постановках пьесы Островского. Более известна другая редакция (А. Гварца), печатающаяся в современных нотных изданиях. Об исполнении романса Комиссаржевской см. воспоминания Е. П. Карпова (сб. «Памяти В. Ф. Комиссаржевской», СПб., 1911) и Ю. М. Юрьева («Огонек», 1936, № 5).

Л. П. РАДИН

623. «Песни революции», [Женева], 1902, с. 6, с нотами, без подписи. В нелегальных сборниках революционных песен — с 1905 г. (Перед рассветом), в легальной печати — «Путь правды», 1914, 1 мая. Музыка автора (В. Бонч-Бруевич, «Смело, товарищи, в ногу...». — СМ, 1955, № 12, с. 6). Исполнялась также на напев, близкий к мелодии песни на текст И. С. Никитина «Медленно движется время...» (А. С. Шаповалов, В борьбе за социализм, М., 1934, с. 202), или — к мелодии песни «Славное море, священный Байкал...» (Житомирский, с. 8—12). Популярный в революционной среде напев — ПКиС, с. 70. Написано в одиночной камере московской Таганской тюрьмы. До публикации распространялось в списках на фабрике бр. Жиро (Москва). В 1898 г. пелась «первыми ссыльными социал-демократами» в Минусинске (П. Н. Лепешинский, Старые песни революции. — «Огонек», 1927, № 32). Популяризировалась среди рабочих Москвы хоровым кружком при Пречистенских курсах (Е. Че-

моданова, Из прошлого. — СМ, 1948, № 7). В годы гражданской войны создавались новые варианты (Друскин, с. 161—162, примеч. 53). Известна в Болгарии (Кауфман, с. 464).

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

624. «Песни борьбы», с. 57. Печ. по ПКиС, с. 64. Напев восходит к «Маршу зуавов» — песне польских эмигрантов во Франции (середина XIX в.), но заметно отличается от оригинала (Друскин, с. 97—101). В ст. 1 часто вм. «воют» — «веют». Одна из наиболее популярных песен русского пролетариата. Вольный перевод стихотворения польского поэта Вацлава Свенцицкого «Warszawianka» (1880), написан Кржижановским в Бутырской тюрьме (Москва). Текст оригинала переработан в соответствии с задачами политической борьбы русского пролетариата (Г. М. Кржижановский, Песни борьбы. — СМ, 1955, № 12; дата создания польского оригинала указана неточно).

625. «Южный рабочий», 1900, № 1, с. 14. С нотами — «Русские революционные песни», М., 1952, с. 125. Музыка львовского композитора А. Вахнянина (ум. в нач. XX в.), переработанная в процессе исполнения (ПКиС, с. 35). Источник — или стихотворение львовского поэта А. Колессы (1867—1945) «Шалійте, шалійте, скажені кати» (М. Рыльский, Розквіт народної творчості на Україні. — «Народна творчість та етнографія», кн. I, Київ, 1957, с. 13), или, вероятнее, польская песня «Szalejcie, tyranі, niech pastwi się Kat...» («Pieśni gniewne», Warszawa, 1962, с. 38). Написано Кржижановским в ссылке; исполнялось при участии Ленина. Датируется по статье Г. М. Кржижановского, Песни борьбы. — СМ, 1955, № 12. О мелодии и исполнении в ссылке см.: П. Н. Лепешинский, Старые песни революции («Огонек», 1927, № 32).

П. Г. ГОРОХОВ

626, 627. «Самобытная свирель», М., 1901.

626. В песенниках — с 1910-х годов («Сборник новейших песен. Могила», М., 1912), часто с подзаголовком: «Любимая народная песня». В песенном обиходе подверглась переработке. Известна солдатская песня «Измученный, истерзанный кровавою войной...». Неоднократно записывалась как народная песня советскими фольклористами. Песенные варианты: А. В. Пястовский, Коллективная пролетарская поэзия, М. — Л., 1927, с. 175; А. Дымшиц, Литература и фольклор, М., 1939, с. 138; Павлова, № 98; Усов, с. 177; Гусев, с. 56; Померанцева, 1958, с. 272. Ноты — Попова, вып. 3, с. 211.

627. В песенниках — с 1910-х годов («Полный русский песенник», М., 1911). В песенном обиходе подверглось изменениям, строфы 2, 3, 8 опускаются, ст. 1 обычно: «Бывали дни веселые...». В Сибири исполняется как «тюремная» («Фольклор семейских», с. 269—270). Музыка Штольца.

Е. А. БУЛАНИНА

628. Раздумья. Стихотворения, М., 1901, с. 75. В песенниках — с 1910-х годов («Пожалей», СПб., 1913). Популярным романсом стала часть стихотворения, начинающаяся словами: «Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды...» (музыка Федоровской). Другая редакция текста — с музыкой Жирковского. Музыка также Н. Александрова, Мишина. По образцу этой песни создана солдатская песня «Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался...», а в годы гражданской войны — песня «Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли...» («Стихи, песни и частушки времен гражданской войны в Забайкалье». Сост. Л. Е. Элиасов, Чита, 1957, с. 137; «Фольклор семейных», с. 352).

В. Я. БРЮСОВ

629. «Urbi et orbi», М., 1903, с. 118. Музыка Энгеля, Толокопникова, Вильбушевича. Вошло в песенный репертуар масс. Так, имеются сведения, что в Каргополе Олонецкой губ. «в местной тюрьме арестанты пели «Каменщика» на мотив, сложенный ими самими» («Библиография В. Брюсова», М., 1913, е. 43).

630. «Stephanos», М., 1906, с. 103. Музыка С. Рахманинова.

Г. А. ГАЛИНА

631. Отд. изд. с муз. Губченко (ц. р. 1899 г.). Печ. по Стихотворениям, СПб., 1902, с. 159. В песенниках — с начала XX в. («Ухарь-купец. Новый русский песенник», М., 1909). Являясь откликом на англо-бурскую войну 1899—1902 гг., стало особенно популярным в годы первой русской революции; в устном обиходе подверглось переработке (см. с. 959).

632. «Предрабачные песни», СПб., 1906, с. 3. До этого опубликовано за границей («Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Собрал Ф. Ф. Фидлер, М., 1911, с. 143). Музыка Баровского, Бюцова. Часто звучала с эстрады, на сходках молодежи, на демонстрациях. Мельшин-Якубович называл ее «очень недурной песней» («Очерки русской поэзии», СПб., 1904, с. 369). Перепечатывалось без подписи в социал-демократических изданиях. Написано в связи с правительственными репрессиями против революционно настроенного студенчества — отдачей в солдаты 183 киевских студентов. Было прочитано поэтессой накануне демонстрации 4 марта 1901 г. в петербургском «Союзе писателей» в присутствии Горького, Короленко, Мамина-Сибиряка, Станиславского, Вл. И. Немировича-Данченко, Скитальца и других выдающихся литераторов, журналистов, деятелей искусства (сб. «Горький на родине», Горький, 1937, с. 150).

СКИТАЛЕЦ (С. Г. ПЕТРОВ)

633—635. Печ. по изд.: «М. Горький и поэты „Знания“, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

633. «Жизнь», 1901, № 1, с. 225. Музыка Багриновского, Кашперовой.

634. «Рассказы и песни», кн. 1, СПб., 1902, с. 272. Музыка Базилевского, Геккера, Золотарева, Кёнемана, Эренберга, Фролова и др.

635. «Жизнь», 1901, № 3, с. 266. В песенниках — с начала XX в. (Якуб, с. 73). Музыка Безродной, Глиэра, Мекк, Таскина.

А. Я. КОЦ

636. «Жизнь», 1902, с. 199, без подписи, под загл. «Пролетарская». Печ. по «Революционной поэзии», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1954, с. 109. Среди революционеров и рабочих была известна как «Пролетарская марсельеза», «Рабочая марсельеза», «Русская марсельеза». Явилась одним из вариантов марсельезы, возникавших в рабочей среде и заменявших французскую «Марсельезу», уже не удовлетворявшую русских пролетариев (А. Л. Дымшиц, О рабочих марсельезах. — Сб. «Литература и фольклор», Л., 1938, с. 161—182). Песня Коца оказалась среди них одной из наиболее популярных, распространялась в листовках и песенниках, пелась на митингах и демонстрациях.

В. В. БАШЕНИН

637. Стихотворения, М., 1905, с. 24. Музыка Айсберга, Вивьена, Виноградова.

И. РЕПНИНСКИЙ

638. «Русь», 1904, 17 февраля (1 марта). В песенниках — с 1900-х годов («Новейший полный песенник», СПб., 1907). Музыка Богородицкого (1904), студента Юрьевского университета; Беневоского (хор, 1904). В процессе устного бытования мелодия подвергалась изменениям, вместо двухдольного (маршевого) ритма установился трехдольный (вальсовый). Известность приобрели обработки Свешникова и А. Александрова (Шилов, с. 29—30), Варианты напевов — Попова, вып. 3, с. 133.

Е. Ш. СТУДЕНСКАЯ

639. «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», 1904, № 4, с. 2, вместе со стихотворением немецкого поэта Рудольфа Грейнца (1866—1942) «Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck...», под общим загл. «Памяти „Варяга“», с указанием на источник, откуда перепечатан немецкий текст: «Jugend». Стихотворение Грейнца было впервые опубликовано в газ. «Jugend», 1904, 12/25 февраля, под загл. «Warjag». В песенниках — с 1910-х годов («Полный русский песенник», М., 1911). В нотных изданиях авторами музыки называются И. Н. Яковлев или И. М. Корносевиц. Одним из соавторов, возможно, является музыкант 12-го гренадерского Астраханского полка А. С. Турищев. Известная ныне мелодия — результат взаимодействия нескольких популярных песен (Шилов, с. 35—37). «Варяг» — крейсер, погибший в бою у Чемульпо 27 января 1904 г.

В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

640. Стихотворения, СПб., 1905, с. 36. Печ. по Собр. соч., т. 10, СПб., 1910. Вошло в песенный репертуар, известно в разных вариантах, записанных советскими фольклористами (см. с. 961).

641. «Голос солдата», Рига, 1906, 14 ноября, под загл. «Перед смертью». Пелась на напев «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...». В годы гражданской войны подверглась переработке (сб. «50 русских революционных песен», № 44; Новикова, с. 551). Посвящена семи кронштадтским минерам, поднявшим восстание на форте «Константин» и расстрелянным в 1906 г. «Палач-генерал». Расстрелом командовал генерал Ракин; слова, вложенные в его уста, принадлежат коменданту Кронштадта Адлербергу, который приказал минерам самим себе копать могилу.

И. К. ЭДНЕТ

642. «Новая жизнь», 1905, 25 ноября. Печ. по «Революционной поэзии», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1954, с. 183. Посвящено жертвам «кровавого воскресенья». В ночь на 13 января 88 трупов было отправлено на Преображенское кладбище («на десятую версту») и свалено в одну братскую могилу. Песенную известность в среде рабочих приобрела вторая часть стихотворения (с 21-го стиха).

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

643. «Солдатская жизнь», 1906, № 1, подпись: Гренадер. Печ. по «Избранному», М., 1954, с. 392. В песенниках — с 1900-х годов («Сборник новейших песен. Ванька и Дунька», М., 1908). Печатались в нелегальных большевистских изданиях. Приобрело большую популярность сначала в кругах революционной интеллигенции, затем среди солдат и рабочих. По свидетельству современника, «эту песню очень любили петь в семьях рабочих... матери пели ее над колыбелью своих детей» (Иван Малютин, Незабываемые встречи, Челябинск, 1957, с. 43). Песенный вариант времени первой мировой войны: Потявин, с. 268. Более поздние песенные варианты: Померанцева, 1957, с. 254; «Фольклор семейских», с. 289. В рукописной заметке «История песни» сама поэтесса пишет: «Это было в полном смысле слова народное творчество» («Избранное», М., 1954, с. 816, примеч. к тексту).

Г. А. РИВКИН

644. ПКиС, с. 94. Текст и мелодия созданы автором в Морской следственной тюрьме (Кронштадт). Посвящено памяти девятнадцати кронштадтских моряков, расстрелянных 21 сентября 1906 г. Мелодия распета узниками кронштадтской тюрьмы, а затем распространялась по тюрьмам и местам ссылки революционеров.

З. Д. БУХАРОВА

645. «Ноктюрн», отд. изд. с муз. Гродзкого, СПб., ц. р. 1903 г. В песенниках — с 1910-х годов («Окрасился месяц багрянцем. Но-

вейший русский песенник», М., 1912). Печ. по изд.: Б. Гродзкий, Ноктюрн, М. — Пг., 1923. Песня была популярна в студенческой среде в начале XX в.

С. Е. ГАНЬШИН

646. «Звезда», 1912, 25 марта. Вошла в песенный репертуар (Якуб, с. 73).

Ф. С. ШКУЛЕВ

647. «Наше дело», 1906, 11 ноября. Печ. в первоначальной редакции, так как она легла в основу песенных вариантов. Позднее текст перерабатывался автором (последнюю редакцию см.: «У истоков русской пролетарской поэзии», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965, с. 228). С нотами — «Музыкальный сборник для Красной Армии и Флота», М., 1922; ПКИС, с. 76. По свидетельству Ф. Киселева, со слов самого Шкулева, «эта песня рождалась в рядах дружинников на пресненских баррикадах» (ЛГ, 1955, 15 ноября). Впервые исполнялась рабочими железнодорожных мастерских и слесарями (ПКИС, с. 110). Получила широкое распространение в годы первой мировой войны (Белоусов, 1929, с. 95) и особенно во время революции 1917 г. и в годы гражданской войны. Вариант: Новикова, с. 541 (перепечатан ПРР, с. 241—242). В пении ст. 1 иногда: «Мы кузнецы, и друг наш — молот...»; пятая строфа обычно опускалась.

А. Н. ВУДИЩЕВ

648. «Огонек», 1916, № 44, с. 1. Популярный городской романс, известный под названием «Калитка». В пении вместо «чадра» — «платок» или «кружева». Музыка А. Обухова.

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

649. «Русская потаенная литература XIX ст.», ч. 1, Лондон, 1861, с. 426, под загл. «Современное стихотворение», без подписи. С сокращениями, перестановками и припевом «Вот житье, вот бытъе, Жизнь горе рассейское» — сб. «Свободные русские песни», [Берн], 1863, с. 11. Печ. по ВРП, с. 118. В легальных песенниках — с 1907 г. Приписывается Курочкину («Русская старина», 1887, № 9, с. 631). Имеется также менее вероятное предположение, что автором был А. Григорьев (Н. С. Лесков-Стебницкий, «Загадочный человек», гл. 14; ср.: П. Боборыкин, Из воспоминаний о пишущей братии. — С.-Пб. ведомости, 1877, 10 февраля), а также И. или В. Умнов (письмо Я. П. Полонского к Островскому от 3 апреля 1876 г. — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М. — Л., 1932, с. 455). В сб. «Лютня» (Лейпциг, 1869) и др. изд. автором называется П. Холод<к>овский-Цибульский. Впервые была исполнена на демонстрации студентов Казанского университета по случаю расстрела крестьян в с. Бездна Казанской губ. (апрель 1861 г.). О распространении песни в 1860-е годы см.: «Колокол», 1865, л. 208; 1866, лл. 212 и 214; М. А. Васильев, Песни казанского студенчества. — «Уч. зап. Казанского университета», т. 90, кн. 5, 1930, с. 852;

М. В. Нечкина, «Земля и воля» 1860-х годов. — «История СССР», 1957, № 1, с. 118, 131. В 1870-е годы исполнялась хором, организованным П. А. Моисеенко, в пивных и трактирах Петербурга (Моисеенко, с. 14). Особенно популярна была в революционно настроенной студенческой среде (Друскин, с. 35—38). Варианты: сб. «О минувшем», СПб., 1909, с. 182; Е. Г. Бушканец, Нелегальная революционная поэзия 1860-х годов. — «Русская литература», 1959, № 1, с. 130, 142. Упоминается: Ф. Писемский, «Люди сороковых годов»; Вс. Крестовский, «Панургово стадо» (как «русская Марсельеза»).

650. «Свободные русские песни», [Берн], 1863, с. 79. Печ. по ВРП, с. 136. Создана студентами — участниками уличной демонстрации 1861 г., заключенными в Петропавловскую крепость, первоначально в качестве гимна в так называемой «опере из жизни студентов» (сюита на мелодии из модных опер с новыми текстами). Иногда приписывается И. Г. Прыжову. Получила самостоятельную жизнь в качестве популярной революционной песни, исполнялась на мелодию «Славься» М. И. Глинки (Л. Ф. Пантелеев, Воспоминания, Л., 1934, с. 723). Пелась политическими ссыльными в 1886 г. (Ф. Я. Кон, За 50 лет, М., 1932, с. 225), перепечатывалась в марксистских нелегальных сборниках в годы первой русской революции («Песни борьбы», 1906, Ростов-на-Дону). Известна пародийная сатирическая переработка с именем Николая («История пролетариата СССР», 1935, № 1 (21), с. 101).

651. Аристов, с. 18. Сокращенный вариант опубликован в «Студенческих песнях», СПб., [1886], с. 53. В среде революционно настроенного студенчества исполнялись следующие строфы:

Выпьем первый бокал
За свободный народ,
А второй нащ бокал
За девиз наш «вперед»!

А наш третий бокал
Будем все подымать
За любимую Русь,
Нашу родину-мать.

Иногда вставлялись еще две строфы:

За здоровье того,
Кто «Что делать» писал,
За героев его,
За его идеал.

Выпьем мы за того,
Кто писал «Капитал»,
А еще за того,
Кто ему помогал.

(М. С. Друскин. Студенческая песня в России. — «Очерки по истории и теории музыки». Л., 1939, с. 67—68),

Последняя строфа часто поется:

Ведь от рюмки вина
Не болит голова,
А болит у того,
Кто не пьет ничего.

Известна позднейшая переработка в рабочей среде (ПРР, с. 127).

652. П. Булахов. Романсы и песни, СПб., 1877, № 26, текст Н. Н. Популярный городской романс. Включен в кинофильм «Поединок» по повести А. Куприна. Сохраняется в репертуаре современных исполнителей романсов.

653. «Песни борьбы», с. 65. Ср.: С. П. Шестеркин, Пережитое, Иваново, 1940, с. 14. Песня неизвестного автора 1870-х годов. Все четыре строфы вошли в «Похоронный марш» (см. с. 958), а также, наряду с ним, исполнялись в качестве самостоятельной песни.

654. «Русские песни», с. 380. С нотами — ПКиС, с. 38. В репертуаре политических ссыльных — с 1870-х годов. Вариант: Новикова, с. 489. Переложение песни польских революционеров 1860-х годов.

655. «Либретто», 1904, с. 550. В песенниках — с 1900-х годов («Бродяга. Новый песенник», М., 1909). В Сибири известна с 1880-х годов (Белокопский, с. 209—210). В песенниках с 1913 г. появляется подпись: «П. К.», в одном встретилась: «И. К.». И. А. Назаров называет автором песни поэта И. К. Кондратьева (Назаров, с. 68). Однако в весьма полном собрании стихов Кондратьева («Под шум дубрав» (1897) этого стихотворения нет. В устном бытовании подверглось изменениям. Иногда перед строфой, начинающейся словами: «Бродяга Байкал переехал», поется:

А ветер ему отвечает:
«Напрасно, бедняга, бежишь!»
А бедное сердце не чувствует,
Что нету родных уж в живых.

Часто строфы 2, 3, 4, 6 опускаются. Вариант: Гартевельд, 14 песен, № 2 («В пустынных степях Забайкалья»).

656. «Цыганские ночи», № 197, СПб., [1902], изд. Ю. Г. Циммерман. В песенниках — с 1906 г. («Новейший полный песенник», СПб., 1907) как «народная босяцкая песня» или «новая народная песня»; с 1914 г. проникла в лубок. Долгое время приписывалась А. М. Горькому, включившему текст в пьесу «На дне» (11 строк). Стала известна Горькому, по-видимому, от Скитальца (С. П. Петрова), который слышал ее в рабочей артели в 1880-е годы (В. М. Потявин, О песне «Солнце всходит и заходит». — Тезисы докладов и сообщений 2-й конференции горьковедов. Горький, 1959, с. 63—64). По свидетельству А. Б. Гольденвейзера и Е. П. Пешковой, эту песню пели Горький и Скиталец, который аккомпанировал на гуслях (В. А. Василенко, Кто автор песни «Солнце всходит и заходит». — «Алтай», № 17, Барнаул, 1961, с. 125—126). Исследование фольклорных записей песни также подтверждает пред-

положение, что песня могла появиться в 1880-е годы и, следовательно, создана не Горьким (там же, с. 150—151). Пьеса «На дне» сыграла большую роль в распространении песни. Б. Бялик высказывает предположение, что песня является обработкой Горьким фольклорной песни (М. Горький, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), 1963, с. 26—32). Фольклорность текста и факт его обработки Горьким остаются недоказанными. Не исключена возможность, что песня возникла как произведение индивидуального литературного творчества в среде заключенных. В песенниках иногда приписывается Н. И. Красовскому (пеец, куплетист). Часто исполнялась на напев «Черного ворона», что послужило причиной контаминации ее с последним в процессе дальнейшего бытования и фольклоризации (см. с. 959). С потами — ПКиС, с. 29. В переработке польского поэта С. Бильского распространилась в Польше (Pieśni gniewne, Warszawa, 1962, с. 32—33), в переводе и переработках — в Болгарии (Кауфман, с. 266).

657. Печ. по изд. «Карие глазки. Новейший сборник русских песен», М., 1917, с. 80. Обычно приписывалось М. Ожегову. С его именем песню связал В. И. Чернышев на том основании, что эта песня якобы впервые была опубликована в песеннике Ожегова «Колечко» (М., 1896) за подписью поэта («Русская баллада», 1936, с. 471). Эта версия была принята И. Н. Розановым, Н. П. Андреевым и др. С. А. Клепиков усомнился в авторстве Ожегова, поскольку был обнаружен лубок 1893 г. с текстом песни, который, следовательно, появился «на 3 года раньше ожеговского песенника» (Клепиков, с. 118). Ожегов придал сюжету благополучный конец (см. с. 847). Варианты: Чернышев, с. 53, 161.

658. Гартевельд, 25 песен, № 18.

659. «Русские народные песни», вып. 2, М.—Л., 1936, с. 13. Песня неизвестного автора, входившая в репертуар заключенных и ссыльных в предреволюционную эпоху.

660. «Либретто», 1901, с. 173. Варианты: РП XIX в., с. 19; Новикова, с. 443.

661. «Любимые песни московских цыган», № 477, М., 1906, изд. А. Гутхейль, в обработке Пригожего. Музыка Б. Б. (Барятинского?). Популярный городской романс. Сохраняется в репертуаре современных исполнителей романса. Текст приписывается А. Тимофееву.

662. ПКиС, с. 103. *Александровский централ* — центральная каторжная тюрьма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСЕННЫЕ ПЕРЕРАБОТКИ СТИХОТВОРЕНИЙ XVIII—XIX ВВ.

663. Новикова, с. 349 (запись 1920-х годов). Варианты: Киреевский, НС., в. 2, ч. 1, с. 76; Чернышев, с. 52; 159—160; Соколовы, № 675; Померанцева, 1957, с. 243; Померанцева, 1958, с. 258; Пес-

ня была особенно популярна в начале XX в. под названием «Сергея-пастушок», выносившимся иногда на обложку песенников («Сергея-пастушок», Киев, 1911). Ноты — Гиппиус, с. 134. Источник — № 102.

664. Новикова, с. 352 (запись 1930-х годов). Источник — № 29.

665. Мякутин, ч. 3, с. 93 (запись 1890-х годов). Вариант — «Русские песни», с. 342. Источник — № 162.

666. Запись составителя на смотре художественной самодеятельности Костромской обл., 1960. Современный песенный вариант, восходящий к публикации с муз. Варламова (М., изд. Ю. Грессера, 1848). Близкие варианты: «Песни тиролек», М., 1860, № 76 (перепечатан: РП XIX в., с. 401); «Новейший русский цыганский песенник», СПб., 1861, с. 89. Развернутый вариант: Янков, с. 91. Источник — № 201.

667. Запись составителя 1941 г. от бойцов действующей армии. Варианты: Русская баллада, № 332; Новикова, с. 372. В 1959 г. записана И. Земцовским в Костромской обл. (ИРЛИ, РV, к. 196, п. 3, № 39). Источник — № 205.

668. Померанцева, 1957, с. 245 (запись 1949 г.). Варианты: Гуревич, Элиасов, с. 1, 2; Новикова, с. 372; Песни гребенских казаков, Публ., вступ. ст. и комментарии Б. Н. Путилова, Грозный, 1946, № 198; Потявин, с. 256; «Фольклор семейских», с. 611 (в контаминации с «Черной шалью» Пушкина). Неоднократно записывались фольклористами и в послевоенные годы, в частности Костромской экспедицией ИРЛИ 1959—1960 гг. (ИРЛИ, РV, к. 196, п. 3, № 63). Источник — № 215.

669. Запись составителя 1959 г. в Костромской обл. (ИРЛИ, РV, к. 196, п. 2, № 103). Варианты: Якуб, с. 91; Песни Пинежья, кн. 2, М., 1937, с. 282; Акимова, с. 178; Новикова, с. 365; Померанцева, 1957, с. 246, 318; «Фольклор семейских», с. 275. Иногда песня завершается строфой:

«Нельзя мне, товарищ, с тобой улететь,
Судьбой суждено мне в тюрьме умереть, —
Закованы руки, и ноги в цепях,
Нет силы могучей в иссохших руках».

Напевы в крестьянской среде отличаются от известного (см.: Янков, с. 87). Источник — № 168.

670. Запись составителя 1942 г. от бойцов действующей армии. Вариант, характерный для конца XIX — начала XX в.: Догадин, вып. 1, с. 12. В годы Великой Отечественной войны по образцу «Ермака» создавались новые фронтовые песни (Крупянская и Минц, с. 68). Источник — № 218.

671. «Новый полный песенник», М., 1874. Варианты: «Маяк», М., 1876, с. 149; Вессель и Альбрехт, № 50; Ф. Лаговский, Ноты

к сборнику народных песен, в. 1, М., 1876, № 73; Ядринцев, с. 111; В. Тернопольская, Песни сормовских рабочих (НТ, 1937, № 9—10; СМ, 1949, № 8, с. 82). Часто начинается со 2-й строфы. О популярности среди политических ссыльных см.: Белокопский, с. 208; Ядринцев, с. 111. Источник — № 237.

672. Новикова, с. 369 (запись 1944 г.) Источник — № 227. Напев восходит к музыке Рупина.

673. Литературный музей в Москве, инв. 163, п. 7, с. 26. Запись Б. Г. Гершкович 1945 г. в Брянской обл. Вариант, возникший в годы Великой Отечественной войны. Другие аналогичные варианты, записанные в Брянской обл., имеют окончание:

Горит вся родина моя, —
С тех пор пошел я в партизаны,
Врагу за это отомстить.

Варианты эпохи гражданской войны: Георгиевский, Фольклор Приморья, Владивосток, 1928; Гуревич и Элиасов, № 88. Дореволюционные варианты эпохи русско-турецких войн XIX в. и войн начала XX в. начинались словами: «Под небом Сербии гонимой...», «На нас напали злые турки...», «Отец мой был природный пахарь...», «Между Китаем и Манчжурой...». Источник — № 246.

674. Киреевский, в. 10, с. 470. Песенный вариант перевода баллады эльзасского поэта Готлиба Конрада Пфёффеля (1736—1809) «Tobackspfeife» (1782), положенный на музыку в 1794 г. К.-Ф.-Э. Пильцем и бытовавший в Германии до середины XIX в. (W. Anderson, Pfeffels «Tobackspfeife» als russisches Soldatenlied. — «Zeitschrift für slawische Philologie», В. 22, Н. 1, 1953, S. 54—57). В песенниках — с 1890-х годов («Сборник песен для солдат, положенных для мужского хора Швидченко», М., 1892). Перевод приписывается А. Д. Илличевскому, лицейскому товарищу Пушкина. В качестве солдатской и казачьей песни бытовала, вероятно, со времени русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Неоднократно записывалась собирателями народных песен, вплоть до настоящего времени (Померанцева, 1957, с. 244). Некоторые старые варианты насчитывали до 300 ст.

675. Аристов, с. 60. Песенный вариант несохранившегося стихотворения Дельвига. В «Записках» Глинки под 1829 г. (лето) читаем: «Дельвиг написал мне романс: „Не осенний частый дождичек“. Музыку на эти слова я впоследствии внял для романса Антонины „Не о том скорблю, подруженьки“ в опере „Жизнь за царя“» (Записки, с. 95). Кроме Глинки музыку на текст песни написал В. Цехановский (1887). Текст и мелодия популярны особенно с конца XIX в. Упоминается: Л. Андреев, «Дни нашей жизни» (д. 1); В. Вересаев, «Товарищи»; А. Куприн, «Черная молния». Бытует до наст. времени («Фольклор семейских», с. 277) с напевом, восходящим к музыке Глинки.

676. Гусев, с. 35 (запись Н. Овчинниковой и В. Караковского 1952 г.). Переработка стихотворения поэта 1-й половины XIX в. Н. Веревкина «Под зеленою ракитой», написанного 14 мая 1831 г. после битвы под Остреленкой во время польского восстания. Опубликовано: «Русский инвалид», 1831, 8 сентября; и одновременно отд. лубочным изд. в Москве в 1831 г. (см.: Клепиков, с. 116). Песня лишилась шовинистического, официально-патриотического содержания оригинала и вошла со второй половины XIX в. в репертуар казачьих и солдатских масс («Отрывки из народного творчества Пермской губ.», собрал В. Шишонко, Пермь, 1882). В годы гражданской и Великой Отечественной войны подверглась переработке. Один из вариантов имел характерную концовку:

И скажи-ка, ворон-птица,
Что погиб за край родной,
За советскую границу,
Под советскою звездой.

(«Русский фольклор Великой Отечественной войны», М.—Л., 1964, с. 365). Записи производились фольклористами и в послевоенные годы. Варианты: Гусев, с. 99; Новикова, с. 134; Померанцева, 1957, с. 247; Крупянская и Минц, с. 73; Потявин, с. 264.

677. Новикова, с. 361. Песня неоднократно записывалась фольклористами в послевоенные годы (Костромская экспедиция ИРЛИ 1959—1961 гг.). Часто соединяется с песней «На горе высокой» (Соболевский, т. 6, № 474, 475; Анисимова, с. 131; Бирюков, 1936, с. 136; Гусев, с. 50). Источник — № 292.

678. Запись составителя на смотре художественной самодеятельности Костромской обл. 1960 г. Современный песенный вариант (ср. РП XIX в., с. 402). Известны современные варианты, более близкие к подлиннику. (Запись 1959 г. ИРЛИ, RV, к. 196, п. 2, № 92.) Напев восходит к музыке Булахова. Источник — № 204.

679. Аристов, с. 30. Ст. 4 предпоследней строфы чаще поется: «И с пьяным попом». В начале XX в. закрепился припев:

Налей, налей, товарищ,
Заздравную чашу;
Кто знает, что случится
С нами впереди.

Известны и современные записи (экспедиция ИРЛИ в Костромскую обл. 1959—1960 гг., ИРЛИ, RV, к. 196, п. 2, № 99). Упоминается: Л. Андреев, «Дни нашей жизни», д. 1; М. Горький, «Фома Гордеев», гл. 10; А. Куприн, «Псединок», гл. 19. Источник — № 389.

680. Померанцева, 1957, с. 247 (запись 1948 г.). В разных вариантах известна с 1880-х годов, была популярна в среде ссыльных революционеров 1890-х годов (А. С. Шаповалов, В борьбе за социализм, М., 1934, с. 290—291). Варианты: Железновы, с. 80; Мякутин, ч. 2, с. 105; Бардин, № 88; Павлова, № 88; Гусев, с. 51. Ст. 1

чаще поется: «Как на дубе на высоком». Другая редакция: Янков, с. 83. Возможно, послужила источником «Песни о Соколе» А. М. Горького. Подробнее см.: В. Е. Гусев, К вопросу о фольклорном источнике «Песни о Соколе» М. Горького. — «Русский фольклор», IV, М.—Л., 1959, с. 268—274. Источник — № 399.

681. Песни для Военно-Морского Флота, М., 1951, с. 230. Варианты: «Русские революционные песни», М., 1952; Новикова, с. 567. Особую популярность приобрела в годы гражданской войны, была одной из любимых песен Чапаева (Фурманов, «Чапаев», гл. 6 и 12), стала массовой песней в первые годы Советской власти. Известны варианты в годы Великой Отечественной войны (Новикова, с. 613). Источник — № 415.

682. Гусев, с. 101 (запись В. Поздеевой 1952 г.). Характерный образец переосмысления старого сюжета в условиях гражданской войны. Ср.: С. Д. Баранов, О песнях партизан Забайкалья. — «Известия общества изучения Восточно-Сибирской области», Иркутск, 1937, т. 2 (7), с. 89; Париков, с. 169; «Песни и сказки Пензенской обл.», сост. А. П. Анисимова, Пенза, 1953, с. 192; Померанцева, 1957, с. 248. Источник — № 409.

683. «Карие глазки. Новейший сборник русских песен», М., 1917, с. 21, с подзагл. «Новейшая народная песня». Переработка матросской песни, созданной накануне 1900 г. поэтом-любителем Г. Д. Зубаревым (Крупянская и Минц, с. 103) на основе песни на слова Н. Щербины (см. с. 597). В песенниках — с 1900-х годов («Кочегар. Новейший песенник», СПб., 1907). Ранняя музыкальная редакция и вариант текста: «Любимые новые песни, исполняемые Н. В. Плевницкой и другими, переложенные для фортепьяно в две руки с прибавлением текста А. Зориным», тетр. 2, СПб., б. г., с. 14, № 43, под загл. «Вахта кочегара». Источник — № 442.

684. Новикова, с. 439. Известны многочисленные переработки периода Великой Отечественной войны (Крупянская и Минц, № 43—46, 82; Гусев, № 130—132). Источник — №№ 442, 683.

685. РП XIX, с. 388. Варианты: Мякутин, ч. 2, с. 37; Соболевский, т. 6, № 637, 638. Песня, в свою очередь, послужила образцом для переделок в годы гражданской и Отечественной войн. (Варианты см.: «Советский фольклор», вып. 1, 1934, с. 25—27; В. М. Сидельников, Красноармейский фольклор, М., 1938, с. 132. Гуревич, Элиасов, с. 445; «Сказы и песни о Чапаеве», сост. Т. М. Акимова, Саратов, 1957, с. 117; Гусев, с. 98). Источник — № 481. Чуркич Василий Васильевич — крестьянин д. Барской, Орехово-Зуевского уезда, Запонорской вол. Работал на красильной фабрике «Гуслица». За протест против невыносимых условий труда был арестован, бежал из тюрьмы, около 20 лет «разбойничал» (Ал. Перегудов, «Гуслица». — «Новый мир», 1927, № 6). Имя Чуркина стало легендарным и очень популярным. Ему посвящен роман Н. И. Пастухова «Разбойник Чуркин», изданный в 1882 г. (Белоусов, 1928, с. 34—36).

Песня включена в анонимную переделку романа «Злодей Чуркин и его преступные деяния», СПб., 1900, с. 15—16. Источник — № 481.

686. «Серенада, Новый русский песенник», М., 1911, с. 14. Проникло в лубок (Клепиков, с. 147). Вариант: «Фольклор семейских», с. 283. Источник — № 505.

687. «Две гитары за стеной. Цыганская песня», перелож. М. Яковлева, М., изд. С. Я. Ямбор, (б. г.), № 558. В других переработках отличия от оригинала еще более значительны. Так, в исполнении московских цыган после первых двух куплетов, совпадающих с комментируемым текстом, следовали такие:

Все мы любим кабачок —
Сладко в нем живется.
Тот, наверно, дурачок,
Кто в нем не напьется.
Ну и пусть же я дурак,
Прощай, Мавританья!
Еду с Женей к Яру так —
Выпить на прощанье.
Там цыганочки мою
Душу растерзают,
И венгерку мне споят,
Спяшут и сыграют.

Источник — № 447.

688. ПКиС, с. 107. Вариант, восходящий к публикации Л. Мельшина («В мире отверженных», т. 2, СПб., 1899, с. 241). Близкий вариант: Новикова, с. 393. Приобрела большую популярность в среде ссыльных и в кругах прогрессивной интеллигенции. В годы первой русской революции стала одной из любимых массовых песен («Песни борьбы, изданные кавказской группой содействия РСДРП», 1904). В массовых песенниках — с 1907 г. («Русская песня», СПб., 1907, ч. 1). В песенниках с 1914—1915 гг. в первой строке вместо «священный» — «привольный». Тот же эпитет иногда встречается в записях советских фольклористов (Усов, с. 227). Реже производится замена «славное море» на «синее море» (в песенниках 1911 г.). Источник — № 532.

689. Запись М. П. Дьяченко, 1959, в Костромской обл. (ИРЛИ, РУ, к. 196, п. 2, № 113). Один из современных широко бытующих вариантов (ср. «Песенник», Ижевск, 1946, с. 72). Вариант: Новикова, с. 420. Источник — № 533.

690. «Тамбовский фольклор», 1941, с. 269 (запись составителя, 1939 г.). Варианты: Новикова, с. 403; Померанцева, 1957, с. 240; Янков, с. 85; «Фольклор семейских», с. 285. Популярна до настоящего времени. Ст. 1 часто поется: «В саду ягода-малина». См. также: Русская баллада, с. 391. Источник — № 531.

691. «Русские песни», с. 369. Вариант, записанный составителем в годы Великой Отечественной войны и сообщенный И. Н. Розанову. Варианты: Павлова, № 91, 92; Новикова, с. 414; см.: В. Гусев, Народ и песня. — «Южный Урал», № 4, Челябинск, 1950. Песенные переработки периода Великой Отечественной войны: Гусев, с. 126, 128. Источник — № 546.

692. Гусев, с. 92 (запись В. Караковского, 1952 г.). Источник — № 546.

693. Запись составителя 1942 г. от бойцов действующей армии. Вариант ХХ в.: Гартевельд, 8 песен, № 3 (запись в Петропавловске с примечанием: «Из Волги занесена в Сибирь»). Известны другие, более далекие от оригинала переработки периода Великой Отечественной войны (Крупянская и Минц, с. 93—95). Источник — № 564.

694. «Тамбовский фольклор», с. 266 (запись И. Гришина, 1939). Варианты: Новикова, с. 413; «Фольклор семейских», с. 293. Источник — № 553.

695. Новикова, с. 419. Источник — № 570.

696. Запись составителя 1959 г. в Костромской обл. (ИРЛИ, РУ, к. 196, п. 2, № 108). Варианты: «Русские песни», с. 368; Новикова, с. 412; «Фольклор семейских», с. 286. В конце часто поется:

Степь да степь кругом, В той степи глухой
Путь далек лежит. Уж замерз ямщик.

697. ПРП, с. 423. В песенниках — с начала ХХ в. («Песни революции», вып. 1, изд. Нижегородского комитета РСДРП, 1905). Переработка в рабочей среде: ПРР, с. 82, 255; «Литературный критик», 1935, № 10, с. 159. Источник — № 575.

698. ВРП, с. 757. Переработка стихотворения «Дума кузнеца», приписываемого Клеменцу («Сборник новых песен и стихов», Женева, 1873, с. 29). Варианты: С. И. Канатчиков, Из истории моего бытия, М.—Л., 1930, с. 42; Новикова, с. 682.

699. Гусев, с. 52 (запись Н. Осиповой, 1952). Варианты: Акимова, № 175; «Фольклор семейских», с. 287—288, 608—609. Источник — № 579.

700. «Качели. Сборник новейших песен и романсов», М., 1914, с. 31. Вариант: Новикова, с. 435. В сокращенном виде (три строфы, переработанные из первых пяти оригинала) сохраняется в устном репертуаре до наст. времени (записи экспедиции ИРЛИ в Костромскую обл. 1959—1960 годов). Ноты — Попова, вып. 3, с. 149. Источник — № 600.

701. РП XIX в., с. 398. Песенная редакция стихотворения А. М. Давыдова (биографические сведения установить не удалось), популярная в конце XIX — начале XX в.

702. Новикова, с. 513. Наиболее полный песенный вариант, распространенный в эпоху революции 1905—1907 годов. Известно много вариантов, идущих от 1860-х годов. Впервые мелодия революционной «Дубинушки» опубликована в обработке М. Слонова и в исполнении Шаляпина («Дубинушка», Рабочая песня для запевалы с хором, записана с голоса Ф. И. Шаляпина (как ее поют в Казани), аранжировка для песни с ф-но М. Слонова, М., (ц. р. 26 октября 1905 г.). Мелодия сольного запева — неизв. композитора, использовавшего начало студенческой песни «Не осенний мелкий дождичек...», затем дополненная и коллективно обработанная, припев — на мелодию бурлацкой «Дубинушки». См.: Е. Гиппиус, «Эй, ухнем», «Дубинушка». История песен, М., 1962. Варианты: ВРП, с. 563—564; с нотами — Песни революции, Пг., 1917, с. 19; ПКиС, с. 84. Известна популярная в рабочей среде переработка «Дубинушки» — «Машинушка» (ПРР, с. 206). Источник — № 593.

703. «Рабочая мысль», 1900, № 8, приложение, с. 1, вместе с нотами, без подписи. Печ. по «Песни борьбы», с. 59. Песенный вариант перевода стихотворения польского поэта Болеслава Червенского (1851—1888) «Czerwony Sztandar» (1881, Львов). В сб. «Песни революции» (М., 1919) перевод приписывался В. Акимову (В. П. Махновцу), с 30-х гг. — Г. М. Кржижановскому. Однако данный перевод (с другой 3-й строфой) включен в «Стихотворения» Тана-Богораза, изд. 3-е (СПб., 1906); во 2-м изд. (СПб., 1905) имеются также разночтения в 1-й строфе и припеве. Кржижановский является автором другого перевода этой песни, текст которого не сохранился (см.: Г. М. Кржижановский, Песни борьбы. — СМ, 1955, № 12, с. 3—4). Мелодия восходит к песне французских коммунаров («Pieśń ni gniewne», Warszawa, 1962, с. 23—25), возникшей на основе швейцарского «Марша фрибуржских стрелков» (муз. Й. Фогта). С нотами — ПКиС, с. 72; Песни революции, Пг., 1917, с. 18. См. также: Е. Гиппиус, П. Ширяева, Из истории песни «Красное знамя» (СМ, 1965, №№ 11 и 12).

704. Запись составителя 1944 г. от бойцов действующей армии. Наиболее распространенный в современном песенном обиходе вариант (опускается иногда еще предпоследняя строфа публикуемого текста). Варианты: «Русские песни», с. 376; Новикова, с. 424. Источник — № 604.

705. ПРП, 1950, с. 469. Песенная редакция конца XIX — начала XX в., возникающая на основе стихотворения А. Архангельского «В дороге» (см. с. 802) и стихотворения неизв. автора «Вы жертвою пали» (вариант 1870—1880-х годов — см. с. 911). Муз. обр. Иконникова («Знание — сила», 1963, № 4). Варианты: ПКиС, с. 28; Новикова, с. 516; ПРП, 1957, с. 435. Об истории песни см.: Друскин, с. 159, примеч. 30; ВРП, с. 825—827.

706. «Тамбовский фольклор», с. 279 (запись С. Г. Лазутина, 1939). Варианты: Тонков, с. 75; Новикова, с. 433; В. А. Василенко, Тюремно-арестантские и рекрутские песни Омской области. — «Ученые записки Омского пединститута», вып. 2, Омск, 1958, с. 190, 192; Померанцева, 1957, с. 225. Во всех вариантах первые 11 строк наиболее стабильны. Ст. 12 в песенниках и в устном исполнении варьируется: «Мне без острого ножа», «Без булатного ножа», «Никому и никогда», «Доля горькая моя», «А свобода хороша» и т. п. В некоторых песенниках после трех постоянных строф следует еще одна строфа:

Не гулять мне, как бывало,
Темной ночью по лесам
(вариант: По родимым по полям).
Моя молодость завянет (вариант: проходит)
По острогам и тюрьмам.

(«Новый песенник», составил Н. И. Красовский, М., 1907, с. 6—7; «Солнце всходит и заходит...», М., 1912, с. 1). В одних случаях после приведенной строфы следует концовка с «черным вороном», в других — песня завершается приведенной строфой («Умер бедняга. Песенник», М., 1911, с. 13—14), причем ей иногда предшествует 4-я строфа, известная по первой публикации (см. с. 913). Источник — № 656.

707. Запись составителя 1959 г. в Костромской обл. (ИРЛИ, РУ, к. 196, п. 1, № 29). Варианты: Новикова, с. 440; Гусев, с. 58. Известна переработка с заменой Трансвааля на Сибирь («Фольклор семейских», с. 245). Упоминается: А. Фадеев, «Молодая гвардия»; Л. Кассиль, «Дорогие мои мальчишки», гл. 1; М. Слонимский, «Инженеры», гл. 33. Источник — № 631.

708. «Белой акации...». Известный цыганский романс. Нотоиздво «Музыка», 1916, в редакции цыганской певицы В. Паниной, муз. обработка А. Зорина. Напев использован в известной революционной песне «Смело мы в бой пойдем...». Популярный городской романс начала XX в., являющийся переработкой стихотворения третьестепенного поэта Пугачева, автора слов нескольких модных романсов начала XX в. («Жалобно стонет ветер осенний...» и др.). Ранняя редакция романса — «Белой акации цветы душистые...». Отд. изд. в серии «Цыганские ночи», СПб., изд. Ю. Г. Циммермана, 1902.

709. Гусев, с. 95 (запись Н. Осиповой, 1952). Вариант — там же. Источник — № 640.

Дополнения и исправления

К примеч. 156. Ст. 1, 3, 6, 11 в журнальной публикации: «Сижу на бёреге потока...», что соответствует и музыкальному ударению в романсе Алябьева.

К примеч. 169. Автограф записи напева молдавской песни см.: СМ, 1934, № 1. О музыкальных источниках песни см.: В. Котляров, «История песни Земфиры» (СМ, 1964, № 9).

К примеч. 220. В автографе после 2-й строфы — еще одна, не вошедшая в журнальную и последующие публикации, а также в романс (ЛН, т. 59, с. 123).

К примеч. 421. Вошло во 2-ю главу незаконченного романа в стихах «Антоний» (не опубликованную при жизни поэта), над которой Губер работал в 1839—1840 гг. (Сочинения, т. 1, СПб., 1859, с. 298).

К примеч. 423. Принадлежность песни Анордисту оспаривается Н. Смирновым-Сокольским в кн. «Русские альманахи», М., 1965, с. 205.

К примеч. 493. «Переводная пьеса», в которой, по свидетельству Белоусова, впервые была исполнена песня Разоренова, — очевидно, «Материнское благословение» (перевод Н. Некрасова), которая шла в Казани в сезон 1849/1850 г. «Московская актриса» — Н. В. Самойлова.

К примеч. 586, 587, 624, 625. Первая публикация — без подписи.

К примеч. 589. Возможно, автором текста является активный участник революционного движения 1870-х гг. студент Харьковского университета Александр Иванович Архангельский.

К примеч. 623. Обычно указываемая (в качестве первой) публикация в «Красном знамени», № 3 (ошибочно датируется 1900 г.) отсутствует. В действительности в этом издании (январь 1903 г.) опубликованы два другие стихотворения Радица, которым предпослано примечание редакции, где, в частности, говорится: «Одно из стихотворений Радица... — «Дружно, товарищи, в ногу!..» — с его могучим напевом, написанным самим же Леонидом Петровичем, — быстро облетело всю Россию и является теперь одной из самых любимых песен революционного пролетариата» (с. 2).

К примеч. 624. Впервые — «Рабочее дело», 1900, № 6, с. 59. В «Песнях борьбы» опубликована с подзаголовком: «Польская революционная песня». С нотами — «Песни революции» [Женева], 1902, с. 2.

К примеч. 625. В сборниках революционных песен впервые — «Песни борьбы», с. 57. Тексты этой и предыдущей песен Кржижановского в пении варьировались (ср. ПРП, 1957).

К примеч. 632. Первая публикация за границей, о которой пишет Галина, — «Рабочее дело», 1901, № 10, с. 64, под загл. «Лес рубят», без подписи (др. ред.). Последние две строки читаются:

Подыметса борцов зеленая стена
И зашумит над братнею могилой. . .

К примеч. 641. Впервые отдельной листовкой (июль — сентябрь 1903). Печ. по сб. «Революционная поэзия», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1954, с. 530.

К примеч. 586, 589, 623, 624, 625, 653, 705. Ряд новых сведений об истории текстов см. в сб. статей «Биографии песен», М., 1965.

СПИСОК НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В ИЗДАНИЕ ПОПУЛЯРНЫХ БЫТОВЫХ РОМАНСОВ, ИСПОЛНЯЕМЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В КОНЦЕРТАХ

- «Астры осенние — грусти цветы...» (слова С. Грея, музыка Н. Харито).
- «В том саду, где мы с вами встретились...» (слова В. Д. Шумского, музыка Н. Харито).
- «Вернись, я всё прощу...» (слова В. Ленского, музыка Б. А. Прозоровского).
- «Вы шутя мне „люблю“ говорили...» (слова неизв. автора, музыка Н. А. Мирского).
- «Гори, гори, моя звезда...» (слова неизв. автора, музыка П. П. Булахова).
- «Жалобно стонет ветер осенний...» (слова Пугачева, музыка Б. Б., А. Зорина, Д. Михайлова).
- «Как грустно, туманно кругом...» («Ямщик, не гони лошадей...») (слова Н. А. Риттер, музыка Я. Л. Фельдмана).
- «Когда б вы знали всё...» (слова Н. М. Спасского, музыка Л. Денца).
- «Когда умирать придет пора...» (слова С. Вьевегера, перевод Н. Рождественской, музыка О. Кремье).
- «Меня ты вовсе не любила...» (слова А. Николаева, музыка Д. Николаева).
- «Молчи, грусть, молчи...» (слова неизв. автора, музыка Б. В. Гродзкого).
- «Не говорите мне о нем...» (слова и музыка М. Перроте).
- «Не забудь меня вдали...» (слова А. Н. Аммосова, музыка О. Дютша, а также М. Волиной, А. Дерфельдта).
- «Нет, нет, нет, не хочу...» (слова А. Суворина, музыка Б. Ф. Кейля).
- «Не уходи, побудь со мною...» (слова М. П. Пойгина, музыка Н. В. Зубова).
- «Нищая» (слова Беранже, перевод Д. Т. Ленского, музыка А. А. Алябьева).
- «Ночь светла, над рекой...» (слова М. Д. Языкова, музыка Я. Ф. Пригожего).

- «О, позабудь былые увлечения...» (слова и музыка Т. Котляревской).
- «Письмо к матери» («Ты жива еще, моя старушка?..») (слова С. Есенина, музыка В. Н. Липатова).
- «Почему я безумно люблю...» (слова и музыка Б. С. Гуровича).
- «Прости меня, прости, прелестное создание...» (слова А. И. Булгакова, музыка П. С. Федорова, аранжировка М. И. Глинки).
- «Снился мне сад в подвенечном уборе...» (слова Е. Дитерикса, музыка Б. С. Борисова).
- «Спокойно и просто мы встретились с вами...» (слова неизвестного автора, музыка Б. И. Фоминна, Б. Б., Б. А. Прозоровского).
- «Тени минувшего» (слова и музыка М. Леви).
- «Тихо всё» (слова и музыка Т. Толстой).
- «Только раз» («День и ночь теряет сердце ласку...») (слова П. Германа, музыка Б. И. Фомина).
- «Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской...» (слова и музыка П. И. Баторина).
- «Я не вернусь...» (слова С. А. Касаткина, музыка Б. А. Прозоровского).
- «Я помню вальса звук прелестный...» (слова и музыка Н. Листова; музыка также Ю. Рик, Д. Николаева).
- «Я тебя с годами не забыла...» (слова Л. Ф. Жадейко, музыка П. П. Булахова).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ ТЕКСТОВ¹

Акимов В. (Махновец В. П.) — 1075 Аксаков С. Г. — 318, 1006 Аладьин Е. В. — 354, 1011 Алексеев Ф. — 391, 1013 Аммосов А. Н. — 6, 719, 1047, 1078 Андреев А. Н. — 732, 1049 Анордист Н. — 577, 1008, 1031, 1077 Апухтин А. Н. — 40, 41, 43, 44, 724, 1047—1048 Архангельский А. — 802, 1056 Ахматова А. А. — 43, 47, 48 Бальмонт К. Д. — 43, 47 Баратынский Е. А. — 26, 29, 311, 1005 Баторин П. И. — 1078 Батюшков К. Н. — 29, 126, 257, 998 Башкин В. В. — 882, 1063 Башмаков И. И. — см. Ваненко И. Бекетов Н. А. — 990 Берви В. В. (Н. Флеровский) — 1037 Берг Н. В. — 686, 1043—1044 Бестужев М. А. — 32, 485, 984, 1021 Бестужев-Марлинский А. А. — 31, 32, 323, 328, 486, 1007—1008, 1021 Бешенцов А. — 722, 1047 Блок А. А. — 43, 46, 47 Богданов В. И. — 762, 1051, 1056 Богданович Н. Ф. — 19, 96, 980—981, 1001	Богораз-Тан В. Г. — 38, 887, 1064, 1075 Брюсов В. Я. — 39, 43, 47, 869, 872, 1062 Будищев А. Н. — 904, 1065 Буланина Е. А. — 40, 867, 1062 Булгаков А. И. — 1079 Бунин И. А. — 47 Бухарова З. Д. — 40, 899, 1064—1065 Ваненко И. — 653, 1002, 1040 Вдовин И. — 38 Вейнберг П. И. — 731, 1048 Вельтман А. Ф. — 26, 28, 486, 497, 1023 Вельяминов П. Л. — 19, 172, 988 Вельяшев-Волынцев Д. И. — 19, 155, 987 Веневитинов Д. В. — 31, 358, 1011 Вердеревский Е. А. — 575 Веревкин Н. — 1071 Веттер И. И. — 30, 31, 411, 1015 Волков Ф. Г. — 990 Волховский Ф. В. — 793, 1054 Вяземский П. А. — 277, 302, 969, 997, 1004—1005 Гагарин П. С. — 19, 157, 987 Галина Г. А. — 46, 47, 872—873, 1062, 1077 Ганьшин С. Е. — 901, 1065 Герман — 9 Герман П. — 1078 Гиппиус З. Н. — 48 Глебов Д. П. — 26, 299, 1002, 1004

¹ Указываются только авторы русских текстов.

- Глинка Ф. Н. — 26, 335, 1004.
1008—1009, 1031
Гнедич Н. И. — 31
Голенищев-Кутузов А. А. — 41
789—790, 1054
Голицын С. Г. — 413, 1015
Головин В. — 320, 1006
Гольц-Миллер И. И. — 757, 1051
Горохов П. Г. — 864, 1061
Горький М. — 855, 1060, 1067
Грамматин Н. Ф. — 26, 245, 997
Гребенка Е. П. — 6, 26, 558, 1029—
1030
Грей С. — 1078
Греков Н. П. — 26, 683, 1043
Грибоедов А. С. — 31, 999, 1021
Григорьев А. А. — 598, 1025, 1033,
1034, 1065
Губер Э. И. — 572, 1031, 1077
Гурович Б. С. — 1079
- Давыдов А. М. — 1075
Давыдов Д. В. — 33, 249, 970,
997—998
Давыдов Д. П. — 6, 716, 1047
Дельвиг А. А. — 24, 26, 29, 35,
277—278, 402, 966, 1001—1003,
1005, 1011
Державин Г. Р. — 10, 11, 14, 17,
20, 21, 23, 101, 107, 126, 172, 402,
532, 823, 970, 981—982, 991
Дитерикс Е. — 1079
Дмитриев И. И. — 16, 17, 18, 19,
23, 133, 140, 970, 985—987
Дмитриев М. А. — 18, 19, 356, 970,
981, 983, 985, 1002, 1011
Добролюбов А. Н. — 1036
Долгорукий И. М. — 181, 989
Долгоруков Н. А. — 1022
Дрожжин С. Д. — 37, 38, 772, 1052
Дуроп А. X. — 306, 1005
- Егоров А. — 38
Елагин И. П. — 990
Елизавета Петровна (дочь Пет-
ра I) — 990
Ершов П. П. — 546, 1028
Есенин С. — 1079
- Жадейко Л. Ф. — 1079
Жадовская Ю. В. — 41, 610, 1035
Жемчугова — см. Кузнецова-Гор-
бунова
- Жуковский В. А. — 23, 26, 28, 29,
42, 232, 277, 402, 610, 970, 994,
995—997, 1009
- Загоскин М. И. — 1017
Зубарев Г. Д. — 1072
Зубова М. В. — 18, 991
- Ибрагимов Л. Н. — 26, 579, 1032
Ибрагимов Н. М. — 26, 293, 1003—
1004
Иванов В. — 43
Иванов-Классик А. Ф. — 779, 1053
Иванчин-Писарев Н. Д. — 309, 1005
Ивин И. — 37, 38
И. К. — 1067
Илличевский А. Д. — 1070
- Кантемир А. — 11, 12, 14, 18, 55
Капнист В. В. — 17, 18, 21, 107,
982, 988
Карабанов П. М. — 113, 982—983,
984, 995
Карамзин Н. М. — 17, 19, 133, 140,
168, 532, 970, 981, 983, 984—985
Касаткин С. А. — 1079
Катенин П. А. — 316, 1005—1006
Квашнин П. А. — 8
Клеменц Д. А. — 786, 1037, 1053—
1054, 1074
Коваленский И. М. — 988, 1045
Козлов И. И. — 31, 345, 1010—
1011
Козлов П. А. — 40, 839, 1059
Кольцов А. В. — 5, 25, 26, 34, 35,
40, 42, 460, 532, 965, 971, 1002,
1017, 1018—1021, 1023, 1040
Кондратьев И. К. — 37, 38, 828,
1058, 1067
Кони Ф. А. — 550, 1005, 1028
Коншин Н. М. — 367, 1012
Корсак А. — 409, 1014—1015
Котляревская Т. — 1079
Кош А. Я. — 879, 1055, 1063
К. Р. (К. К. Романов) — 41, 833,
1058
Красов В. И. — 26, 552, 1028—1029
Красовский Н. И. — 1068
Крестовский В. В. — 39, 40, 709,
999, 1002, 1046—1047
Кржижановский Г. М. — 39, 861,
1061, 1075, 1077

- Круглов А. В. — 800, 1055
 Крылов И. А. — 18, 22, 152, 277, 987
 Кугушев В. — 19, 992
 Кудряшов П. М. — 321, 1006
 Кузнецова-Горбунова П. И. — 992
 Кукольник Н. В. — 30, 31, 564, 649, 1030
 Курочкин В. С. — 700, 1037, 1045—1046, 1065
 Лавров (Миртов) П. Л. — 38, 795, 1055
 Лажечников И. И. — 499, 1023
 Леви М. — 1079
 Ленский В. — 1078
 Ленский Д. Т. — 1078
 Лермонтов М. Ю. — 26, 28, 29, 30, 31, 40, 42, 43, 44, 483, 501—502, 675, 965, 1023—1026
 Либина Н. — 38
 Листов Н. — 1079
 Ломоносов М. В. — 8, 10, 11, 14, 17, 18, 20, 42, 78, 974, 979, 990
 Львов П. С. — 32, 989, 1021
 Лютов С. — 38
 Магницкий М. Л. — 168, 988
 Мазуркевич В. А. — 40, 853, 1060
 Майков А. Н. — 41, 42, 44, 705, 1040, 1046
 Макаров И. — 6, 30, 664, 1041—1042
 Макаров Н. П. — 1041
 Малышев Г. — 651, 1040
 Мачтет Г. А. — 38, 798, 1055
 Медведев М. В. — 857, 1060
 Межевич В. С. — 567, 1030—1031
 Мей Л. А. — 37, 41, 43, 44, 655, 1040—1041
 Мережковский Д. — 43
 Мерзляков А. Ф. — 5, 20, 22, 23, 24, 26, 35, 217, 389, 966, 991, 992, 993, 994—995
 Миллер Ф. Б. — 41, 645, 1039—1040
 Минский (Виленкин) Н. М. — 41, 806, 1056
 Митрофанов С. — 19, 176, 988—989
 Михайлов М. Л. — 38, 619, 1036—1037
 Модзалевский Л. Н. — 756, 1050
 Моисеенко П. А. — 804, 1056
 Молчанов И. Е. — 665, 1042
 Монс В. — 11
 Мочалов П. С. — 589, 1033
 Мятлев И. П. — 536, 1027
 Навроцкий А. А. — 6, 39, 759, 1051
 Надсон С. Я. — 43, 837, 1058
 Нарышкина М. Л. — 991
 Некрасов Н. А. — 36, 41, 42, 43, 624, 675, 965, 968, 1037—1040, 1046, 1047
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. — 5, 17, 18, 19, 23, 117, 126—127, 966, 982, 984, 993, 1008
 Немирович-Данченко В. И. — 39, 816, 1057, 1059
 Никитин И. С. — 36, 39, 690, 966, 1020, 1044—1045, 1060
 Николаев А. — 1078
 Николев Н. П. — 17, 18, 117, 972, 983—984, 991
 Ниркомский — 562, 1030
 Н. Н. — 1067
 Ободовский П. Г. — 383, 1013
 Огарев Н. П. — 32, 483, 521, 581, 1026, 1032
 Одоевский А. И. — 483, 1021
 Ожегов М. И. — 37, 38, 833, 844, 1057, 1059, 1068
 Ознобишин Д. П. — 395, 1014
 Ольхин А. А. — 808, 1056
 Осипов И. (Ванька Каин) — 993
 Остолопов Н. Ф. — 295, 1004
 Офросимов М. А. — 556, 1029
 Павлов Н. Ф. — 41, 542, 1028
 Пальмин Л. И. — 38, 764, 1051—1052
 Папаев В. И. — 379, 1013
 Панаев И. И. — 649, 1040
 Панов Н. А. — 37, 38, 810, 1056—1057
 Перротте М. — 1079
 П. К. — 1067
 Плещеев А. Н. — 38, 41, 43, 44, 45, 612, 1035—1036, 1037
 Подолинский А. И. — 399, 1014
 Пойгин М. П. — 1078

- Полежаев А. И. — 26, 31, 369, 521, 973, 1009, 1012, 1026
 Полонский Я. П. — 39, 41, 42, 43, 44, 46, 605, 1034—1035
 Полоцкий С. — 9, 10, 14
 Попов М. И. — 5, 16, 17, 18, 85, 970, 974, 980
 Порецкий А. У. — 754, 1050
 Прокопович Ф. — 11, 12, 14, 17, 51, 976—977
 Прокофьев Н. — 38
 Прыжов И. Г. — 1066
 Пугачев — 1076, 1078
 Пушкин А. С. — 10, 22, 24, 26, 28—29, 31, 33, 40, 42, 43, 44, 170, 260—261, 277, 402, 409, 483, 497, 965, 984, 985, 998—1001, 1005, 1007
 Пушкин В. Л. — 170, 982, 988
 Радин Л. П. — 38, 859, 1060—1061, 1077
 Раевский Д. В. — 31, 392, 1013
 Разоренов А. Е. — 37, 662, 1041, 1077
 Раич С. Е. — 386, 1013
 Ратгауз Т. М. — 41, 43, 849—850, 1059
 Репнинский Я. — 883, 1063
 Ривкин Г. А. — 39, 897, 1064
 Римская-Корсакова М. В. — см. Зубова
 Римский-Корсаков А. Я. — см. А. Корсак
 Риттер Н. А. — 1078
 Рождественская Н. — 1078
 Розенгейм М. П. — 675, 1043
 Ростовский Д. — 9, 12, 14
 Ростопчина Е. П. — 41, 493—494, 649, 1022—1023, 1028
 Рылев К. Ф. — 31, 32, 323, 328, 486, 984, 1006, 1008—1009, 1036, 1044
 Рыскин С. Ф. — 820, 1057
 Савинов Ф. П. — 831, 1058
 Садовников Д. Н. — 6, 823, 1057
 Сандунова Е. С. — 992
 Сафонов С. А. — 40, 851, 1059
 Северянин И. — 48
 Серебрянский А. П. — 532, 1027
 Синегуб С. С. — 776, 1053
 Скиталец (С. Г. Петров) — 875, 1062—1063, 1067
 Скворода Г. — 14, 982
 Скорина Ф. — 10
 Слепушкин Ф. Н. — 404, 1014
 Соймонов М. Н. — 841, 1059
 Соколовский В. И. — 521, 1026
 Соллогуб В. А. — 33, 413, 575, 1031
 Сологуб Ф. — 43
 Спасский Н. М. — 1078
 Стромилов С. И. — 6, 570, 1031
 Студенская Е. М. — 885, 1063
 Суворин А. — 1078
 Сумароков А. П. — 5, 14, 16, 17, 18, 20, 59—60, 133, 174, 966, 975, 977—979
 Суриков И. З. — 36, 734, 966, 1020, 1049—1050
 Суханов М. Д. — 406, 1002, 1014
 Тверской С. — 14
 Тимофеев А. В. — 26, 28, 523, 975, 1018, 1026—1027, 1068
 Толстая Т. К. — 1079
 Толстой А. К. — 37, 39, 41, 43, 44, 667—668, 965, 1042—1043
 Толстой Л. Н. — 697, 988, 1045
 Третьяковский В. К. — 11, 12, 13, 14, 17, 20, 55, 133, 977
 Трефолев Л. Н. — 768, 1052
 Туманский В. И. — 534, 1027
 Туманский Ф. А. — 382, 1013
 Тургенев И. С. — 586, 1032—1033
 Тютчев Ф. И. — 26, 29, 43, 46, 386, 490, 1022
 Умнов В. или И. — 1065
 Федоров Б. М. — 393, 1013—1014
 Федоров-Омулевский И. Ф. — 766, 1052, 1057
 Фет А. А. — 41, 42, 43, 44, 46, 591, 965, 1033
 Херасков М. М. — 18, 23, 82, 174, 976, 979—980
 Хованский Г. А. — 17, 161, 987—988
 Холодковский — Цыбульский П. — 1065

- Хомяков А. С. — 389, 675, 1013
Хоньков М. — 10
- Цертелев Д. Н. — 1015
Цыганов Н. Г. — 5, 25, 26, 35,
415—416, 976, 1003, 1015—1018
- Шаликов П. И. — 20, 215, 994
Шатров Н. М. — 19, 174, 988
Шаховской А. А. — 519, 1026
Шевырев С. П. — 363, 976, 1011
Шеллер А. К. (А. Михайлов) —
784, 1053
Шереметьева П. И. — см. Кузне-
цова-Горбунова
- Шкулев Ф. С. — 902, 1065
Шумский В. Д. — 1078
- Щепкина-Куперник Т. Л. — 894,
1064
Щербина Н. Ф. — 596, 649, 1034,
1072
- Эдиэт П. К. — 892, 1064
Эллис — 46
- Яворский С. — 12
Языков М. Д. — 1078
Языков Н. М. — 31, 33, 340, 649,
993, 1005, 1009—1010, 1037, 1049,
Яковлев М. Л. — 402, 1014

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ МУЗЫКИ

- Абаза В. В. — 1033
 Абисов К. — 1042
 Агренов-Славянский К. — 1024
 Агренева-Славянская О. Х. — 1047, 1055
 Адамов В. — 1038
 Айсберг И. С. — 1063
 Акименко Ф. С. — 490, 668, 705, 837, 1002, 1046
 Александров А. В. — 1063
 Александров Н. — 302, 1057, 1062
 Алонз В. Ф. — 1023, 1033, 1060
 Алфераки А. Н. — 667, 1033
 Альбрехт К. К. — 1012, 1042
 Алябьев А. А. — 24, 25, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 140, 232, 249, 260, 278, 302, 321, 335, 340, 345, 383, 392, 395, 411, 486, 497, 499, 501, 523, 575, 581, 683, 983, 985, 987, 996, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1003, 1009, 1010, 1012, 1013, 1015, 1021, 1023, 1027, 1028, 1029, 1032, 1078
 Амани Н. Н. — 667, 690, 724, 1024
 Анцев М. В. — 302, 490, 564, 605, 837, 1022, 1042
 Арайя Ф. — 59
 Аренский А. С. — 232, 389, 581, 591, 605, 612, 667, 668, 705, 724, 789, 806, 837, 849, 894, 1001, 1046, 1048
 Армсгеймер И. И. — 816
 Арнольд К. К. — 1028
 Арнольд Ю. К. — 519, 996, 1001, 1010, 1012, 1018, 1019, 1047
- Артановский В. — 1047
 Архангельский А. А. — 1019, 1020
 Асафьев Б. В. — 47, 460, 490, 501, 705, 872
 Афанасьев Н. Я. — 40, 1001, 1020, 1038
 Багриновский М. М. — 1063
 Базилевский Г. — 1042, 1048, 1060, 1063
 Бакалейников В. Р. — 369, 772, 1012, 1052
 Балакирев М. А. — 31, 40, 41, 42, 45, 345, 389, 460, 501, 534, 591, 655, 705, 789, 1001, 1018, 1019, 1020, 1025, 1029, 1041
 Балкашина Е. — 1048
 Бариновский М. — 873
 Бармотин С. А. — 1019, 1020
 Баровский С. — 675, 1062
 Барсов П. — 1035
 Батарин А. — 497
 Баторин П. И. — 1079
 Бах К. К. — 837
 Бахметьев Н. И. — 358, 1010, 1026, 1027
 Б. Б. — 1068, 1078, 1079
 Бегичева М. В. — 1022
 Безродная Е. — 724, 855, 1063
 Белградский — 59
 Бенеvский В. Д. — 1063
 Бенуа Ф. Ю. — 667, 690, 724, 1048
 Бернард М. И. — 612, 1020, 1037
 Билибин И. И. — 591, 1012

- Бларамберг П. И. — 302, 655, 667, 800, 1019, 1025, 1026, 1050, 1056
 Блейхман Ю. И. — 734, 849, 1042, 1058
 Блументфельд С. М. — 655, 667, 724, 837, 1001, 1046
 Блументфельд Ф. М. — 605, 667, 668, 789, 837, 1025
 Бобров Ф. А. — 855
 Богданов П. А. — 1044
 Богородицкий Ф. Н. — 1063
 Богусловский В. И. — 1044
 Божановский К. — 1018
 Борисов Б. С. — 1079
 Бородин А. П. — 29, 261, 655, 667
 Бородин И. А. — 536, 709, 724, 1042, 1048
 Бороздин Н. А. — 302, 1019, 1034
 Бортнянский Д. С. — 82, 101, 232, 1036
 Броун П. — 853, 1027, 1030, 1056
 Брянский Н. П. — 575, 1024, 1050
 Булахов П. П. — 40, 493, 550, 552, 575, 591, 605, 612, 624, 683, 690, 997, 1002, 1005, 1018, 1024, 1025, 1028, 1029, 1031, 1033, 1034, 1042, 1043, 1044, 1067, 1071, 1078, 1079
 Бурнашев Б. — 1019
 Быстров В. — 772
 Бюхнер К. — 1046
 Бюхнер Ф. В. — 598, 1005, 1041
 Бюцов В. — 591, 667, 668, 872, 894, 1062

 Вадковский Ф. Ф. — 1021
 Варгин В. В. — 724, 873, 1058
 Варламов А. Е. — 25, 28, 29, 31, 35, 217, 335, 383, 415, 416, 460, 486, 501, 519, 523, 536, 550, 567, 570, 572, 598, 610, 612, 619, 683, 994, 995, 996, 1002, 1004, 1012, 1013, 1015, 1016, 1018, 1019, 1020, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027, 1028, 1030, 1031, 1033, 1034, 1035, 1047, 1069
 Василенко С. Н. — 501, 669, 837, 849
 Васильев И. В. — 732, 1020
 Вахнянин А. — 1061
 В. Б. — 1048
 Веев Н. — 1060

 Веймарн П. — 564, 655, 1048
 Вейрауз А. Г. — 232, 995, 996, 997
 Векслер С. Х. — 1056
 Векшин Д. К. — 1036
 Величковская-Бартенева С. Н. — 1058
 Верстовский А. Н. — 28, 31, 232, 260, 995, 996, 997, 998, 999, 1000, 1001, 1017, 1024, 1028
 Виардо-Гарсиа П. — 501, 586, 1024, 1025
 Вивьен А. А. — 1063
 Виельгорский М. Ю. — 232, 260, 302, 536, 572, 999, 1000, 1001, 1010
 Вилламов А. Е. — 619, 800, 998
 Виллуан А. И. — 369
 Вильбоа К. П. — 31, 40, 249, 311, 340, 572, 655, 700, 999, 1010, 1037
 Вильбушевич Е. Б. — 882, 1048, 1062
 Виноградов А. — 1063
 Волина В. — 1078
 Волицкий К. — 546
 Волков Н. — 855
 Волков-Давыдов С. Д. — 816, 1056, 1060
 Воротников П. М. — 552, 605, 996, 1010, 1011, 1016, 1019
 Всеволожский В. Н. — 497, 1046
 Высотский М. Т. — 995

 Гайдн Й. — 993
 Галкин Н. В. — 766, 1034
 Галковский К. М. — 766, 810, 1033, 1052
 Гаук В. — 998
 Гедике А. Ф. — 586, 837, 1033
 Геккер П. — 1063
 Ген Ю. — 1042
 Геништа И. И. — 260, 999
 Геркен Ю. — 841
 Герман Н. — 1002
 Гинзбург И. Д. — 996
 Главач В. И. — 369, 675, 1009, 1012, 1038, 1042
 Глазунов А. К. — 46, 232, 705, 833
 Глинка М. И. — 24, 28, 29, 30, 31, 35, 42, 232, 260, 261, 277, 311, 345, 383, 409, 413, 460, 493, 501, 536, 564, 572, 610, 655, 970, 995, 996, 997, 998, 1000, 1001, 1002,

- 1005, 1015, 1020, 1024, 1028, 1030, 1035, 1066, 1070
- Глиэр Р. М. — 43, 46, 47, 460, 581, 610, 668, 675, 690, 705, 724, 806, 833, 837, 849, 855, 869, 873, 875, 1022, 1042, 1063
- Гнесин М. Ф. — 47, 872
- Голева З. П. — 882
- Голицын Л. Г. — 494
- Голицын С. — 995, 1025
- Головин А. — 690
- Гольденберг Г. А. — 690
- Гольденвейзер А. Б. — 460, 806
- Гонсиорский Г. — 575
- Гот Г. В. — 841
- Гоффман Г. Л. — 1035
- Грачев М. — 1006
- Гречанинов А. Т. — 43, 232, 311, 345, 389, 460, 490, 591, 596, 605, 610, 612, 655, 667, 690, 705, 724, 734, 833, 837, 849, 869, 873, 1000, 1003, 1011, 1022, 1025, 1042
- Гродзкий Б. В. — 605, 668, 849, 873, 899, 1054, 1056, 1064, 1065, 1078
- Гротто-Слепиковский А. — 1059
- Губченко М. — 1062
- Гурилев А. А. — 25, 30, 32, 35, 345, 460, 501, 572, 581, 664, 683, 989, 1012, 1018, 1019, 1020, 1021, 1024, 1025, 1030, 1031, 1032, 1034, 1041, 1043, 1044
- Гурович Б. С. — 1078
- Гуэрча А. — 1060
- Давыдов К. Ю. — 40, 668, 724, 1025
- Далейрак Н. — 1006
- Данилевский М. — 1047
- Данкман Ф. Ф. — 1013
- Даргомыжский А. С. — 24, 28, 29, 41, 45, 232, 249, 261, 277, 278, 302, 311, 340, 345, 460, 493, 494, 497, 501, 523, 572, 605, 610, 645, 683, 700, 996, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1009, 1018, 1020, 1023, 1024, 1026, 1027, 1028, 1034, 1035, 1040, 1046, 1048
- Делюсто С. — 1011, 1034
- Денисов А. К. — 766
- Денисова Н. А. — 1041
- Денц Л. — 1078
- Дерфельдт А. А. — 358, 596, 612, 732, 1011, 1033, 1078
- Дингельштедт Н. — 586
- Диц Ф. — 985
- Дмитриев Н. Д. — 1002, 1017, 1025, 1026, 1028, 1040, 1044, 1058
- Доброхотов А. Д. — 1044
- Долгорукий П. И. — 215
- Долгоруков Н. А. — 1022
- Донауров С. И. — 40, 302, 389, 605, 667, 683, 690, 709, 724, 998, 1002, 1013, 1020, 1022, 1047, 1048
- Дубянский Ф. М. — 15, 17, 18, 140, 982, 984, 985, 986
- Дюбюк А. Н. — 493, 598, 612, 624, 686, 732, 1004, 1005, 1012, 1016, 1017, 1019, 1020, 1035, 1040, 1041, 1047, 1049
- Дютш О. И. — 40, 493, 719, 1020, 1024, 1031, 1078
- Евсеев С. В. — 772
- Егоров А. А. — 999
- Егоров С. В. — 586
- Ермолов А. — 1039
- Есаулов А. П. — 31, 260, 1000
- Жданов В. А. — 1002
- Животов А. С. — 249, 998
- Жилин А. Д. — 17, 23, 140, 217, 981, 984, 985, 986, 987, 989, 991, 995
- Жирковский Б. — 1062
- Жорж С. — 17, 984, 991
- Жучковский Т. В. — 217, 358, 996
- Заремба С. В. — 1048
- Зиринг В. А. — 772, 1052
- Золотарев В. А. — 340, 345, 490, 536, 591, 612, 655, 667, 690, 705, 724, 806, 828, 833, 837, 849, 873, 875, 1002, 1011, 1019, 1020, 1022, 1042, 1056, 1059, 1063
- Зорин А. (Цимбал А. М.) — 605, 810, 1035, 1057, 1072, 1076, 1078
- Зоров М. — 1023
- Зотов А. — 1052
- Зубов Н. В. — 1078
- Иванов М. М. — 853
- Игнатъев И. — 996

- Иконников Н. М. — 1075
 Искюль В. А. — 724, 1059
 Иогель И. — 497
 Ипполитов-Иванов М. М. — 42,
 43, 46, 232, 460, 493, 605, 610, 667,
 705, 789, 833, 849, 851, 1001, 1025

 Кавос К. — 519
 Кажинский В. М. — 1044
 Казанли Н. И. — 596, 1035
 Казимир В. Ф. — 323
 Калининков Вас. С. — 612, 668,
 690, 875, 1045
 Калининков Вик. С. — 311, 667,
 1025, 1044, 1045
 Каменев С. Н. — 869, 899
 Каннобио К. — 78
 Капри Ю. А. — 997
 Карагичев Б. — 882
 Кастальский А. Д. — 586, 690, 1033
 Катуар Г. Л. — 490, 586, 667, 668,
 724, 1033, 1048
 Кашин Д. Н. — 17, 22, 23, 27,
 215, 217, 232, 252, 335, 552, 970,
 971, 984, 989, 994, 995, 1023
 Кашкин В. Д. — 1036
 Кашперов В. Н. — 257, 311, 873,
 1000, 1019, 1022
 Кашперова Е. — 1063
 Квашина С. М. — 734
 Кейль Б. Ф. — 1078
 Кёнеман Ф. Ф. — 667, 705, 837,
 875, 1063
 Киршбаум Н. В. — 1048
 Киселев П. П. — 1056
 Кленовский Н. С. — 335
 Климовский Е. — 1020
 Книппер Л. А. — 1008
 Кобеяцкая-Ильина — 899
 Коваль М. В. — 1008
 Козлов П. А. — 839
 Козловский О. А. — 15, 17, 18, 101,
 113, 127, 980, 984, 993, 995
 Колачевский М. — 1044
 Комаров Г. — 853
 Компанейский Н. — 690
 Контский А. — 564
 Конюс Г. Э. — 591, 705, 837, 1033,
 1034, 1042
 Коптяев А. П. — 853
 Копылов А. А. — 1044

 Корганов Г. О. — 1033
 Корщенко А. Н. — 839, 849, 875,
 1029, 1033
 Корнилов И. — 810, 904, 1039
 Корносевиц И. М. — 1063
 Корсаков Н. А. — 260
 Котляревская Т. — 1079
 Кочетов Н. Р. — 1010
 Кочубей Е. В. — 1022, 1035
 Кравцов Н. Г. — 399
 Краснофавский А. И. — 690
 Крейн А. А. — 806
 Кремье О. — 1078
 Крылов М. А. — 899
 Кузнецов С. В. — 1059
 Кузьминский Г. И. — 596, 1028
 Кушелев-Безбородко Г. А. — 605,
 1010
 Кюи Ц. А. — 45, 232, 261, 311, 460,
 490, 501, 581, 605, 612, 624, 655,
 667, 668, 690, 700, 705, 724, 734,
 789, 816, 837, 849, 869, 971, 1001,
 1013, 1020, 1025, 1036, 1039, 1042,
 1046, 1058

 Лабутин С. К. — 1038
 Ладухин Н. М. — 667, 820, 849
 Лазарев А. В. — 855
 Лапо-Данилевский С — 849
 Ларме А. М. — 1029
 Лашек Ф. О. — 772
 Леви М. — 1079
 Левин М. А. — 1044
 Левитский М. И. — 899, 1048
 Лейковский Г. — 399
 Леонтьев Н. — 596, 675, 1037
 Лермонтов М. Ю. — 1025
 Липаев Ф. А. — 853
 Липатов В. Н. — 1079
 Лисовский Л. — 675, 810, 899, 1036,
 1046, 1056
 Лист Ф. — 1024
 Листов Н. — 1079
 Литандер И. Г. — 217, 278, 994,
 1002, 1003
 Личе Н. — 1036
 Лишин Г. А. — 40, 1035, 1043, 1046
 Лозовой А. Е. — 1018
 Лопухин И. Н. — 591, 1043
 Лурье А. С. — 47, 1000, 1001
 Лучкин П. И. — 335

Лядов А. К. — 668, 705, 1001
Лядов К. Н. — 719
Ляпунов С. М. — 311, 389, 668,
705, 789, 837, 1020
Макаров П. С. — 302, 493, 572,
619, 709, 1000, 1001, 1027, 1031
Малашкин Л. Д. — 1020
Манькин-Невструев Н. А. — 1043
Маренич И. — 1023
Марков В. — 1012
Мартин-и-Солер В. — 991
Мартынов Э. — 1044
Массалитинов К. И. — 690
Маурер Л. — 999
Махотин В. В. — 1050
Мекк Ю. — 1063
Мельгунов Н. А. — 1000
Мервольф Р. И. — 899
Метнер Н. К. — 490, 591, 869, 1000,
1022, 1023, 1035
Мещеринов И. — 1019
Миловский С. — 690, 1045
Мильман М. В. — 586
Мирский Н. А. — 1078
Михайлов А. Н. — 302
Михайлов Д. — 1078
Мишин М. — 1047, 1062
Моношко С. — 345, 690, 1011, 1018,
1044
Морозов Д. В. — 1042
Морской Г. А. — 1033
Мосолюв А. — 998
Муромцевский В. С. — 806, 849,
851, 873
Мусоргский М. П. — 41, 460, 612,
624, 655, 667, 683, 700, 719, 757,
789, 790, 1012, 1018, 1038, 1041,
1046, 1054
М. Ш. — 779
Мысовский П. К. — 1044
Мясковский Н. Я. — 43, 46, 47, 48,
311, 490, 501
Навроцкий А. А. — 1051
Нагаев С. Н. — 1020
Нагель Ю. Э. — 1028
Направник Э. Ф. — 45, 140, 340,
490, 501, 591, 605, 612, 655, 690,
705, 734, 789, 833, 837, 985, 998,
1000, 1008, 1010, 1024, 1025, 1031,
1033

Нарышкин А. — 59
Науман — 340, 1009
Некрасов И. В. — 839, 851
Неплюев Н. — 1013
Николаев Д. — 1078, 1079
Ноллинский Н. М. — 1002
Норов Н. Н. — 232, 997
Обухов А. — 1065
Огарев Н. П. — 501, 581, 1012,
1025, 1032
Одоевский В. Ф. — 260
Одолев В. — 586
Оленин А. А. — 1032
Оппель А. А. — 1059
Орлов В. М. — 302, 904
Орловский А. П. — 675, 690, 1051
Осин Н. — 1059
Остроглазов М. — 904
Офросимов М. Н. — 369, 686, 1033,
1036, 1048
Пабст П. А. — 1048
Паннев С. Г. — 596
Панченко С. — 667, 1042
Парамонов В. А. — 675
Паскуа А. — 732, 1024, 1027
Пасхалов В. Н. — 40, 490, 581, 605,
668, 709, 806, 1031, 1046
Пауфлер К. Н. — 1024, 1025, 1046
Пахиопуло Г. К. — 894
Пашкевич В. А. — 78, 85, 101, 991
Пергамент В. Г. — 1042
Перроте М. — 1078
Песков Н. А. или П. А. — 39, 1037,
1046
Петерсон П. — 1039
Петров А. — 591, 851, 998, 1060
Петров К. — 1060
Петров Л. — 1013
Петров П. Д. — 1047
Пиликин Н. В. — 1050
Плещеев А. А. — 28, 42, 232, 996
Подгорецкий Б. В. — 591, 690, 849,
1029
Полонский С. В. — 1006
Померанцев Ю. — 591
Постовский К. — 1056
Потоловский Н. — 772, 1042
П. Р. — 779
Прач И. — 16, 971, 984
Прейс В. И. — 904, 1033

- Пригожий Я. Ф. — 612, 709, 724, 816, 849, 1035, 1044, 1048, 1058, 1068, 1078
 Прозоровский Б. А. — 1078, 1079
 Прокофьев С. С. — 43, 48, 501, 724
 Прокушинский И. — 841
 Прохоров Я. В. — 591, 810
- Радин Л. П. — 39, 1060
 Разговоров М. — 853
 Размадзе А. С. — 369, 619, 1012
 Ракитин Н. — 1044
 Рамазанов — 732
 Раупах — 59, 82
 Рахманинов А. А. — 1010, 1019, 1035
 Рахманинов С. В. — 29, 42, 43, 46, 47, 48, 389, 460, 490, 591, 605, 612, 624, 655, 667, 724, 789, 806, 833, 837, 849, 869, 872, 873, 1000, 1001, 1015, 1018, 1022, 1023, 1033, 1056, 1062
 Рачинский И. М. — 369, 806, 869, 1012
 Рашевская А. Г. — 39, 1039, 1051
 Ребиков В. И. — 302, 345, 490, 591, 605, 612, 667, 705, 724, 772, 837, 869, 1000, 1001, 1010, 1013, 1020, 1022, 1046
 Рейснер-Куманина З. А. — 724, 1035
 Ренчицкий П. Н. — 591, 800, 806, 855, 873, 1042
 Речунов М. П. — 853, 1042, 1058
 Ржевская Н. С. — 1044
 Ривкин Г. А. — 39, 1064
 Ригельман А. Р. — 1042
 Рик Ю. — 1079
 Римский-Корсаков Н. А. — 29, 42, 44, 45, 261, 460, 501, 591, 612, 619, 667, 690, 705, 1001, 1020, 1023, 1025, 1032, 1034, 1041, 1042
 Розенов Э. — 806
 Ролов М. Ф. — 772, 1043, 1052
 Ротина В. — 1033
 Рубинштейн А. Г. — 24, 44, 140, 232, 261, 399, 460, 493, 501, 586, 605, 619, 667, 668, 705, 806, 837, 839, 996, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1018, 1019, 1023, 1024, 1025, 1032, 1033, 1042, 1043, 1058
- Рукин П. — 1056
 Рупин И. А. — 22, 24, 27, 277, 1002, 1008, 1012, 1070
 Рупини — см. Рупин
- Сабурова В. А. — 546, 1004
 Самойлов А. С. — 1058
 Сартн Дж. — 78, 101
 Сасс-Тисовский Н. А. — 724, 873
 Сац И. А. — 591, 668, 1022, 1044
 Свешников А. В. — 1063
 Свиридов Г. В. — 501
 Семенов В. П. — 853
 Сенигов С. — 335
 Сенилов В. — 869
 Сидельников Н. Н. — 772
 Сидорович К. С. — 645, 1041
 Симон А. Ю. — 1033, 1042, 1058
 Сихра А. О. — 995
 Скрипичин Г. — 700
 Слонов М. А. — 612, 705, 839, 1000, 1033, 1038, 1075
 Смирнский А. — 1059
 Сокальский П. П. — 39, 369, 591, 605, 619, 1012, 1051
 Сокол И. — 855
 Соколов В. Т. — 40, 369, 383, 493, 596, 598, 605, 610, 612, 619, 645, 690, 700, 709, 1002, 1012, 1016, 1017, 1018, 1019, 1020, 1027, 1029, 1030, 1034, 1044, 1046, 1047
 Соколов Н. А. — 311, 490, 586, 668, 724, 734, 789, 1002, 1022, 1043, 1044, 1049
 Соколов С. — 873
 Соколов Ф. — 598, 732
 Соколовский Б. М. — 1033
 Соколовский М. М. — 991
 Соколовский Н. Н. — 1019, 1020
 Соловьев Н. Ф. — 399, 705, 1013, 1027, 1042
 Соломирский Д. П. — 596
 Солуха В. П. — 1051, 1059
 Сорокин С. — 1048
 Сорохтин Н. И. — 1047
 Спендиаров А. А. — 624, 705, 837, 1038, 1060
 Спиро А. А. — 1022, 1048
 Станюкович А. — 572
 Столыпин Д. А. — 564
 Стравинский И. Ф. — 43
 Стрельников — 667

- Танеев А. С. — 232, 311, 572, 667, 705, 873, 894, 1055
Танеев С. И. — 43, 46, 47, 340, 389, 460, 490, 591, 596, 605, 624, 667, 1024, 1035
Тарновская Е. П. — 596
Тарновский А. К. — 820, 1046, 1048
Таскин А. В. — 853, 1054, 1058, 1060, 1063
Теплов Г. Н. — 13, 14, 17, 59, 975, 978, 990
Теппер де Фергюсон Г. — 277
Терещенко Н. С. — 837
Тидеман К. М. — 849, 904, 1042, 1043
Титов В. П. — 9
Титов Н. А. — 25, 302, 395, 501, 556, 999, 1025, 1026, 1029
Титов Н. С. — 25, 260, 278, 999, 1000, 1001
Титов С. — 519
Толоконников В. — 1062
Толстая А. — 1025
Толстая Т. К. — 1033, 1079
Толстой С. Л. — 591, 875
Толстой Ф. М. — 550
Транлин С. А. — 841, 849, 853, 1033
Тразто — 85
Трутовский В. Ф. — 15, 981
Туренков А. Е. — 1060
Турищев А. С. — 1063
Тюменев П. — 734
- Урусов С. С. — 719
Усатов Д. А. — 1035
- Ф. А. К. — 779
Федоров В. А. — 816, 1033
Федоров П. С. — 1079
Федоровская М. А. — 1062
Фельдман Я. Л. — 1078
Филлиповский Н. — 1037, 1044
Фитингоф-Шель Б. А. — 572, 1045
Фогт И. — 1075
Фольборг Г. А. — 1034
Фомин Б. И. — 1079
Фрейтаг А. — 591
Фролов М. О. — 1063
- Хандошкин И. Е. — 983, 991
Харито Н. И. — 1048, 1078
- Хорошевич-Терницкий В. Д. — 810
Христианович Н. Ф. — 1033
- Цехановский В. — 1070
- Чайковский П. И. — 29, 41, 42, 44, 45, 113, 261, 389, 490, 493, 501, 581, 591, 596, 605, 612, 655, 667, 668, 683, 705, 724, 734, 833, 849, 850, 999, 1013, 1015, 1022, 1023, 1033, 1034, 1035, 1036, 1041, 1042, 1043, 1046, 1048, 1050, 1058, 1059
Чарнова А. И. — 806
Черепнин Н. Н. — 311, 490, 591, 624, 667, 690, 705, 772, 789, 894, 1022, 1042, 1044, 1046, 1052
Черно-Иванов М. — 853
Чернов И. И. — 1059
Чернявский А. Н. — 690, 772, 810, 1052, 1058
Чесноков П. Г. — 335, 490, 591, 605, 612, 619, 690, 724, 800, 833, 837, 873, 875, 1038, 1042, 1045, 1052
Чигирь О. Ф. — 1033
Чугринов П. — 1042
Чумакова Е. — 1042
- Шапорин Ю. А. — 47
Шашина Е. — 30, 1025, 1056
Шведов К. — 705
Шель Б. А. — см. Фитингоф
Шенинг Г. — 575
Шенк П. П. — 800, 1002, 1003, 1033
Шепелевский А. — 806
Шереметьев Б. — 1022, 1042
Шереметьев С. В. — 181
Шефер А. Н. — 369, 586, 675, 690, 724, 1015, 1022, 1029, 1042, 1048, 1054, 1058
Ширяев Н. — 873, 1033
Шишкин М. Д. — 709, 1047, 1048, 1056
Шольц Н. — 1046
Шостакович Д. И. — 501
Шпарварт А. — 998
Шпачек В. И. — 369, 853, 1033
Штейнберг М. О. — 724
Штейнман С. А. — 899
Штейн-Манфред — 1060

- Штольц М. Ф. — 1061
Штуцман С. Н. — 732, 1049
Шуман Р. — 1036
- Щербачев А. В. — 490, 564, 591,
605, 724
Щербачев Н. В. — 668, 1020
Щиглев М. — 1050
Щуровский П. А. — 800, 998, 1029
- Эбель И. — 724
Энгель Ю. Д. — 47, 1033, 1034,
1043, 1062
Эренберг В. — 1063
Эрлангер Г. — 675
- Юкельсон Е. — 1059
Юон П. — 1033
Юрьев Е. — 1044
Юферов С. В. — 358, 591, 849, 1042,
1046, 1048, 1058
- Яворский Б. — 869
Якимов И. Н. — 1044
Яковлев И. Н. — 1063
Яковлев Л. А. — 853
Яковлев М. — 1073
Яковлев М. Л. — 24, 101, 232, 260,
277, 278, 402, 1000, 1002, 1003
Яницкий Н. — 1048

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 64 и 65.* Титульный лист сборника песен с музыкой Г. Н. Теплова (СПб., 1759).
2. *С. 87.* Титульный лист 2-го издания сборника песен М. И. Попова (СПб., 1768).
3. *С. 149.* Титульный лист песенника, составленного И. И. Дмитриевым (М., 1796).
4. *С. 219.* Песня «Чернобровый, черноглазый...» (слова А. Ф. Мерзлякова, музыка Д. Н. Кашина). «Журнал отечественной музыки на 1806 год», с. 7.
5. *С. 269.* Запись музыки неизвестного автора к песне Земфиры из поэмы «Цыганы». Рукопись конца 1820-х — начала 1830-х годов; «Цыганская песня. Соч. Пушкина». Фонограммархив Института русской литературы АН СССР.
6. *С. 375.* Титульный лист «Музыкального альбома на 1832 год».
7. *С. 419.* Обложка сборника песен Н. Г. Цыганова (М., 1834).
8. *Между с. 848 и 849.* Обложка сборника песен М. И. Ожегова (М., 1901).
9. *На обороте.* Обложка отдельного издания романса на слова стихотворения Е. А. Буланиной «Под впечатлением „Чайки“ Чехова», СПб. [б. г.].

СОДЕРЖАНИЕ

Песни и романсы русских поэтов. <i>Вступительная статья В. Е. Гусева</i>	5
--	---

I

XVIII ВЕК

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

1. За Могилую Рябою	52
2. Плачет пастушок в долгом ненастьи	53
3. Кто крепок, на бога уповая	54

В. К. ТРЕДНАКОВСКИЙ

4. Стихи похвальные России	56
5. Песенка любовна	57
6. Плач одного любовника, разлучившегося с своей милой, которую он видел во сне	58

А. П. СУМАРКОВ

7. «О места, места драгие!..»	60
8. «Знать, судьба мне так судила...»	62
9. «Где ни гуляю, ни хожу...»	63
10. «Лишив меня свободы...»	64
11. «Негде, в маленьком леску...»	65
12. «Уже восходит солнце, стада идут в луга...»	66
13. «Знаю, что стыдишься и крепишься молвить...»	67
14. «Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...»	67
15. «Клав искать себе стал места...»	68
16. «К тому ли я тобой, к тому ли я пленилась...»	69

17. «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...»	70
18. «Позабудь дни жизни сей...»	71
19. «Сокрылись те часы, как ты меня искала...»	72
20. «Ты сердце полонила...»	73
21. Хор сатир	73
22. «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой...»	74
23. «Чем тебя я оскорбила. .»	75
24. «Прости, моя любезная, мой свет, прости...»	76
25. «Не терзай ты себя...»	76

М. В. ЛОМОНОСОВ

26. «Ночною темнотою...»	79
27. Преложение псалма 145	80

М. М. ХЕРАСКОВ

28. Песенка («Что я прельщен тобой...»)	82
29. «Вид прелестный, милы взоры!...»	83
30. Птичка	84

М. И. ПОПОВ

31. «Как сердце ни скрывает...»	86
32. «Достигнувши тобою...»	86
33. «Что сердце устрашало...»	88
34. «Полюбя тебя, смущаюсь...»	89
35. «Ты желал, чтоб я любила...»	90
36. «Окончай бесплодные мысли...»	91
37. «Под тению древесной...»	92
38. «Всё, что сердце ни терзало...»	93
39. «Чем грозил мне рок всечасно...»	94

И. Ф. ВОГДАНОВИЧ

40. Песня («Пятнадцать мне минуло лет...»)	97
41. «У речки птичье стадо...»	98
42. Песня («Много роз красивых в лете...»)	100

Г. Р. ДЕРЖАВИН

43. Кружка	101
44. Заздравный орел	103
45. Пчелка	104
46. Мечта	105
47. Хмель	105

В. В. КАПНИСТ

48. Неверность	107
49. Чижик	108
50. На смерть Юлии	109

51. Старость и младость	110
52. Потеря дня	111

П. М. КАРАБАНОВ

53. «Ох! Как-то мне жить!..»	113
54. «Гренадеры, молодцы!..»	115

Н. П. НИКОЛЕВ

55. «Престань источник слезный!..»	118
56. Русская песня («Вечерком румяну зорю!..»)	119
57. «Полно, сизенький, кружиться!..»	122
58. «Душеньки часок не видя!..»	123

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

59. «Ох! тошно мне!..»	127
60. «Ты велишь мне равнодушным!..»	128
61. «У кого душевны силы!..»	129
62. «Милая вечер сидела!..»	130
63. «Выду я на реченьку!..»	130

Н. М. КАРАМЗИН

64. Веселый час	133
65. Прости	134
66. К соловью	135
67. «Мы желали — и свершилось!..»	136
68. Песня («Нет, полно, полно! впрдь не буду!..»)	137

Н. И. ДМИТРИЕВ

69. Наслаждение	141
70. «Стонет сизый голубочек!..»	141
71. «Ах! когда б я прежде знала!..»	142
72. «Тише, ласточка болтлива!..»	143
73. «Птичка, вырвавшись из клетки!..»	144
74. Элегия («Коль надежду истребила!..»)	145
75. «Пой, скачи, кружись, Параша!..»	145
76. «Всех цветочков боле!..»	146
77. «Куда мне, сердце страшно!..»	147
78. Песня («Юность, юность! веселися!..»)	148
79. «О любезный, о мой милый!..»	148
80. «Что с тобою, ангел, стало?..»	150

Н. А. КРЫЛОВ

81. Мой отъезд. Песня	152
---------------------------------	-----

Д. И. ВЕЛЫШЕВ-ВОЛЫНЦЕВ

82. Песня («Здесь, под тенью древ ветвистых!..»)	155
--	-----

И. С. ГАГАРИН

83. Песня («В поднебесье раздается...») 157
84. Неман 159

Г. А. ХОВАНСКИЙ

85. Песня («Ах! луга, луга зелены...») 162
86. Деревенская песня («Я слышал: в Москве пространной...») 163
87. Романс («Намедни в рощице гуляя...») 164
88. Романс («Лейтесь, слезы, вы ручьями!...») 165
89. Незабудочки 166

М. Л. МАГНИЦКИЙ

90. Песня. Моей Катеньке 168

В. Л. ПУШКИН

91. К милой 170

П. Л. ВЕЛЬЯМИНОВ

92. «Ох! вы славные русски кислы щи...» 172

Н. М. ШАТРОВ

93. Песня («Катя в рощице гуляла...») 174

С. МИТРОФАНОВ

94. Песня («За горами, за долами...») 177
95. «Солнце на закате...» 179

И. М. ДОЛГОРУКИЙ

96. «Сколько раз, жестокий, клялся...» 182
97. «Ах! как скучно жить в разлуке...» 182
98. «Без затей, в простом обряде...» 184
99. «Прости! я обнимаю...» 185
100. «Без тебя, моя Глафира...» 186

ПЕСНИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АВТОРАМ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

101. «Уж как пал туман на синем море...» 187
102. «Молчите, струйки чисты...» 188
103. «Не кидай притворных взоров и не тщишь меня смущать...» 189
104. «Размучен страстию презлою...» 190
105. «Сколько грусти и мученья нам бесплодна страсть сулит?...» 192
106. «Во селе, селе Покровском...» 193
107. «Ты проходишь мимо кельи, дорогая...» 194
108. «По горам, по горам...» 194
109. Песенка («Цари! вы светом обладайте...») 196

110.	«Я в пустыню удаляюсь...»	196
111.	Песня («Взвейся выше, понесися...»)	198
112.	«Вечор поздно из лесочку...»	199
113.	«Если б завтра да ненастье...»	200
114.	«Не будите молоду...»	202

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

115.	«Буря море раздымает, ветер волны подымает...»	203
116.	«Лишь только занялась заря и солнце взошло вверх, горя...»	204
117.	«Хоть черна ряса кроет...»	205
118.	«Вниз по матушке по Волге...»	205
119.	«Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи...»	206
120.	«Чем больше скрыть стараюсь...»	207
121.	Журнал любви	207
122.	«Мальбрук на войну едет...»	208
123.	Песня («Волга, реченька глубока!...»)	210
124.	«Как во нынешнем году...»	211

II

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

П. И. ШАЛИКОВ

125.	Русская песня («Нынче был я на почтовом на дворе...»)	215
------	---	-----

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

126.	«Я не думала ни о чем в свете тужить...»	218
127.	«Чернобровый, черноглазый...»	218
128.	Сельская элегия («Что мне делать в тяжелой участи своей?..»)	221
129.	Чувства в разлуке	223
130.	«Меня любила ты — я жизнью веселился...»	223
131.	«Ах, девица, красавица!..»	224
132.	«Ах, что ж ты, голубчик...»	225
133.	Велизарий	225
134.	Песня («Среди долины ровныя...»)	226
135.	«Вылетала бедна пташка на долину...»	228
136.	Соловушка	229
137.	«Не липочка кудрявая...»	230

В. А. ЖУКОВСКИЙ

138.	Тоска по милом. Песня	233
139.	Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	234
140.	Мальвина. Песня	235
141.	Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!..»)	236
142.	Цветок. Романс	236
143.	<Из баллады «Светлана»> («Раз в крещенский вечерок...»)	237

144. Пловец («Вихрем бедствия гонимый...»)	233
145. Песня («Кольцо души-девицы...»)	239
146. Утешение в слезах	241
147. Песня («Минувших дней очарованье...»)	242
148. Ночной смотр	242

Н. Ф. ГРАММАТИН

149. «Ты не плачь, не плачь, красна девица!..»	245
150. «Не шуми ты, погодушка!..»	246
151. «Долго ль, сердце, нам с тобою тосковать?..»	248

Д. В. ДАВЫДОВ

152. Моя песня («Я на чердак переселился...»)	249
153. Песня («Я люблю кровавый бой...»)	251
154. Элегия IV («В ужасах войны кровавой...»)	252
155. Песня старого гусара («Где друзья минувших лет...»)	253
156. Вольный перевод из Парни	254
157. Романс («Не пробуждай, не пробуждай...»)	255
158. И моя звездочка	255
159. На голос русской песни («Я люблю тебя, без ума люблю!..»)	256

К. Н. БАТЮШКОВ

160. Разлука	257
161. Мой гений	259

А. С. ПУШКИН

162. Казак	261
163. Романс («Под вечер, осенью ненастной...»)	263
164. Певец	265
165. Пробуждение	265
166. Черная шаль. <i>Молдавская песня</i>	266
167. Черкесская песня	267
168. Узник	268
169. <Из поэмы «Цыганы»> («Старый муж, грозный муж...»)	270
170. «Ночной зефир...»	270
171. Зимний вечер	271
172. К*** («Я помню чудное мгновенье...»)	272
173. Зимняя дорога	273
174. Талисман	274
175. «Ворон к ворону летит...»	275
176. «Не пой, красавица, при мне...»	275

А. А. ДЕЛЬВИГ

177. Первая встреча	278
178. Песня («Дедушка! — девицы...»)	279
179. Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)	280

180. Романс («Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...») . . .	281
181. Русская песня («Что, красotka молодая...») . . .	282
182. Русская песня («Голова ль моя, головушка...») . . .	283
183. Романс («Прекрасный день, счастливый день!...») . . .	284
184. Романс («Не говори: любовь пройдет...») . . .	284
185. Романс («Только узнал я тебя...») . . .	285
186. Разочарованье . . .	286
187. Песня («Наяву и в сладком сне...») . . .	286
188. Русская песня («Скучно, девушки, весною жнть одной...») . . .	287
189. Русская песня («Пела, пела пташечка...») . . .	288
190. Русская песня («Соловей мой, соловей...») . . .	289
191. Русская песня («Сиротинушка, девушка...») . . .	290
192. Русская песня («И я выйду ль на крылечко...») . . .	290
193. Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит...») . . .	291
194. Русская песня («Как у нас ли на кровельке...») . . .	291

Н. М. ИБРАГИМОВ

195. Русская песня. <i>Подражание польской.</i> («Вечерком красна девица...») . . .	293
196. Русская песня («Во поле березонька стояла...») . . .	294

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

197. «Не бушуйте, ветры буйные...» . . .	295
198. «Солнце красное! оставь ты небеса...» . . .	296
199. Бедная Дуня («Ах, не лебедь ходит белая...») . . .	297

Д. П. ГЛЕБОВ

200. «Увянет без солнышка...» . . .	299
201. «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...» . . .	300

П. А. ВЯЗЬМСКИЙ

202. Песня («Собирайтесь, девки красны...») . . .	303
203. Слеза . . .	303
204. Еще тройка («Тройка мчится, тройка скачет...») . . .	304

А. Х. ДУРОП

205. Казак на родине. <i>Романс</i> . . .	306
---	-----

П. Д. БВАНЧИН-НИСАРЕВ

206. «Тебя забыть! — н ты сказала...» . . .	309
207. «Ты грустишь, твой взор тоскливый...» . . .	310

В. А. БАРАТЫНСКИЙ

208. К Алине . . .	312
209. Разуверение . . .	312

210. Песня («Страшно воет, завывает...»)	313
211. К . . . о («Приманкой ласковых речей...»)	314
212. Песня («Когда взойдет денница золотая...»)	314

П. А. КАТЕНИН

213. «Отечество наше страдает...»	316
214. Любовь	317

С. Т. АКСАКОВ

215. Уральский казак. (<i>Истинное происшествие</i>)	318
--	-----

В. ГОЛОВИН

216. Песня («Рано, солнышко, играешь...»)	320
---	-----

П. М. КУДРЯШОВ

217. «Как цветочек от засухи...»	321
--	-----

К. Ф. РЫЛЕЕВ

218. Смерть Ермака	323
219. Элегия («Исполнились мои желанья...»)	326
220. Стансы («Не сбылись, мой друг, пророчества...»)	326

К. Ф. РЫЛЕЕВ И А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

221. «Ах, где те острова...»	328
222. «Ты скажи, говори...»	329
223. «Ах, тошно мне...»	330
224. «Царь наш — немец русский...»	332
225. «Как идет кузнец да из кузницы. Слава!..»	334

Ф. Н. ГЛИНКА

226. Подоконье (<i>С богемского</i>)	336
227. Сон русского на чужбине	336
228. Песнь узника	337
229. Завейные следы	338
230. Призыв	339

Н. И. ЯЗЫКОВ

231. «Кто за бокалом не поет...»	341
232. Гимн («Боже! вина, вина!..»)	341
233. Песня («Из страны, страны далекой...»)	342
234. Песня («Когда умру, смиренно совершите...»)	343
235. Песня («Разгульна, светла и любовна...»)	343
236. Пловец («Нелюдимо наше море...»)	344

И. И. КОЗЛОВ

237. Добрая ночь 345
238. Ирландская мелодия («Луч ясный играет на светлых водах...») 348
239. На погребение английского генерала сира Джона Мура . 348
240. <Из «Невесты абидосской»> («Любовник розы — соловей...») 349
241. Вечерний звон 350
242. Ирландская мелодия («Когда пробьет печальный час...») 351
243. Тревожное раздумье 352

Е. В. АЛАДЬИН

244. «Солнце скрылось за горами...» 354

М. А. ДМИТРИЕВ

245. «Сын бедный природы...» 356

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

246. Песнь грека 358
247. Песнь Клары 360
248. Песнь Маргариты 360

С. П. ШЕВЫРЕВ

249. Мой идеал 363
250. Супруги. (*Военная песня*) 364
251. Цыганская песня («Добры люди, вам спою я...») . . . 365
252. Цыганская пляска 366

Н. М. БОНШИН

253. Песня («Век юный, прелестный...») 367

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

254. Песнь пленного ирокезца 369
255. «Зачем задумчивых очей...» 371
256. Черная коса 371
257. «У меня ль, молодца...» 372
258. «Там, на небе высоко...» 373
259. Грусть 374
260. Сарафанчик 376
261. Русская песня («Разлюби меня, покинь меня...») . . 377
262. Отчаяние 378

В. П. ПАНАЕВ

263. Расставанье 379

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

264. Птичка 382

П. Г. ОБОДОВСКИЙ

265. Русская песня («Ты не плачь, не тоскуй...») 383
266. Песня («Не плачь, не плачь, красавица...») 384

С. Е. РАИЧ

267. Друзьям 386

А. С. ХОМЯКОВ

268. <Из трагедии «Ермак»> («О чем, скажи, твое стенанье...») 389
269. «Подвиг есть и в сраженьи...» 390

Ф. АЛЕКСЕЕВ

270. «Меня покинули желанья...» 391

Д. В. РАЕВСКИЙ

271. Романс («Что грустишь ты, одинокой...») 392

Б. М. ФЕДОРОВ

272. «Что мне нужды...» 393
273. Сельская песня («Что ты рано, моя пташечка...») 394

Д. П. ОЗНОВИШИН

274. «Когда в пленительном забвеньи...» 395
275. К*** («Зачем на краткое мгновенье...») 396
276. Чудная бандура 396

А. П. ПОДОЛННСКИЙ

277. Индейская песня («Катитесь, волны...») 399
278. Русская песня («Что в сыром бору от солнышка...») 400

М. Л. ЯКОВЛЕВ

279. Русская песня («Солнце красное взошло на небеса...») 402

Ф. Н. СЛЕПУШКИН

280. Поселянка за прялкой. (*Сельская русская песня*) 404

М. Д. СУХАНОВ

281. «Красна девица сидела под окном...» 407
282. «Что ты, девица, невесело сидишь?...» 407

А. КОРСАК

283. Песня («Я пойду косить...») 409

И. И. ВЕТТЕР

284. Иртыш 411

С. Г. ГОЛИЦЫН

285. Скажи, зачем 413

Н. Г. ДЫГАНОВ

286. «Не сиди, мой друг, поздно вечером...» 417
287. «Ах, спасибо же тебе...» 418
288. «Что ты рано, гравушка...» 420
289. «Не сокол летит по поднебесью...» 421
290. «Не кукушечка во сыром бору...» 422
291. «Рассудите мне, люди добрые...» 423
292. «Что ты, соловешко...» 424
293. «Ох, болит...» 425
294. «Не шей ты мне, матушка...» 426
295. «Что это за сердце...» 428
296. «Смолкни, пташка-канарейка!...» 429
297. «Красен в полях, цветен в лугах...» 429
298. «Жавороночек на проталинке...» 431
299. «Что это за пташечка...» 432
300. «Не туманами, не мглой...» 433
301. «Ах ты время, времечко...» 434
302. «Ты подуй, подуй...» 435
303. «Без поры да без времени...» 436
304. «По пблю, пблю чистому...» 437
305. «Я посею, молоденька...» 439
306. «Рано, рано вы, лазоревы цветы...» 440
307. «Ах, не пташечка...» 440
308. «Ах, чарка моя...» 442
309. «Лежит в поле дороженька...» 443
310. «При долинушке береза...» 444
311. «Брезжит месяц молодой...» 445
312. «Ахти! беда-неволюшка...» 447
313. «Ах, не звездочка сияет...» 448
314. «Полетай, соловешко...» 449
315. «Ах, об чем, голубка Маша...» 450
316. «Перелетная пичужечка...» 451
317. «Ах ты, ночка моя, ноченька...» 451
318. «Течет речка по песочку...» 452
319. «Ночь осенняя, хоть глаза коли, темна!...» 453
320. «Ах ты, рошица!...» 454
321. «Каркнул ворон на березе...» 455
322. «У соловушки одна песенка...» 456
323. Русская элегия («Сизокрылый голубочек...») 457
324. «Хороша ты, красна девушка...» 458
325. «Ах, молодость, молодость!...» 459

А. В. КОЛЬЦОВ

326. Люди добрые, скажите.	461
327. «По-над Доном сад цветет. . .»	461
328. Кольцо. <i>Песня</i>	462
329. Песня старика	463
330. Песня («Ты не пой, соловей. . .»)	464
331. «Не шуми ты, рожь. . .»	465
332. Глаза <i>Русская песня</i>	466
333. Перстень	466
334. <Из стихотворения «Косарь»> («Ах ты, степь моя. . .»)	467
335. Первая песня Лихача Кудрявича	468
336. Раздумье селянина	470
337. Горькая доля	470
338. Русская песня («Ах, зачем меня. . .»)	471
339. Последний поцелуй	472
340. Русская песня («В поле ветер веет. . .»)	474
341. Хуторок. <i>Русская песня</i>	474
342. «Что ты спишь, мужичок? . . .»	477
343. Русская песня («Не скажу никому. . .»)	479
344. Русская песня («Так и рвется душа. . .»)	479
345. Разлука	480
346. Грусть девушки	481
347. Русская песня («Я любила его. . .»)	482

А. И. ОДОВЕСКИЙ

348. Славянские девы	483
--------------------------------	-----

М. А. ВЕСТУЖЕВ

349. «Что не ветер шумит во сыром бору. . .»	485
--	-----

А. А. ВЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

350. <Из повести «Испытание»> («Скажите мне, зачем пылают розы. . .»)	486
351—352. <Из повести «Аммалат-Бек»>	
1. «На Казбек слетелись тучи. . .»	487
2. Смертные песни	488

Ф. И. ТЮТЧЕВ

353. Весенние воды	491
354. «Слезы людские, о слезы людские. . .»	491
355. К. Б. («Я встретил вас — и всё былое. . .»)	491

Е. П. РОСТОПЧИНА

356. Когда б он знал!	494
357. «Дайте крылья мне перелетные. . .»	495
358. Слова для музыки («И больно, и сладко. . .»)	495

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

359. <Из повести в стихах «Муромские леса» («Что отуманилась, зоренька ясная...») 498

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

360. <Из романа «Последний Новик» («Сладко пел душа-соловушка...») 499

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

361. Ангел 502
362. Парус 503
363. Тростник 503
364. Русалка 504
365. Бородино 505
366. Узник 508
367. Молитва 509
368. И скучно и грустно 509
369. Воздушный корабль (*Из Цедлица*) 510
370. Соседка 511
371. Тучи 513
372. Казачья колыбельная песня 513
373. Из Гете 514
374. «Выхожу один я на дорогу...» 515
375. Сон 515
376. Тамара 516
377. «Нет, не тебя так пылко я люблю...» 518

А. А. ШАХОВСКОЙ

378. <Из драмы «Двумужница» («Вверх по Волге с Нижня города...») 519

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

379. «Русский император...» 521

А. В. ТИМОФЕЕВ

380. Тоска по отчизне 523
381. Предчувствие 524
382. Свадьба 525
383. Соловей 526
384. Разлука 527
385. Пираты 528
386. Выбор жены 529
387. Тоска 529
388. Борода 530

А. П. СЕРЕБРЯНСКИЙ

389. Вино 532

В. И. ТУМАНСКИЙ

390. Песня («Любил я очи голубые...») 534
391. Дева 535

И. П. МЯТЛЕВ

392. Плавающая ветка 536
393. Фонарики 537
394. Звезда 540

Н. Ф. ПАВЛОВ

395. Романс («Не говори ни да, ни нет...») 542
396. Романс («Она безгрешных сновидений...») 543
397. «Не говори, что сердцу больно...» 544
398. «Надуты губки для угрозы...» 545

И. П. ЕРШОВ

399. Молодой орел 546
400. <Из драматической повести «Фома Кузнец»> («Вдоль
по улице широкой...») 548

Ф. А. КОНИ

401. Гондольер 550

В. И. КРАСОВ

402. Песня («Взгляни, мой друг, — по небу голубому...») . . . 552
403. Песня («Прочь, прочь, ни слова!...») 553
404. Стансы («Спать пред тобой я стою очарован...») . . . 554
405. Первая любовь 554

М. А. ОФРОСИМОВ

406. Коварный друг 556

Е. П. ГРЕВЕНКА

407. Казак на чужбине (*Украинская мелодия*) 559
408. Почтальон 559
409. Песня («Молода еще девица я была...») 560
410. Черные очи 561

НИРКОМСКИЙ

411. Русская песня («Матушка, голубушка...») 562

Н. В. БУКОЛЬНИК

412. Сомнение 565
413. Жаворонок 565
414. <Из драмы «Князь Даниил Васильевич Холмский»> («Ходит ветер у ворот...») 566

В. С. МЕЖЕВИЧ

415. <Из драмы «Артур, или Шестнадцать лет спустя»> («Что за жизнь моряка!..») 567
416. Русские песни («Что за песни, что за песни...») 568

С. И. СТРОМИЛОВ

417. Ожидание 570
418. «То не ветер ветку клонит...» 571

Э. И. ГУБЕР

419. На покой 572
420. Сердце 573
421. Новгород 573

В. А. СОЛЛОГУВ

422. Серенада («Закинув плащ, с гитарой под рукою...») 575

Н. АНОРДИСТ

423. Тройка («Гремит звонок, и тройка мчится...») 577

Л. Н. ИБРАГИМОВ

424. «Ты душа ль моя, красна девица!..» 579

Н. П. ОГАРЕВ

425. Деревенский сторож 581
426. Кабак 582
427. Дорога 583
428. Изба 583
429. Арестант 584
430. <Из поэмы «Забутье»>. («Из за матушки за Волги...») 585

И. С. ТУРГЕНЕВ

431. Баллада 586
432. В дороге 587
433. Весенний вечер 588

И. С. МОЧАЛОВ

434. «Ах ты, солнце, солнце красное!..» 589
435. «Старый бор, черный бор!..» 590

А. А. ФЕТ

436. «На заре ты ее не буди...» 592
437. «Не отходи от меня...» 592
438. «О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...» 593
439. «Только станет смеркаться немножко...» 593
440. Опять 594
441. Романс («Я тебе ничего не скажу...») 594

И. Ф. ЩЕРБИНА

442. Моряк 596
443. Южная ночь 597

А. А. ГРИГОРЬЕВ

444. К *** («Мой друг, в тебе пойму я много...») 599
445. «Тихо спи, измученный борьбою...» 599
446. «С тайною тоскою...» 600
447. «О, говори хоть ты со мной...» 600
448. <Из стихотворения «Цыганская венгерка»> («Две гитары,
зазвев...») 601

III

СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

Я. П. ПОЛОЦКИЙ

449. Вызов 606
450. Затворница 606
451. Песня цыганки 607
452. «Подойди ко мне, старушка...» 608
453. Узница 609

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

454. «Ты скоро меня позабудешь...» 611
455. «Я всё еще его, безумная, люблю!..» 611

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

456. «Вперед! без страха и сомненья...» 613
457. «По чувствам братья мы с тобой...» 614
458. «Я у матушки выросла в доле...» 614
459. Молчанье 616
460. В последний раз 616

И. Л. МИХАЙЛОВ

461. Гренадеры	620
462. Памяти Добролюбова	621
463. «Крепко, дружно вас в объятья. . .»	622
464. «Смело, друзья! Не теряйте. . .»	623

И. А. НЕКРАСОВ

465. Огородник	624
466. Тройка («Что ты жадно глядишь на дорогу. . .»)	626
467. «Еду ли ночью по улице темной. . .»	628
468. Маша	629
469. Буря	631
470. Несжатая полоса	632
471. <Из стихотворения «Размышления у парадного подъезда» («Назови мне такую обитель. . .»)	633
472. Песня Еремушке	633
473. <Из стихотворения «Похороны»> («Меж высоких хлебов затерялся. . .»)	636
474—475. Из поэмы «Коробейники»	
1. «Ой, полна, полна коробушка. . .»	637
2. «Хорошо было детинушке. . .»	638
476. «В полном разгаре страда деревенская. . .»	639
477. <Из стихотворения «Железная дорога»> («Добрый па- паша! К чему в обаянии. . .»)	640
478. Катерина	641
479. В гору (<i>Бурлацкая песня</i>)	642
480. Веселая	643

Ф. В. МИЗЛЕР

481. Погребение разбойника	645
482. Мне всё равно	647

И. И. ПИНАЕВ

483. Будто из Гейне	650
-------------------------------	-----

Г. НАЛЫШЕВ

484. Свидание через пятнадцать лет	651
--	-----

И. ВАНЕНКО

485. «Ах, мороз, морозец. . .»	653
--	-----

Л. А. МЕЙ

486. «У соседки сын-молодчик. . .»	656
487. «У молодки Наны. . .»	657
488. «Тягенька-голубчик, где моя родная? . . .»	658
489. Колыбельная песня	659

490. «Хотел бы в единое слово...»	660
491. Песня («Как наладили: „Дурак...“»)	660
492. Зачем?	661

А. Е. РАЗОРЕНОВ

493. Песня («Не брани меня, родная...»)	662
---	-----

И. МАКАРОВ

494. «Однозвучно гремит колокольчик...»	664
---	-----

И. Е. МОЛЧАНОВ

495. «Было дело под Полтавой...»	665
--	-----

А. К. ТОЛСТОЙ

496. «Колокольчики мои...»	668
497. «Средь шумного бала...»	671
498. «Коль любить, так без рассудку...»	672
499. «Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!...»	672
500. «То было раннею весной...»	672
501. Колодники	673

Ж. П. РОЗЕНГЕЙМ

502. Пастухи	676
503. «Не гляди так, девица...»	678
504. <Из поэмы «Повесть про купецкого сына Акима Скворцова и про боярскую дочь»> («Далеко-далеко...»)	678

Н. С. СОКОЛОВ

505. Он	681
-------------------	-----

Н. П. ГРЕКОВ

506. Русская песня («Вьется ласточка...»)	683
507. «Погоди! Для чего торопиться?..»	681
508. «Прощаясь, в аллее...»	685

Н. В. БЕРГ

509. Жалоба девы	686
510. Право, маменьке скажу	687
511. Л. («Ты еще не умеешь любить...»)	688

И. С. НИКИТИН

512. Песня («Зашумела, разгулялась...»)	691
513. «Медленно движется время...»	691

514. Нищий	692
515. «Ехал из ярмарки ухарь-купец...»	693
516. Песня бобыля	695
517. «Вырыта заступом яма глубокая...»	696
518. <Из стихотворения «Хозяин»> («На старом кургане, в широкой степи...»)	696

Л. П. ТОЛСТОЙ

519. «Как четвертого числа...»	697
--	-----

В. С. КУРОЧКИН

520. Как яблочко румян	701
521. Старый капрал	702
522. В разлуке	704

А. Н. МАЙКОВ

523. Весна	705
524. «Ее в грязи он подобрал...»	706
525. Колыбельная песня («Спи, дитя мое, усни!...»)	706
526. Приданое	707

В. В. КРЕТОВСКИЙ

527. «Под душистою ветвью сирени...»	710
528. Владимирка	710
529. «Прости на вечную разлуку!...»	711
530. Полоса	711
531. Ванька-ключник	712

Д. П. ДАВЫДОВ

532. Думы беглеца на Байкале	716
--	-----

А. Н. АММОСОВ

533. Элегия («Хас-Булат удалой!...»)	719
--	-----

А. БЕШЕНЦОВ

534. Романс («Отойди, не гляди...»)	722
---	-----

А. Н. АПУХТИН

535. Chanson à boire	725
536. Минуты счастья	726
537. Любовь	726
538. «Ночи безумные, ночи бессонные...»	727
539. Пара гнедых (<i>Перевод из Донаурова</i>)	727

540. «День ли царит, тишина ли ночная...» 723
 541. <Из стихотворения «Сумасшедший»>. («Да, васильки, васильки...») 729

П. И. ВЕЙНБЕРГ

542. «Он был титулярный советник...» 731

А. Н. АНДРЕЕВ

543. Кокетка 732
 544. Зацелуй меня до смерти! 733

И. З. СУРКОВ

545. Часовой 734
 546. «Что шумишь, качаясь...» 735
 547. «Тихо тощая лошадка...» 736
 548. «В зеленом саду соловушка...» 737
 549. «Эх ты, доля, эх ты, доля...» 738
 550. У могилы матери 739
 551. «Ты, как утро весны...» 741
 552. «Шум и гам в кабаке...» 742
 553. «Сиротой я росла...» 743
 554. «День я хлеба не пекла...» 744
 555. «За окном скрипит береза...» 745
 556. В степи 746
 557. «Я ли в поле да не травушка была...» 748
 558. Швейка 749
 559. Казнь Стеньки Разина 750
 560. «Не грусти, что листья...» 752

А. У. ПОРЕЦКИЙ

561. Пойманная птичка 754

Л. Н. МОДЗАЛЕВСКИЙ

562. Вечерняя заря весною 756

И. И. ГОЛЬЦ-МНЛЕР

563. «Слу-шай!» 757

А. А. НАВРОЦКИЙ

564. Утес Стеньки Разина 759

В. И. БОГДАНОВ

565. Дубинушка 762

Л. Н. ПАЛЬМИН

566. Requiem 764

И. Ф. ФЕДОРОВ-ОМУЛЕВСКИЙ

567. «Если ты странствуешь, путник...» 766

568. «Светает, товарищ!..» 767

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

569. Дубиннушка («По кремнистому берегу Волги-реки...») . . . 768

570. Ямщик 769

С. Д. ДРОЖЖИН

571. Жница 773

572. Сельская идиллия (*Подражание А. В. Кольцову*) 773

573. <Из поэмы «Дуныша»> («Быстро тучи пронесились...») 774

574. Песня («Красна девица, зазноба ты моя!..») 775

С. С. СИНЕГУБ

575. Дума ткача 776

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАСНИК

576. Поминай как звали! 779

577. В остроге 782

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ

578. Песня рабочих 784

Д. А. КЛЕМЕНЦ

579. Доля 786

580. Барка 787

А. А. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

581. В четырех стенах 790

582. «Меня ты в толпе не узнала...» 790

583. Забытый 791

584. Торжество смерти 791

Ф. В. ВОЛХОВСКИЙ

585. Дуда 793

И. Л. ЛАВРОВ

586. Новая песня 795

Г. А. МАЧЕТ

587. Последнее прости... 798

А. В. КРУГЛОВ

588. А из рощи, рощи темной 800

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

589. В дороге 802

П. А. МОИСЕЕНКО

590. «Я хочу вам рассказать...» 804

И. М. МИНСКИЙ

591. Серенада («Тянутся по небу тучи тяжелые...») 807

592. «Она как полдень хороша...» 807

А. А. ОЛЬХИН

593. Дубинушка 808

Н. А. ПАНОВ

594. Травушка-муравушка 811

595. Лучинушка 811

596. «Грозно ходят тучи по небу...» 813

597. Дубинушка («Запоем-ка хоровую...») 814

В. И. НЕМПРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

598. В кузнице 816

599. Умиравший 817

600. «Ты любила его всей душою...» 818

С. Ф. РЫСКИН

601. Удалец 820

602. <Из стихотворения «Бродяга»> («Опускается темная по-
ченька...») 821

Д. Н. САДОВНИКОВ

603. Зазноба 824

604. Песня («Из-за острова на стрежень...») 826

И. К. БОНДРАТЬЕВ

605. Завещание 828

606. Эти очи — темны ночи 829

Ф. П. САВИНОВ

607. Родное 831

К. Р.

608. «Растворил я окно, — стало грустно невмочь...» 834

609. Умер 834

С. Я. НАДСОН

610. Похороны 838

611. «Не говорите мне „он умер“. Он живет!..» 838

И. А. КОЗЛОВ

612. Забыли вы 839

М. Н. СОЙМОНОВ

613. Бабье дело 841

М. П. ОЖЕГОВ

614. Под лесом 844

615. Меж крутых берегов 845

616. Колечко 846

617. Птичка-невольница (*Из народной песни*) 846

Д. М. РАТГАУЗ

618. «Мы сидели с тобой у заснувшей реки...» 850

С. А. САФОНОВ

619. «Это было давно.. Я не помню, когда это было...» . . . 851

В. А. МАЗУРКЕВИЧ

620. Письмо (*Монолог*) 853

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

621. Легенда о Марко 855

М. В. МЕДВЕДЕВ

622. Нет, не любил он 857

Л. П. РАДИН

623. «Смело, товарищи, в ногу!..» 859

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

624. Варшавянка 861
625. Беснуйтесь, тираны 862

П. Г. ГОРОХОВ

626. Доля мастерового 864
627. Изменница 865

Е. А. БУДАННИНА

628. Под впечатлением «Чайки» Чехова 867

В. Я. БРЮСОВ

629. Каменщик 869
630. Крысолов 870

Г. А. ГАЛИА

631. Бур и его сыновья 873
632. «Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...» 874

СКИТАЛЕЦ

633. «Колокольчики-бубенчики звенят...» 876
634. Кузнец 877
635. «Я хочу веселья, радостного пенья...» 878

А. Я. КОЦ

636. Песнь пролетариев 879

В. В. БАШКИН

637. Сосны 882

Я. РЕПНИНСКИЙ

638. «Варяг» 883

Е. М. СТУДЕНСКАЯ

639. Памяти «Варяга» 885

В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

640. Цусима 888
641. Предсмертная песня 890

П. К. ЭДИЕТ

642. На десятой версте от столицы... (*Памяти жертв*
9 января) 892

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИЕ

643. На родине 894

Г. А. РИВКИН

644. «Море в ярости стонало...» 897

В. Д. ВУХАРОВА

645. Ноктюрн 899

С. Е. ГАНЬШИН

646. Товарищам 901

Ф. С. ШЕУЛЕВ

647. Мы кузнецы 902

А. Н. БУДИЦЕВ

648. «Только вечер затеплится синий...» 904

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

649. «Долго нас помещики душили...» 906
650. «Славься, свобода и честный наш труд!...» 907
651. «Золотых наших дней...» 907
652. «Не пробуждай воспоминаний...» 910
653. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» 911
654. «По пыльной дороге телега несется...» 911
655. «По диким степям Забайкалья...» 912
656. «Солнце всходит и заходит...» 913
657. Колечко 914
658. Байкал 914
659. «Глухой неведомой тайгою...» 915
660. «Вот мчится тройка почтовая...» 916
661. Дремлют плакучие ивы 916
662. «Далеко в стране Иркутской...» 917

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСЕННЫЕ ПЕРЕРАБОТКИ СТИХОТВОРЕНИЙ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

663. «Последний час разлуки...» 921
664. «Прощайте, ласковые взоры...» 922
665. «Раз полуночной порою...» 922
666. «Вдоль по улице метелица метет...» 923
667. «На лужке, лужке, лужке...» 923
668. «Ехали солдаты...» 924

669.	«По воле летает орел молодой...»	925
670.	«Ревела буря, дождь шумел...»	926
671.	«Проснется день — его краса...»	927
672.	«Вот мчится тройка удалая...»	927
673.	«Между Москвой и Ленинградом...»	928
674.	«Послушай-ка, служивый...»	929
675.	«Не осенний мелкий дождичек...»	929
676.	«Под ракитой склоненной...»	930
677.	«Соловей-соловьюшек...»	931
678.	«Тройка мчится, тройка скачет...»	932
679.	«Быстры, как волны...»	933
680.	«Как на дубе на зеленом...»	934
681.	«Ты, моряк, красивый сам собою...»	934
682.	«Я жила тогда у самой у реки...»	935
683.	Кочегар	936
684.	«Раскинулось море широко...»	938
685.	«Среди лесов дремучих...»	939
686.	«Шумел, горел пожар московский...»	940
687.	«Две гитары за стеной...»	941
688.	«Славное море, священный Байкал...»	942
689.	«Хас-Булат удалой...»	942
690.	«В саду ягодка лесная...»	944
691.	«Что стоишь, качаясь...»	945
692.	«Что стоишь, качаясь...»	946
693.	«Есть на Волге утес — диким мохом порос...»	946
694.	«Сиротой я росла...»	947
695.	«Когда я на почте служил ямщиком...»	948
696.	«Ах ты степь, ты степь!...»	949
697.	«Мучит, терзает головушку бедную...»	950
698.	«Молодым пареньком...»	950
699.	«Уж ты доля, моя доля...»	951
700.	Чудный месяц	952
701.	«Ах, зачем эта ночь...»	953
702.	«Много песен слыхал я в родной стороне...»	954
703.	Красное знамя (<i>Польская рабочая песня «Czerwony sztandar»</i>)	956
704.	«Из-за острова на стрежень...»	957
705.	Похоронный марш	958
706.	«Солнце всходит и заходит...»	959
707.	«Трансвааль, Трансвааль, страна моя...»	959
708.	«Белой акации гроздь душистые...»	961
709.	«В далеком Цусимском проливе...»	961

Примечания 963

Список не включенных в издание популярных бытовых романсов, исполняемых в настоящее время в концертах	1078
Указатель имен авторов текстов	1080
Указатель имен авторов музыки	1085
К иллюстрациям	1093

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский*

ПЕСНИ И РОМАНСЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965, 1120 стр.
Тем. план вып. 1965, № 43

Редактор *Э. В. Померанцева*

Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Колм*. Корректоры *Ф. Н. Аврунина*
и *Г. Л. Черняк*

Сдано в набор 21/VIII 1965 г. Подписано в печать 20/XII 1965 г.
М 60314. Бумага 84×108^{1/32}, № 1. Печ. л. 35—2 вкл. (59,01).
Уч.-изд. л. 50,07. Тираж 35 000 экз. Заказ № 1500. Цена 1 р. 71 к.

Издательство «Советский писатель» Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР,
Красная ул., 1/3

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
59	4 сн.	Арийи	Арайи
511		В примеч. к № 369 по недосмотру составителя не указано, что текст печатается в сокращении: обычно поются первые 12 строф. Стихотворение датируется мартом 1840 г.	
626	14 сн.	провели	привели
749	1 сн.	<1875>	1873 (?)
816	14 сн.	М., 1882;	СПб., 1882;
848	1 сн.	<1900>	<1901>
974	12 св.	2-е изд., 1950;	1-е изд., 1950; 2-е изд., 1952;
1055	12 сн.	«Замученный тяжкой неволей»	«Замучен тяже- лой неволей»
1056	6 св.	Три	Два
1059	13 св.	1892	1891
1065	21—22 св.	опускалась.	— повторение первой.
1067	11 св.	Шестеркин	Шестернин
1108	5 сн.	«Забутье»	«Забытые»

Песни и романсы.

